UNIVERSITY OF TORONTO
3 1761 00324675 8

eller, Aleksandr Konstantinovich
Polnoe sobranie sochinenii
t.3
566
87

ПОЛНОЕ СОБРАНІЕ СОЧИНЕНІЙ

А. К. ШЕЛЛЕРА-МИХАЙЛОВА.

ИЗДАНІЕ ВТОРОЕ

подъ редакціею и съ критико-біографическимъ очеркомъ А. М. Скабичевскаго и съ приложеніемъ портрета Шеллера.

ТОМЪ ТРЕТІЙ.

Приложеніе къ журналу „Нива" на 1904 г.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ
Изданіе А. Ф. МАРКСА.
1904.

PG
3470
S486
1904
t. 3

Артистическое заведеніе А. Ф. МАРКСА, Измайл. пр., № 29.

789437

ЖИЗНЬ ШУПОВА,

ЕГО РОДНЫХЪ И ЗНАКОМЫХЪ.

АВТОБІОГРАФІЯ

ВЪ ДВУХЪ ЧАСТЯХЪ.

Часть первая.

I.

Семейныя преданія и смутныя воспоминанія дѣтства.

«Во времена Іоанна Грознаго въ Россію прибылъ одинъ изъ благородныхъ нѣмецкихъ рыцарей, по прозванію Шупъ, и вступилъ въ русскую службу. У него было шесть сыновей, отъ которыхъ произошли разныя достоуважаемыя дворянскія фамиліи. Судьба послѣднихъ была весьма различна. Въ XVII столѣтіи одна изъ нихъ—а именно Шупениковы—едва не утратила дворянскаго достоинства, такъ какъ ея представитель, поселившійся въ деревнѣ, по крайней бѣдности и незнанію грамоты, попалъ въ крѣпостную зависимость, и только стараніями дальнихъ родственниковъ, случайно узнавшихъ объ его участи, было доказано его настоящее происхожденіе, и его дочери, прямо изъ курной избы, попали въ Смольный монастырь. Другая фамилія — графы Шупинскіе—ополячилась, стала въ непріязненныя отношенія къ своему отечеству и долго навлекала несправедливыя нареканія на своихъ вѣрныхъ отчизнѣ сродниковъ. Третья получила княжескій титулъ и подняла носъ передъ старшею линіею своего рода, даже вздумала хвалиться своимъ старшинствомъ и хитро составила для своихъ цѣлей книжонку, подъ заглавіемъ: «Родъ князей Шупинкиныхъ»; но злокозненная выдумка осталась тщетною: книжонка валяется на толкучемъ рынкѣ, а мы — Шуповы — попрежнему удерживаемъ за собой право считаться—увы! только считаться — первыми, такъ какъ нашъ родъ ведется отъ старшаго сына Шупа безъ перерывовъ, незаконнорожденій и почти безъ измѣ-

ненія трехъ фамильныхъ именъ: Павла, Константина и Андрея. По крайней мѣрѣ, если измѣненія и бывали, даже очень нерѣдко, то каждый разъ, когда въ нашей семьѣ находились налицо представители трехъ именъ, тогда она достигала высшей степени своего процвѣтанія, и мы стали дорожить этими именами, убѣдившись по опыту, что они — извините за мѣщанское выраженіе!—пришлись по-дому. У всѣхъ Константиновъ Шуповыхъ были старшіе сыновья Павлы. У Павловъ — если они не умирали, къ прискорбію родителей, въ дѣтствѣ—были сыновья Константины и Андреи. Андреи оставались холостяками, частію не по своему желанію, или, женившись, умирали бездѣтными. Правда, трое изъ Андреевъ были женаты и имѣли дѣтей, но ихъ браки были неровные, заключенные безъ согласія родителей, и повели только къ семейнымъ распрямъ, окончившимся тѣмъ, что ослушники лишились наслѣдства. Одно подобное дѣло съ ослушнымъ Андреемъ, происками послѣдняго, дошло до свѣдѣнія правительства, тянулось десятки лѣтъ, пережило ослушника и его дѣтей, умершихъ въ нищетѣ, и покончено тѣмъ, съ чего надо было начать: за неимѣніемъ налицо одной изъ тяжущихся сторонъ, другая была оставлена въ покоѣ, получивъ по праву наслѣдства спорную часть имѣнія. Наше состояніе надолго, можетъ-быть, навсегда, разстроилось этой тяжбою, обогатившею цѣлое поколѣніе судей, подьячихъ и писцовъ... Обыкновенно же по смерти бездѣтныхъ Андреевъ имѣніе переходило къ братьямъ Павламъ, что̀ всегда было кстати, ибо наша дворянская семья не имѣла привычки сколачивать гроши, копить деньгу на черный день. Не получая почему-то особенныхъ денежныхъ наградъ за нашу полезную дѣятельность, непризнанные относительно нашихъ административныхъ и воинскихъ талантовъ, вездѣ обгоняемые выходцами изъ мѣщанъ, подьячихъ и семинаристовъ, обиженные до глубины души пожалованіемъ княжескаго титула красивому Шупинкину, — мы рѣшились поддерживать свое достоинство истинно-дворянскою щедростью и непреклонной гордостью въ столкновеніи со всѣмъ окружающимъ, были ли то какія-нибудь власти, или выскочки въ родѣ Шупинкина, или просто цѣлыя сословія. Шуповы вездѣ являлись доблестными. Въ 1812 году одному изъ нашихъ предковъ удалось прославиться незабвенною услугою, оказанною отечеству. Онъ спасъ до 50 семей мелкопомѣстныхъ дворянъ отъ голодной смерти, поселивъ ихъ въ своей деревнѣ, гдѣ они и прожили до изгнанія Наполеона. Но и

тутъ судьба оказалась къ нему мачихой. Отечество, занятое устройствомъ комитетовъ для раненыхъ, для вдовъ и сиротъ, не наградило ничѣмъ нашего предка; спасенные дворяне отплатили самою черною неблагодарностью, распустивъ на двѣсти верстъ постыдный пасквиль про своего благодѣтеля, и, наконецъ, несчастный страдалецъ былъ принужденъ просить у мѣстныхъ властей защиты отъ собственныхъ крестьянъ... Скверное, господа, было тогда время!.. Сломленный всѣми этими событіями, несчастный Павелъ погибъ во цвѣтѣ лѣтъ съ горькими мыслями о непрочности земной славы, о человѣческой неблагодарности, погибъ мизантропомъ, оставивъ жену съ пятерыми дѣтьми и роялистомъ-гувернеромъ въ крайне затруднительномъ положеніи...»

Такія свѣдѣнія о нашемъ родѣ можно было получить отъ каждаго изъ его наличныхъ членовъ мужескаго и женскаго пола; разница заключалась въ томъ, что въ разсказахъ мужчинъ проявлялось болѣе суровой, такъ сказать, погодинской сжатости, а въ разсказахъ женщинъ преобладала карамзинская наклонность къ истерикѣ. Сущность же повторялась съ такою точностью, что можно было думать о существованіи рукописной лѣтописи. Однако, лѣтописи не имѣлось; вмѣсто нея въ семьѣ хранилась картина, представлявшая родословное дерево, выросшее изъ живота лежащаго на землѣ рыцаря Шупа; эта картина не мало занимала меня въ дѣтствѣ. Разсказы же сохранились въ младенческо-наивной формѣ преданія, что̀ придавало имъ особенную прелесть. Слушая ихъ, невольно вспоминалъ человѣкъ знакомыя слова: «отецъ передавалъ сыну, сынъ своимъ дѣтямъ, и такъ переходило изъ рода въ родъ, покуда люди не развратились...» Вы знаете, что за развращеніемъ послѣдовала письменность. Я первый рѣшился изложить на бумагѣ сущность нашей семейной исторіи и описать подробно ея новѣйшія событія. Это произошло, вѣроятно, отъ того, что я развратился и пересталъ вѣрить въ возможность сохранять историческіе факты въ изустномъ преданіи...

Въ большой гостиной Шуповскаго дома сидѣли господинъ въ военной формѣ, ему было лѣтъ тридцать пять, и женщина лѣтъ шестидесяти, съ довольно свѣжимъ лицомъ, имѣвшимъ особенное свойство не блѣднѣть и не краснѣть въ теченіе всего дня, что дѣйствовало весьма непріятно на свѣжаго человѣка и порождало въ его головѣ странный вопросъ: что̀ таится подъ этой маской? Барыня эта была ста-

рою дѣвственницей, носила фамилію Шуповой и приходилась родной теткой господину, сидѣвшему съ ней въ гостиной, — Константину Павловичу Шупову. Собесѣдники молчали. Мужчина задумчиво чертилъ вензеля на оберткѣ французской книжки, барыня равномѣрно покачивала головой и, подъ тактъ качанью, касалась пальцами до ручки кресла, какъ будто напѣвая въ умѣ какой-то веселенькій и вызывающій на пляску мотивъ. Но это только такъ казалось, бѣдняжка по волѣ судьбы вѣчно находилась въ этомъ положеніи поющей про себя артистки: у нея, со времени непріятностей въ деревнѣ брата Павла, начала отъ испуга трястись голова и съ тѣхъ поръ она всячески старалась скрыть трясеніе, представляя его признакомъ веселаго расположенія духа. Состояніе тѣмъ болѣе непріятное, что съ нимъ соединились страшныя для шуповскихъ сердецъ воспоминанія. Бывало, начнетъ кто-нибудь изъ Шуповыхъ разсуждать о своей любви къ мужикамъ, и взглянетъ случайно на барыню, а она таково весело головкой со стороны на сторону покачиваетъ, да улыбается — ядовито она улыбалась!—и стихнетъ, неизвѣстно почему, сконфуженный ораторъ. Въ минуту, съ которой начинается разсказъ, о подобныхъ разговорахъ не было и помину. Въ домѣ царствовала тишина, люди (т. е. прислуга, пользующаяся исключительною привилегіею носить это названіе) ходили на цыпочкахъ, говорили болѣе руками и глазами, и, можетъ-быть, только гдѣ-нибудь въ отдаленномъ коридорѣ какая-нибудь горничная ругала преобидными словами распрегадкаго лакея за его непрошенные щипки и щекотанья, выражавшіе крайнюю степень галантности всѣхъ русскихъ крѣпостныхъ лакеевъ. Мертвая тишина всегда предшествуетъ живому событію, какъ ночь — дню, какъ сонъ пробужденью; то же было и здѣсь: въ домѣ ожидалось рожденіе человѣка, и не просто такъ себѣ какого-нибудь человѣка-пѣшки, а лица, уже во чревѣ матери предназначеннаго для занятія мѣста въ историческихъ преданіяхъ, короче—рожденіе Шупова.

Въ гостиную неслышными шагами вошелъ докторъ.

— Ну, что? — нетерпѣливо спросилъ Константинъ Павловичъ.

Докторъ важно пожалъ плечами.

— Ждемъ.

— Этому конца не будетъ!

— Вы смѣшны, — замѣтила не безъ ѣдкости барыня. — Это не дѣлается по командѣ.

— Не опасна она? — освѣдомился Шуповъ, не обративъ вниманія на слова тетки.

— О, нѣтъ! — флегматически процѣдилъ докторъ и глубокомысленно посмотрѣлъ на часы, словно что-то соображая.

Ученый мужъ, подобно самымъ простымъ смертнымъ, любилъ и умѣлъ ломаться въ тѣ минуты, когда онъ чувствовалъ, что и онъ есть *нѣчто*, а не ничто.

Всѣ задумались, по всей вѣроятности, объ участи будущаго человѣка и, прилично предмету размышленій, помолчали.

— Однако, это будетъ ужасно! — почти безсознательно воскликнулъ хозяинъ.

— Что ужасно?—спросила тетка.

— Четвертый Павелъ,—неужели и онъ умретъ?

— Можетъ-быть, дѣвочка?—утѣшилъ докторъ.

— Можетъ-быть, очень можетъ-быть, — согласился Шуповъ.—А если мальчикъ? вѣдь это четвертый Павелъ!

— Дайте другое имя, если васъ смущаетъ только оно.

— Это невозможно!

— Почему же?

— Потому что *онъ* долженъ быть Павломъ.

Подъ словомъ *онъ* Шуповъ подразумѣвалъ: мой наслѣдникъ—и въ его головѣ промелькнула достойная всякой похвалы родительская мысль: братъ умретъ, тетка умретъ, дядя умретъ, и все сосредоточится въ нашихъ рукахъ.

— Но отчего же долженъ?—допрашивалъ докторъ.

— Вы, докторъ, этого не поймете, — полунасмѣшливо, полусострадательно произнесла барыня, глядѣвшая на докторишку, навѣрное бывшаго студентишкомъ, свысока, и только въ крайнихъ случаяхъ говорившая съ нимъ. — О перемѣнахъ именъ тутъ не можетъ быть и рѣчи.

Докторъ пожалъ плечами; ему было совершенно неизвѣстно, что съ рожденіемъ Павла должно начаться по шуповскимъ соображеніямъ, основаннымъ на прежнихъ опытахъ, процвѣтаніе семьи.

— Возьми въ крестные отцы перваго встрѣчнаго, — наставительно посовѣтовала тетушка.

— Что же изъ этого будетъ?

— Ребенокъ будетъ жить.

— Глуп...—началъ Константинъ Павловичъ.

— Ты ошибаешься,—холодно прервала тетка нечестивую фразу племянника. — У дѣда Павла умерли два Константина, и когда родился третій, то дѣдъ взялъ въ крестные

отцы перваго встрѣчнаго, и мой отецъ, а твой дѣдъ, остался живъ. Кажется, ты не могъ забыть, такія вещи не забываются!

Шуповъ закусилъ губу, должно быть, почувствовавъ всю справедливость упрека за невниманіе къ преданіямъ и правиламъ жизни, выработаннымъ шуповскою мудростью. И что же было бы, если бы эти правила забылись? Каждый сталъ бы дѣйствовать по своему слабому разумѣнію, принимался бы за все зря, безъ твердаго сознанія, что такой-то его поступокъ требуется самою хранящею насъ судьбою; на землѣ насталъ бы полнѣйшій разладъ. Не такъ поступали Шуповы. Рядомъ съ основательнымъ знаніемъ французскаго языка и завѣтною, хотя и тщетною надеждой попасть ко двору, они принимали отъ отцовъ указанія, какъ поступать въ тѣхъ или другихъ сомнительныхъ случаяхъ жизни, и тѣмъ стяжали въ своемъ кругу должное уваженіе. Всѣмъ шуповскимъ знакомымъ было извѣстно, что Шуповы бросали горсточку соли черезъ плечо лакея, если онъ просыпалъ соль; это дѣйствіе съ отличнымъ успѣхомъ предупреждало ссору, конечно, не съ лакеемъ, — его и безъ ссоры можно было посѣчь,—а съ кѣмъ-нибудь другимъ. На шуповскихъ столахъ никогда не зажигалось разомъ трехъ свѣчей, предвѣстницъ смерти. По журналу шуповскаго дворецкаго можно было усмотрѣть, что Шуповы никогда не отправлялись въ дальній путь по понедѣльникамъ, такъ какъ понедѣльнику самою судьбой назначено быть тяжелымъ днемъ, и, отправляясь въ путь, сначала присаживались всей семьей на нѣсколько минутъ, потомъ же наблюдали, чтобы въ воротахъ никто не попался съ пустой посудиной, какъ-то: съ ведрами, кадками, мисками и т. п. Говорятъ даже, что въ былыя времена у Шуповыхъ ставился на окно башмакъ подошвою къ стеклу, въ то время, когда на улицѣ выла собака передъ покойникомъ, т. е. уткнувъ морду внизъ и царапая лапами землю (передъ пожаромъ собаки воютъ, поднявъ морду вверхъ, не царапая земли, и тогда на окно не башмаки выставляются), но это правило уничтожено, за ненужностью, съ тѣхъ поръ, какъ выстроились шуповскія хоромы, отъ которыхъ отгоняются всевозможныя собаки.— И совершенно непостижимая странность! Шуповы стали въ этомъ случаѣ опасно либеральничать, подсмѣиваясь надъ тѣми, которые, за неимѣніемъ хоромъ и швейцаровъ, еще пускали въ ходъ прогоняющій смерть башмакъ... Но, сдѣлавъ это необходимое отступленіе, я отклонился отъ сцены въ гостиной; перехожу къ ней снова.

— Вы бы сходили, докторъ, къ ней, — сказалъ Константинъ Павловичъ.

Докторъ повиновался. Хозяинъ снова принялся за черченіе вензелей, тетушка, по обыкновенію, мысленно напѣвала веселенькій мотивъ. Прошло четверть часа, полчаса, часъ. Наконецъ, въ комнату явился лакей.

— Ну, что?—встрепенулся Шуповъ.

— Пришла какая-то женщина, говоритъ, что ей нужно васъ видѣть.

— Кто такая?

Брови Константина Павловича нахмурились.

— Не могу знать-съ, въ траурѣ...

— Въ траурѣ? Гони, гони каналью!

Шуповъ вышелъ изъ себя и выразился немного рѣзко, забывъ, что онъ не въ казармѣ, а въ своихъ хоромахъ.

— Отвратительный народъ эти попрошайки. Вѣдь вѣрно по случаю рожденія пришла канючить на бѣдность. И въ такое время въ траурѣ! Пріучила ихъ Мари на свою голову,—заговорила тетка съ такимъ жаромъ, что было видно, какъ близко касался предметъ до ея дѣвственнаго сердца.

— Что это, предзнаменованье, что ли?

— Очень можетъ быть, весьма можетъ быть! А все Мари виновата со своими благодѣяніями. И на что и кому благодѣтельствуетъ? Нищимъ, тунеядцамъ, лѣнтяямъ! Я думаю, всѣ они воры страшные, пьютъ мертвую... И тебѣ, голубчикъ, я удивляюсь, ты ни во что не входишь, ты у себя какъ въ гостяхъ...

Въ комнату вошелъ другой лакей и прервалъ рѣчь барыни, принявшую язвительный тонъ и грозившую окончиться войной.

— Что?—послышался вопросъ.

— Все благополучно-съ.

Барыня презрительно и какъ-то злобно усмѣхнулась надъ стереотипной лакейской фразой.

— Павелъ?—спросилъ Шуповъ.

— Мальчикъ-съ.

— Ступай! Тетушка, вы пройдете къ Мари, а я пойду сейчасъ же искать крестнаго отца.

Шуповъ рѣшился прежде застраховать ребенка отъ смерти и уже потомъ разсмотрѣть его и дать ему первый отцовскій поцѣлуй; онъ былъ не идеалистъ, не дорожилъ поцѣлуями и рѣдко расточалъ ихъ.

Первое попавшееся Константину Павловичу лицо былъ

одинъ изъ петербургскихъ чиновниковъ, котораго и пригласили окрестить ребенка. Такимъ образомъ, я родился на свѣтъ, былъ окрещенъ первымъ встрѣчнымъ и, благодаря этой затѣѣ, остался жить, не послѣдовавъ благому примѣру Павловъ, перваго, второго и третьяго.

Человѣческая память очень похожа на безпорядочный архивъ, гдѣ каждому бросается въ глаза ни на что не годное дѣло о расквашенномъ носѣ полицейскаго солдата, пострадавшаго въ схваткѣ съ пьяною бабою, между тѣмъ какъ нѣтъ никакой возможности отыскать дѣло о какомъ-нибудь терпѣливомъ мученикѣ, сгубленномъ всякими людскими неправдами. То же самое случилось и съ моей памятью. Я вполнѣ ясно помню длинную-предлинную, тощую, какъ щепка, фигуру мадамъ Бурдонъ, моей первой гувернантки, пробудившей во мнѣ впервые военныя наклонности и страсть къ битвамъ; но за этимъ своего рода расквашеннымъ носомъ совершенно исчезаетъ образъ моей матери, являющейся мнѣ какою-то призрачною тѣнью, безъ ясныхъ очертаній. Сколько я ни стараюсь теперь всмотрѣться въ этотъ образъ,—онъ попрежнему остается смутнымъ, и вижу я въ немъ только одно опредѣленное выраженіе: это выраженіе страдальчески-кроткой покорности! Я не люблю покорности ни въ какомъ видѣ, но если бы тѣнь матери явилась безъ этого выраженія, то я разлюбилъ бы ее,—это, кажется, странно, но вполнѣ понятно для меня: она не могла, не должна была существовать съ другимъ выраженіемъ на лицѣ среди той обстановки, гдѣ я ее видѣлъ. Объ этой-то обстановкѣ я и буду говорить...

Помнится мнѣ большой барскій домъ, роскошно убранный, съ швейцаромъ на парадной лѣстницѣ, со множествомъ крѣпостныхъ слугъ въ комнатахъ, лакеи во фракахъ и бѣлыхъ галстукахъ, полы вездѣ натерты воскомъ, у оконъ задернуты внизу бѣлыя, синія и зеленыя, смотря по мебели, шелковыя занавѣсочки, прикрѣпленныя бронзовыми кольцами къ бронзовымъ прутьямъ. Съ улицы и изъ противоположнаго дома не можетъ заглянуть къ намъ никакой мусоръ человѣческаго рода, никакой шлепающій по грязи пасынокъ городской жизни. Изъ нашихъ комнатъ тоже не видно проходящихъ людей, какъ изъ школьнаго класса, и не мозолятъ нашихъ глазъ ихъ рваныя рубища и невѣрныя болѣзненныя походки. Виденъ отъ насъ только верхній этажъ огромнаго, плохо выкрашеннаго дома по ту сторону улицы. Тамъ постоянно грязны стекла, отливающія всѣми

цвѣтами радуги, на окнахъ множество горшечковъ съ гераніями, бальзаминами и бѣлыми китайскими розами, тамъ поютъ чижи и канарейки, часто появляются дѣтскія лица, замаранныя леденцами и чернымъ хлѣбомъ. Иногда эти дѣти высовываются изъ окна—бывало даже страшно за нихъ, казалось, такъ вотъ и вылетятъ на мостовую—они спускаютъ бумажныхъ змѣйковъ на ниткахъ и мыльные пузыри. За ними, кажется, никто не смотритъ. Рты у нихъ всегда чѣмъ-нибудь набиты, и оттого, какъ у обезьянъ, вѣчно оттопырена одна щека, наполненная ѣдой. Мнѣ хотѣлось заглянуть въ этотъ домъ, узнать, отчего тамъ такъ много людей, отчего несется оттуда и визгъ, и грохотъ, словно всѣ живущіе въ немъ къ чему-то приготовляются, что-то подлаживаютъ, чтобы совершить какое-нибудь важное дѣло. Я уже успѣлъ въ то время прочесть исторію крестовыхъ походовъ, написанную для дѣтей, и мнѣ казалось, что въ большомъ домѣ собрались крестоносцы и готовятся къ походу, что имъ некогда умыть и одѣть дѣтей, что они сунули послѣднимъ хлѣба и леденцовъ, лишь бы дѣти не мѣшали ихъ приготовленіямъ. Нашъ тихій домъ съ своимъ соннымъ порядкомъ и чинностью представлялся мнѣ дворцомъ султана, который и не чаетъ, что̀ затѣяли крестоносцы, и спокойно спитъ въ своихъ душистыхъ покояхъ. Задумчиво сидя гдѣ-нибудь въ углу дѣтской, я переживалъ самыя страшныя битвы, побѣждалъ враговъ и, покрытый ранами, несомый на носилкахъ, потухающимъ взоромъ глядѣлъ на цвѣты, которыми усыпали мой путь... Далеко уносила меня фантазія отъ праздничной обстановки, среди которой я и моя сестра ходили какъ маленькія куклы на пружинахъ, чинно и скромно. Играли мы только въ дѣтской, если же намъ приходила охота побѣгать по заламъ, гдѣ полъ былъ гладокъ, какъ ледъ, то мадамъ Бурдонъ дѣлала намъ выговоръ и уводила насъ въ дѣтскую, пугая, что пожалуется отцу.—«Это пахнетъ мѣщанствомъ», говорила она на французскомъ діалектѣ, заставая насъ играющими въ лошадки или смотрящими изъ-за занавѣсокъ на большой домъ. Только лѣтомъ немного освобождались мы отъ этого полицейскаго солдата и проводили бо̀льшую часть дня съ матерью, которую на время избавляли отъ своихъ посѣщеній разные знакомые.

Мы любили мать и особенно охотно играли зимой въ ея кабинетѣ. Тамъ было множество цвѣтовъ, книгъ съ картинами, у окна стояла клѣтка съ попугаемъ. Въ эту комнату

мы приходили сами, когда не было гостей; звали же насъ въ нее, когда пріѣзжала знакомая читателю тетка. Моя сестра помнила во всю жизнь, что тетка, во время посѣщеній, бранила передъ матушкою нашего отца за картежную игру и еще за что-то, чего сестра не понимала въ тѣ годы.

— Надо же это когда-нибудь кончить, объ этомъ весь городъ трубитъ,—говорила тетка.

— Весь городъ! но развѣ *они* лучше живутъ?—съ презрѣніемъ воскликнула матушка.

— Не о томъ рѣчь, кто живетъ лучше, кто хуже. Но онъ разоряется на нее; дозволять это съ вашей стороны непростительная слабость, въ васъ нѣтъ энергіи...

— Тетушка!..

— Наконецъ, я не понимаю вашихъ отношеній къ нему, вашихъ чувствъ, вы хладнокровно уступаете мужа какой-нибудь...

— Тетушка! здѣсь дѣти,—перебивала матушка.

Тетка умолкала и черезъ нѣсколько минутъ замѣчала совершенно простодушнымъ тономъ:

— Развѣ мадамъ Бурдонъ уѣхала, что они здѣсь?

— Нѣтъ, они всегда со мною.

— Охота возиться!—тетушка надувала губы и сильно трясла головой.

Она и не подозрѣвала, что мы играли роль громоотвода, а она сама роль молніеносной тучи.

Тотъ, о комъ, по ея словамъ, трубилъ весь городъ, вселялъ въ насъ страхъ и трепетъ. Слыша его металлическій голосъ, мы дрожали; ровный, звучный, оглушающій, онъ проносился по всѣмъ комнатамъ, когда отецъ кричалъ на кого-нибудь. Впрочемъ, я невѣрно выразился: отецъ никогда не кричалъ; крикъ предполагаетъ усиліе, болѣзненную раздражительность кричащаго, надсаживанье имъ собственной груди,—этого не бывало съ отцомъ, онъ гремѣлъ безъ усилій надъ собою, какъ громъ, доходя отъ едва слышнаго шопота до оглушающихъ звуковъ. Особенно памятна мнѣ одна сцена ужаса. Однажды я и сестра, украдкою отъ мадамъ Бурдонъ, убѣжали въ залу. Вдругъ къ подъѣзду подкатилъ экипажъ, мы въ первую минуту растерялись, потомъ бросились бѣжать; но было уже поздно: у самыхъ дверей зала, въ коридорѣ, послышался голосъ отца.

— Что ты дѣлаешь, ска-а-тина? спишь?—гремѣлъ отецъ на швейцара, который былъ не на своемъ мѣстѣ, а попался ему въ коридорѣ.

— Никакъ нѣтъ-съ.

— Врешь, мерзавецъ! Я те-бя на конюшнѣ запорю, отчетливо и безпощадно произнесъ отецъ, сдѣлавъ удареніе на словѣ «тебя».—Гдѣ ты былъ, когда я пріѣхалъ?

— Я относилъ къ барынѣ письма.

— А Андрюшка же гдѣ былъ?

— Не могу знать-съ.

— Позвать Андрюшку! Я васъ проучу, мерзавцы!

Отецъ взялся за ручку двери, ведущей въ залъ.

Мы притаились въ углу.

— Зачѣмъ вы здѣсь?—гнѣвно спросилъ отецъ.

— Мы, рара...—началъ я, трясясь всѣмъ тѣломъ.

— Зачѣмъ вы здѣсь? зачѣмъ вы здѣсь? Я васъ спрашиваю,—говорилъ отецъ глухимъ шопотомъ, наклонившись къ намъ и сверкая глазами.—Мадамъ Бурдонъ гдѣ?—онъ схватился за ручку сонетки и началъ трезвонить.

Мы дрожали въ углу. Въ домѣ царствовала могильная тишина, только визгливо звенѣлъ колокольчикъ... Наконецъ, сонетка съ трескомъ лопнула и осталась въ рукѣ отца, жалобнымъ стономъ звякнулъ въ послѣдній разъ колокольчикъ, словно призывая кого-то на помощь... Отецъ рванулся впередъ съ криками:—«Бурдонъ, Андрюшка, Гришка!» Никто не являлся на зовъ, всѣ забились въ углы... Эта сцена и эти прятки повторялись не разъ и не два.

— Другъ мой, Константинъ!—послышался кроткій и мелодическій голосъ матери.

Ея рука опустилась на плечо отца, онъ отшатнулся отъ нея съ гнѣвомъ и, кажется, готовъ былъ уничтожить эту жертву.

— Что̀ это значитъ? что̀ дѣлается у меня въ домѣ, сударыня? всѣ сговорились бѣжать отъ меня? Я ихъ запорю!

— Ну, полно, мой другъ!—прервала его матушка и поднесла его руку къ своимъ губамъ.—Дѣти, идите къ себѣ въ комнату!

Мы пошли. Я побѣжалъ въ дѣтскую, а сестра не могла побѣдить любопытства и приникла къ замочной скважинѣ. Ей казалось, что отецъ станетъ убивать матушку, и она приготовилась защитить ее. Матушка была въ бѣломъ платьѣ, худенькая, стройная, съ темными волосами, гладко зачесанными, съ густой и тяжелой косой. Послѣ нашего ухода она обвила одною рукою шею отца, другою снова взяла его руку и поднесла къ своимъ губамъ, потомъ повернула его лицо къ себѣ, стала на него смотрѣть, какъ

будто желая что-то прочесть въ его глазахъ. Онъ стоялъ какъ ягненокъ, опустивъ въ землю глаза. Наконецъ, они сѣли. Сестра почти не слыхала ихъ разговора: до ея слуха долетали только отрывистыя фразы.

— Ну, ты не будешь болѣе сердиться? Вѣдь они всѣ тебя боятся, ты ихъ запугалъ. Милый мой, зачѣмъ ты себя раздражаешь? Вѣдь это и тебѣ вредно, и людей ожесточаетъ противъ тебя. Ты вѣрно былъ недоволенъ смотромъ?—говорила матушка.

— Всѣмъ, всѣмъ!—какъ-то отчаянно-глухо произнесъ отецъ.—Это каторжная жизнь, хуже каторжной! И служба, и люди, и обстоятельства,—все, все невыносимо!

— Полно. Погляди на меня, ты не сердишься? Нѣтъ? Другъ мой, миленькій!..

Матушка цѣловала и руки, и губы, и глаза отца, и жалась къ нему, какъ ребенокъ, съ улыбкой на губахъ.

— Славная ты женщина, добрая женщина!—проговорилъ онъ.—Я не умѣю тебя цѣнить...

— Тс! молчи!—она весело зажала его ротъ своею рукою.

Онъ ее поцѣловалъ, и какое-то странное, непонятное для сестры въ тѣ годы выраженіе страсти пробѣжало по его лицу. Сестра убѣжала въ дѣтскую. Черезъ полчаса насъ позвали къ завтраку. За столомъ отецъ былъ веселъ и шутилъ, даже говорилъ съ лакеемъ, чего въ обыкновенное время онъ не дѣлалъ, считая неприличнымъ говорить съ прислугой.

— Куда вы спрятались, когда я пріѣхалъ?—спрашивалъ онъ у мадамъ Бурдонъ.

— Я не пряталась, но я не слыхала, что вы меня звали,—сконфуженнымъ голосомъ отвѣчала она.

— Хитрите!—погрозилъ ей отецъ.

— Право, нѣтъ.

— Гроша не стóятъ, какъ я погляжу, всѣ люди передъ моею Мари. А ужъ тебѣ когда-нибудь достанется, Андрюшка, за то, что ты зайца разыгрываешь!—замѣтилъ отецъ лакею, подававшему блюдо.

— Воля ваша-съ!—съ необычайною смѣлостью брякнулъ Андрюшка, и въ его лихой головѣ, навѣрно, промелькнуло извѣстное нецензурное присловье къ этой лакейской фразѣ, по крайней мѣрѣ, такъ можно было думать, судя по его улыбкѣ.

— Знаю, что моя воля,—произнесъ отецъ.—Призови сегодня портного и сапожника; барыня говоритъ, что у васъ одежды порядочной нѣтъ. Надо заказать. Слышишь?

— Слушаю-съ.

— Вы все молчите. Вѣдь не ходить же мнѣ самому осматривать вашъ гардеробъ! Вы сами должны говорить, чего у васъ недостаетъ.

«Скажи-ка тебѣ нашъ братъ, такъ и костей своихъ не соберешь», думалъ Андрюшка. Въ этотъ день вся прислуга сіяла; баринъ дѣлалъ все, о чемъ люди тайкомъ просили барыню. Матушка улыбалась, хотя ее душилъ кашель. Вечеромъ отецъ уѣхалъ въ театръ. Когда мы пошли прощаться на ночь съ матушкой, она полулежала въ креслѣ; ея глаза были красны отъ слезъ, руки мертвенно-неподвижно лежали на колѣняхъ, батистовый платокъ былъ мокръ.

— Перекрести насъ, мама, мы спать идемъ.

Матушка очнулась.

— Спите, дѣти, покойно,—сказала она и перекрестила насъ.

Когда она цѣловала меня, на мой лобъ упала слеза.

— Мама, ты плачешь?—спросилъ я.

— Нѣтъ, мой другъ, это отъ кашля слезы текутъ,—улыбнулась она.

— А отъ чего ты кашляешь?

— Простудилась, дитя мое. Ты помолись обо мнѣ, я и буду здорова.

— Я буду, мама, молиться.

— И я, и я буду молиться, мы оба будемъ молиться,—заговорила сестра.

— Христосъ съ вами, дѣти!

Матушка проводила насъ до дверей и прислонилась къ косяку. Она долго слѣдила за нами, покуда мы шли по освѣщеннымъ комнатамъ.

— Я буду за маму молиться,—сказалъ я сестрѣ.

— И я тоже.

— Знаешь, что? Мы ляжемъ и будемъ въ постеляхъ долго-долго, всю ночь будемъ молиться, а такъ намъ долго не позволятъ...

И мы молились...

«Блаженъ мужъ, иже не иде на совѣтъ нечестивыхъ, и на пути грѣшныхъ не ста, и на сѣдалищи губителей не сѣде...» читалъ дьячокъ черезъ три мѣсяца послѣ описанной сцены. Зала была обита черной фланелью, посрединѣ стоялъ бѣлый глазетовый гробъ, въ гробу лежала женщина въ бѣломъ, кругомъ теплились восковыя свѣчи, толпились

разносословные люди, слышались французскія фразы сожалѣнія и незатѣйливыя, но искреннія русскія восклицанія: «благодѣтельница наша, голубка чистая, ангелъ небесный!..» Въ этомъ чуялось сознаніе потери... Женщина эта была моя мать. Недалеко отъ гроба, прислонясь къ стѣнѣ, стоялъ, какъ статуя, мужчина въ бѣломъ военномъ мундирѣ и тупо глядѣлъ на покойницу.

— Константинъ Павловичъ, вы бы сѣли,—говорили ему родные.—Онъ садился.—Вы бы пошли въ гостиную подышать свѣжимъ воздухомъ.—Онъ выходилъ въ гостиную, становился къ окну и барабанилъ по мраморному подоконнику.

— Панихида началась, пожалуйте,—докладывалъ барину лакей.

Баринъ шелъ на панихиду.

Такъ прошло три дня, на четвертый совершалось послѣднее отпѣваніе. Наконецъ, кончилось и оно, принесли крышу гроба и стали закрывать покойницу.

— Не закрывайте маму, не запирайте ее въ этотъ ящикъ!—крикнули въ одинъ голосъ я и сестра.

Отецъ очнулся, схватилъ насъ обѣими руками, упалъ на колѣни и зарыдалъ, какъ дитя.

— Несчастныя дѣти!—вырвалось изъ его груди.

Точно, несчастныя дѣти! Но, можетъ-быть, ни одинъ человѣкъ изъ пышнаго собранія слетѣвшихся ради поминокъ господъ не понялъ, сколько правды, самой страшной правды, заключалось въ этомъ восклицаніи; едва ли понималъ это и самъ отецъ.

Гробъ торжественно вынесли изъ дома, и съ нимъ вынесли и прежнюю жизнь этого дома. Насталъ какой-то переломъ въ семейномъ быту, всѣ вдругъ почувствовали, что чего-то недостаетъ, стали хлопотать, какъ бы устроить новую жизнь, искали формы, куда ее отлить, и въ этихъ исканіяхъ пронеслись годы, тяжелые годы моего дѣтства.

II.

Я знакомлюсь съ нашей прислугой и знакомлю съ ней читателя.

Послѣ смерти матушки, отецъ, какъ-будто, боялся своего дома и пропадалъ изъ него по цѣлымъ днямъ, даже по нѣскольку дней, возвращаясь въ свое жилище, чтобы выспаться, переодѣться, захватить денегъ и всполошить всѣхъ страшнымъ шумомъ. «Поѣхалъ разгуливать!» говорила при-

слуга, заслышавъ звуки его голоса, и, видимо, радовалась его отъѣзду. Мадамъ Бурдонъ попрежнему занималась съ нами уроками въ назначенные часы и гуляла съ нами по Дворцовой набережной, для пищеваренія, но остальное время дня проводила за чтеніемъ французскихъ романовъ и оставляла насъ безъ присмотра, на полной свободѣ. Иногда заѣзжала къ намъ, неизвѣстно зачѣмъ, наша тетка и, покачавъ со стороны на сторону головой, сказавъ нѣсколько ничего незначащихъ фразъ, убиралась во-свояси. Она могла бы быть столько же полезною для насъ, сидя дома. Сестра,— ей шелъ пятнадцатый годъ,—сильно потрясенная утратой, сдѣлалась какъ-то не дѣтски серьезна и задумчива. Она просиживала по часамъ въ кабинетѣ матушки, читала находившіяся тамъ книги, отрыла дневникъ матери, не разлучалась съ этой страдальческою исповѣдью и часто неутѣшно плакала надъ нею. Ея серьезность была непонятна для меня,—мнѣ еще не было восьми лѣтъ,—и я думалъ, что сестра сердится на меня, когда она не соглашалась на мою просьбу поиграть попрежнему.

— Ты дитя, Поль,—говорила мнѣ она.

— А развѣ ты большая?

— Я большая, я все знаю.

— Ничего ты не знаешь; ты и училась хуже меня у мадамъ Бурдонъ, только на фортепьяно бренчать умѣешь,— сердито упрекалъ я сестру.

— Я ее ненавижу, и никогда не стану хорошо учиться у нея, и ты не сталъ бы учиться, если бы ты былъ большой. На что мнѣ ея французскія басни? Что я стану дѣлать съ ея діалогами? Они и никому не нужны, это всѣ большіе знаютъ, умные знаютъ...

— А вотъ я пожалуюсь ей, она и накажетъ тебя, большую-то! Тебѣ и будетъ стыдно,—угрожалъ я.

— Ты злой, ты злой! Ты на папу похожъ, ты хотѣлъ бы, чтобы всѣ отъ тебя плакали, вотъ ты какой!

— Такъ ты и папу бранишь? Постой же!

— Да, да, браню! Если бы папа не былъ злой, наша добрая мама не умерла бы, не бросили бы насъ, какъ собаченокъ, было бы кому насъ приласкать. Ты тоже злой, ты тоже не любилъ маму, тебѣ ея не жаль, ты радъ, что безъ нея бѣгать можно!

Изъ сверкающихъ гнѣвомъ глазенокъ сестры катились крупныя капли слезъ, лицо горѣло огнемъ и какъ-то трепетало; она была необыкновенно хороша. Упреки задѣвали

меня за живое и, рыдая, я просилъ у нея прощенья, клялся, что я любилъ матушку, что люблю и ее. Я припадалъ губами къ ея рукѣ, и на мою голову одна за другою лились горячія слезы, сыпались поцѣлуи; мнѣ чудилось, что меня снова ласкаетъ моя любимая мать...

Послѣ нѣсколькихъ подобныхъ разговоровъ я оставилъ сестру въ покоѣ, и между нами установились довольно странныя, полныя поэзіи, отношенія: она смотрѣла на меня какъ мать, кротко и снисходительно, я уважалъ ее и искалъ случая угодить ей, заслужить ея одобреніе и ласку. Съ дѣтской наивностью пряталъ я свою порцію лакомствъ для того, чтобы отдать ее сестрѣ; если она не брала моего приношенія, то я дѣлался грустнымъ. Мнѣ казалось, что пирожное и конфеты должны непремѣнно утѣшить сестру, такъ сказать, подсластить горечь ея жизни. Такимъ образомъ, я остался совсѣмъ одинокимъ, и меня потянуло въ людскую, въ переднюю, въ общество нашей прислуги. Тамъ слышались живые разговоры, громкій смѣхъ, и мнѣ захотѣлось узнать, отчего эти люди веселы, и развеселиться самому. Мало-по-малу я коротко познакомился со всѣми личностями этого своеобразнаго міра. До сихъ поръ свѣжо во мнѣ воспоминаніе о нашей старой ключницѣ Аринѣ Прокофьевнѣ, носившей чепецъ съ широчайшими оборками, объ Андрюшкѣ—разлюбезномъ человѣкѣ, какъ онъ величалъ себя, о накрахмаленномъ камердинерѣ отца, Григорьѣ Ивановичѣ, изъ вольнонаемныхъ, и о моемъ миломъ, неоцѣненномъ дядькѣ Митричѣ, старомъ младенцѣ, котораго я почти не замѣчалъ при жизни матушки. Съ наслажденіемъ слушалъ я въ зимніе вечера сказки Арины Прокофьевны, дрожалъ отъ ужаса при разсказахъ о змѣѣ-горыничѣ, кощеѣ безсмертномъ, трехъ роковыхъ дорогахъ, волкѣ крылатомъ, холодѣлъ всѣмъ тѣломъ, когда Арина Прокофьевна очень искусно шипѣла по-змѣиному, свистала по-разбойничьи и, поразительно вѣрно поддѣлываясь подъ голосъ бабы-яги, стуча вмѣсто песта ногою, сопѣла: «фу-фу, здѣсь русскимъ духомъ пахнетъ...» тутъ ужъ я окончательно замиралъ. Долго ежился въ своей постели, завернувшись головой въ одѣяло и тщетно стараясь уснуть. Если бы міру были очень нужны трусы, то я посовѣтовалъ бы только одно: съ колыбели, лѣтъ до пятнадцати, каждый день разсказывать человѣку эти сказки тѣмъ монотонно-воющимъ, гробовымъ голосомъ, которымъ разсказывала мнѣ ихъ Арина Прокофьевна, во всѣхъ другихъ случаяхъ очень голосистая

женщина, и, въ концѣ-концовъ, получился бы идеалъ трусости, безотчетной, глупой, но непобѣдимой никакими доводами разсудка. И я хватилъ этого чувства на свою долю; наводила на меня страхъ темная комната, всячески старался я скрыться ночью отъ своей собственной рубашки, лежавшей на стулѣ и озаренной луной, и еще болѣе боялся того неизвѣстнаго человѣка, который съ недѣлю преслѣдовалъ меня, шурша по полу своими невидимыми ногами; долго я не могъ повѣрить, что этотъ человѣкъ былъ просто миѳъ, игра моего воображенія, и что шуршали по полу не его ноги, а мои собственные панталоны, сдѣланные не въ мѣру длинными: панталоны обрѣзались и давнымъ-давно износились, а страхъ оставался во мнѣ попрежнему и многими годами пережилъ ихъ. Можетъ-быть, я сталъ бы и совсѣмъ трусомъ, если бы Арина Прокофьевна была для меня болѣе привлекательна, чѣмъ Андрюшка и Митричъ.

Андрюшка—разлюбезный человѣкъ—былъ острякъ, волокита, франтъ и хлыщъ лакейской. Въ дѣтствѣ онъ обучался пѣснопѣнію (я говорю его словами) и числился пѣвчимъ при нашей деревенской церкви, потомъ откомандированъ въ столицу, получилъ лакейскій чинъ и указъ состоять при баринѣ. Его смуглое лицо было и красиво, и некрасиво, горничныя сходили отъ него съ ума, господа говорили про него съ отвращеніемъ: чисто холопская рожа. Его черные масляные глаза были прекрасны, но имѣли несчастное свойство отвратительно вертѣться и метаться изъ стороны въ сторону, какъ мыши въ мышеловкѣ, точно имъ хотѣлось поскорѣе куда-нибудь удрать и спрятаться. Носъ, самъ по себѣ, довольно приличный носъ, не очень толстый, не совсѣмъ тонкій, ежеминутно сжимался и раздувался, какъ кузнечный мѣхъ, и, казалось, что-то вынюхивалъ. Губы, полныя, алыя, были, какъ онъ говорилъ, для поцѣлуевъ созданы, но я никогда не рѣшился бы ихъ поцѣловать, потому что онъ ихъ безпрестанно облизывалъ. Рѣчь его была нашпигована двустишіями изъ билетиковъ отъ леденцовъ и куплетами изъ пѣсенниковъ. Отвѣты онъ дѣлалъ по большей части въ риѳму вопросамъ, и говорилъ нѣсколько нараспѣвъ. Простой русскій народъ охотникъ отвѣчать въ риѳму; онъ особенно дорожитъ нѣкоторыми ходячими фразами, именно потому, что онѣ заканчиваются созвучіемъ; эту-то привычку Андрюшка довелъ до крайняго предѣла и, разумѣется, опошлилъ. Вообще все, что попадалось ему на языкъ или подъ руку, принимало

видъ невообразимой пошлости; съ посторонними предметами онъ дѣлалъ то же, что со своей физіономіей. Бывало спросятъ его: «Куда ты идешь, Андрюшка?» онъ неизмѣнно отвѣчаетъ: «Ахъ, туда идетъ Андрюшка, гдѣ веселая пирушка!..»—Попроситъ его кто-нибудь:

— Андрюша, сходи за меня въ магазинъ.

— А на тебѣ что за чинъ?—отвѣчаетъ Андрюшка.

— Да развѣ тебѣ трудно?

— Если бы трудно, другъ ты мой сердечный, тараканъ запечный, такъ для тебя потрудился бы, а то дѣло-то плевое и сапогъ трепать не стоитъ. Вотъ, если тебѣ угодно пѣсню, такъ это, сдѣлайте такое ваше одолженіе, споемъ.

— Провались ты и съ пѣсней къ лѣшимъ, дармоѣдъ!

— Ѣдимъ, да не ваше, такъ это дѣло наше; а вы бы и дали, да у самихъ нѣтъ,—огрызнется Андрюшка.

Если просьба произносилась лицомъ женскаго пола, то Андрюшка вмѣсто услуги потчивалъ просительницу леденцами или орѣхами. Орѣхи у него всегда находились при себѣ. Онъ грызъ ихъ, какъ бѣлка, и такъ какъ шелуху нельзя было бросать въ передней, то пряталъ ее въ карманъ, и потомъ, высунувшись изъ окна, подстерегалъ перваго проходившаго по улицѣ мальчишку.

— Мальчуганъ!—ласково кричалъ онъ, завидавъ жертву своей выдумки.—Хочешь орѣшковъ?

— Дай, дяденька!—отзывался тотъ, съ сіяющимъ лицомъ подставляя шапку.

— Держи, тетенька!—кричалъ Андрюшка и высыпалъ въ шапку мальчугана шелуху, съ звонкимъ хохотомъ захлопывая форточку.

На улицѣ раздавалась брань: «чортъ, лѣшій, чтобъ тѣ подавиться!..» Онъ заставлялъ всѣхъ шарманщиковъ играть передъ домомъ и потомъ бросалъ имъ тщательно нарѣзанные кружки картофеля, моркови и свеклы, аккуратно завернутые въ бумагу... Слыша непечатную ругань обманутаго музыканта, онъ преспокойно говорилъ: «Ишь, какъ нѣмчура распѣтушился, туда же, хочетъ показать, что онъ не курица!» Вообще у него брань не висла на вороту и онъ скорѣе шелъ къ ней навстрѣчу, чѣмъ убѣгалъ отъ нея. Впрочемъ, и бѣжать-то было некуда: его вездѣ и всѣ ругали, и свои братья-лакеи, и проходящіе люди, которыхъ онъ задѣвалъ своими недвусмысленными остротами, и лавочники, и даже горничныя,—сходившія по немъ съ ума, разорявшіяся на подарки для него, жертвовавшія ему

собою,—ругали его до слезъ, до истерическихъ рыданій и плеванья въ физіономію разлюбезнаго человѣка. Бывало отецъ ругаетъ его на чемъ свѣтъ стоитъ, а Андрюшка тянется передъ нимъ въ струнку, глазомъ не сморгнетъ, и только изрѣдка дернетъ: «Виноватъ-съ! воля ваша!» Все это дѣлается съ явнымъ поползновеніемъ *комедь сломать*. Накричится отецъ досыта и выгонитъ его вонъ, а Андрюшка придетъ въ людскую и начинаетъ представлять, какъ баринъ его пропекалъ. «Я те-бя запорю!»—кричитъ онъ, точно по нотамъ, подобно отцу, растягивая слово: «тебя», и возгласъ выходитъ неподражаемо-похожимъ на отцовскій. По окончаніи сцены, изъ груди актера всегда вырывался уморительно-глухой вздохъ и фраза: «Не повѣрите, братцы, настоящая Сибирь-съ! И что эта за жизнь распрегорькая; подсластить нешто орѣшками?» Кажется, именно за эту-то выносливость и недостатокъ озлобленія, никто,—а въ особенности старики,—не уважалъ Андрюшку. Разумѣется, онъ платилъ всѣмъ тою же монетою. Зная скандалезную хронику большей части города, будучи ходячей газетой въ лакейской, онъ съ скептическимъ недовѣріемъ смотрѣлъ на нравственность всего человѣчества... Развлюбезный человѣкъ былъ далеко не чистъ на руку, но проходился почти исключительно по части съѣстного, лакейскихъ галстуковъ, манишекъ и прочаго бѣлья; онъ былъ эпикуреецъ, не признавалъ возможности подавлять свои прихоти и воровалъ, чтобы удовлетворить какую-нибудь изъ своихъ мелкихъ нуждъ, но отнюдь не по страсти къ воровству: для этого онъ былъ слишкомъ лѣнивъ. Скопить кражею денегъ онъ не могъ, ибо и законно-пріобрѣтенныя проѣдалъ. Все его имущество состояло изъ гитары и разбитой скрипки. Около себя Андрюшка былъ неряшливъ, хотя и франтоватъ, густо напомаженъ, завитъ, но это дѣлалось не для чистоты, а ради другихъ цѣлей; подъ верхней одеждой, подъ бѣлой манишкой и нарукавниками таилось страшно грязное и рваное бѣлье, которое прачка не хотѣла брать въ стирку, говоря, что оно въ корытѣ останется. По соображеніямъ Андрюшки, въ его положеніи имущество было излишнимъ. «Некому оставлять,—говорилъ онъ:—такъ по крайности хоть на семъ свѣтѣ въ полномъ удовольствіи поживемъ». На вопросъ: отчего онъ не женится?—онъ отвѣчалъ:

— Да я ужъ женатъ.

— Гдѣ же твоя жена?

— Которая?

— Развѣ у тебя ихъ много?

— До Москвы не перевѣшаешь? Я изъ всѣмъ волчій паспортъ далъ, такъ онѣ и странствуютъ!

Бывали минуты, когда онъ, сидя одиноко въ передней, повидимому, впадалъ въ горькое раздумье, должно-быть, о жизни, которую называлъ настоящей Сибирью; но это былъ чистѣйшій оптическій обманъ, онъ изволилъ въ это время вести слѣдующую бесѣду съ самимъ собою: «Вопросъ: отчего ты босъ?—отвѣтъ: лаптей, сударь, нѣтъ!—Вопросъ: что ты несъ?—отвѣтъ: того ужъ нѣтъ!»—Тема варьировалась донельзя... И вѣдь сидитъ иногда такимъ образомъ съ часъ и занимаетъ себя пріятнымъ разговоромъ! Обыкновенно эти упражненія прерывались замѣчаніемъ Митрича: «Прощелыга ты, прощелыга!»—«Зато говорю, какъ книга!» фыркнетъ Андрюшка и хлопнетъ дверью.

Меня въ ту пору очень занималъ этотъ полнѣйшій представитель городского лакейства изъ крѣпостныхъ, беззаботно-развратнаго и до крайности втянувшагося въ праздность. Но Митричъ, отчасти ревнуя меня къ сопернику, старался уводить меня отъ Андрюшки, говоря, что тотъ сдуру бухнетъ и такое словцо, какого мнѣ и знать не должно. Слыша это разсужденіе, я мучился любопытствомъ услышать именно это словцо, котораго мнѣ и знать не должно.—«Это, батюшка, совсѣмъ пропащій человѣкъ, какъ есть непотребный»,—говорилъ дядька и услаждалъ меня своими умными, но, тѣмъ не менѣе, опасными бесѣдами.

Митричъ, до поступленія въ нашъ домъ, отслужилъ узаконенный для солдатъ срокъ въ арміи; оторванный навсегда отъ семьи и родной избы, исколесивъ съ полкомъ русскую землю изъ конца въ конецъ, натерпѣвшись всякихъ житейскихъ невзгодъ, онъ, какъ это бываетъ со всѣми старыми холостяками-солдатами, если они не запьютъ съ горя, сдѣлался самою нѣжною нянькою, усвоивъ всѣ ея дурныя и хорошія качества. Вообще, въ человѣкѣ живучѣе всего чувство любви; если оно ни разу не могло проявиться въ своей естественной формѣ, то оно обращается на какой бы то ни было предметъ, будетъ ли это старая военная кляча, голубь со сломаннымъ крыломъ, бездомный сиротанищій, или воспитанникъ-барченокъ. Извѣстно, что старые холостяки подъ конецъ жизни или озлобляются, по неимѣнію подъ рукой доступнаго для любви предмета, или дѣлаются няньками ребятишекъ своихъ женатыхъ друзей и знакомыхъ, съ грустно-добродушной улыбкой, играя съ

дѣтьми, говорятъ они: «старый, да малый—одно и то же!» Славное существо—человѣкъ, но рѣдко удается ему быть понятымъ, еще рѣже любимымъ!.. То же было и съ Митричемъ: онъ едва не молился на меня. Ѣздилъ я на немъ верхомъ, запрягалъ я его въ стулья, заставлялъ бѣгать, строилъ онъ изъ картъ домики, выдѣлывалъ изъ пальцевъ зайчиковъ на тѣни, разсказывалъ о походахъ, представлялъ въ лицахъ, какъ турокъ отъ русскихъ бѣжалъ, и посвящалъ меня въ тайны нашей семейной исторіи.

— Ты и у папаши былъ дядькою?—спрашивалъ я его, никакъ не умѣя сообразить, сколько ему лѣтъ, и представляя, что онъ всегда былъ такимъ старикомъ.

— И что вы, батюшка! Я самъ былъ тогда молодымъ парнемъ, когда вашъ папашенька родился, — отвѣчалъ Митричъ.

— Кто же у него былъ дядькою?

— У нихъ не дядька былъ, а губернеръ, паршивый, жидкій такой французишка; богохульникъ, скаредъ страшнѣющій, а туда же, бывало, за бабьими хвостами бѣгаетъ.

— Зачѣмъ же онъ за ними бѣгалъ?—съ дѣтскимъ любопытствомъ спрашивалъ я, не понимая смысла рѣчи болтливаго старика.

— Рано вамъ, батюшка, знать это,—замѣчалъ дядька, не во-время увидѣвъ свою оплошность.

Я надувалъ губы и думалъ: «Для чего же онъ и началъ говорить, если мнѣ рано знать это, и какіе это такіе бабьи хвосты бываютъ?» мучило меня любопытство.

Митричъ замѣчалъ мое неудовольствіе и начиналъ утѣшать меня анекдотомъ въ жизни губернера.

— А ужъ натерпѣлся онъ страху, какъ французъ въ Москву пришелъ. Наши крестьяне давно на него злобились и собирались его убить. Пронюхалъ онъ это—и забейся, чортова онъ кукла, въ чуланъ. День его нѣтъ, другой нѣтъ,—стали вашъ покойный дѣдушка, царство ему небесное, безпокоиться, а пуще взбаломутилась покойница бабушка, имъ-то ужъ онъ очень милъ былъ...

— Отчего же, Митричъ?

— Гм, гм!.. Да такъ, извѣстно, дѣло женское, такъ имъ и жалче было,—поправлялся старикъ.—Ну-съ, и доложили имъ люди, что онъ въ чуланъ схоронился. Пришли господа, глядятъ, а онъ, оглашенный, залѣзъ въ пустую кадку и сидитъ въ ней, скорчился, словно котъ на лежанкѣ, вотъ какъ ее истопятъ. Стали его окликать,—ни гу-гу, молчитъ.

Надоѣло барину съ нимъ лясы точить, взялъ онъ его за вихоръ и началъ изъ кадки-то поднимать, будто куль какой-нибудь; такъ вѣдь нѣтъ того, чтобы выйти, а онъ еще съежился, да своей рукой баринову-то руку отстраняетъ,— оставь, молъ. Видно знаетъ кошка, чье мясо съѣла! Разсердился баринъ и какъ началъ его таскать въ кадкѣ-то изъ стороны въ сторону, вертитъ его, что твое мороженое! Такъ выскочилъ, небось, бестія, какъ встрепанный, только головой замоталъ. Ужъ нахохоталась же дворня, такъ смѣхомъ и сорвали на немъ злобу крестьяне, не убили его...

Изъ этихъ бесѣдъ я мало-по-малу познакомился съ дѣдушкой, съ бабушкой и съ ихъ причтомъ. Митричъ постоянно проговаривался о вещахъ очень скандальныхъ. Я узналъ, что бабушка послѣ смерти дѣдушки тотчасъ вышла замужъ за гувернера, что онъ былъ волокита, безбожникъ, что онъ билъ бабушку и вколотилъ ее въ гробъ. Послѣ я узналъ о немъ еще болѣе, и кстати скажу здѣсь про него нѣсколько словъ, чтобы читатель зналъ, подъ чьимъ вліяніемъ развились отецъ и дядя Андрей.

Господинъ Моро—такъ звали гувернера—былъ роялистъ, эмигрантъ; подобно сотнямъ такихъ же, какъ онъ, ни на что не пригодившихся въ своемъ отечествѣ ветошекъ, онъ былъ брошенъ судьбою въ нашу гостепріимную землю. Онъ съ ужасомъ говорилъ о Дантонѣ, Маратѣ и Робеспьерѣ, и, по всей вѣроятности, совершенно невинно и незамѣтно для себя самого игралъ ихъ роль относительно нашихъ господъ, не гильотинируя, но убивая нравственно головы своихъ воспитанниковъ. Оживить ихъ онъ не могъ по очень простой причинѣ: самъ-то онъ прогнилъ до мозга костей. Родившись въ семидесятыхъ годахъ прошлаго столѣтія, развиваясь въ кругу тогдашней развращенной французской знати, онъ затвердилъ наизусть мѣста изъ «Pucelle» Вольтера и не понялъ довольно скучныхъ для него «Essais sur les moeurs» etc. того же автора; въ знаменитыхъ «Questions» его занимали статьи: des moeurs d'Auguste, l'amour socratique и тому подобныя, другія же доводили до зѣвоты; отъ подобнаго чтенія онъ перешелъ къ книжонкамъ, издававшимся въ Лондонѣ, въ 32 долю листа, съ невообразимыми картинками, еще болѣе невообразимою моралью. L'histoire d'une fille perdue, l'histoire de Juliette et de sa soeur Justine и т. п. вещи, немыслимыя въ наше время, появлялись тогда открыто и имѣлись въ библіотекѣ каждаго фран-

цузскаго барина. Онѣ отвратительны, но онѣ, какъ нельзя лучше, рисуютъ ту эпоху, въ которую появлялись, и тѣхъ людей, которые ихъ читали. Моро ихъ зачитывалъ до ветхости, до дыръ. Разумѣется, подобный господинъ не имѣлъ ни вѣрованій, ни убѣжденій, ни сознанія жизненныхъ цѣлей. Сдѣлавшись воспитателемъ дѣтей, онъ могъ сдѣлаться только палачомъ ихъ ума и нравственности... Возвращаюсь къ Митричу. Его ласки и старческая добродушная болтовня привязали меня къ нему; съ дѣтскимъ простодушіемъ думалъ я иногда: какъ хорошо было бы, если бы у меня былъ такой отецъ. Размышлялъ я: отчего онъ такой бѣдный, отчего отецъ кричитъ и на него, на старика, почему мало уважаетъ его прислуга, и болѣе всего занималъ меня вопросъ: отчего совсѣмъ другимъ человѣкомъ выглядитъ Григорій Ивановичъ? Послѣдній былъ аристократомъ людской, держался гордо и величественно, прислуживая намъ, онъ, какъ-будто, одолжалъ насъ, дѣлалъ намъ милость. Ходилъ онъ плавною, неторопливою поступью, говорилъ внятно и внушительно, строго дѣлалъ замѣчанія остальной прислугѣ и никогда не сидѣлъ съ нею въ передней, не смѣялся ея остротамъ и балясамъ. Андрюшку онъ просто-на-просто презиралъ, особенно съ той поры, какъ Андрюшка пришилъ его, Григорья Ивановича, во время дремоты къ стулу. Съ Митричемъ онъ обращался небрежно, какъ покровитель, и иногда давалъ ему три или четыре копейки на нюхательный табакъ. Встрѣчая меня въ передней или лакейской, онъ спокойно и холодно замѣчалъ: «Не годится, сударь, вамъ здѣсь быть. Мои дѣти и холопскія, да я имъ никогда не позволю съ лакеями вожжаться». Надменный тонъ и смыслъ его рѣчи конфузили меня, и я, какъ мокрая курица, уходилъ въ дѣтскую.

— Что, Митричъ, богатъ Григорій Ивановичъ? — спрашивалъ я.

Кстати замѣчу здѣсь, что я не рѣшался называть Григорья Ивановича просто Григорьемъ, какъ звалъ его отецъ, въ свою очередь не рѣшавшійся кликать его Гришкой, какъ кликалъ швейцара. Даже мадамъ Бурдонъ ломала свой языкъ и звала его: «Григоръ Фанычъ».

— Нажился-таки порядкомъ, — отвѣчалъ со вздохомъ Митричъ. — Отчего ему и не быть богатымъ, извѣстное дѣло, вольный; худо здѣсь хапать, пошелъ въ другое мѣсто; самъ себѣ господинъ!

— А развѣ ты не вольный?

— Вольный-то вольный, да куда меня, старую ворону, возьмутъ?

Разговоръ нашъ обрывался, и я раздумывалъ снова о судьбѣ нашихъ слугъ, о волѣ и неволѣ, о счастьи Григорья Ивановича и бѣдности Митрича. Въ дѣтскій умъ западали какія-то мысли, которымъ черезъ нѣсколько лѣтъ суждено было потухнуть въ моей головѣ и потомъ еще черезъ нѣсколько лѣтъ воскреснуть снова, сдѣлаться яснѣе, отчетливѣе...

Къ концу описываемаго года Григорій Ивановичъ съ каждымъ днемъ дѣлался надменнѣе, недоступнѣе; ему уже два мѣсяца отецъ не платилъ жалованья, и онъ служилъ намъ какъ бы изъ состраданія. Однажды онъ явился ко мнѣ съ просьбою поразспросить его сынишку, хорошо ли тотъ знаетъ по-французски.

— Развѣ онъ учится по-французски? — съ изумленіемъ спросилъ я.

— Какъ же, учится! Ихъ въ Аннинской школѣ и по-латыни учатъ. Только я не знаю, каково онъ по-французски-то знаетъ.

— Такъ вы попросили бы мадамъ Бурдонъ его спросить.

— Что̀ мадамъ Бурдонъ; онъ передъ нею сробѣетъ, со своимъ братомъ-ребенкомъ онъ развязнѣе будетъ,—важно рѣшилъ камердинеръ.

Онъ, повидимому, желалъ не экзамена, но имѣлъ умыселъ похвастать передо мною знаніями своего сына и, не имѣя возможности унизить моего отца, унизить хоть меня. Это была его невинная месть за задержку жалованья. Я, дѣйствительно, смутился, услышавъ, что сынъ нашего слуги учится по-латыни, мое дѣтское самолюбіе проснулось впервые и что-то похожее на стыдъ заволновало мое крошечное сердце. Чего именно я стыдился, въ этомъ я не могъ дать себѣ отчета. Десятилѣтній сынишка Григорья Иваныча явился ко мнѣ, я сталъ его разспрашивать, что̀ онъ знаетъ. Мальчикъ объяснилъ, что онъ учится въ школѣ четыремъ языкамъ, алгебрѣ и геометріи, что онъ скоро,—черезъ годъ начнетъ учиться по-гречески; онъ, подобно своему отцу, былъ какъ-то искусственно развязенъ и хвасталъ передо мною. Непонятное чувство пробудилось во мнѣ: я вдругъ возненавидѣлъ этого мальчишку. Я заставилъ его довольно грубымъ тономъ прочитать мнѣ страницу изъ французской книги, злобно придираясь къ каждому слову, говоря, что у него мужицкій выговоръ, спрашивалъ у него самыя трудныя

фразы и радовался его смущенію. У меня было непреодолимое желаніе ущипнуть или побить ребенка, но я смущался присутствіемъ его отца и удержался отъ рукопашнаго боя. По всей вѣроятности, я срѣзался бы на этомъ пунктѣ.

— Вашъ сынъ совсѣмъ не знаетъ по-французски, онъ и читать не умѣетъ, — сказалъ я Григорью Иванычу. — Во Франціи мужики лучше читаютъ.

— Ой ли? — съ недоумѣніемъ и ѣдкостью спросилъ камердинеръ.

— Да, да, онъ вѣрно не учится въ школѣ, вѣрно лѣнтяй, — поторопился я прибавить, и въ головѣ мелькнула мысль: «вотъ онъ его выпоретъ дома».

Но дѣло вышло иначе.

— Онъ-то учится, а вы-то что? — покачавъ головой, съ безпощаднымъ презрѣніемъ вымолвилъ Григорій Ивановичъ и, взявъ сына за руку, вышелъ изъ моей комнаты. «Въ папеньку выродился!» — ясно разслышалъ я, когда за посѣтителями закрывалась дверь, — я неподвижно замеръ на срединѣ комнаты и опустилъ голову... «Какъ собаченокъ бросили!» — мелькнули въ моей головѣ слова сестры, и изъ глазъ брызнули слезы...

А дѣла отца въ это время шли изъ рукъ-вонъ плохо. Ключница жаловалась, что баринъ не даетъ денегъ на расходы и нечѣмъ кормить насъ и прислугу. Камердинеръ и мадамъ Бурдонъ, уже прозванная мною Бурдой и Бурдашкой, не получали жалованья за послѣдніе мѣсяца, грозили покинуть свои мѣста. Кредиторы осаждали подъѣздъ съ утра до ночи; одинъ изъ нихъ, толстый купчина, бывшій когда-то крѣпостнымъ моего дѣда, осматривалъ внутренность дома и, кажется, размышлялъ, гдѣ и что поставить. Отецъ пропадалъ изъ дому попрежнему, игралъ въ карты, кутилъ съ актрисами... Митричъ смущалъ меня какими-то вѣщими предсказаніями.

— Эхъ! — кряхтѣлъ онъ, стаскивая вечеромъ мои сапоги.

— Что, Митричъ? — спрашивалъ я.

— Да то, что прогоримъ мы совсѣмъ!

— Развѣ у насъ пожаръ? — съ испугомъ восклицалъ я.

— Эва! что пожаръ? плевое дѣло! Папенька-то больно закрутился.

— Какъ это, Митричъ, закрутился?

— Да, значитъ, совсѣмъ-таки съ домомъ порѣшилъ.

Я опять недоумѣвалъ.

— Вытуритъ насъ этотъ бородачъ, дѣдушкинъ выкормышъ, что кажиный день пріѣзжаетъ, да папеньку не застаетъ, и переѣдетъ онъ самъ, немытое его рыло, въ экія хоромы! Господи ты, Боже мой!..

Я начиналъ смекать, въ чемъ дѣло; бородачъ мнѣ представлялся однимъ изъ крестоносцевъ, собиравшихся изъ большого дома на нашъ. Я выражалъ свое мнѣніе Митричу.

— Чего вы ни выдумаете, Павелъ Константиновичъ!— недовольнымъ голосомъ говорилъ старикъ, прибирая мое платье и переходя съ одной и той же вещью отъ стула къ шкапу и обратно. — Спать вамъ пора, какъ я вижу, такъ вы и бредите. И вѣдь экую штуку выдумали!..

Старикъ, ворча, уходилъ изъ комнаты, но я оставался при своемъ мнѣніи, и снова играло мое воображеніе...

Походы бородача на отца удались, какъ нельзя лучше. Отецъ уступилъ ему домъ, не совсѣмъ, не въ полное владѣніе, но по контракту на время, покуда не выплатится долгъ. Вѣсть объ этомъ чрезвычайномъ событіи быстро облетѣла весь городъ, начались толки, сплетни, бросанье грязью; всѣ считали отца погибшимъ безвозвратно, и поэтому щадить его не было причины. Это сломило его, онъ захворалъ; по совѣту докторовъ, а еще болѣе изъ желанія на время скрыться изъ города, онъ рѣшился ѣхать за границу. Нужно было достать денегъ. Для этой цѣли распустили всю дворню, отецъ отправился въ деревню, захвативъ съ собою меня, сестру и тетку, названную мною кивакалкой; у нея мы должны были жить во время отсутствія отца.

Опять переворотъ, опять исканіе новыхъ формъ жизни, сознаніе нелѣпости прошлаго и горькое чувство разлуки съ насиженнымъ гнѣздомъ, съ роднымъ домомъ, гдѣ мы родились, съ улыбкой взглянули впервые на солнце, на людей, смѣялись, радовались, плакали. Только испытавшіе это чувство разлуки со своимъ домомъ поймутъ вполнѣ его горечь. Какая-то свинцовая завѣса падаетъ на жизнь, которая велась въ этомъ жилищѣ, новые жильцы смываютъ послѣднія пятна, оставленныя въ немъ старыми жильцами, перебиваютъ обтяжку мебели, переставляютъ вещи въ новомъ порядкѣ, провѣтриваютъ комнаты... И некому, и не для чего помянуть, какая борьба велась въ нихъ, какъ гибла слабая женщина, спасая своею грудью своихъ людей, лаская и цѣлуя ихъ врага, и медленно гасла съ улыбкой при людяхъ, со слезами въ одиночествѣ; какое впечатлѣніе произвела эта жизнь и эта гибель на другую женщину,

почти еще ребенка, и что за мысли посѣяла въ молодой головкѣ послѣдней?.. Въ день отъѣзда всѣ начали искать сестру, она куда-то скрылась, я побѣжалъ въ кабинетъ матушки. Сестра стояла тамъ на колѣняхъ передъ кресломъ матери и припала головой къ его подушкѣ.

— Леля, что съ тобой?—воскликнулъ я.

— Голубчикъ, вѣдь мнѣ никогда больше не быть у мамаши. Завтра здѣсь чужіе будутъ. Всѣ, всѣ забудутъ ее!—рыдая, говорила она и цѣловала это кресло, какъ будто оно было частью нашей матери.

Впрочемъ, съ кѣмъ же ей было прощаться, кромѣ этого кресла, кромѣ этой комнаты? Надо мной плакалъ Митричъ, около меня сновалъ Андрюшка, а она была одна, никѣмъ не любимая, грустная и забытая. Мы сѣли въ экипажъ и поѣхали...

Прошлое прошло безъ слѣда....

Вотъ мелькаютъ передо мной наши родныя поля, волнуются еще зеленые всходы хлѣбовъ, виднѣются вдали лѣса... Вотъ отецъ опускаетъ стекло кареты, я и сестра высовываемъ свои дѣтскія личики, дышимъ свѣжимъ воздухомъ... Вотъ останавливается экипажъ, мужики кланяются, кто-то цѣлуетъ наши руки: мы въ деревнѣ. На балконѣ барскаго дома появляется розовенькая фигура не то старика, не то юноши; въ его рукахъ скрипка.

— А! ну, пріѣхали!—говорилъ онъ, свѣсившись съ балкона. — А я, братъ, сегодня въ горѣ: у меня соловей околѣлъ.

Отецъ пожимаетъ плечами и идетъ съ нами въ комнаты.

— Это, папаша, какой музыкантъ?—спрашиваемъ мы.

— Это вашъ дядя,—отвѣчаетъ отецъ.

III.

Въ деревнѣ лѣтомъ рай, если люди похожи на ангеловъ.

Довольно старый барскій домъ съ безчисленными пристройками и службами, съ фантастическими бельведерами и балконами невообразимой архитектуры домашняго изобрѣтенія, густой запущенный садъ съ искусственными руинами изъ новаго кирпича, съ покрытыми зеленью прудами и поросшими травой аллеями; покривившіяся избы крестьянъ; обширные засѣвы ржи, овса и гречи; чернѣющіе вдали лѣса и голубая широкая лента рѣки съ множествомъ проплывающихъ въ отдаленіи барокъ, дощаниковъ и рыбачьихъ лодокъ, съ вѣчными чайками и изморившимися подъ лямкой

бурлаками, съ веселымъ пискомъ и крикомъ то тамъ, то сямъ проносящихся птицъ и безконечно-тоскливою, хватающею за сердце русскою пѣснею-плачемъ; — эта смѣсь приволья и богатства съ безвыходной забитостью и безпомощной бѣдностью разомъ поражаетъ каждаго свѣжаго человѣка, и не знаетъ онъ, засмѣяться ли ему дѣтски-безпечнымъ смѣхомъ, привѣтствуя эту благодать, или съ потупленной головой пройти стыдливо передъ этой картиной, какъ проходимъ мы передъ забитымъ бѣднякомъ, краснѣющимъ за свою забитость и стыдящимся протянуть руку за помощью... Такая картина открылась передъ нами, когда я и сестра вышли на балконъ и, не внемля замѣчаніямъ тетки-кивакалки, перевѣшивались то въ ту, то въ другую сторону. Разумѣется, насъ, какъ дѣтей, поразила только красота картины.

— Гляди, гляди, какая избушка стоитъ!—кричалъ я.

— А вотъ лодочка съ мужичкомъ плыветъ, далеко-далеко плыветъ,—указала мнѣ сестра, заслоняя глаза отъ солнца.

— И мы съ тобой туда поѣдемъ, я очень люблю на лодкѣ кататься.

— Да ты никогда и не ѣздилъ на лодкѣ.

— Нѣтъ, ѣздилъ, ѣздилъ.

— Неправда, не ѣздилъ... Зачѣмъ ты лжешь? — загорячилась сестра.

— Ѣздилъ!

— Послушай, если ты еще будешь лгать, такъ я тебѣ уши надеру.

— Тебя накажутъ, тебя накажутъ за то, что ты споришь, какъ кухарка,—кричалъ я съ азартомъ, помня уроки мадамъ Бурдонъ о мѣщанской привычкѣ спорить.

— Скверный лгунъ!

— Кухарка!

Сестра отвернулась отъ меня и отошла на другой конецъ балкона, я обернулся къ ней спиной. Это была первая наша ссора, первый мой неуважительный поступокъ съ сестрой. Въ такомъ положеніи мы простояли до той минуты, когда насъ позвали къ завтраку. Мы вошли въ столовую, гдѣ уже сидѣла вокругъ стола вся наша семья.

«Забудь печаль, взгляни въ окно,
Тамъ свѣтомъ все озарено
И воздухъ свѣжъ. Тамъ можетъ грудь
Отъ прошлыхъ пытокъ отдохнуть..
И что былое,—если вновь
Мы слышимъ вѣчной жизни зовъ?..»

гармоническимъ голосомъ говорилъ дядя, задумчиво облокотившись на столъ и склонивъ на руку свою прекрасную голову. Мы не застали начала бесѣды, и хотя я могъ бы передать его по дневнику дяди, передающему всѣ событія этой главы, но это совершенно не нужно для читателя.

— Стихи хороши, но къ дѣлу не идутъ. Ты всегда смотрѣлъ на жизнь, какъ мечтатель, прожилъ безъ заботъ, безъ потрясеній, у тебя не было семьи,—сказалъ отецъ.

— Потрясенія! семья!—дядя заботливо потеръ лобъ, какъ будто у него подъ черепомъ забрался какой-то комаръ и засосалъ его мозгъ. — Нѣтъ, братъ, это невозможно, рѣшительно невозможно! — заговорилъ онъ отрывисто и взволнованнымъ голосомъ. — На жизнь надо смотрѣть философски. Эгоизмъ прежде всего. Волненіе — медленное самоубійство. Вѣдь это дурь, сумасшествіе! Жизнь дана для жизни, а не для смерти. И что такое потрясенія?—освѣжительная гроза, ливень послѣ засухи: сегодня скорбь, а завтра радость!

— Но съ Мари я утратилъ все, я не нахожу нигдѣ мѣста. Эта скорбь не обѣщаетъ радости на завтра.

Отецъ говорилъ небрежно, нехотя.

— Мари была женщина, и ты не могъ разсчитывать на ея безсмертіе.

— Значитъ: забыть?

— Утѣшиться!.. И развѣ съ нею умерли всѣ женщины? Неужели увядшій цвѣтокъ долженъ вызывать слезы, если кругомъ красуются тысячи такихъ же цвѣтовъ, какимъ былъ онъ?

— Такъ жениться?

— Пожалуй, да; но полюбить—во всякомъ случаѣ.

Отецъ пожалъ плечами.

— А денежныя обстоятельства?—съ раздраженіемъ спросилъ онъ, играя ножомъ.

— Въ этомъ я не знаю толку; но приказчикъ вѣрно достанетъ тебѣ денегъ.

— Сколько лѣтъ мы не видались съ тобою?

— Восемь.

— И ты остался все тѣмъ же...

Отецъ поискалъ подходящее слово.

— ...поэтомъ,—подсказала тетушка, усмѣхаясь.

— Именно поэтомъ.

— Поэзія тѣмъ и хороша, что она не умираетъ и вѣчно оживляетъ своихъ любимцевъ.

— Бросая ихъ, когда они поступаютъ на службу, или...

— Зачѣмъ же служить?

— Хорошо тебѣ! Но вѣдь я представитель нашего рода, не забиться же мнѣ въ деревню, чтобы черезъ два поколѣнія съ нами случилось то же, что съ Шупениковыми.

Дядя снова началъ тереть лобъ.

— Да, да, долгъ! Ты меня извини, я совершенно упустилъ это изъ виду.

Наступило молчаніе.

— Вы хорошо знаете русскій языкъ? — вдругъ рѣзкимъ гономъ произнесъ отецъ, никого не называя по имени, но устремивъ глаза на конецъ стола.

— Я-съ русскій, — послышался оттуда отвѣтъ, произнесенный обиженнымъ голосомъ.

Я только въ эту минуту замѣтилъ, что въ концѣ стола помѣщалась худенькая фигура сельскаго священника. Онъ пришелъ, чтобы отслужить молебенъ по случаю нашего пріѣзда, но отецъ сказалъ: «мы не на житье пріѣхали въ эту глушь»,—и изъ вѣжливости пригласилъ священника къ завтраку.

— Я знаю, что французы не бываютъ русскими священниками,—иронически проговорилъ отецъ.—Но я спрашиваю: хорошо ли вы знаете русскій языкъ?

— Вы, вѣроятно, хотите сказать: *правила* русскаго языка,—уже съ полнымъ достоинствомъ и твердо замѣтилъ тотъ.

— Я всегда говорю то, что хочу сказать. Не зная правилъ, нельзя знать языка,—внушалъ отецъ.

— Однако, мужики...

— Однако, «отселева и оттелева», «тово», «воно-какъ оно» и «энтакой» не есть русскій языкъ и говорить эти слова не значитъ умѣть говорить по-русски,—прервалъ отецъ такимъ тономъ, какъ-будто съ каждымъ словомъ давалъ по удару своему противнику.

Священникъ опустилъ голову.

— Ну?—вопросительно процѣдилъ отецъ, остановивъ на противникѣ свои глаза.

Какъ сейчасъ помню, что именно въ это мгновеніе я впервые разглядѣлъ отцовскіе глаза, и по мнѣ пробѣжала дрожь. Оловянно-голубоватые, большіе, безпощадно холодные, они словно хотѣли вымучить изъ противника каждое слово, каждый звукъ.

— Я знаю правила русскаго языка, — почти шопотомъ

промолвилъ священникъ, опустивъ глаза въ тарелку, какъ бы желая спрятаться отъ инквизиторскаго взгляда.

Тетка злобно улыбалась, покачивая изъ стороны въ сторону головой.

— Съ этого надо было начать. Такъ вы будете въ продолженіе лѣта заниматься съ Павломъ Константиновичемъ и Еленой Константиновной русскимъ языкомъ и священной исторіей.

Завтракъ кончился, всѣ встали.

— Когда вамъ угодно, чтобы я началъ занятія?

— Мнѣ угодно, чтобы вы начали ихъ завтра.

Священникъ сталъ откланиваться; онъ былъ молодъ, и въ его обращеніи еще проглядывала неловкость семинариста.

— Благословите меня, батюшка,—произнесла сестра, подходя къ нему.

Онъ, краснѣя, перекрестилъ ее и поцѣловалъ въ голову, когда она цѣловала его руку. Я послѣдовалъ ея примѣру безъ всякой задней мысли. По лицу священника пробѣжало свѣтлое выраженіе кроткой любви.

— Это что-то новое! — сказалъ отецъ, нахмуривъ брови, когда ушелъ священникъ. — Гдѣ вы этому научились, сударыня?

— Всѣ должны подходить подъ благословенье священниковъ, это мама говорила; она ихъ никогда не обижала, — твердымъ и вызывающимъ голосомъ промолвила сестра, дѣлая удареніе на послѣдней фразѣ.

— Вотъ оно что! — отвѣтилъ отецъ на этотъ наивный дѣтскій протестъ и пошелъ въ свой кабинетъ для переговоровъ съ приказчикомъ.

Дядя пошелъ ловить рыбу и сказалъ, чтобы я пришелъ къ нему. Захвативъ фуражку, я побѣжалъ черезъ садъ къ рѣкѣ. Изъ отцовскаго кабинета неслись страшные звуки брани. Я пріостановился.

— Я тебя выучу! Я тебѣ покажу, какъ собирать оброки. Капиталъ нажилъ, сына откупилъ на волю. Ты думаешь, что и ты бариномъ сталъ! Я тебѣ покажу, какой ты баринъ? Недоимки! Платить не могутъ! А изъ какихъ денегъ твой сынъ въ городѣ лавку снялъ? А?

Я все слушалъ и ждалъ, что скажетъ приказчикъ.

— Чтобы мнѣ было все собрано до копейки въ недѣлю! Слышишь?—гремѣлъ отецъ.

— Слушаю-съ! — гробовымъ голосомъ отвѣтилъ приказчикъ, точно произнесъ надъ кѣмъ-то: со святыми упокой!

Я поспѣшилъ выбраться изъ сада и пришелъ къ рѣкѣ. Тамъ на берегу сидѣлъ дядя въ соломенной шляпѣ съ широкими полями, въ свѣтломъ галстучкѣ, въ лѣтнемъ костюмѣ. Онъ не то ловилъ рыбу, не то любовался природой, наслаждаясь своимъ сладкимъ бездѣльемъ. Изящно одѣтый, съ засученными для чего-то рукавами, изъ-подъ которыхъ виднѣлась рубашка ослѣпительной бѣлизны съ дорогими запонками, онъ былъ прекрасенъ; его добродушное и умное лицо носило слѣдъ раздумчивости, какъ-будто въ его головѣ созрѣвали великія думы. Эти великія думы выливались изрѣдка въ звучныхъ стихахъ, печатавшихся въ журналахъ того времени, въ нихъ трактовалось о красотахъ природы, о ея тихомъ покоѣ и слышались постоянные призывы туда, туда... Я пошелъ къ нему.

— А, Поль, пришелъ! Хорошо здѣсь?—спросилъ онъ.

— Да,—отвѣтилъ я.

Я оглянулся кругомъ, и опять заняли меня лодки, барки, поля и все это, озаренное солнечнымъ свѣтомъ, пахнуло благотворно на мою душу. Долго всматривался я въ каждый предметъ и съ каждой минутой находилъ все новыя картины и прелести. Между тѣмъ къ намъ подошли незамѣченные нами пять или шесть мужиковъ.

— Отецъ родной! не дай въ обиду! — заговорилъ одинъ изъ нихъ и бухнулся передъ ногами дяди на землю; его примѣру послѣдовали и другіе.

Дядя вскочилъ.

— Встаньте, встаньте! Что вы, братцы?—произнесъ онъ взволнованнымъ голосомъ.

— Не дай въ обиду! Житья нѣтъ,—говорили они одинъ за другимъ.

— Да въ чемъ дѣло, ребята?

— Приказчикъ обноситъ насъ передъ бариномъ. Оброковъ, говоритъ, платить не хотимъ...

— Ну, смѣнить его, смѣнить каналью! — загорячился дядя. — Клеветать вздумалъ, ахъ, онъ подлецъ, ахъ, мошенникъ!

— Мы какъ есть все до копеечки представимъ, вотъ только съ хлѣбомъ управимся...

— Какъ же это, братцы, значитъ, за вами недоимки есть?

— Есть, точно есть, нечего грѣха таить, какъ не быть,— послышались голоса.—Только ужъ мы все до копеечки представимъ, вотъ...

Дядя началъ тереть лобъ, комаръ снова засосалъ его мозгъ.

— Но вѣдь барину нужны деньги теперь, такъ вы ужъ выплатите теперь, а приказчика онъ смѣнитъ.

— Да гдѣ же у насъ деньги теперь? Какія теперь деньги! Вишь ты лѣто-то...

— Ну, ужъ вы оборотитесь какъ-нибудь, братцы. Этакъ нельзя.

— Выручи, отецъ родной, заступись!

— Да что же я могу сдѣлать? Брату деньги нужны, понимаете вы, братцы, что ему деньги нужны?

— Какъ не понять... Это извѣстное дѣло...

— Ну, вотъ видите ли, что жъ я могу тутъ сдѣлать? Ну, подумайте, что̀ я могу сдѣлать?

Мужики понурили головы.

— Точно что оно... Что̀ тутъ подѣлаешь?—заговорили они и вдругъ снова бухнулись въ землю со словами: заступись!

— Эхъ, братцы, если бы я былъ при деньгахъ, я бы выплатилъ за васъ, вы бы мнѣ возвратили послѣ, дѣло бы и сладилось, а то я самъ не при деньгахъ. Что жъ тутъ подѣлаешь? Вѣдь ничего не подѣлаешь!

— Точно что ничего не подѣлаешь,—согласились мужики.

— Вы ужъ какъ-нибудь извернитесь; а приказчика мы смѣнимъ.

— Что приказчикъ! Извѣстное дѣло, приказчикъ! Мы ему зла не хотимъ, другой на первыхъ порахъ еще хуже будетъ,—заговорили они.

— Такъ что же, братцы, развѣ вы хотите, чтобъ этотъ остался?

— Это ужъ все едино. Мы насчетъ оброка-то, что онъ говоритъ, что мы платить не хотимъ...—замялись просители.

— Нѣтъ ужъ, вы извернитесь,—промолвилъ дядя и поспѣшно распрощался съ ними.

Подъ этой сценой, записанною отъ слова до слова въ его дневникѣ, слѣдуютъ разсужденія о неразвитости мужиковъ и великолѣпные планы устроить народныя школы, если найдутся на этотъ конецъ деньги. Былыя времена!

— Дядя, за что папаша требуетъ съ нихъ денегъ?—спросилъ я дядю дорогою.

Мнѣ было очень жаль мужиковъ.

— Это оброкъ; они не заплатили его сполна.

— Развѣ нищіе платятъ деньги?

— Это не нищіе, это твои крестьяне.

— Какъ мои?—воскликнулъ я.

— Да, то-есть будутъ твоими. когда ты будешь совер-

шеннолѣтнимъ. Это мужики изъ имѣнія твоей матери, ты ея наслѣдникъ; я думаю, ты это слышалъ отъ отца.

— Такъ я не хочу брать съ нихъ денегъ, мнѣ ихъ не нужно,—заговорилъ я.—Мамаша сама давала нищимъ. Я этого не хочу, у нихъ ноги босыя...

Я волновался и готовъ былъ зарыдать; мнѣ вдругъ вспомнилась матушка, въ ушахъ зазвучали ея сѣтованія о бѣдныхъ людяхъ, припомнилось ея кроткое обращеніе со всѣмъ, что бѣдно и забито: неодолимая тоска сжала мое сердце.

Дядя, между тѣмъ, теръ свой лобъ.

— Ты не говори объ этомъ отцу,—вкрадчиво-ласковымъ голосомъ замѣтилъ онъ.

— Развѣ ты его боишься? У него глаза страшные,—вопросительно сказалъ я.

— Не боюсь, но ты не говори...

— Нѣтъ, ты его боишься,—утвердительно промолвилъ я, поддаваясь какому-то злобному чувству.

— Фу! что за глупости ты говоришь!

— Да, да, ты боишься его, а еще большой такой, длинный, а трусишь!

Мнѣ кровь хлынула въ голову, голосъ дрожалъ отъ злости, хотя я не могъ дать себѣ отчета, за что именно я злюсь. Мнѣ только черезъ мѣсяцъ должно было исполниться девять лѣтъ.

Мы подходили къ дому.

— Ты съ ума сошелъ?

— Трусъ, трусишка, длинный!—дразнилъ я дядю.

— Это что за исторія? — раздался строгій голосъ надъ моимъ ухомъ, я и дядя обернулись: за нами стоялъ отецъ.

— Ничего, глупости,—поспѣшилъ промолвить дядя.

Я увидалъ оловянные глаза и уже дрожалъ всѣмъ тѣломъ, вся храбрость пропала.

— Павелъ, я тебя спрашиваю?

— Я не хочу оброка, не хочу оброка! Мамаша сама подавала нищимъ,—зарыдалъ я.

— Какого оброка? Откуда?

— Я наслѣдникъ...

— Ты наслѣдникъ моихъ старыхъ штановъ!—отчетливо крикнулъ отецъ и обратился къ брату.—Ну-съ, что же это за исторія?—процѣдилъ онъ сквозь зубы.

Юлить было невозможно. Начались объясненія. Отецъ выслушалъ все подробно и на минуту задумался.

— Каковъ! — раздался змѣиный вопросъ съ террасы, и

болѣе ничего не прибавила тетка, даже не показалась на сцену дѣйствія, но одно это слово рѣшило все, вывело отца изъ раздумья.

— Розогъ!—крикнулъ онъ, вводя меня за плечо въ домъ

Розги были принесены.

— Раздѣвайся!

Я медлилъ.

— Ну!—нетерпѣливо поторопилъ отецъ, не глядя на меня.

Черезъ минуту послышался приказъ: «ложись!», еще черезъ минуту началось сѣченье. Я пробовалъ вскочить, меня велѣли держать. Мнѣ было мучительно стыдно этихъ незнакомыхъ людей. Сначала я кричалъ до хрипоты, потомъ тихо плакалъ и молилъ, какъ послѣдній нищій, о пощадѣ, наконецъ, у меня не стало голоса, боли больше не чувствовалъ, но ощущалъ страшный жаръ во всемъ тѣлѣ, а меня все сѣкли... По мнѣ начали бѣгать мурашки, я сталъ холодѣть... Я очнулся въ своей комнатѣ на постели; попробовалъ сѣсть — не могъ, хотѣлъ перевернуться — тоже не удалось; я началъ плакать.

— Голубчикъ, миленькій, не плачь!—раздался надъ моимъ ухомъ голосъ сестры.

— Леля, это ты?—спросилъ я, не имѣя возможности разглядѣть ее, такъ какъ въ комнатѣ были закрыты ставни.

— Я, только ты говори тише,—шептала она.—Тебѣ больно?

— Я умру, Леля, непремѣнно умру.

— Нѣтъ, миленькій, не умирай! Меня безъ тебя убьютъ. Мы вмѣстѣ будемъ жить, будемъ любить другъ друга. Ты меня прости, что я тебя утромъ бранила...

Леля цѣловала мои руки, стоя на колѣняхъ у моей кровати, и долго-долго всячески старалась утѣшать меня, хотя всѣ ея утѣшенія были отрывчаты и безсвязны; видно было, что и она страдала не меньше меня. Я тихо уснулъ подъ ея лепетъ и проспалъ въ горячечномъ бреду до утра.

Проснувшись рано, я почувствовалъ жгучую боль, и передо мною ожили снова всѣ происшествія минувшаго дня. Со всѣмъ пыломъ дѣтской фантазіи я представлялъ себѣ новыя муки, которымъ, по моему мнѣнію, подвергнетъ меня отецъ: онъ представлялся мнѣ палачомъ! Я сталъ придумывать, какъ бы спастись, куда бы убѣжать, подъ чью защиту. Оказалось, что бѣжать некуда, что защиты для меня не имѣется въ цѣломъ мірѣ. Я началъ размышлять, кого я болѣе ненавижу изъ своихъ родныхъ: тетку, отца или дядю? Дѣтское чутье подсказало: дядю. Причина для его обвине-

нія была найдена весьма наивная. «Меня не сѣкли,—говорилъ я себѣ:—покуда не явился дядя, не явись онъ и теперь, меня и здѣсь не за что было бы сѣчь, значитъ онъ хуже всѣхъ. Сверхъ того, папа любилъ маму, а дядя не велитъ ее любить, говоритъ, что она должна была умереть. Онъ хуже всѣхъ». Черезъ долгіе годы я нашелъ другія причины убѣдиться, что дядя былъ дѣйствительно хуже всѣхъ, но въ ту пору съ меня было вполнѣ достаточно и этой, чтобы возненавидѣть этого прекраснаго, сладкорѣчиваго и кроткаго господина-поэта. Попробовалъ я молиться, но боль не давала возможности спокойно читать молитву. Такъ прошло время до тѣхъ поръ, пока меня позвали къ чаю. Едва переступая, опустивъ голову на грудь, стыдясь взглянуть на незнакомую мнѣ прислугу, которая уже успѣла меня высѣчь, вошелъ я въ столовую. Мнѣ налили чаю. Всѣ старались не обращать на меня никакого вниманія, какъ на какую-то вселяющую отвращеніе гадину. Вы знаете, читатель, это натянутое, скверное и безнравственное положеніе, когда большіе выпорютъ ребенка и, мучась пошленькимъ и гаденькимъ самолюбьицемъ, молчаливо выжидаютъ, когда онъ самъ подойдетъ къ нимъ вымаливать прощеніе; по большей части именно это вымаливанье прощенья и бываетъ цѣлью сѣченья, не приносящаго никому никакой пользы. Вообще, мы очень любимъ, чтобы намъ кланялись; вѣрно это происходитъ оттого, что у всѣхъ насъ давно болитъ спина отъ старыхъ поклоновъ... Но и въ этомъ скверномъ положеніи нашлось для меня утѣшенье: сестра очень бойко подошла ко мнѣ и поцѣловала меня, не обращая вниманія на гнѣвный взглядъ тетки. Послѣдняя шепнула что-то отцу, указавъ глазами на насъ. Отецъ съ нетерпѣніемъ передернулъ плечами.

— Ты вернешься со мною въ Петербургъ,—сказалъ онъ.— Отъ тебя всѣ отказываются, негодяй!

— Да, да,—поспѣшила утѣшить меня тетка.—Ужъ я-то ни за что не возьму его къ себѣ послѣ этой исторіи; онъ, особенно если съ нимъ будетъ его сестрица, такихъ чудесъ натворитъ, что придется бѣжать изъ своего дома отъ нихъ.

— Я съ своей стороны тоже не намѣренъ тратить изъ-за него здоровья и терять спокойствіе,—прибавилъ дядя, стараясь не смотрѣть на меня.

Они вообще не упоминали моего имени, не указывали на меня и говорили обо мнѣ, какъ о какомъ-то отсутствующемъ лицѣ, вѣроятно, для вящшаго позора.

— Въ кантонисты его нужно отдать, чтобы тамъ проучили, — рѣшилъ отецъ, но въ его голосѣ не было ни рѣшительности, ни злобы.

Я сидѣлъ съ потупленной головой, не подозрѣвая, что весь этотъ разговоръ былъ подготовленъ для того, чтобы я, ошеломленный грозными рѣчами, расчувствовался и попросилъ прощенія у публики. Она, бѣдная, мучилась въ эти минуты едва ли не сильнѣе меня, а я, какъ неопытный актеръ, высѣченный въ первый разъ, не зналъ, какъ надо развязать драму. Отецъ, не привыкшій говорить иносказательно, умышленно подготовлять сцены, первый измѣнилъ тактику.

— Проси прощенья у дяди!—приказалъ онъ.

Я посмотрѣлъ на него, его лицо было серьезно, но далеко не злобно въ эту минуту; потомъ взглянулъ на дядю, тотъ сидѣлъ, развалившись въ креслѣ, и, кажется, готовился протянуть мнѣ руку для цѣлованія; онъ улыбался. Мнѣ вспомнились мои утреннія размышленія, дядя со своею сладкою улыбкою показался еще противнѣе. Я опять опустилъ голову и продолжалъ молчать.

— Ну, что же ты?—спросилъ отецъ.

— Папа! голубчикъ! — надрывающимся голосомъ вскричалъ я: — засѣки меня, если хочешь, а у него я не стану прощенья просить: онъ улыбается.

Отецъ широко раскрылъ глаза и мелькомъ взглянулъ на дядю; тотъ растерялся и завозился въ креслѣ, еще пошлѣе расширяя свой ротъ улыбкой.

— Это что значитъ?

— Вези меня, куда хочешь, хоть въ кантонисты, но не оставляй здѣсь. Я не стану просить у него прощенія. Ты не сѣкъ меня прежде, ты за него меня высѣкъ!

— Я тебя и теперь высѣку.

— Сѣки!—я всталъ со стула и взялся за первую пуговицу курточки, готовясь ее разстегнуть.

Всѣ съ любопытствомъ смотрѣли на меня, ожидая, что̀ будетъ. Отецъ холодно взглянулъ на дядю и на тетку и тихо сказалъ мнѣ:

— Пей чай, а тамъ посмотримъ, что̀ дѣлать.

— Каковъ характерецъ?—прошипѣла тетка.—И это еще девятилѣтній ребенокъ!

— Хорошо, если бы большіе болваны постарались походить на него,—отчетливо выговорилъ отецъ.

Теткѣ показалось, что оплеуха досталась именно *ей*; дядя

былъ вполнѣ увѣренъ, что это его съѣздили по физіономіи, и оба сочли непремѣнною обязанностью надуться.

Съ этой минуты въ домѣ воцарилась тишина. Тетка только кивала головой, словно напѣвая про себя: «хорошо, хорошо, отплачу». Дядя разговаривалъ очень мало, писалъ въ дневникѣ о воспитаніи дѣтей вообще и о дѣтскихъ характерахъ въ особенности, и говорилъ всѣмъ *вы*—признакъ крайняго неудовольствія; даже одинъ разъ сказалъ отцовой собакѣ: подите на дворъ!.. Впрочемъ, за послѣднее я не ручаюсь, можетъ-быть, это выдумала моя сестра, старавшаяся всѣми средствами развеселить меня. Отецъ былъ угрюмъ, но, незамѣтно для самого себя, обращался со мною внимательнѣе обыкновеннаго. Съ его необузданнымъ и дикимъ характеромъ надо было умѣть ладить, и я моею выходкой нечаянно подладился подъ него; это-то и обратило гнѣвъ на милость и привело къ развязкѣ, которой никто не предвидѣлъ и не желалъ.

Черезъ три недѣли отецъ позвалъ меня къ себѣ и спросилъ: хочу ли я приготовляться для поступленія въ корпусъ и жить покуда въ домѣ моего крестнаго отца, или желаю жить у тетки? Я поспѣшилъ изъявить согласіе на первое предложеніе, хотя и не имѣлъ никакого понятія о крестномъ отцѣ.

— Ты долженъ будешь учиться и не бить баклушъ,— строго замѣтилъ онъ.

— Я давно хочу учиться,—отвѣчалъ я.

— Ну, если будешь прилеженъ, то мы будемъ друзьями, слышишь?

— И ты меня простишь?—спросилъ я, не зная, какія чувства питаетъ ко мнѣ отецъ: ненависть или любовь.

— Я на тебя и не сердился; я вспыльчивъ. Дядя, такъ тотъ на тебя и теперь дуется, да на всякое чиханье не наздравствуешься,—порѣшилъ онъ.

Сестру опечалило извѣстіе о близкой разлукѣ со мною, я старался ее утѣшить обѣщаніями писать къ ней; самъ же я не чувствовалъ слишкомъ сильной грусти при мыслѣ о разлукѣ съ нею, отчасти по ребяческой беззаботности, отчасти же потому, что видѣлъ близкое исполненіе моего желанія,—начало ученья, возможность сравняться съ сыномъ Григорья Ивановича. Я уже воображалъ себя и первымъ математикомъ, и отчаяннымъ латинистомъ; все это казалось мнѣ такимъ легкимъ дѣломъ, что и задумываться о немъ не стоитъ: захотѣлъ и сдѣлалъ. Прошла еще недѣля. деньги

были собраны всѣми неправдами, хлѣбъ продался на корню, и мы съ отцомъ собрались въ путь, конечно, не въ понедѣльникъ и потому неудачи нечего было бояться. Посидѣли минутъ съ пять, встали, начали прощаться. Тетка холодно простилась со мною, я забылъ поцѣловать у нея руку. Дядя назвалъ меня Павломъ Константиновичемъ и шаркнулъ передо мною ножкой... Сестра неутѣшно плакала, провожая меня на крыльцо.

— Черезъ два мѣсяца увидимся!—кричалъ я ей, когда тронулся экипажъ.

— Пиши ко мнѣ!—кричала она...

Здѣсь оканчивается періодъ моего дѣтства; я начинаю не просто расти, но и развиваюсь; мой умъ вступаетъ въ свои права. Я мыслю, гляжу пристальнѣе на окружающіе меня предметы и дѣла людей; моими поступками управляютъ уже не одни первыя побужденія, но и сознаніе, что то или другое хорошо или дурно. Конечно, я еще не понимаю, что̀ такое жизнь и къ чему долженъ стремиться человѣкъ, но у меня уже есть стремленьице выучиться тому, что̀ знаетъ сынъ Григорья Ивановича. Какъ ни мало это стремленьице, однако, оно волнуетъ меня, подталкиваетъ на дѣло, я живу во имя его, а не для одной ѣды и питья. Толковый воспитатель именно въ это время могъ бы воспользоваться моимъ пробужденіемъ и повести меня на хорошій путь...

Теперь, читатель, въ жилище моего крестнаго папеньки, перваго встрѣчнаго чиновника, благодѣтеля рода Шуповыхъ!

IV.

Чиновникъ Люлюшинъ, его жена и дѣти.

Іюль мѣсяцъ. Солнце палитъ безъ милосердія. Раскаленные, какъ печи, высокіе каменные дома пышутъ нестерпимымъ жаромъ на узкія загроможденныя строительнымъ матеріаломъ улицы. Удушливый, сухой вѣтеръ поднимаетъ известковую пыль, несетъ ее по разобранной мостовой, врывается съ нею въ растворенныя окна, покрывая бѣлымъ слоемъ столы и стулья, вихремъ взвиваетъ ее выше и, смѣшивая съ дымомъ,—валящимъ клубами изъ трубъ,—сѣрою сѣтью держится надъ городомъ, застилая голубое небо отъ глазъ облитыхъ пòтомъ, изморившихся чиновниковъ, бѣгущихъ въ департаменты съ мыслью: разрѣшитъ ли имъ начальство отпускъ на 28 дней;—отъ некрасивыхъ женщинъ, спѣшащихъ съ рынка, разсчитывающихъ, не обчелъ ли ихъ мясникъ, не успѣвшихъ снять папильотки, расплести ко-

сички надъ лоснящимися лбами и пышно взбить послѣдніе клочки рѣдѣющихъ волосъ,—отъ оборванныхъ, являющихся почти въ природной наготѣ мостильщиковъ, штукатуровъ и барочниковъ, уже успѣвшихъ поѣсть хлѣбушка съ квасомъ и спящихъ сномъ праведниковъ на мостовой подъ шумъ несущихся на дачи экипажей и крики передового, очищающаго дорогу для пожарныхъ, спѣшащихъ на пожаръ въ Ямскую...

Въ такой день прибылъ я съ отцомъ въ Петербургъ и былъ ошеломленъ этою картиною, какъ будто увидалъ ее впервые, хотя ровно за мѣсяцъ она не поражала меня; но тогда я не зналъ еще деревни, не дышалъ ея освѣжающимъ воздухомъ. И, все-таки, я бѣжалъ изъ нея... Мы остановились въ гостиницѣ, отецъ на скорую руку поѣлъ и уѣхалъ къ моему крестному отцу, оставивъ меня одного. Я сидѣлъ въ раздумьи у окна; гдѣ-то на улицѣ мучительно ныла шарманка, заглушаемая еще болѣе мучительнымъ воемъ расчувствовавшейся собаки; недалеко отъ моего окна, вися въ воздухѣ, распѣвалъ заунывную пѣсню штукатуръ, изрѣдка ругая крупнымъ словцомъ мужика, хладнокровно сидѣвшаго на мостовой и поддерживавшаго веревку, поднимавшую ругателя; съ Невскаго проспекта несся какой-то смутный гулъ ѣзды, криковъ, движенія... Я впервые почувствовалъ свое одиночество. Изъ моихъ глазъ лились слезы, горькія, жгучія слезы неодолимой тоски, скуки и безпомощности. Если бы въ эту минуту кто-нибудь, хоть глупецъ, хоть развратный негодяй приласкалъ меня, сказалъ бы слово привѣта,—я отдалъ бы ему за эту ласку, за это слово свою дѣтскую душу, отдалъ бы на всякое дѣло, навсегда, беззавѣтно, всецѣло... Послѣ не разъ видѣлъ я, какъ покупали негодяи дѣтскія души именно въ такія минуты— и въ ребенкѣ погибалъ будущій человѣкъ...

Черезъ два часа отецъ возвратился съ чемоданомъ и велѣлъ мнѣ собираться къ переѣзду на квартиру крестнаго отца. Въ нѣсколько минутъ мои вещи перешли изъ отцовскаго чемодана въ мой собственный—это первая *моя* собственность — и черезъ часъ меня и мой чемоданъ уже перевозили на новое жилище. Мы остановились противъ нашего собственнаго дома и стали взбираться по лѣстницѣ большого дома, занимавшаго меня въ былые дни. Во второмъ этажѣ мнѣ встрѣтились два знакомые по лицамъ мальчугана, которыхъ я когда-то видѣлъ изъ-за занавѣсокъ спускающими мыльные пузыри. «Вотъ они, дѣти-то кресто-

носцевъ!—подумалъ я.—А что, если они меня поколотятъ?» Въ четвертомъ этажѣ мы остановились и позвонили у дверей, на которыхъ была дощечка домашняго издѣлія—о чемъ я узналъ послѣ — съ надписью: «Надворный совѣтникъ Абрамъ Семеновичъ Люлюшинъ».

— А! милости просимъ, дорогіе гости! Скоро, скоро собрались; по-военному, батюшка, по-военному! — зачастила сладчайшимъ голосомъ мясистая госпожа, отворившая намъ двери; въ то же время я почувствовалъ на своей щекѣ горячее дыханіе и услышалъ звукъ мокраго поцѣлуя, сопровождавшійся восклицаніемъ: «здравствуйте, душенька!»

Люлюшина — это была она — повела насъ въ гостиную черезъ переднюю, отдѣленную перегородкой отъ кухни: въ комнатѣ припахивало чадомъ и отдавало прѣлымъ, жаренымъ и вареным. Эти запахи словно нарочно вырывались изъ кухни въ гостиную, чтобы успокоить посѣтителя и заявить ему на первыхъ же порахъ, что здѣсь не голодаютъ люди, а ѣдятъ—и плотно, и много ѣдятъ.

— У извозчика вещи,—лаконически сказалъ отецъ.

— Сейчасъ, сейчасъ. Колька, сбѣгай за вещами Павла Константиновича.

Колька былъ сынъ Люлюшиныхъ, мальчикъ лѣтъ одиннадцати.

— Ему не снести чемодана, — замѣтилъ отецъ, смѣривъ глазами мальчугана.

— Такъ онъ дворнику велитъ; вы дадите ему на чай?— вопросительно прибавила хозяйка.

— Ну да, разумѣется,—нетерпѣливо промолвилъ отецъ.

— Бѣги же! чего ты ротъ-то разинулъ? Охъ, дѣти, дѣти!—вздохнула Люлюшина, качая головой.

— Вы мнѣ напишите адресъ учителя вашихъ дѣтей, чтобъ я могъ съ нимъ переговорить и условиться.

— Сейчасъ, сейчасъ, только безъ очковъ-то я не могу написать,—съ замѣтнымъ замѣшательствомъ замялась хозяйка.—И гдѣ это мои очки запропастились?

— Да я самъ напишу, вы мнѣ скажите только, гдѣ онъ живетъ.

— Извольте, извольте, вотъ вамъ карандашикъ и бумажечка.

Люлюшина старалась быть въ высшей степени любезною и нѣжничала даже съ карандашомъ и бумагой, придавая имъ уменьшительныя названія.

Отецъ записалъ адресъ и уѣхалъ. Люлюшина повела меня

человѣкъ хочетъ жить и живетъ своимъ умомъ, другіе не должны ему мѣшать; если онъ имъ не нравится,—они могутъ съ нимъ разойтись, но не вмѣшиваться въ его дѣла. Такъ и мы съ тобой, куда бы мы ни пошли и что́ бы ни дѣлали—это все равно, ты только долженъ учиться и не быть негодяемъ, я же обязанъ дать тебѣ отчетъ только въ дѣлахъ наслѣдства, оставленнаго тебѣ матерью. Я это говорю тебѣ теперь, потому что мы можемъ не увидаться нѣсколько лѣтъ. Прощай!

Я зарыдалъ: мнѣ казалось, что онъ бранитъ меня за что-то.

— Папа, голубчикъ, я тебя очень люблю, такъ люблю, какъ любила тебя мама!

Лицо отца дрогнуло, но не болѣе.

— Прощай, прощай, сынъ мой!—поспѣшно произнесъ онъ, поцѣловавъ меня, и торопливо вышелъ вонъ.

Онъ хотѣлъ, чтобы я былъ твердымъ, не похожимъ на бабу.

— Проводили папашу, ангелочекъ мой! Полноте плакать; папаша будетъ, Богъ дастъ, здоровъ, мамашу новую привезетъ,—утѣшала Аграфена Степановна.

— Не надо мнѣ никакой мамаши,—сквозь слезы отвѣтилъ я.

— И то правда! Ужъ никто не замѣнитъ родной матери, только дѣти-то этого не понимаютъ, пока мать жива; жизнь ей всю отравляютъ, въ гробъ ее сводятъ. А пожили бы съ мачихой, такъ узнали бы, что̀ за горесть на свѣтѣ. Вотъ ужъ, какъ говорится: мачиха хлѣбъ рѣжетъ, да ножомъ грозитъ! Что, вороны, рты-то разинули? глядите, какъ сироты-то плачутъ! — пугнула она своихъ сыновей. — Ну, полноте, батюшка! Поиграйте съ моими ребятишками. Вотъ мой старшій сынъ Николай, а вотъ послѣдышекъ Шура. Играйте, голубчики; мнѣ пора на столъ накрывать, сейчасъ Абраша придетъ.

Мальчики предложили мнѣ поиграть въ карты или въ лото, но я не умѣлъ играть ни въ то, ни въ другое, и потому они рѣшили, что на первый разъ я буду смотрѣть, какъ они играютъ, и, такимъ образомъ, постигну таинства этой забавы. Я задумчиво сталъ слѣдить за игрой, мои мысли унеслись далеко, и въ игрѣ я не понялъ рѣшительно ничего. Черезъ нѣсколько минутъ пришелъ мой крестный отецъ. Не снимая форменной фуражки, онъ прямо прошелъ къ своему письменному столу и сталъ разбирать бумаги.

— Груша, курьеръ не приносилъ отъ генерала бумагъ?— крикнулъ онъ женѣ, находившейся въ кухнѣ.

— Нѣтъ еще, Абраша,—отозвалась она.

— Ну, такъ вели поскорѣе подавать обѣдать; я самъ сбѣгаю за ними послѣ. Кто это опять мой карандашъ чинилъ?

— Это я, папоцка,—отвѣтилъ Шура.

— То-то: я! изводите только доброе; третій карандашъ въ этомъ мѣсяцѣ вынимаю. А спроси: на что чините? такъ, небось, и не отвѣтишь. Видно не своимъ горбомъ достаете! А! ужъ вы и перебрались?—произнесъ Люлюшинъ, увидѣвъ меня, и снялъ фуражку и перчатки.

Мы сѣли за столъ.

— Я думаю, хорошо теперь въ деревнѣ?

— Очень хорошо,—отвѣтилъ я.

— Вотъ нашему брату такъ некогда разъѣзжать по деревнямъ.

Тѣмъ наша бесѣда и кончилась. Абрамъ Семенычъ принялся съ жадностью голоднаго волка истреблять пылающій супъ, говядину и соусъ, сдѣлавъ выговоръ за то, что соусъ холоденъ, хотя и обжигалъ имъ губы. Аграфена Степановна, стараясь поправить ошибку мужа, вела со мною любезные разговоры и сочла непремѣнною своею обязанностью повторить нѣсколько разъ, что Абраша очень, очень желалъ меня видѣть; Абраша въ это время оставался совершенно спокойнымъ, вѣроятно, полагая, что рѣчь идетъ не о немъ, а о какомъ-нибудь другомъ Абрамѣ, моемъ родственникѣ. Мнѣ, несмотря на мою молодость, было очень трудно повѣрить увѣреніямъ Люлюшиной, потому что мы съ Абрамомъ Семенычемъ были почти столько же знакомы другъ съ другомъ, сколько и съ китайскимъ императоромъ. Раза четыре въ жизни видѣлъ я крестнаго отца и то мелькомъ, когда онъ приходилъ съ разными просьбами къ моему отцу, онъ же видѣлъ меня близко послѣ моихъ крестинъ только однажды и, кромѣ односложныхъ фразъ: «здравствуйте! здоровы ли вы?»—не сказалъ мнѣ во всю жизнь ни одного слова. Мы были чужіе, и Люлюшинъ, какъ дѣловой человѣкъ и далеко не сентиментальный чиновникъ, кажется, вполнѣ вѣрно понималъ наши отношенія; можетъ-быть, считалъ меня дойною коровою, но родственникомъ— ни въ какомъ случаѣ. Его супруга точно такъ же понимала это въ душѣ, но, съ свойственною нашимъ женщинамъ мягкостью и любезностью, хотѣла доказать даже дойной ко-

ровѣ, что ее будутъ доить ради родственной привязанности. Черезъ часъ послѣ обѣда пришелъ учитель. Занятія должны были идти въ моей комнатѣ и, хотя она, по словамъ Аграфены Степановны, принадлежала исключительно мнѣ, но съ перваго же дня моего поселенія здѣсь, въ ней поселились и дѣти хозяевъ со своими книгами и тетрадями, подъ тѣмъ предлогомъ, что вмѣстѣ заниматься намъ будетъ удобнѣе... Но зачѣмъ же перенесли въ мою комнату кровать для нихъ? Неужели вмѣстѣ и спать удобнѣе? Спали же они прежде въ спальнѣ отца и матери? Аграфена Степановна говорила, что, можетъ-быть, я немного трусъ и потому спать съ ея дѣтьми мнѣ будетъ не такъ боязно. Вотъ они, родственныя-то отношенія! Нашъ учитель—Алексѣй Васильевичъ Филипповъ—былъ молодой студентъ, весьма небогатый, судя по его потертому платью; онъ получалъ отъ Люлюшиныхъ за ежедневныя занятія съ дѣтьми шесть рублей въ мѣсяцъ. По его застѣнчивымъ, немного угловатымъ манерамъ и по нервному, то рѣзкому, то смиренному обращенію съ нами и съ хозяевами было замѣтно, что онъ еще связанъ по рукамъ и по ногамъ обстоятельствами, не успѣлъ еще выбраться на настоящій путь и не сумѣлъ стать на ту точку, гдѣ человѣкъ, сознавая свое личное достоинство, дѣлается спокойнѣе, ровнѣе и свободно относится ко всѣмъ окружающимъ лицамъ, не льститъ и не потакаетъ мужикамъ и нищимъ за то, что они мужики и нищіе, не дуется на генераловъ и баръ и не старается оборвать ихъ за то, что они генералы и бары. Онъ даже училъ какъ-то странно, то волновался отъ лѣности учениковъ, принимая ее за какое-то личное оскорбленіе, за невниманіе къ его усиліямъ, то хладнокровно говорилъ не знающему уроковъ ученику: сегодня не выучили, такъ попробуйте завтра приготовиться, всего вдругъ нельзя сдѣлать; то толковалъ о необходимости давать полную волю дѣтямъ относительно ученья и не принуждать ихъ ни къ чему, то сердился, если мы хотѣли сами выбрать для себя задачу изъ сборника ариѳметическихъ задачъ. Усѣвшись за столъ, онъ окинулъ меня пытливыми глазами, вѣроятно, нашелъ во мнѣ сходство съ отцомъ, и началъ разспрашивать, что̀ я знаю.

— Я ничего не знаю, — отвѣчалъ я, вспомнивъ о знаніяхъ сына Григорія Иваныча.

— Какъ ничего? И читать не умѣете?

— Это я зналъ, когда мнѣ было пять лѣтъ.

— Подъ диктовку хорошо пишете?

— Пишу, только съ ошибками.

— А ариѳметику, священную исторію учили хоть немного?

— Ариѳметику знаю до десятичныхъ дробей, священную исторію всю—по краткому руководству.

— По-французски и по-нѣмецки учились читать и писать?

— Я говорю на этихъ языкахъ.

— Какъ же вы сказали, что вы ничего не знаете? Это вамъ похвастать захотѣлось, барипомъ-всезнайкой прикинуться?—учитель произнесъ эти слова такимъ тономъ, въ которомъ ясно проглядывало его нерасположеніе къ барству, можетъ-быть, усиленное утреннимъ визитомъ отца; онъ, кажется, хотѣлъ съ перваго же раза воевать съ барченкомъ, давать ему щелчки и топтать въ грязь, конечно, все это съ благою цѣлью: сдѣлать изъ побиваемаго — честнаго гражданина... Однимъ словомъ, учитель былъ, какъ я уже сказалъ, неуходившійся, неустоявшійся юноша.

Я смутился и не зналъ, какъ бы выяснить свою мысль, но онъ уже язвилъ меня.

— Вы, вѣрно, и мазурку умѣете танцовать, и на фортепьяно разныя пьески выигрываете, и постигли искусство держаться прямо?

Изъ этихъ словъ я понялъ только то, что меня ни съ того, ни съ сего бьетъ незнакомый человѣкъ; у меня задрожали губы, глаза начало заволакивать: я еще не выплакалъ всѣхъ своихъ слезъ и едва удерживался отъ нихъ теперь.

— Да, да, я все это знаю, все знаю!—заговорилъ я прерывающимся голосомъ.—Но развѣ я виноватъ, что меня ничему больше не учили? что другіе знаютъ въ мои лѣта и по-латыни, и геометрію, и алгебру учатъ?

— Чего вы расходились?—насмѣшливо замѣтилъ онъ.

— Меня всѣ не любятъ! И вы бранить стали...

— Развѣ васъ притѣсняли?—наивно спросилъ онъ.

— Меня бросили, всѣ бросили, и сестру бросятъ, какъ собаченку...

— А-а!—задумчиво произнесъ учитель.—Успокойтесь,—ласково сказалъ онъ черезъ нѣсколько минутъ, уже считая обязанностью любить угнетеннаго, хоть бы онъ былъ мошенникъ.—Я очень нервный человѣкъ, меня сердитъ, когда я слышу барское хвастовство... Мнѣ показалось, что и вы хотите похвастать... Вы на меня не сердитесь...—Онъ говорилъ отрывисто, волнуясь, и, кажется, внутренно таскалъ себя за волосы.—Такъ вы хотите серьезно учиться всему?

ровѣ, что ее будутъ доить ради родственной привязанности. Черезъ часъ послѣ обѣда пришелъ учитель. Занятія должны были идти въ моей комнатѣ и, хотя она, по словамъ Аграфены Степановны, принадлежала исключительно мнѣ, но съ перваго же дня моего поселенія здѣсь, въ ней поселились и дѣти хозяевъ со своими книгами и тетрадями, подъ тѣмъ предлогомъ, что вмѣстѣ заниматься намъ будетъ удобнѣе... Но зачѣмъ же перенесли въ мою комнату кровать для нихъ? Неужели вмѣстѣ и спать удобнѣе? Спали же они прежде въ спальнѣ отца и матери? Аграфена Степановна говорила, что, можетъ-быть, я немного трусъ и потому спать съ ея дѣтьми мнѣ будетъ не такъ боязно. Вотъ они, родственныя-то отношенія! Нашъ учитель—Алексѣй Васильевичъ Филипповъ—былъ молодой студентъ, весьма небогатый, судя по его потертому платью; онъ получалъ отъ Люлюшиныхъ за ежедневныя занятія съ дѣтьми шесть рублей въ мѣсяцъ. По его застѣнчивымъ, немного угловатымъ манерамъ и по нервному, то рѣзкому, то смиренному обращенію съ нами и съ хозяевами было замѣтно, что онъ еще связанъ по рукамъ и по ногамъ обстоятельствами, не успѣлъ еще выбраться на настоящій путь и не сумѣлъ стать на ту точку, гдѣ человѣкъ, сознавая свое личное достоинство, дѣлается спокойнѣе, ровнѣе и свободно относится ко всѣмъ окружающимъ лицамъ, не льститъ и не потакаетъ мужикамъ и нищимъ за то, что они мужики и нищіе, не дуется на генераловъ и баръ и не старается оборвать ихъ за то, что они генералы и бары. Онъ даже училъ какъ-то странно, то волновался отъ лѣности учениковъ, принимая ее за какое-то личное оскорбленіе, за невниманіе къ его усиліямъ, то хладнокровно говорилъ не знающему уроковъ ученику: сегодня не выучили, такъ попробуйте завтра приготовиться, всего вдругъ нельзя сдѣлать; то толковалъ о необходимости давать полную волю дѣтямъ относительно ученья и не принуждать ихъ ни къ чему, то сердился, если мы хотѣли сами выбрать для себя задачу изъ сборника ариѳметическихъ задачъ. Усѣвшись за столъ, онъ окинулъ меня пытливыми глазами, вѣроятно, нашелъ во мнѣ сходство съ отцомъ, и началъ разспрашивать, что̀ я знаю.

— Я ничего не знаю, — отвѣчалъ я, вспомнивъ о знаніяхъ сына Григорія Иваныча.

— Какъ ничего? И читать не умѣете?

— Это я зналъ, когда мнѣ было пять лѣтъ.

— Подъ диктовку хорошо пишете?

— Пишу, только съ ошибками.

— А ариѳметику, священную исторію учили хоть немного?

— Ариѳметику знаю до десятичныхъ дробей, священную исторію всю—по краткому руководству.

— По-французски и по-нѣмецки учились читать и писать?

— Я говорю на этихъ языкахъ.

— Какъ же вы сказали, что вы ничего не знаете? Это вамъ похвастать захотѣлось, барипомъ-всезнайкой прикинуться?—учитель произнесъ эти слова такимъ тономъ, въ которомъ ясно проглядывало его нерасположеніе къ барству, можетъ-быть, усиленное утреннимъ визитомъ отца; онъ, кажется, хотѣлъ съ перваго же раза воевать съ барченкомъ, давать ему щелчки и топтать въ грязь, конечно, все это съ благою цѣлью: сдѣлать изъ побиваемаго — честнаго гражданина... Однимъ словомъ, учитель былъ, какъ я уже сказалъ, неуходившійся, неустоявшійся юноша.

Я смутился и не зналъ, какъ бы выяснить свою мысль, но онъ уже язвилъ меня.

— Вы, вѣрно, и мазурку умѣете танцовать, и на фортепьяно разныя пьески выигрываете, и постигли искусство держаться прямо?

Изъ этихъ словъ я понялъ только то, что меня ни съ того, ни съ сего бьетъ незнакомый человѣкъ; у меня задрожали губы, глаза начало заволакивать: я еще не выплакалъ всѣхъ своихъ слезъ и едва удерживался отъ нихъ теперь.

— Да, да, я все это знаю, все знаю!—заговорилъ я прерывающимся голосомъ.—Но развѣ я виноватъ, что меня ничему больше не учили? что другіе знаютъ въ мои лѣта и по-латыни, и геометрію, и алгебру учатъ?

— Чего вы расходились?—насмѣшливо замѣтилъ онъ.

— Меня всѣ не любятъ! И вы бранить стали...

— Развѣ васъ притѣсняли?—наивно спросилъ онъ.

— Меня бросили, всѣ бросили, и сестру бросятъ, какъ собаченку...

— А-а!—задумчиво произнесъ учитель.—Успокойтесь,—ласково сказалъ онъ черезъ нѣсколько минутъ, уже считая обязанностью любить угнетеннаго, хоть бы онъ былъ мошенникъ.—Я очень нервный человѣкъ, меня сердитъ, когда я слышу барское хвастовство... Мнѣ показалось, что и вы хотите похвастать... Вы на меня не сердитесь...—Онъ говорилъ отрывисто, волнуясь, и, кажется, внутренно таскалъ себя за волосы.—Такъ вы хотите серьезно учиться всему?

— Да.

— Хорошо, попробуемъ...

И вотъ, съ этой минуты я дѣлаюсь предметомъ опытовъ: меня пробуютъ развить, пробуютъ заставить мыслить въ извѣстномъ направленіи, подбираютъ для моего чтенія книжечки одного рода, однихъ взглядовъ, въ концѣ-концовъ, изъ меня должна выйти тройная эссенція этихъ взглядовъ...

По окончаніи урока дѣти подали учителю журналы.

— Какъ это вамъ не надоѣстъ заботиться о баллахъ? Развѣ вы для нихъ учитесь, а не для своей пользы, не для своей выгоды?

— Мамаша браниться станетъ, если вы не поставите балловъ. Она подумаетъ, что мы худо учились и хотимъ ее обмануть.

— Развѣ вы ее обманывали когда-нибудь, что она можетъ васъ подозрѣвать?

— Не обманывали, да ужъ она такая родилась, никому не вѣритъ, все говоритъ, что ее обманываютъ.

Учитель какъ-то нервически передернулъ плечами и выставилъ въ журналы баллы, каждому ученику за каждый урокъ по пяти. Мы пошли въ гостиную, гдѣ сидѣла Аграфена Степановна за шитьемъ больничнаго бѣлья и Абрамъ Семеновичъ за перепиской бумагъ. Меньшой Люлюшинъ бѣжалъ первымъ, съ криками: «мамоцка, у меня все пятерки».

— Умникъ, Шура, двѣ копейки получишь! Балуете вы его, Алексѣй Васильевичъ! А у тебя что?—спросила Люлюшина у старшаго сына, шедшаго сзади насъ.

— Тоже пятерки-съ.

— То-то! смотри у меня! — погрозила мать. — Ты ужъ большой, долженъ учиться. Запорю, если въ гимназію экзамена не выдержишь.

На глазахъ ребенка сверкнули слезы, но онъ постарался ихъ скрыть и ушелъ въ другую комнату.

— Вы напрасно его пугаете, Аграфена Степановна: онъ экзаменъ сдастъ отлично, первымъ,—вступился учитель за своего ученика.

— Знаю, батюшка, да все острастка нужна. Вѣдь не схвачу же я его, и въ самомъ дѣлѣ, сдуру и не почну пороть ни съ того, ни съ сего; а какъ пригрожу, такъ онъ и будетъ бояться.

— Страхомъ вы ничего не сдѣлаете, а научите только обману и лжи, надо ласкою...

— Ха-ха-ха! Охъ, вы, молодежь! Наживите-ка своихъ

дѣтей, позовите насъ крестить, а тамъ мы и посмотримъ, какъ вы ихъ гладить будете—по шерсти или противъ шерсти... ха-ха-ха! — въ этомъ смѣхѣ и въ тонѣ рѣчи слышалось полнѣйшее пренебреженіе къ совѣту учителя.

— Молодецъ, Груша! Хе-хе-хе! — насмѣшливо промолвилъ Абрамъ Семеновичъ, продолжая писать.

Учитель взялся за фуражку.

— Куда вы? Не пущу! пейте у насъ чай.

— Мнѣ нужно до...

— Ни-ни-ни! Вздоръ! Оставайтесь, полчаса не Богъ знаетъ что̀ составятъ,—урезонивала Аграфена Степановна.

Учитель повиновался и усѣлся противъ хозяйки у ея рабочаго столика. Вскорѣ подали чай, намъ роздали по ломтю хлѣба съ масломъ и по два сухаря. Принявъ отъ учителя въ третій разъ опорожненный стаканъ, Люлюшина предложила ему четвертый. Учитель отказался. Она настаивала. Согласія, все-таки, не получалось.

— Не хотите теперь, такъ я вамъ немного погодя налью,—рискнула хозяйка на послѣднее средство.

— Нѣтъ-съ, ужъ вы мнѣ совсѣмъ не наливайте, я...

— Вѣрно у насъ чай-то не хорошъ, батюшка, гдѣ ужъ намъ!—обидчивымъ голосомъ произнесла Аграфена Степановна.

— Ей-Богу, хорошъ, да не могу я больше выпить,—чуть не плача увѣрялъ ее учитель, зная, что она хочетъ задать ему паровую ванну ради любви къ нему, дешевому и толковому наставнику ея дѣтей.

— Ну ужъ, Богъ съ вами; можетъ, вы и правду говорите, да у васъ, у ученыхъ, по лицу не узнаешь,—рѣшила хозяйка и приказала кухаркѣ пить чай, принимаясь за мытье чашекъ, которыя, ради цѣлости, мылись въ комнатѣ.

— А что, какъ нынче стоитъ въ цѣнѣ говядина?—спросилъ учитель, вѣроятно, желая этимъ пріятнымъ для хозяйки вопросомъ разсѣять остатки дурного впечатлѣнія, произведеннаго отказомъ отъ четвертаго стакана чаю.

— И не спрашивайте! Дерутъ, мошенники мясники, что̀ имъ вздумается.

— Да какъ же такъ—вѣдь такса есть?

— То-то и бѣда, что такса. При ней и торговаться не думай. А вы разсудите, таксу-то кто устанавливаетъ? Мясники же! Вотъ оно дѣло-то и выходитъ дрянь. Дайте-ка мнѣ оцѣнить моего Шуру, такъ я его въ милліонъ поставлю, а вотъ вы, можетъ, и гроша за него не дадите.

— Да, точно что плохо.

— Ужъ какъ плохо-то, такъ я вамъ и представить не умѣю! Я и то говорю Абрашѣ: ужъ ты какъ себѣ знаешь, а я ѣсть говядины не стану.

— Какъ же безъ говядины?—испугался учитель.—Этакъ вы совсѣмъ отощаете: вонъ Абрамъ Семеновичъ въ должность ходитъ, дѣти на дворѣ бѣгаютъ, имъ нужна питательная пища, мясное.

— Да что вы, Христосъ съ вами, выдумали! Развѣ я басурманка какая, что дѣтей, да мужа на овсянкѣ морить стану, аберсупами имъ кишки полоскать? Я про себя говорю; все одно фунтомъ въ день меньше выходить станетъ.

— А здоровье? А силы? Не приходится и вамъ безъ говядины сидѣть.

— Что̀ тутъ не приходится. Я сама говядина.

Я съ удивленіемъ взглянулъ на Аграфену Степановну, которую до этой минуты не имѣлъ никакого права считать говядиной. Мнѣ бросились въ глаза ея руки, открытыя до локтей, на которыхъ нельзя было открыть ни малѣйшаго слѣда костей, и широкое, толстое лицо, раскраснѣвшееся отъ чаю, съ ямками на щекахъ и двойнымъ подбородкомъ. «А, можетъ-быть, она, и въ самомъ дѣлѣ, говядина!»—подумалось мнѣ, и по лицу скользнула улыбка. Учитель взялъ фуражку и всталъ, чтобы идти домой, но это не такъ легко было сдѣлать.

— Что это, вы ужъ во-свояси собираетесь?—спросила хозяйка.

— Пора. Нужно еще почитать кое-что.

— Охъ вы, читальщики! Зачитаетесь вы когда-нибудь, помяните мое слово!—пугала она молодого человѣка.

— Авось не зачитаюсь,—съ улыбкой храбрился онъ.

— А ужъ зачитаетесь! Не мало я на своемъ вѣку примѣровъ видѣла. Да вотъ, недалеко ходить, Абрамъ Семеновичъ ровно восемь мѣсяцъ отъ книгъ былъ помѣшанъ.

— Неужели?—невольно воскликнулъ учитель и боязливо посмотрѣлъ на хозяина, серьезно читавшаго бумаги.

— Право, не лгу! Ровно восемь мѣсяцевъ былъ помѣшанъ...

— Нѣтъ, Груша, семь,—отозвался изъ-за бумагъ Абрамъ Семеновичъ.

— А ну-ка посмотримъ, что восемь,—подбоченясь продолжала хозяйка.

— Кажется, семь.

— Ужъ не спорь, Абраша! Вѣдь я же хорошо помню. Наканунѣ твоего помѣшательства я забеременила Ксешей, а когда тебя вылѣчили, такъ отъ самаго отъ этого грома я и разрѣшилась, не доносивъ ея мѣсяцъ,—бойко проговорила Аграфена Степановна и невольно посвятила меня въ одну изъ тайнъ физіологическихъ законовъ.

Вообще всѣ физіологическія отправленія я очень скоро узналъ въ этомъ домѣ. Тутъ все дѣлалось нараспашку.

— Отчего же громъ былъ при выздоровленіи Абрама Семеновича?—спросилъ учитель, должно-быть, подозрѣвая, что въ эту торжественную минуту заговорило и само небо, какъ это бываетъ въ мелодрамахъ.

— А вотъ, видите ли, я вамъ все разскажу сначала... Да сядьте вы, что̀ столбомъ-то передо мною стоите! Шура, возьми у учителя фуражку, чтобъ она мнѣ глазъ не мозолила.

Учителю пришлось сѣсть, хотя фуражки онъ и не отдалъ, надѣясь скоро отдѣлаться: у него дома навѣрное было много дѣла.

— Жили мы тогда еще въ Кіевѣ,—начала хозяйка.— Былъ у насъ домишка на курьихъ ножкахъ, до крыши рукой достать, только самимъ жить, да и семья-то у насъ была не малая. Батюшка съ матушкой, я, Абраша, сестра его у насъ жила, дѣтей четверо, да хлопецъ. Шумъ, да возня это у насъ цѣлый день: батюшка мой сапоги тачаетъ, матушка съ бубликами возится, продавала ихъ покойница, я съ сестрой Абраши обѣдъ сготовляю, либо иглой что-нибудь ковыряю, хлопецъ то чинитъ что-нибудь, то въ огородѣ копается, ребятишки уроки справляютъ, чтобы выучиться къ той порѣ, какъ отецъ придетъ, да нѣтъ, нѣтъ и раздерутся. Ну, ихъ къ Богу! бѣда съ дѣтьми. Едва уймешь. Извѣстное дѣло, дитё неразумное. Такъ-то это у насъ шумъ да трудъ, а спорыньи нѣтъ: то того недостаетъ, то другого взять негдѣ, а о третьемъ подчасъ лучше и не спрашивай! И стало Абрашѣ такъ тоскливо на все это смотрѣть. «Покоя, говоритъ, нѣтъ, бьешся, какъ рыба объ ледъ, рукъ не покладаешь, а что вырабатываешь,—на улицу срамъ выйти, одежонки порядочной нѣтъ». Ужъ это онъ заговаривался, потому что у него сюртучокъ форменный еще новешенекъ былъ... Сталъ онъ, батюшка, отъ людей прятаться, духовныя книги читать. Охъ, ужъ худая это примѣта! Посмотрю я, бывало, къ нему въ щелочку, а онъ сидитъ и читаетъ, сидитъ и читаетъ, и нѣчто на бумагѣ

чертитъ. Просто страхъ! Разъ безъ него посмотрѣла я, что онъ чертитъ, гляжу — гробы съ балдахинами, вотъ какъ, примѣрно, на генеральскихъ похоронахъ бываетъ... Ну, мы покачиваемъ всѣ головами, однако, ничего не примѣчаемъ особеннаго: и въ должность онъ ходитъ, и дѣла справляетъ. Только вотъ однажды...

— Да вотъ послушайте, какая штука-то вышла! — не утерпѣлъ Абрамъ Семеновичъ и далъ всѣмъ почувствовать, что приближается катастрофа.

Вообще же онъ держалъ себя во время разсказа такъ, какъ будто рѣчь шла о совершенно постороннемъ человѣкѣ, чужомъ для него.

— Ужъ ты молчи, Абраша, я доскажу. Вотъ однажды пишетъ онъ докладную бумагу генералу и подаетъ ее ему; глядитъ генералъ, а на бумагѣ написано: «Ваше превосходительсто! что, братъ, кукишъ съѣлъ?»

— Ей-Богу, такъ вотъ и написалъ!—мотнувъ энергически головою, воскликнулъ Абрамъ Семеновичъ и, кажется, даже теперь удивился своей смѣлости. Я и дѣти захохотали, учитель улыбнулся какъ-то странно.

— Ну, разумѣется, назначили слѣдствіе: нашли, что въ упомѣшательствѣ, отправили въ больницу. Такъ вѣдь убѣжалъ домой, забился въ чуланъ и не выходитъ оттуда. Мы ему и пить, ѣсть, и бѣлье чистое носимъ—не беретъ ничего, сидитъ на корточкахъ и молчитъ. День прошелъ, другой прошелъ, — проголодался онъ, мой бѣдняжка; вижу я, шкандыбаетъ къ моему окну. «Подайте, Христа ради!» говоритъ, да такъ-то жалобно говоритъ, что у меня сердце надрывается. «Господи, думаю, отъ своего-то хлѣба, да Христовымъ именемъ побирается: Развѣ мы тебя попрекали голубчика, что ты въ нашемъ домѣ съ сестрою живешь?..» У Аграфены Степановны и теперь навернулись слезы; Абрамъ Семеновичъ вздохнулъ и, вѣроятно, вполнѣ искренно пожалѣлъ того человѣка, о которомъ шла рѣчь.

На нѣсколько мгновеній воцарилось молчаніе.

— Хорошо. Томился онъ это такимъ манеромъ у насъ въ чуланчикѣ, побираясь Христа ради. Самъ изморился и насъ всѣхъ изморилъ. Ходила покойница-матушка вокругъ церквей на колѣняхъ, свѣчку къ головѣ прилѣпляла, лѣкарей звали,—нѣтъ облегченья! Вотъ и приходитъ къ намъ одна старушка. «Я, говоритъ, его вылѣчу!» Обрадовались мы. «Бери, что хочешь, говоримъ, только вылѣчи». Начала она его лѣчить. Набрала травъ, велѣла ихъ сварить въ

водѣ, остудила въ холодникѣ, вылила настой въ ведро и забралась съ нимъ на чердакъ. Только приходитъ Абраша къ моему окну за подаяніемъ. «Подайте, Христа ради», говоритъ. Я ему подаю краюху хлѣба. «Прими, говорю, что̀ Богъ послалъ». А старуха-то съ чердака какъ бухнетъ на него водою изъ ведра-то, онъ такъ и бросился бѣжать. Весь мокрый забился въ чуланчикъ, дрожитъ, и дрожитъ отъ холода. Мы испугались-было, какъ бы онъ чего надъ собою не сдѣлалъ, да старуха успокоила. На другой день та же исторія, на третій то же, да такъ-то она его девять дѣнъ окачивала! На десятый велѣла купить большой горшокъ и большое корыто. Купили мы ей большой горшокъ и корыто. Только пришелъ Абрашка за подаяніемъ, она велѣла его схватить и связать; связали его, положили на землю и прикрыли корытомъ. Отошла старуха отъ корыта шаговъ на пять, да изо всей силы и пустила въ него горшкомъ! Свѣту мы не взвидѣли отъ грома, я такъ и думала, что Абраша, мой голубчикъ, подъ корытомъ преставится... Съ этого-то переполоха я и Ксешу прежде времени родила.

— Ну, а Абрамъ Семеновичъ? — спросилъ учитель, не вѣря глазамъ, что тотъ самъ своею особою сидитъ передъ нимъ и здоровымъ, и живымъ.

Мы надрывались отъ смѣха.

— Выздоровѣлъ, попрежнему служить сталъ, такимъ усерднымъ сдѣлался, что черезъ годикъ мы и поправились, разжились немного, отдѣлились отъ батюшки и отъ матушки. Потомъ, бывало, генералъ надъ нимъ подсмѣивался: «Такъ какъ же это я, братецъ, кукишъ-то съѣлъ?»

— Вотъ, право, не лгу, такъ и спрашивалъ! — опять энергически мотнулъ головой Люлюшинъ.

Учитель всталъ, но на столъ уже подавали ужинъ и ему поневолѣ пришлось остаться.

А какъ вы думаете, читатель, для чего разсказывала Аграфена Степановна эту исторію? — Для того, чтобы накормить учителя! И каждый разъ воспоминала она что-нибудь изъ прошлаго, разсказывала и занимала наставника своихъ дѣтей, и когда повторяла уже разсказанное, то засаживала его за рисованье узоровъ для бѣлья, мѣтокъ для платковъ; но цѣль достигалась почти всегда, и, по уходѣ наставника, я всегда слышалъ однѣ и тѣ же фразы.

— Ну, хоть червяка заморилъ,—говорила Аграфена Степановна.—Я думаю, и не обѣдалъ сегодня, поди-ка въ карманѣ-то вѣтеръ свищетъ. Охъ, охъ, хоть накормить голод-

наго, да тѣмъ своимъ милосердіемъ Господу Богу угодишь и въ грѣхахъ оправдаешься!..

Она широко крестилась, глядя въ передній уголъ, гдѣ теплилась лампада, и въ то же время прикрывала зѣвающія уста... День кончался...

V.

Продолженіе предыдущей главы.

Не стану утомлять читателя передачею всѣхъ разсказовъ, которыми, во имя искупленія своихъ грѣховъ и спасенія души, занимала Аграфена Степановна учителя, протягивая время до ужина; не стану отдавать подробнаго отчета о ходѣ моего образованія, но постараюсь въ общемъ очеркѣ представить ту жизнь и тѣ личности, среди которыхъ привелось мнѣ прожить слишкомъ годъ. Онѣ не должны быть пропущены безъ вниманія. Я всегда былъ твердо увѣренъ, что глупое лицо послѣдняго лакея, подвязывавшаго въ дни нашего младенчества салфетку подъ нашъ подбородокъ во время обѣда, имѣетъ точно столько же правъ занимать мѣсто въ исторіи нашей жизни, какъ та первая книга, которую мы прочли украдкою, едва разбирая по складамъ заключавшіяся въ ней мысли. Во времена моего безотраднаго дѣтства я относился враждебно къ той жизни и къ тѣмъ личностямъ, о которыхъ поведу рѣчь въ этой главѣ, часто плакалъ отъ нихъ горькими слезами: но теперь, когда я намыкался по бѣлу-свѣту и насмотрѣлся на все, на что можетъ насмотрѣться каждый изъ насъ, если онъ не поспѣшитъ въ испугѣ закрыть свои глаза передъ страшной дѣйствительностью,—теперь, говорю, положа руку на сердце, я совершенно безпристрастно отношусь къ нимъ и, принимаясь за описаніе ихъ, чувствую, что перо не дрожитъ въ моей рукѣ и грудь не волнуется тревожнымъ чувствомъ пробудившейся злобы. Я спокоенъ. Прошедшее является передо мною простой картиной, которую я когда-то, очень давно, видѣлъ весьма близко,—и не болѣе. Ея содержаніе темно, печально, но наблюдатель не имѣетъ никакого права сердиться на это. Мало ли есть на свѣтѣ темныхъ, печальныхъ картинъ!..

Люлюшины, какъ читатель могъ усмотрѣть изъ откровеннаго разсказа Аграфены Степановны, прошли путемъ лишеній и невзгодъ, и только съ грѣхомъ пополамъ достигли того извѣстнаго благосостоянія, которымъ пользуются всѣ титулярные, надворные и коллежскіе совѣтники, пристроив-

шіеся къ тепленькимъ мѣстечкамъ. Они не бѣдствуютъ, не голодаютъ, отъ ихъ ежемѣсячнаго дохода остается даже излишекъ; но они еще не настолько увѣрены въ прочности своего благосостоянія, чтобы пользоваться и наслаждаться жизнью; передъ ними, какъ передъ похитителями чужой короны, вѣчно носится призракъ *чернаго дня*, и они откладываютъ копейку на этотъ день, бьются именно изъ-за этой копейки; чѣмъ больше откладывается этихъ копеекъ, тѣмъ полнѣе радость откладывателей, но отъ этой радости вѣетъ не спокойною увѣренностью, а тревожной боязнью передъ будущимъ; они, если можно сдѣлать такое сравненіе, шьютъ саванъ, привѣтствуя рожденіе ребенка. Всѣ члены семьи Люлюшиныхъ, каждый по-своему, были тѣми своеобразными практиками, какихъ сотнями тысячъ производитъ нашъ общественный бытъ; характеристическая черта такихъ практиковъ та, что они далѣе своего носа ничего не видятъ и вѣчно дѣйствуютъ ради сегодняшней выгоды, хотя бы она грозила тысячами бѣдъ въ будущемъ. Въ былыя времена, подъ гнетомъ бѣдности, Люлюшины толкались во всѣ стороны, честнымъ трудомъ и трудовымъ пòтомъ,— ахъ, это было очень давно! — старались достигнуть желанной цѣли—богатства. Много было грустнаго и комическаго въ этихъ первыхъ, до крайности-наивныхъ попыткахъ; они, повидимому, хотѣли создать сутки въ тридцать-шесть рабочихъ часовъ и пріучить желудки ѣсть только по праздникамъ! На первыхъ порахъ узкій и односторонній умъ Абрама Семеновича, тогда еще совсѣмъ юнаго, едва не погибъ, видя тщетность всѣхъ усилій, и временно угасъ: семья въ отчаяньи опустила руки, раздавала послѣдніе мѣдные гроши лѣкарямъ, на церкви, на свѣчи... Немного позже, сознавая, что обогащеніе идетъ мучительно-медленно, семья пускается въ аферы, нанимаетъ большую квартиру и отдаетъ по комнатамъ постороннимъ людямъ; но комнаты стоятъ по мѣсяцамъ пустыми, одни жильцы не платятъ денегъ, другіе заводятъ буйство и развратъ, аферистамъ приходится платить и за тѣхъ, и за другихъ извѣстную дань полиціи: въ итогѣ оказывается не прибыль, а убытокъ. Между тѣмъ ежегодно родятся дѣти, такъ какъ бѣдняки, совершенно по неизвѣстнымъ наукѣ причинамъ, плодовиты до крайности, и ежегодно же, уже по извѣстнымъ для всѣхъ причинамъ, умираютъ новорожденные: крестины, панихиды, похороны, поминки — у всѣхъ голова кругомъ идетъ. Все требуетъ денегъ, денегъ, во что бы то ни стало денегъ!

Сестра Абрама Семеновича находится первая въ этомъ критическомъ положеніи, совѣтуетъ продать кое-какой лишній скарбъ и купить лошадь, чтобы пускать ее въ извозъ. Совѣтъ принятъ. Дѣло идетъ сначала хорошо, но потомъ съ каждымъ днемъ извозчикъ привозитъ прибыли все меньше и меньше, денегъ недостаетъ на кормъ лошади и на починку экипажа; въ порывѣ горя виновница этой затѣи рѣшается на неслыханный доселѣ поступокъ: обрѣзаетъ себѣ волосы, надѣваетъ извозчичью одежду и три дня подъ рядъ ѣздитъ въ извозъ, чтобы провѣрить работника, простужается и смертью оканчиваетъ жизнь... Люлюшины ставятъ надъ ея прахомъ крестъ съ лаконическою эпитафіей: житія ея было 36 лѣтъ,—и предаютъ проклятію аферы. Абрамъ Семеновичъ, мрачный, озлобленный, переѣзжаетъ въ ту улицу, гдѣ былъ нашъ домъ, и, махнувъ рукою на все, впадаетъ въ какое-то отупѣніе и грызется съ женой за каждый лишній грошъ, точно онъ пересталъ любить, возненавидѣлъ свою толстую Грушу, отраду жизни, нѣжнѣйшую изъ женъ. Груша тайно плачетъ, ее терзаетъ мысль, что любимый, ненаглядный Абраша ее разлюбилъ, она сряду сорокъ дней ставитъ по свѣчѣ за престолъ, даетъ Абрашѣ пить какую-то приворотъ-траву и начинаетъ чувствовать ненависть къ своему новорожденному младенцу Колькѣ, родившемуся въ пятницу, въ полночь, и, слѣдовательно, обреченному судьбою вносить за собою повсюду раздоръ и несчастіе... И именно въ эту-то пору нежданно-негаданно судьба приготовляла награду терпѣливой семьѣ. Сначала она постепенно освобождаетъ семью отъ всѣхъ дѣтей, кромѣ Кольки, потомъ, въ день моего рожденія, наталкиваетъ моего отца на Абрама Семеновича. Послѣдній дѣлается моимъ воспріемникомъ отъ купели и получаетъ теплое мѣсто. Долги оплачиваются, въ сберегательную кассу носится ежемѣсячно по 4, по 6 и по 8 рублей. Всѣ въ восторгѣ, всѣ счастливы, всѣ любятъ другъ друга, и вѣрнымъ свидѣтельствомъ того, что всѣ любятъ другъ друга, является Шура, дитя, такъ любимое родителями, какъ можетъ любить только юная чета своего первенца. Люлюшинъ весь отдается *дѣлу*, показываетъ свой талантъ, и, слыша, что другіе пускаются въ какія-нибудь аферы или честнымъ трудомъ, да своимъ горбомъ хотятъ нажить капиталъ, скептически говоритъ: дудки!!..

Пристально осматривающій постороннихъ людей, заискивающій съ ними, если они ему нужны, холодный передъ

ними, если они безполезны, желчный съ подчиненными, молчаливый передъ начальствомъ и со всѣми сухой, какъ бумага, на которой онъ строчитъ доклады генералу, точный, какъ машина, въ исполненіи своей работы, какъ машина втянувшійся безъ разсужденій въ дѣло, состояло ли оно въ томъ, чтобы расплющить кусокъ желѣза, или такъ коснуться до хрупкаго стекла, чтобы оно и не зазвенѣло — Люлюшинъ внѣ своихъ дѣлъ не имѣлъ ничего общаго съ симъ міромъ. Въ дѣлахъ были для него поэзія, и отрада, и огорченіе, и нестерпимыя муки. Какъ строки перваго признанія въ любви, заучивалъ онъ иное дѣло отъ доски до доски и наизусть докладывалъ его генералу; иногда, поддаваясь наплыву страсти, читалъ эти дѣла передъ женой, дѣлая ударенія на особенно сильныхъ мѣстахъ канцелярской кляузы. Какъ страстному любовнику снится въ волшебныхъ сновидѣніяхъ образъ милой, такъ снились Люлюшину его дѣла. Однажды у него разлилась жёлчь, и стали пухнуть ноги, онъ слегъ въ постель, его исповѣдывали и пріобщали Св. Таинъ, но дѣлъ онъ не бросилъ. Объ этомъ доложили генералу, тотъ только рукой махнулъ: «пусть занимается! отнять отъ него дѣла — значитъ убить его; старикъ подумаетъ, что мы его сбываемъ отъ себя». Такъ и оставили его работать полумертваго. И, какъ нарочно, въ это время въ его рукахъ находилось одно изъ самыхъ прибыльныхъ дѣлъ по подрядамъ: объ этомъ знала и Аграфена Степановна.

— Боюсь я, Груша, что не доживу до окончанія дѣла,— слабымъ голосомъ шепталъ больной.

— Ужъ и я объ этомъ думала, голубчикъ ты мой, кормилецъ нашъ,—хныкала Аграфена Степановна, слезливо сморкаясь.

— Бѣда, голубушка, рѣшительно бѣда! вѣдь все другіе заберутъ, загребутъ жаръ чужими руками, — стоналъ умирающій.

— И не говори мнѣ лучше, Абраша, не надрывай ты моего сердца! безъ ножа зарѣжешь ты насъ; руки у меня ни на что не поднимаются,—мучилась жена...

Однако, Люлюшинъ выздоровѣлъ, къ величайшей радости семьи. Аграфена Степановна снова начала *владать*, какъ она выражалась, домомъ, удвоила энергію, чтобы наверстать тѣ дни, въ которые у нея ни на что руки не поднимались. Развязался снова ея неугомонный языкъ, расходились безустанныя ноги, и всѣ почувствовали, что въ домѣ есть хозяйка.

Аграфена Степанов́на въ пору нашего знакомства была, что называется, сдобною булкою. Бѣла, кругла, немного рыхла и удивительно способна разжиматься, если ее кто или что-нибудь придавитъ. Особенно шли къ ней широкое матерчатое платье цвѣта *мысакà* и чепецъ съ огромными бантами изъ бѣлыхъ лентъ. Въ этомъ нарядѣ ее можно было замѣтить между десятками другихъ женщинъ, казавшихся передъ нею какими-то жалкими стрекозами съ перехватомъ посрединѣ. Этого перехвата, то-есть тальи, не было и признаковъ у Аграфены Степановны: природа немного мудрила надъ нею и обстрогала ее безъ всякихъ вычуровъ простымъ рубанкомъ, не позаботившись даже погладить напилкомъ нѣкоторыхъ неровностей въ родѣ родимаго пятна съ волосами въ уголкѣ между носомъ и щекой и трехъ бородавокъ на лѣвой рукѣ. Аграфену Степановну эти неровности не печалили, она отчасти даже радовалась имъ, разсуждая, что если Богъ на улицѣ смерть пошлетъ, то по этимъ примѣтамъ Абраша узнаетъ, куда свезутъ ея тѣло. Въ гости Аграфена Степановна ходила рѣдко, охотнѣе ѣздила на похороны, чѣмъ на крестины, такъ какъ на первыхъ поминки бываютъ очень сытныя, хотя кушанье отъ кухмистера большею частью и походитъ на вчерашнее, на вторыхъ же, по русскому обычаю, необходимо нужно заплатить бабкѣ за бокалъ шампанскаго, по крайней мѣрѣ, рубль, что совсѣмъ не согласовалось съ разсчетливостью нашей героини. Но неизмѣнно, несмотря ни на какую погоду, Аграфена Степановна по субботамъ посѣщала маскарадъ, т. е. баню. Изъ этихъ маскарадовъ она приносила тысячу новостей и пробавлялась пережевываньемъ ихъ отъ субботы до субботы, сообщая по очереди всѣмъ знакомымъ; такимъ образомъ, время летѣло для нея не скучно и не чувствовалось недостатка въ книгахъ, которыхъ въ домѣ не существовало; т. е. на чердакѣ въ корзинкѣ валялось до двадцати томовъ, но ими дорожили не какъ книгами, а какъ вещью, пригодной къ продажѣ, въ случаѣ нужды. У себя въ домѣ Аграфена Степановна умѣла придать себѣ значеніе и вѣсъ, ея боялись даже дворники; а всѣмъ извѣстно, какіе нетрусливые люди дворники большихъ петербургскихъ домовъ, не блѣднѣющіе даже передъ самимъ квартальнымъ надзирателемъ. Люлюшина вела съ ними постоянную и ожесточенную войну изъ-за помоевъ и дровъ, но еще сильнѣе она воевала съ кухарками. Онѣ смѣнялись среднимъ числомъ три раза въ годъ и всегда за воровство

или за излишнюю привязанность къ двоюроднымъ братьямъ—солдатамъ изъ ближайшихъ казармъ. При поступленіи въ домъ новой прислуги, Аграфена Степановна иначе не называла ее, какъ голубушкой, хвалила ее передъ гостями и учителемъ, называла золотомъ, а не дѣвкой, и сулила золоту такой подарокъ къ празднику, что стоялъ свѣтъ и будетъ стоять, а такого подарка это золото и во снѣ не видала. Черезъ мѣсяцъ хозяйка начинала легонько точить свое золото за неумѣнье стирать тонкое бѣлье, мыть хорошую посуду и заправлять праздничную кулебяку. «Ну, кто же этакъ дѣлаетъ, милая?—не безъ особенной ѣдкости внушалось кухаркѣ, названной въ пику *милою*.—Тебя нигдѣ въ порядочномъ домѣ держать не станутъ. Ты, вѣрно, прежде гдѣ-нибудь у мастеровыхъ жила?» Еще черезъ мѣсяцъ Шура, любимецъ матери, откомандировывался, по ея волѣ или просто по своей охотѣ, подсматривать за дѣйствіями непріятеля, тайкомъ бѣгалъ въ лавочку перевѣшивать хлѣбъ, муку, масло, подслушивалъ непріятельскіе разговоры съ сосѣдними слугами и сообщалъ результаты своихъ наблюденій на ухо Люлюшиной. Она въ это время вдругъ наружно стихала, дѣлалась сосредоточеннѣе, холоднѣе въ обращеніи съ врагомъ, но ни на минуту не упускала его изъ виду, слѣдила за нимъ, какъ хорошая собака за зайцемъ. «Мерзавка-то моя,—говорила она гостямъ и учителю:—цѣлый день дрыхнетъ; воровать стала, шашни завела—прости Господи! съ какимъ-то солдатомъ—и это въ моемъ домѣ, гдѣ дѣти есть! Терплю, терплю, покуда другой на примѣтѣ нѣтъ, а ужъ какъ только найду, такъ я ей отпою, выведу ее на чистую воду». Иногда изгнаніе происходило прежде пріисканія новой прислуги, по экстренному случаю. Такъ случилось въ первый мѣсяцъ моего пребыванія съ семьѣ Люлюшиныхъ. Въ домѣ производилась стирка бѣлья; по окончаніи ея, Аграфена Степановна не досчиталась одной моей рубашки; этого было совершенно достаточно, чтобы дать врагу генеральное сраженіе.

— Признавайся, ты украла рубашку?—гремѣла Люлюшина.

— Вотъ вамъ Христосъ! хоть образъ со стѣны снять, такъ не брала рубашки,—клялась Акулина, дѣвка ражая, плотная, какъ рѣпа, только-что привезенная съ огорода.

— Врешь, врешь!

— Пусть лопнутъ мои глаза, если я ее видѣла! Да пусть мнѣ дѣтей не рожать, если я ее брала!

— Да ты замужъ-то прежде выйди, безстыжіе твои глаза,

а потомъ о дѣтяхъ думай, — упрекнула Аграфена Степановна.

— Не ваше дѣло, выйду или нѣтъ. Рады, небось, что сами-то выскочили,—огрызнулась Акулина суровымъ тономъ.

— Ахъ, ты, мошенница! Ахъ, чуяло мое сердце, что у тебя любовникъ есть. Ему и стащила рубашку!—рѣшила Аграфена Степановна, не сообразивъ въ пылу битвы, что моя рубашка едва ли была въ пору Акулинину любовнику, если таковой имѣлся.

— Ой, ой, ой!—завыла Акулина нечеловѣческимъ голосомъ, закрывъ лицо руками и мотая во всѣ стороны головой.— Опозорили вы мою сиротскую головушку. Богъ вамъ отплатитъ, что вы обижаете сироту безпріютную.

— Вонъ, вонъ, разбойница! чтобъ и духомъ твоимъ не пахло.

— И уйду, и уйду, отсохни мои ноги, если я загляну къ вамъ. За три версты обѣгу, глаза закрою, чтобы вашего постылаго дома не видать.

— Молчи, негодница!

— А вотъ не буду молчать, не буду молчать! Я вамъ не крѣпостная досталась. Всѣмъ разскажу—и другу, и недругу, какіе вы есть люди на свѣтѣ...

— Молчи! тебѣ говорятъ, не то языкъ кулакомъ отобью!

— На-ко-ся!—воскликнула съ яростью бѣдная сирота и подставила къ самому носу Аграфены Степановны указательный палецъ правой руки.

Это чрезвычайное событіе такъ поразило Люлюшину, что она вдругъ не нашлась, что̀ сказать и что̀ сдѣлать, и, очнувшись, увидала, что Акулина уже скрылась изъ дома. Тутъ роль перемѣнилась: Аграфена Степановна сама прикинулась казанскою сиротою и со слезами запричитала: «Господи, за что̀ ты меня наказуешь? Спала да выспала себѣ горе, какого и во снѣ не снилось! Всякій-то можетъ меня обидѣть, некому за меня, беззащитную, заступиться. А за кого мучусь, за другихъ—чужое добро берегла, взяла на свои руки обузу. За дѣтей мучусь; не будь ихъ на свѣтѣ, все бы бросила, въ монастырь бы пошла, Господу Богу служить пошла бы...» Въ эту трогательную минуту Аграфенѣ Степановнѣ подвернулся подъ руку Колька, ему достался порядочный подзатыльникъ и послышалась угроза: «Чего бѣгаешь-то, какъ угорѣлый? Мать за васъ убивается, а вамъ и горя мало, неблагодарные! Погоди, погоди, голубчикъ, дай мнѣ передохнуть, ужъ я тебя выпорю, непре-

мѣнно выпорю». Колька сталъ блѣднѣе своей рубашки и съ крупными слезами на глазахъ побрелъ въ мою комнату.

Тутъ-то я и познакомился впервые съ Колькой, хотя видѣлъ его ежедневно въ теченіе мѣсяца...

— Дура, дура старая!—въ волненіи шепталъ онъ дрожащими губами и сѣлъ къ окну.

— Васъ хотятъ высѣчь?—спросилъ я, полагая, что для Кольки сѣченье такая же страшная новость, какою оно было для меня еще такъ недавно.

— Я ей руки исцарапаю, если она меня еще вздумаетъ сѣчь!—съ угрозой проговорилъ онъ.—Чего отецъ-то смотритъ? Что онъ мнѣ гривенники даетъ, когда выигрываетъ въ карты! Лучше бы не велѣлъ ей меня пороть. Не можетъ съ кухарками ужиться, а у другихъ по десяти лѣтъ кухарки живутъ. Она думаетъ, что я не видалъ, какъ она рубашку сама спрятала? Сашкѣ обновку хочетъ подарить, нашлялся бы и въ рваномъ бѣльѣ, не великъ баринъ!

— Развѣ она спрятала мою рубашку?—съ изумленіемъ спросилъ я.

— Что?—сердито воскликнулъ Колька.

Я повторилъ свой вопросъ.

— Ну да, спрятала! Ты думаешь, что она честная?—съ недѣтскою серьезностью сурово спросилъ онъ и въ первый разъ сказалъ мнѣ: *ты*,—до сихъ поръ мы говорили другъ другу: *вы*.—Не такія бываютъ честныя! Вонъ у Пети Панова такъ честная мать, у ней даромъ рады жить люди, у ней дѣтей не бьютъ, ее и въ лавочкѣ не ругаютъ, а нашу ругаютъ;—много ли съ отцомъ и съ матерью наворовалъ? говорятъ. А развѣ я ворую, развѣ я большой? Я не виноватъ. Кольку сорванцомъ зовутъ, разбойникомъ Кольку зовутъ. Пусть зовутъ, а Колька воромъ не будетъ, вотъ что! Колька чужихъ рубахъ брать не станетъ!—злобно рыдая, прерывающимся голосомъ говорилъ онъ.

Я сѣлъ рядомъ съ нимъ и сталъ утѣшать, какъ умѣлъ и какъ могъ.

— Ты тоже не будешь воромъ?—наивно спросилъ онъ, немного успокоившись.

Я побожился, что никогда и не думалъ и никогда не буду воровать.

— Ну, такъ ты, значитъ, будешь хорошимъ, тебя ругать не будутъ, попрекать не станутъ. Безъ воровства можно жить, тебѣ я тебѣ разскажу, какъ можно жить безъ воровства.

Съ этими словами Колька началъ очень серьезно разви-

вать передо мною теорію жизни безъ воровства, созрѣвшую въ его дѣтской головѣ, безъ помощи чужихъ наставленій и безъ чтенія книгъ. Это была до крайности наивная теорія, ее даже какъ-то неловко называть этимъ именемъ, и я до сихъ поръ не могу вспомнить о ней безъ веселой улыбки. По его соображеніямъ слѣдовало работать, цѣлый день работать, бумаги писать въ должности, сапоги или платье шить дома,—все работать и на выработанныя деньги нанимать маленькую, самую маленькую комнату и жить одному, чтобы дѣтей не было; одѣваться просто, ну, совсѣмъ просто, вотъ какъ мужики одѣваются, и не покупать чепцовъ съ бѣлыми бантами,—хотя я и не понялъ, для чего пригодился бы мнѣ, напримѣръ, чепецъ съ бѣлыми бантами, но промолчалъ и вполнѣ согласился, что именно только при такой жизни можно обойтись безъ него,—потомъ слѣдовали пункты о томъ, чего не должно дѣлать: не должно вина пить, не должно въ карты играть, именины и праздники справлять, на гулянья и въ театры ѣздить, и такъ далѣе. Однимъ словомъ, его мысли сложились подъ вліяніемъ окружавшей его жизни, и онъ отрицалъ ее вполнѣ, безъ всякой пощады и безъ смущенія, не желая удержать изъ нея хоть на память какой-нибудь лоскутокъ. Мы заключили съ нимъ условіе жить именно по этому плану, когда вырастемъ большіе, и вслѣдствіе этого сдѣлались друзьями. Условіе, вмѣсто печати, скрѣпилось горячимъ поцѣлуемъ, послѣ чего Колька снова началъ меня поучать. Наша первая бесѣда длилась до прихода изъ должности Люлюшина. Колька разсказалъ мнѣ, какой скверный мальчишка былъ его братъ, какъ онъ любилъ подслушивать и наушничать, какъ его ругаютъ на дворѣ мальчишки и лавочники. «Когда я вырасту,—говорилъ онъ:—и если у Сашки не будетъ денегъ, то я дамъ ему ихъ, но прежде три дня заставлю его каяться, на хлѣбѣ и на водѣ продержу, чтобы онъ зналъ, каково казнятъ мошенниковъ...»

— Развѣ ты это знаешь?—спросилъ я.

— Я, братъ, все знаю!

Эти слова имѣли большое значеніе: Колька, дѣйствительно, зналъ *все*. Онъ сообщилъ мнѣ, какъ на свѣтѣ нищіе подаяніемъ Христовымъ живутъ, какъ шарманщики маленькихъ дѣтей ломаться учатъ и чьи это дѣти, какъ разсчитываются хозяева съ фабричными мальчишками и какъ тяжело жить послѣднимъ, какъ наживаются обманами сидѣльцы въ лавочкахъ и какъ хлѣбы пекутся,—короче, я нашелъ въ немъ такого опытнаго наблюдателя и знатока

городской жизни, что пришелъ въ изумленіе. Вспоминая теперь о томъ, я удивляюсь, какъ уживалась въ немъ дѣтская чистота съ знаніемъ самыхъ грязныхъ предметовъ. Въ его головѣ эта жизнь рождала то странные и наивные, то не по лѣтамъ серьезные вопросы.

— Одного я не понимаю,—серьезно и задумчиво говорилъ онъ мнѣ однажды:—за что это собакъ и лошадей мучатъ?

— Да вѣдь и людей мучатъ, Колька,—отвѣчалъ я.—Ты самъ же мнѣ говорилъ...

— Людей! Такъ люди души свои за это за самое спасутъ. Вотъ и я теперь, если бы умеръ, такъ святымъ бы сталъ,—съ нѣжной улыбкой промолвилъ онъ полушутя.—А у собакъ и у лошадей души нѣтъ.

Со дня нашей дружбы мнѣ стало не то, чтобы очень пріятно жить въ домѣ Люлюшиныхъ, но все-таки было гораздо отраднѣе, чѣмъ за нѣсколько дней до того. Колька—онъ требовалъ, чтобы я звалъ его такъ, а не иначе,—сдѣлался моимъ утѣшителемъ и наставникомъ въ житейскихъ дѣлахъ; правда, лежа со мною въ постели, онъ открывалъ мнѣ такія вещи изъ своихъ познаній, что, можетъ-быть, мнѣ было еще слишкомъ рано ихъ знать, но черезъ долгіе годы я убѣдился, что эти знанія скорѣе спасли, чѣмъ испортили меня. Еще одно обстоятельство утѣшило меня въ это время. Юный учитель, рѣшившись дѣлать надо мною опыты развитія, записался нарочно для меня въ библіотекѣ для чтенія и носилъ мнѣ книги. Вѣрный своей идеѣ, онъ распредѣлилъ слѣдующимъ образомъ предназначенныя для прочтенія произведенія: сперва давалъ мнѣ описаніе кругосвѣтныхъ путешествій, потомъ книги по естественной исторіи, далѣе повѣсти изъ русскаго быта, наконецъ, Донъ-Кихота. Я читалъ охотно, почти всегда вслухъ, чередуясь съ Колькой. Иногда слушателями являлись Аграфена Степановна и Абрамъ Семеновичъ, прерывавшій чтеніе односложными восклицаніями, какъ, напримѣръ: «Шельмецъ! Экъ его дернуло и т. д.». Учитель радовался моему развитію, хотя, впрочемъ, развитіе почти было незамѣтно; но вѣдь онъ былъ совсѣмъ юный человѣкъ и видѣлъ передъ собою то, что̀ ему хотѣлось видѣть, то-есть созданіе своего горячаго воображенія, геніальнаго мальчика, хватающаго подъ его руководствомъ звѣзды съ неба. И часто, бѣдняга, платился онъ за это увлеченіе! Бывало, бѣда, если онъ поставитъ мнѣ пятерки, а Шурѣ четверки. Аграфена Степановна сейчасъ надуется и говоритъ взволнованнымъ голосомъ:

— Ужъ гдѣ нашимъ такъ учиться, кровь не та, не дворянская...

— Глупости!—восклицаетъ Абрамъ Семеновичъ, не вполнѣ разслышавъ слова жены.—Выпороть, вотъ тебѣ и будетъ кровь!..

— Ну, ужъ нѣтъ, Абраша, ты не говори!..

— Да помилуйте, что же тутъ волноваться, что ребенокъ одинъ разъ не вполнѣ хорошо приготовилъ урокъ?—утѣшаетъ учитель.

— Знаемъ, батюшка, знаемъ; это вы успокоить хотите насъ, да поздно, поздно... Я все вижу, даромъ, что за стѣнкой сижу, все вижу...

Аграфена Степановна едва дышитъ.

— Что же вы видите?

— Ничего, такъ, батюшка... Материнское сердце все чуетъ, все чуетъ...

Слѣдовалъ глубокій вздохъ и наступила мучительная пауза.

— Не смѣю васъ удерживать, батюшка: вѣрно куда-нибудь опять торопитесь,—добавляла послѣ паузы Аграфена Степановна.

— Да, да, спѣшу!—сконфуженно и угловато раскланиваясь, отвѣтилъ учитель, и безъ того собиравшійся уйти, но задумавшійся надъ вздохами хозяйки.

Въ эти минуты онъ готовъ былъ бросить къ чорту и уроки, и мое развитіе, и никогда не возвращаться въ домъ Люлюшиныхъ. И вотъ именно за то, что онъ возвращался, я прощаю ему всѣ его ошибки и неровности... Другой не воротился бы, пожалѣлъ бы себя, тѣмъ болѣе, что юность всегда сильнѣе дорожитъ своею гордостью, чѣмъ матеріальными выгодами. И частенько приходилось ему изъ-за меня быть оставленному, въ видѣ наказанія, безъ чаю и безъ ужина, и, такимъ образомъ, невольно вспоминать золотые дни своего минувшаго дѣтства. Онъ былъ первымъ еще плохо напечатаннымъ экземпляромъ человѣка дѣла, а не слова, видѣннымъ мною въ жизни, и какъ вспоминаютъ о первомъ неясномъ лепетѣ младенца, такъ вспоминаю я о немъ съ ясной улыбкой и нѣжной любовью.

VI.

Продолженіе предыдущей главы.

«Вѣдь это просто цинизмъ—описывать такія личности и сцены!» восклицаетъ читательница, одаренная нѣжностью

чувствъ и слабыми нервами, докончивъ чтеніе предыдущей главы. «Неужели?» изумляюсь я ея восклицанію. А я до сихъ поръ привыкъ считать цинизмомъ совершенно другое. Мнѣ казался нестерпимымъ циникомъ читатель, закрывающій умышленно глаза, чтобы не видать грязи жизни, хотя онъ очень хорошо знаетъ, что отъ этого грязь не превратится въ золото и попрежнему будетъ марать его самого и его общество, будетъ марать даже въ бо̀льшей степени, потому что онъ и его общество, закрывъ глаза, лишается возможности обходить ее. По моему мнѣнію, этотъ цинизмъ самый отвратительный, хладнокровный, беззаботный, ликующій, и онъ-то опаснѣе всего для общественнаго быта; при немъ не можетъ быть ни улучшеній, ни развитія, ни прогресса. Мои герои не хуже, не злѣе Тамариныхъ, Печориныхъ, Рудиныхъ и tutti quanti, но послѣднихъ мы видали только въ гостиныхъ, при постороннихъ людяхъ, и рѣшительно не знаемъ, каковы они были въ домашней, въ будничной жизни. А между тѣмъ, эта жизнь важнѣе; вѣдь не такіе же мы гуляющіе люди, что цѣлый вѣкъ рыскаемъ только по гостямъ, живемъ же мы и дома, живемъ даже бо̀льшую часть нашей жизни. Вотъ эта-то часть и занимаетъ меня. Мнѣ нѣтъ почти никакого дѣла до того, что̀ происходитъ на *сценѣ*, я иду за кулисы. Гляжу, какъ люди смываютъ съ своихъ лицъ румяна, снимаютъ напудренные парики, стаскиваютъ съ затекшихъ ногъ сапоги съ высокими каблуками, и смѣюсь отъ всей души, находя въ нихъ сходство съ ошпаренными цыплятами... Но вы, читательница, можетъ-быть, не согласны съ моимъ пріемомъ? О, въ такомъ случаѣ закрывайте мой романъ на этой же страницѣ, еще плотнѣе закройте свои глаза, и тѣшьтесь мыслью, что все обстоитъ благополучно въ прекраснѣйшемъ изъ міровъ, слѣпо проходите мимо негодяевъ, мимо измученныхъ страдальцевъ, мимо честныхъ людей, ищущихъ товарищей для честнаго дѣла; проходите мимо всего со своимъ циническимъ спокойствіемъ, со своею цинически-хладнокровною улыбкою, и ждите, что когда-нибудь честные люди бросятъ грязью не въ этихъ несчастныхъ негодяевъ, неразвитыхъ, не умѣющихъ мыслить, обойденныхъ образованіемъ, а въ васъ, чистенькихъ, гладенькихъ, сладко мечтающихъ о прелестяхъ жизни и возвышенныхъ чувствахъ! Я же съ своей стороны не вычеркну ни одного слова жёсткой правды изъ своей повѣсти, я знаю, что какъ бы много ни было въ ней этихъ словъ, мыслящій человѣкъ не придетъ отъ нихъ въ ужасъ, и чѣмъ болѣе услышитъ

онъ ихъ, тѣмъ привѣтливѣе, тѣмъ довѣрчивѣе встрѣтитъ тѣ немногіе свѣтлые образы, безъ которыхъ не обойдется мой разсказъ. Именно то и даетъ намъ силы жить, что между сотнями нравственно-погибшихъ людей, какъ яркія звѣзды во мракѣ ночи, одна за другою, съ каждымъ днемъ все болѣе и болѣе, выходятъ прекрасныя личности честныхъ людей... Итакъ, безъ смущенья, безъ краски ложнаго стыда, продолжаю начатое.

Потекла моя жизнь сонно и однообразно, день за днемъ, по избитой колеѣ, по чиновничьему маршруту. Ложась спать, я могъ угадать, не будучи пророкомъ, что̀ будетъ завтра, въ которомъ часу подадутъ чай, какъ при этомъ Аграфена Степановна будетъ разсказывать невообразимо-нелѣпый сонъ и постарается объяснить его значеніе, а Абрамъ Семеновичъ станетъ на поясницу жаловаться; когда сварятъ кофе и сколько воды подольютъ въ него для кухарки, что̀ приготовятъ къ обѣду и какъ выберутъ для Абраши и Шуры лучшіе куски жареной говядины, и какъ я съ Колькой буду жадно смотрѣть на который-нибудь изъ этихъ кусковъ и душевно скорбѣть, что онъ достался не мнѣ. Это чувство совершенно новое, возможное только тамъ, гдѣ подается столько кусковъ говядины, сколько лицъ сидитъ за столомъ. Зналъ я, что Абраша въ пять часовъ придетъ изъ должности и, не снимая фуражки и перчатокъ, подойдетъ къ письменному столу съ вопросомъ: «Груша, бумагъ отъ генерала не приносили?» и неизмѣнно отвѣтитъ на это Груша: «Нѣтъ еще, Абраша». Потомъ Абраша будетъ бранить кухарку за то, что соусъ простылъ, и Груша непремѣнно замѣтитъ: «Охъ, ты, мой горячій, тебѣ все холодно!» Зналъ, что въ шесть часовъ придетъ учитель и будетъ послѣ урока слушать разсказы Аграфены Степановны, если она не надуется и не вздумаетъ лишить его чаю. Тамъ, глядишь, придетъ и суббота, въ баню пойдетъ Люлюшина съ Шурой, вечеромъ кухарка дрождей купитъ, и знаешь, что завтра испечется вкусный-превкусный пирогъ, знаменіе воскреснаго дня, обрядъ, таинство нашей жизни. Все скучно и вяло, какъ слогъ докладныхъ бумагъ, все однообразно, какъ писарскій почеркъ въ этихъ бумагахъ, по которому не узнаешь, кто ихъ писалъ: Матвѣевъ ли, или Алябьевъ, или какой-нибудь другой обезличенный; все по̀шло, какъ наша пошлая жизнь, выработавшая извѣстныя отдѣльныя формочки для мужиковъ, для купцовъ, для чиновниковъ, для военныхъ и называющая всякое поползновеніе выйти изъ этихъ формо-

чекъ сумасбродствомъ или отрицаніемъ порядка. Сильнѣе всего давитъ это однообразіе дѣтей. Они еще не успѣли ни во что втянуться, у нихъ кипитъ кровь, играетъ пылкое воображеніе, развивающіяся силы требуютъ движенія, перемѣнъ, новостей; хочется имъ изъ чинно-стоящихъ у стѣнъ стульевъ сдѣлать экипажъ и запрячь въ него какую-нибудь кухонную скамью, хочется попробовать раскрасить по своему вкусу и по своимъ соображеніямъ первую попавшуюся подъ руки картинку и дорыться, во что бы то ни стало, изъ чего сдѣлана та или другая игрушка, что̀ заключается внутри ея. Но все это противорѣчитъ порядку; родители не велятъ превращать стулья въ экипажи, приказываютъ только любоваться картинкой и отнюдь не смѣть анатомировать карточныхъ куколъ, лошадей и коровъ; дѣти украдкою бѣгутъ на лѣстницу, на дворъ, на улицу, ссорятся съ первымъ встрѣчнымъ мальчишкой, вступаютъ въ борьбу съ нимъ и съ стѣсненнымъ сердцемъ возвращаются домой, прикрывая рукою подбитый глазъ... Могло бы быть иначе... Такъ точно иногда еще юный человѣкъ цѣлые мѣсяцы влачитъ свою сонную жизнь, втискивая себя насильно въ условную формочку, и вдругъ, при полученіи награды, забирается съ пріятелями въ трактиръ сыграть партію на бильярдѣ, выпиваетъ чрезъмѣру винца и водочки, пляшетъ трепака передъ публикой, раздираетъ обо что-то свой благоприлично вылощенный въ службѣ вицъ-мундиръ, подбиваетъ свою пристойно выскобленную бритвой физіономію и съ поникшей головой, шатаясь, возвращается къ своей супругѣ... «Натрескался!» кричитъ она, обшаривая его карманы, но—увы!—они пусты... Со стыдомъ является онъ въ должность и синяки подъ его глазомъ громко трубятъ всѣмъ и каждому: прорвался, братцы, вышелъ изъ формочки!—Съ достодолжнымъ презрѣніемъ отворачиваются сильные духомъ подвижники формочки отъ слабаго духомъ ея послушника и смиренномудренно приноситъ онъ покаяніе, еще ниже нагибаясь передъ старшими, еще ровнѣе выводя буквы докладовъ, еще ранѣе забираясь въ должность и подвергая себя искусу молчанія... О, подвижники земли Русской!

Но однообразіе жизни не могло бы заставить меня убѣгать изъ комнатъ Люлюшиныхъ, если бы къ нему не присоединились и другія очень непріятныя вещи. Уже съ первыхъ дней нашего знакомства мнѣ пришлось услышать нѣсколько интересныхъ, но нисколько не пріятныхъ для меня разговоровъ.

— Э, да у васъ, сударыня моя, семьи прибыло, — говорилъ Аграфенѣ Степановнѣ Илья Иванычъ Птичкинъ, дряхлый экзекуторъ и сослуживецъ Абрама Семеновича.

— Какъ же, крестника Абраша къ себѣ взялъ; сирота онъ, батюшка, мамаша умерла, папаша за границей живетъ,—ну, мы и взяли его къ себѣ.

— Похвально, похвально, сударыня моя! Знавалъ я, доложу вамъ, въ 1812 году одного бригадира, въ отставкѣ находился, жилъ онъ въ Семеновскомъ полку, въ четвертой ротѣ, у Агаѳоклеи Марковны Синицыной, моей родной тетки по матушкѣ, и былъ у него тоже крестникъ-сирота; такъ, можете вы себѣ представить, сударыня моя: онъ его пуще сына родного любилъ и лелѣялъ, воспитаніе ему далъ, языкамъ научилъ, въ титулярные совѣтники вывелъ! — Сухой старикашка набилъ себѣ въ носъ щепоть табаку и обтеръ губы.—А, осмѣлюсь я васъ спросить, занимается ли онъ у васъ науками?

— Какъ же, батюшка; нашъ учитель ему уроки даетъ наравнѣ съ нашими дѣтьми.

— Какъ нельзя лучше, сударыня моя! Еще великій Ломоносовъ сказалъ: «Науки юношей питаютъ, отраду старцамъ подаютъ!» Вотъ тоже, доложу вамъ, удивительная судьба хоть бы и Ломоносова. Изъ рыбаковъ, такъ сказать, и до какихъ почестей дослужился: императрица, сударыня моя, сама своею особою удостоила его своимъ милостивымъ посѣщеніемъ. А все наука!—Старикъ снова, проникаясь уваженіемъ къ наукѣ, заколотилъ свой носъ табакомъ. — Безъ лести, доложу вамъ, вы примѣрная мать и супруга, сударыня моя!

Аграфена Степановна, прилично случаю, вздохнула и навѣрное думала про себя: «Ахъ ты, старый хрѣнъ, хоть бы убирался поскорѣе, только руки отъ дѣла отрываешь. Напился кофею, ну и шелъ бы во-свояси».

— Только, сударыня моя, не учите вы ихъ астрономіи,— ни съ того, ни съ сего брякнулъ тощій экзекуторъ.

— Ужъ гдѣ намъ, батюшка, астрономіи учить, поди-ка и учитель-то нашъ ея не знаетъ, вѣдь онъ изъ бѣдныхъ.

— И хорошо, и прекрасно! Повѣрьте, доложу вамъ, что это тамъ насчетъ звѣздъ небесныхъ пишутъ, такъ это, сударыня моя, все враки, ибо ни одинъ смертный не достигъ неба, — всему предѣлъ положенъ! И если относительно воздушныхъ шаровъ и трубъ разныхъ, сударыня моя, такъ это только до извѣстной границы. Наука дѣло похвальное, но

мудрость Божія неисповѣдима—и прахъ передъ нею разумъ человѣческій!

Аграфена Степановна снова вздыхала, экзекуторъ въ послѣдній разъ законопачивалъ свой носъ табакомъ и, отыскавъ сухой уголокъ на грязномъ клѣтчатомъ платкѣ, высмаркивался и обтиралъ губы. Посѣщеніе оканчивалось; Аграфена Степановна разговаривала сама съ собою вслухъ:

— Ахъ, дуй его горой, изморилъ онъ меня совсѣмъ съ своими разговорами. Плечо все отбилъ и какія руки-то у него костлявыя. Вотъ ужъ, какъ говорится: не умѣетъ человѣкъ однимъ языкомъ болтать!

Черезъ нѣсколько дней Аграфену Степановну посѣтила какая-то чиновница и застала хозяйку за вязаньемъ носковъ.

— Всегда, всегда за работой, труженица, муравей!—затарантила гостья сладенькимъ голоскомъ.

— Нельзя безъ работы: Богъ труды любитъ,—отвѣтствовала Аграфена Степановна, лобызаясь съ гостьей и приказывая кухаркѣ сварить кофе не въ счетъ абонемента.

— И не говорите! И вѣдь все для дѣтей, все для дѣтей?

— Нѣтъ, это я не своимъ дѣтямъ, матушка; это вотъ крестнику Абраши носочки надвязываю; взяли мы его, ну, а у него носочки-то плоховаты; извѣстное дѣло, родной матери нѣтъ, такъ вотъ я и надвязываю.

— Добрая, добрая, филантропка, анъ-енъ-мо! И когда вы все это успѣваете?

— Вотъ оттого и сижу дома цѣлыми днями, не то, что въ гости, а и за надобностью на рынокъ не соберусь: тутъ не разбѣгаешься очень, — кольнула хозяйка гостью, оскорбившись иностранными словами, которыя, бѣсъ ихъ знаетъ, что̀ значили.

— Ахъ, ма-шеръ, вы не тужите объ этомъ, право не тужите!—утѣшала гостья, движеніемъ головы назадъ надвигая на себя слѣзавшую на спину шляпу. — Вотъ я по необходимости сегодня вышла, и такъ непріятно, такъ непріятно! Надо было побывать у Михѣевыхъ, мнѣ тамъ сезонъ назначила гувернантка, которую онѣ рекомендуютъ мнѣ, и, представьте себѣ, — понапрасну ходила! Гувернантка эта дрянь, нищая какая-то, въ такомъ абильѣ явилась, что я за нее со стыда сгорѣла. «Не могу, говорю Михѣевой,— взять ее къ себѣ, не могу; у меня горничная лучше одѣта, представьте себѣ — горничная!» Михѣева обидѣлась. «Въ гувернанткѣ, говоритъ, знаніе, а не одежда главное». «Ахъ,

говорю, ма-шеръ, и знаніе и одежда, и знаніе и одежда, мы не въ лѣсу живемъ, не въ Адамовы времена...» Ну, и непріятности вышли... Нѣтъ, вы не тужите, что вы не выходите изъ дому, вѣдь вы добро дѣлаете, сидя дома, вы благотворительствуете.

— Что̀ за благодѣянія! руки, слава Богу, еще есть, такъ отчего же не потрудиться...

— Нѣтъ, нѣтъ, благодѣяніе! Вы филантропка, я васъ знаю, добрая, добрая!

Филантропка оставила гостью обѣдать, и вплоть до вечера я слышалъ, какъ превозносили Аграфену Степановну за надвязыванье моихъ носочковъ, хотя изъ бумаги, купленной на отцовскія деньги, мнѣ надвязали только шесть паръ носковъ, а у остальныхъ членовъ семьи появилось по дюжинѣ новыхъ. По уходѣ гостьи, хозяйка ругала ее за волчій аппетитъ... Иногда, слушая подобные разговоры, я хотѣлъ крикнуть: «Что̀ вы меня жалѣете и славите Аграфену Степановну? Я не даромъ у нея живу!» Но проклятый языкъ не повиновался, мною овладѣвала непонятная робость, воскресало сознанье безпомощности, и съ поникшей головой стоялъ я гдѣ-нибудь у стола, слушая, какъ трудно и дорого содержать чужого ребенка и какъ счастливъ сирота, имѣющій такого крестнаго отца, какъ Люлюшинъ. Если бы мнѣ лучше жилось въ нашемъ домѣ, если бы всѣ члены моей семьи, во имя своихъ же собственныхъ интересовъ, не запугали, не оттолкнули меня, то бойко обличилъ бы я ложь, или, живя у тетки, совсѣмъ не слыхалъ бы подобной лжи, но я былъ брошенъ и во мнѣ проявились задатки рабскаго характера: я притихалъ наружно, кипѣлъ внутренно безсильной злобой, не заставлялъ протестомъ замолчать противника, но, при первой возможности, убѣгалъ отъ него на лѣстницу, даже на дворъ, гдѣ играли ребятишки, оставляя его ораторствовать безъ меня; такое поведеніе формулируется такъ: гори хоть весь свѣтъ, только бы я не видалъ огня.

На дворѣ у меня появились новые знакомцы — все дѣти крестоносцевъ — грязные, растрепанные, сильные тѣломъ и духомъ, бойко ругавшіеся, еще бойчѣе тузившіе другъ друга. Передо мною впервые открылся мірокъ свободныхъ дѣтей,— говорю: свободныхъ, потому что крестоносцы, занятые добываніемъ насущнаго хлѣба, оставляли ребятишекъ безъ всякаго присмотра. Послѣдніе играли, бранились, дрались и жили совершенно самостоятельною жизнью, иногда зарабатывая копейку своими услугами большимъ, вели торгъ

бабками, лакомствами, полученными гдѣ-нибудь, выговаривали для себя у лавочниковъ условную плату леденцами за то, что они ходили за покупками въ ихъ лавочки, а не въ другія, давали взаймы за извѣстную плату свои игрушки и ссужали деньги на проценты. Тутъ были и своеобразныя плутни, и своеобразные характеры, и своеобразныя понятія о чести. Какой-нибудь мальчикъ, играя въ *пятнашки*, весьма серьезно упрекалъ другого за то, что тотъ его запятналъ въ дому, т. е. за условною чертою, и отстаивалъ свое право до тѣхъ поръ, пока общій приговоръ дѣтей не раздавался въ пользу обиженнаго. Какая-нибудь *бабка*, ловко украденная однимъ, заставляла другихъ судить укравшаго ее и съ криками: «вонъ, вонъ жилу!» изгонять его на извѣстное время изъ своей среды. Всѣ они безъ исключенія были страшнѣйшіе демократы и никогда не пропускали безъ насмѣшекъ и поддразниванія ни одного чистенько одѣтаго и гладко причесаннаго ребенка, игравшаго роль барчёнка, и обыкновенно такое дитя старалось улизнуть отъ нихъ и обойти гдѣ-нибудь стороною, словно эта чистенькая одежда и гладко причесанные волосы отняли у него долю силы и храбрости, связали его руки и ноги. Демократы были не прочь залучить его къ себѣ, но за это онъ платился своимъ карманомъ, долженъ былъ, волей или неволей, соглашаться на ихъ просьбы угостить ихъ лакомствомъ, и потомъ, когда запасъ истощался, ему уже приходилось платить своими боками за минутную дружбу съ ними. Онъ плакалъ, а ему кричали: «подѣломъ тебѣ, не суйся къ намъ!» Я, конечно, не вмѣшивался въ игры, но любилъ посмотрѣть на нихъ съ крыльца или изъ окна на лѣстницѣ. Колька, игравшій прежде на дворѣ, всегда бывалъ со мною и не шелъ къ своимъ бывшимъ пріятелямъ, за что нѣкоторые изъ нихъ показывали ему языки, одинъ же изъ самыхъ смѣлыхъ и самыхъ хитрыхъ— Ѳедька косой, осмѣлился придти къ намъ на площадку лѣстницы и заговорить съ нами.

— Что вы, братики, не гуляете по двору?—спросилъ онъ насъ ласковымъ голосомъ, глуповато улыбаясь.

— Намъ и здѣсь хорошо,—отвѣтилъ Колька.

— А тамъ не въ примѣръ лучше. Вотъ ребятки въ чехарду собираются играть, такъ вы бы пошли. Ей-ей, братики, хорошо!—еще слаще говорилъ онъ нараспѣвъ, кося глазами и наклоняя умильно голову на бокъ.

— Ну, и играйте, если хотите. Что̀ намъ-то до васъ за дѣло?

— А, вотъ что!

Съ этимъ восклицаніемъ Ѳедька далъ подзатыльника Колькѣ, такъ что тотъ ткнулся лбомъ въ мое лицо и подбилъ мнѣ глазъ.

— Что, поцѣловались? — съ звонкимъ хохотомъ кричалъ Ѳедька, слетая съ лѣстницы.

Мы оба съ синяками шли въ комнаты.

— Посмотрите на себя, Николай Абрамовичъ, въ зеркало,—говорила торжественнымъ тономъ Люлюшина. — На что вы похожи?

Николай Абрамовичъ, или просто Колька, стоялъ, опустивъ голову и ковырялъ какую-то дыру на рубашкѣ.

— Да и вы-то, Павелъ Константиновичъ, хороши! вамъ еще стыднѣе бѣгать по лѣстницамъ; слава Богу, вы дворянскихъ родителей дитё. И кто же это васъ такъ съѣздилъ?

— Слесаревъ-съ Ѳедька,—сконфуженно отвѣчалъ я.

— Ну, вотъ, видите ли, слесаревъ Ѳедька какой-нибудь смѣетъ васъ бить, стыдитесь! — продолжала Люлюшина и вдругъ не выдержала, перешла въ обычный тонъ.—А тебя, разбойникъ, я выпорю! Ты, Колька, у меня три дня не сядешь на...

У Кольки навернулись слезы, и онъ поспѣшно пошелъ въ мою комнату, чтобы тамъ выругать мать и облегчить свое сердце.

На другой день я утѣшился тѣмъ, что побѣдилъ слесарева Ѳедьку, поймалъ его на лѣстницѣ, подбилъ ему оба глаза и сѣлъ на него верхомъ, колотя его въ спину.

— Да ну же, будетъ съ тебя, чортъ! Слышишь ли, дьяволъ, будетъ! брюхо раздавилъ,—кричалъ Ѳедька.

— Проси прощенья!—кричалъ я въ азартѣ.

— Ну, чортъ тебя подери, скотина! ну, не буду, ей-ей не буду драться.

— Нѣтъ, ты прощенья проси.

— Ну, прости, вотъ-тѣ Христосъ, не буду.

Слесаревъ Ѳедька, разумѣется, вралъ и при первой возможности поколотилъ меня снова, но я, боясь его раздразнить, простилъ на этотъ разъ врага и побѣдоносно слѣзъ съ него.

Увы! читатель, изъ благовоспитаннаго мальчика я началъ дѣлаться уличнымъ забіякой; но скука, непроходимая скука научитъ всему, а тутъ еще къ скукѣ присоединялось желаніе убѣжать изъ комнаты отъ жалкой роли, которую поневолѣ пришлось играть мнѣ.

Наступило двадцать первое августа, день именинъ Абрама

Семеновича. Уже за недѣлю начались разсужденія, кого звать на завтракъ, кого на обѣдъ, кого на ужинъ; имя каждаго знакомаго сопровождалось какимъ-нибудь весьма нелестнымъ для него эпитетомъ, и про всѣхъ вообще говорилось, что они рады налетѣть на чужое доброе, полопать на шармака. Наканунѣ началось въ квартирѣ мытье половъ, сметаніе пыли и паутины со стѣнъ и потолковъ, диванъ въ гостиной былъ разобранъ и изъ него вываривались кипяткомъ его неугомонные жильцы—клопы, чтобы алчныя созданія не вздумали въ торжественный день отвѣдать густой крови какого-нибудь столоначальника или полакомиться свѣжими соками его прекрасной супруги. Вообще, хотя кровавыя жертвы и уничтожены, но до сихъ поръ у насъ передъ каждымъ праздникомъ приносятся въ жертвоприношеніе пауки, клопы и блохи, должно-быть именно для этой цѣли заботливо питаемые и хранимые въ теченіе нѣсколькихъ мѣсяцевъ. Изъ овощныхъ, мясныхъ и зеленныхъ лавокъ носилась провизія. Колька шепталъ мнѣ, что мы будемъ ѣсть три дня послѣ именинъ остатки этихъ телятинъ, пироговъ, колбасъ, арбузовъ и яблоковъ, что на четвертый день мамаша будетъ упрекать кухарку за истребленіе послѣднихъ объѣдковъ, тонко намекнетъ ей на любовника и погрозитъ сдѣлать вычетъ изъ жалованья, что папаша будетъ цѣлый мѣсяцъ кряхтѣть и охать, ругая того, кто первый выдумалъ справлять именины. Предсказанія Кольки исполнились въ точности; онъ былъ великій сердцевѣдъ и знатокъ семейной чиновничьей жизни. Въ торжественный день былъ отслуженъ молебенъ на дому за здравіе именинника, подалась закуска, потомъ былъ роскошный обѣдъ съ кулебякой, неизбѣжной на именинахъ телятиной, замѣняющейся на Рождествѣ гусемъ, на Пасхѣ окорокомъ. За обѣдомъ шли сначала служебные разговоры о повышеніяхъ, наградахъ и доходахъ; дамы въ это время о чемъ-то шептались и выражали на лицахъ оттѣнки всѣхъ чувствъ: то казалось, что онѣ отвѣдывали кислятины, то представлялось, что онѣ лежатъ въ обморокѣ; потомъ пошли толки о политикѣ про Австрію и Францію; далѣе зашла рѣчь о литературѣ. Чиновница, знавшая по-французски, хвалила романы, другая, не знавшая по-французски, сдѣлала гримасу и объявила, что она одну критику читаетъ, кто-то назвалъ Гоголя мошенникомъ за его «Ревизора», на что Абрамъ Семеновичъ замѣтилъ: «По дѣломъ досталось городничему. Ты прежде справки подробныя наведи, болтунамъ-то не

вѣрь и въ домъ ихъ не пускай, да потомъ и поѣзжай представляться ревизору. Преполезная штука эта комедія!» За этой чиновничьей критикой послѣдовалъ тостъ за здоровье именинника, и кто-то рыгнулъ на всю комнату, отчего обѣдъ кончился весело и всѣ оживились. Наконецъ, насталъ вечеръ, раскрылись ломберные столы, началась игра по маленькой. Мы—дѣти—спокойно и чинно играли въ лото, и я менѣе всего ожидалъ въ этотъ день важныхъ событій; однако, я ошибся въ разсчетѣ. Часовъ въ восемь въ мою комнату вошелъ новый маленькій гость, я взглянулъ на него и остолбенѣлъ; я видѣлъ этого гостя одинъ разъ въ жизни, но его лицо навсегда врѣзалось въ мою память какими-то рѣзкими и непріятными чертами: это былъ сынъ Григорья Ивановича. Вслѣдъ за нимъ вошелъ и его отецъ.

— А, Павленька, здравствуйте! — фамильярно сказалъ Григорій Ивановичъ, изящно одѣтый, съ дорогими запонками на рубашкѣ, съ модной цѣпью на жилетѣ.—Каково поживаете здѣсь? Учитесь, я думаю, не попрежнему?— разспрашивалъ онъ.

Я стоялъ, какъ истуканъ, и не могъ, даже и не желалъ отвѣчать ему.

— Э, какой вы молчаливый нынче стали, не то, что прежде,—улыбался онъ:—видно здѣсь не свой домъ и не своя волюшка.

Съ этими словами онъ вышелъ въ другую комнату и усѣлся играть въ карты. Онъ уже приписался въ купцы и снялъ гостиницу, сдѣлался важнымъ лицомъ. Въ дѣтской продолжали играть въ лото, но я пересталъ, какъ только за столъ сѣлъ сынъ нашего бывшаго камердинера. Мое маленькое сердце било тревогу въ груди, я чувствовалъ себя дворянчикомъ, Шуповымъ, и мнѣ снова захотѣлось поколотить этого мальчишку. Прошло нѣсколько времени, къ намъ явилась Аграфена Степановна.

— Полноте, дѣти, въ лото играть, въ залѣ барышни есть, имъ скучно, потанцуйте съ ними. Кто-нибудь на фортепьянахъ поиграетъ.

Мы пошли въ залъ. Въ обыкновенное время это была спальня, но теперь изъ нея вынесли кровать Люлюшиныхъ, и она сдѣлалась заломъ. Началось исканье играющихъ на фортепьяно. Одна дѣвица отговаривалась болью въ пальцѣ, другая очень наивно сказала, что она играетъ только по своимъ нотамъ, третья еще наивнѣе—совѣсти-

лась играть при гостяхъ; всѣ отговорки были слѣдствіемъ желанія каждой поплясать хоть съ дѣтьми.

— Павлушенька, поиграйте хоть вы,—обратилась ко мнѣ Люлюшина.

Она знала, что я игралъ двѣ-три пьески для танцевъ.

— Да, да, вотъ и прекрасно будетъ! Павленька бойко играетъ,—замѣтилъ Григорій Ивановичъ изъ-за картъ:—а между тѣмъ молодые люди потанцуютъ.

— Нѣтъ-съ, я не умѣю играть,—отвѣтилъ я съ запинкою, и въ моей головѣ мелькнула мысль:—ни за что не буду играть для его сына.

— Какъ не умѣете? да вы же играли, я сама слышала.

— Нѣтъ, не умѣю.

— Полноте, не стыдитесь, здѣсь все свои. Ну, пойдемте, голубчикъ,—добавила Аграфена Степановна, взявъ меня за руку и подводя къ фортепьяно.

— Я не стану играть,—настойчиво проговорилъ я.

— Ай да Павленька! Хорошо дѣлаетъ удовольствіе своему крестному папашѣ,—покачалъ головой Григорій Ивановичъ.

— Се не па бьенъ, монъ анфанъ,—сладенькимъ голоскомъ увѣщавала меня знакомая читателю чиновница, нагнувшись къ моему лицу.

— Стыдно, доложу вамъ, сударь мой, очень стыдно, въ нѣкоторомъ родѣ, лишать цѣлое общество удовольствія ради, такъ сказать, своего каприза. Въ 1826 году я, доложу вамъ, зналъ одного молодого человѣка, титулярнаго совѣтника, жилъ онъ...—говорилъ сухой экзекуторъ, усердно закупоривая свой носъ табакомъ, и, наклонившись ко мнѣ съ другой стороны, успѣлъ разсказать исторію о титулярномъ совѣтникѣ.

— Видите, васъ всѣ стыдятъ, садитесь-ка и играйте,—добавила Аграфена Степановна, и ея голосъ, первый разъ, обращаясь ко мнѣ, принялъ строгое выраженіе, напоминавшее ея неизмѣнную фразу: «я тебя выпорю!» Это меня взорвало.

— Я вамъ сказалъ, что я не стану играть для Григорьева сына,—громко и грубо проговорилъ я.—Папа не для того деньги вамъ за меня платитъ.

Съ этими словами я вырвалъ свою руку изъ руки Люлюшиной, пошелъ въ свою комнату и заперъ за собою двери на ключъ.

Пусть каждый представитъ себѣ весь эффектъ этой сцены и выраженія лицъ Аграфены Степановны, гостей и въ осо-

бенности Григорья Ивановича, названнаго мною просто Григорьемъ. Скандалъ былъ полный, въ комнатѣ перешёптывались, экзекуторъ разсказывалъ, невѣдомо кому, исторію за исторіей о разныхъ титулярныхъ совѣтникахъ и бригадирахъ. Черезъ нѣсколько минутъ хозяйкѣ удалось уладить дѣло, и чиновница съ больнымъ пальцемъ согласилась играть.

— Только ужъ я буду играть девятью,—сказала она.

— Да хоть однимъ играйте, матушка, только бы что-нибудь выходило для танцевъ,—успокоили ее.

Веселье воцарилось снова. Я, между тѣмъ, въ одеждѣ легъ на постель и предавался разнымъ поучительнымъ размышленіямъ. Часа черезъ два ко мнѣ вздумала войти Люлюшина, и увидала, что двери замкнуты; она сердито постучала въ нихъ и недовольнымъ голосомъ крикнула мнѣ:

— Отворите! что̀ вы тамъ затворились?

— Я спать хочу,—лаконически отвѣтилъ я.

— Вотъ еще выдумали спать, когда гости не уѣхали!

— Что̀ мнѣ до нихъ за дѣло? Это моя комната,—совершенно спокойно возразилъ я и далъ себѣ слово не поддаваться.

Хозяйка увидѣла, что дѣло плохо, что въ ея домѣ люди скоро дѣлаются практиками и воютъ съ волками по-волчьи.

— Полно те, миленькій, дуться!—перемѣнила она тонъ.— Потѣснитесь на сегодня для своего крестнаго папаши, вы его и такъ очень огорчили, бѣднаго,—говорила она шопотомъ, чтобы разговоръ не дошелъ до гостей, отдѣленныхъ отъ насъ узкимъ коридорчикомъ.

Я отперъ дверь.

— Пойдемте въ залъ, потанцуйте.

— Я туда больше не пойду.

— Экой какой вспышка! Огонь, огонь! Правду говорилъ Григорій Иванычъ, что весь въ папеньку. Ну, такъ я вамъ сюда чай принесу, и пусть дѣти тоже здѣсь напьются.

Дѣти собрались ко мнѣ въ комнату; имъ принесли чай. Всѣ сѣли около стола къ своимъ чашкамъ, а я преспокойно продолжалъ лежать на постели, не разсуждая, вѣжливо или нѣтъ такое положеніе.

— Вишь, надулся какъ,—сказалъ сынъ Григорья Ивановича, указывая дѣтямъ на меня:—словно индюкъ какой!

— Если ты будешь разговаривать, такъ я тебя въ шею вытолкаю изъ *моей* комнаты, слышишь ты?—крикнулъ я ему, и въ моемъ голосѣ зазвучала отцовская нота.

— Попробуй!—бойко отвѣтилъ противникъ.—Такъ я сейчасъ своему отцу пожалуюсь.

— Убирайся же!—крикнулъ я, неистово вскакивая съ постели и багровѣя отъ злости.—Холопъ! Лакейскій сынъ!

Сынъ Григорья Ивановича весь въ слезахъ побѣжалъ жаловаться на меня отцу; тотъ шопотомъ сталъ объясняться съ Люлюшинымъ. Черезъ четверть часа онъ уѣхалъ съ вечера, не докончивъ пульки и передавъ свое мѣсто другому игроку.

Вспоминая все теперь, я невольно краснѣю за себя, и становится мнѣ жаль бѣднаго мальчика, но ненавижу я его попрежнему, за что—это знаетъ читатель.

На другой день, послѣ именинъ, Аграфена Степановна начала коситься на меня, давала мнѣ всего съѣстного меньше, чѣмъ своимъ дѣтямъ, и говорила: «зачѣмъ вы тутъ снуете? шли бы въ *свою* комнату!» Колкостямъ нѣтъ конца, но я бойко сношу ихъ, почему-то мнѣ кажется, что я теперь сильнѣе, что она сама немного боится меня и не посмѣетъ болѣе хвастать передъ людьми благодѣяніями Абраши. Маска сорвана. Я разсуждаю о великихъ вопросахъ: отчего отецъ кричалъ на Григорья Ивановича и, все-таки, обѣднѣлъ, а Григорій Ивановичъ молчалъ и разбогатѣлъ. Тѣ же вопросы являются относительно нашего деревенскаго приказчика и бородача, дѣдушкина выкормыша, вытурившаго насъ изъ дома. Спрашиваю я у себя, отчего Люлюшинъ какъ будто боится Григорья Ивановича и, будучи надворнымъ совѣтникомъ, жметъ ему руки. Доискиваюсь, боится ли кого-нибудь самъ Григорій Ивановичъ или нѣтъ? Вечеромъ, лежа рядомъ съ Колькой, я сообщаю ему свои мысли и требую разрѣшенія вопроса: отчего это такъ дѣлается?

— Это потому, что они не честны!—говоритъ Колька, и снова шире и полнѣе прежняго развиваетъ планъ честной жизни.

Мы близко, чрезвычайно близко подходимъ съ нимъ къ одной изъ величайшихъ истинъ, но еще не можемъ выразить ее простыми словами: всякая подлость непрактична. Въ нашемъ дѣтскомъ лексиконѣ еще нѣтъ слова: непрактичность, и нѣтъ около насъ ни одного человѣка, который могъ бы разъяснить наши недоумѣнія и подсказать слово. Мы, можетъ-быть, доросмся до него, но послѣ тяжкихъ усилій, послѣ страшной нравственной ломки, ни на что не нужной, повидимому. Но это такъ кажется, ломка благотворна, она выработаетъ нашъ духъ, пріобрѣтенныя ею

убѣжденія войдутъ въ нашу плоть, и уже мы не станемъ бояться за ихъ существованіе: они умрутъ только съ нами.

— Славно намъ, тепло такъ!—говоритъ Колька, прижимаясь ко мнѣ, и не чуетъ дитя, какъ много любви въ его сердцѣ, какъ долго искала эта любовь исхода.

А между тѣмъ Кольку зовутъ сорванцомъ, зовутъ разбойникомъ...

VII.

Въ ней читатель вполнѣ познакомится съ моей тетушкой.

Въ концѣ сентября я получилъ изъ деревни письмо сестры, извѣщавшее, что тетка пріѣдетъ съ нею черезъ недѣлю въ Петербургъ. Съ нетерпѣніемъ ожидалъ я этого дня; наконецъ, за мною прислали лакея. Радостно было мое свиданіе съ сестрой, точно мы не видались нѣсколько лѣтъ. Тетушка обрадовалась мнѣ по-своему.

— Ты можешь ходить ко мнѣ по праздникамъ,—сказала она, протягивая мнѣ руку для цѣлованія:—только, пожалуйста, веди себя скромно и не шуми. Я вообще не люблю мальчишекъ и не выношу шума, а потому, если ты будешь вести себя неприлично, то я не стану брать тебя къ себѣ.

Я увѣрилъ ее, что постараюсь не сердить ее и быть благоразумнымъ. На первый разъ она заставила меня разобрать облатки по названіямъ дней, написаннымъ на нихъ, размотать вмѣстѣ съ сестрою нѣсколько мотковъ разноцвѣтнаго некрученаго шёлку. Занятые этимъ душеспасительнымъ дѣломъ, мы усѣлись съ сестрой въ углу тетушкинаго кабинета и передавали другъ другу свои впечатлѣнія, оставленныя въ насъ тремя мѣсяцами разлуки. Со всею дѣтскою откровенностью описалъ я сестрѣ семью Люлюшиныхъ и жизнь въ ихъ домѣ, съ гордостью объявилъ я о своей побѣдѣ надъ слесаревымъ Ѳедькой и сыномъ Григорья Ивановича; съ неподдѣльнымъ восторгомъ отозвался о Колькѣ и развилъ вполнѣ планы послѣдняго о честной жизни, сообщивъ всѣ мельчайшія подробности этой жизни. Сначала сестра слушала очень внимательно мою болтовню, то журила меня за глупые поступки, то хвалила за способность переносить непріятности, но когда дѣло дошло до плановъ честной жизни, тогда она задумалась; ея руки перестали разматывать шёлкъ, глаза устремились безцѣльно впередъ, она забылась.

— Леля!—окликнулъ я ее, потому что мнѣ надоѣло сидѣть съ растопыренными подъ моткомъ шёлка руками.

— А?—вздрогнувъ, отозвалась она, какъ будто очнувшись отъ тяжелаго сна.

— Что же ты не разматываешь шёлкъ?

— Я совсѣмъ о другомъ думала.

— Значитъ, ты и не слыхала, что̀ я говорилъ?

— Нѣтъ, слы-ы-шала!—протяжнымъ голосомъ отвѣтила она.—Вотъ ты счастливъ,—продолжала она:—очень счастливъ! Ты мальчикъ, ты можешь такъ жить, а я не могу такъ жить.

— Отчего же ты не можешь? Очень можешь!—съ полной увѣренностью убѣждалъ я ее.

— Не могу,—еще протяжнѣе произнесла она, отрицательно качая головою.—Дѣвочки однѣ не могутъ жить, дѣвочкѣ одной не позволятъ жить.

— Ахъ, какая ты смѣшная! да ты со мной и съ Колькой можешь жить, вотъ и будешь не одна,—разрѣшилъ я сомнѣніе.

— Я и работать не умѣю, я ничего не знаю...

— Научишься: мы съ Колькой научимъ...

— Все-таки не позволятъ.

— Такъ ты убѣги!—далъ я основательный совѣтъ.

— Куда?—спросила она и принялась снова разматывать шёлкъ, заботливо отдѣляя каждую соринку, приставшую къ нему.

Повидимому, это дѣло вдругъ овладѣло всѣмъ ея вниманіемъ, и весь мой дѣтскій лепетъ былъ уже не въ состояніи навести сестру на разсужденія о томъ, какъ мы будемъ жить вмѣстѣ. Мнѣ надоѣло наше занятіе и стало досадно, что она не интересуется болѣе моими планами, я умолкъ. Мои глаза были еще недовольно зорки, чтобы подмѣтить на ея лицѣ слѣды невыносимой тоски, давившей ее въ эту минуту, но врядъ ли и болѣе наблюдательный глазъ подмѣтилъ бы эти слѣды; сестра, несмотря на свою молодость, умѣла владѣть собою, и, сверхъ того, ея совершенно дѣтская манера говорить заставляла всѣхъ считать ее ни о чемъ не думающимъ, ни отъ чего не страдающимъ ребенкомъ. Иные люди смотрѣли на нее даже съ нѣкоторымъ пренебреженіемъ, считая ее не по лѣтамъ глупенькимъ созданіемъ. Она развивалась внутри себя, невидимо, одиноко и не могла получить навыка болтать, какъ бо̀льшая часть нашихъ дѣвушекъ; теперь наставала пора учиться говорить.

Съ этого воскресенья я каждую недѣлю однажды бывалъ у тетки. Для сестры взяли гувернантку, миссъ Кембденъ.

Гувернантка оказалась сухою и черствою женщиною, какою можетъ быть только англичанка, но дѣло свое она знала отлично и основательно, преподавала сестрѣ различные предметы науки, въ забвеніи остался только русскій языкъ. Сестра полюбила наставницу искренно, и между ними установились до крайности странныя отношенія. Сестра съ восторгомъ отзывалась о гувернанткѣ, смотрѣла ей въ глаза, угадывала ея желанія, а гувернантка, холодно принимая ея ласки, спокойно спрашивала ее: «Вы уже приготовили уроки?» это значило: если у тебя не все сдѣлано, то принимайся за дѣло, ласками же со мною ничего не подѣлаешь. Въ свободное отъ занятій время, по буднямъ, сестра читала вслухъ газеты передъ теткой, занимавшейся вязаньемъ никому и ей первой не нужныхъ кошельковъ и вышиваньемъ еще менѣе необходимыхъ подушекъ, украшавшихся шелкомъ, шерстью и бисеромъ. Утромъ, по праздникамъ, когда миссъ Кембденъ уѣзжала въ гости, я и сестра сидѣли въ гостиной тетки и праздно слушали болтовню различныхъ посѣтителей. Уйти въ комнату сестры мы не смѣли, потому что сидѣнье въ гостиной было, по соображеніямъ старухи, необходимымъ дополненіемъ воспитанія; мы пріучались къ манерамъ образованныхъ людей и должны были постигнуть, о чемъ и какъ говорятъ эти люди, чтобы современемъ не явиться между ними дикарями и провинціалами. Какъ намъ скучно было это дополненіе воспитанія — вы себѣ и представить не можете!

Странное созданіе была тетка! Ей было за шестьдесятъ лѣтъ, но она была бодра, цвѣтъ ея лица, какъ извѣстно читателю, никогда не измѣнялся и былъ свѣжъ; каковъ онъ былъ въ тѣ часы утра, когда въ ея комнату проникала только ея любимая горничная, этого никто не зналъ и не осмѣлился бы знать, чтобы не поссориться навсегда съ теткой. Одѣвалась она очень просто и не любила, чтобы люди показывали, что они понимаютъ стоимость этой простоты, состоявшей изъ лишеннаго всякой отдѣлки простого батистоваго, атласнаго или бархатнаго платья, изъ простого воротничка брюссельскихъ кружевъ, застегнутаго совершенно простымъ брильянтомъ, изъ такихъ же простыхъ нарукавниковъ съ такими же простыми пуговицами. Однимъ словомъ, все на ней было чрезвычайно просто, и никогда она не рѣшилась бы надѣть роскошный браслетъ, ярко бросающуюся въ глаза брошку, отдѣлать кружевомъ или

лентами свое простое платье. Все это она называла на своемъ языкѣ ненужностями или кусочками арлекина.

— Это для какой пьесы костюмъ? — серьезно спрашивала она, разсматривая въ лорнетъ модную картинку изъ послѣдняго нумера парижскаго журнала.

— Это, ma tante, не для пьесы костюмъ, а платье, какое всѣ носятъ въ Парижѣ,—отвѣчали ей.

— Неужели?—ядовито удивлялась старуха.—Впрочемъ, чему же и удивляться! въ Парижѣ теперь только одни актеры и актрисы и живутъ; этотъ костюмированный сбродъ уже семнадцать лѣтъ разыгрываетъ пародію аристократизма!

Всѣ знали, что тетка дулась на Луи-Филиппа и не признавала его королемъ Франціи до самаго конца его царствованія. Не знаю, насколько отравляло это жизнь Луи-Филиппа, но фактъ непризнанія, тѣмъ не менѣе, существовалъ во всей своей силѣ. Вообще, тетушка не терпѣла мѣщанства ни въ чемъ, хотя сама была аристократкою изъ Москвы, то-есть по преданію, и то только потому, что она такъ *думала* и имѣла кой-какія денежныя средства убѣдить въ этой истинѣ своихъ друзей. Друзья ея состояли изъ разныхъ стариковъ, занимавшихъ видныя мѣста, и ихъ дѣтей, гвардейцевъ и камеръ-пажей; первые, даже переселяясь въ деревню, считали своимъ долгомъ вести съ ней дѣятельную переписку, и, такимъ образомъ, доставляли почтамту и фабрикантамъ канцелярскихъ принадлежностей порядочный барышъ. Всѣ они были ея родственниками и иногда очень близкими, напримѣръ: троюродными племянниками мужа ея двоюродной сестры, нѣкоторые были еще ближе, и потому всѣ были поставлены въ необходимость говорить ей: ma cousine или ma tante. Всѣ они вмѣстѣ съ нею дѣятельно бранили Луи-Филиппа и Бѣлинскаго. Читатель можетъ удивиться такому сопоставленію именъ, но оба эти человѣка были личными врагами тетки, и поклонникъ котораго-нибудь изъ двухъ лишался права бывать въ ея гостиной. Этими чертами можно бы вполнѣ закончить характеристику внѣшней стороны жизни старой барыни; но у нея была и другая, закулисная, внутренняя жизнь. Во-первыхъ, тетушка имѣла въ ближайшемъ отъ ея дома храмѣ опредѣленное мѣсто, гдѣ ставился стулъ и разстилался коверъ и откуда она прогоняла кого бы то ни было, и любила, въ виду всѣхъ прихожанъ, принимать изъ рукъ священника даровую просфору. Во-вторыхъ, тетушка до обморока боялась смерти и зажмуривала глаза,

если ей встрѣчались похороны, и еще сильнѣе боялась она своей любимой горничной, по причинамъ, никому и ей самой неизвѣстнымъ. Въ-третьихъ, тетушка плакала, если заболѣвалъ ея шпицъ, что доказывало доброту и мягкость ея сердца, и ненавидѣла тунеядцевъ, нищихъ, что доказывало ея самородное знаніе политической экономіи и нелюбовь къ лѣни. Въ-четвертыхъ, тетушка ежедневно поминала своихъ сродниковъ ровно часъ, скороговоркою пересчитывая: Павла, Константина, Андрея, Павла, Павла и т. д. Въ-пятыхъ, среди этихъ именъ умершихъ родственниковъ одно имя принадлежало совершенно постороннему человѣку, не бывшему даже троюроднымъ племянникомъ мужа ея двоюродной сестры, совсѣмъ чужому, какими были для нея Луи-Филиппъ и Бѣлинскій. На ея лицѣ не появлялось ни тѣни внутренней боли. Да и отчего же пробуждаться въ ея сердцѣ чувству боли? Вѣдь это былъ совсѣмъ чужой человѣкъ! Знала она его въ 1806 году, онъ былъ хорошъ собою, молодъ, уменъ; она слыла въ Москвѣ одною изъ первыхъ красавицъ. Они полюбили другъ друга, но онъ былъ бѣденъ и нечиновенъ, она была богата и предназначалась чиновнымъ женихамъ. Онъ попросилъ ея руки, ея отецъ отвѣтилъ: «послужи и заслужи». Больше ничего не было сказано, но этихъ словъ было весьма достаточно, чтобы рѣшить участь двухъ человѣкъ, благонамѣренно покорныхъ родительской волѣ. Юноша рѣшился служить и вступилъ въ дѣйствующую армію. Улучивъ время, они простились безъ свидѣтелей, онъ сжалъ ея руки, осыпалъ ихъ поцѣлуями, она зарыдала, обвила его шею горячими, горячими руками и первый разъ въ жизни ея губы коснулись губъ посторонняго человѣка, и жгучимъ былъ этотъ поцѣлуй, такимъ жгучимъ, что не цѣловала она никогда болѣе никого изъ постороннихъ. Въ этомъ поцѣлуѣ была вся жизнь! На минуту она была счастлива... А тамъ пошли опять балы, началась отечественная война, началось шитье патріотическихъ нарядовъ на родной покрой сарафановъ, предался опалѣ нашъ родной французскій языкъ, сталъ изучаться новоизобрѣтенный русскій, газеты приносили извѣстія о битвахъ, о жертвахъ, пахло кровью... Всѣ чуяли приближеніе катастрофы, рѣшенія вопроса: быть или не быть, идти въ Азію или оставаться въ Европѣ, — бородинское сраженіе рѣшило все. *Онъ* погибъ. Она записала его въ поминальную книжку и съ этого дня отчитывала: «Павла, Константина, Андрея, Павла», и еще одно

имя совершенно чужого человѣка... Если кто-нибудь упоминалъ при ней о фамиліи Латуховыхъ, то она спрашивала: «Это не изъ тѣхъ ли Латуховыхъ, которыхъ сынъ убитъ подъ Бородинымъ?» Отъ стереотипной фразы вѣяло могильнымъ холодомъ, какъ отъ надгробной надписи, гласящей: родился тогда-то, и такого-то числа волею Божіею помре. Вотъ вамъ и вся жизнь! Пишите о ней романъ съ раздирающими душу сценами, проливайте надъ ними слезы, жалѣйте героевъ, проклинайте отца; но, ради сохраненія своей нѣжной, сахарной чувствительности, не глядите на лицо героини, оно, какъ каменное изваяніе японскаго идола, тупо и слѣпо будетъ смотрѣть на васъ своими узенькими глазами, какъ будто спрашивая: «да о чемъ же вы плачете, дураки?»

А кругомъ тетки волновалась молодежь, дѣлая видъ, что она живетъ, что ей весело, шутила, смѣялась, поглядывала масляными глазами на мою сестру, думая про себя: «а и за этой скоро можно будетъ пріударить!» Особенно интересенъ въ этомъ случаѣ былъ одинъ офицеръ, сильно заботившійся о моей сестрѣ и, кажется, томившійся только однимъ вопросомъ: «да скоро ли ты вырастешь?»

— Ну, какого вы мнѣнія о моей кузинѣ? — спрашивалъ онъ у миссъ Кембденъ.

— Настойчива, и потому можетъ дѣлать все, что̀ захочетъ,—давала аттестатъ мраморная статуя съ англійскими буклями около щекъ, весьма похожими на палки, обернутыя рыжей шерстью.

— У меня въ домѣ нельзя хотѣть дурного и потому она можетъ хотѣть только хорошаго, — ловко поясняла тетушка, видя недоумѣніе офицера, и, такимъ образомъ, не порицая сестру, хвалила себя.

— Кузина, я рѣшительно прихожу отъ васъ въ восторгъ, — со смѣхомъ говорилъ троюродный братецъ, такъ ловко возившій за собою саблю по Невскому проспекту, что можно было подумать, что онъ похитилъ съ барокъ тачку съ несмазаннымъ колесомъ и везетъ ее за собою. — Когда вы кончите ученье, я предложу вамъ руку и сердце.

— Жакъ!—восклицала въ ужасѣ тетушка.

— Что же, ma tante, я говорю это кузинѣ, чтобы она еще лучше училась, зная, какая награда достанется ей за трудъ.

Кузенъ былъ чрезвычайно уменъ и отлично образовалъ себя въ модныхъ ресторанахъ..

— Ты нестерпимъ.

— Почему же? Вѣдь Hélène, я думаю, уже не дитя. Правда, кузина, вы не дитя?

— Леля, иди въ свою комнату,—приказывала тетка.

— Ma tante, вы поселите между нами вражду, изгоняя по моей милости прелестную кузину,—ломался троюродный братецъ, и былъ вполнѣ увѣренъ, что онъ хоть гдѣ такъ не ударитъ лицомъ въ грязь: совсѣмъ порядочный человѣкъ!

Сестра тихими шагами и съ грустнымъ лицомъ выходила изъ гостиной, считая себя униженной, и открывала въ своей комнатѣ свою библію—дневникъ матери.

Читала сестра въ своей библіи, и страшнымъ гнѣвомъ горѣли ея глаза, огнемъ пылало ея восхитительное лицо. Сложивъ руки на груди, ходила она взадъ и впередъ по своей комнатѣ, и думала: «Если я скажу теткѣ, чтобы она не принимала этихъ кузеновъ, она отвѣтитъ: «не сидѣть же мнѣ одной изъ-за тебя!» — Если мнѣ сказать кузену, чтобы онъ не говорилъ со мной, онъ расхохочется, назоветъ меня звѣркомъ, недотрогой, какъ онъ это дѣлалъ уже не разъ. Не выходить изъ своей комнаты? тетушка этого не позволитъ. Господи! хоть бы были у меня такія язвительныя слова, которыя могли бы заставить молчать кузена; научи меня, Господи, такимъ словамъ! Научи меня говорить!» — молила сестра и искала язвительныхъ словъ, придумывала цѣлыя сцены, гдѣ одно лицо говорило за кузена, другое за нее; въ концѣ кузенъ побѣждался и умолкалъ въ смущеніи. Такъ выходило по соображеніямъ сестры, но на дѣлѣ было совершенно другое.

— Ну, что, кузина, какъ идутъ ваши уроки? Я думаю, вы стали вдвое прилежнѣе въ ожиданіи предстоящей награды? — снова остритъ кузенъ, появляясь въ гостиной тетки.

— Жакъ, ты опять за старое?—упрекаетъ послѣдняя.

— Ну-съ, кузина? — повторяетъ онъ, не слушая теткиныхъ замѣчаній.

— Вамъ, кузенъ, кто задаетъ эти уроки?—спрашиваетъ сестра; ея голосъ немного дрожитъ.

— Какіе уроки? —ничего не понимая, спрашиваетъ кузенъ.

— Дѣлать мнѣ такіе вопросы, — поясняетъ сестра, придумавшая язвительное слово.

— Развѣ для этого непремѣнно нуженъ учитель?

— Попугаи сами ни одного слова не могутъ выдумать,—

колко и твердо выговариваетъ сестра и думаетъ, что кузенъ побѣжденъ, сейчасъ провалится сквозь землю, такъ, по крайней мѣрѣ, слѣдовало въ ея сценѣ, сочиненной наканунѣ.

— Елена, ты забываешься! — сурово восклицаетъ тетка, не выносящая скандаловъ.

— Простите ее, ma tante! Это она, вѣроятно, слышала отъ какой-нибудь горничной и подумала, что можно перенести эту фразу изъ передней въ гостиную, дитя!—язвитъ кузенъ, дѣйствительно обидѣвшійся отвѣтомъ сестры.

— Иди въ свою комнату! — приказываетъ тетка неумолимымъ тономъ.

Сестра молчитъ и не находитъ въ своей головѣ отвѣта; послѣдняя фраза кузена не была ею предугадана, въ отвѣтъ на нее у сестры еще нѣтъ язвительныхъ словъ. Завтра сестра найдетъ ихъ и на эту фразу, но кузенъ выдумаетъ что-нибудь новое, непредвидѣнное, и сестра будетъ побѣждена снова. А кругомъ ея весело лепечутъ, кокетничаютъ и смѣются кузины-институтки. Извѣстно, когда сходятся горничныя, то онѣ сплетничаютъ про своихъ господъ. Когда сходятся институтки, то онѣ сплетничаютъ про своихъ классныхъ дамъ и уже послѣ говорятъ о разныхъ *душкахъ*, т. е. кузенахъ своихъ подругъ и знакомыхъ молодыхъ людяхъ, таскающихся по пріемнымъ днямъ въ институты. Такими же разговорами занимали и сестру кузины-институтки. Онѣ по ниточкѣ разбирали всѣ недостатки своихъ бывшихъ классныхъ дамъ и, несмотря на молодость, всегда мягкую и любящую, злословили, какъ старыя беззубыя дѣвы. Сестру эта безцѣльная болтовня, этотъ первый плодъ глупаго воспитанія и безсодержательной жизни— выводила изъ терпѣнія.

— Неужели же у васъ не было ни одной хорошей классной дамы, въ родѣ моей гувернантки?—спрашивала она.

— Ахъ, нѣтъ, милочка, была одна. Мари Гребешкова была просто *кисанька*. Зелененькая такая.

— Какъ зелененькая?

— Такъ зелененькая, блѣдненькая такая кисанька, ей maman говорила: васъ надо кормить больше, чтобы вы пополнѣли...

— Ну, что-жъ, и кормили ее?

— Ахъ, что ты, милочка! какъ можно! Она была такая идеальная, поэтическая.

— Глупая вѣрно.

— Вотъ прекрасно: глупая! Она намъ романы тихонько отъ maman давала читать, такъ умѣла цѣловать...

— Что въ поцѣлуяхъ-то?—передергивая плечомъ, замѣчала сестра.

— Какой ты ребенокъ, милочка! Ты ничего не понимаешь...

— Понимать-то нечего! — съ пренебреженіемъ отвѣчала сестра и уже безмолвно, не возражая, слушала дальнѣйшую болтовню институтокъ про зелененькую классную даму, про эту *кисаньку, кису* и *котика*.

На время сестру заинтересовала фигура одной изъ ея родственницъ, молодой красавицы, державшейся холодно и гордо. За нею ухаживали десятки молодыхъ людей, писали посланія ей, ея ручкамъ, ея зеркальцу и т. д., но она не обращала вниманія ни на писателей стиховъ, ни на самые стихи. Сестрѣ понравилось ея дышавшее силой правильное лицо, и она вздумала сблизиться съ нею. Однажды онѣ ходили однѣ по залѣ.

— Зачѣмъ ты говоришь съ кузеномъ? — сказала сестрѣ прекрасная родственница, съ перваго дня знакомства обращавшаяся съ Лелей, какъ съ ребенкомъ, и старавшаяся ее развить.

— Я и рада бы не говорить съ нимъ,—сказала сестра:— но онъ всегда пристаетъ ко мнѣ. Я его не люблю

— И никого не должно любить, это глупости.

— Какъ никого?

— Никого, они всѣ глупы, и изъ нихъ ничего не выйдетъ.

— Я то же думала.

— Это вѣрно. Многіе изъ нихъ просили моей руки, но я рѣшительно сказала отцу, что выйду только за генерала или за...

— За старика?—воскликнула сестра.

— За старика! По крайней мѣрѣ, я буду знать, чѣмъ я буду, въ какомъ кругу буду жить; а эти годъ-два послужатъ и выйдутъ прапорщиками въ отставку. Это было бы мило: жена такого-то отставного прапорщика!—съ презрительною усмѣшкой вымолвила красавица.

Сестра широко открыла глаза и поняла, что онѣ съ самаго начала не поняли одна другую, говорили о предметѣ съ разныхъ точекъ зрѣнія. И немудрено, красавицѣ было двадцать-два года, сестрѣ шестнадцать съ половиною, первая ни о чемъ не думала серьезно, сестра пережила мыслью необыкновенно много... И съ этою прекраєною дѣвушкою

пришлось разойтись сестрѣ, и еще прилежнѣе занялась она чтеніемъ книгъ и уроками. Родственницы, видя ея небрежное и холодное обращеніе съ ними, дулись на нее и старались какъ-нибудь уколоть ее. Забывая, о чемъ онѣ говорили съ ней за нѣсколько дней, какія тайны невѣряли ей, онѣ стали называть ее глупенькимъ ребенкомъ и умышленно прерывали разговоры при ея приходѣ.

— Тсс... mesdames, при Лелѣ объ этомъ нельзя говорить, она еще дитя,—говорили онѣ вслухъ другъ другу и, улыбаясь, обращались къ ней съ вопросомъ:—ты уже кончила свои уроки?

Судя по себѣ, онѣ полагали, что больнѣе всего для сестры будетъ названіе ребенка.

— Нѣтъ!—отвѣчала сестра:—я на минуту вышла сюда.

Съ этими словами она уходила въ свою комнату и проводила въ ней все утро, если теткѣ не приходила блажная мысль вытребовать ее въ гостиную, во что бы то ни стало.

Такъ идутъ дни, недѣли, мѣсяцы... Мелко до пошлости, до одурѣнія мелко колютъ, язвятъ и тревожатъ сестру различные кузены, кузины, тетушки и дядюшки. И между тѣмъ, всѣ они любятъ ее, очень любятъ. Кузенъ даритъ ей въ именины бонбоньерку съ конфетами, кузина привозитъ шесть паръ перчатокъ, дядя радуетъ блестящими сережками... Такъ носятся лѣтомъ непрошеные даровые виртуозы—комары надъ человѣкомъ, легшимъ отдохнуть отъ труда въ своемъ саду. Сначала чувствительныя насѣкомыя снуютъ надъ нимъ и громко поютъ хвалебные гимны: мы тебя любимъ, мы тебя любимъ, добрый ты, сладкій ты человѣкъ! Добрый человѣкъ начинаетъ ворочаться, раздраженный гимномъ, и чувствуетъ, что одинъ изъ виртуозовъ уже успѣлъ всосаться въ его щеку жгучимъ поцѣлуемъ; гонитъ его добрый человѣкъ и слышитъ, что въ это мгновеніе два другіе виртуоза безпощадно цѣлуютъ его въ лобъ, а третій норовитъ забраться въ самый носъ. Въ одурѣніи вскакиваетъ любимецъ виртуозовъ и гонитъ ихъ прочь, а они, легко взвиваясь и мелькая въ лучахъ солнца, снова поютъ... И врядъ ли уснетъ этотъ человѣкъ хоть на минуту сладкимъ полуденнымъ сномъ... А день такой славный, теплый, и все полно мира и кроткой любви... Горячѣе всѣхъ привязался къ сестрѣ самый главный капельмейстеръ—тетушка. Она нашла въ сестрѣ игрушку, которой не находила столько лѣтъ. Только сестрѣ она позволяла приносить шпица, только ее заставляла разматывать шёлкъ

и шерсть, только ей сообщала свою радость, услышавъ о волненіяхъ во Франціи, и надежды на близкую гибель своего личнаго врага, Луи-Филиппа. Это была холодная привязанность, равнявшаяся привязанности къ шпицу, котораго, изъ любви къ нему, заставляли терпѣть муку и ходить по четверти часа на заднихъ лапкахъ,—равнявшаяся привязанности къ любимой горничной, которой изъ любви къ ней никакъ не позволили въ былыя времена выйти замужъ, уславъ ея жениха. Разумѣется, сестру эта любовь не могла тронуть, и она попрежнему оставалась холодною къ теткѣ, хотя и была благодарна за то, что ее серьезно стали учить музыкѣ и взяли для этой цѣли одного извѣстнаго учителя. Уже въ маѣ 1848 года сестра—ей минуло семнадцать лѣтъ—играла, какъ опытная піанистка, что заставило тетку блеснуть успѣхами воспитанницы и дать въ ея именины музыкальный семейный вечеръ. Главною его героинею была моя сестра. На нее съ этого дня уже глядѣли не какъ на ребенка, а какъ на дѣвушку, готовую идти подъ вѣнецъ. Не одна пара глазъ съ любопытствомъ осматривала ее, точно еще наканунѣ эта дѣвушка была совсѣмъ другимъ существомъ, точно на ея лобъ уже налѣпили обычную надпись: продается съ аукціона,—кто дастъ больше? Кузенъ-гвардеецъ подлетѣлъ къ ней и хотѣлъ что-то сказать.

— Извините, кузенъ, мнѣ надо переговорить съ моимъ учителемъ, — сказала она и отошла въ другую сторону съ артистомъ.

Такимъ образомъ, на свѣтѣ сказалось одною глупостью меньше.

— Исполните ли вы мою просьбу,—говорила она учителю:—если я попрошу васъ дать мнѣ отзывъ о моемъ знаніи музыки и даже рекомендовать меня въ учительницы?

— Вы шутите? вы никогда не будете добывать этимъ хлѣба,—отвѣтилъ старикъ.

— Ну, а если бы я васъ попросила?

— О, въ такомъ случаѣ я исполнилъ бы вашу просьбу.

— Ну, такъ пришлите мнѣ завтра же письмо, гдѣ говорилось бы, что я могу учить дѣтей.

— Вамъ оно нужно, чтобы показывать его знакомымъ? Вывѣска?

— Право, нѣтъ, но оно мнѣ очень, очень нужно.

— Это капризъ?

— Нѣтъ, это необходимость, если бы вы только знали...

Сестра въ волненіи остановилась, не досказавъ фразы.

— Хорошо, я вамъ пришлю письмо, но вы странное дитя!—качая головою, промолвилъ старикъ и поспѣшилъ извиниться, что назвалъ ее дитятей.

Она горячо пожала его руку.

На слѣдующій день сестра встрѣтила меня какъ-то особенно весело.

— Поль, голубчикъ, я буду тоже честно жить. Я теперь могу уроки музыки давать,—говорила она съ сіяющимъ лицомъ и показала мнѣ письмо артиста.

— Но вѣдь тебѣ не позволятъ тетка и папа?

— Теперь не позволятъ, но послѣ я сама это сдѣлаю.

— Какъ сама?

— Да, сама. Когда мнѣ будетъ восемнадцать лѣтъ, тогда я ни у кого не спрошу позволенія и сдѣлаю это сама.

— Развѣ, Леля, тогда они не посмѣютъ тебѣ запретить?

— Тогда я буду совсѣмъ большая, и имъ до меня не будетъ дѣла,—говорила Леля, и ея глаза блестѣли радостью и надеждой.

Я началъ снова строить планы будущей жизни втроемъ: я, сестра и Колька, по моему мнѣнію, не должны были разлучаться, должны были работать и не зависѣть ни отъ кого. Все это казалось мнѣ очень легкимъ и вполнѣ возможнымъ, я еще былъ ребенокъ и не подозрѣвалъ, что жить втроемъ намъ будетъ очень скучно. Главная хорошая сторона въ этихъ планахъ была та, что они заставили всѣхъ насъ усерднѣе учиться, набираться такъ или иначе разныхъ познаній, чтобы послѣ имѣть возможность работать.

VIII.

Читатель услышитъ про бунтующаго гимназиста.

Теперь я долженъ возвратиться снова къ семьѣ Люлюшиныхъ и разсказать, что̀ тамъ сдѣлалось въ теченіе описываемаго года. Еще въ августѣ Колькѣ—это лицо важнѣе всего для меня, и потому начинаю съ него — пришлось экзаменоваться въ гимназіи. Экзаменъ былъ сданъ бойко, и экзаменующійся попалъ въ число принятыхъ мальчиковъ. Съ перваго же дня, когда онъ появился на улицѣ въ мундирѣ съ краснымъ воротникомъ, его стали дразнить уличные мальчишки *красною говядиной*. Этимъ прозвищемъ съ самаго основанія гимназій дразнятъ всѣхъ гимназистовъ, какъ дразнятъ бурлаковъ вопросомъ: кто васъ спуталъ? Кажется, пора бы гимназистамъ хладнокровно переносить эту кличку, что̀ и дѣлаютъ пробывшіе въ гимназіи нѣ-

сколько лѣтъ мальчики; но новички, подобно бурлакамъ, на первыхъ порахъ не выдерживаютъ обиды своему мундиру, и тѣ, которые потрусоватѣе, грозятъ забіякамъ издали кулаками или кажутъ фигу въ карманѣ, а тѣ, которые побойчѣе, прямо расправляются съ обидчиками. Колька былъ изъ бойкихъ и на первый разъ поколотилъ слесарева Ѳедьку, потомъ еще двухъ забіякъ, и, такимъ образомъ, домашними средствами усмирилъ цѣлый кварталъ мелкаго народа, очистилъ себѣ безопасный путь отъ дома до гимназическаго зданія и началъ такъ важно ходить по этому пути, точно передъ его маленькой особой преклонилъ колѣни весь Петербургъ. Ученье въ первомъ классѣ было для него не трудно: во-первыхъ, онъ прошелъ уже дома все то, что преподавалось тамъ; во-вторыхъ, нашъ учитель попрежнему посѣщалъ насъ и, въ случаѣ нужды, могъ поддержать ученика своими указаніями. Допекала мальчугана одна переписка разныхъ басенъ и стишонковъ на трехъ языкахъ; иногда переписывать приходилось столько, что на это уходилъ весь вечеръ, и, дописавъ послѣднюю страницу, Колька важно расхаживалъ по комнатѣ, махая усталою рукой, и громко ругался:

— Вишь, черти, точно сговорились, вдругъ сколько навалили! То такъ ничего нѣтъ, а то и не оберешься работы! Просто рука затекла.

Но это было сносно, тѣмъ болѣе, что онъ любилъ работать. И не совѣщаться же, въ самомъ дѣлѣ, учителямъ, когда и сколько задавать уроковъ: задали всѣ вдругъ помногу — хорошо, не задалъ ни одинъ ничего—и то хорошо, да еще и лучше. Горе пришло совсѣмъ съ другой стороны. Съ самаго начала ученики, засидѣвшіеся въ первомъ классѣ, такъ-называемые *старички*, приняли Кольку и другихъ гимназистовъ-новичковъ не очень ласково; щипки, давленіе масла, кража карандашей, грифелей и тетрадей ознаменовали вступленіе дѣтей въ новый міръ. Семья всегда успѣваетъ испортить въ конецъ дѣтей и потомъ жалуется на школу, что она не можетъ исправить ихъ пороковъ, что эти пороки во все послѣдующее время только растутъ и растутъ. На щипки и давленье масла Колька отвѣтилъ собственными кулаками и, оттузивъ одного изъ старичковъ, крикнулъ на весь классъ:

— Скоты вы, слушайте! Кто меня хоть пальцемъ тронетъ, тому я рожу на сторону сворочу. Я не затѣмъ сюда пришелъ, чтобъ вы меня били. Видите—какой?

При этихъ словахъ Колька показалъ непріятелямъ сжатый кулакъ. Кулакъ оказался, дѣйствительно, почтеннымъ членомъ и внушилъ уваженіе къ себѣ многихъ изъ старичковъ, тайкомъ взглянувшихъ на свои кулаки и мысленно сравнившихъ: чей больше? Но мелкое воровство карандашей, грифелей и тетрадей не прекратилось. Колька рѣшился терпѣть это неизбѣжное зло и объявилъ дома, когда у него случилась первая покража, зная, что у отца ящики ломятся отъ даровыхъ канцелярскихъ принадлежностей, и значитъ не стоитъ много заботиться о нихъ. Сперва его ругнули за неосторожность и ротозѣйство, но дополнили недостающее. Потомъ Аграфена Степановна оттрепала его за волосы и выразила подозрѣніе, что ея сынъ торгуетъ этими вещами въ гимназіи. Кольку задѣло за живое это подозрѣніе, онъ нагрубилъ матери, попрекнулъ ее, что она по себѣ судитъ, и былъ высѣченъ. Онъ рѣшился при первой новой пропажѣ объявить о ней инспектору. Случай не замедлилъ представиться. Жалоба была принесена. Инспекторъ холодно и немного презрительно выслушалъ воспитанника и замѣтилъ ему, что, во-первыхъ, фискальство есть гнуснѣйшій изъ пороковъ и что фискаловъ въ гимназіи не терпятъ— онъ не упомянулъ, почему и какимъ путемъ онъ знаетъ обо всемъ происходящемъ въ классахъ,—во-вторыхъ же, прибавилъ онъ, каждый долженъ наблюдать за своими вещами самъ, иначе пришлось бы для каждаго ученика нанимать особеннаго дядьку, что очень невыгодно. Послѣднее было остроумно и заставило улыбнуться самого инспектора. Шутникъ былъ Степанъ Васильевичъ Щукинъ! Сталъ Колька смотрѣть за своими вещами, высматривая изъ-за угла, какъ котъ, не крадется ли къ его сумкѣ вороватый мышенокъ-гимназистъ; наконецъ, мышенокъ попался въ лапы кота и узналъ, какъ больно расправляются эти лапы съ ворами. Колька прибилъ его, зная, что фискалить нельзя. Событіе черезъ полчаса сдѣлалось извѣстнымъ инспектору, не терпящему фискаловъ. Люлюшина наказали и пригрозили, что если онъ еще вздумаетъ самоуправствовать, то его выгонятъ вонъ. Попробовалъ Колька испытать еще одно средство: когда у него пропала чистая тетрадь, назначенная для французскихъ басенъ, онъ переписалъ басни въ грязную тетрадь, но учитель французскаго языка оставилъ его до 5 часовъ въ наказаніе за неряшливость и на его объясненіе замѣтилъ ему:—если у васъ украдутъ тетрадь, то вы должны сдѣлать новую.

— Мой отецъ не можетъ давать мнѣ каждую недѣлю по тетради.

— До этого *намъ* нѣтъ дѣла,—отвѣтилъ учитель, отвѣчая словомъ «намъ» за всю гимназію.

Колька сталъ втуникъ; другого исхода не было, какъ самому начать красть такія же вещи, какія крали у него. Отъ этого Кольку спасли его планы о честной жизни, и онъ началъ отказывать себѣ во всемъ, чтобы скопить деньги. Дастъ ли Колькѣ отецъ гривенникъ изъ выигранныхъ денегъ—Колька припрячетъ гривенникъ; сунетъ ли Аграфена Степановна сыну двѣ съ половиной копейки на булку—для Кольки у нея всегда недоставало гроша или копейки—и эти деньги не проѣстъ, а просидитъ утро на нищѣ св. Антонія; онъ не рветъ исписанныхъ тетрадей, но бережетъ ихъ, чтобы продать на вѣсъ въ лавочку; на масленой недѣлѣ онъ упрашиваетъ отца не везти его въ балаганы, а дать натурою ту сумму, которой стоитъ это удовольствіе,—его обсчитываютъ на двугривенный, но онъ радъ и тому: могло бы быть и хуже.

— Шельмецъ Колька будетъ! — радостно восклицаетъ Абрамъ Семеновичъ, и его лицо сіяетъ родительскимъ восторгомъ.

Это похвала. А Колькѣ очень тяжело, совсѣмъ скверно.

— Вишь ты, какимъ я скаредомъ сталъ!—съ горечью говоритъ онъ мнѣ и злобно усмѣхается.

— Неужели и всѣ въ гимназіи такіе?—спрашиваю я.

— Чего всѣ? Развѣ у нихъ такіе отцы и матери? Вотъ Пановъ, такъ того мать не забранитъ, если у него и всю сумку украдутъ.

Колька завидуетъ Панову.

— Стало-быть, твои хуже всѣхъ?

— Есть и почище! — лаконически восклицаетъ онъ и вдругъ разражается неудержимымъ смѣхомъ.

— Чему ты смѣешься?—удивляюсь я.

— А помнишь, какъ старый хрѣнъ, нашъ экзекуторъ, по грязи въ однѣхъ калошахъ шелъ и сапоги подъ мышкой несъ, чтобы они не износились? Какъ онъ ихъ у насъ на лѣстницѣ потихоньку надѣвалъ.

— Такъ что же?

— Ну, вотъ и Колька такъ будетъ дѣлать, когда большой будетъ!

За этими словами слѣдуетъ новый взрывъ смѣха, и Колька

никакъ не можетъ себя представить съ сапогами подъ мыкикой, шлепающимъ по грязи въ однѣхъ калошахъ.

Я тоже начинаю хохотать, и мы оба представляемъ въ лицахъ экзекутора, подражаемъ ему, дѣлая видъ, что нюхаемъ табакъ, и нѣтъ на нашихъ лицахъ ни малѣйшаго слѣда того горя, которое за минуту тревожило насъ. Эта способность забывать, эта склонность къ юмору могутъ считаться единственными спасительницами дѣтскихъ характеровъ, безъ нихъ ребенокъ въ нашей жизни очерствѣлъ бы слишкомъ рано.

Къ учителямъ, послѣ столкновенія съ инспекторомъ и французомъ, Люлюшинъ питаетъ не вражду, но недовѣріе; однако, онъ еще стоитъ за нихъ передъ старичками—этими мефистофелями въ гимназическихъ мундирахъ, соблазнителями новичковъ. Онъ даже успѣваетъ однажды во-время разрушить злодѣйскій заговоръ, составленный съ намѣреніемъ изгнать изъ класса свистомъ и топаньемъ нѣмца, по прозванью свиное рыльце. Дѣло дѣлается очень просто—раздѣленіемъ класса на двѣ партіи, изъ которыхъ одна, сильнѣйшая, подъ предводительствомъ Кольки призываетъ другую, слабѣйшую, къ порядку; она при первомъ свисткѣ кричитъ: тише! при второмъ заставляетъ одного изъ своихъ членовъ дать *киселя* свистуну и получившій *киселя* свистунъ во все продолженіе класса только хрипитъ отъ боли, но уже не свищетъ и тѣмъ убиваетъ въ зародышѣ всякую энергію въ своихъ единомышленникахъ. *Свиное рыльце*, ничего не подозрѣвая, диктуетъ бунтовщикамъ розовую идиллію:

Einmal Mutter Lise
Zur neubegrünter Wiese...

и, какъ котъ, жмуритъ свои и безъ того узенькіе свиные глазки...

На Кольку косятся, его остерегаются, думая, что изъ благонамѣреннаго онъ сдѣлался просто любимцемъ инспектора, но опасенія не оправдываются: черезъ нѣсколько недѣль Колька дѣлается врагомъ учителей, ругаетъ и «свиное рыльце», и «солдатскую подметку», и «директоршинъ колпакъ», преподающій въ гимназіи французскій языкъ. Вотъ какъ это случилось. Однажды учитель ариѳметики задаетъ задачу изъ собранія ариѳметическихъ задачъ, изданныхъ министерствомъ народнаго просвѣщенія. Всѣ первоклассники принимаются за работу, кто подглядывая въ конецъ книги, гдѣ выставлены рѣшенія, кто доходя своимъ

собственнымъ умомъ до требуемаго числа. Наконецъ, дѣло сдѣлано, десятки рукъ подняты кверху, въ знакъ окончанія работы. Учитель заглядываетъ въ конецъ книги, запоминаетъ цифры и идетъ осматривать тетради.

— Вѣрно! невѣрно!—лаконически говоритъ онъ, пересматривая рѣшенія и ставя отмѣтки; доходитъ до Кольки.—Невѣрно! — изрекается приговоръ, и въ журналъ влѣпляется нуль.

— У меня вѣрно,—замѣчаетъ Колька.

— Я тебѣ сказалъ, что невѣрно,—на ходу отвѣчаетъ учитель.

— А я знаю, что вѣрно,—споритъ бунтующій гимназистъ.

— Ты еще спорить со мной! Я тебя въ карцеръ посажу,—уже дрожа отъ гнѣва, кричитъ математикъ и деретъ Колькино ухо; ухо горитъ, но Колька не умолкаетъ.

— Въ книжкѣ ошибка въ рѣшеніи,—восклицаетъ онъ.—Повѣрьте мою задачу.

Учитель со злостью вырываетъ у него тетрадь, провѣряетъ задачу, убѣждается, что ошибка дѣйствительно въ книгѣ, а не у Кольки. Онъ сердито бросаетъ тетрадь, отходитъ къ другимъ ученикамъ, но никому не переправляетъ балловъ. Въ головѣ происходитъ страшная возня: «Сколько разъ давалъ я себѣ, дураку, слово,—ругается онъ мысленно:—запомнить нумера этихъ проклятыхъ задачъ съ опечатками—и все забываю, скотина! И этотъ подлецъ туда же вздумалъ ершиться!..»

— Поставьте мнѣ другой баллъ,—прерываетъ Колька поучительныя размышленія педагога.

— Тебѣ надо розогъ дать, а не другой баллъ!—рѣшаетъ математикъ, раздраженный поведеніемъ бунтующаго гимназиста, своею оплошностью, а, можетъ-быть, еще болѣе домашними обстоятельствами, которыя хотя вовсе не касаются до учениковъ, но постоянно отзываются на нихъ въ нашихъ училищахъ.

Если учителю насолитъ жена или кухарка, то ужъ, навѣрное, пять или шесть невинныхъ учениковъ получатъ по нулю.

«Билетъ *грязный* принесу!—думаетъ Колька, употребляя гимназическій терминъ.—Мать, пожалуй, въ субботу вмѣсто бани порку задастъ...» И идетъ герой жаловаться къ инспектору. Дѣло обсуживается властями, рѣшается общимъ приговоромъ: поставить Люлюшину пять за рѣшеніе задачи и посадить его, Люлюшина, за грубости въ карцеръ.

— Скверное теперь время,—говоритъ въ коридорѣ инспекторъ учителю математики.—Читали, что во Франціи-то?

— Читалъ, читалъ!—мрачно отвѣчаетъ математикъ и думаетъ про себя: «непремѣнно зачеркну сегодня эти проклятыя задачи съ опечатками».—Науки погибнутъ, застой настанетъ!—продолжаетъ онъ вслухъ.

— Вы это для чего на платкѣ узелокъ завязали?—съ улыбкой спрашиваетъ инспекторъ.

— Такъ, для памяти,—немного смѣшавшись, но тоже улыбаясь, отвѣчаетъ математикъ.

— Проказникъ, проказникъ!—треплетъ его по брюху инспекторъ.

Математикъ становится въ позу Венеры стыдливой, и оба довольны другъ другомъ, чисты сердцемъ и свѣтлы духомъ. Боже мой, какъ можетъ быть счастливъ человѣкъ на землѣ!

— Передъ погодой вѣрно разыгрались!—шепчутъ снующіе въ коридорѣ гимназисты, охотники подслушивать учительскіе разговоры, а Колька съ поникшей на грудь головой, подъ карауломъ унтера, шествуетъ въ карцеръ...

И математикъ, ожидающій близкаго упадка науки и скорбящій объ этомъ, дѣлается непримиримымъ врагомъ преданнаго ученью Кольки, перваго ученика въ классѣ, будущаго свѣтила гимназіи...

— Это потому, что они не честные!—говоритъ Колька и тяжело вздыхаетъ.

Онъ уже чувствуетъ, что его жизнь будетъ тяжелою жизнью. А въ семьѣ все идетъ по-старому, по избитой колеѣ, по чиновничьему маршруту.

Учитель развиваетъ меня по своимъ любимымъ книжкамъ, заставляетъ разсказывать прочитанное, писать объясненія различныхъ словъ, радуется моей понятливости, пророчитъ, что изъ меня выйдетъ хорошій человѣкъ, если я всегда буду серьезно заниматься. Я радуюсь тому, что знаю ариѳметику, и географію, и клочки исторіи, и латинскій языкъ, по крайней мѣрѣ, мнѣ кажется, что я его знаю, вызубривъ четыре спряженія и бойко отдергивая стихами исключенія въ третьемъ склоненіи. Зачѣмъ меня этому учатъ—я не спрашиваю, и вполнѣ увѣренъ, что въ корпусѣ эти исключенія будутъ необходимо нужны, а въ жизни и еще необходимѣе. Аграфена Степановна попрежнему няньчится съ третьимъ въ мое пребываніе золотомъ, ниспосланнымъ ей небомъ въ лицѣ кухарки Анисьи, и ни

та, ни другая не заботятся о приближеніи междоусобной войны. Золото вполнѣ вѣритъ въ возможность получить обѣщанный къ Святой подарокъ; Аграфена Степановна хотя и не вѣритъ въ это, но дѣлаетъ видъ, что вѣритъ, даже увѣряетъ въ этомъ самоё-себя и терзается, ежедневно повторяя всѣмъ и каждому: «Себѣ во всемъ откажу, ничего къ празднику не куплю, а ей изъ послѣдняго сдѣлаю обновку; такъ умѣла она меня успокоить, при ней только я свѣтъ Божій увидала!» Абрамъ Семеновичъ строчитъ спѣшныя дѣла и разсчитываетъ въ умѣ, сколько дадутъ ему къ Святой награды, и, подъ вліяніемъ этой свѣтлой, поэтической мысли, обѣщается съѣздить на Ѳоминой въ театръ. Даже иногда, сильно расчувствовавшись, спрашиваетъ онъ у всѣхъ, включая и меня, чего бы намъ хотѣлось, заставляетъ придумать, какую прихоть желали бы мы исполнить. Эти допросы немного тревожатъ Люлюшину, она побаивается, чтобы Абраша вдругъ не сдѣлался мотомъ, и спѣшитъ отвѣтить за всѣхъ:

— Ахъ, Абраша, чего тутъ спрашивать! Что̀ бы ты намъ ни сдѣлалъ, мы за все будемъ благодарны.

— Да нѣтъ, однако, чего бы вы желали?—мучитъ онъ ее, поддаваясь неодолимому стремленію къ мотовству.

— Ей-Богу, намъ и желать-то нечего,—говоритъ она, не давая дѣтямъ разинуть рта.

Дѣти стоятъ, понуривъ головы.

— Ну, коли не хотите сказать, такъ я самъ выдумаю, почище васъ выдумаю!—говоритъ онъ, посмѣиваясь, и ему сладка эта идиллія. Онъ ходитъ по комнатѣ, мечтаетъ, и улыбка бродитъ по его сухому лицу.—Что̀, братъ, есть у кого-нибудь изъ гимназистовъ въ твоемъ классѣ часы?—спрашиваетъ онъ у Кольки.

— У двоихъ есть.

— И настоящіе, ходятъ?

— Ходятъ.

— А поди-ка тебѣ завидно?

Колька молчитъ.

— Нѣтъ, ты скажи мнѣ, завидно ли тебѣ или нѣтъ? Небось, хотѣлъ бы имѣть часы?

— Да,—какъ-то неохотно говоритъ Колька.

— То-то же! Погоди, братъ, и на нашей улицѣ скоро будетъ праздникъ!

Абрамъ Семеновичъ ухмыляется, трепля по плечу сына, и не замѣчаетъ, что его Груша тихонько творитъ крестное

знаменіе, опасаясь за умъ своего мужа. «Все промотаетъ!» шепчутъ ея уста.

Праздникъ наступаетъ, золото изобличается въ кражѣ двухъ кухонныхъ полотенцевъ, и подарокъ улетаетъ въ область сновъ и мечтаній. Награда, наконецъ, получена, у Люлюшиныхъ пиръ, и на Ѳоминой недѣлѣ они берутъ ложу въ Александринскомъ театрѣ. Абрамъ Семеновичъ покуда крѣпится, но онъ уже нахмурился, какъ сентябрьскій вечеръ, а на дворѣ весело, снѣгъ таетъ... О подаркахъ, разумѣется, нѣтъ и помину... Аграфена Степановна, какъ чувствительная надворная совѣтница и примѣрная мать семейства, считаетъ долгомъ проплакаться въ театрѣ и толкнуть подъ-бокъ Кольку съ возгласомъ: «казнись, разбойникъ, какъ сироты на свѣтѣ бѣдствуютъ!» Абрамъ Семеновичъ скептически замѣчаетъ на это: «все враки! поди-ка, ѣсть было нечего голоштанному, такъ и сочинилъ эту штуку!» Уходя изъ театра, онъ ругаетъ того, кто первый выдумалъ ѣздить въ театръ.

— Нѣтъ, ты не говори этого, Абраша; очень чувствительно Каратыгинъ изображаетъ,—заступается за искусство Аграфена Степановна.

— Заплати-ка, матушка, мнѣ такія деньги, какія ему платятъ, такъ я почище представлю!—сердито возражаетъ Абраша.—А вотъ мы, дураки, сами еще ему деньги носимъ!

Онъ разражается злобнымъ саркастическимъ смѣхомъ надъ человѣческой глупостью. Испуганный этимъ смѣхомъ, встрѣчный прохожій оступается и попадаетъ въ грязную лужу, обрызгивая водою Аграфену Степановну. «Экъ его разобрало!» думаетъ прохожій, выбираясь изъ лужи, и не знаетъ, что въ эту минуту все человѣчество было осмѣяно петербургскимъ чиновникомъ, не знаетъ, что у этого чиновника уже начинаетъ разливаться желчь, и завтра онъ сляжетъ въ постель. А вѣдь все искусство и условія городской жизни виноваты: не будь ихъ, и Абрамъ Семеновичъ мирно докушалъ бы въ этотъ вечеръ убогіе остатки обѣда и еще болѣе мирно подлегъ бы къ своей тучной супругѣ съ тихимъ вопросомъ: «спишь, Груша?» какъ это дѣлалось всегда, по словамъ Кольки, спавшаго въ той же комнатѣ до нашего знакомства съ нимъ... Грустная жизнь, скверная жизнь! И кто васъ спасаетъ, дѣти?..

Такъ идетъ годъ. Вы знаете, сколько въ немъ дней? И каждый-то надо пережить, каждый оставитъ что-нибудь на душѣ... Къ концу года Колька трудится еще прилежнѣе,

повторяетъ давно-выученные уроки, выдерживаетъ экзаменъ вторымъ, переходитъ въ слѣдующій классъ, но подарка не получаетъ, числясь неблагонравнымъ ученикомъ.

— Говорила я, что ты разбойникъ, разбойникомъ и остался!—кричитъ Аграфена Степановна на сына; у него на глазахъ навертываются слезы, но онъ не плачетъ, а спѣшитъ уйти въ мою комнату и бормочетъ про себя: «дура, дура старая!..»

— Ты не плачь, Колька,—уговариваю я его.

— Чего мнѣ плакать?—отвѣчаетъ онъ.—Меня только злость разбираетъ. А то чего мнѣ плакать! Не видалъ я ихъ подарка, что ли? Тьфу мнѣ подарокъ. Колька будетъ умнымъ, ученымъ будетъ, хорошимъ ученымъ будетъ.

И опять ночью, лежа въ постели, слышу я его голосъ надъ своимъ ухомъ и открываю полусонные глаза: весь облитый бѣлесоватымъ луннымъ свѣтомъ іюньской ночи, Колька стоитъ въ одной рубашонкѣ у моей кровати и ждетъ, когда я раскрою одѣяло и подвинусь къ стѣнѣ, чтобы дать ему мѣсто лечь со мною. А ночь тихая, ясная, тысячами мерцающихъ звѣздъ глядитъ въ окно, и, какъ легкій паръ, проносятся въ воздухѣ бѣловатыя облака.

— Ахъ, если бы мы были съ тобою въ деревнѣ, Колька!—восклицаю я.

— Всю бы ночь проходили мы съ тобою,—размышляетъ онъ.—На лѣсъ насмотрѣлся бы я, на ту рѣку, что ты видѣлъ... Скучно будетъ мнѣ, когда тебя не будетъ,—шепчетъ онъ послѣ минутнаго молчанія.—Некому будетъ приласкать меня... Я къ тебѣ буду потихоньку въ корпусъ бѣгать, гостинцы буду носить...

— Колька, я не хочу въ корпусъ, я съ тобой хочу жить, говорю я и скрываю на его груди свое лицо, уже блестящее отъ слезъ; онъ цѣлуетъ меня въ голову и тихо утѣшаетъ:

— Мы послѣ будемъ жить вмѣстѣ, когда ты выйдешь изъ корпуса, работать будемъ... Гляди, голубчикъ, сколько звѣздочекъ на небѣ горитъ! Ласково, ласково глядятъ онѣ на насъ, это Богъ радуется, что мы другъ друга любимъ, очень любимъ.

Его голосъ звучитъ неподдѣльнымъ и чистымъ, какъ это небо, восторгомъ...

— Колька, я тебя люблю больше всего на свѣтѣ, больше всего на свѣтѣ люблю!..

IX.

Полная совершенно неожиданныхъ событій.

— На прошлой недѣлѣ вашъ отецъ женился за границей на вдовѣ генерала Тохтамышева,—торжественнымъ тономъ объявила тетка мнѣ и сестрѣ.

Это было въ іюнѣ.

Сестра задумчиво опустила голову; я заплакалъ.

— Чего же тутъ плакать?—спросила тетка.—Леля останется жить у меня, ты поступишь въ корпусъ, и перемѣнъ никакихъ не случится.

— Папа разлюбилъ мамашу!—сквозь слезы вымолвилъ я.

— Вотъ нашелъ причину о чемъ плакать!—нетерпѣливо воскликнула старуха.—Разлюбилъ! Просто женился, не жить же ему вѣчно вдовцомъ. Ты чрезвычайно глупъ!

Попотчивавъ меня такимъ комплиментомъ, она, въ видѣ наказанія за мою глупость, заставила меня разматывать шерсть. Эта работа была для меня истиннымъ испытаніемъ, потому что по неизвѣстнымъ причинамъ я не могъ брать въ руки шерсти безъ той нервной дрожи, которую ощущаютъ многіе люди, если при нихъ проведешь ногтемъ по штукатуркѣ или пробкою по стеклу. Съ злостью разматывалъ я шерсть и размышлялъ о будущемъ, о судьбѣ моей сестры и о своей собственной; мачиха представлялась мнѣ какимъ-то звѣремъ, и невольно вспоминались слова Аграфены Степановны о томъ, что мачиха хлѣбъ рѣжетъ и ножомъ грозитъ, что родной матери никто не замѣнитъ. Это, кажется, было первое изреченіе Люлюшиной, съ которымъ я вполнѣ соглашался, не провѣривъ на практикѣ его правды. Прошло еще нѣсколько дней и недѣль, насталъ августъ. Однажды ко мнѣ внезапно, какъ снѣгъ на голову, явился Андрюшка, франтоватый, прилизанный, въ новой ливреѣ. Я ему обрадовался до крайности и встрѣтилъ его, какъ нѣжно-любимаго друга. Его холопское лицо напомнило мнѣ недавнюю по времени, но сильно отдалявшуюся отъ меня, по множеству событій и впечатлѣній, жизнь въ родномъ домѣ, оно напомнило драгоцѣнныя лица любимой матери и Митрича, на глаза невольно навертывались слезы.

— Андрюшка, какъ ты ко мнѣ попалъ!—воскликнулъ я, ласково подбѣгая къ нему.

— Прямо съ неба-съ упалъ!—отвѣтилъ Андрюшка тѣмъ же разухабистымъ тономъ, какимъ онъ отвѣчалъ мнѣ слишкомъ годъ тому назадъ.

— Полно! — немного грустно проговорилъ я, видя, что моя радость нисколько не обрадовала его, не пробудила въ его черствомъ сердцѣ никакого чувства. — Садись, разскажи, откуда ты пришелъ?

— Что вы, Павелъ Константинычъ, мы и постоимъ, такъ ногъ не отстоимъ, а вы извольте-ка одѣваться, да къ папенькѣ отправляться.

— Какъ? Папа здѣсь?—спросилъ я.

— Какъ разъ въ самую точку попали! Потому-то меня сюда и прислали, велѣли въ цѣлости и сохранности васъ на домъ представить,—балаганилъ Андрюшка, расплываясь въ словахъ и перекидывая ихъ, какъ дѣти перекидываютъ мячъ съ одной руки на другую.

Я поспѣшно сталъ одѣваться, разспрашивая Андрея объ отцѣ, о мачихѣ, гдѣ они живутъ и какъ? Разумѣется, Андрюшка не отвѣтилъ съ толкомъ ни на одинъ вопросъ и только старался отвѣчать въ рифму; дальнѣйшее до него не касалось.

— Не знаешь ли ты, куда дѣвался Митричъ?—не позабылъ я спросить слугу.

— Въ деревнѣ бабьихъ ребятъ няньчитъ, грудью ихъ кормитъ, да грязныя пеленки стираетъ.

— Давно онъ туда уѣхалъ?

— Да теперь, я думаю, до мѣста доѣхалъ, а вотъ вы, поди-ка, и никогда не доѣдете, если такъ копаться будете.

Дѣйствительно, несмотря на всѣ мои старанія, мое одѣванье не шло; я былъ взволнованъ. Черезъ часъ я мчался въ щегольскомъ экипажѣ съ Андрюшкой на козлахъ. Въ другое время меня заняла бы эта поѣздка, я, вѣрно, развалился бы съ гордымъ видомъ въ коляскѣ, какъ это дѣлаютъ всѣ мальчики, которымъ судьба позволяетъ кататься въ экипажахъ и обдавать грязью или пылью пѣшкомъ плетущихся смертныхъ, но теперь мнѣ было не до того. Моя голова находилась въ какомъ-то чаду, точно все это былъ какой-то глупый и смутный сонъ—и Андрюшка на козлахъ, и экипажъ, и прошлое, и настоящее, и какъ-то страшно было очнуться, чтобы взглянуть въ будущее. Сильно забилось мое сердце, когда я входилъ въ гостиную отцовской квартиры, отцовской, замѣтьте, но не моей; время, обстоятельства, все научило меня отличать его вещи отъ моихъ вещей, его желанія отъ моихъ желаній; мнѣ нужно было полной и горячей любви, онъ требовалъ безотвѣтной, гробовой покорности. Комната была полна посѣтителей, род-

ственниковъ отца и мачихи; они всѣ знали о днѣ его пріѣзда, и только я съ сестрой, его дѣти, даже не подозрѣвали, что для него нанималась въ это время квартира, собирались слуги... Войдя въ комнату, я въ смущеніи остановился у дверей, не зная, куда направить шаги; я опустилъ и руки, и голову.

— Ха-ха-ха, какъ онъ растерялся!—весело засмѣялся кто-то.

— Иди сюда, Поль!

Этими словами заставилъ меня очнуться отецъ. Я пошелъ къ нему. Онъ сидѣлъ въ креслѣ около дивана.

— Рекомендую тебѣ моего сына,—сказалъ онъ, цѣлуя меня и обращаясь къ красивой женщинѣ среднихъ лѣтъ, сидѣвшей на диванѣ. Она протянула мнѣ руку, я хотѣлъ ее поцѣловать, но она подняла мою голову и поцѣловала меня въ лобъ.

— Онъ на тебя похожъ,—промолвила она отцу, разсматривая меня, и я узналъ по звуку ея голоса, что при моемъ приходѣ захохотала именно она.

— Кажется,—отвѣтилъ отецъ.

— Только у него глаза черные.

— ... Итакъ, вы думаете, я не правъ, выбирая мѣсто службы именно въ Москвѣ, а не въ Петербургѣ?—спокойно сказалъ отецъ, продолжая, повидимому, разговоръ, начатый передъ моимъ приходомъ.

— Конечно—да, вы будете скучать въ Москвѣ. Теперь тамъ рѣшительно нѣтъ жизни,—отвѣтилъ господинъ, къ которому обращался отецъ съ вопросомъ.

— А здѣсь, по-вашему, есть жизнь?

— Въ этомъ, вѣроятно, не сомнѣваетесь и вы?

— Не сомнѣваюсь, но просто признаю фактъ отсутствія жизни.

— Здѣсь климатъ убійственный,—вмѣшалась мачиха.

— Жизни нѣтъ здѣсь, какъ и во всей Европѣ,—продолжалъ отецъ, не обративъ вниманія на слова жены.

— Однако, чему же вы припишете измѣненіе событій, движеніе?

— Лицо самаго мертваго изъ покойниковъ перемѣняетъ и цвѣтъ, и форму, перемѣняетъ даже будучи засыпано землей и придавлено надгробнымъ мавзолеемъ,—сурово и холодно говорилъ отецъ.—Тотъ чадъ, который мы выносимъ въ головѣ послѣ шумныхъ споровъ въ собраніяхъ, послѣ глупѣйшихъ мелодрамъ, послѣ длиннѣйшихъ концертовъ геніаль-

ныхъ музыкантовъ, скорѣе похожъ на опьянѣніе, чѣмъ на жизнь...

— Положимъ, что вы правы, хотя я и не согласенъ съ вами, но въ Москвѣ ко всему этому прибавляется—какъ неизбѣжный десертъ къ столу—скука.

— Скука, скука! да вѣдь я не зѣваю отъ скуки только во снѣ; впрочемъ, я даже и въ этомъ не вполнѣ увѣренъ.

Господинъ пожалъ плечами и, вѣроятно, подумалъ: «экъ его пробрало въ Европѣ-то!»

— А я вполнѣ увѣрена, что въ Москвѣ мнѣ будетъ даже и не скучно,—произнесла мачиха.—Тамъ живутъ всѣ мои родные, друзья дѣтства... Право, весело.

— Вотъ, видите, какъ различны вкусы!—иронически улыбнулся отецъ.

Обо мнѣ, казалось, всѣ совсѣмъ забыли, а у меня уже затекала одна нога отъ неподвижнаго стоянья и, боясь отца, я не рѣшался уйти. Я исподлобья разсматривалъ гостей и вслушивался съ дѣтскимъ любопытствомъ въ оживленные разговоры. Въ одномъ концѣ небольшой гостиной собралась группа изъ двухъ гвардейцевъ и трехъ барышень; они, должно-быть, не признавали возможности скучать и громко смѣялись, слушая какой-то плачевно-скудоумный анекдотъ, вычитанный, какъ всѣ анекдоты, изъ французскихъ книжицъ. Слушатели, можетъ-быть, сами успѣли прочесть его прежде или просто слышали его отъ того же разсказчика, потому что подсказывали ему впередъ фразы, но, все-таки, имъ было весело, очень весело. Въ другомъ углу разсуждали два старца о чемъ-то весьма важномъ и экстренномъ: старецъ высокій, густоволосый и тощій, держалъ за пуговицу старца низенькаго, плѣшиваго и толстаго, вѣроятно, изъ предосторожности, чтобы тотъ скоропостижно не удралъ отъ него, и слышно было, что онъ заставлялъ толстаго непремѣнно поставить себя на мѣсто Гизо, на что толстый никоимъ образомъ не соглашался; такимъ манеромъ разговоръ принялъ очень живое направленіе и дѣлался все громче и громче; этимъ было тоже очень весело. Около отца и мачихи сидѣла тетка и два господина, разсуждавшіе, какъ скучно жить въ Москвѣ, и доказывавшіе, какъ весело въ Петербургѣ. Въ сторонѣ отъ всѣхъ сидѣла моя сестра. Она, подобно мнѣ, прислушивалась къ общему говору и, какъ я узналъ послѣ, поняла весь его смыслъ, тогда какъ я подслушалъ одни безсвязныя слова. Простоявъ довольно долго въ странномъ положеніи статуэтки, поставленной для укра-

шенія комнаты, я рѣшился отойти отъ отца и подойти къ сестрѣ. Мы начали вполголоса разговаривать.

— Нравится тебѣ она?—спросилъ я шопотомъ.

— Молчи! услышатъ!

Этимъ окончился нашъ разговоръ о мачихѣ. Время приближалось къ обѣду, т.-е. къ пяти часамъ.

— Папа, мнѣ пора домой, сейчасъ къ намъ учитель придетъ,—сказалъ я на ухо отцу, подойдя къ его креслу.

— Ха-ха-ха, какъ онъ наивенъ, дитя! — по-французски воскликнула мачиха, услышавъ шопотъ.—Ха-ха-ха! — продолжала она смѣяться.

— Ты и безъ того дома. Учитель уже знаетъ, что ты не будешь болѣе у него учиться,—отвѣтилъ отецъ, распоряжавшійся по-военному, какъ говорила Аграфена Степановна.

— А Колька какъ же?—воскликнулъ я.

— Какой Колька?—спросилъ отецъ.

— Мой Колька! Мы всегда обѣщались жить вмѣстѣ.

— Это что̀ за нѣжности? какъ ты обабился, братъ!—недовольнымъ тономъ замѣтилъ отецъ.

Мои губы начали дрожать, это не ускользнуло отъ отцовскаго вниманія.

— Ты не вздумай заревѣть!—сурово прошепталъ онъ мнѣ. Я склонилъ голову и отошелъ отъ него.

Гости, между тѣмъ, почти всѣ разъѣхались, кромѣ тетки и одного старика, дяди мачихи, котораго ни я, ни сестра не замѣтили прежде, осматривая комнату и находившихся въ ней гостей. Онъ сидѣлъ совсѣмъ одинъ между окномъ и отворенною дверью, ведущею въ столовую, и сладко дремалъ въ этой импровизированной кельѣ, страшно таращa свои красноватые глаза съ вѣками безъ рѣсницъ, его лицо было синевато-блѣдное, сухое и морщинистое, около щекъ и ушей висѣли прямые сѣдые волосы, словно смоченные водой и прилипшіе къ кожѣ; тѣла у него не было. Этотъ господинъ былъ до крайности похожъ на закоченѣвшаго въ водѣ утопленника. Я бы и не замѣтилъ его, но когда мы пошли обѣдать, то я увидалъ его тощія ноги, высунувшіяся изъ-за открытой половинки дверей. Я заглянулъ на него, онъ даже не сморгнулъ глазами, тараща ихъ попрежнему: я поспѣшилъ удалиться.

— Проси дядю къ столу,—сказалъ мнѣ отецъ и указалъ глазами по направленію, гдѣ сидѣлъ старикъ.

Пожалуйте обѣдать,—какъ-то боязливо произнесъ я.

Старикъ попрежнему таращилъ глаза и не шевелился. Я еще боязливѣе повторилъ свое приглашеніе и рѣшился дотронуться до его руки, она была холодна, мнѣ показалось, что онъ умеръ.

— Пфа!..—встряхнувшись всѣмъ существомъ, произнесъ онъ.—Кто ты такой?

Я объяснилъ, кто я.

— Сколько лѣтъ?

Я объяснилъ и это.

— Что тебѣ надо?

Послѣдовало еще объясненіе.

— Пфа!.. Я и не видалъ, какъ время до обѣда пролетѣло.

Довольный тѣмъ, что время летитъ такъ быстро и незамѣтно, онъ еще разъ повторилъ: «пфа!»—какъ-то нервически вздрогнулъ и потащилъ свои ноги къ обѣденному столу. Самъ не знаю почему, я все время обѣда сидѣлъ съ потупленными глазами, и меня очень безпокоили прилипшіе къ кожѣ волосы старика, напоминавшіе волосы утопленника.

— А что ты думаешь насчетъ Лели?—спросила тетка у отца.

— То-есть какъ это что я думаю?—переспросилъ отецъ.

— Оставишь ее у меня?

— Нѣтъ, она поѣдетъ съ нами въ Москву.

— Зачѣмъ же?

— Странный вопросъ! не жить же ей въ чужомъ домѣ, когда есть свой.

— Но, другъ мой, во-первыхъ, для чего тебѣ обременять себя заботами о ней, у тебя и безъ того найдется ихъ много; во-вторыхъ, здѣсь она можетъ сдѣлать выгоднѣйшую партію, наконецъ, я такъ къ ней привыкла...

— Эти послѣднія слова звучали какою-то тихою просьбою, на лицѣ старухи не было и слѣда обычной ядовитой усмѣшки, и все оно приняло человѣчное выраженіе, сквозившее даже изъ-подъ бѣлилъ и румянъ.

— Это невозможно!—отрѣзалъ отецъ.

— И мнѣ будетъ пріятнѣе, если Леля будетъ жить у насъ,—прибавила мачиха.

— У васъ будутъ свои дѣти.

— Ха-ха-ха! я объ этомъ еще и не думала!—сострила мачиха.

— Но если?..

— Они нисколько не помѣшаютъ ни Лелѣ, ни мнѣ любить и заботиться другъ о другѣ.

— Но какъ же я-то одна останусь?—вдругъ воскликнула тетка, и въ этихъ словахъ послышались звуки неподдѣльнаго ужаса.

— Жили же вы прежде однѣ?—отвѣтилъ отецъ, пожавъ плечами.

— Жи-ла!—съ разстановкой и протяжно произнесла старуха и затрясла головой сильнѣй обыкновеннаго.

Теперь для нея была невыносимо мысль опять жить одной... Разумѣется, невыносимое вынеслось, жизнь еще глуше, еще скучнѣе потянулась въ ея домѣ.

А утопленникъ сидѣлъ попрежнему, чавкая беззубыми деснами мягкую пищу, при чемъ издавались такіе звуки, какіе можно произвести, если сложить накрестъ двѣ потныя ладони и тихонько разжимать и сжимать ихъ снова. Съ нимъ никто не говорилъ, и это еще болѣе убѣждало меня, что онъ существо не отъ міра сего. Часовъ въ девять отпили чай, онъ услышалъ бой часовъ.

— Пфа!.. Часы!..—вздрогнувъ всѣмъ своимъ существомъ, произнесъ онъ и закопошился въ креслѣ, словно отдирая себя отъ него.

— Домой ѣдете, дядя?—спросила мачиха.

— Пфа!.. Пора!.. Совсѣмъ не видалъ, какъ пролетѣло время... Завтра въ совѣтъ... Пфа!..

Утопленникъ вздрогнулъ снова и, присѣдая, потащилъ за собою разбитыя ноги съ подогнутыми и закоченѣвшими въ этомъ положеніи колѣнями.

И навсегда исчезла передо мной еще одна тѣнь одного изъ китайскихъ кумировъ въ обширной области тѣней, гдѣ никто не замѣчаетъ, какъ летитъ время, потому что тамъ нѣтъ ни времени, ни страстей, ни переворотовъ.

Съ тоскливыми думами легъ я спать, легъ одинъ, безъ своего Кольки, и долго-долго думалъ о немъ, что-то онъ дѣлаетъ, не прибила ли его Аграфена Степановна, раздраженная уменьшеніемъ жизненныхъ средствъ по случаю прекращенія моего пребыванія въ ея домѣ. Во снѣ мнѣ снилось, что утопленникъ поймалъ костлявыми руками Кольку за волосы и держитъ его въ воздухѣ, спрашивая: «Пфа! кто ты такой? Пфа!.. Сколько тебѣ лѣтъ? Какъ ты смѣешь называться Колькой? Пфа!..» И рука утопленника вытягивается, его пальцы уже не держатъ Кольку за волосы, но сбиваются, какъ веревки, вокругъ его шеи, и Колька вы-

ситъ въ воздухѣ... Въ ужасѣ просыпаюсь я: въ комнатѣ пусто, темно и могильно-тихо, даже нѣтъ въ ней часовъ и потому не слышно равномѣрныхъ ударовъ маятника. «Извозчикъ!» пронзительнымъ голосомъ крикнулъ кто-то на улицѣ и огласилъ воздухъ сотнями пьяныхъ проклятій и омерзительной брани. Дрожа и кутаясь въ одѣяло, я засыпаю снова, и снова снится мнѣ, что Колька стоитъ передо мною, весело смѣется и ласкаетъ меня, у него на шеѣ едва виднѣется синеватая полоса, надавленная пальцами утопленника; я цѣлую это больное мѣсто, горячо цѣлую, а Колька смѣется такъ бойко, такъ весело, точно ему не было больно... Я просыпаюсь опять: въ комнатѣ свѣтло, Андрюшка со своей холопски-широкой улыбкой стоитъ передо мною и поталкиваетъ меня.

— Оттуда гимназистишка пришелъ,—говоритъ онъ, указывая своими масляными глазами—откуда.

Я соскакиваю съ постели и бросаюсь навстрѣчу Колькѣ, входящему въ комнату.

— Колька, голубчикъ, я тебя сейчасъ во снѣ видѣлъ!—кричу я, цѣлуя его.—Какъ ты сюда попалъ?

— Вчера еще узналъ у лакея твоей тетки, гдѣ ты живешь,—прерывающимся отъ ходьбы голосомъ отвѣчаетъ онъ.—Прибѣжалъ—больше, пожалуй, не увидимся.

— А какъ же, вѣдь ты опоздаешь въ гимназію?—очнувшись, спрашиваю я его.

— Ничего! скажу, что проспалъ. Только часъ лишній продержатъ. Мнѣ ничего. Мнѣ тебя еще разочекъ хотѣлось увидать.

Андрюшка чему-то глупо, невообразимо-глупо ухмыляется.

— Вы хоть бы панталончики надѣли,—говоритъ онъ:—а то папаша, пожалуй, придутъ-съ, да и со стороны-то не хорошо-съ.

Мы хохочемъ съ Колькой и еще слишкомъ часъ не можемъ наговориться другъ съ другомъ.

Это было послѣднее наше свиданіе въ дѣтствѣ; черезъ годъ мы встрѣтились снова, но мы были уже не дѣтьми, хотя, повидимому, ничего не измѣнилось, и выросли мы немного, и стали не слишкомъ опытнѣе и умнѣе прежняго; но въ этотъ годъ передъ нами прошло больше новыхъ лицъ и событій, испыталось больше скуки и горя, и были мы поставлены въ необходимость жить своимъ умомъ... Объ этомъ послѣ.

Черезъ двѣ недѣли послѣ этого свиданія начались сборы

въ Москву. Тетка уже привыкла къ одинокой жизни, еще по ошибкѣ называла иногда Лелей свою горничную, но отучалась и отъ этого. Опять улыбалась она язвительно и, примирившись съ падшимъ Луи-Филиппомъ, дулась на Ламартина, говоря, что она не предполагала, чтобы онъ-то былъ такимъ человѣкомъ, поэтъ-то! Мачиха ласково обходилась съ нами, постоянно громко смѣялась неизвѣстно чему и удивлялась, что отецъ скучаетъ и ругаетъ жизнь, или, лучше сказать, совершенно не признаетъ существованія жизни. Мы съ сестрой безъ боязни смотрѣли впередъ, не ожидая ни особенныхъ притѣсненій, ни особенныхъ невзгодъ. Мачиха была неспособна на роль тирана и преслѣдователя.

— Трогай! чего заснулъ!—кричитъ Андрюшка, до поту лица набѣгавшись около экипажа и докричавшись до сипоты.

Онъ ничего не дѣлалъ, но усталъ больше всѣхъ. Ямщикъ стегаетъ лошадей, и мы несемся изъ Петербурга. Передъ нами мелькаютъ вымазанные грязно-сѣрой и розовой краской дома, желтыя больничныя зданія, бѣлыя церкви; снуютъ озабоченные пѣшеходы, шлепающіе по грязи, оттаптывающіе свои ноги ради дневного пропитанія, мозолящіе языки, чтобы не разучиться говорить и безъ всякой другой цѣли; на Обуховскомъ проспектѣ баба, похожая на громадный узелъ стараго тряпья, поплевываетъ на гнилыя яблоки и обтираетъ ихъ грязной тряпкой, выуженной изъ какой-нибудь помойной ямы петербургскимъ тряпичникомъ; напротивъ Технологическаго института сладко дремлетъ саечникъ у своего лотка, раскрывъ ротъ и подложивъ между стѣной дома и своей головой замасленную, какъ пирогъ, такую же теплую и толстую ватную фуражку; ему, вѣрно, грезится богатая выручка, а можетъ-быть, снится жена и едва умѣющія лепетать дѣти, покинутыя имъ въ деревнѣ... И все заканчивается виднѣющимися вдали крестами Митрофаньевскаго кладбища...

Мы перекрестились.

X.

Странности новыхъ знакомыхъ и жизнь въ родительскомъ домѣ.

Тотчасъ, по пріѣздѣ въ Москву, отецъ вступилъ въ гражданскую службу и занялъ мѣсто довольно видное, хлопотъ о немъ было немного, потому что Шуповы рѣдко по-

лучали отказы на свои просьбы. Такъ какъ у насъ не было въ Москвѣ собственаго дома, то пришлось нанимать квартиру. Она была отдѣлана съ тою же изысканною роскошью, какою блестѣли когда-то наши петербургскія хоромы. У отца было много знакомыхъ въ Москвѣ, у мачихи еще больше, и, такимъ образомъ, шумная жизнь началась снова въ нашемъ семействѣ. Мачиху я не любилъ, считая ее похитительницею мужа моей матери. Я зналъ, что матушка никогда не воскреснетъ, но права на любовь и на всякую память удерживалъ за ней; мнѣ хотѣлось, чтобы ея стулъ за семейнымъ столомъ оставался пустымъ и возвѣщалъ всѣмъ, что одинъ изъ главныхъ членовъ семьи отсутствуетъ, и что никто не смѣетъ самовластно занять этого почетнаго мѣста матери. Впрочемъ, не я одинъ, а всѣ дѣти вообще смотрятъ такъ на покойниковъ, еще не зная житейской и юридической истины, что со смертью человѣка погасаютъ всѣ его права. Какова же была похитительница правъ моей матери?

Я чрезвычайно затрудняюсь описаніемъ ея характера, потому что его не было совершенно, или, если онъ и былъ, то былъ до крайности мелокъ, неуловимъ, ускользающъ, какъ тѣ мошки, которыя вьются надъ нами въ жаркіе лѣтніе дни, сверкая пылью въ яркихъ лучахъ солнца. Онѣ безвредны, или, лучше сказать, не могутъ хотѣть вредить, но при нихъ нужно закрывать и ротъ, и глаза, не видѣть и не говорить, чтобы не проглотить десятокъ этихъ невинныхъ созданій и не почувствовать боли въ глазу или тошноты. Такихъ мошекъ и такихъ характеровъ тьма-тьмущая; съ помощью микроскопа ихъ можно разглядѣть, и я рѣшаюсь на это. Мачиху можно бы назвать странною женщиною, если бы въ такъ-называемомъ свѣтѣ могли существовать странные люди и странныя вещи; но въ немъ положительно все обыкновенно, а не странно, и истинно-свѣтскій человѣкъ давно пересталъ удивляться чему бы то ни было — и мадоннѣ Рафаэля, и попойкѣ съ камеліями. Если бы передъ нимъ кто-нибудь вздумалъ, ни съ того, ни съ сего, перекувырнуться и пропѣть: «кукареку!» — онъ спокойно закурилъ бы сигару и сказалъ бы: «ловко!» и даже не освѣдомился бы, у кого бралъ кувыркающійся господинъ уроки въ этомъ искусствѣ. Итакъ, мачиха не была странною женщиною. Она была не зла и не добра, помогала охотно бѣднымъ, когда они приходили съ рекомендательными письмами отъ важныхъ лицъ, дающихъ часто вмѣсто пе-

даянія эти письма, что обходится гораздо дешевле, и беззаботно опрокидывала экипажемъ дряхлаго бѣдняка, не успѣвшаго посторониться отъ ея лошадей. Слугъ она не притѣсняла, позволяла имъ воровать, отдавала имъ свои обноски и въ то же время не вступалась за нихъ передъ отцомъ, не обращала вниманія на ихъ жизнь, даже едва ли обращала вниманіе на ихъ лица, судя по тому, что она долго звала новаго лакея Андреемъ, не замѣчая, что это вовсе не Андрей, а Павелъ, и когда Андрей выздоровѣлъ, то еще съ недѣлю звала его Павломъ, не замѣчая, что это не Павелъ, и очень смѣялась, когда ей объяснили ошибку. Съ искреннимъ отвращеніемъ и нѣкоторою брезгливостью смотрѣла она на развратныхъ женщинъ, отца любила спокойною и ровною любовью, вполнѣ согласовавшеюся съ ея далеко не страстною и не кипучею натурою, но все это не помѣшало ей, тотчасъ по пріѣздѣ въ Москву, тѣсно сблизиться съ какимъ-то Александромъ Иванычемъ Хвостовымъ, неизмѣннымъ членомъ всѣхъ московскихъ баловъ, всѣхъ лихихъ попоекъ молодежи и всѣхъ собраній мудрыхъ стариковъ, гдѣ обсуждаются важнѣйшіе вопросы политики и науки. Александръ Ивановичъ — его звали всѣ по имени и многіе даже не знали его фамиліи — поспѣвалъ вездѣ, увозилъ отвсюду цѣлый коробъ новостей и поставлялъ ихъ желающимъ за плату натурою, т. е. за обѣдъ, ужинъ, чай и т. д. Это былъ своего рода тряпичникъ. Онъ служилъ гдѣ-то у кого-то какимъ-то чиновникомъ по особымъ порученіямъ. Это дало поводъ остроумнымъ московскимъ барынямъ называть его Александромъ Иванычемъ по особымъ порученіямъ, что, въ свою очередь, дало поводъ ему повторять, кстати и некстати, эту остроту беззубой тупости, и, такимъ образомъ, вызывать постоянно смѣхъ, отзывавшійся чѣмъ-то скучнымъ и жалкимъ, потому что вся честная компанія дошла до того одурѣнія и апатіи, что ей было не надъ чѣмъ даже смѣяться. Свѣтъ, подобно мнѣ, не находилъ въ мачихѣ ни одной ни положительной, ни отрицательной характерной черты, и потому очень любилъ ее, и въ видѣ награды, какъ знакъ отличія отъ другихъ безполезныхъ, далъ ей названіе веселой женщины. Награждая ее этимъ прилагательнымъ, онъ очень хорошо зналъ, что она не была и веселою: она искала случая потанцовать, похохотать, повеселиться, изъ чего и можно заключить, что въ сущности ей было даже и не весело, иначе ей было бы не зачѣмъ искать случая повеселиться. Кто веселъ отъ природы или отъ постоянныхъ

удачъ; тотъ веселъ всегда; читая скучнѣйшую книгу, онъ хохочетъ, представляя себѣ, какую зѣвоту наводитъ на всѣхъ ея авторъ; видя чужія слезы, онъ какъ-то бодро-добродушно утѣшаетъ плачущаго и, приходя домой, весело потираетъ руки, радуясь, что у него нѣтъ такой причины для слезъ. Но это характеръ, а у мачихи, какъ я сказалъ, не было характера, зато ее и любили. Итакъ, она искала случая придраться къ веселью, а Александръ Иванычъ искалъ случая придраться къ намеку на даровой обѣдъ или ужинъ, гдѣ онъ тихонько пряталъ въ карманъ конфеты и даже не брезгалъ пирожками, и умѣлъ развеселить собесѣдниковъ, какъ никто другой. Они неизбѣжно должны были сдѣлаться друзьями. Ходили слухи, что они были дружны и прежде, еще при жизни генерала Тохтамышева, но московскіе слухи—это Дюма-отецъ, описывающій Россію. Отца нисколько не встревожили ни эти слухи, ни эта дружба, и онъ очень усердно сталъ посѣщать Марью Васильевну Сушилову, любезнѣйшую изъ всѣхъ когда-либо существовавшихъ на Руси женщинъ. Она отлично говорила по-французски, лучше всѣхъ нашихъ барынь, знала всѣ простонародныя парижскія выраженія, точно сама торговала рыбой на парижскихъ рынкахъ, и подъ смычокъ Мюзара плясала канканъ визави съ королевою Помаре; еще лучше управляла она лошадьми, точно провела дѣтство подъ надзоромъ русскаго ухаря-ямщика; она прочла всѣ романы Жоржъ Занда и читала даже Руссо, сама написала двѣ-три повѣсти, два-три стихотворенія по-русски и, заручившись всѣмъ этимъ, собрала около себя кружокъ умной и ученой молодежи, злила свѣтъ, сдѣлавшись характерною личностью, и гордо носила свою хорошенькую головку по разнымъ гостинымъ, съ улыбкой поглядывая на длинный хвостъ, состоявшій изъ ея поклонниковъ; все это нисколько не мѣшало ей брать непомѣрные оброки съ деревни, бить башмакомъ свою горничную и, лежа въ милой позѣ съ папиросой, въ кругу молодежи, съ довольно подозрительнымъ восторгомъ говорить про моего отца: «Я его люблю, въ немъ есть что-то дикое, онъ пахнетъ варваромъ!» По-французски эта фраза выходила шикарнѣе и душистѣе, чѣмъ по-русски.

Такимъ образомъ, всѣ остались довольны, и въ нашемъ домѣ все шло, какъ нельзя лучше. Пріѣзжая домой, отецъ спокойно спрашивалъ у лакея:

— Барыня дома?

— У себя-съ.

— Одна?

— Никакъ нѣтъ-съ, у нихъ Александръ Ивановичъ Хвостовъ.

— А-а!

Съ этими словами отецъ проходилъ на свою половину. Мачиха часто предлагала слугѣ такіе же вопросы.

— Баринъ дома?

— Никакъ нѣтъ-съ, уѣхали.

— Не знаешь, куда?

— Къ Марьѣ Васильевнѣ Сушиловой.

— Скажи ему, когда пріѣдетъ, что я прошу его къ себѣ.

Баринъ пріѣзжалъ, лакей докладывалъ о томъ, что, молъ, барыня проситъ васъ къ себѣ. Супруги ласково встрѣчались, обсуживали вопросы: ѣхать или не ѣхать на такой-то званый вечеръ къ такому-то знакомому барину, и какое платье лучше сдѣлать для этого вечера, такъ какъ два раза въ одномъ и томъ же нарядѣ выѣзжать на вечера въ свѣтѣ не полагается. На третій день, послѣ домашняго совѣта, супруги вмѣстѣ ѣхали на балъ, на мачихѣ красовались золотые колосья и чудные батистовые васильки, эмблемы сельской жизни и невинности; качаясь при малѣйшемъ ея движеніи, они словно что-то шептали другъ другу и напоминали о другихъ колосьяхъ и другихъ василькахъ, которыхъ требуется многое-множество, чтобы окупить каждый изъ нихъ. На балу отецъ радушно жалъ руку Александру Иванычу, мачиха разсыпалась въ любезностяхъ передъ Марьей Васильевной и громко смѣялась.

Весело, незлобиво, простодушно!..

Устроивъ, такимъ образомъ, къ взаимному удовольствію, свою жизнь, старшіе не могли не позаботиться и о младшихъ. Такая заботливость о судьбѣ младшихъ совершенно согласна съ нашимъ славянскимъ добродушіемъ... Вопросъ о воспитаніи меня и сестры занялъ отца и мачиху на нѣсколько дней въ первые дни московской жизни. Отецъ хотѣлъ взять гувернантку.

— Нѣтъ, мой другъ, — отвѣтила мачиха: — я не люблю подсматривающихъ глазъ въ моемъ домѣ, и сверхъ того, всѣ онѣ сквернаго поведенія. Да и Леля, кажется, все знаетъ, зачѣмъ же ей гувернантка, ее пора вывозить въ свѣтъ.

— Нечего торопиться! Надо прежде по-русски писать ее выучить,—отрѣзалъ отецъ.

— Такъ возьми учителя на время, онъ же можетъ учить и Поля до его поступленія въ корпусъ.

— Чортъ знаетъ, какой попадетъ! Развѣ посовѣтоваться съ Марьей Васильевной?

— Вотъ и прекрасно, у нея тамъ вся ученость собирается.

Совѣтъ окончился. Марья Васильевна предложила въ учителя молодого магистра московскаго университета.

— Не молодъ ли онъ? — спросилъ съ сомнѣніемъ отецъ.

— Я боюсь, не старъ ли онъ, не сухъ ли для вашей дочери,—отвѣтила Марья Васильевна.

— Однако, ему двадцать-восемь лѣтъ, по вашимъ словамъ?

— Мужчинѣ столько лѣтъ, сколько пережила его мысль.

— А женщинѣ столько, сколько показываетъ ея лицо?— шутилъ отецъ. — И потому я даю вамъ восемнадцать лѣтъ.

— Да развѣ я женщина? Я просто мальчишка,—говорила, откинувъ назадъ свои локоны и засмѣявшись, Марья Васильевна.

— Ганимедъ?—спросилъ отецъ.

— А вамъ хотѣлось бы быть Юпитеромъ?

Этотъ интересный разговоръ длился долго и рѣшилъ нашу участь, хотя именно о насъ-то въ немъ почти не упоминалось. Юпитеръ гораздо больше заботился о добромъ расположеніи своего Ганимеда, чѣмъ о судьбѣ своихъ дѣтей, хотя Ганимедъ и безъ того былъ постоянно готовъ къ его услугамъ.

Такимъ образомъ, я и сестра попали подъ вліяніе новой личности. Мнѣ было не новостью заниматься подъ надзоромъ мужчины, но сестра сильно конфузилась на первыхъ порахъ и требовала, чтобы мачиха присутствовала въ классной комнатѣ во время уроковъ. Сначала мачиха исполняла это требованіе, сидѣла въ нашей комнатѣ съ романомъ въ рукахъ на диванѣ и, конечно, ничего не слыхала и не видала изъ происходившаго въ комнатѣ, но скоро и эта нетрудная роль ей наскучила. Она объявила отцу, что наблюдать рѣшительно не зачѣмъ, что учитель серьезенъ, и сверхъ того и безъ ея присутствія онъ не останется tête-à-tête съ сестрою, будетъ стѣсненъ третьимъ лицомъ, т. е. мною. И этотъ вопросъ былъ порѣшенъ; я, ничего не зная, принялъ роль пугала, какія ставятся въ огородахъ, на страхъ вороватымъ воробьямъ и другой мелкой птицы. Но часто мелкая птица присматривается къ пугалу, неподвижно распро-

стершему въ воздухѣ свои деревянныя руки, начинаетъ съ воровской боязливостью облетать его и въ отдаленіи пощипывать зелень, потомъ, мало-по-малу, дѣлается смѣлѣе, кружится все ближе и ближе къ нему, и, наконецъ, усѣвшись на мохнатую шапку чучела, съ торжествомъ чиститъ на головѣ своего врага перья утомленныхъ летаньемъ крылышекъ, а пугало все попрежнему таращитъ деревянныя руки, ничего не подозрѣвая и не видя.

Семенъ Иванычъ Похвистневъ — такъ звали учителя — принадлежалъ къ кружку той молодежи сороковыхъ годовъ, которая съ жадностью слушала каждое слово своихъ учителей—Бѣлинскаго и его друзей. Она была связана съ тѣмъ или съ другимъ изъ этихъ учителей узами дружбы, и потому читала не только одни напечатанные клочки теорій и идей, но читала и самыя теоріи и идеи, зная, что̀ заключается между строками печатныхъ статей. Она принадлежала по большей части къ дворянству, уже бѣднѣвшему, но еще не обнищавшему, и потому имѣла доступъ во всѣ лучшія гостиныя; тамъ она развивала идеи учителей, разносила и популяризировала ихъ въ обществѣ, которое ей еще не опротивѣло, отъ котораго она еще ждала чего-то и не успѣла затвориться въ свой кабинетъ и замолкнуть на долгіе годы. Похвистневъ попалъ въ нашъ домъ именно въ то время, когда случился поворотъ въ жизни этой молодежи: она уже потеряла бо̀льшую часть своихъ представителей, сошедшихъ въ могилу, и носила на себѣ печать озлобленья и безнадежной грусти, которымъ суждено было въ будущемъ расти все сильнѣе и сильнѣе. Нашъ учитель еще попрежнему посѣщалъ общество, еще говорилъ смѣлыя рѣчи даже у госпожи Сушиловой, какъ будто тамъ можно было кого-нибудь развить, что-нибудь сдѣлать; но это онъ только напускалъ на себя храбрость и иногда среди жаркаго разговора вдругъ бросалъ въ лицо собесѣдниковъ какую-нибудь злую насмѣшку и умолкалъ. Сушилову это приводило въ восторгъ, ея чуткій носъ почуялъ и тутъ запахъ варварства, и она заарканила этого варвара. Нѣсколько времени они вмѣстѣ наслаждались жизнью и кутили въ полномъ смыслѣ этого слова, и на тройкѣ ѣздили, и цыганъ слушали, и дома плясали на шумномъ балу. Черезъ мѣсяцъ юноша сказалъ ей:

— Теперь довольно, Марья Васильевна; у меня работы слишкомъ много, такъ наврядъ можно ли будетъ каждый день къ вамъ бѣгать.

— Ты, Симонъ, не понимаешь любви!

— Ну, съ вами-то объ этомъ предметѣ можно и не разсуждать. Я думаю, вѣдь и вамъ я-таки пріѣлся?

Марья Васильевна поглядѣла на него и захохотала своимъ безпечнымъ дѣтскимъ смѣхомъ.

— Значитъ, теперь по четвергамъ будешь являться? — спросила она.

— Значитъ, что такъ.

Такъ окончился его недолговременный романъ съ Марьей Васильевной; тутъ не было увлеченія, онъ трезво смотрѣлъ на барыню; но въ это время онъ переживалъ самые тяжелые дни своей жизни и чувствовалъ потребность забыться на мигъ, ему нужно было опьянѣть на-время, чтобы не сдѣлаться пьяницей навсегда, какъ это сдѣлалось со многими другими; нужно было найти способъ бодрѣе пережить невзгоды. Другого лучшаго исхода, чѣмъ связь съ Сушиловой, не было; онъ былъ уже почти одинокимъ изъ своего кружка и сознавалъ шаткость своего положенія. Его нервы были раздражены, и онъ только крѣпился покуда, представлялъ изъ себя непобѣжденнаго бойца, въ сущности же онъ былъ побѣжденъ, не могъ быть не побѣжденъ, и началъ искать покоя, новой жизни, новой дѣятельности. Въ такомъ неестественномъ тревожномъ состояніи встрѣтился онъ съ нами. Со мной онъ проходилъ тѣ же предметы, которымъ я учился у Алексѣя Васильича Филиппова. На меня онъ не могъ имѣть никакого вліянія по очень простой причинѣ: онъ не умѣлъ говорить со мною, несмотря на свою доброту. У насъ, по извѣстнымъ историческимъ обстоятельствамъ, открылись университеты и академіи наукъ тогда, когда еще не существовало элементарныхъ школъ; по тѣмъ же обстоятельствамъ у насъ явилось много людей, способныхъ развивать глубокія идеи нѣмецкихъ мыслителей и не знавшихъ основательно азбуки наукъ, не имѣвшихъ возможности быть дѣльными практиками-учителями для дѣтей. Юноши умѣли философствовать, но не умѣли составить ни одного самостоятельнаго учебника, и дѣти до сихъ поръ ждутъ наставниковъ и воспитателей. Это можно бы назвать парадоксомъ, если бы дѣло не было ясно всѣмъ и не бывшимъ въ семинаріи, если бы вслѣдствіе его, будучи, повидимому, вполнѣ развитыми, мы не оказывались совершенно несостоятельными въ практической дѣятельности, не терпѣли въ ней постоянныхъ пораженій отъ менѣе развитыхъ, отсталыхъ и иногда безчестныхъ людей-дѣльцовъ. Таковъ былъ и Семенъ Иванычъ, ему нужны были взрослые ученики, а не дѣти. Съ

сестрой онъ занимался русскимъ языкомъ и исторіей литературы и заставлялъ сестру писать разборы лучшихъ русскихъ произведеній. Они смотрѣли другъ на друга церемонно, находились въ неловкомъ положеніи; ученица была слишкомъ велика, учитель слишкомъ молодъ. Впервые сблизилъ ихъ простой случай. Это было въ январѣ, т. е. черезъ четыре мѣсяца послѣ нашего знакомства. У насъ былъ вечеръ, на который пригласили и учителя. Какой-нибудь бѣднякъ, бѣгающій изъ-за хлѣба на уроки, не попалъ бы на вечеръ, а этотъ имѣлъ кое-какое состояніе, былъ дворянинъ, хорошо образованъ и пользовался покровительствомъ Марьи Васильевны, а слѣдовательно и благосклоннымъ вниманіемъ отца. Сестра не выѣзжала по волѣ на вечера къ знакомымъ, но присутствовала на домашнихъ. Она, по обыкновенію, была грустна и неразговорчива, глядѣла исподлобья, дикаркой. Въ одномъ изъ кадрилей ей пришлось танцовать съ учителемъ. Онъ былъ особенно въ ударѣ и далъ волю своему языку, рисовалъ передъ ученицей портреты гостей. Въ его рѣчахъ были мѣткость и ядовитость, двѣ-три черты освѣщали отвратительнымъ свѣтомъ каждаго изъ пляшущихъ и болтающихъ господъ.

— Вы напрасно трудитесь и тратите свое остроуміе,— замѣтила ему сестра.—Ихъ портреты давно написаны Грибоѣдовымъ, и развѣ одной Сушиловой недостаетъ въ его коллекціи. Она ждетъ своего портретиста.

— Вы, кажется, не любите Сушилову?

— Я никого не люблю.

— Ну, это совсѣмъ плохо. Въ наказаніе вы должны къ слѣдующему уроку разобрать «Горе отъ ума», такъ какъ оно подало поводъ къ произнесенію грѣшной фразы.

Сестра улыбнулась и передернула плечами.

— Я не шучу!—смѣясь, промолвилъ Семенъ Ивановичъ.

На слѣдующій урокъ сестра подала ему разборъ комедіи состоящій изъ слѣдующаго лаконическаго приговора: «Всѣ дѣйствующія лица комедіи глупы, а Чацкій глупѣе ихъ всѣхъ».

— Коротко и ясно,—разсмѣялся Похвистневъ.—Но вы, Елена Константиновна, осудили ихъ очень опрометчиво. Фамусовъ, напримѣръ, совсѣмъ не дуракъ, и, можетъ-быть, былъ одинъ изъ сильнѣйшихъ дѣльцовъ въ своемъ родѣ.

— Объ этомъ не говоритъ комедія,—отвѣтила сестра.— Я думаю, каждый глупецъ въ чемъ-нибудь можетъ быть уменъ, но умнымъ его все же нельзя назвать. Умный дол-

женъ быть вездѣ уменъ. А Фамусовъ такъ глупо воспиталъ свою дочь, что самъ вызвалъ для себя извѣстную трагическую развязку, при которой онъ восклицаетъ: «Что будетъ говорить княгиня Марья Алексѣвна!»

— Значитъ, по-вашему, онъ долженъ былъ сдѣлать изъ своей дочери вѣрный слѣпокъ съ самого себя?

— Да, если бы онъ былъ уменъ. Каждый долженъ воспитать своихъ дѣтей такъ, чтобы они пошли непремѣнно по его дорогѣ.

— То-есть, разбойникъ долженъ воспитать разбойниковъ, подлецъ—подлецовъ?

— Непремѣнно, если ихъ умъ сознаетъ дѣльность ихъ собственнаго дѣла. Иначе для чего же разбойничать и подличать, вѣдь дѣти могутъ уничтожить слѣды отцовскаго дѣла? Тогда игра не стоитъ свѣчъ?

— Бѣда, если бы вашу мысль привели въ исполненіе,— шутливо промолвилъ учитель.—Тогда все доброе погибло бы и настало царство подлецовъ, мошенниковъ и другихъ первобытныхъ людей.

— Не страшно! Они слишкомъ глупы и не сумѣютъ этого сдѣлать. Я въ этомъ увѣрилась по своимъ книгамъ... Но вы сказали «первобытныхъ людей», означая этимъ что-то гадкое... Развѣ человѣкъ гадокъ по природѣ?

— Да, онъ грубый, непрактическій эгоистъ въ дикомъ состояніи, не практичнѣе звѣря. Волкъ не пожираетъ волка и только во время голода отнимаетъ у него добычу, а первобытный человѣкъ и добычу отниметъ у своего собрата, и позавтракаетъ имъ самимъ. Ангеломъ-то его только поэтики представляютъ, ничего не читавшіе, ни о чемъ серьезно не думавшіе и своимъ умомъ доходящіе до сотворенія міра, какъ одно изъ дѣйствующихъ лицъ въ «Ревизорѣ».

— Я этого не предполагала, — задумчиво промолвила сестра.

— Ну-съ, а Чацкій-то почему глупъ? Не потому ли, что проповѣдуетъ передъ Фамусовыми? Но я васъ предупреждаю, это сказано прежде васъ.

— Нѣтъ! а потому, что онъ не умѣетъ работать, дѣла дѣлать.

— Вы, Елена Константиновна, еще не знаете, какъ бываетъ иногда трудно дѣлать дѣло: есть промежутки времени, когда положительно можно только разглагольствовать въ родѣ Чацкаго. Это очень грустно, но вполнѣ вѣрно. Переходными эпохами называютъ такіе поганые проме-

жутки,—съ грустной ироніей произнесъ Семенъ Ивановичъ.

— Теперь такое время?

— Да.

— Зачѣмъ же вы даете уроки, а не ограничиваетесь разговорами у Сушиловой?

Учитель на минуту задумался.

— Да, право, я не знаю, не назвать ли и это дѣло битьемъ баклушъ?

— Развѣ вамъ попадались одни глупые ученики, не понимавшіе ни одной честной мысли?

— О, нѣтъ!

Учитель и ученица какъ-то странно взглянули другъ на друга и умолкли. Они поняли, что договорились до чего-то новаго, высказали невольно мнѣніе другъ о другѣ.

— Нѣтъ, Елена Константиновна,—снова началъ онъ:—они и другіе люди не глупы. Но ихъ умы развились односторонне, вслѣдствіе постоянныхъ удачъ. Всеобщій сонъ и недѣятельность общества остановили ихъ развитіе. Вообще человѣкъ дуренъ и, къ тому же, способенъ успокоиваться, почувствовавъ въ томъ или другомъ случаѣ свое превосходство надъ окружающими его личностями и обстоятельствами, и это-то успокоеніе есть первый предвѣстникъ его несостоятельности гдѣ-нибудь при новыхъ условіяхъ, вѣстникъ его паденія. Чѣмъ дальше будетъ онъ тревожиться за судьбу своихъ плановъ, чѣмъ больше будетъ предусматривать опасностей для нихъ, тѣмъ полнѣе разовьется онъ, тѣмъ будетъ онъ, по-вашему, умнѣе, по-моему, развитѣе. Главное—не надо успокоиваться, надо думать, находиться на сторожѣ, размышлять, не поддаваться баловству случая, который, какъ старая нянька, всѣми средствами старается насъ усыпить своими ласковыми пѣснями и сказками, чтобы мы вѣчно оставались на его баюкающихъ рукахъ.

— Значитъ, надо быть вѣчно въ страхѣ, вѣчно недовольной собою?

— Да.

— Но, вѣдь, это мучительно? Гдѣ же отрада?

— Въ сознаніи, что сегодня вы стали немного развитѣе, чѣмъ вчера, что сегодня какая-нибудь другая Елена Константиновна имѣетъ менѣе, чѣмъ вчера, причинъ обвинять васъ въ глупости, какъ обвиняли вы героевъ комедіи.

— Можетъ-быть, вы и правы.

Она задумалась.

— Я, однако, никакъ не предполагалъ, что вы такъ много передумали о жизни,—сказалъ сестрѣ Похвистневъ, прощаясь съ нею.

— У меня не было другого дѣла, и поневолѣ думалось обо всемъ.

— Это самое лучшее дѣло, Елена Константиновна: оно подготовляетъ честныхъ людей.

Не много понялъ я изъ ихъ разговора, онъ былъ слишкомъ серьезенъ и скученъ для меня, а на сестру онъ произвелъ сильное впечатлѣніе. Вечеромъ этого дня она раздумывала о немъ и съ удивленіемъ видѣла, что говорила съ постороннимъ человѣкомъ откровенно и много, какъ будто онъ былъ ея старымъ другомъ. Это было первый разъ въ жизни. Ея лицо то горѣло огнемъ, то блѣднѣло, въ ея головѣ происходила новая работа мысли, возбужденная первымъ честнымъ человѣкомъ, попавшимся навстрѣчу дѣвушкѣ. Ночь прошла безъ сна и—странное дѣло—думалось сестрѣ больше о словахъ Семена Иваныча, чѣмъ о немъ самомъ, онъ покуда былъ для нея только хорошею новою книгой—и не болѣе того.

XI.

Сестра начинаетъ жить самостоятельно.

Учитель удивился развитію сестры, но еще болѣе удивилась она сама себѣ, высказавъ впервые выработанные ею идеи и взгляды на людей. Она сама не подозрѣвала до этихъ поръ, до чего она додумалась. Каждый изъ насъ могъ испытать на себѣ это странное психологическое явленіе, если его уму пришлось работать безъ посторонней помощи въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ. Одинокій человѣкъ, брошенный на произволъ судьбы, бесѣдующій только съ самимъ собою, думаетъ, всматривается въ жизнь и людей, вырабатываетъ своеобразные взгляды и мнѣнія; но онъ никогда не подведетъ имъ итога до тѣхъ поръ, покуда не явится ему на помощь другая мыслящая и сочувствующая личность. Она, заставивъ его высказаться, вдругъ озаритъ какимъ-то новымъ свѣтомъ его умъ и принудитъ сгруппировать отдѣльныя идеи въ одно гармоническое цѣлое. Эта минута бываетъ рѣшительнымъ переломомъ въ жизни такого человѣка; юноша наканунѣ — онъ становится мужемъ сегодня, послѣдніе слѣды тревожнаго состоянія, бывающаго удѣломъ каждаго, кто не подвелъ итоговъ своимъ мыслямъ, смѣняются спокойствіемъ, вытекающимъ изъ яснаго обзора

своихъ умственныхъ богатствъ. Въ умственной жизни человѣка эта минута бываетъ тѣмъ же, чѣмъ бываетъ ежегодная повѣрка матеріальныхъ средствъ въ торговыхъ домахъ. Банкиръ или купецъ не становится богаче послѣ повѣрки, но онъ узнаетъ мѣру своихъ богатствъ, а это главное; тутъ можно разсчитывать и надѣяться на будущее, можно приниматься за новое дѣло. То же случилось и съ сестрою. Она до перваго откровеннаго разговора съ учителемъ казалась дѣвочкою, послѣ нѣсколькихъ подобныхъ разговоровъ она какъ будто выросла. Ея лицо изъ грустнаго сдѣлалось строгимъ, молчаливость смѣнилась рѣзкими сужденіями и смѣлыми отвѣтами. То, о чемъ прежде она только думала, теперь твердо высказывалось ею, она сдѣлалась личностью. «Пора жить по-своему!»—сказала она себѣ и подняла голову. Ни мачиха, ни отецъ не могли замѣтить этой перемѣны съ перваго разу, но, мало-по-малу, она почувствовалась и ими. Сестра, отговариваясь головною болью, отказалась присутствовать на первомъ изъ домашнихъ собраній, послѣдовавшемъ за памятнымъ для нея разговоромъ; это приписали домашніе простому капризу. Сестра рѣшилась не выходить къ гостямъ и на слѣдующій разъ.

— Глупости!—сказалъ отецъ.—Ты выйдешь къ гостямъ.

— Мнѣ очень скучно съ ними, и потому я лучше не выйду.

— Я тебѣ говорю, что ты должна выйти; я этого хочу, и, значитъ, нечего разсуждать о томъ, скучно ли тебѣ или нѣтъ.

— Но мнѣ-то не хочется,—твердо отвѣтила сестра.

— Ты съ ума сошла?

— Нѣтъ, но мнѣ надоѣли любезности этихъ глупыхъ людей, и я хочу быть одна.

— Ха-ха-ха!—захохотала мачиха.—Не думаешь ли ты идти въ монастырь спасаться?

— Моя мать не ушла въ монастырь, но на балы не ѣздила, избѣгала этого общества, и если отецъ не принуждалъ ее, то не станетъ принуждать и меня.

— Посмотримъ! — угрюмо промолвилъ отецъ, не выносившій спокойно воспоминаній о матери.

— Вѣдь ты, папа, не сталъ бы кувыркаться передъ публикой? А мнѣ говорить съ ними то же самое, что тебѣ кувыркаться передъ народомъ.

— Прошу, сударыня, безъ нравоученій! Это чортъ знаетъ что такое.

Отецъ зашагалъ въ раздумьи по комнатѣ, мачиха попробовала поспорить съ сестрою и убѣдить ее, но получила нѣсколько односложныхъ отвѣтовъ: да и нѣтъ,—и умолкла.

Позволеніе остаться на этотъ разъ въ своей комнатѣ не было дано сестрѣ, но не было сдѣлано и запрета исполнить это желаніе. Отецъ, желавшій всегда поставить на своемъ, разыгралъ, по примѣру всѣхъ настойчивыхъ людей, смѣшную роль въ жмурки, сдѣлалъ видъ, что онъ просто не замѣчаетъ отсутствія сестры на вечерѣ, и нарочно сѣлъ играть въ карты, чтобы не выходить въ гостиную и залу, гдѣ толпились женщины и молодые люди. Но отсутствіе сестры не ускользнуло отъ вниманія гостей; къ мачихѣ подлетѣла на крылышкахъ какая-то вѣчная институтка съ вопросомъ;

— А гдѣ же Елена Константиновна?

— Она у себя въ комнатѣ, у нея голова разболѣлась.

— Бѣдненькая! я думаю, ей ужасно скучно,—пропищала вѣчная институтка, вытянувъ свое рыльце въ сострадательное выраженіе.

— Однако, она, должно-быть, очень слабенькая; она и прошлый разъ, кажется, была больна? — немного ядовито замѣтила какая-то барыня, похожая на печеное яблоко, посыпанное мелкимъ сахаромъ.

— Да, слаба,—отвѣтила, краснѣя, мачиха, и ея мелкая душонка пронюхала въ этомъ вопросѣ намекъ на то, что мачихи всегда притѣсняютъ падчерицъ.

— Надѣюсь, что вы совѣтовались съ докторомъ? — продолжало шипѣть печеное яблоко голосомъ, полнымъ участія къ сестрѣ.

— Нѣтъ! это просто слѣдствіе капризовъ, какъ мнѣ кажется.

— О-о? я никакъ не думала чтобы она была способна на это, она такая робкая, застѣнчивая.

— Застѣнчивость есть признакъ въ высшей степени развитаго самолюбія,—рѣшилъ какой-то салонный философъ, слышавшій только послѣднія слова фразы печенаго яблока.

— Но не всегда. Та особа, о которой мы говорили, застѣнчива совершенно по другимъ причинамъ,—объясняло печеное яблоко философу, и между ними завязался ученый разговоръ о характерахъ людей, въ которомъ печеное яблоко дѣлало весьма тонкіе намеки на то, о чемъ совсѣмъ не зналъ философъ, и было видно, что они предназначались не для его, а для чьихъ-то другихъ ушей.

Лицо мачихи во время этой бесѣды то краснѣло, то блѣднѣло. Въ мелкой душонкѣ зародилось желаніе отмстить падчерицѣ за эти тяжелыя минуты, но для мести нужно имѣть характеръ, а у мачихи, къ счастію сестры, его не было, и затѣя ограничилась простыми шпильками и глупой домашней дрязгой, отъ которой такъ и вѣяло мѣщанствомъ.

— За что вы дуетесь? — иронически спросила мачиха сестру, когда на слѣдующій день мы сидѣли за чайнымъ столомъ въ присутствіи отца.

— Я не дуюсь, — отвѣчала сестра, вставшая, какъ нарочно, въ самомъ веселомъ расположеніи духа.

— Нѣтъ, вы дуетесь! Кажется, пора привыкнуть думать, что о васъ заботятся болѣе, чѣмъ бы слѣдовало.

— Я вамъ очень благодарна.

— Хороша благодарность! Не далѣе какъ вчера, я, Богъ знаетъ, чего наслушалась по вашей милости! Оставались бы въ Петербургѣ, если вамъ не хотѣлось жить здѣсь.

— Я не просилась сюда, меня взяли.

— Что, ты изъ себя крѣпостную дѣвку разыгрываешь?— крикнулъ отецъ, вышедшій изъ терпѣнія.

Сестра посмотрѣла на него такими глазами, какими смотрятъ на сумасшедшихъ.

— Я, наконецъ, выйду изъ терпѣнія и отправлю ихъ туда!—рѣшилъ онъ.

Не знаю, почему попалъ и я въ опалу, хотя былъ не виноватъ ни тѣломъ, ни душой: но отца ввело въ заблужденіе слово *вы*, обращенное къ сестрѣ, и онъ подумалъ, что жена ругаетъ насъ обоихъ, и потому мы достойны ссылки. «Ахъ, если бы отправили въ Петербургъ!»—подумалось мнѣ, и бойкое воображеніе начало рисовать картину моей встрѣчи съ Колькой. Но сестра при угрозѣ отца вздрогнула и покорно опустила голову, не вымолвивъ ни одного слова.

— Отчего ты не попросила отца отправить насъ въ Петербургъ?—спросилъ я ее, когда мы остались съ нею одни.

Она покраснѣла.

— Зачѣмъ, Поль?—промолвила она мнѣ послѣ минутнаго молчанія.—Ты и безъ того уѣдешь осенью въ корпусъ, а я останусь здѣсь...

— Вотъ и худо будетъ! — воскликнулъ я. — А тамъ бы мы были вмѣстѣ, стали бы жить, помнишь, какъ говорили?

— Ты дитя, Поль!

— Отчего дитя? Развѣ ты не хочешь больше честно жить!

— Хочу, хочу, миленькій, любимый! — заговорила она, покрывая поцѣлуями и лаская меня, и я чувствовалъ, какъ горѣли ея губы, какъ пылало ея обворожительное лицо, все покрытое яркимъ румянцемъ и сіявшее любовью. Отчего это оно стало теперь такъ часто разгораться, и почему она такъ горячо ласкаетъ меня и для чего хочетъ остаться въ Москвѣ?

— Что это такъ долго не идетъ Семенъ Иванычъ?— спрашиваетъ она тревожно и глядитъ въ окно.

— Можетъ-быть, нездоровъ,—отвѣчаю я.

— Какъ, что ты? Развѣ онъ жаловался на нездоровье въ послѣдній разъ, когда приходилъ къ намъ? — съ испугомъ допрашиваетъ она, блѣднѣя.

— Нѣтъ.

— Такъ зачѣмъ же ты меня пугаешь, злой мальчишка!— строгтиво произноситъ она и нахмуриваетъ свои темныя брови.

Я опять не понимаю, почему я ее испугалъ болѣзнью Семена Иваныча.

Вообще, въ это время мнѣ приходилось часто не понимать многаго, становиться втупикъ передъ совершавшимся вокругъ меня. Это была самая безплодная и скучная пора въ моей жизни. Я игралъ роль безсмысленной и безчувственной улитки, и потому, какъ могъ замѣтить читатель, я рѣшился выдвинуть здѣсь на первый планъ личность моей сестры и самоотверженно поставить свою особу на задній планъ, въ тѣнь. Въ человѣческой жизни нерѣдко бываютъ такіе періоды полнѣйшей нравственной бездѣятельности и опустѣнія; неизбѣжные, они опаснѣе всего въ жизни ребенка. Онъ долженъ быть постоянно заинтересованъ жизнью, поддаваться ея новымъ впечатлѣніямъ, любить ее хотя за разнообразіе событій, если онъ не можетъ любить ее за отрадныя ласки окружающихъ его людей и за веселье дѣтскихъ игръ и забавъ; иначе ребенокъ тупѣетъ, дѣлается маленькимъ старикашкой-мечтателемъ и живетъ воспоминаніями о прошломъ, а это ядъ для его дѣтскаго ума. Прошлое—утрата, а утраты не должны существовать для ребенка, для него нужны одни пріобрѣтенія, новости. Въ эту безотрадную пору и я жилъ воспоминаніями о семьѣ Люлюшиныхъ, и эта гадкая семья, съ ея чисто-животными стремленіями и безсмысленной скаредностью, казалась мнѣ во сто кратъ лучше и привлекательнѣе нашего образованнаго семейнаго быта съ его блескомъ и чиннымъ

порядкомъ. Я и тутъ чуялъ взаимную вражду всѣхъ членовъ между собою, и она тѣмъ тяжелѣе дѣйствовала на меня, чѣмъ больше старались ее прикрыть оболочкою приличій, чѣмъ меньше понималъ я ея источникъ. Люлюшина, бывало, разругаетъ и даже прибьетъ своего Кольку, но и Колька отведетъ душу, нагрубитъ матери, и оба, высказавшись вполнѣ, безъ затаенной злобы смотрятъ другъ на друга; они понимаютъ, что при первой возможности они освободятся одинъ отъ другого и, можетъ-быть, сдѣлаются послѣ полезными другъ для друга. Это не хорошія, но зато прямыя, простыя отношенія; тутъ людямъ просто тѣсно жить вмѣстѣ по несходству характеровъ и для ихъ ссоръ есть причина. А здѣсь каждый таитъ въ себѣ свои непріязненныя чувства, какъ какой-нибудь драгоцѣнный кладъ, старается незамѣтно уколоть другого, надѣвая маску привѣтливости, и спѣшитъ вырваться изъ дому. Отецъ стремился отвести душу у Марьи Васильевны и зналъ, что это пріятно мачихѣ, ибо даетъ ей возможность побесѣдовать наединѣ съ Александромъ Иванычемъ. Сестра уходила къ себѣ въ комнату, чтобы не ссориться съ отцомъ и мачихою; ее обвиняли за это, говоря, что она дуется, и между тѣмъ тайно радовались ея отсутствію и тому, что она не торчитъ передъ глазами, не мѣшаетъ старшимъ, не связываетъ ихъ. Все это было тѣмъ болѣе гадко, что не было никакой необходимости мачихѣ вѣнчаться съ отцомъ и послѣднему брать насъ въ свой домъ. Здѣсь люди, какъ будто нарочно, притянули другъ друга за волоса, чтобы мучиться самимъ и мучить другихъ. Половину всего этого понималъ и я, мнѣ было гадко. Даже прислуга, которую я когда-то такъ горячо любилъ за сказки Арины и за нѣжныя ласки Митрича, сдѣлалась мнѣ противною и показала другую сторону своего характера. Я уже у Люлюшиныхъ оскорбился, когда Андрюшка такъ холодно встрѣтился со мною и не отвѣтилъ на мой ласковый привѣтъ; теперь онъ сталъ мнѣ отвратителенъ. Во время отсутствія отца онъ таскался по разнымъ мѣстамъ и, освободясь отъ всякаго надзора, лишась послѣдняго чувства боязни передъ наказаніемъ, бросилъ грызеніе орѣшковъ и началъ попивать. Раза два, когда отецъ и мачиха бывали въ гостяхъ, я пробовалъ заговаривать съ нимъ. Съ разными шуточками и прибауточками онъ вздумалъ поучать меня различнымъ мерзостямъ, разсказывалъ мнѣ до мельчайшихъ подробностей любовныя похожденія. Его развращенное въ конецъ воображеніе требовало саль-

пыхъ картинъ, и онъ, любуясь своимъ искусствомъ, съ артистической любовью рисовалъ ихъ передъ ребенкомъ. Отъ этого его не удерживала даже боязнь передъ отцомъ, которому я могъ передать содержаніе его разсказовъ; но и то сказать: онъ зналъ, что отецъ не говоритъ со мною. Мнѣ шелъ одиннадцатый годъ, и очень легко могло быть, что я заинтересовался бы этими картинами, если бы, къ счастію, я не чувствовалъ полнѣйшаго отвращенія къ пьянымъ людямъ, доходившаго до крайности и оставшагося во мнѣ и донынѣ; а отъ Андрюшки почти всегда по вечерамъ несло кабакомъ.

— Ты, кажется, пьянъ,—замѣчалъ я ему.

— Нѣтъ-съ, пьяные не такіе бываютъ, а я только хмеленъ въ-полсвиста.

— Ты лучше выспался бы, покуда папа не пріѣхалъ, опять ругать будетъ.

— Да одному скучно спать-съ.

Я отвернулся и отъ этой личности. Другая же прислуга, новая, незнакомая, смотрѣла на меня какъ на барченка, и, по очень понятной причинѣ, избѣгала разговоровъ со мною, подозрѣвая, что я хочу что-нибудь выпытать у нея, подсмотрѣть. Медленно шли дни за днями, скучны были для меня даже уроки Семена Иваныча, и не боялся я, подобно сестрѣ, что онъ заболѣетъ и не придетъ на урокъ, а онъ и въ самомъ дѣлѣ захворалъ. Прошелъ день, другой, недѣля прошла, а учителя все нѣтъ. Отецъ получилъ отъ него письмо, извѣщавшее о болѣзни Похвистнева. Сестра сдѣлалась чрезвычайно грустна и тревожна, на слѣдующій день ея глаза были красны: должно-быть, она плакала ночью.

— Ты попросился бы у отца сходить къ Семену Иванычу,—ласково сказала она мнѣ.—Больныхъ надо навѣщать.

Я рѣшился исполнить ея желаніе и объяснилъ свою просьбу отцу.

— Глупости! — отвѣтилъ онъ. — Выздоровѣетъ, такъ и самъ придетъ. И откуда взялась у тебя такая любовь къ нему?

— Больныхъ надо навѣщать, — отвѣтилъ я, какъ попугай, словами сестры.

— Не хочешь ли ты, чтобы я тебя отдалъ сидѣлкою въ больницу? Дуракъ!

На это нечего было возражать; отецъ никогда не перемѣнялъ своихъ рѣшеній, и я былъ слишкомъ запуганнымъ существомъ, чтобы настаивать на своемъ. Прошла еще не-

дѣля; сестра ходила какъ тѣнь и о чемъ-то глубоко раздумывала. Ея лицо привело въ смущеніе даже мачиху, и она освѣдомилась о здоровьи падчерицы, но, получивъ утѣшительный отвѣтъ: «я здорова»,—успокоилась. Въ одинъ изъ послѣднихъ дней апрѣля я и Леля сидѣли въ классной комнатѣ; она, облокотясь на столъ, читала книгу, я помѣстился у ея ногъ на скамейкѣ и, прилегши головой на ея колѣни, слѣдилъ за ея глазами; они не двигались, какъ это бываетъ у читающаго человѣка, но были устремлены на одну точку; мало-по-малу, на рѣсницы набѣжала одна слеза, потомъ другая, и потекли по щекамъ. Леля не двигалась.

— Леля, ты плачешь? о чемъ?—спросилъ я, не поднимая головы.

Мнѣ, пригрѣтому лучами полуденнаго солнца, было такъ сладко покоиться на ея колѣняхъ.

— Скучно мнѣ, милый мой, очень скучно.

— И мнѣ, Леля, тоже часто бываетъ скучно. Неужели на свѣтѣ всѣмъ такъ скучно жить?

— Нѣтъ, голубчикъ, это только намъ съ тобою какъ-то не живется. Милый ты мой...

И она тихо-тихо прижалась губами къ моей головѣ, взявъ ее обѣими руками; на мое лицо одна за другою капали слезы...

— Здравствуйте, Елена Константиновна! — произнесъ кто-то.

— Ахъ!..—вырвалось восклицаніе изъ груди сестры, и въ немъ послышались и радость, и смущеніе, и любовь, и казалось, что она готова броситься въ объятія человѣка, привѣтствовавшаго ее.

Это былъ Семенъ Иванычъ, сильно похудѣвшій во время болѣзни.

— И вы были больны?—спросилъ онъ.

— Нѣтъ!—застѣнчиво отвѣтила она, закраснѣлась и потупила глаза.

— Но вы похудѣли...

Они оба остановились на срединѣ комнаты и замолчали въ непонятномъ смущеніи.

Можетъ-быть, въ этомъ молчаніи было гораздо болѣе значенія, чѣмъ въ тысячахъ объясненій...

— Я сейчасъ принесу тетради, Семенъ Иванычъ,—сказалъ я, и выбѣжалъ изъ комнаты.

Они остались одни. Когда я возвратился съ тетрадями и книгами, то учитель стоялъ близко противъ сестры и дер-

жалъ ея руку. Ея лицо горѣло. Урокъ какъ-то не шелъ на этотъ разъ, учитель не слыхалъ моихъ вопросовъ и отвѣчалъ невпопадъ, повѣряя мои ариѳметическія задачи, онъ чрезвычайно затруднялся сложить пять и шесть, и, наконецъ, додумался, что изъ этого выйдетъ четырнадцать. Я его поправилъ, онъ сдѣлалъ новую ошибку, покраснѣлъ и объявилъ, что мои задачи вѣрны, хотя я и самъ уже отыскалъ въ нихъ ошибку. Сестра ничего не дѣлала и читала въ продолженіе часа одну и ту же страницу въ моей географіи, которая, должно-быть, ее очень заинтересовала, но, заглянувъ мелькомъ въ книгу, я увидѣлъ, что сестра ее держитъ верхомъ книзу.

Съ этого дня, безъ вѣдома старшихъ, кончились ученыя занятія сестры съ учителемъ. Они во время уроковъ просто экзаменовали другъ друга, высказывали свои убѣжденія и взгляды, спорили, соглашались и вырабатывали новыя идеи. Мнѣ въ это время задавались грамматическіе разборы, ариѳметическія задачи и другія письменныя работы, чтобы я не могъ мѣшать бесѣдамъ своими вопросами. Учитель разсказалъ откровенно всю свою жизнь, то веселую и даже разгульную, то грустную до слезъ, но по большей части трудовую, бодрую и честную.

— Неужели у васъ нѣтъ никого родныхъ? — спросила сестра, прослушавъ разсказъ.

— Нѣтъ, Елена Константиновна, никого нѣтъ. Былъ у меня братишка, славный мальчуганъ, няньчился я съ нимъ, славно было слѣдить за его развитіемъ, слушать его лепетъ, да и тотъ такъ умеръ.

— Такая жизнь, я думаю, очень тяжела?

— Да, не легка. Скучно. Года два тому назадъ было еще сносно, литературой я занимался, статьи писалъ, а теперь и руки не поднимаются писать для себя. Жениться мнѣ надо, зажить гдѣ-нибудь въ губернскомъ городѣ тихо, спокойно у домашняго очага....

— И ничего не дѣлать?

— Нѣтъ-съ, на бездѣлье я неспособенъ, призванья къ этому нѣтъ. Я учительскаго мѣста ищу гдѣ-нибудь въ гимназіи.

— А! это не дурно.

Такихъ разговоровъ было много въ теченіе двухъ-трехъ недѣль. Наканунѣ двадцатаго мая, дня рожденія сестры, учитель сказалъ:

— Завтра вамъ минетъ восемнадцать лѣтъ, вы будете совершеннолѣтнею.

— Да, это начало новой жизни,—отвѣтила она.

— Думаете ли вы найти средства устроить ее по-своему?

— Конечно. Насильно съ человѣкомъ ничего нельзя сдѣлать.

— Если у него есть энергія сопротивляться; но бываютъ случаи, когда его долгими испытаніями доводятъ до невозможности сопротивленія.

— Это трудно. Если человѣкъ, дѣйствительно, чего-нибудь хочетъ, по твердому убѣжденію, то его ничто не принудитъ идти на другой путь. Я не уважаю тѣхъ людей, которые берегутъ свое здоровье и изъ боязни соглашаются на подлость.

— Вы знаете, что это и мое мнѣніе; но опять повторяю вамъ: на это нужно имѣть силы и энергію, безъ нихъ лучше не приниматься за дѣло. Первая неудавшаяся попытка разрушаетъ всѣ остальныя надежды. Не испробовавъ себя на дѣлѣ, человѣкъ еще вѣритъ въ свои силы; потерпѣвъ неудачу, онъ останавливается и махаетъ руками на все.

— За себя я не боюсь: у меня отцовская твердость.

— Да, съ этой твердостью и онъ могъ бы сдѣлать много хорошаго.

— Могъ бы!—повторила сестра, задумчиво качая головой.—Вы не можете себѣ представить, какъ мнѣ его жаль!—почти безсознательно добавила она.

Однажды, въ концѣ мая, учитель явился къ намъ съ необыкновенно радостнымъ и оживленнымъ лицомъ.

— Елена Константиновна,—сказалъ онъ веселымъ тономъ:—я получилъ мѣсто въ гимназіи и черезъ мѣсяцъ или черезъ полтора долженъ ѣхать.

— Значитъ, планъ удался.

— Какъ нельзя лучше. А вы все обдумали?

— Все.

— Хорошо. Хотите теперь начать послѣдній урокъ? Больше я не буду давать вамъ уроковъ, у меня теперь хлопотъ будетъ много.

При словахъ: «послѣдній урокъ», учитель засмѣялся.

— Пожалуй, но какъ это смѣшно: послѣдній урокъ!—сестра засмѣялась звонкимъ, серебристымъ смѣхомъ, какъ она никогда не смѣялась прежде.

Я ровно ничего не видалъ смѣшного въ томъ, что учитель разстается съ нами, даетъ намъ послѣдній урокъ, и

удивлялся ихъ смѣху. «Вѣрно они не любятъ другъ друга, что радуются этому», думалось мнѣ.

Вѣрно очень не любятъ!

XII.

Развязка, которою никакъ не можетъ кончиться романъ.

Вечеромъ того же дня, когда учитель давалъ намъ послѣдній урокъ, сестра отправилась въ кабинетъ отца. Она была серьезна и отчасти сурова.

— Мнѣ нужно съ тобою поговорить, папа,—сказала она.

— Что тебѣ?—спросилъ онъ съ удивленіемъ, потому что никто не имѣлъ права входить къ нему въ комнату безъ особаго приглашенія.

Родственныхъ отношеній въ нашей семьѣ не было, а существовали какія-то китайскія церемоніи, называемыя общественными приличіями; ихъ было тоже, я думаю, до семидесяти тысячъ.

— Я иду замужъ,—проговорила сестра.

— Что?—переспросилъ отецъ.

Она повторила свои слова.

— Поди, Леля, къ себѣ; я пошлю за докторомъ, ты нездорова,—промолвилъ онъ съ неподдѣльнымъ испугомъ,—такъ поразили его эти слова,—и протянулъ руку къ колокольчику.

— Не безпокой людей; я совершенно здорова, и потому пришла объясниться съ тобой.

— За кого же вы идете замужъ, сударыня? Не за бывшаго ли своего учителя?—съ злобной ироніей спросилъ отецъ, начинавшій, мало-по-малу, понимать, что это не бредъ, не сонъ, а дѣйствительность.

— Да, за него.

— Вонъ!—крикнулъ отецъ.—Тебя сейчасъ же запрутъ въ твоей комнатѣ, сгніешь тамъ! Слышишь ты.

Онъ весь трясся, какъ въ лихорадкѣ.

— Ты напрасно кричишь и сердишься. Уморить меня въ моей комнатѣ ты не смѣешь, этого тебѣ не позволятъ, да ты и самъ не сдѣлаешь этого. Если же ты мнѣ просто не позволишь выйти за него, то я убѣгу съ нимъ.

— Посмотримъ, кто станетъ васъ вѣнчать! Никто не станетъ!

— И не надо,—твердо произнесла сестра и нахмурила брови.

— Что?! И тебѣ едва минуло восемнадцать лѣтъ? — съ ужасомъ воскликнулъ отецъ.—Развратница!

— Не смѣй называть меня этимъ именемъ! — вспылила сестра.—Развратъ—имѣть при живой женѣ любовницу, развратъ—имѣть при живомъ мужѣ любовника. Вотъ развратъ! Вѣдь я все знала, когда мнѣ было четырнадцать лѣтъ, когда я слышала сплетни тетки, видѣла слезы матери, когда я читала ея дневникъ!

Сестра зарыдала глухо, безъ всхлипываній, безъ истерическихъ кривляній, но у нея разрывалась грудь.

— Безсовѣстная!

— Что?—спросила она.—Я бѣгу именно оттого, что мнѣ скверно, стыдно здѣсь жить. Зачѣмъ ты женился? Вѣдь ты не любишь ее, вѣдь и она не любитъ тебя, не любила никогда. Зачѣмъ ты давишь меня и брата безпощадно? Вѣдь ты не золъ? это и мама говорила, и я знаю. Вѣдь я тебя всегда такъ любила! Но ты не умѣешь жить, не умѣешь любить...

— Молчи! Я тебя убью, змѣенышъ!

— Ну, что же, по крайней мѣрѣ, разомъ покончишь дѣло.

Сестра съ какимъ-то отчаяніемъ пошла къ дверямъ.

Отецъ быстро вскочилъ и подбѣжалъ къ ней, схватилъ ея руку и стиснулъ ее въ своей рукѣ. Сестрѣ показалось, что онъ хочетъ изломать ея руку, по ея тѣлу отъ ужаса пробѣжала дрожь.

— Ты и маму такъ убилъ?—спросила она задыхающимся голосомъ.

— Дѣвочка! дѣвочка!—вырвались изъ груди отца мучительные крики, и онъ оттолкнулъ отъ себя сестру.—Ступай!—глухо произнесъ онъ и бросился на диванъ.

Всю ночь напролетъ сестра и отецъ провели безъ сна въ своихъ комнатахъ. Что передумалъ каждый изъ нихъ, это можетъ представить себѣ читатель. На другой день сестра явилась къ чаю блѣднѣе своего носового платка, отецъ не вышелъ совсѣмъ и пилъ чай въ кабинетѣ. Прошелъ еще день и еще одинъ, а отецъ, все-таки, не показывался въ общихъ комнатахъ. Онъ пилъ и ѣлъ у себя въ кабинетѣ, ѣздилъ въ должность и возвращался домой, не показываясь никому, кромѣ прислуги. Послѣдняя дрожала отъ страха, на ней вымещалось все, и чай былъ не хорошъ, и обѣдъ не вкусенъ, и Андрюшка неловокъ, и за все это въ людей летѣли салфетки, тарелки и чашки, хотя онѣ-то ужъ рѣшительно ни въ чемъ не были виноваты. Мачиха

ничего не понимала и, кажется, подозрѣвала, что отецъ опять промотался и боится нашествія кредиторовъ; она уже трепетала не за свою будущность, ибо имѣла свое состояніе, но за скандалъ, за толки, и тоже ходила пасмурнѣе осенней ночи.

Черезъ недѣлю отецъ, какъ будто случайно, прошелъ черезъ комнату, гдѣ сидѣла сестра.

— Надумалась ты?—спросилъ онъ мимоходомъ.

— Мнѣ нечего думать, я на все рѣшилась и жду твоего согласія.

Онъ быстро прошелъ въ свой кабинетъ и хлопнулъ дверью. Прошла еще недѣля, опять мучительная, какъ и предшествовавшая ей. Объ учителѣ не было и помину, онъ не являлся и не писалъ къ сестрѣ. Ей, какъ многимъ русскимъ женщинамъ, пришлось подставить за него свою грудь и выдержать всю грозу... Наконецъ, отецъ вышелъ въ общую комнату и сѣлъ къ чайному столу.

— Елена выходитъ замужъ,—сказалъ онъ сквозь зубы, ни на кого не глядя.

— За кого это?—удивилась мачиха.

— За своего бывшаго учителя,—отвѣтилъ отецъ.

— Ха-ха-ха! ты шутишь?—спросила мачиха.

— Такими вещами, сударыня, не шутятъ.

— Ха-ха-ха! нѣтъ, милый, ты нездоровъ.

— Точно, нездоровъ, очень нездоровъ! а она, все-таки, выходитъ за учителя, и надо торопиться дѣлать приданое. Когда свадьба?—спросилъ онъ у сестры, не поворачивая головы.

— Что это, Елена Константиновна, вы, кажется, сами завербовали себѣ жениха?

Сестра не отвѣчала.

— И это все не шутки?—еще разъ повторила мачиха.

— Я тебѣ сказалъ же,—грубымъ, мужицкимъ тономъ произнесъ отецъ:—что такими вещами не шутятъ и тутъ поздно шутить!

— Развѣ уже такъ далеко зашло?—съ испугомъ и брезгливостью воскликнула мачиха, и въ ея головѣ, повидимому, промелькнуло какое-то гнусное подозрѣніе.

Сестра вопросительно и пристально взглянула на отца.

— Тьфу!—плюнулъ онъ и, бросивъ на жену полный отвращенія взглядъ, ушелъ къ себѣ въ кабинетъ.

Можетъ-быть, въ эту минуту онъ наполовину примирился съ сестрой и понялъ, что она лучше другихъ.

Тотчасъ же послѣ этого разговора, женщина безъ всякаго характера послала французское письмо слѣдующаго содержанія:

«Добрый другъ Александръ Ивановичъ!

«Насъ постигло страшное несчастіе: дочь моего мужа выходитъ замужъ за своего бывшаго учителя, Семена Иваныча Похвистнева. Пріѣзжайте ко мнѣ сегодня вечеромъ и, какъ другъ нашего дома, раздѣлите со мною наше общее горе.

Остаюсь...» и т. д.

Не успѣлъ нашъ лакей сойти съ лѣстницы отъ Александра Иваныча, какъ тотъ обогналъ его и, сѣвъ на первыя попавшіяся дрожки, погоняя возницу, помчался къ одному изъ своихъ знакомыхъ семействъ, которое имѣло пріятное обыкновеніе завтракать въ двѣнадцатомъ часу.

— Новость, ужасная новость!—кричалъ Александръ Иванычъ, вбѣгая къ своимъ знакомымъ и торопливо пожимая имъ руки.

— Ну, вѣрно не ужаснѣе нашествія французовъ на Москву,—скептически промолвилъ басомъ толстый хозяинъ, отставной полковникъ.

— Вѣрно Ламартинъ умеръ!—вздохнула хозяйка и грустно покачала головой, оплакивая въ душѣ покойнаго Ламартина.

— Я думаю, просто курица въ Москвѣ-рѣкѣ утонула,—замѣтилъ хозяйскій сынъ, съ пренебреженіемъ пожимая плечами.

— Хуже, хуже!—кричалъ Александръ Иванычъ.—Константинъ Павлычъ... нѣтъ—дочь Константина Павлыча женится на своемъ студентѣ!

— Ну, братъ, недаромъ барыни зовутъ тебя особымъ приключеніемъ,—захохоталъ жирный хозяинъ, и его брюхо затряслось, какъ мѣшокъ, привязанный къ возу.

— Ахъ, Жанъ, такое ли теперь время, чтобы шутить!—попрекнула его жена.

— За какого студента идетъ?

— Да это сплетня! не можетъ быть!—заговорили разные голоса.

— Право, право, не лгу. За Николая Семеныча Свистунова, за своего бывшаго учителя идетъ.

— Помилуйте, да ее училъ Семенъ Иванычъ Похвистневъ,—замѣтилъ хозяйскій сынъ, бывшій другомъ нашего учителя.

— Да нѣтъ же, я сейчасъ получилъ письмо; тамъ не эта фамилія,—заспорилъ Александръ Иванычъ.

— Ахъ, это все равно! Студентъ—однимъ словомъ!—ужасалась хозяйка.

— Какой онъ студентъ? онъ уже магистръ, профессоромъ скоро будетъ,—заступился сынъ.

— Такъ былъ студентомъ, это рѣшительно все равно,—рѣшилъ Александръ Иванычъ.—Константинъ Павлычъ, кажется, хочетъ застрѣлиться.

— Несчастный отецъ! Ты съѣзди къ нему, Жанъ, уговори, утѣшь его,—волновалась хозяйка, обращаясь къ своему тучному мужу.

— Съѣзжу, матушка, съѣзжу послѣ, не бѣжать же мнѣ, сломя голову, теперь; а ты вели подать завтракъ, я думаю, особое-то приключеніе не успѣло порядкомъ и перекусить. Ха-ха-ха!—затряслось снова полковничье брюхо.

Позавтракавъ вплотную, Александръ Иванычъ полетѣлъ къ другимъ знакомымъ; что̀ было говорено у нихъ—для меня это покрыто мракомъ неизвѣстности, но, вѣроятно, къ новости прибавились еще другія украшенія, ибо здѣсь надо было заплатить ему не за завтракъ, а за цѣлый московскій обѣдъ.

У насъ же начались приготовленія къ свадьбѣ, разъѣзды по магазинамъ, покупка вещей, заказыванья платья и бѣлья, шептанье слугъ, пріѣзды знакомыхъ, оханья, аханья. На сестру всѣ глядѣли не то съ удивленіемъ, не то съ состраданіемъ. Барыня—печеное яблоко, сочла непремѣнною обязанностью сдѣлать намекъ мачихѣ, что этотъ неровный бракъ, вѣроятно, есть исполненіе ея желанія. Улучивъ всѣми неправдами свободную минуту, «печеное яблоко» обратилось къ сестрѣ:

— Мнѣ васъ душевно жаль, Елена Константиновна. Я вполнѣ понимаю ваше положеніе, оно ужасно...

— Вы насчетъ чего говорите?—спросила сестра.

— Будемъ говорить откровенно: этотъ бракъ вызванъ вашею мачихою...

— О, нѣтъ!

— Вы добры, вы хотите ее защитить, это дѣлаетъ вамъ честь. Но послушайтесь моего стараго совѣта: будьте тверды и не губите себя. Вамъ сто̀итъ сказать подъ вѣнцомъ: «не согласна!»—и все будетъ кончено въ вашу пользу.

— Я васъ увѣряю...

— Хорошо, хорошо,—ласково замотало головой «пече-

ное яблоко», удаляясь отъ сестры.—Помните мой совѣтъ, и все будетъ прекрасно.

— Но вы ошибаетесь, я васъ увѣряю,—говорила сестра вслѣдъ «печеному яблоку», а «печеное яблоко» улыбалось и лукаво, и ласково мотало головой.

Такъ и не открылась истина.

Отца взбѣсили всѣ эти посѣщенія, разговоры, удивленія. Онъ надѣлалъ дерзостей толстому Жану, присланному отговаривать отца отъ самоубійства. Тучный кулекъ своей жены пріѣхалъ домой не въ духѣ.

— Вѣдь я говорилъ, что дѣло не важнѣе нашествія французовъ на Москву,—говорилъ онъ дома:—такъ не повѣрили, а вышло по-моему. Шуповъ-то и не думаетъ себя разстрѣливать, а, пожалуй, кого-нибудь другого готовъ подстрѣлить, какъ послѣднюю куропатку. Сорванецъ-голова!

Наканунѣ свадьбы сестра прошла въ кабинетъ отца.

— Благослови меня, папа. Завтра благословеніе будетъ простымъ обрядомъ, а мнѣ тяжело, если мы останемся врагами, если ты будешь ненавидѣть меня,—ласково заговорила она, и ея сердце боязливѣе сжималось теперь, чѣмъ въ день рокового объясненія.

Тогда она могла поставить на своемъ своею твердостью, теперь примиреніе зависѣло вполнѣ отъ отца.

— Ты меня состарила на десять лѣтъ своимъ поступкомъ. Я посѣдѣлъ. Видишь? Этимъ ты съ избыткомъ заплатила мнѣ за нѣсколько обидныхъ словъ, сказанныхъ въ порывѣ гнѣва. Ты мнѣ показала, что ты презираешь меня, ты попрекнула меня, что я убилъ твою мать!

— Сказаннаго, отецъ, не воротишь. Мы оба были раздражены и наговорили другъ другу того, что̀ не легко высказывается въ обыкновенное время. Я тебя не презираю и не обвиняю въ убійствѣ матери. Сохрани меня Богъ отъ этого! Но я презираю то общество, гдѣ ты живешь, и знаю, что оно убило мою мать. Я ищу исхода изъ него, я не хочу гибнуть.

— Исхода, исхода! Но гдѣ же, дитя, найти его?

— Тамъ, гдѣ люди живутъ просто, гдѣ они работаютъ. Вѣдь у насъ мишура, поддѣльный аристократизмъ, чванство безъ всякихъ правъ на него и полнѣйшая праздность. Я сойду съ этихъ балаганныхъ подмостковъ для того, чтобы работать и имѣть право жить.

— И ты увѣрена, что будешь счастлива?

— Вполнѣ.

— Хорошо! Но, во всякомъ случаѣ, ты не будешь имѣть права сказать, что я погубилъ и тебя.

— Нѣтъ, нѣтъ, никогда!

Сестра обняла отца и снова, какъ нѣсколько лѣтъ тому назадъ, она услышала отъ него знакомыя слова:

— Все скверно—и люди, и обстоятельства, и жизнь. Живи иначе, но врядъ ли есть хорошая жизнь.

Онъ поцѣловалъ сестру въ лобъ и осѣнилъ крестомъ. Она взглянула на него и увидѣла на этомъ лицѣ слѣды чувства проснувшейся на мигъ любви. На минуту оно показалось ей однимъ изъ лучшихъ лицъ, какія ей встрѣчались въ жизни, и невольно подумалось: оно могло бы быть такимъ всегда!—Могло бы!..

Сестру обвѣнчали. Свадьба была скромная, безъ бала. Отецъ принялъ на себя роль добраго отца и говорилъ всѣмъ, что этотъ бракъ есть исполненіе его воли, не давалъ повода думать, что въ семействѣ случилась катастрофа, но всѣ и не думали этого, а просто-напросто были увѣрены въ существованіи грустнаго факта. Съ учителемъ отецъ обошелся холодно и сухо и, прощаясь съ нимъ вечеромъ, спросилъ его:

— Когда вы уѣзжаете изъ Москвы?

— Черезъ четыре дня.

— И прекрасно!

Черезъ четыре дня молодые собрались въ дорогу. Они были веселы и счастливы, ни тѣни неудовольствія или злобы не промелькнуло на ихъ лицахъ, когда они прощались съ отцомъ и мачихою. Сестра горячо поцѣловала меня на прощаньи; я расплакался.

— Значитъ, мы никогда не увидимся, Леля!

— Какъ не увидимся! Увидимся, миленькій!—утѣшала она меня, еще не зная, какъ и при какихъ обстоятельствахъ придется намъ свидѣться въ будущемъ.—Учись хорошо, будь умнымъ и честнымъ. Не расходись со своимъ Колькой, онъ хорошій мальчикъ.

Она еще и еще разъ поцѣловала меня, а я, молчаливо рыдая, стоялъ съ поникшей головой и ничего не видѣлъ и ничего не слышалъ. Кто-то еще поцѣловалъ меня, уже не такъ горячо, какъ сестра... Что-то говорили, утѣшали меня... На улицѣ загремѣли колеса отъѣзжающаго экипажа... Я бросился на свою постель и долго-долго рыдалъ, одинъ, забытый всѣми, никому не нужный, никѣмъ не любимый. «Господи! зачѣмъ живутъ никому не нужныя дѣти!» воскли-

цалъ я нѣсколько разъ, судорожно кусая уголъ подушки и истерически вздрагивая всѣмъ тѣломъ.

XIII.

Заключеніе первой части.

Отецъ и мачиха рѣшились оставить меня безъ учителя до моего поступленія въ корпусъ, до котораго оставалось два мѣсяца. Я зналъ больше, чѣмъ требовалось знать для вступительнаго экзамена, и опасаться за меня было нечего. Повидимому, не было ничего худого въ томъ, что ребенку даютъ время для отдыха. Но вотъ вопросъ: отдохнетъ ли ребенокъ, если онъ будетъ совершенно одинокъ, если его давитъ грусть, если онъ не знаетъ, не можетъ выдумать, чѣмъ бы заняться? Не будетъ ли ему этотъ отдыхъ страшнѣе наказанія? Вѣдь взрослыхъ преступниковъ наказываютъ тѣмъ, что оставляютъ ихъ однихъ, не назначаютъ имъ никакой опредѣленной работы и молча поятъ и кормятъ ихъ. То же сдѣлали и со мной, но я не былъ преступникомъ, я даже не былъ взрослымъ. Пробовалъ я читать книги, день читалъ, другой читалъ,—онѣ мнѣ опротивѣли, я удивлялся, какъ могъ я прежде находить въ нихъ что-нибудь интересное, и пришелъ къ заключенію, что глупѣе и скучнѣе книгъ нѣтъ ничего на свѣтѣ. Будь я мѣщанскимъ ребенкомъ, я сталъ бы что-нибудь клеить, мастерить какія-нибудь игрушки, но наша жизнь не могла научить меня этому. Пробовалъ я лежать по цѣлымъ утрамъ на окнѣ и безсознательно глядѣть на улицу, на проходящихъ,—тоже наскучило. Пробовалъ спать вплоть отъ утренняго чая до завтрака и отъ завтрака до обѣда, но меня страшно разбранили за мою заспанную физіономію, и самъ я убѣдился въ неловкости этой выдумки, заплативъ за нее ночной безсонницей, окончившейся подъ утро горячечнымъ жаромъ и бредомъ. «Хоть бы захворать, что ли!» подумалось мнѣ, такъ вѣдь нѣтъ, не захворалъ! Отецъ велѣлъ мнѣ прогуливаться въ сопровожденіи Андрюшки. Начались прогулки. Сначала онъ ходилъ со мною рядомъ и вздумалъ забавлять меня своими циническими разсказами: къ нимъ подавала ему поводъ первая встрѣтившаяся на улицѣ женщина, первая картинка, выставленная на окнѣ магазина и попавшаяся намъ на глаза. Меня разозлило нахальство лакея, и я приказалъ ему ходить сзади меня и молчать; онъ—оскорбился и надулся. Съ этого дня я ходилъ на три шага впереди Андрюшки, а онъ, засунувъ руки въ кар-

маны своихъ штановъ, заломивъ на бокъ фуражку и насвистывая какую-нибудь пѣсню, небрежно тащился за мною своею перевалистою лакейской походкой. Каждый изъ насъ принималъ видъ, что онъ идетъ самъ-по-себѣ, и что оба мы господа. Андрюшка иногда останавливался у оконъ магазиновъ и глазѣлъ на вещи, дѣлая видъ, что ему нѣтъ рѣшительно никакого дѣла до того маленькаго господина, который идетъ впереди, а маленькій господинъ, въ отплату за такое невниманіе къ его особѣ, спѣшилъ нечаянно завернуть въ первую улицу и испугать большого господина, дѣлая видъ, что онъ вдругъ такъ-таки совсѣмъ пропалъ. Эти путешествія были до крайности комичны и, при воспоминаніи о нихъ теперь, мнѣ кажется, что мы оба были тогда похожи на полоумныхъ и, вѣроятно, не одинъ прохожій съ удивленіемъ поглядывалъ на насъ и, пожимая плечами, думалъ про себя: «Что за чудаки? Точно сумасшедшіе!» Можетъ-быть, въ этомъ предположеніи была своя доля страшной правды. Что̀ такое, какъ не сумасшедшій, этотъ важно прогуливающійся лакей, заложившій руки въ карманы штановъ, пропитанный запахомъ кабака, плохо заглушаемымъ даже запахомъ помады, разящимъ отъ его волосъ, погруженный по-уши въ грязный развратъ и сладко мечтающій о сальныхъ картинахъ этого разврата? И развѣ не сумасшедшій этотъ ребенокъ, еще не умѣющій любить, но уже ненавидящій родной свой домъ, думающій только объ одномъ, какъ бы вырваться изъ этого дома, хоть въ корпусъ, хоть въ омутъ, но только бы вырваться, увидѣть другихъ людей, чужихъ, непривѣтныхъ, грубыхъ, но не своихъ полированныхъ родныхъ и знакомыхъ? Это сумасшедшіе, сумасшедшіе, прохожій,—и не дай Богъ тебѣ довести хоть единаго изъ своихъ ближнихъ до подобнаго сумасшествія, для котораго еще не придумала больницъ и лѣкарствъ наша жизнь.

Часто въ эти дни вглядывался я, отъ нечего дѣлать, въ лицо отца, какъ будто желая въ его чертахъ прочесть свою судьбу и запомнить ихъ навсегда, чтобы знать по малѣйшимъ ихъ измѣненіямъ, чего онъ хочетъ и какъ надо говорить съ нимъ. И еще страшнѣе прежняго казалось мнѣ теперь выраженіе этого лица. Ребенокъ, не зналъ я еще тогда, что и отцу тяжела жизнь, тяжелая для всѣхъ, что и онъ не виноватъ,—и обвинялъ его одного за все. Да проститъ мнѣ Богъ это дѣтское заблужденіе! Горькіе опыты давно научили меня прощать людей и подходить даже къ

самымъ преступнымъ личностямъ съ чувствомъ сожалѣнія и кроткой любви: я самъ такъ часто ошибался, такъ низко падалъ!.. Отецъ въ послѣднее время страшно измѣнился, обрюзгъ, немного посѣдѣлъ, немного сгорбился и казался старше своихъ лѣтъ. Прежняя живая энергія, уже смѣнившаяся мрачностью при возвращеніи изъ-за границы, смѣнилась теперь выраженіемъ презрѣнія, равнодушія и холодности. Его нижняя губа какъ будто отвисла, глаза впали и тупо смотрѣли изъ-подъ нависшихъ бровей въ упоръ на встрѣчнаго. Отъ него вѣяло холоднымъ отвращеніемъ ко всему окружающему. Теперь онъ, казалось, не станетъ кричать на человѣка и бѣсноваться, но просто безъ пощады придавитъ его, если это будетъ нужно, по его мнѣнію. Такъ вѣрнѣе, такъ короче, крики безплодны—надо дѣйствовать. Однимъ словомъ, онъ вдругъ сдѣлался похожимъ на тѣхъ важныхъ стариковъ, которые заморозили въ себѣ всѣ нѣжныя чувства, ни отъ чего не волнуются, ничему не удивляются, твердо исполняютъ свои желанія и питаютъ презрѣніе ко всему, что̀ еще молодо, нестойко и страстно. Въ ихъ присутствіи становится холодно, дрожь пробѣгаетъ по тѣлу и замираетъ на губахъ первое горячее слово, голова клонится невольно подъ этимъ ледянымъ взглядомъ. Но вѣдь были же молоды и они? Неужели же они не увлекались, не кипѣли страстью?.. «Все врешь! ты такой же подлецъ, какъ и всѣ», слышалось въ односложныхъ возраженіяхъ отца своимъ собесѣдникамъ. «Какой отецъ страшный!»—думалось мнѣ.—Но почему же Григорій Ивановичъ смѣлъ оскорблять его сына? Почему сестра вышла замужъ противъ его воли? Почему Андрюшка, безъ его позволенія, пьетъ, крадетъ и разсказываетъ мнѣ гадкія вещи? Почему мачиха не боится его и дружна съ Александромъ Ивановичемъ? И какъ смѣютъ всѣ смѣяться надъ этимъ, даже прислуга?» Не могъ я доискаться отвѣтовъ на эти вопросы, вызванные самой жизнью, не могъ отвѣтить себѣ, почему отецъ такъ страшенъ и, все-таки, всѣ поступаютъ противъ его воли, и даже я, дитя, хочу освободиться отъ этой воли.

— Зачѣмъ ты чавкаешь, какъ собака? — говорилъ мнѣ отецъ холоднымъ тономъ во время обѣда.

Я переставалъ ѣсть и, потупившись, сидѣлъ за столомъ.

— Что ты волченкомъ смотришь? Кто тебя этому научилъ?—еще холоднѣе допрашивалъ онъ.—Музыку, что ли, для тебя нанять, чтобы тебѣ было весело?

— Мнѣ не скучно,—глухо и мрачно лгалъ я ему.

— Ха-ха-ха!—смѣялась мачиха.—Какимъ замогильнымъ голосомъ произнесъ онъ это: мнѣ не скучно! Точно его погребаютъ заживо. Ему бы тѣнь отца Гамлета на театрѣ играть.

— Въ корпусъ, что ли, не хочешь ѣхать?

— Нѣтъ, мнѣ очень хочется.

— То-то же. Смотри у меня!

И эта угроза выговаривалась безъ горячности, безъ кипучаго гнѣва, убійственно-равнодушно, а у меня на глаза навертывались слезы, и я употреблялъ нечеловѣческія усилія, чтобы онѣ не полились ручьемъ въ мою тарелку, проклиналъ свою бабью чувствительность, ругалъ себя въ душѣ, хотѣлъ быть грубымъ и черствымъ. Я старался ни о чемъ не думать, или думалъ о томъ, что вотъ на столѣ тарелки и графины стоятъ, что у Андрюшки галстукъ криво повязанъ, а у мачихи волосы взбиты—однимъ словомъ, я самъ развлекалъ себя, какъ развлекаютъ иногда тоскующихъ людей пустѣйшею болтовнею, чтобы они только не имѣли времени думать о своемъ не пустомъ горѣ.

Такъ глухо и однообразно шли дни рокового мѣсяца, и казалось, конца не будетъ каждому изъ нихъ, точно они состояли не изъ двадцати-четырехъ часовъ, а изъ цѣлаго года. «Еще недѣля,—говорилъ я себѣ, ложась спать:—это никогда не кончится!» «Еще пять дней»,—охалъ я черезъ день, и тревожной радостью забилось мое сердце, когда, ложась въ постель, я сказалъ себѣ: «завтра уѣду!..»

Настало утро мутное, сѣрое, а мнѣ оно казалось яснымъ и розовымъ. Быть-можетъ, никто и никогда не торопился такъ на первое свиданіе съ любимой женщиной, какъ торопился я къ отъѣзду изъ родительскаго дома...

— Скоро ты будешь готовъ?—спросилъ отецъ.

— Я давно собрался,—отвѣтилъ я, выходя къ нему съ фуражкою въ рукѣ.

— На тебя какая-то особенная расторопность напала сегодня; это немного странно, вѣдь ты не на балъ ѣдешь,—замѣтила мачиха обидчивымъ тономъ.

— Глупости!—сурово произнесъ отецъ.

— Однако, это обидно...

— Не мѣшайтесь, сударыня, не въ свое дѣло!.. Книги велѣлъ собрать Андрюшкѣ?

— Онѣ уложены еще вчера.

— Прощайся съ матерью.

Я подошелъ къ мачихѣ.

— Прощай!—проговорила она, подставляя мнѣ руку для цѣлованія.

И ни благословенія, ни слезъ, ни пожеланій не было на этомъ прощаніи. Мачиха проводила отца и меня до дверей комнаты и не вышла даже въ переднюю. Еще суше простился я съ прислугою, совершенно чужой для меня, не любившей меня такъ же, какъ не любилъ и я ее. И за что было намъ любить другъ друга? Она видѣла во мнѣ такого же крѣпостного человѣка моего отца, какимъ былъ каждый изъ ея членовъ, значитъ во мнѣ нечего было даже заискивать...

Я и отецъ сѣли въ экипажъ. Андрюшка вскарабкался на козлы къ ямщику, тотъ свистнулъ и стегнулъ по лошадямъ: «эй, вы, голубчики!» И понеслись мы сначала по мостовой московскихъ улицъ съ криками: «пади! берегись лупоглазый!» потомъ по московскому шоссе между полей, лѣсовъ и окрестныхъ деревень съ темными избами, съ темною жизнью. Мелькали села, люди, экипажи, станціи, какъ смутные призраки ночныхъ сновидѣній, не оставляющіе никакихъ впечатлѣній въ душѣ человѣка, мѣнялись лошади, то бойкія, то изморившіяся въ ѣздѣ, то съ норовомъ, — такъ годы нашей жизни то мчатъ насъ вихремъ среди живыхъ событій и сладкихъ встрѣчъ по пути развитія, то скучно и медленно волочатъ насъ по липкой грязи вседневныхъ нуждъ и мелкихъ оскорбленій, то заносятъ насъ въ ухабы и рытвины, сваливаютъ въ грязныя канавы, полныя тинистой воды, оставляя по себѣ воспоминаніе только тѣмъ, что ломитъ наши кости, грудь еле дышитъ, да на тѣлѣ виднѣются синяки отъ ушибовъ. Но какъ бы то ни было, а все же тащите насъ впередъ, годы-кони, авось куда-нибудь и доѣдемъ!

Вотъ и Петербургъ! Какъ-то сбоку и случайно сверкаетъ солнце, прорвавшись сквозь грязныя тучи. Это прообразъ моей будущей судьбы, полной случайныхъ радостныхъ встрѣчъ и случайнаго счастія, озарившихъ меня свѣтомъ въ непроглядномъ мракѣ пустоты, пошлости и горя. Опять мелькаютъ въ сторонѣ кресты Митрофаніевскаго кладбища, эти вѣстники вѣчныхъ страданій и смерти, проводившіе меня годъ тому назадъ при отъѣздѣ въ Москву. Опять творю крестное знаменіе, завидѣвъ ихъ, но творю тайно, чтобы отецъ не звалъ меня ханжой. Въ моемъ сердцѣ нѣтъ страха передъ будущимъ и въ головѣ шевелится одна мысль: «Мы будемъ жить въ одномъ городѣ съ Колькой».

— Стой, чучело!—кричитъ Андрюшка на ямщика.—Эй, любезный, вели кому-нибудь пособить мнѣ втащить чемоданъ!—кричитъ онъ швейцару гостиницы, просунувшись до половины въ двери параднаго крыльца, а мы уже взбираемся по лѣстницѣ, устланной ковромъ.

Прислуга по неизвѣстнымъ причинамъ суетится около насъ и, кажется, хочетъ пособить намъ втащить свои особы на лѣстницу или поддержать наши ноги, что ли, или сдѣлать что-нибудь такое, чтобы мы разомъ прониклись уваженіемъ и къ гостиницѣ, и къ ея хозяину, и къ ея служителямъ, и полюбили всѣхъ ихъ искреннею любовью, выражающеюся подаяньемъ на водку. Мы входимъ въ номеръ, и я узнаю его. Это та самая комната, гдѣ я два года тому назадъ плакалъ, сидя у окна, передъ поступленіемъ въ домъ Люлюшиныхъ. «О, если бы меня опять отдали къ нимъ!»—мысленно восклицалъ я.

А день тихо гаснетъ, отъ домовъ ложатся широкія тѣни на мостовую улицы и на противоположныя зданія, облака еще горятъ послѣдними лучами далеко заходящаго солнца, но еще нѣсколько минутъ—и они потухли, приняли цвѣтъ остывшей золы и на клочкѣ виднѣющагося между нихъ неба уже затеплилась, засверкала ясная первая звѣздочка, наконецъ, темнѣетъ и она... Все глуше и глуше становится смутный, какъ подземный стонъ, шумъ ѣзды, движенія и говора; еще гдѣ-то передъ лабазомъ ноетъ шарманка, какая-то баба подъ эти звуки и въ разладъ съ ними визгливо поетъ циническимъ голосомъ городскую лакейскую пѣсню,—и вдругъ мгновенно все умолкаетъ—и шарманка, не дотянувшая послѣдней нотки, и недопѣтая пѣсня... Должно-быть, лабазникъ далъ денегъ этимъ отвратительнѣйшимъ нищимъ изъ празднаго люда городской жизни и сталъ затворять свой лабазъ. Теперь они пойдутъ въ кабакъ...

— Ложись спать! — приказываетъ отецъ. — Завтра надо рано ѣхать въ корпусъ.

— Покойной ночи, папа, — робко выговариваю я, и почему-то вдругъ мое сердце сдавила тяжелая грусть, налегла на него, какъ камень.

— Прощай!

Тихо уснулъ я, дитя, и не чуялъ, что этимъ днемъ оканчивалось мое дѣтство, что черезъ нѣсколько дней я буду кадетомъ и начну новый періодъ своей жизни, который переживаютъ только дѣти, заброшенныя куда-нибудь въ учебное заведеніе, казенное или неказенное — это рѣши-

тельно все равно, и позабытыя всѣми родными и знакомыми. Это не юность, но и не дѣтство; это какой-то тревожный сонъ, гдѣ ребенокъ знакомится со всѣмъ, что̀ есть грязнаго въ жизни, и не знакомится только съ самою жизнью. Она посылаетъ туда свои призраки, доходитъ туда, какъ смутное эхо, но никогда не показываетъ своего настоящаго голоса. Туда идутъ люди не по глубокому убѣжденію, но потому, что однимъ нужно гдѣ-нибудь учиться, другимъ нужно гдѣ-нибудь служить, чтобы получать жалованье и не умереть съ голода. Тамъ есть и бурныя страсти, и самыя чистѣйшія добродѣтели, и самые гнусные пороки, потому что ничто необходимое не вызвало ихъ на свѣтъ, а они явились какъ-то такъ, сами собою, чтобы тревожить, очерствлять и губить характеры живущихъ тамъ людей. Эти люди могли бы разойтись безъ сожалѣнія, и расходятся они безъ горя, если однихъ изгоняютъ за негодностью, если другіе находятъ гдѣ-нибудь другое мѣсто, гдѣ можно жить, не боясь голодной смерти... Однимъ словомъ, это школа, училище, корпусъ—то-есть призракъ жизни.

Ему-то надѣюсь я посвятить слѣдующую часть моей автобіографіи.

Часть вторая.

I.

Я не выдерживаю экзамена.

— Послушай! Что ты остановился, оселъ? — крикнулъ отецъ кучеру, высовывая голову изъ окна извозчичьей кареты.

Мы подъѣзжали въ эту минуту къ корпусу и были отъ него въ нѣсколькихъ шагахъ, когда встрѣтилось неожиданное препятствіе.

— Да вонъ народъ! — лаконически отвѣтилъ возница, лѣниво полуоборотивъ голову къ моему отцу.

— Ну, крикни, чтобы раздался!

— Да нельзя, хоронятъ!

Кучеръ указалъ кнутовищемъ на приготовлявшуюся погребальную процессію передъ корпуснымъ зданіемъ.

Отецъ поглядѣлъ по указанію кучера и отворилъ дверцы.

— Добра не будетъ! — пробормоталъ онъ сквозь зубы, вѣроятно, поддаваясь силѣ шуповскихъ преданій, и сказалъ мнѣ:—вылѣзай!

Я поднялся съ мѣста и на мгновеніе остановился въ дверяхъ экипажа, чтобы съ этихъ импровизированныхъ подмостковъ взглянуть на пеструю картину, развернувшуюся передъ моими глазами. Передъ корпуснымъ зданіемъ была тьма-тьмущая народа, впереди котораго стояли въ строю солдаты, кадеты и музыканты, еще ближе ихъ къ дому стояли дроги, запряженныя четвернею лошадей въ траурныхъ попонахъ, и занимали свои мѣста факельщики въ поношенныхъ шляпахъ съ черными повязками и въ порыжѣвшихъ узенькихъ шинеляхъ, похожихъ на распашные

капоты съ пелеринками. Въ дверяхъ подъѣзда показались пѣвчіе, священникъ, офицеръ съ бархатною подушкою, на которой лежали два ордена, и, наконецъ, гробъ съ привинченными къ нему каской и саблей, несомый офицерами. Музыканты заиграли погребальный маршъ. Толпа сняла фуражки и начала креститься. Надрывающіе сердце звуки музыки жалобно слились съ не менѣе надрывающимъ пѣніемъ пѣвчихъ. Въ этомъ было что-то торжественное. Гробъ поставили на дроги, процессія тронулась... Я сошелъ со своихъ подмостковъ и подумалъ: «Хорошо хоронятъ военныхъ!» Въ эту минуту мнѣ очень хотѣлось быть въ корпусѣ, быть военнымъ. Я и отецъ стали продираться сквозь толпу любопытныхъ, что было довольно трудно: бо̀льшая часть изъ нихъ, вѣроятно, считала насъ за такихъ же зѣвакъ, какъ и они сами, и потому упорно отстаивала свои мѣста, только нѣкоторые изъ смѣтливыхъ мужиковъ, замѣтившихъ, что мы пріѣхали въ каретѣ, говорили своимъ сосѣдямъ, толкая ихъ подъ бока:

— Пропустите! не видите, что ли, что баринъ на похороны пріѣхалъ!

Пробравшись въ корпусъ, мы принуждены были подождать корпусное начальство, оно пошло проводить покойника до ближайшаго угла улицы. Въ пріемной комнатѣ уже толпилось множество родителей, дядюшекъ, тетушекъ и опекуновъ привезенныхъ на экзаменъ дѣтей. Дѣти жались къ старшимъ и косо поглядывали другъ на друга, точно сознавая, что каждый лишній ребенокъ есть лишнее бревно, лежащее на дорогѣ къ корпусу. Какой-то господинъ въ неуклюжемъ сюртукѣ, повидимому, помѣщикъ, вступилъ въ разговоръ съ отцомъ.

— Что, сынка привезли отдавать въ корпусъ? Да? Я тоже своего шалопая привезъ изъ деревни... Довольно ему баловаться-то! Изъ французскаго-то будутъ экзаменовать? А?.. Думаете, что будутъ? Плохо! Мой не учился. Говорилъ женѣ, что надо подготовить, такъ нѣтъ, хозяйство — время нѣтъ! А вашъ-то знаетъ? Что онъ, больной, что ли? Или такъ худенькій? — говорилъ скороговоркою господинъ, повторяя отвѣты моего отца и дѣлая озабоченную физіономію. Я и его сынишка смотрѣли другъ на друга *козлами*, точно приготовляясь вступить въ единоборство. Чѣмъ больше прибывало людей въ пріемную комнату, тѣмъ сильнѣе и сильнѣе я начиналъ робѣть, что̀ очень понятно въ положеніи каждаго ребенка за минуту передъ первымъ публичнымъ экза-

меномъ и еще болѣе понятно при моемъ отчужденіи отъ общества, при моей запуганности и дикости.

— Папа, меня при всѣхъ будутъ экзаменовать? — спросилъ я.

— Разумѣется, при всѣхъ, не въ темную же комнату тебя увести, — отрывисто отвѣтилъ отецъ.

Я растерялся еще болѣе.

Часовъ въ двѣнадцать начался экзаменъ. Экзаменующихся увели въ классы, родители остались въ пріемной. Въ сущности испытаніе было очень не строгое и не большое, но для меня каждая ариѳметическая задача казалась какой-то шарадою, каждое слово при диктовкѣ казалось какимъ-то гіероглифомъ, который могъ бы разобрать развѣ какой-нибудь знаменитый ученый, но ужъ никакъ не я. Священникъ началъ спрашивать меня краткій катихизисъ и священную исторію — я краснѣлъ и сбивался.

— Вы у какого законоучителя учились? — спросилъ онъ.

— У меня были учителя Филипповъ и Похвистневъ, — отвѣтилъ я.

— Изъ какой церкви?

— Они не изъ церкви, они студенты.

— Вы у нихъ и священной исторіи учились?

— Да.

— Плохо вы учились, — качая головою, проговорилъ священникъ, ласково проводя рукою по моей головѣ.

Я самъ понялъ въ эту минуту, что этимъ предметамъ я плохо, или, лучше сказать, вовсе не учился, а они были необходимы для экзамена.

— Ну, а сколько въ трехъ десяткахъ единицъ? — спросилъ меня шутливымъ тономъ съ добродушною улыбкою учитель, экзаменовавшій меня изъ ариѳметики.

Онъ въ эту минуту разсматривалъ невѣрно рѣшенныя мною задачи и, мало-по-малу, начиналъ хмуриться.

Его простой вопросъ смутилъ меня до-нельзя. Я задумался и — странное дѣло! — задумался не о томъ, какъ бы вѣрно и скоро отвѣтить на вопросъ, а о томъ, что рядомъ со мною сидѣлъ другой нарядно-одѣтый экзаменующійся ребенокъ и насмѣшливо улыбался, глядя на меня. Отвѣтъ былъ у меня на языкѣ, но я не могъ выговорить ни одного слова, мои губы дрожали, какъ въ лихорадкѣ.

— Ну, что же-съ? — повторилъ сурово экзаменаторъ, отталкивая листокъ съ моими задачами.

— Не знаю-съ, — наивно вымолвилъ я.

— Да, я вижу, что вы и этого не знаете,—проговорилъ онъ, пожимая плечами, и холодно отошелъ къ другимъ дѣтямъ.

— Послушайте,—произнесъ я почти шопотомъ, когда онъ отошелъ:—тридцать!

— Надумались!—раздался насмѣшливый отвѣтъ.

— Экой ты глупый!—шепнулъ мнѣ нарядный мальчуганъ, и онъ снова посмотрѣлъ на меня съ язвительной улыбкой.

«Глупый», повторилъ я мысленно и задумался. «Глупый? нѣтъ, не глупый я, а ничего мнѣ теперь не подѣлать тутъ», продолжалъ я размышлять. И снова началъ я пристально разсматривать свои задачи, удивляясь, почему это я не могъ исполнить какъ слѣдуетъ ихъ рѣшенія, вѣдь, кажется, все такія простыя вещи были, все такое ясное для меня, а вотъ, все-таки, не вышло!.. Ужъ видно я, въ самомъ дѣлѣ, такой глупый, тупица!

— Это, однако, удивительно! —вы говорите по-французски отлично, а между тѣмъ такъ плохо переписали отмѣченный мною кусокъ изъ книги, точно вы никогда и не писали по-французски,—говорилъ экзаменаторъ-французъ.

— Я оробѣлъ...

— Да, помилуйте, чего же? Плохой вы будете военный. Ну, попробуйте теперь прочитать вотъ это.

Я отлично прочелъ указанное мѣсто.

— Прекрасно! Право, странно. Можно ли быть такимъ робкимъ? Это не хорошо. Вы не баба.

Экзаменъ кончился. Дорогой отецъ разспрашивалъ меня, какъ я отвѣчалъ, зналъ ли что-нибудь.

— Кажется, зналъ,—отвѣтилъ я.

— Кажется, зналъ!—передразнилъ онъ мои неохотно произнесенныя слова.—Что ты сегодня точно мокрая курица!

— Я ничего.

— Я ничего! Отвѣчать не умѣешь! Болитъ у тебя что-нибудь, что ли?

— Нѣтъ.

— Такъ что же съ тобой?

— Скучно мнѣ!

— Вотъ нашелъ время скучать, когда дѣло дѣлать надо!— Смотри у меня, если тебя не примутъ! Не думаешь ли ты, что я тебя въ Москву обратно повезу, на печи валяться, нянчить тебя стану? И не воображай! Скучно! Еще отъ земли не видно, а туда же... скучать умѣютъ!

Я ничего не думалъ, ничего не возражалъ, а весело мнѣ все же не сдѣлалось...

На другой день отецъ одинъ поѣхалъ справляться, принятъ ли я, или нѣтъ. Оказалось, что—*нѣтъ*. Хорошій баллъ стоялъ только за французскій языкъ, изъ котораго можно было безъ убытка для себя получить единицу. Въ утѣшеніе отцу посовѣтовали подготовить меня къ будущему году. Отецъ поблагодарилъ за совѣтъ и поскакалъ въ гостиницу, гдѣ мы остановились. Началась буря... Тяжело вспоминать горькія сцены изъ дѣтской жизни! Сколько въ эти минуты погибло хорошихъ сторонъ нашего характера, сколько утратилось мягкости и нѣжности, сколько скопилось безплодной жёлчи и злобы! Не родимся же мы негодяями, а многіе ли спасаются? Богъ съ ними, съ этими горькими минутами дѣтства!

Отецъ для большей торжественности поѣхалъ со мною къ теткѣ-кивакалкѣ и устроилъ семейный совѣтъ, гдѣ я игралъ роль подсудимаго и гдѣ обсуживались заранѣе рѣшенные въ головѣ отца вопросы: куда отдать для исправленія этого негоднаго подсудимаго, казнить его, или помиловать, то-есть: сѣчь, или не сѣчь? Оказалось, что сѣчь не требуется. На этотъ пунктъ рѣшенія имѣли вліяніе наше пребываніе въ гостиницѣ и нежеланіе тетки, чтобы экзекуція происходила въ ея домѣ. Отдать же подсудимаго рѣшились въ какое-нибудь частное учебное заведеніе, гдѣ воспитываются дѣти порядочныхъ людей. Разумѣется, рѣшеніе семейнаго совѣта не состоялось безъ приличныхъ случаю внушеній мнѣ о моей негодности, о томъ, что я погибшій человѣкъ, что мнѣ дѣлаютъ милость, заботясь обо мнѣ и не приводя въ исполненіе давно произнесенной угрозы упрятать меня въ кантонисты. Отецъ хлопоталъ, ѣздилъ, отыскивалъ училище, гдѣ можетъ воспитываться сынъ благородныхъ родителей, брюзжалъ при встрѣчахъ со мною, говорилъ, что онъ меня видѣть равнодушно не можетъ, и, наконецъ, покончилъ всѣ хлопоты, устроивъ меня въ одно изъ довольно большихъ частныхъ учебныхъ заведеній, гдѣ приготовляли юношество къ поступленію въ юнкера, въ университетъ и т. д. Курсъ ученія равнялся гимназическому, хотя и былъ нѣсколько разнообразнѣе, сообразно съ цѣлями училища. Я съ сожалѣніемъ вздохнулъ о кадетскомъ мундирѣ съ цвѣтными погончиками и галунчиками, навсегда исчезнувшими передо мною въ области сновъ и мечтаній, гдѣ намъ съ вами, читатель, нечего дѣлать и куда я не думаю васъ вести. На первыхъ порахъ съ трудомъ мирился я съ синевато-сѣрыми брючками, съ черненькой фуражкой безъ козырька и съ

черною курточкою, украшенною черными же пуговицами и мысомъ назади; казались онѣ мнѣ гадки и не такъ значительны, какъ кадетскій, бросающійся въ глаза, нарядъ, даже тогда, когда я одѣвался въ нихъ въ четырехъ стѣнахъ занимаемой нами комнаты въ гостиницѣ, и ужъ никакъ не думалъ я щеголять ими передъ публикой. Но, видно, ничего не подѣлаешь! Зачѣмъ было конфузиться? Не сконфузься я—и былъ бы кадетомъ.

II.

О томъ, какъ легко втянуться въ новую жизнь.

— Что, сова, очумѣла, на дорогѣ стоишь?—крикнулъ кто-то надъ моимъ ухомъ, далъ мнѣ толчка въ бокъ и, не обращая вниманія, какъ я клюнулся носомъ въ стѣну, пошелъ своею дорогой.

Я очнулся...

Черезъ минуту я теръ себѣ лобъ, но не отъ боли, а какъ будто желая убѣдиться, что все окружающее меня дѣйствительно не сонъ. Передо мною тянулся и, какъ мнѣ почему-то казалось въ ту пору, тянулся гораздо далѣе петербургскихъ заставъ, рядъ одноцвѣтныхъ, несносно правильныхъ комнатъ-коридоровъ со стѣнами безъ всякихъ украшеній и развлекающихъ глазъ ненужностей, этихъ первыхъ признаковъ свитаго человѣкомъ *для себя* и для *своихъ* дѣтей гнѣзда. Еще сильнѣе бросалась въ глаза эта нагота тому, кто уже успѣлъ заглянуть въ квартиру, находившуюся въ концѣ комнатъ-коридоровъ: въ ней свилъ себѣ гнѣздо содержатель школы, и его жилище дышало жизнью и привѣтно встрѣчало посѣтителя. Если же посѣтитель встрѣчалъ въ этихъ нежилыхъ комнатахъ какія-нибудь вещи, то, не тратя ни минуты на раздумье, онъ убѣждался въ крайней, неизбѣжной необходимости этихъ вещей уже по одному офиціальному ихъ виду и строгой точности въ размѣщеніи; даже на мгновеніе ему непремѣнно должно было придти въ голову, что комната — простой футляръ, защищающій вещи отъ атмосферическихъ перемѣнъ. Если посѣтитель видѣлъ кровать съ желѣзнымъ прутомъ, жестяною визитною карточкою и фуражкою въ изголовьи, шкапикъ возлѣ подушки и табуретъ въ ногахъ, выкрашенные одной и той же краской, то, зажмуривъ глаза и отсчитывая по два шага на кровать и по два на промежутокъ со шкапикомъ и табуретомъ, онъ могъ пройти до противоположной стѣны и, остановившись на этомъ мѣстѣ, положимъ, послѣ двухсотъ шаговъ, имѣлъ

право, не ошибаясь, сказать:—здѣсь стоитъ по пятидесяти означенныхъ вещей на каждой сторонѣ. Потомъ, глядя на жестяныя визитныя карточки, играющія роль билетовъ, прибиваемыхъ къ дверямъ нашихъ жилищъ, посѣтитель могъ сказать, кому принадлежитъ каждая отдѣльная коллекція означенныхъ вещей и, еще не видавъ ихъ обладателя, получалъ о немъ извѣстную долю понятій, напримѣръ: цвѣтъ визитной карточки—красный, синій, бѣлый—говорилъ вамъ о баллахъ за прилежаніе и поведеніе ея обладателя, присутствіе фуражки заявляло о его добромъ здоровьѣ и о томъ, что онъ не гуляетъ въ данную минуту подъ надзоромъ гувернера, а величина ея указывала на объемъ его головы, изъ чего каждому предоставлялось выводить какія угодно заключенія. Въ этихъ однообразныхъ комнатахъ-коридорахъ бѣгали десятки столь же однообразныхъ мальчиковъ въ однообразно-неуклюжихъ сапогахъ, съ однообразно-остриженными и причесанными волосами. Всѣ эти мальчики такъ походили другъ на друга, что безъ привычки было бы трудно отыскать ихъ въ массѣ, вотъ хоть того шалуна, который такъ любезно вывелъ меня изъ задумчивости.

О чемъ же я думалъ среди этой живой суздальской картины, на которой одна и та же кисть, обмакнутая въ одну и ту же краску, проѣхалась по всѣхъ предметамъ? Удивлялся ли, что такъ скоро попалъ въ этотъ міръ школы, что экзаменъ прошелъ, какъ сонъ? Или заставили меня задуматься слова отца: «веди себя скромно, смотри весело, а не волченкомъ, не будь упрямъ: послушаніе важнѣе всего»? Не сравнивалъ ли я этотъ совѣтъ съ наставленіемъ, сказаннымъ за два года и требовавшимъ отъ меня самостоятельности, не доискивался ли причины различія этихъ двухъ противоположныхъ моралей? Или просто ныло и болѣло мое сердце оттого, что никто не заботится обо мнѣ, что никто не любитъ меня, что я безъ всякой вины, какъ старый хламъ, выброшенъ отцомъ на казенные хлѣбы изъ родного дома, гдѣ пьютъ, ѣдятъ и веселятся чужіе люди? Право, не знаю, которая изъ этихъ возможныхъ думъ болѣе занимала меня, но только помню одно, что чувство тоски было до того велико, что даже не давало мнѣ возможности мечтать, то-есть спастись бѣгствомъ изъ непривѣтнаго настоящаго въ прекрасное, по моему плану созданное, будущее. Люди, при помощи такого обманыванія себя, очень часто переносятъ безъ большихъ страданій свое скверное положеніе и потерю любимыхъ созданій. Тяжелое

чувство во мнѣ все росло и начинало переходить въ страхъ, а кругомъ меня шумѣла, дралась, хохотала, ругалась толпа такихъ же, какъ и я, ребятъ. Они третьяго дня, вчера, можетъ-быть, сегодня рано утромъ, простились со своими матерями, со своими отцами; я простился съ моимъ только за нѣсколько минутъ,—вотъ вся разница между нами. Значитъ, родительскіе дома, изъ которыхъ насъ отдали сюда, легко позабыть; значитъ, втянуться въ эту жизнь, окраситься въ общій цвѣтъ—еще легче?

— Тише! тише!—раздался чей-то голосъ, покрывшій десятки дѣтскихъ голосовъ: въ коридоръ вошелъ инспекторъ, насъ всѣхъ повели въ классы.

Классы кончились. Колокольчикъ возвѣстилъ время обѣда. Кушанье было сытное, не слишкомъ дурное, говядина еще не имѣла поползновенія превратиться въ мочалки, масло не совсѣмъ прогоркло и сохраняло, при помощи соли, сносный вкусъ; двѣ трети жителей земного шара ѣдятъ такой обѣдъ только по праздникамъ, и то не всегда, но я еще не настолько проголодался, чтобы рѣшиться ѣсть эти двусмысленныя блюда послѣ нашихъ роскошныхъ обѣдовъ, и съ ужасомъ замѣтилъ, что мой маленькій сосѣдъ спокойно вынулъ изъ своей порціи супа что-то черненькое, что мнѣ показалось тараканомъ; но теперь, вспоминая, воскрешая передъ собой форму этой черненькой вещи, я думаю, что это былъ просто уголекъ, хотя, если разсудить строго, то вѣдь и таракань могъ измѣнить свою фигуру въ супѣ?

— У васъ таракань былъ въ супѣ?—рѣшился я спросить у маленькаго хладнокровнаго человѣка.

— Нѣтъ, *эвто юзюминка.*

— Какая юзюминка?

— А ужъ объ этомъ спроси у Тараса: онъ всякую черную штуку изъ кушанья на зубъ пробуетъ, да юзюминкой называетъ.

Меня поразило въ моемъ сосѣдѣ то, что онъ отвѣтилъ на оба мои вопроса разными голосами: на первый поддѣльнымъ басомъ, на второй—дѣтскимъ голосишкомъ.

— Неужели этотъ Тарасъ и таракановъ ѣстъ?—спросилъ я.

— Да отчего же ихъ и не ѣсть, коли они на изюминку похожи?

При этомъ мальчуганъ разсказалъ мнѣ разными голосами, какъ одинъ постникъ обращалъ въ карася порося, то-есть поросенка. По забубенному языку, какимъ говорятъ только опытные школьники, да длинноусыя личности въ потертыхъ

венгеркахъ,—присутствующія на всѣхъ россійскихъ ярмаркахъ и по чину представляющія нѣчто очень близкое къ отставному школьнику,—по угловато-молодецкимъ манерамъ, по двусмысленнымъ прибавленіямъ къ анекдоту, видно было, что мой сосѣдъ не новичокъ, а опытный молодой человѣкъ, и что мнѣ нужно до него дорасти. По всей вѣроятности, я тотчасъ же проникся бы къ нему уваженіемъ и, по свойственной мнѣ и многимъ людямъ слабости характера, постарался бы подражать ему во всемъ, если бы онъ во время нашего разговора не уронилъ себя въ моихъ глазахъ, начавъ рисовать пальцемъ узоры на поданной ему чистой тарелкѣ, на которой жирные слѣды вчерашняго обѣда удержались въ видѣ приправы къ сегодняшнему.

— Ишь ты, свой вензель нарисовалъ!—промолвилъ мой собесѣдникъ, проникнувшись удивленіемъ къ своему искусству и заглядывая на тарелку то съ той, то съ другой стороны, вѣроятно, для того, чтобы найти правильное освѣщеніе для вензеля.

— А какъ ваша фамилія?

— Золотовъ.

— Давно въ училищѣ?

— Да я, кажись, въ немъ и родился!

Колокольчикъ заключилъ обѣдъ и прервалъ нашу бесѣду. Нѣсколько минутъ спустя, насъ повели по классамъ. Учителей почти нигдѣ не было. Они, зная русскую неаккуратность, разсуждали, что въ первые дни никакъ не соберутся всѣ воспитанники и потому нельзя будетъ начать ученье; воспитанники же, зная, въ свою очередь, что учителя, оправдывая свою русскую лѣнь, разсудятъ именно такъ, тоже считали излишнимъ торопиться на первыя лекціи. Такимъ образомъ, явившіеся учителя, видя, что ихъ лѣнивые товарищи дѣйствительно правы, и что приходить въ школу не стоило, занялись ковыряньемъ перышкомъ въ зубахъ, нѣкоторые даже засовывали въ ротъ два пальца — большой и указательный,—очень искусно вытянутые и сложенные въ видѣ щипцовъ, и отъ скуки перебрасывались нѣсколькими фразами съ учениками, подтрунивая надъ тѣми, кто засѣлъ въ классѣ на второй годъ. Бо̀льшая часть воспитанниковъ дремала, и только нѣкоторые трудились набивать табакомъ гильзы, въ сладкой надеждѣ получить за набитую сотню пять папиросъ. Заходящее солнце бросало послѣдніе косые лучи въ классныя окна и, озаряя столбы крутящейся и сверкающей пыли, пригрѣвало тѣхъ, кто случайно попалъ

подъ струю свѣта. Въ коридорѣ раздавались мѣрные, какъ удары маятника, шаги калмыка-сторожа, прозваннаго самоѣдомъ и, за мнимую неподкупность, опредѣленнаго въ сторожа къ импровизированному карцеру, и изрѣдка весело стучали каблуки вырвавшагося на минуту изъ класса и бѣжавшаго въ спальню ребенка. Тамъ онъ спугнетъ сладко задремавшаго на окнѣ и, какъ говорятъ на Руси, *удящаго головой рыбу* дядьку, дернетъ за хвостъ и заставитъ перепрыгнуть черезъ руки случайно завернувшую со двора кошку, выпьетъ изъ кружки глотка два воды и остатками обольетъ узорами полъ, потомъ съ минуту задумчиво полюбуется на этотъ узоръ и, что-то внезапно вспомнивъ, снова рѣзвыми ножками побѣжитъ въ классъ оканчивать пищевареніе... Скука!.. Но,—чу!—раздается рѣзкій звонъ колокольчика, спящіе просыпаются, трудящіеся прячутъ папиросы, всѣ бѣгутъ по коридорамъ, шумъ, гвалтъ въ комнатахъ,—и черезъ мигъ все мелкое населеніе, какъ попало надѣвая фуражки, несется играть на дворъ.

Я не думалъ вмѣшиваться въ игру и стоялъ, прислонившись къ стѣнѣ; вдругъ одинъ школьникъ ударилъ меня по плечу и побѣжалъ прочь, крикнувъ: «пятнашка!» Я проворчалъ сквозь зубы: «дуракъ!»—и оставался стоять въ твердомъ намѣреніи не играть, но ко мнѣ подлетѣло еще нѣсколько человѣкъ изъ играющихъ и всѣ хоромъ начали дразнить меня: «пятнашка! пятнашка!» Это вывело меня изъ терпѣнія, я кинулся на нихъ—они разсыпались въ разныя стороны. Я остановился—они окружали меня снова; пришлось поневолѣ догнать, ударить кого-нибудь и поспѣшить увернуться отъ его удара. Этого было вполнѣ довольно, я попалъ въ число играющихъ, за мной гонялись болѣе, чѣмъ за другими, и мнѣ приходилось бѣгать безъ отдыха. Игра походила сначала на травлю, но потомъ за мной уже и не гонялись, а я все бѣгалъ-бѣгалъ и самъ напрашивался, чтобы меня запятнали. Мнѣ казалось весело бѣгать среди толпы дѣтей, изъ которыхъ *покуда* каждый былъ готовъ, по первому сигналу, избить меня, потому что я новичокъ и потому что никто и никогда не говорилъ этимъ дѣтямъ, что люди—братья и что мы должны встрѣчать беззащитнаго незнакомаго человѣка лаской. Звонъ колокольчика положилъ конецъ игрѣ, и мы всѣ пошли въ столовую ужинать. Когда я сходилъ съ лѣстницы въ спальню, то мои глаза уже слипались.

— Что̀, братъ, нажгли тебя, проманежился?—спросилъ

меня знакомый читателю Золотовъ и пребольно хлопнулъ меня по плечу, должно-быть, въ знакъ расположенія ко мнѣ.

— Да, я очень усталъ.

— Это ничего, выспишься лихо!

— Я и то едва иду, такъ спать хочется.

Въ эту минуту Золотовъ подставилъ мнѣ ногу, и я полетѣлъ съ двухъ послѣднихъ ступеней.

— Ну, вотъ и разогналъ сонъ!—засмѣялся шутникъ, исчезая въ полутемной спальнѣ.

Торопливо раздѣвшись, я улегся и началъ сладко засыпать, свернувшись въ клубокъ, когда мнѣ приказали повернуться на правый бокъ и положить руку сверхъ одѣяла. Кто приказалъ? зачѣмъ приказалъ? — не знаю; мнѣ слишкомъ сильно хотѣлось спать, и потому, исполнивъ приказаніе, несмотря на холодъ въ спальнѣ, которую еще не топили, я и не думалъ разсуждать объ этомъ предметѣ. И слава Богу!

Рано утромъ пронзительно взвизгнулъ колокольчикъ и нѣсколько секундъ продолжалъ звенѣть среди всеобщей тишины, раздражая успокоившіеся за ночь нервы. Мой сосѣдъ промолвилъ сквозь зубы: «чтобъ тебѣ лопнуть!» и, прибавивъ такое словцо, какого я и отъ Андрюшки не слыхивалъ, сталъ одѣваться. Я послѣдовалъ его примѣру. Отворяя свой ящикъ, я замѣтилъ, что въ немъ не было ни копейки денегъ. Я побѣжалъ къ дежурному гувернеру Иванову.

— У меня деньги украли.

— Сколько?—спросилъ онъ.

— Двѣнадцать рублей.

— Жаль, что не двадцать четыре, — сказалъ, улыбнувшись, Ивановъ.

Онъ вообще слылъ за остряка.

Я ничего не понялъ изъ этого отвѣта: для меня въ эту минуту была важна не сумма денегъ, а то, что эти украденныя деньги составляли весь мой капиталъ.

— Другой разъ не держи денегъ у себя, а отдавай ихъ на руки кому-нибудь изъ гувернеровъ,—добавилъ онъ.

— Тебя, голубчикъ, еще высѣчь бы надо, чтобы ты здѣсь воровъ не разводилъ, — ласковымъ голосомъ произнесъ другой гувернеръ, Мальцевъ, подошедшій къ намъ.

Онъ потрепалъ меня за ухо, взявъ его ногтями, и началъ разговаривать съ Ивановымъ.

— Вѣдь это, вѣроятно, кто-нибудь изъ новичковъ сдѣлалъ,—замѣтилъ Ивановъ.

— Можетъ-быть, — разсѣянно отвѣтилъ Мальцевъ, задумчиво провожая глазами каждаго проходившаго по коридору ученика.

— Вотъ такихъ-то дѣтей и извольте дѣлать нравственными, когда ихъ уже въ конецъ испортили дома, — рискнулъ пофилософствовать гувернеръ, почитывавшій иногда фельетоны.

— Что нравственность! Выпороть разъ пять, вотъ и отучится.

— Но...

— Нѣтъ, нѣтъ! вы взгляните вотъ на этого негодяя?— воскликнулъ Мальцевъ, хватая за руку Иванова, и указалъ на одного мальчугана, за которымъ онъ уже давно слѣдилъ глазами: съ такимъ ужасомъ, я думаю, глядѣлъ только Макбетъ на тѣнь Банко. — Какова походка! каковы манеры! а фигура-то! горохомъ его, что ли, дома кормили? Поди сюда! — Мальцевъ поманилъ пальцемъ смѣшную фигурку.—Взгляните на этотъ животъ!

— Ха-ха-ха!—засмѣялся Ивановъ.

— Нѣтъ, нѣтъ, вы взгляните хорошенько на этотъ животъ! вы его пощупайте!

— Ха-ха-ха!—продолжалъ смѣяться Ивановъ.

— Да-съ, вамъ смѣшно! ну, а сдѣлайте изъ этого живота приличнаго свѣтскаго господина... Тутъ-съ и розга безсильна. Кто мнѣ поручится, что онъ отъ нея похудѣетъ? Кто?

— Но...

— Нѣтъ-съ, вы мнѣ скажите: кто мнѣ поручится, что онъ похудѣетъ отъ розги?.. Вотъ тутъ-то ваша философія и никуда не годится!—торжественно упрекнулъ Мальцевъ Иванова.

Я стоялъ во время этого разговора въ нѣсколькихъ шагахъ отъ разговаривающихъ, среди собравшихся учениковъ, и, кажется, все еще не терялъ надежды на отысканіе моихъ денегъ; наконецъ, звуки колокольчика заставили меня очнуться и идти вмѣстѣ съ другими пить чай.

— Зачѣмъ ты къ *амбасадеру* ходилъ? — спросилъ меня Золотовъ.

Онъ говорилъ въ эту минуту совершенно новымъ голосомъ, какъ-то въ носъ, и я нашелъ въ этой манерѣ сходство съ голосомъ Иванова.

— Къ какому амбасадеру?

— Извѣстно къ какому, у насъ одинъ Ивановъ — амбасадеръ.

Золотовъ началъ разсказывать своимъ голосомъ, какъ Ивановъ хвасталъ, что онъ знакомъ съ французскимъ амбасадеромъ, и за это самъ получилъ эту кличку. Меня въ эту минуту очень мало интересовалъ разсказъ Золотова, но его еще менѣе печалило мое горе.

— Лучше бы товарищество угостилъ, жаднаи собака!— сказалъ онъ мнѣ, вмѣсто утѣшенія, услышавъ о пропажѣ.

Снова раздался звонъ колокольчика и начался классъ священника, потомъ французъ и нѣмецъ, звонокъ и звонокъ, звонокъ и обѣдъ, и все это такъ плотно слѣдовало одно за другимъ, такъ жадно рвало на мелкія части день, не оставляя ни одного клочка каждому изъ насъ на употребленіе по личному вкусу, что къ вечеру чувствовалась только истома во всемъ тѣлѣ, не лишенная какой-то непонятной пріятности, и шевелилось одно и только одно желаніе поскорѣй лечь въ постель: о снѣ хлопотать было нечего, потому что онъ одолѣвалъ насъ и безъ того.

Послѣ шести такихъ дней долженъ былъ придти воскресный день, свободный для нѣкоторыхъ счастливцевъ, но онъ приходилъ только для того, чтобы ребенокъ понялъ, что онъ теперь не Ваня, не Гриша, не Поль, а школьникъ, школьникъ и школьникъ, что онъ уже и ходитъ иначе, можетъ-быть, лучше, но иначе, чѣмъ другія дѣти, и ѣстъ дома не такъ, какъ его братья и сестры, а съ волчьимъ аппетитомъ, о чемъ ему спѣшатъ сообщить его родители, что его рѣчь бьетъ по уху прежнихъ его товарищей странными выраженіями: «зубрить изъ батьки, ѣсть говядку, отгуливать уроки», и такъ далѣе, что, наконецъ, ему кажутся остроумными и поминутно приходятъ на память,—изгоняя изъ нея пушкинскія строфы,—разныя *мѣстныя* стихотворенія въ родѣ пародіи на «Воздушный корабль» Лермонтова.

Все это смѣшитъ родителей и знакомыхъ ребенка, вызываетъ шуточки съ ихъ стороны. Больно колютъ эти шуточки ребенка въ первые праздники, онъ хочетъ не заслуживать ихъ, но теченіе окружающей жизни уноситъ его за собою и все болѣе и болѣе оставляетъ на немъ своихъ знаковъ и клеймъ. Замѣчая это, ребенокъ начинаетъ выслушивать новыя шуточки на свой счетъ уже не съ болью, не съ краскою стыда, а съ раздраженіемъ старается показать всѣмъ, что онъ *по*

своей волѣ сдѣлался такимъ, что *ему* нравится быть такимъ, заступается за свою школу потому, что—худа ли, хороша ли она, но она-то не смѣется надъ нимъ. Видя, какъ удивляются его школьному аппетиту, онъ съ гордостью разсказываетъ, какъ у нихъ одинъ товарищъ сто штукъ шмандкухеновъ съѣлъ, и выражаетъ сожалѣніе, что онъ еще не дошелъ до такой ловкости, хотя и не теряетъ надежды дойти до нея. Примѣчая смѣхъ надъ своими своеобразными выраженіями, онъ еще щедрѣе пересыпаетъ ими свою рѣчь, доводитъ ее до какого-то ухарства и невообразимой пошлости. Родители, знакомые, общество видятъ все это и, ни о чемъ не размышляя самостоятельно, не отыскивая причинъ каждаго явленія, слѣдуя какимъ-то понятіямъ по преданію, даютъ маленькому человѣчку кличку «школьникъ»— и успокаиваются.

Такъ выработался и я къ концу перваго года въ *школьника*. Тетка, три - четыре раза въ теченіе года взявшая меня въ отпускъ, говорила мнѣ съ язвительною улыбкою своимъ шипящимъ голосомъ:

— Что̀ это ты такъ ногами стучишь? вѣдь ты не въ школѣ!

Я старался пройти тише, проклиная толстыя подошвы, хотѣлъ не стучать ногами, но это мнѣ плохо удавалось, я непремѣнно за что-нибудь задѣвалъ и разбивалъ какую-нибудь вещь: голыя стѣны классовъ и коридоровъ, грубая и прочная школьная мебель отучили меня отъ осторожности.

— Что̀ съ тобой? Ты скоро стѣны съ мѣста сдвинешь. Какъ тебя въ училищѣ терпятъ! — слышалось восклицаніе сердитой на свою старость старухи.

Я машинально начиналъ вертѣть въ рукахъ какой-нибудь попавшійся въ руки мотокъ шерсти; такое верченье попавшихся предметовъ было нашимъ обыкновеннымъ классным занятіемъ отъ скуки. Тетка уже молча и съ холоднымъ презрѣніемъ брала мотокъ изъ моихъ рукъ и клала его куда-нибудь подальше отъ меня.

— Они тамъ всѣ такіе, ma tante, — говорилъ какой-нибудь гвардеецъ или лицеистъ изъ моихъ двоюродныхъ братцевъ.

— Если это правда, то у нихъ тамъ нѣтъ ничего цѣлаго.

— Ломать-то тамъ нечего! Пустыя стѣны? скамьи? неужели вы думаете, что для какихъ-нибудь мальчишекъ станутъ развѣшивать драпри, разставлять севрскій фарфоръ?..

— Я ничего не думаю, — перебила тетка, оскорбленная тономъ собесѣдника: — но если тамъ нечего ломать, то у меня есть что ломать, и самое лучшее—это не брать его въ отпускъ. Неужели Константинъ-то не могъ найти болѣе приличной школы?

— Да школы всѣ одинаковы, ma tante...

— Что ты мнѣ разсказываешь! Послѣ этого дѣтей порядочныхъ родителей и отдавать некуда!.. Вотъ еще!..

Я имѣлъ въ эти минуты видъ приговореннаго къ смерти человѣка, блѣднѣлъ, краснѣлъ и, чувствуя отвращеніе и къ кузену, и къ теткѣ, и къ ея дому, начиналъ любить школу: тамъ хоть ходить свободно можно. Описывать первый годъ школьной жизни вполнѣ я не стану, потому что я не знаю, каковъ онъ былъ, какъ прошелъ, хотя совершенно ясно помню предыдущія и послѣдующія событія. Да едва ли найдется хоть одинъ ребенокъ, который помнилъ бы *вполнѣ ясно*, а не какъ сквозь сонъ, первый годъ училищной жизни. Этотъ годъ—болѣзнь, ломка, ошибка, подлаживанье себя подъ общій строй, тревожное ожиданіе чего-то, до того тревожное, что вздрагиваетъ иной ребенокъ въ это переходное время при малѣйшемъ внезапномъ шумѣ, иногда безсознательно, но съ озабоченнымъ лицомъ выглядываетъ въ окно, словно поджидаетъ кого-то. Не ждетъ ли онъ, что вотъ-вотъ зальются веселымъ звономъ бубенцы, сперва гдѣ-то далеко, потомъ все ближе и ближе, зазвенятъ по промерзлой землѣ копыта изморившихся лошадей, изъ-за ближайшаго угла, ныряя по ухабамъ, вдругъ появится и подъѣдетъ къ школьному крыльцу родной тарантасъ-ковчегъ, набитый подушками, узлами, коробками, кадочками и людьми, взглянетъ на окно, не то глупо, не то плутовато улыбаясь, знакомый съ первыхъ дней чуднаго дѣтства ямщикъ и качнетъ какъ-то въ бокъ головою, словно желая сказать: «Что же вы, баринъ, оплошали, не идете встрѣчать маменьку? вѣдь она за вами пріѣхала!»

Да, нѣтъ! не жди этого, вѣдь тебя отдали подъ чужой надзоръ, бѣдный ребенокъ... Не жди!..

III.

Воспоминанія сквозь сонъ.

Съ первыхъ же дней школьной жизни я понялъ, что мнѣ чужды, что меня не любятъ и дѣти, завлекшія меня въ игру травлей, и гувернеръ Ивановъ, пожалѣвшій, что у меня мало украли, и старшій гувернеръ Мальцевъ, потрепавшій

мнѣ ухо за то, что я воровъ развожу. Съ каждымъ днемъ это сознаніе усиливалось и подтверждалось новыми доказательствами. Въ концѣ перваго мѣсяца въ нашемъ классѣ началась одна изъ тѣхъ примѣрныхъ дѣтскихъ битвъ, которыя постепенно переходятъ въ серьезныя драки и оканчиваются подбитыми глазами, плачемъ и жалобами начальству со стороны тѣхъ болѣзненныхъ избалованныхъ ребятъ, которые уже въ дѣтствѣ отличаются невыносливостью, мелочною мстительностью и стремленіемъ стоять подъ чьимъ-нибудь крыломъ. Одному изъ такихъ дѣтей — нѣкоему Рогозину — досталось не на шутку; онъ пошелъ жаловаться, ускользнувъ тайкомъ изъ класса. Явился Мальцевъ, начался допросъ, обличителями дѣла служили подбитые глаза Рогозина и два разбитыя стекла.

— Кто первый началъ?—спросилъ Мальцевъ у Рогозина.

Рогозинъ назвалъ одного изъ старыхъ учениковъ Громова, четырехъ новичковъ и меня.

— Нѣтъ-съ, Николай Ивановичъ, я не дрался, — бойко произнесъ Громовъ, услыхавъ свою фамилію. — Спросите у кого хотите, я не дрался.

— Онъ не дрался; Рогозинъ вретъ,—послышалось нѣсколько голосовъ класснаго хора, на помощь котораго разсчитывалъ Громовъ.

— Всѣ вы, голубчики, хороши! вотъ вы у меня гдѣ сидите,—Мальцевъ показалъ на свою дряблую и желтую шею, тыкая въ нее костлявымъ пальцемъ съ обкусаннымъ ногтемъ.—Доберусь я до васъ. Будетъ вамъ въ субботу баня!

— Я, Николай Ивановичъ, право-съ, ничего не дѣлалъ! Рогозинъ на меня вретъ,—говорилъ Громовъ:—онъ у меня карандашъ выпрашивалъ, я ему не далъ, вотъ онъ и вретъ на меня. Я не виноватъ, я ему не могъ карандашъ отдать.

— Громова и въ классѣ не было во время шума, это все новички затѣяли,—загудѣлъ снова хоръ.

— Привыкли въ бабки играть!—негодующимъ и презрительнымъ шопотомъ ввернулъ какой-то запѣвало.

— Что же ты врешь?—обратился Мальцевъ къ Рогозину.

— Можетъ-быть, я ошибся-съ,—пробормоталъ Рогозинъ, испуганный вмѣшательствомъ хора, замѣтившій нѣсколько очень неутѣшительно показываемыхъ ему кулаковъ и дрожащій, какъ котенокъ, облитый холодной водой.

— Хорошо, хорошо. Я со всѣми раздѣлаюсь, всѣхъ васъ проберу,—рѣшилъ Мальцевъ.

Онъ вышелъ изъ класса, гдѣ поднялся невообразимый

шумъ, несмотря на присутствіе учителя. Старые ученики накинулись на Рогозина, ругая его за Громова, обвиненные новички начали кричать, что они ни въ чемъ не виноваты, что ихъ самихъ били; на это имъ отвѣтили, что по-дѣломъ вору и мука. Ни одного голоса не послышалось за нихъ. Тутъ вполнѣ ясно проявилось раздѣленіе класса на двѣ партіи, изъ которыхъ одна составляла какъ бы одну сплошную массу, а другая состояла изъ отдѣльныхъ, чуждыхъ между собою личностей, осмѣиваемыхъ, даваемыхъ другими на жертву. Въ субботу къ намъ торжественно явился Мальцевъ, *придерживавшійся субботъ*, по школьному выраженію; въ классѣ зловѣще прошумѣли слова: «порка будетъ!»—и все стихло, какъ въ могилѣ. По сухому и жёлчному лицу гувернера скользнула улыбка самодовольствія: человѣкъ былъ радъ, что нагналъ страха на непріятельскій лагерь, какимъ считала эта отжившая личность дѣтскій кружокъ. Онъ сталъ спокойно обходить столы и, съ разными шуточками и плоскими остротами, пальчикомъ вызывалъ, кого ему было нужно. Собравъ около себя десять человѣкъ, въ числѣ которыхъ былъ и я, онъ прочиталъ намъ очень грозное и крѣпкое наставленіе.

— Вотъ я васъ, голубчики, проберу, вы вотъ гдѣ у меня сидите,—окончилъ онъ свою рѣчь обычною фразою, показывая на шею, и велѣлъ намъ взять другъ друга подъ-руки и попарно слѣдовать за нимъ въ комнату, гдѣ производилось сѣченье.

Какимъ-то холодомъ вѣяло отъ этой тихо и мирно идущей, прямой, сухой, деревянной фигуры въ черной одеждѣ, отъ этой головы, сплюснутой съ боковъ, покрытой коротко-остриженными, стоящими щетиной сѣдыми волосами; еще сквернѣе дѣйствовали на душу его шуточки, а онъ—проказникъ!—любилъ пошутить во время сѣченья, и на первыхъ же порахъ пріучилъ дѣтей смотрѣть на наказаніе, какъ на скверную комедію, выдуманную ради развлеченія старшими. Къ несчастію, онъ, имѣя вліяніе на директора, пользовался почти неограниченною властью. Съ обычными церемоніями раздѣли одного изъ приведенныхъ учениковъ, сняли съ него для чего-то и галстукъ, разложили горемыку на скамьѣ и выпороли. Мальчишка кричалъ на все зданіе, вслѣдствіе этого Мальцевъ былъ въ духѣ и не ругался, какъ онъ дѣлалъ, если бывалъ сердитъ: теперь, напротивъ того, когда раздѣли и расположили второго ученика, гувернеръ началъ похлопывать высѣченнаго по больному мѣсту

и, смѣясь добродушнымъ смѣхомъ, спрашивалъ: «что, больно?» Разложили третьяго, Мальцевъ подошелъ къ нему и началъ надъ нимъ читать наставленіе, потомъ приказалъ ему встать и одѣться. Та же участь постигла всѣхъ остальныхъ и меня. Мальцевъ любовался этою картиною... Я всталъ со скамьи его врагомъ, мое лицо горѣло отъ стыда, отъ злобы. Я чувствовалъ, что меня не наказали, но насмѣялись надо мною. Большіе никакъ не хотятъ понять, что и у ребенка есть *своя честь*, что и его можно опозорить, и что опаснѣе всего неосторожная игра съ этой дѣтской честью. Мои чувства раздѣлялись почти всѣми другими дѣтьми, изъ которыхъ каждый былъ готовъ сдѣлать какую-нибудь непріятность гувернеру, нисколько не уважалъ, хотя и боялся его, и распускалъ про него циническіе, грязные анекдоты, мало-по-малу, пріучаясь не уважать начальство. Этого-то Мальцевъ и не понималъ и воображалъ, что онъ дѣйствуетъ такъ во имя долга, что онъ всесиленъ, что дѣти слушаются его взгляда... А они на всѣхъ стѣнкахъ писали: «Мальцевъ—живодеръ—подлецъ!..»

На другой день послѣ этой субботы за мной пришелъ лакей тетки.

— Ея превосходительство желаютъ, чтобы вы поздравили ихъ съ праздникомъ! — произнесъ онъ важнымъ тономъ свою обычную чопорную фразу.

— Сейчасъ, Иванъ Никифорычъ, я сбѣгаю къ гувернеру,— отвѣтилъ я семидесятилѣтней развалинѣ и побѣжалъ къ Мальцеву.

Онъ лежалъ на диванѣ въ своемъ уютномъ кабинетѣ. Одинъ изъ его сыновей сидѣлъ на немъ верхомъ, другой пріютился между его спиною и спинкою дивана, обвилъ ручонками его сухую шею и цѣловалъ его лицо, третій тянулъ его къ себѣ и кричалъ:

— Мой папа, папа мой!

— Нѣтъ, мой, мой! —еще громче кричалъ сидѣвшій за спиною отца.

— И твой, и твой, всѣхъ васъ,—говорилъ, улыбаясь, Мальцевъ и гладилъ курчавыя головки своихъ дѣтей.

Я остановился въ дверяхъ, пораженный этою сценой, мое сердце сжалось отъ какой-то странной боли.

— Что тебѣ?—спросилъ онъ, замѣтивъ меня.

— За мною пришли, позвольте идти къ моей теткѣ.

— Вѣчно не во-время. Не можешь развѣ сказать, чтобы по субботамъ приходили?—съ раздраженіемъ замѣтилъ онъ

и неохотно всталъ съ дивана, чтобы написать свидѣтельство о моемъ ученіи и поведеніи за недѣлю.

Я стоялъ, понуривъ голову.

— Покатай меня!—начали кричать дѣти, привыкшія возиться въ школѣ съ учениками и переходившія изъ рукъ въ руки, со спины на спину.

Одинъ изъ нихъ влѣзъ мнѣ на спину и началъ меня погонять. Волей-неволей мнѣ пришлось пробѣжать съ нимъ кругомъ комнаты. За первымъ послѣдовалъ второй и, наконецъ, третій. Мальцевъ, улыбаясь, стоялъ, прислонившись къ письменному столу, и ждалъ, когда я кончу катать его дѣтей.

— Ну, теперь довольно... разыгрался и забылъ, что идти надо,—сказалъ онъ, когда третій сынишка слѣзъ съ моей спины:—усталъ...

— Нѣтъ-съ, они легкіе, — отвѣтилъ я, и мнѣ стало стыдно передъ самимъ собою.

— Ты насъ покатаешь еще?

— Покатаю вечеромъ...

— Ну, ступай, дружокъ, — ласково произнесъ гувернеръ и потрепалъ меня по щекѣ. — Не шали, веди себя порядочно! Прощай, дружокъ!

Еще сквернѣе стало у меня на душѣ, еще сильнѣе чувствовалъ я свое одиночество и безпомощность и не могъ найти ни друга, ни покровителя, а свои нравственныя силы были еще слабы и шатки,

Въ одно изъ воскресеній я сидѣлъ совершенно праздно и одиноко на окнѣ въ школьномъ коридорѣ, вопреки приказанію идти играть на дворъ. Въ тѣ времена, въ нашемъ училищѣ, какъ и во многихъ другихъ учебныхъ заведеніяхъ, въ классахъ еще не давали книгъ для чтенія, особенно въ младшихъ, и нежелающій играть долженъ былъ поневолѣ терпѣть страшную скуку или пускаться на поиски за развлеченіями, болѣе опасными, нежели чтеніе книгъ. Такъ скучалъ и я въ свободные дни, такъ скучалъ и въ это воскресенье. Глядя на дворъ, я не вдругъ замѣтилъ, что къ тому же окну подошелъ воспитанникъ лѣтъ шестнадцати изъ другого класса, довольно красивый собой, съ нерѣшительнымъ, но добродушнымъ выраженіемъ лица. Онъ сталъ разсѣянно глядѣть въ окно, изрѣдка посматривая на меня. Мало-по-малу, меня стали смущать эти взгляды; я старался глядѣть въ другую сторону и, между тѣмъ, продол-

жалъ чувствовать, что онъ смотритъ на меня, что онъ разсматриваетъ меня, какъ вещь.

— Какъ ваша фамилія? — спросилъ онъ меня какъ-то вскользь, невзначай, точно онъ не со мной говорилъ.

Школьное «ты» онъ замѣнилъ вѣжливымъ «вы».

— Шуповъ!—точно тѣмъ же тономъ отвѣтилъ я.

— А-а!—счелъ нужнымъ удивиться онъ.

Мы помолчали. Меня опять тревожили взгляды.

— Сколько вамъ лѣтъ?

— Одиннадцать.

— Гм!

Опять молчаніе и взгляды.

— Вы вѣрно въ отпускъ не ходите?

— Нѣтъ, рѣдко.

— Отчего же? развѣ отца и матери нѣтъ?

— Отецъ есть, да въ Москвѣ.

— А-а!

Пауза.

— И родныхъ здѣсь нѣтъ?

— Тетка есть, да она меня рѣдко беретъ, не любитъ.

— Бѣдняжка!

Въ этомъ словѣ прозвучала ласка и въ то же время оно произнеслось такимъ искусственнымъ тономъ, что сначала мнѣ показалось, что воспитанникъ смѣется надо мною, но онъ сдѣлалъ грустную физіономію.

— Хотите яблока?—предложилъ онъ мнѣ, вынимая изъ кармана яблоко.

Я, краснѣя, поблагодарилъ его и совѣстился взять яблоко; мнѣ показалось, что онъ считаетъ меня за нищаго и подаетъ мнѣ милостыню, а, между тѣмъ, мнѣ очень хотѣлось полакомиться, чего, по неимѣнію денегъ, я давно не дѣлалъ. И какое розовое, красивое было это крымское яблоко! Онъ настоялъ на своемъ, разумѣется, безъ особеннаго труда. Чтобы показать ему, что я не нищій и отчасти для оправданія себя передъ своею собственною совѣстью, я сталъ разсказывать о своихъ родныхъ, которыхъ фамиліи были извѣстны, которые были очень богаты; довольно тонко я намекалъ на то, что у этихъ родныхъ подаются не одни какія-нибудь крымскія яблоки, а нѣчто болѣе дорогое и рѣдкое, что я вотъ и въ корпусъ могъ попасть, если бъ экзаменъ удалось выдержать, что мой отецъ былъ военнымъ. Онъ слушалъ меня разсѣянно, видно было, что мои разсказы его не занимаютъ.

— Что родные!—мелькомъ воскликнулъ онъ.—Ты сытъ не будешь оттого, что они теперь ѣдятъ тамъ какіе-нибудь соусы въ разсолахъ!

Я покраснѣлъ, и хотя не зналъ, какое это кушанье: соусы въ разсолахъ, но съ истиной замѣчанія согласился невольно.

Въ эту минуту въ классы начали собираться со двора воспитанники, и мой новый знакомый поспѣшилъ уйти, сказавъ мнѣ, что онъ будетъ моимъ другомъ и станетъ иногда заходить ко мнѣ и что его фамилія Соболевъ.

Въ теченіе недѣли Соболевъ раза четыре приносилъ мнѣ то яблоко, то шоколадъ, то пряники. Въ слѣдующее воскресенье онъ пришелъ къ тому же окну, гдѣ я сидѣлъ въ предъидущее, и мы ходили часа полтора по коридору, болтая о всякой-всячинѣ. Соболевъ, подобно мнѣ, не имѣлъ въ Петербургѣ родныхъ, кромѣ какой-то тетки-чухонки, жившей на Литейной и дававшей деньги подъ вѣрные залоги и за большіе проценты. Разумѣется, она не могла радоваться даровому нахлѣбнику и оставляла племянника въ училищѣ по праздничнымъ днямъ. Онъ былъ въ тѣхъ лѣтахъ, когда юноша перестаетъ тѣшиться исключительно игрою и желаетъ, кромѣ физической дѣятельности, дѣятельности ума и сердца. Для ума нужны книги, для сердца нужна какая-нибудь привязанность. Жизнь не давала ему ни того, ни другого. Онъ тревожился, совался въ разныя стороны и не находилъ нигдѣ желанной дороги. Мнѣ было очень отрадно то радушное участіе, которое онъ принималъ во мнѣ; мнѣ вспоминался Колька, и я радовался находкѣ друга, не подозрѣвая, что я для него служу простой куклой, игрушкой. Часы пролетали незамѣтно въ нашихъ бесѣдахъ, и когда наступалъ часъ сбора воспитанниковъ въ классы, то Соболевъ уходилъ.

— До свиданья!—говорилъ онъ, цѣлуя меня.

— До свиданья!—весело отвѣчалъ я и жилъ надеждою увидаться и поболтать съ нимъ въ теченіе недѣли.

Такъ шли дни, недѣли, мѣсяцы. Соболевъ носилъ мнѣ гостинцы, ласкалъ, баловалъ меня, какъ маленькаго ребенка: онъ нашелъ во мнѣ игрушку. Я съ нетерпѣніемъ ожидалъ его въ назначенные часы. Мало я видѣлъ любви въ жизни, и потому искалъ вездѣ только ее. Я выросъ почти въ одиночествѣ и потому *не умѣлъ играть*, скорѣе избѣгалъ веселыхъ кружковъ, чѣмъ бѣжалъ къ нимъ. Появленіе Соболева заставило вполнѣ проявиться отличительнымъ чертамъ

моего характера, и я отдался одному и отошелъ отъ всѣхъ. На меня косились. Раза два въ классѣ пробовали сбить меня во время уроковъ. Старались задѣть меня, раздразнить и подвести подъ наказаніе; конечно, моими врагами были только пансіонеры, вольноприходящіе ученики заботились объ одномъ, какъ бы удрать поскорѣе домой, когда кончатся классы. Я чувствовалъ, что изъ всѣхъ новичковъ продолжаютъ преслѣдовать только двухъ-трехъ и въ томъ числѣ меня, что меня ненавидятъ, и еще сильнѣе цѣнилъ любовь Соболева и чувствовалъ отвращеніе къ шумному дѣтскому кружку. Но это не была та дружба, которая связывала меня съ Колькой. Съ одной стороны, различіе возрастовъ заставляло меня остерегаться въ разговорахъ съ новымъ другомъ, я не рѣшался описывать ему наши планы честной жизни и другія дѣтскія мечты, не рѣшался возиться съ нимъ, какъ съ Колькой. Съ другой стороны, вѣчные яблоки, пряники, ласки избаловали меня, и иногда я просто дулся, если онъ приходилъ съ пустыми руками или пятью минутами позже обыкновеннаго; я игралъ съ нимъ въ *молчанку*, то-есть не отвѣчалъ на его вопросы ни *да*, ни *нѣтъ*. Выражаясь любимымъ школьнымъ словцомъ, я сдѣлался *нахальнымъ*.

Въ одинъ изъ апрѣльскихъ дней ко мнѣ пришелъ Колька въ своемъ неуклюжемъ, сшитомъ изъ отцовскаго сюртука, мундирѣ, съ кудрявыми и взъерошенными, по обыкновенію, волосами. Онъ смотрѣлъ очень смѣшно. Одинъ изъ моихъ одноклассниковъ, проходя по пріемной комнатѣ и желая раздразнить меня, задѣлъ Кольку, проговоривъ: «красная говядина!» У насъ ученики обыкновенно смѣялись надъ формой гимназистовъ, считая нашу черную одежду болѣе *благородною и приличною*. Для Кольки было этого довольно: онъ вспыхнулъ и показалъ забіякѣ кулакъ. Тотъ прошелъ въ спальню и вызвалъ двухъ товарищей на травлю; они всѣ появились въ пріемной и, прогуливаясь по ней, хоромъ запѣли: «красная говядина! красная говядина!» Колька сказалъ мнѣ наскоро: «прощай!» — и пошелъ; поровнявшись съ забіяками, онъ звонко и со всего размаха ударилъ зачинщика по щекѣ и, прежде чѣмъ тотъ успѣлъ опомниться, вышелъ вонъ. Школьники попробовали жаловаться на меня, но ихъ жалоба была пропущена мимо ушей, и они рѣшили раздѣлаться со мною своими средствами. Вечеромъ, во время игры на дворѣ, меня окружили, одинъ мальчишка взялъ меня за голову, другой за ноги, повалили на землю, и тре-

тій приготовился играть роль палача; вѣроятно, жизнь приготовила его покуда только къ этой роли. Прежде, чѣмъ онъ вошелъ въ исполненіе своей обязанности, его самого схватила чья-то рука за шиворотъ и откинула въ сторону. Моимъ спасителемъ оказался Соболевъ, не выпускавшій меня изъ вида и видѣвшій всю эту сцену.

— Свинья!—крикнулъ кто-то не дѣтскимъ голосомъ.

— Болванъ!—отвѣтилъ онъ.

— Кто тебя звалъ сюда вмѣшиваться не въ свое дѣло?—спросилъ воспитанникъ, обругавшій Соболева.

Это былъ высокій черноволосый, худощавый юноша; его звали Хохряковымъ, онъ былъ старшимъ въ нашей спальнѣ или, лучше сказать, въ одномъ ея отдѣленіи.

— А для чего они хотѣли прибить Шупова?

— А тебѣ-то что̀ за дѣло? Развѣ Шуповъ такая дрянь, что нанялъ тебя заступаться за него? Каждый самъ за себя можетъ стоять.

— Одному не справиться со всѣми.

— Если *всѣ* бьютъ, такъ, значитъ, сто̀итъ того, значитъ онъ порядочный негодяй!

— Вы философствуете,—подтрунилъ Соболевъ.

— Лучше бы и ты философствовалъ, а не...

Хохряковъ не кончилъ фразы, плюнулъ, потомъ неторопливо взялъ меня за руку и пошелъ со мною отъ собравшейся кучки воспитанниковъ.

— Не совѣтую тебѣ быть дружнымъ съ Соболевымъ,—произнесъ онъ серьезнымъ тономъ.—Эта дружба доведетъ тебя въ счастливомъ случаѣ до розогъ, въ несчастномъ—до исключенія изъ училища.

Я широко раскрылъ глаза.

— Отчего?—спросилъ я, недоумѣвая.

— Отчего?..—Хохряковъ нахмурилъ брови и помолчалъ.—Потому что онъ подлецъ!

— Нечестный?—спросилъ я, поддаваясь завѣтнымъ мыслямъ.

Хохряковъ пристально посмотрѣлъ на меня, какъ будто желая узнать, понялъ ли я его слова, и отвѣчалъ:

— Да.

Хохряковъ ошибался: я ничего не понялъ изъ его словъ, кромѣ того, что въ счастливомъ случаѣ за дружбу съ Соболевымъ меня выпорютъ.

— Ну, такъ я не буду съ нимъ друженъ.

— И прекрасно сдѣлаешь. Да не только съ нимъ, а и

съ другими не будь друженъ: здѣсь товарищество, а дружба ни къ чорту не годится.

Я поблагодарилъ новаго знакомаго за совѣтъ, и съ этого дня сталъ избѣгать встрѣчи съ Соболевымъ. Мнѣ было очень тяжело мое положеніе, иногда я забывался и опять принималъ гостинцы отъ своего друга. Его злило мое поведеніе, онъ говорилъ мнѣ: «ступай къ своему Хохрякову!» и въ кружкѣ пансіонеровъ называлъ меня *потомкомъ одной изъ древнѣйшихъ фамилій.* Эта длинная кличка, которой за разъ не выговоришь, стала неразлучна съ моимъ именемъ; и знаніе французскаго языка, и нежеланіе играть на дворѣ, и простудный кашель, все приписывалось тому, что я былъ чей-то потомокъ. «Что ты носъ-то подымаешь?» кричали мнѣ, толкая меня въ бокъ или въ спину. Болѣе всего странно то, что другіе оставляли за собой право гордиться своими родственниками, знаніемъ иностранныхъ языковъ. Мои познанія еще болѣе вооружали товарищей противъ меня. Какъ-то разъ всѣ сговорились отказаться отъ урока у француза подъ тѣмъ предлогомъ, что никто не могъ выучить заданнаго, но учитель, ничего не слушая, сталъ вызывать по фамиліямъ учениковъ. Двое или трое отказались, очередь дошла до меня: я отвѣтилъ. Черезъ минуту что-то странное зашевелилось въ моей головѣ, мнѣ показалось, что я не долженъ былъ отвѣчать, что я сдѣлалъ подлость; на моемъ лицѣ показался яркій румянецъ, но я началъ оправдывать себя передъ совѣстью тѣмъ, что они не спросили *моего* совѣта и не уговорились со *мною.* Послѣ меня нашлось еще нѣсколько человѣкъ, знавшихъ урокъ, но классъ не простилъ только меня, потому что я отвѣтилъ первый и испортилъ все дѣло: учитель началъ послѣ меня *крутить нули.* Вечеромъ меня поймали въ коридорѣ и вздули не на шутку, теперь некому было спасти меня.

На другой день я, плача, жаловался Хохрякову, что мнѣ житья нѣтъ въ школѣ, разсказалъ вчерашнюю исторію и очень наивно, но вполнѣ твердо объявилъ, что желаю, молъ, утопиться. Послѣдняя фраза, несмотря на всю свою драматичность, прошла мимо ушей холоднаго Хохрякова.

— И всегда, братъ, будутъ дуть тебя, если будешь плохимъ товарищемъ,—отвѣтилъ онъ мнѣ въ утѣшеніе.

— Такъ неужели же мнѣ за нихъ нули получать?

— Можешь и не получать нулей за нихъ, только тогда плати за пятерки своими боками.

— Да вѣдь и лгать нечестно?

— Очень, братъ, нечестно. А за правду они тебя, все-таки, вздуютъ.

— Что же мнѣ дѣлать?—спросилъ я, не видя исхода.

Хохряковъ посмотрѣлъ на меня и покачалъ головою.

— Ты, кажется, не мастеръ кулаками расправляться?

— У меня нѣтъ силы.

— Ну, такъ будь хорошимъ товарищемъ, безъ силы съ ними ничего не подѣлаешь. Здѣсь, братъ, дружба ни къ чорту не годится. Пожалуй, за шмандкухены и найдешь друзей, а дуть тебя, все-таки, будутъ. Здѣсь товарищество!

— Значитъ, надо и нули получать за него?

— Значитъ.

— И лгать надо?

— И лгать надо... Но, все-таки, повторяю тебѣ, боками все можно выкупить...

Я задумался. Еще нѣсколько времени пробовалъ я стоять вдали отъ этого стоглаваго тирана, называемаго товариществомъ, наконецъ, неожиданный случай, совершенно посторонній дѣлу, рѣшилъ мою участь.

— Ты знаешь какого-нибудь Люлюшина?—спросилъ меня въ одинъ прекрасный день Мальцевъ.

— Знаю,—отвѣчалъ я.

— Кто онъ такой?

— Надворный совѣтникъ.

— Оселъ!

Я вытаращилъ глаза отъ этого комплимента.

— Станетъ надворный совѣтникъ съ тобой переписываться!

— Такъ это, вѣрно, Колька.

— Гдѣ онъ учится?

— Въ гимназіи.

— Въ какой?

Я назвалъ гимназію.

— Его надо выпороть! онъ ругаетъ школьное начальство въ письмѣ къ тебѣ...

— Онъ не писалъ ко мнѣ...

— Молчи, мерзавецъ! Еще врать вздумалъ, когда письмо у меня въ рукахъ. Заодно, вѣрно, съ нимъ?

Я разинулъ ротъ и остолбенѣлъ. Заварилась скверная каша, мнѣ досталось порядочно, Кольку хотѣли посадить въ гимназіи въ карцеръ. Мы болѣе не видались, не переписывались въ теченіе долгаго времени. Колька понялъ,

что ему слишкомъ рано и не о чемъ писать къ нашимъ гувернерамъ.

И вотъ я остался совершенно одинъ; но на шагъ отъ меня стояла толпа, называемая товариществомъ; мнѣ стоило сдѣлать этотъ шагъ, чтобы нажить десятки сообщниковъ, заступниковъ, наставниковъ въ дѣлѣ разныхъ скверныхъ затѣй. Чтобы сдѣлать этотъ шагъ, стоило только убить свою волю и подчиниться общей волѣ, отвѣчать уроки тогда, когда отвѣчаютъ и другіе, ненавидѣть учителей, которыхъ ненавидятъ и другіе, бить ребятишекъ, которыхъ бьютъ и другіе... Ребенокъ, я не понималъ, что это одинъ изъ видовъ самоубійства и—перешагнулъ. Черезъ мѣсяцъ меня любили, и я вмѣстѣ съ прочими безъ церемоніи и безъ застѣнчивости кричалъ какому-нибудь богачу-лакомкѣ: «Будь товарищемъ, угости мороженымъ!» И товарищъ угощалъ, забирая въ долгъ мороженое и радуясь возможности похвастать тѣмъ, что ему всѣ въ долгъ вѣрятъ, и тѣмъ, что онъ всѣхъ угощаетъ: въ маленькомъ человѣчкѣ проглядывалъ будущій хлыщъ, хвастающій шармеровскимъ фракомъ или гремящій саблею по Невскому, мотающій послѣдніе гроши на попойки съ товарищами у Дюссо и вызывающій отвращеніе въ порядочныхъ людяхъ...

Такъ черезъ мѣсяцъ послѣ поступленія въ училище я былъ школьникомъ, то-есть потерялъ всѣ наружные признаки, отличавшіе меня отъ другихъ товарищей; черезъ десять мѣсяцевъ я былъ *членомъ товарищества*, т.-е. потерялъ всѣ внутреннія, характеристическія черты своей личности. Зато мнѣ было весело...

IV.

Товарищескіе кружки и Хохряковъ.

Къ началу второго учебнаго года я уже совершенно вошелъ въ кружокъ воспитанниковъ и вмѣстѣ съ товариществомъ творилъ разныя штуки, подсказывалъ одноклассникамъ во время уроковъ, отказывался заодно съ другими отвѣчать заданное, пряталъ подъ каѳедру или за печку лѣнтяевъ и, подобно всѣмъ, кричалъ учителю, что эти господа больны и лежатъ въ комнатѣ, отведенной для больныхъ легкими болѣзнями, покуривалъ въ трубу папиросы, отъ которыхъ меня тошнило, дежурилъ у дверей въ качествѣ класснаго сигналиста, не боялся никакихъ наказаній за это «служеніе общему дѣлу» и съ хохотомъ присоединялся къ толпѣ пансіонеровъ, собравшейся бить фискала

или просто плохого товарища, совершенно не тревожась отъ мысли, что за нѣсколько мѣсяцевъ и я былъ въ такомъ же положеніи, какъ этотъ несчастный ребенокъ. Люди всѣхъ возрастовъ вообще очень легко забываютъ свое прошлое, не выносятъ изъ него почти никакихъ уроковъ и, испытавъ на себѣ боль отъ ударовъ палки, при первой возможности бьютъ ею другихъ. Это будетъ продолжаться до тѣхъ поръ, пока люди будутъ умѣть только мечтать и не будутъ умѣть думать... Товарищество не оставило меня безъ наставленій: отъ него я узналъ до мельчайшихъ подробностей закулисную жизнь, привычки и характеры директора школы и другихъ начальствующихъ лицъ,—и такимъ образомъ, увидавъ ихъ смѣшныя стороны, потерялъ къ нимъ всякое уваженіе и получилъ возможность прибѣгать въ критическія минуты къ различнымъ уловкамъ, чтобы спастись отъ наказанія. Правда, иногда эти уловки приносили столько же несомнѣнной пользы, сколько приноситъ приворотъ-трава въ дѣлахъ любви...

Я узналъ, что толстѣйшаго, наивнѣйшаго Владиміра Петровича Фитилькина, содержателя школы и директора ея, можно *заговорить*,—и наказаніе смягчится, даже иногда отмѣнится, и говорить-то требовалось не Богъ знаетъ что̀, а просто то, что̀ на языкъ попадетъ: добродушный Фитилькинъ, извѣстный всѣмъ подъ именемъ Тараса, не вдругъ смекалъ, про что говорятъ, и потому внимательно слушалъ до конца всякую чепуху.

Про него ходилъ довольно характеристическій анекдотъ: одинъ изъ бойкихъ воспитанниковъ, заговаривая ему зубы, какъ выражалось товарищество, предложилъ ему слѣдующій вопросъ: «какая это родня Владиміръ Петровичъ: Устинья, Фетинья, двоюродная Аксинья, Сидоръ Макару родной Харитонъ?» Тарасъ только глаза выпучилъ, слушая эту плоскость.—«Эвто, братецъ, до меня не касается, я исторіей занимаюсь!»—пренаивно воскликнулъ онъ черезъ минуту. Этотъ же господинъ, поймавъ воспитанниковъ за куреніемъ папиросъ, воскликнулъ: «Эвто дѣти благородныхъ родителей и курятъ табакъ!» Съ этой минуты его начали называть ребенкомъ неблагородныхъ родителей, такъ какъ онъ самъ никогда не выпускалъ изо рта сигары. Читателю извѣстно, что онъ пробовалъ на зубъ таракановъ изъ кушанья и называлъ ихъ *юзюминкой*. Послѣ сѣченья онъ постоянно подставлялъ свою руку къ губамъ высѣченнаго и заставлялъ ее поцѣловать и поблагодарить за сѣченье. Вообще, начи-

ная съ его сальнаго, заплывшаго лица, служившаго какъ бы простымъ продолженіемъ его громадной, блестящей плѣши, все въ немъ вызывало невольный смѣхъ въ зрителяхъ, который трудно было удержать даже въ самыя бурныя минуты, когда Тарасъ старался распечь виновныхъ и, задыхаясь отъ волненія, уморительно фыркая губами, произносилъ только: «Эвто, эвто, эвто... тьфу!..» Узналъ я также, что передъ гувернеромъ Грековымъ стоило только молчать и, вытянувшись въ струнку, изрѣдка отвѣчать: «слушаю-съ!» — и гнѣвъ перейдетъ, мало-по-малу, на милость. Зналъ я, что передъ Мальцевымъ не отмолчишься, болтовней не много выиграешь и вообще ничего не подѣлаешь, и что онъ *проберетъ* виновнаго въ первую изъ субботъ. Даже учителей, не жившихъ въ училищѣ, имѣвшихъ мало отношеній къ намъ, я зналъ, какъ свои пять пальцевъ, при помощи товарищества. Мнѣ, напримѣръ, было извѣстно, что учитель Матвѣй Матвѣичъ Матвѣевъ, у котораго, по выраженію одного изъ моихъ друзей, во время лекцій мухи засыпали на губѣ, ходилъ въ одну субботу въ оперу, а въ другую — въ баню, и что въ ту субботу, когда онъ ходилъ въ баню, лекцій не бывало и, значитъ, можно было не приготовлять уроковъ. Потомъ я зналъ, что этотъ же неподвижный, краснощекій, какъ херувимъ на вербѣ, выглядывавшій, какъ изъ рамки, изъ своихъ узенькихъ черныхъ бакенбардъ. Матвѣй Матвѣичъ зналъ въ лицо только одного человѣка въ классѣ, и этотъ человѣкъ былъ онъ самъ, остальные же были ему вполнѣ неизвѣстны, и потому незнающій уроковъ всегда могъ, не робѣя, отвѣчать про самого себя: «боленъ!» Обманъ обнаруживался только въ томъ случаѣ, если незнающій урока ребенокъ былъ слишкомъ смѣшливъ и не выносилъ безъ хохота этой сцены личнаго рапорта о своемъ отсутствіи, но и тутъ иногда бывало спасенье.

— Чему вы?—дѣлалъ Матвѣевъ полувопросъ, продолжая, по обыкновенію, магнетизировать какую-нибудь точку на стѣнѣ и не двигаясь ни однимъ членомъ.

— Да вотъ стѣна!—отвѣчалъ ему спрашиваемый ничего не объясняющимъ полуотвѣтомъ.

— Н-д-э-э!—получеловѣческимъ звукомъ заключалъ Матвѣевъ интересный разговоръ, и въ томъ же тонѣ продолжалъ прерванное спрашиванье уроковъ: мухи, разумѣется, продолжали спать на его выкрашенныхъ красной помадой губахъ.

Для того, чтобы еще болѣе облегчить намъ ученье, еще

менѣе ставить нулей и тревожить свою обожаемую личность, онъ позволилъ разъ и навсегда троимъ изъ класса отказываться отъ уроковъ, не навлекая этимъ наказанія. Такимъ образомъ, онъ былъ не очень-то страшенъ для насъ: мы еще не умѣли бояться того, что онъ усыплялъ наши умственныя способности, пріучалъ насъ къ бездѣятельности, къ легко сходившему съ рукъ обману, къ набиванію папиросъ, къ пошлымъ разсказамъ и къ опаснымъ мечтаніямъ во время классовъ. Подобныхъ флегматиковъ-учителей было мало, хотя всѣ они отличались именно этимъ качествомъ, только въ меньшей степени развитымъ. Всѣ они позволяли отказываться отъ уроковъ, вѣря на-слово, что у насъ пропадаетъ *все* свободное время на гимнастику, танцы и неизбѣжныя прогулки подъ надзоромъ гувернеровъ, и жалѣя насъ. Всѣ они плохо знали лица своихъ воспитанниковъ, потому что видѣли ихъ рѣдко и имѣли безчисленное множество постороннихъ, болѣе серьезныхъ, какъ они говорили, занятій. Всѣ они позволяли отговариваться отъ уроковъ болѣзнью и пребываніемъ въ комнатѣ для больныхъ и справлялись о правдѣ отговорокъ рѣдко, зная, что ложь накажется черезчуръ строго, и отчасти боясь лишній разъ потревожить себя. Каждый изъ нихъ преподавалъ сухо, вяло, потому что онъ преподавалъ не свое, а считывалъ съ готоваго учебника и понималъ, что эту немудреную обязанность могъ бы исполнить и знаменитый самоѣдъ, сторожившій нашъ карцеръ, если бы самоѣдъ умѣлъ читать. Нѣкоторые, напримѣръ, учитель географіи Диттманъ, иногда дрались, и довольно больно, отыскивая спрятавшихся за печку или подъ каѳедру лѣнтяевъ,—но это были исключенія, и самъ Диттманъ, благополучно переживъ второй ударъ, по совѣту докторовъ прекратилъ рукопашный бой съ учениками. Для самаго непривычнаго къ наблюденію глаза было замѣтно это различіе и даже враждебность двухъ властей; одна, занимавшаяся воспитаніемъ, предводительствуемая директоромъ или, лучше сказать, его женой, была тревожна, вѣчно воевала; другая, занимавшаяся образованіемъ и предводительствуемая черненькимъ либераломъ, инспекторомъ Максимовымъ, спустила рукава, закрыла глаза и, ради гуманности, за извѣстное жалованье, сладко всхрапывала отъ экзаменовъ и до экзаменовъ. Товарищество не примыкало ни къ той, ни къ другой и бунтовало противъ обѣихъ.

Всѣми этими свѣдѣніями наградило меня товарищество,

но еще ярче, еще выпуклѣе представилъ мнѣ эту картину Хохряковъ, полюбившій меня за мои познанія, за любовь къ чтенію, за нѣкоторую долю развитія. Эти качества способствовали нашему сближенію, несмотря на разницу возрастовъ. Но Хохряковъ не такъ любилъ меня, какъ Соболевъ; тутъ не было ни пряниковъ, если хотите, тутъ даже не было въ началѣ и любви; онъ просто увидалъ во мнѣ мальчика, которому грозитъ опасность соболевской дружбы, котораго называютъ *порядочнымъ*, названіе—понятное только нашимъ школьникамъ, и рѣшился избавить этого ребенка отъ ошибокъ, можетъ-быть, не миновавшихъ его самого. Онъ ввелъ меня въ свой кружокъ, состоявшій изъ нѣсколькихъ постоянныхъ и нѣсколькихъ временныхъ членовъ.

Школьные кружки не лишены интереса. Въ нашемъ училищѣ ихъ было много. Я полагаю, что они существуютъ и во всѣхъ другихъ училищахъ, а потому и не считаю лишнимъ говорить о нихъ. Они не составляли чего-нибудь замкнутаго, не возникали вслѣдствіе какой-нибудь ясно сознанной цѣли, а являлись какъ-то сами собою, расширялись, уменьшались, раздроблялись, но существовали всегда. Начало ихъ возникновенія очень просто: два-три воспитанника, которыхъ не брали родители домой въ лѣтнее время, дѣлали складчину, чтобы вмѣстѣ *чаить* на дачѣ, куда пріѣзжалъ содержатель училища съ горстью учениковъ; послѣ дачной жизни, возвратившись въ городъ, они стояли уже ближе другъ къ другу, чѣмъ къ другимъ товарищамъ, сладко вспоминали о лѣтнихъ чаепитіяхъ, что̀ заставляло ихъ и здѣсь иногда попивать чай, забравшись въ больничную комнату, или куда-нибудь въ столь же привольное и укрытое отъ надзора мѣсто. Дрянной чай, выпитый въ атмосферѣ, пропитанной запахомъ лѣкарствъ, казался имъ вкуснѣе самаго лучшаго, потому что выпивался на волѣ, въ ту минуту, когда имъ захотѣлось, а не въ урочный часъ, не по звонку. Это не ускользало отъ вниманія другихъ товарищей, не принадлежавшихъ къ кружку, и нѣкоторые изъ нихъ сходились съ членами кружка и вступали въ него, разумѣется, безъ всякихъ формальностей, а просто какъ бы вы вошли въ домъ новыхъ знакомыхъ. Связь съ кружкомъ могла продолжаться до выхода изъ училища и могла разорваться послѣ перваго чаепитія, тоже безъ всякихъ формальностей. Кромѣ этого образованія кружковъ, было и другое: воспитанники, имѣвшіе порядочные голоса или, по крайней мѣрѣ, подозрѣвавшіе себя въ этомъ, дѣлались

пѣвчими или, правильнѣе, пѣвцами, такъ какъ они приготовлялись не для пѣнія въ церквахъ, сходились на спѣвки, сближались и, наконецъ, соединялись въ неразрывный кружокъ; безъ чаепитій не обходилось и тутъ, хотя содержатель школы и преслѣдовалъ чаепитіе. Въ то время, когда я поступилъ въ училище, кружковъ было много, не принадлежали къ нимъ по большей части богатые воспитанники, ходившіе въ отпускъ, и нѣкоторые стоявшіе особнякомъ отъ товарищества пансіонеры-гордецы. Кромѣ невинныхъ чаепитій, въ каждомъ кружкѣ были свои завѣтныя темы для разговоровъ, свои характеристическія наклонности, проявлявшіяся довольно рѣзко, были также свои любимыя мѣста, въ родѣ нашего мѣста въ сухой канавѣ, проведенной между школьнымъ дворомъ и небольшимъ садикомъ содержателя школы. Тутъ обсуживались впервые важные вопросы о горькомъ маслѣ въ макаронахъ, объ изобрѣтенномъ Мальцевымъ «голландскомъ соусѣ» изъ старыхъ соленыхъ огурцовъ, поданномъ въ августѣ мѣсяцѣ, затѣвалось по этому случаю извѣстное въ лѣтописяхъ міра голландское возстаніе и макаронный бунтъ. Иногда вмѣсто этихъ вопросовъ, особенно въ весеннее время передъ выпусками, тутъ являлись какія-то замасленныя тетради съ завѣтными плодами неизвѣстныхъ или печально-извѣстныхъ поэтовъ, показывались картинки не менѣе интереснаго содержанія, часто домашней работы, подчасъ кружокъ сообща шелъ куда-то въ гости; подобные казусы случались по субботамъ. Развитіе въ этихъ кружкахъ, не направленное никѣмъ въ извѣстную хорошую сторону, шло естественнымъ путемъ въ одну сторону, къ хожденію сообща въ гости. Но въ этихъ кружкахъ была одна хорошая сторона: они служили точками опоры для товарищества и ждали только руководителей, чтобы идти на новый путь. Хохряковъ, школьникъ съ головы до пятокъ, школьникъ даже по своему вѣчному негодованію на училище, былъ руководителемъ одного изъ кружковъ, существовавшаго въ нашемъ училищѣ въ мое время.

Хохряковъ былъ до крайности желчное, болѣзненное созданіе, но у него была широкая кость, львиная голова, покрытая густыми черными волосами,—всѣ признаки, что онъ созданъ былъ изъ желѣза, которое переѣла ржавчина. Онъ почему-то, несмотря на свою русскую фамилію, считалъ себя болгариномъ, родился на Кавказѣ, провелъ тамъ свое дѣтство и во всю послѣдующую жизнь не могъ забыть своей родины. Его натура жаждала полной свободы, онъ любилъ

природу, любилъ поэзію; былъ безъ ума отъ лермонтовскаго «Мцыри»; какъ сильно развитая личность, онъ былъ застѣнчивъ до дикости, до грубости. Бывало, спроситъ его своимъ грубымъ басомъ отецъ-директоръ Фитилькинъ, простодушнѣйшій изъ смертныхъ, не читавшій во всю свою жизнь ничего, кромѣ исторіи древнихъ азіатскихъ народовъ:

— Что̀ ты эвто читаешь? Пустяки, поди-ко!

Хохряковъ, унесшійся воображеніемъ за тридевять земель отъ училища, точно съ неба свалится, смутится и чуть замѣтно начинаетъ кусать себѣ губы, не зная, что̀ отвѣчать, а добродушнѣйшій Фитилькинъ еще грубѣе спрашиваетъ его, тыкая своимъ квадратнымъ пальцемъ въ книгу:

— Ну, да о чемъ же тутъ пишутъ-то, скажи по крайней мѣрѣ!

— Прочтите, такъ и узнаете, — злобно и дерзко отвѣчаетъ Хохряковъ, отдергивая книгу, точно боясь, что прикосновеніе этого жирнаго пальца осквернитъ ея поэзію.

— Экой ты, братецъ, мужикъ! — замѣчаетъ Фитилькинъ и отходитъ прочь.

Организмъ Хохрякова былъ сильный, но онъ требовалъ воздуха, движенія,—не прогулокъ по городу, не гимнастики, не танцевъ разъ въ недѣлю, но движенія на скачущемъ конѣ, движенія въ черной работѣ, съ молотомъ, съ топоромъ въ рукахъ; тамъ онъ былъ бы здоровъ, здѣсь онъ чахъ и такъ замѣтно для всѣхъ и для самого Хохрякова, что иногда самъ Фитилькинъ, не отличавшійся тонкимъ обращеніемъ, сносилъ желчныя выходки болѣзненнаго юноши и молчаливо отходилъ отъ него прочь — въ этомъ проявлялась вся человѣчность его грубой, неотесанной натуры. Самъ Хохряковъ, имѣвшій привычку глядѣть въ зеркало и, такъ сказать, считать по измѣненіямъ своего лица часы своей жизни, говорилъ о себѣ съ ироніей, бросавшей въ дрожь:

— А что, господа, вѣдь эту зиму я еще потаскаюсь съ вами по городу. Ледъ-то на Невѣ сталъ, такъ, значитъ, до весны теперь нужно жить, — говорилъ онъ однажды въ своемъ кружкѣ.

— Полно, ты вѣчно о смерти толковать!

— Эхъ, братъ, жить хочется, потому и не могу не порадоваться отсрочкѣ.

— Да ты, можетъ-быть, и насъ переживешь.

— Конечно, если васъ всѣхъ похоронятъ въ одинъ день съ Вачунадзе...

— А что онъ?

— Сейчасъ умеръ, директора извѣстили.

— А вчера и онъ радовался, какъ ему сказали, что ледъ на Невѣ всталъ, — проговорилъ кто-то и невольно смолкъ, встрѣтивъ сердитые взгляды нѣкоторыхъ товарищей и увидавъ лицо Хохрякова, сдѣлавшееся отъ этой зловѣщей фразы бѣлѣе его носового платка.

Не замѣчала опасности, не вѣрила его положенію только его мать, жившая постоянно на югѣ Россіи и не видавшая сына со дня его поступленія въ училище, куда платили за него какіе-то богатые родственники. Она была барыня изъ хорошей фамиліи, гордая, умная; она прекрасно обдѣлывала свои дѣла, управляла всѣми своими дѣтьми и ихъ имѣніемъ изъ любви къ нимъ, немного ханжила, принимая странницъ и юродивыхъ, слушая ихъ разсказы въ свободныя отъ занятій по имѣнію минуты; всѣми этими качествами она стяжала уваженіе своего муравейника. Хохряковъ часто писалъ ей, что онъ не можетъ выносить долѣе петербургскаго климата, что онъ не созданъ для этой школы, не желаетъ приготовляться въ юнкера, что его призваніе быть мастеровымъ-механикомъ, но мать постоянно отвѣчала ему въ своихъ нѣжнѣйшихъ и пропитанныхъ строгою моралью и кротостью письмахъ: «Ты еще такъ молодъ, мой другъ, что не можешь судить о томъ, что̀ худо и что̀ хорошо. Напрасно ты, говоря о вредности для тебя петербургскаго климата, приводишь въ примѣръ меня: я стара, и потому мнѣ климатъ можетъ вредить, но молодое здоровье привыкаетъ ко всему. Твои опасенія за грудную боль очень понятны, ты переживаешь ту пору жизни, когда у всѣхъ людей немного побаливаетъ неокрѣпшая грудь и всѣ они приписываютъ это чахоткѣ; на тридцатомъ году жизни ты отъ всей души посмѣешься надъ теперешними своими опасеніями. Но во всякомъ случаѣ береги себя и бойся простуды. Надѣйся на Бога, учись исполнять свои обязанности, переноси все съ терпѣніемъ, и не слушай тѣхъ мерзавцевъ, которыхъ посылаетъ дьяволъ во всѣ кружки общества для искушенія и смущенія людей...»

Таковъ былъ Хохряковъ, такова была его судьба. Подобныя личности не проходятъ безслѣдно по землѣ и, какъ бы ни была коротка ихъ жизнь, всегда успѣваютъ подчинить кого-нибудь своему вліянію. Онъ незамѣтно подчинилъ себѣ свой кружокъ.

— Это, господа, чортъ знаетъ, что такое!—говорилъ онъ, выходя изъ-за обѣденнаго стола. — Экономка четыре дня подъ рядъ даетъ намъ прогорклое масло!

— Да, порядочная гадость, точно свѣчное сало,—подхватилъ кто-то изъ окружающихъ.

— Хуже свѣчного сала; то хоть отъ кашля пьютъ, а отъ этого у меня изжога въ горлѣ и кашель начался. Вѣдь грудь-то моя, а не экономкина, другой она не дастъ!

— Э! что̀ тутъ толковать, вѣдь ничего не подѣлаешь, — флегматически произнесъ одинъ пансіонеръ.

— Что?!—вспылилъ Хохряковъ.—Не передѣлаешь? Фитилькинъ ей деньги за насъ платитъ, да ей же и дрянью насъ кормить позволять, — нѣтъ, братъ, жирно будетъ! Не передѣлаешь! а зачѣмъ же ее поставили? Не для того ли, что хотятъ, чтобы все было хорошо сдѣлано? Тебя хоть грязью корми, такъ ты все будешь ѣсть, подличать привыкъ, свинья!

— Чего ты ругаешься!

— А какъ же тебя не ругать? Платитъ тебѣ она, что ли, за то, чтобы ты за нее заступался?

— Развѣ я заступаюсь?

— Заступаешься! Заступаешься, если не хочешь на нее Фитилькину пожаловаться.

— Вотъ, стану я одинъ жаловаться, чтобъ въ карцеръ посадилъ Тарасъ или выпоролъ, да руку для цѣлованья подставилъ!

— Какъ одинъ? Всѣ согласны. Это только тебя подкупили, вѣрно, дочь ея понравилась, жениться на ней хочешь, ждешь, когда ея мать приданое наворуетъ...

— Э, да онъ въ самомъ дѣлѣ на нее масляными глазками смотритъ у обѣдни... Ты, братъ, ужъ не того ли?— подхватили голоса школьниковъ, обрадованныхъ первымъ сальнымъ намекомъ Хохрякова.

Остроты и шутки посыпались градомъ на защитника экономки. Хохряковъ далъ всѣмъ полную волю насладиться разными пошлостями и молчалъ до тѣхъ поръ, когда пришло время расходиться по классамъ.

— Такъ, значитъ, господа, рѣшено: завтра мы жалуемся Фитилькину?—произнесъ онъ.

— Разумѣется, рѣшено,—подхватили голоса.

Никто и не подозрѣвалъ, что Хохряковъ ловко велъ ихъ за собою. Нѣкоторые, расходясь, очень весело напѣвали школьный романсъ:

Антонида и Тарасъ
Правятъ школою у насъ...

Во время классовъ Хохряковъ начиналъ разговаривать со священникомъ, съ учителемъ русской словесности, спо-

рилъ съ ними, наводилъ ихъ на тѣ вопросы, которые тревожили его, а его тревожилъ каждый вопросъ, на который онъ набрелъ случайно и не нашелъ отвѣта. Въ листкахъ его записной тетради, хранящихся у меня, вы найдете десять строкъ о Буддѣ, подъ ними записаны слова изъ Байрона, далѣе разъясняется вопросъ: обманщикъ ли Магометъ или энтузіастъ? Потомъ слѣдуютъ переводы Прометея Гёте, одной страницы изъ Прудона, рядъ знаменитыхъ фразъ, въ родѣ: de chacun selon ses facultés et à chacun selon ses besoins и т. д. Перечитывая эти замѣтки, невольно поддаешься неодолимо-грустному чувству, потому что изъ нихъ ясно видно, какъ многое тревожило мозгъ юноши и какъ было мало у него средствъ добраться до дѣльныхъ и «прямыхъ отвѣтовъ на проклятые вопросы»... Учителя не замѣчали его маневровъ, не замѣчали, что ими руководитъ ученикъ, и въ слѣдующіе классы уже сами касались поднятыхъ имъ въ предыдущій классъ вопросовъ.

— Меня кто-то спрашивалъ, кажется, вы, Хохряковъ, про характеръ сочиненій Вольтера,—говорилъ учитель русской литературы Струковъ: — я не успѣлъ отвѣтить на вопросъ, между тѣмъ, мы какъ разъ касаемся теперь того времени исторіи нашей литературы, которое совпадаетъ съ дѣятельностью Вольтера, и потому мы поговоримъ о немъ. Его религіею—былъ деизмъ, его философіей—сенсуализмъ, его моралью – терпимость.

— Что̀ такое деизмъ?—спрашивалъ Хохряковъ.

Учитель объяснялъ. Двое-трое изъ учениковъ настораживали уши, остальные радовались въ душѣ, что Хохряковъ *умѣетъ заговаривать* Струкова, и набивали подъ столомъ папиросы, играли въ карты или просто, въ припадкѣ хорошаго настроенія духа, вырѣзывали различные узоры на школьныхъ столахъ, осторожно сдували стружки, замазывали вырѣзанное чернилами, иногда залѣпляли замазкой изъ толченаго мѣла, любовались своимъ произведеніемъ и ухмылялись глупѣйшими улыбками, поддаваясь какимъ-то идіотическимъ мечтаніямъ. Въ слѣдующій классъ эта ватага, по обыкновенію, не знала урока, и если учитель вызывалъ кого-нибудь изъ ея членовъ и ставилъ ему за незнаніе нуль, то лѣнтяй приходилъ въ азартъ.

— Это чортъ знаетъ, что такое! — кричалъ этотъ господинъ.—Нули умѣетъ крутить, а объяснять уроковъ не хочетъ, задаетъ отсюда да досюда, чортова перечница! поневолѣ трудно учить уроки.

— Чего тебѣ тутъ объяснять?—спрашивалъ Хохряковъ.— Кто былъ Державинъ? Дѣйствительный тайный совѣтникъ былъ, стихи писалъ въ свободное время...

— Это я и самъ знаю...

— Такъ чего же тебѣ еще надо? Слушалъ бы лучше о томъ, чего не знаешь, чего въ запискахъ нѣтъ.

— Гдѣ намъ въ философію пускаться!

— Ну, такъ спалъ бы, добрый человѣкъ, во время лекцій. Вѣдь тебѣ много знать не надо, ты въ гарнизонъ смотришь...

— А ты на тотъ свѣтъ?

— Свинья!

Половина этихъ разговоровъ и сценъ была извѣстна мнѣ, хотя я не принадлежалъ къ тому классу, гдѣ былъ Хохряковъ. Знакомство съ нимъ быстро развивало во мнѣ задатки, положенные уроками двухъ домашнихъ учителей, чтеніемъ книгъ и прошлой жизнью. Въ моихъ мечтахъ уже являлся не простой идеалъ честной жизни, но являлось и прямое желаніе быть подобнымъ Хохрякову, первымъ между товарищами. Иногда я представлялъ себя ораторомъ, окруженнымъ всею школою, мнѣ чудилось, что всѣ меня слушаютъ, всѣ мнѣ повинуются. Но чего же я хочу, что̀ я приказываю имъ? Вотъ этого-то я и не могъ придумать, всѣ мои мысленныя рѣчи останавливались на словахъ: господа, живите честно! Далѣе я не шелъ. Чтобы сдѣлаться передовымъ, нужно было заслужить любовь старшихъ и товарищества; въ этомъ состояла вся задача моей жизни въ теченіе трехъ лѣтъ.

V.

Продолженіе предыдущей.

Описывать школьную жизнь день за днемъ, годъ за годомъ нѣтъ никакой возможности. И дни, и годы во всѣхъ школахъ такъ похожи между собою, какъ слѣпки одной и той же печати. Правда, одинъ слѣпокъ выйдетъ отчетливѣе, другой тусклѣе, на третьемъ явятся двѣ-три ямки, два-три неожиданныхъ бугорка, но всѣ эти различія такъ неуловимо-мелки, что сто̀итъ огромнаго труда собрать ихъ въ одно цѣлое, и, все-таки, это цѣлое будетъ похоже на вылинявшую вышитую шерстью картину и, конечно, не заинтересуютъ никого ея крестики и petits points. Если бы я писалъ не свою автобіографію, а обличительный романъ, то я непремѣнно разсказалъ бы до мельчайшихъ подробностей, какъ,

во время ежегодныхъ публичныхъ экзаменовъ и ревизій, на насъ и на наши кровати надѣвалось необыкновенно хорошее бѣлье, какъ насъ кормили въ эти дни лучше обыкновеннаго, какъ всѣ, начиная съ Фитилькина и до послѣдняго гувернера, бывали въ эти дни встревожены, блѣдны и обходительны съ нами и даже съ школьною прислугою, какъ, наконецъ, въ одну изъ этихъ ревизій меня чуть не посадили въ карцеръ за то, что у меня недоставало одной пуговицы на курткѣ. Могъ бы я разсказать, какъ нѣкоторые учителя, дрожа за свою участь, обманывали заодно съ нами экзаменаторовъ, подсказывая на экзаменахъ, позволяя пороть всякую чепуху, лишь бы она бойко отвѣчалась, и иногда объявляя впередъ, что̀ и кого они спросятъ. Все это могло бы быть описано не безъ ѣдкости, не безъ извѣстнаго юмора, потраченнаго на передачу общеизвѣстныхъ школьныхъ исторій и анекдотовъ, въ родѣ разсказа о переводѣ французской фразы: hâtons, célébrons la gloire d'Achille. Но для моей автобіографіи вмѣсто этихъ описаній нужно упомянуть только одно то, что событія каждой ревизіи и каждаго экзамена понижали въ нашихъ глазахъ и учителей, и гувернеровъ, служили какъ бы ступенями лѣстницы, по которымъ спускались эти власти въ какую-то грязную яму. Мы понимали, что онѣ трусятъ и держатся на мѣстахъ только посредствомъ ловкаго обмана, что ихъ подозрѣваютъ въ этомъ обманѣ, ибо ревизуютъ, и что, рано или поздно, обманъ откроется, и ихъ столкнутъ съ мѣстъ, что самъ наивный Фитилькинъ опутанъ ихъ сѣтями и не видитъ, какъ они вредятъ его училищу дряннымъ исполненіемъ возложенныхъ на нихъ обязанностей. Теряя къ нимъ уваженіе, мы переставали ихъ слушаться и, разумѣется, все чаще и чаще подвергались наказаніямъ и озлоблялись. Послѣднее сильно отражалось въ разговорахъ кружковъ. Но, кромѣ этихъ крупныхъ и общихъ фактовъ, были еще мелкіе, частные случаи, ронявшіе въ нашихъ глазахъ начальниковъ. У насъ, напримѣръ, былъ одинъ гувернеръ, шведъ Ньюландъ, добрѣйшее, но ограниченнѣйшее существо. Онъ не сдѣлалъ въ жизни никому вреда, но въ воспитатели не годился уже по одной своей физіономіи. Хотя это и странно, но золотушность его родителей рѣшила навсегда его участь при рожденіи; онъ былъ смѣшонъ со своими бѣлыми жидкими волосами, веснушками и подслѣповатыми глазами, надъ которыми бѣлѣлись одинокіе волоски рѣсницъ. Смѣшному человѣку очень трудно пробудить любовь къ себѣ и еще

труднѣе снискать уваженіе въ средѣ дѣтей: ребенокъ всегда юмористъ. Смѣшная фигура Ньюланда бросилась въ глаза всѣмъ, и всѣ рѣшили безъ справокъ, что онъ долженъ быть глупъ. Первые подсмѣивались надъ нимъ воспитанники, ихъ примѣру послѣдовали его товарищи. Этого было довольно: Ньюландъ сдѣлался мишенью для шутокъ и остротъ.

— Правда ли, Ньюландъ, что вы однажды приказали высѣчь воспитанника въ той гимназіи, гдѣ вы были?—спрашивалъ его Ивановъ-амбасадеръ, прогуливаясь съ нимъ среди толпы взрослыхъ пансіонеровъ.

— О, та!—восклицалъ Ньюландъ своимъ ломанымъ языкомъ; лица воспитанниковъ уже дрожали отъ сдерживаемаго смѣха.—Это былъ страшный денъ, я сгорячился, я приказывалъ сѣчь и потомъ вдругъ потумалъ себѣ: што ты, Фердинандъ, тѣлаешъ? И зовсѣмъ мое серсе замирало отъ ужасъ; я упѣжалъ...

Вся толпа неизвѣстно чему хохотала, какъ безумная. И Ивановъ, и эти юноши, не знавшіе основательно ни одного языка, кромѣ своего родного, считали удивительно смѣшнымъ то, что иностранецъ худо объясняется по-русски. Имъ въ голову не приходило спросить себя: а какъ мы объяснимся въ случаѣ нужды по-французски или по-нѣмецки?

— И съ тѣхъ поръ вы никого не сѣкли? — продолжалъ спрашивать амбасадеръ, желая еще болѣе потѣшить воспитанниковъ.

— Нѣтъ, — отвѣчалъ шведъ: — я бралъ на другой денъ отпускъ и сталъ клопотать...

— Что? что?

— Сталъ клопотать о другомъ мѣстѣ.

— Господа, Ньюландъ открылъ новый глаголъ, происходящій отъ насѣкомаго,—острилъ одинъ изъ воспитанниковъ.

Среди дѣтей, подшучивавшихъ надъ бѣднымъ шведомъ, нашелся одинъ ребенокъ, изъявившій къ нему какое-то особенное расположеніе, и въ припадкѣ откровенности разсказавшій ему нѣкоторыя печальныя подробности изъ своего прошедшаго житья-бытья. Шведу стало жаль этого хорошенькаго, смирнаго ребенка. Въ одинъ изъ праздниковъ шведъ принесъ ребенку гостинца, въ другой—взялъ его въ отпускъ въ свою квартиру. Эта квартира состояла изъ кухни съ отгороженной передней и изъ гостиной съ отгороженною спальнею. Въ гостиной, между прочею мебелью-развалинами, стоялъ плоскій, какъ блинъ, чернаго отъ времени цвѣта, клеенчатый диванъ, на которомъ спалъ и меч-

талъ въ свободное время Ньюландъ. Въ спальнѣ стояли двѣ кровати съ плоскими, какъ этотъ диванъ, тюфяками, на которыхъ спали мать и сестра Ньюланда. Все въ этомъ жилищѣ, начиная съ него самого, было бѣдно, ветхо, уныло,—но у него была своя роскошь—это чистота. Мать Ньюланда поразила ребенка, выросшаго въ богатой и важной семьѣ, своимъ чистымъ, но бѣднымъ и уродливымъ чепцомъ и своимъ коленкоровымъ платьемъ, которое, вѣроятно, по отсутствію юбокъ, какъ-то смѣшно болталось около ея жидкой фигуры. Сестра Ньюланда привела въ остолбенѣніе ребенка отсутствіемъ тѣла; она вся состояла изъ костей, обтянутыхъ сухою желтоватою кожею; во рту у нея были черные зубы и пустыя мѣста, напоминавшія о нѣсколькихъ выбывшихъ товарищахъ этихъ черныхъ зубовъ; на рукахъ у нея были большіе бугры, оставленные ревматизмомъ и сдѣлавшіеся коричневыми отъ мазей. Все это было слѣдами страданій, болѣзней, невзгодъ, но все это имѣло смѣшной видъ, смѣшную форму, а люди рѣдко видятъ что-нибудь далѣе формы: члены семьи слыли смѣшными людьми. Мать тотчасъ, по приходѣ ребенка, засуетилась, чтобы угостить его кофеемъ съ сдобными булками; сестра засуетилась, чтобы занять ребенка разговорами и чѣмъ-нибудь развлечь его; она для этой цѣли начала вынимать и показывать ему разныя картинки, вѣроятно, изъ той древней азбуки, по которой она училась, и разныя бисерныя работы, вѣроятно, назначавшіяся въ древнія времена для подарковъ ожидавшимся тогда женихамъ; бѣдная золотушная дѣвушка даже подарила ребенку одну изъ этихъ вещицъ, а именно: бисерный чехолъ на зубочистку съ воткнутымъ въ него сухимъ и желтымъ гусинымъ перомъ. Въ два часа гостя накормили незатѣйливымъ, но сытнымъ обѣдомъ, отъ котораго пахло и корицей, и гвоздикой, и ванилью; обѣдъ окончился кондитерскимъ пирожнымъ: это было необычайнымъ событіемъ въ домѣ, но вѣдь и гость въ немъ былъ тоже необычайнымъ событіемъ: быть-можетъ, за это пирожное семья лишала себя на завтра необходимаго второго блюда, — на жалованье гувернера въ частной школѣ нельзя широко жить. Послѣ обѣда Ньюландъ набилъ трубку, взялъ спичку, поднесъ ее къ посыпанной пескомъ коробочкѣ и вопросительно обратилъ голову къ матери:

— Ви дозволяйтъ.

— О, куритъ.

Они говорили по-русски, хотя это было для нихъ трудно,

но говорить по-шведски при ребенкѣ, не знавшемъ этого языка, имъ казалось невѣжествомъ.

— Ви мнѣ позволить?—спросила мать Ньюланда, приподнявъ на головѣ чепецъ и садясь за чтеніе библіи.

Ребенокъ недоумѣвалъ и внутренно смѣялся надъ этою старухою, державшею въ воздухѣ чепецъ наподобіе мужской фуражки.

— Маменька спрашиваетъ, позволите ли вы ей снять чепецъ,—объяснила сестра Ньюланда.

— Пусть снимаетъ!—отвѣтилъ ребенокъ, и по его губамъ скользнула улыбка; онъ закусилъ ихъ, чтобы не захохотать, когда увидалъ голову старушки безъ чепца; она была почти лишена волосъ и сзади торчалъ какой-то крысиный хвостикъ, завязанный въ узелокъ.

— Не хотите ли вы поиграть въ карты? — спросила сестра Ньюланда.

— Пожалуй.

— Фердинандъ, будемъ въ карты играть?

— Корошо. Вотъ поджидай, мы тебя будемъ обигривать,—засмѣялся весело Фердинандъ, выкурившій съ такимъ сладострастнымъ наслажденіемъ трубку, съ какимъ могутъ курить только нѣмцы, шведы и турки.

Началась игра. Братъ и сестра смѣялись до колотья и до слезъ и тому, что одинъ изъ играющихъ сдѣлалъ ошибку, и тому, что одна карта въ колодѣ легла лицомъ кверху, и тому, что розыгрышъ вышелъ, и тому, что одинъ изъ нихъ остался въ дуракахъ. Мать дочитала урочную страницу и присоединилась къ игрокамъ, потомъ еще веселѣе всѣ напились кофе и вечеромъ чаю. За чаемъ всѣ предались не то грустнымъ, не то веселымъ воспоминаніямъ о томъ, какъ бралъ изъ школы какой-то финнъ Готлибъ самого Ньюланда во дни его дѣтства. Всѣ наперерывъ сообщали ребенку малѣйшія подробности изъ жизни этого Готлиба, какъ будто хотѣли прославить его на весь міръ, заставить міръ воздвигнуть памятникъ этому человѣку за то, что онъ приласкалъ когда-то ихъ Фердинанда.

— Ти славный мальшикъ пудешь,—сказалъ Ньюландъ, сидя въ креслѣ и положивъ руки на плечи ребенка, который стоялъ между его колѣнями.

Этими словами кончился день. Бѣдный шведъ радовался, что онъ весело провелъ замѣчательный день въ своей жизни: въ этотъ день онъ праздновалъ годовщину своего рожденія.

На другой день въ томъ классѣ, гдѣ находился этотъ ребенокъ, съ одного конца до другого, переливался неудержимый смѣхъ. Одинъ воспитанникъ держалъ надъ своей головой фуражку и говорилъ: «ви мнѣ позволить?» Эта фигура напоминала мать Ньюланда, снимающую чепецъ передъ чтеніемъ библіи. Другой воспитанникъ приставлялъ ко рту растопыренные пальцы и спрашивалъ: «ви дозволяйтъ?» Эта фигура напоминала Ньюланда, начинающаго курить трубку. Третій воспитанникъ всасывалъ въ себя свои щеки: это похудѣвшее лицо должно было походить на лицо сестры Ньюланда... Несчастный ребенокъ имѣлъ счастливый даръ схватывать смѣшную сторону и имѣлъ несчастную слабость, ни о чемъ не думая, передавать свои наблюденія другимъ. Вся эта комедія дошла до Ньюланда. Онъ нахмурилъ свои бѣлыя брови.

— Что вы, господинъ Ньюландъ, такіе скучные сегодня?—безцеремонно спросилъ у него ребенокъ.

— Поти прочь, несчастній!

— Почему я несчастный?

— Поти прочь, тебѣ каворятъ, не то я тебя проконю...

— Что это вы, лѣвой ногой встали сегодня?—еще фамильярнѣе спросилъ ребенокъ, считавшій себя короткимъ знакомымъ Ньюланда.

— Я тебя пудетъ наказывайтъ.

— Развѣ вы смѣете, если я ничего не сдѣлалъ?

— А-а! Я не смѣйтъ! Итемъ къ директоръ! — шведъ, дрожа, какъ въ лихорадкѣ, схватилъ грубо за руку мальчугана и потащилъ его за собою, задыхающимся голосомъ крича:—а, я не смѣйтъ! я не смѣйтъ! ти тумаешь, что я и у тебя пудетъ позволенія проситъ?

Передъ дверями директорской квартиры Ньюландъ остановился.

— Проси прошенья!—крикнулъ онъ.

— Я ничего не сдѣлалъ.

— Проси прошенья! проси прошенья!

— Не стану!

Ньюландъ взглянулъ на ребенка и съ омерзѣніемъ оттолкнулъ его отъ себя, какъ какую-нибудь гадину.

— Ступай!—сказалъ онъ и подошелъ къ окну, которое было въ коридорѣ.

Ребенокъ, какъ изъ лука стрѣла, полетѣлъ въ классъ, а Ньюландъ остался въ коридорѣ, прислонивъ горячій лобъ къ холодному стеклу; говорятъ, что онъ плакалъ...

Этотъ несчастный ребенокъ былъ я...

Съ этого дня шутить и смѣяться надъ Ньюландомъ сдѣлалось опаснымъ: онъ началъ жаловаться директору. Воспитанники уже начинали его ненавидѣть. Однажды, во время дачной жизни, какой-то шутникъ разсказывалъ товарищамъ, что Ньюландъ въ своей свѣтелкѣ куритъ по вечерамъ трубку и поетъ слѣдующую пѣсню:

Бабушка летаэтъ,
Птишка поэтъ,
Бэтному Ньюланду
Спать не таэтъ.

Была ли это выдумка школяра, былъ ли это дѣйствительный фактъ,—не знаю, но только съ этой минуты бѣдному гувернеру не было прохода, онъ вездѣ и отъ всѣхъ слышалъ эту пѣсню, слышалъ ея проклятый напѣвъ, звучавшій нестерпимою насмѣшливостью... Вообразите себѣ, что васъ облѣпили сотни мухъ и ползаютъ по васъ, и щекотятъ ваше тѣло, вообразите себѣ, что это будетъ происходить каждый день и продолжаться годы,—тогда вы поймете положеніе Ньюланда. Черезъ годъ онъ былъ неузнаваемъ: это былъ сварливый, придирчивый, жестокій начальникъ, онъ любилъ сѣчь и любилъ, чтобы подъ розгой кричали, бились и рыдали его жертвы, вымаливая прощенье. Въ дѣтяхъ онъ видѣлъ просто своихъ враговъ и велъ съ ними безнравственную войну. Дѣти, разумѣется, давали ему отпоръ, насколько могли.

Я могъ бы разсказать множество фактовъ о томъ, какъ и почему начиналась вражда и неуваженіе между дѣтьми и старшими. Въ мірѣ нѣтъ ничего труднѣе воспитанія. Здѣсь одна, часто просто вздорная, ошибка со стороны учителей и воспитателей роняетъ ихъ въ глазахъ ребенка; пріучаетъ его къ неуваженію, а потомъ къ желанію побѣдить непріязненную личность. И то мгновеніе, въ которое ребенокъ впервые почувствовалъ желаніе воевать съ учителями и воспитателями, бываетъ по большей части минутою нравственной гибели ребенка, началомъ его вредныхъ шалостей, упорной лѣни не отъ врожденной сонливости, а вслѣдствіе каприза и дѣтски наивнаго стремленія отравить покой врага, взбѣсить его своимъ поведеніемъ, жертвуя за это своею спиною, потерею стыда и боязни наказанія. Надо до чрезвычайности осторожно анализировать факты, чтобы стать судьею между дѣтьми и наставниками, и если вы будете безпристрастны, то всегда найдете, что виноваты вторые,

считающіе святое дѣло воспитанія пустою игрою, доставляющею средства къ существованію. Имъ въ голову не приходитъ, что малѣйшая ошибка съ ихъ стороны губитъ навсегда характеры десятка дѣтей, приготовляетъ обществу негодныхъ и часто вредныхъ гражданъ. Имъ и въ голову не приходитъ, что, вмѣстѣ съ званіемъ учителей и воспитателей, они берутъ въ свои руки будущность цѣлаго поколѣнія людей, что тотъ, кто на десятомъ году жизни мститъ и тѣшится воткнутою въ стулъ врага-учителя булавкою, очень легко можетъ на тридцатомъ году жизни потѣшиться ножомъ въ дѣлѣ съ врагами. Тутъ не скачки, а переходъ съ одной ступени на другую. Учитель, это—духовный отецъ, или палачъ. Когда подумаешь обо всемъ этомъ серьезно, то и какой-нибудь Матвѣй Матвѣичъ Матвѣевъ или Ньюландъ становятся далеко не смѣшными, а просто страшными, бросающими въ дрожь дѣятелями, какъ бросаетъ въ дрожь буффъ или арлекинъ въ роли палача...

Но всѣ эти истины, къ несчастію, такъ стары, такъ общеизвѣстны, что дальновидные критики именно за нихъ назовутъ мою біографію скучною, а читатели сочтутъ своею обязанностью пропустить эту страницу безъ прочтенія и, попрежнему, не думая о сданныхъ въ архивъ вопросахъ, нетерпѣливо станутъ искать глазами *сцены съ разговорами*, по числу которыхъ мѣряется достоинство современныхъ литературныхъ произведеній. Мы всѣ очень любимъ болтовню!.. Нечего дѣлать, перейдемъ къ сценамъ съ разговорами...

Прошло еще три года школьной жизни. Въ это время я получилъ отъ сестры и отъ отца письма, разумѣется послѣ гувернера и директора, которыхъ очень интересовала моя переписка съ родными, у директора же оставались и присылаемыя мнѣ деньги; онѣ забирались потомъ по мелочи. Разъ пять въ теченіе каждаго года бывалъ я у тетки и каждый разъ слышалъ отъ ея чопорнаго семидесятилѣтняго лакея одну и ту же стереотипную фразу: «Ея превосходительство желаютъ, чтобы вы поздравили ихъ съ праздникомъ». Въ одинъ изъ этихъ торжественныхъ дней меня очень удивило, что ко мнѣ явился не старый, а молодой лакей, и замѣнилъ знакомую фразу болѣе простыми и ясными словами: «Васъ велѣно привести къ тетушкѣ!» Я спросилъ о чопорномъ старикѣ; мнѣ отвѣтили, что онъ умеръ. Еще болѣе удивился я, когда въ слѣдующій торжественный праздникъ ко мнѣ не явился и молодой лакей тетки, а черезъ

нѣсколько дней пришло письмо отъ отца, запечатанное черной печатью и извѣщавшее о смерти самой тетки.

— Не испугайся,—сказалъ мнѣ Фитилькинъ, заботливо призвавъ меня къ себѣ и отдавая письмо.—Тутъ тебѣ пишутъ объ одной не очень пріятной новости. Твоя тетка была очень, очень опасно больна...

Директоръ пріостановился. Я стоялъ совершенно покойно и ждалъ продолженія рѣчи.

— Вылѣчить ее было нельзя, она умерла.

— А-а!—въ какомъ-то отупѣніи промолвилъ я. — Когда же ее хоронить будутъ?

— Ее уже похоронили въ прошлую среду, какъ можно думать, судя по письму.

— Такъ это, вѣрно, ее и везли мимо нашего класса подъ краснымъ балдахиномъ,—рѣшилъ я, вспомнивъ процессію, видѣнную мною въ среду.

— Какъ видно, такъ тебя не очень печалитъ ея смерть!

— Нѣтъ, мнѣ жалко...

Я остановился и покраснѣлъ: мнѣ нисколько не было жалко тетку.

Послѣднія письма отца приходили не изъ Москвы, но изъ нашей родной Шуповки, почему я и могъ заключить, что отецъ переселился въ деревню; это подтвердилъ мнѣ и Митричъ, жившій гдѣ-то въ Петербургѣ и изрѣдка посѣщавшій меня. Онъ былъ по лицу такимъ же, какъ и прежде; но его ноги плохо ходили и слезы, при малѣйшемъ волненіи набѣгавшія на глаза, говорили, что и надъ этой развалиной пронеслось еще нѣсколько лѣтъ. Эти года прошли не безъ слѣда и надо мною, я сталъ очень высокъ ростомъ, сдѣлался очень развязнымъ молодымъ человѣкомъ, заботился о красивой стрижкѣ волосъ и чесалъ ихъ одинаково съ амбасадеромъ, считавшимся свѣтскимъ человѣкомъ. Меня любило товарищество. Я велъ себя хорошо, потому что около меня стоялъ Хохряковъ. Онъ съ каждымъ днемъ все сильнѣе и сильнѣе привязывался ко мнѣ; иногда его просто сердило, если кто-нибудь мѣшалъ нашимъ прогулкамъ вдвоемъ по двору. Въ его душѣ накипѣло столько горя и жёлчи, что другъ и повѣренный ему становился необходимымъ, товарищество начинало тяготить его своимъ безпечнымъ весельемъ, своими безплодными продѣлками. Между тѣмъ организмъ Хохрякова быстро разрушался. Послѣ утомительнаго прогулками для составленія гербаріевъ и коллекцій насѣкомыхъ и веселаго свободой, чистымъ воздухомъ

лѣтняго времени, мой другъ слегъ въ постель; лѣтнія прогулки уходили его окончательно, а ему до выпуска, до поступленія въ юнкера, оставался только годъ. Настали дни почти двухнедѣльной бездѣятельной жизни въ городѣ, послѣ дачи. Я въ это время тоже былъ не очень здоровъ и лежалъ въ комнатѣ для больныхъ, хотя могъ бы со своею болѣзнею и не быть тамъ, но мнѣ не хотѣлось отлучаться отъ моего друга. Часто къ нему собирались и другіе товарищи, иногда мы играли въ карты, иногда просто болтали разный вздоръ, потѣшая умирающаго. Я не знаю ничего болѣе печальнаго, какъ смерть юноши, окруженнаго здоровыми, полными надеждъ товарищами, желающаго жить, терзаемаго мыслью о неизбѣжной близкой смерти. Каждое его слово, каждый взглядъ рѣжутъ ножомъ по-сердцу.

— Вотъ, господа, умирать приходится, а вѣдь можно бы еще пожить,—говорилъ онъ, улыбаясь своею горькой усмѣшкой и отбрасывая назадъ отросшіе во время болѣзни черные кудрявые волосы.

Мы молчали.

— И отчего это такъ жить хочется, хотя вся жизнь прошла гадко и, вѣрно, пошла бы еще хуже, потому что дальше въ лѣсъ, больше дровъ?.. Вѣдь и не жаль мнѣ никого...

— Какъ никого, а мать?—спросилъ кто-то.

— Мать меня похоронила, отдавая за полторы тысячи верстъ въ училище. Мы съ ней не видались девять лѣтъ, не бѣда, если и дольше не увидимся. Вотъ, тебя немножко жаль, Шуповъ...

Однажды Фитилькинъ явился къ больному, подошелъ къ его кровати и сталъ съ нимъ говорить, стараясь его ободрить:

— Вотъ, Богъ дастъ, поправишься къ веснѣ, такъ тебя твоя матушка на свой счетъ на кумысъ свезетъ.

— Охъ, Владиміръ Петровичъ, туда и провожать никто не пойдетъ, лучше ужъ на Смоленское, оно ближе, — сшутилъ умирающій.

Между тѣмъ, Фитилькинъ, котораго сильно тревожилъ больной, такъ какъ у насъ не оставались опасно больные, далъ знать его матери о положеніи больного; ее поразило это извѣстіе, какъ громъ. Она поспѣшно пріѣхала въ Петербургъ. Я сидѣлъ недалеко отъ кровати Хохрякова, когда она въ первый разъ вошла къ нему въ комнату и остановилась въ недоумѣніи посрединѣ, глядя на сына. Девять

лѣтъ страшно измѣнили его. Она отдала его пухленькимъ, краснощекимъ и загорѣлымъ десятилѣтнимъ ребенкомъ, теперь передъ нею лежалъ блѣдный, худой, высокій ростомъ молодой человѣкъ съ строгими чертами умнаго и выразительнаго лица.

— Ваничка,—воскликнула она и бросилась къ нему.

— Тише, у меня шпанская муха на груди,—произнесъ больной ледянымъ голосомъ и защитилъ свою изрытую мушками грудь рукою.

Въ этихъ словахъ былъ какой-то страшный смыслъ, кажется, цѣлая бездна открылась передъ несчастною матерью. Можетъ-быть, ей вспомнились въ эту минуту и письма сына, и ея отвѣты на нихъ. Она посидѣла съ часъ у его кровати, онъ лежалъ въ полузабытьи и потомъ тихо уснулъ. Она едва слышнымъ поцѣлуемъ поцѣловала его блѣдный лобъ и на цыпочкахъ вышла вонъ.

Черезъ нѣсколько дней она снова была у него и, узнавъ отъ доктора, какъ страшно мучился ея сынъ въ прошлую ночь, начала плакать. Это раздражило больного.

— Чего тутъ плакать?—сказалъ онъ.—Я вамъ двадцать разъ писалъ, что я не созданъ для здѣшняго климата, что и въ той школѣ я не хочу быть, что меня уморитъ здѣшняя жизнь,—ну, вотъ и уморила.

— Другъ мой, кто же это могъ предвидѣть!

— Кто, кто? Я предвидѣлъ! Такъ мнѣ вѣрить не хотѣли, думали: «Онъ притворяется, мерзавецъ.» Кто далъ вамъ право подозрѣвать меня во лжи, считать подлецомъ? И можете ли вы меня любить, если я подлецъ, обманщикъ въ вашихъ глазахъ? Чего-жъ тутъ плакать? Однимъ негодяемъ будетъ меньше!

Мать сидѣла молча, по ея щекѣ катилась одинокая слеза. Несчастная женщина видѣла, что больной находится въ состояніи нервнаго раздраженія, и не имѣла средства успокоить его.

— Ну, этого не могли предвидѣть, такъ другого могли ожидать,—продолжалъ онъ.—Примѣръ былъ: брата въ юнкера противъ воли отдали, на войнѣ убитъ. Тоже юноша былъ! И его оплакивали. А все изъ-за того, что можно было насъ съ рукъ сбыть, воспитать даромъ. Надо же и платить за это.

— Господи, до чего я дожила!—прошептала мать.

Она была до того жалка въ эту минуту, что становилось страшно за нее.

— А я и не жилъ, да вотъ въ гробъ иду! Вы думаете мнѣ

легко? Вѣдь я жить хотѣлъ бы... Вѣдь второй жизни не будетъ...

Больной въ изнеможеніи опустился на подушку и началъ бредить, потомъ, мало-по-малу, утихъ. Въ комнатѣ царствовала гробовая тишина, минуты медленно уходили за минутами...

— Умеръ!—проговорилъ одинъ изъ товарищей, прошедшій мимо кровати Хохрякова и заглянувшій ему въ лицо.

Насъ, распивавшихъ чай въ *больницѣ*, какъ мы величали комнату для больныхъ, не имѣвшихъ никакого уваженія къ мертвому тѣлу, какъ-то ошеломило это слово, и мы со страхомъ взглянули на мать покойника. Она сидѣла молча, съ поникшей головой, съ опущенными на колѣни руками, и перебирала пальцами носовой платокъ... Я завернулся съ головой въ одѣяло, чтобы не видѣть и не слышать ничего, мнѣ хотѣлось не жить въ эти минуты; даже не было во мнѣ столь свойственнаго юности любопытства узнать, что̀ будетъ дальше. Такія минуты рѣдко повторяются въ жизни, остаются въ памяти навсегда и тысячу разъ вызываютъ на размышленія, приводятъ къ новымъ заключеніямъ и, въ концѣ концовъ, постоянно навѣваютъ ужасъ, ужасъ и ужасъ...

VI.

Я напиваюсь пьянымъ.

Только послѣ смерти Хохрякова понялъ я, какъ я его любилъ, какъ онъ былъ мнѣ нуженъ именно въ это время, когда мнѣ пошелъ шестнадцатый годъ, то-есть настало время быстраго умственнаго и физическаго развитія. Въ этотъ періодъ жизни человѣку хочется жить полнѣе и шире, у него является неодолимое стремленіе къ чему-то неизвѣстному. Въ этотъ періодъ въ нашемъ обществѣ у юношей или развивается мечтательность до безобразныхъ размѣровъ, до писанья въ день двадцати стихотворныхъ посланій *къ ней*, или закипаютъ необузданныя страсти, слѣдствіемъ которыхъ бываютъ первыя ошибки, первые пороки и мелкій развратъ, отъ которыхъ менѣе всего можетъ спасти закрытое учебное заведеніе. Всѣ это видятъ, и никто не хочетъ явиться въ эти минуты спасителемъ юношей, потому что до нихъ никому нѣтъ дѣла, никто не хочетъ заинтересовать ихъ какою-нибудь честною дѣятельностью, чтобы они знали, какъ провести свободное отъ ученья время. Попрежнему въ этотъ періодъ заставляютъ ихъ только долбить сухіе учебники, не объясняя, на что̀ можетъ пригодиться эта школь-

ная сушь, попрежнему кажется имъ пустою прихотью старшихъ преподаваніе исторіи и географіи, которыя, по ихъ соображеніямъ, ни на что не нужны; еще менѣе нужными кажутся какому-нибудь будущему дипломату алгебра и геометрія; химія занимаетъ всѣхъ своими *забавными* опытами, но серьезно занимается ею одинъ изъ ста человѣкъ. Разумѣется, на всѣ эти и подобныя имъ *ненужныя* науки каждый старается посвятить какъ можно менѣе времени и остальные свободные часы наполняетъ чѣмъ можетъ. Ну, а чѣмъ можетъ у насъ наполнить юноша свои свободные часы, особенно если онъ живетъ въ какомъ-нибудь учебномъ заведеніи, а не дома? Въ свободные часы онъ не можетъ идти изъ училища въ театръ; не можетъ заняться какимъ-нибудь ремесломъ, хотя каждый чувствуетъ охоту что-нибудь поточить, попилить, поклеить; не можетъ онъ провести вечеръ въ обществѣ опытныхъ, старшихъ возрастомъ людей, разрѣшить съ помощью ихъ свои неясные сомнѣнья и вопросы, потому что ни одинъ учитель, гувернеръ, инспекторъ или какая-нибудь другая школьная власть не допуститъ въ свое общество этихъ юношей, потому что юноши надоѣли этимъ служащимъ безъ призванія господамъ, потому что съ юношей надо быть осторожнымъ, нельзя при немъ предаваться картежной игрѣ, оргіямъ, разнузданнымъ рѣчамъ, которыя заставляютъ насъ краснѣть, достигнувъ нашего слуха на Сѣнной площади, и которыя вызываютъ веселый смѣхъ въ каждой холостой компаніи, составляютъ ея соль. Юношамъ остается одно: чтенье дрянныхъ романовъ, мечтанье и развратъ. Ну, и не пеняйте, если ваши дѣти годны только на тасканье за женской юбкой!..

Послѣ смерти Хохрякова мнѣ было нечего дѣлать въ его кружкѣ. Стремленье къ сальностямъ, къ кутежу стало замѣтнѣе проявляться въ немъ съ тѣхъ поръ, какъ не стало его руководителя. Сверхъ того, это были воспитанники, оканчивавшіе свои учебные годы, и потому они считали долгомъ дѣлать опыты того, что̀ они будутъ дѣлать въ большихъ размѣрахъ, будучи на волѣ. Начальство начинало на нихъ коситься и ждало перваго случая, чтобы наказать примѣрно. Съ грустью проходилъ я мимо того мѣста въ сухой канавѣ, гдѣ обыкновенно помѣщался кружокъ Хохрякова, гдѣ всѣ давно привыкли къ моему присутствію, хотя я и былъ моложе ихъ. Однажды, когда я проходилъ мимо этого завѣтнаго мѣста, меня окликнули:

— Шуповъ, иди къ намъ!

Я узналъ голосъ Соболева и подошелъ.

— Хочешь папиросу?—спросилъ меня другой пансіонеръ Грабовскій, знавшій, какъ и всѣ другіе, что я не могу курить.

— Дѣвочки не курятъ, господа,—подшутилъ Соболевъ, знавшій тоже, что у меня болитъ голова отъ папиросъ.

Я вспыхнулъ и взялъ папиросу, мнѣ хотѣлось обругать этого господина, но еще болѣе хотѣлось плакать отъ досады и отъ душившаго меня дыма.

— Э! такъ ты, пожалуй, и отъ рюмки вина не откажешься?

— Если захочу, такъ выпью.

— Видно, теперь некому командовать тобою, умеръ наставникъ и благодѣтель.

— Какой наставникъ?

— Хохряковъ, будто ты не понимаешь!

— Онъ никогда не былъ моимъ наставникомъ, я не ребенокъ.

— Ну, такъ мы приглашаемъ тебя къ себѣ сегодня вечеромъ,—смѣясь замѣтилъ Грабовскій.

— Да, да, приходи чай пить!—подхватили голоса обрадованныхъ возможностью сыграть шутку воспитанниковъ.—Надо тебя угостить!

— Да онъ не придетъ, побоится, что вино будетъ.

— Приду,—отвѣтилъ я, поддаваясь чувству ложнаго стыда, не допускавшаго меня уйти отъ людей, явно смѣявшихся надо мною.

У меня уже кружилась голова отъ табаку.

Вечеромъ, дѣйствительно, меня зазвали въ одну изъ укрытыхъ отъ надзора комнатъ пить чай. Комната эта принадлежала одному изъ школьныхъ служителей и давалась намъ не даромъ. За чаемъ была и бутылка вина, какъ кажется, купленнаго ради потѣхи надо мною. Кругомъ меня что-то говорили, чему-то громко смѣялись, я смѣялся еще громче, такъ что Соболевъ, тоже смѣясь, зажалъ мнѣ ротъ рукою. Грабовскій сострилъ, что сегодня праздникъ Луки, цѣлованіе соболевской руки. Я началъ ругаться.

— Ну, полно ругаться!—крикнулъ кто-то: я уже не узнавалъ голосовъ.—Поѣдемъ съ нами къ нашей тетушкѣ.

— Нѣтъ, господа, онъ побоится ѣхать къ ней.

— А вотъ поѣду!—крикнулъ я, топая ногою.

— Ха-ха-ха!—захохотало нѣсколько голосовъ.—Да она тебя высѣчетъ!

— Поѣду!—кричалъ я.

— Полно орать. Онъ совсѣмъ пьянъ отъ трехъ рюмокъ, отведите его спать.

Ругая кого-то и слыша чьи-то увѣщанія, пришелъ я въ спальню и улегся спать неизвѣстно какъ, неизвѣстно когда. Такія продѣлки не проходятъ даромъ, тѣмъ болѣе, когда гувернеры не дремлютъ. На другой день меня позвали къ директору. У него сидѣлъ Мальцевъ. Оба они были хмурые, безмолвные. Мальцевъ началъ меня допрашивать, что̀ я вчера дѣлалъ, гдѣ былъ вечеромъ, что̀ тамъ дѣлали другіе и кто эти другіе...

— Такъ ты ушелъ спать въ девять часовъ?—спросилъ Фитилькинъ.

— Да!—отвѣчалъ я.

Въ эту минуту въ комнату влетѣлъ—онъ всегда леталъ—черненькій либералъ-инспекторъ, составлявшій вѣчную оппозицію Мальцеву и иногда не безъ пользы для школы, гдѣ онъ представлялъ первую ласточку, пророчившую весну. Онъ желалъ сдѣлаться популярнымъ и потому постоянно горячился за свои идеи при воспитанникахъ.

— Гувегнеговъ смѣнить, надзигателей смѣнить надо!—вполголоса заговорилъ онъ съ директоромъ на своемъ птичьемъ языкѣ, замѣняя всюду букву р буквою г. Этотъ выговоръ какъ нельзя болѣе гармонировалъ съ его вертлявою, маленькою фигуркою.—Тутъ-съ сѣченье, гозга, кагцегы, заключенье ничего не помогутъ. Это-съ все будетъ вгеменное...

— Что̀ вы мнѣ толкуете о смѣнѣ гувернеровъ! Въ карманѣ новые-то у меня сидятъ, что ли? Надзоръ надо усилить! вотъ что надо сдѣлать.

— Это-съ не пгесѣчетъ зла. Надзогъ газовьетъ только способность обманывать.

— Ну, такъ что же, по-вашему: позволить имъ на шею къ намъ сѣсть, кнутикомъ насъ погонять?

— Я этого-съ не тгебую, не желаю! Я смѣны гувегнеговъ тгебую.

Я не знаю, чѣмъ кончился этотъ разговоръ. Фитилькинъ поспѣшилъ отвести меня въ сторону, оставилъ инспектора говорить съ Мальцевымъ и изъ предосторожности поставилъ меня къ разговаривающимъ спиною, вѣроятно, полагая, что я слышу глазами, и началъ читать мнѣ наставленіе, ввертывая угрозы и тыкая меня своимъ жирнымъ, квадратнымъ пальцемъ то въ лобъ, то въ грудь, то въ плечо, со-

образно съ содержаніемъ рѣчи и поддерживая такимъ образомъ дѣятельность моего ума и чувства. Вспоминая теперь эту сцену, я благодарю небо, что оно надѣлило Фитилькина такими жирными, похожими на резиновыя трубочки, пальцами.

Меня посадили на три дня въ карцеръ; но прежде я долженъ былъ, вмѣстѣ со вчерашними кутилами, присутствовать на экзекуціи, совершенной надъ Соболевымъ. Ему предложилъ Фитилькинъ на выборъ два наказанія: изгнаніе изъ школы или розги. Соболевъ выбралъ послѣднее. Это былъ послѣдній взрослый воспитанникъ, высѣченный въ нашемъ училищѣ, скоро и совсѣмъ начала выводиться изъ употребленія розга. Соболева выпороли, но Фитилькинъ посовѣстился дать ему свою руку для цѣлованія. Многое передумалъ я въ карцерѣ; эта грязная каморка, исписанная непозволительными пошлостями, оберегаемая знаменитымъ самоѣдомъ, три дня одиночества, сознаніе гадости моего поведенія подѣйствовали на меня сильно. Стало мнѣ совѣстно, что мое ученье идетъ все хуже и хуже, что я почему-то не могу заниматься и, сидя за книгою, думаю о постороннихъ предметахъ. Я далъ себѣ слово быть прилежнымъ, но дѣло отъ этого не пошло лучше, наука мнѣ была противна, я считалъ ненужными всѣ преподаваемые предметы, былъ разсѣянъ и находился постоянно въ тревогѣ. Прогулки по городу послѣ сидѣнья въ классахъ должны бы были укрѣплять меня, но онѣ, напротивъ того, утомляли меня, и послѣ каждой прогулки я впадалъ въ бездѣйствіе, предавался мечтамъ.

Я рѣшился, наконецъ, написать отцу, что мнѣ скучно быть по воскресеньямъ въ училищѣ, что при жизни тетки я ходилъ иногда къ ней, а теперь мнѣ некуда ходить, что, наконецъ, я почти одинъ остаюсь по праздникамъ въ школѣ, то чтобы онъ позволилъ мнѣ бывать у Люлюшиныхъ. Отецъ отвѣтилъ: «Глупости! ты чушь порешь! Ты окруженъ десятками такихъ же мальчишекъ, какъ и ты, и, значитъ, въ твоей волѣ играть съ ними и не скучать. Если бы ты подумалъ о томъ, что̀ ты пишешь, то тебѣ не пришлось бы краснѣть теперь за высказанную тобою глупость». Этотъ отвѣтъ заставилъ меня махнуть рукою на все и сдѣлаться тѣмъ, чѣмъ были другіе, то-есть безпечнымъ, немыслящимъ, отдающимся всѣмъ случайностямъ существомъ. Я снова пустился въ разныя продѣлки, лѣтомъ согласился съ тремя товарищами *чаить* и составилъ свой кружокъ. Къ намъ

присоединилось еще нѣсколько воспитанниковъ. Лѣтнее время летитъ быстро; прогулки, ловля бабочекъ, рыбы, собиранье и сушенье цвѣтовъ, купанья—все это заставляетъ двигаться, ни о чемъ не думать, кромѣ близкаго отдыха. Вообще въ такой жизни нѣтъ времени опомниться и осмотрѣться, если только человѣкъ вполнѣ отдастся теченію окружающей его жизни. Я игралъ въ нашемъ кружкѣ очень важную роль; острилъ искуснѣе другихъ, въ спорахъ оставался побѣдителемъ, имѣя очень громкій голосъ; хвасталъ знаніемъ разной дряни; серьезно разсуждалъ о томъ, что на зиму запущу волосы, что короткая стрижка гадка и выходитъ изъ моды; сильно завидовалъ въ душѣ усамъ одного изъ товарищей и щипалъ свою верхнюю губу, на которой не было и пуха. Я сорилъ деньгами и былъ кругомъ въ долгу, мое обращеніе съ прислугой было нестерпимо-дурно.

— Когда-нибудь ты нарвешься на бойкаго лакея,—угрожали мнѣ мои товарищи, когда я слишкомъ забывался въ обращеніи съ школьной прислугой.

— Вотъ еще выдумали! Этимъ холопамъ только деньги плати, такъ они съ радостью будутъ подставлять щеки подъ оплеухи. У нихъ и пословицы-то какія: «какъ ни зови, только хлѣбомъ корми», или «брань на вороту не виснетъ!»

— Однако...

— Однако, я вымазалъ дегтемъ мальчишку нашего самоѣда и пустилъ его въ этомъ видѣ на улицу, да вѣдь не пожаловался же самоѣдъ на меня за это?

— Ты куда выйдешь?—спросилъ меня, перемѣняя разговоръ, мой старый знакомый Золотовъ, сдѣлавшійся довольно странною личностью: онъ былъ склоненъ къ загулу, къ кутежу, и въ то же время сильно сочувствовалъ честнымъ идеямъ, которыя начинали въ это время проникать въ наше общество.

— Въ гусарскіе юнкера, душа моя, думаю выйти,—промолвилъ я.—Мнѣ оставалось два года до выпуска.

— Содержаніе дорого.

— Такъ что-жъ такое? У меня деревня, вѣроятно и капиталъ найдется. Отецъ мало тратитъ на мое воспитаніе и, значитъ, проценты все растутъ.

— А какъ отецъ-то не дастъ тебѣ ничего изъ этого капитала?

— Развѣ онъ смѣетъ! Имѣніе мое, мнѣ мать его оставила.

— То-то ты закутишь, какъ вырвешься на волю! Теперь-то тебя присадили, голубчика!

— Кто присадилъ?—вспылилъ я.

— Какъ кто?

— Ну да, куда? кто? я тебя спрашиваю,—кричалъ я.— Я самъ не хотѣлъ ходить по праздникамъ въ отпуски, а захочу, такъ и буду ходить.

— Да куда, вѣдь у тебя родныхъ здѣсь нѣтъ?

— А куда захочу, туда и пойду, хоть въ кабакъ!—и я захохоталъ удалымъ смѣхомъ.—Я, братъ, военнымъ буду, а не какимъ-нибудь штафиркой, какъ ты!..

Я въ этотъ день не пилъ вина, но я былъ пьянъ; уже нѣсколько мѣсяцевъ я былъ пьянъ безъ помощи вина. Это было опьянѣніе необузданной безшабашной удали, въ которую вылились всѣ мои нравственныя силы, неимѣвшія ни другого дѣла, ни другого пути. И съ какимъ отвратительнымъ хохотомъ, съ какой самонадѣянностью говорилъ я о своемъ предполагаемомъ противодѣйствіи отцу и какъ игралъ именемъ этого человѣка, котораго одинъ взглядъ едва не заставлялъ меня падать въ обморокъ.

VII.

Я встрѣчаюсь съ обществомъ и дѣйствительною жизнью.

Чтобы исполнить свое желаніе и ходить въ отпускъ помимо позволенія отца, я написалъ письмо къ Колькѣ, прося его зайти поскорѣе ко мнѣ. Мы съ нимъ видались въ послѣднее время рѣдко, встрѣчались очень радостно, братски цѣловали другъ друга и, походивъ по школьному коридору, разставались какъ-то грустно и вмѣстѣ съ тѣмъ холодно. Причиной этого было то, что мы съ Колькой уже стояли на разныхъ берегахъ и сойтись покуда не было возможности. Кольку, знавшаго всю грязь и мерзость городской жизни, пугалъ цинизмъ моихъ рѣчей; онъ не выносилъ безъ краски стыда этого ухарскаго тона моихъ неистощимыхъ анекдотовъ. Его суровые разсказы о гимназіи, о домашнихъ дѣлахъ скользили мимо моихъ ушей, не задѣвая меня за живое; съ такимъ же невниманіемъ слушалъ я его восторженныя рѣчи о какомъ-то учителѣ Шуповѣ, и только посмѣялся предположенію Кольки, что какой-нибудь учителишка можетъ-быть нашимъ родственникомъ. Все это оскорбляло и раздражало Кольку. Онъ ходилъ ко мнѣ все рѣже и рѣже, но оставить меня, повидимому, не могъ, какая-то непонятная для него самого въ то время сила привязывала его ко мнѣ, несмотря на всю мою пошлость. Въ коридорѣ, гдѣ мы обыкновенно ходили, часто происходили странныя сцены,

памятныя и понятныя только намъ съ Колькой: я боюсь говорить о нихъ подробно, такъ онѣ странны для постороннихъ. Мы ссорились, говорили другъ другу рѣзкія, непріятныя слова, окончательно рѣшались никогда не встрѣчаться, и потомъ въ обычный день я стоялъ долгіе часы у окна и смотрѣлъ на дорогу, ожидая, не появится ли Колька. Если онъ не появлялся, мнѣ дѣлалось тяжело, невыносимо-тяжело, хотя я и увѣрялъ себя, что его не люблю, и вотъ я писалъ къ нему: «Колька, я не имѣю никакого права просить тебя придти ко мнѣ, но я нездоровъ, и потому, ради Бога, приди ко мнѣ еще одинъ разъ». И Колька приходилъ... Мнѣ хотѣлось въ эти минуты плакать, просить у него за что-то прощенія, цѣловать его руки; но мнѣ было *стыдно*, и встрѣча была холоднѣе, чѣмъ бы слѣдовало ожидать по письму, а прощаніе снова походило на ссору...

— Что̀ тебѣ нужно, голубчикъ?—спросилъ Колька, являясь въ школу послѣ полученія послѣдняго письма.

— Да вотъ, Колька, въ отпускъ мнѣ хочется ходить, такъ скажи своей матери, чтобы она пріѣхала взять годовой отпускной билетъ.

— Гм!.. право не знаю, согласится ли она,—нерѣшительно замѣтилъ онъ.

— Вотъ еще! отчего не согласится? Развѣ ей трудно доѣхать до нашего училища и взять билетъ? Больше ничего не нужно.

— Знаю, что больше ничего не нужно,—задумчиво проговорилъ онъ и, помолчавъ съ минуту, спросилъ меня:—не могу ли я взять билетъ?

— Вотъ еще выдумалъ? Такъ тебѣ и дадутъ!

— Но вѣдь я теперь не ребенокъ, а студентъ...

— Все же не дадутъ, ты холостой.

— Да вѣдь я съ отцомъ и съ матерью живу, могу отъ ихъ имени взять билетъ.

— Ахъ, да говорятъ тебѣ русскимъ языкомъ, что не дадутъ!—крикнулъ я, начиная злиться.

— Чего же ты кричишь-то? Экая проклятая привычка! Куда же ты будешь ходить въ отпускъ?—спросилъ онъ, помолчавъ.

— Къ вамъ.

— Къ намъ?!—съ испугомъ воскликнулъ Колька и весь вспыхнулъ.

Онъ началъ ходить быстрѣе по коридору, и видно было, что въ его головѣ роились мысли, которыхъ онъ не могъ высказать.

— Слушай,—началъ онъ, глядя не на меня, а въ сторону.—Ни отецъ, ни мать не согласятся брать тебя въ отпускъ даромъ. Ты долженъ это знать.

— Что же, развѣ я ихъ объѣмъ? Сама же твоя мать всегда трезвонила, что тарелка супу не разоритъ ее; впрочемъ, если нужно, такъ я ей, пожалуй, буду платить поденно. Это интересно! Ха-ха-ха!

Колька вспыхнулъ.

— Мнѣ твои разсужденія не нужны,—горячо замѣтилъ онъ.—Я тебѣ сказалъ фактъ, который ты доженъ знать.

— Вотъ-съ какъ! Ну-съ, такъ какъ я теперь знаю этотъ *фактъ*,—передразнивалъ я его:—то я васъ избавлю отъ своихъ посѣщеній и буду ходить къ товарищамъ, которые хотя и не друзья мнѣ, а просто товарищи, но наперерывъ приглашаютъ къ себѣ, не требуя за это ни гроша.

Я не понималъ, что Кольку мои слова рѣзали, какъ ножомъ. Я ходилъ огромными шагами по коридору, и бѣдный Колька, не учившійся шагистикѣ, едва успѣвалъ бѣгать за мною. Мнѣ даже не было совѣстно передъ сторожемъ, сидѣвшимъ у окна въ коридорѣ и слышавшимъ наполовину нашъ разговоръ.

— Ты, голубчикъ, не понимаешь еще жизни.

— Ну, прошу безъ поученій!—крикнулъ я.—Это просто свинство!

— Чего ты кричишь? Пріучили васъ въ школѣ горломъ брать. Для этого ума не много нужно, а только грудь здоровая нужна.

— Чего ты наставленія мнѣ читаешь? Убирайся къ чорту!

Колька пожалъ плечами и спросилъ меня холоднымъ тономъ:

— А годовой билетъ брать или нѣтъ?

— Если ваша матушка будетъ такъ добра,—отвѣтилъ я, ломаясь и желая быть ѣдкимъ:— то пусть возьметъ.

— Она возьметъ,—все тѣмъ же тономъ, глядя мнѣ въ глаза, произнесъ Колька и простился со мною, не подавая мнѣ руки.

Я не пошелъ провожать его, какъ дѣлалъ это всегда, и, повернувшись на каблукахъ, направился въ спальню, насвистывая маршъ. Выходя изъ коридора, я обернулся назадъ и увидалъ Кольку: онъ стоялъ въ противоположныхъ дверяхъ и глядѣлъ мнѣ вслѣдъ. Мое лицо вспыхнуло, я хотѣлъ, поддаваясь первому движенію, вернуться къ нему, но онъ пожалъ плечами и тихо вышелъ вонъ.

На другой день Люлюшина пріѣхала взять мнѣ годовой билетъ.

— Какъ вы выросли, душенька,—затарантила она, встрѣтивъ меня и цѣлуя въ губы.—Какъ я рада, что вы будете иногда ходить къ намъ! И зачѣмъ это вашъ папаша безпокоился мнѣ на извозчика присылать, я и пѣшкомъ бы могла сходить за билетомъ.—Я остолбенѣлъ и въ ту же минуту понялъ, что Колька далъ ей изъ своихъ денегъ на извозчика. «Дуракъ!—говорилъ я мысленно:—не могъ онъ мнѣ сказать, что его матери на водку нужно за труды дать! Я и самъ бы далъ ей». Я не понималъ въ тѣ годы, что даромъ никто не обязанъ бѣгать для меня, еще менѣе понималъ я то чувство, которое всегда заставитъ трезваго сына заслонить мать, хотя бы она была пьяна, и подставить свою грудь за отца, хотя бы онъ былъ виноватъ,—то святое чувство, которое такъ тѣсно и крѣпко связываетъ семью въ великій союзъ. Я уже не имѣлъ семьи, мои понятія объ отношеніяхъ дѣтей къ родителямъ ограничивались тѣмъ, что я считалъ послѣднихъ обязанными дѣлать все для дѣтей, безъ всякаго права на благодарность и любовь. Я и почти всѣ мои товарищи, не видавшіе своихъ семей по нѣскольку лѣтъ, считали эти понятія вполнѣ вѣрными, логическими, разсуждая на своемъ циническомъ, выработавшемся, вслѣдствіе отсутствія общества и женщинъ, языкѣ: «мы не просили ихъ рожать насъ на свѣтъ!»

Наконецъ-то началось мое знакомство съ дѣйствительною жизнью и съ тѣмъ многочисленнымъ классомъ петербургскаго общества, котораго члены по большей части любятъ говорить о своихъ предкахъ только до дѣда. Они совсѣмъ не любятъ говорить о *своей* прошлой служебной карьерѣ, во время которой они запаслись благопріобрѣтеннымъ имуществомъ; кстати и некстати говорятъ: «нашъ братъ, помѣщикъ!»—хотя они въ своей деревнѣ были именно столько времени, сколько нужно было для первыхъ хозяйственныхъ распоряженій во дни ея покупки; ихъ старшія дѣти часто очень плохо пишутъ по-русски, но меньшія воспитываются въ корпусахъ и институтахъ и даже говорятъ ради шика нараспѣвъ по-французски, не подозрѣвая, въ простотѣ сердечной, что въ Парижѣ только трактирная прислуга, модистки, да русскіе позволяютъ себѣ psalmodier la langue. Здѣсь отцы семейства, поигрывающіе въ картишки, таюціе въ балетѣ и трепещущіе подъ башмаками женъ; здѣсь

жены, мѣряющія свое счастіе ярусомъ абонированной въ складчину ложи въ оперѣ, числомъ шелковыхъ платьевъ и золотыхъ вещей; сыновья-хлыщи, сыновья-фаты, завидующіе чужому рысаку и чужой любовницѣ, ищущіе невѣстъ съ деньгами, чтобы завести и рысака, и любовницу, остроумные остроуміемъ переведеннаго съ французскихъ романовъ, не слѣдящіе ни за наукою, ни за политикой, ни за общественными дѣлами, слѣдящіе только за женскою юбкой, за числомъ пикниковъ, попоекъ и скандаловъ, не берущіе, какъ брали ихъ отцы, взятокъ въ рубль, но охотно принимающіе приношенія во сто рублей, смѣющіеся надъ отцами, хлопотавшими за этотъ рубль, и не дѣлающіе лишняго шага за взятые сто рублей; здѣсь институтки-дочери, затаскавшія свои лица вмѣстѣ съ бальными платьями, притупившія свои чувства въ праздной мечтательности, плачущія надъ пошлымъ романомъ и холодно выгоняющія изъ дома несчастную горничную, неловко подавшую имъ стклянку съ румянами; здѣсь мелкіе балики, крошечные концертики, съ виртуозами подозрительнаго свойства, презрѣніе къ статскимъ, если они не служатъ въ иностранномъ министерствѣ, презрѣніе къ военнымъ, если они служатъ не въ гвардіи, не въ уланахъ и не въ гусарахъ; здѣсь дѣвушки пробуютъ кокетничать въ свободное время съ мальчиками, съ дѣтьми, такъ какъ это не опасно, а между тѣмъ, все же практика, играютъ во вздохи, въ поцѣлуи, въ ревность; здѣсь мишурное богатство снаружи—и нищета, грязь, грубость за кулисами, въ спальнѣ... Расплата съ кредиторами, лавочниками, слугами, каретниками всегда впереди, въ будущемъ... Вотъ та жизнь, которую увидалъ я. У Золотова со мною любезничала его сестра Лиза, дѣвушка, которой въ теченіе послѣднихъ семи лѣтъ шелъ двадцать первый годъ. Она закатывала передо мною глазки, жала мнѣ руку крѣпче обыкновеннаго, жаловалась на судьбу, представляя себя жертвою матери, и однажды очень нѣжно приклонилась головой на мое плечо. Все это окончилось нѣсколькими поцѣлуями, нѣсколькими нулями въ училищѣ и насмѣшками надъ остановившейся на двадцать-первомъ году дѣвой, которую я промѣнялъ на сестру кадета Скворина, шестнадцатилѣтнюю дѣвушку. Я былъ влюбленъ въ нее, даже началъ кропать посланія къ *ней* и иногда лишній часъ ворочался въ постели, думая о *ней*, желая быть вѣчно съ *нею*; все это было и пошло, и скверно. А между тѣмъ, служащіе братья моихъ товарищей смѣялись и трунили надо

мною, остроумно называли меня теоретикомъ любви и, не вѣря, что я еще не совсѣмъ развратился, съ презрѣніемъ слышали мое признаніе, что я не знаю толку въ винѣ и не умѣю отличить дрянной мадеры отъ хорошаго хереса: они имѣли полное право презирать меня за это, потому что они сами вполнѣ обладали всѣми качествами содержателей винныхъ погребовъ.

Въ это же время судьба столкнула меня еще съ однимъ семействомъ. Читатель знаетъ, что меня навѣщалъ изрѣдка Митричъ. Онъ совершенно ослабѣлъ, плохо видѣлъ, плохо слышалъ и частенько являлся ко мнѣ подъ хмелькомъ. Я началъ подозрѣвать, что онъ побирается милостыней, потому что трудно было предположить, чтобы кто-нибудь держалъ его въ услуженіи. Эти подозрѣнія заставили меня спросить его, гдѣ онъ живетъ.

— У нашей матушки-барыни,—отвѣтилъ старикъ.

— У какой барыни?—спросилъ я и назвалъ фамилію одной изъ нашихъ родственницъ.

— Нѣтъ-съ, Павелъ Константиновичъ, я не у нихъ живу,—проговорилъ онъ съ видомъ смущенія.

— Такъ у кого же? Какъ ее зовутъ?

— И-и, батюшка, да на что вамъ это знать?

— Я хочу знать!—топнувъ ногою, крикнулъ я старику.

Я перетолковалъ по-своему его смущеніе, счелъ его слѣдствіемъ обмана и потому хотѣлъ добиться до правды.

— Экіе вы стали вспыльчивые, точно папенька,—качая головой промолвилъ онъ.—Ну, что съ вами дѣлать, ну, у Александры Ивановны я живу. Богаче вы, что ли, отъ этого стали?

— У какой Александры Ивановны? Кто она такая?

— Барыня-съ.

— Да почему же ты ее назвалъ *нашею?* У насъ нѣтъ въ роднѣ никакой Александры Ивановны.

— Эхъ, Павелъ Константиновичъ, бить меня, стараго хрыча, надо! Языкъ мой—врагъ мой! не слѣдовало мнѣ говорить объ этой барынѣ. Бѣда, если папенька узнаетъ, что я вамъ проболтался.

Старикъ, которому было на роду написано возбуждать невпопадъ мое любопытство, былъ видимо смущенъ и этимъ подталкивалъ еще болѣе меня на разспросы.

— Да скажи же, кто она такая!

— Что же вамъ сказать-то? Вы еще совсѣмъ дитя, только ростомъ-то, на лѣсъ глядя, вытянулись; не приходится вамъ всего разсказывать.

Я разозлился, услышавъ, что я ребенокъ. Вѣчное пребываніе въ кругу мальчиковъ сдѣлало меня грубымъ, вѣчные споры съ разными школьными служителями, не дѣлавшими ничего, если на нихъ не прикрикнешь, сдѣлали меня строптивымъ и готовымъ кричать за каждую бездѣлицу. Я раскричался, и теперь мнѣ и въ голову не приходило, что я долженъ уважать этого старика, носившаго меня на рукахъ.

— Если ты мнѣ не скажешь, такъ я самъ узнаю, гдѣ ты живешь. Говори же, не то худо будетъ, я вѣдь и отцу напишу!

Митричъ покачалъ головой.

— Ты, вѣрно, милостыней побираешься...

— Да, съ вашихъ благодѣяній пойдешь по-міру...

Я вспыхнулъ и болѣе тихимъ голосомъ спросилъ снова объ этой барынѣ.

— Она вашего дяденьки...

— Жена, что ли?

— Почти-что, только...

— А! любовница!—захохоталъ я.—Чего же ты боялся, ты думалъ, что я не знаю, что̀ такое любовница? Ха-ха-ха!

— Какъ вамъ не знать-съ, Павелъ Константинычъ, еще удивительно, что у самихъ нѣтъ любовницы... Всему-то васъ научили... Если бы покойница маменька-то видѣла; ну, да, славу Богу, умерла во̀-время!.. Только не любовница Александра-то Ивановна, а законная жена вашего дяденьки она была, только теперь они въ разводѣ...

— А-а! вѣрно развратная!

— Полноте, сударь, вздоръ молоть!—необычайно строго произнесъ старикъ.—Не приходится вамъ такъ о людяхъ говорить. Александра Ивановна отмѣнная барыня, посмотрите-ка, какой у нея сынъ, не вамъ чета, ученый, матери помогаетъ, ея племянницу воспитываетъ, меня, старика, пріютилъ; а куда бы я пошелъ безъ него?

— Развѣ они бѣдные?

— Не богаты... Дядюшка-то вашъ ихъ бросилъ, ему и горя мало, что его сынъ убивается, горбъ гнетъ.

— Гдѣ они живутъ?

— На что вамъ знать?

— Я хочу познакомиться съ ними, мы родня.

Между нами завязался жаркій споръ, окончившійся тѣмъ, что я узналъ адресъ моихъ родственниковъ. Зачѣмъ онъ былъ мнѣ нуженъ? Мнѣ хотѣлось непремѣнно увидать эту

женщину, брошенную дядею. Въ моемъ воображеніи, развитомъ романами и пошлыми разсказами молодежи, мелькали какія-то сальныя картины, вызванныя словами: разводъ, брошенная мужемъ жена; я думалъ, что увижу эти картины въ дѣйствительности, войдя въ домъ своихъ родственниковъ. Потомъ, мечтая о знакомствѣ съ ними, я представлялъ себѣ картину ихъ бѣдности и создавалъ планъ, какъ я упрошу дядю помочь имъ, помириться съ ними и какъ, въ концѣ-концовъ, буду ихъ благодѣтелемъ. Мнѣ хотѣлось *слыть добрымъ*. Многіе найдутъ въ этомъ желаніи одно пустое тщеславіе, но, повѣрьте, что тотъ человѣкъ еще не вполнѣ испорченъ, котораго тщеславіе подталкиваетъ на добро; значитъ, въ немъ еще не оборвалась та человѣческая струна любви, которую стóитъ только потянуть, чтобы она зазвучала сильнѣе другихъ. Я попросилъ Митрича спросить позволенія у Александры Ивановны для моего посѣщенія. Черезъ недѣлю я получилъ приглашеніе.

— Не пишите вы только папенькѣ объ этомъ,—говорилъ Митричъ.—Шкуру онъ съ меня сдеретъ, если узнаетъ, чтò я надѣлалъ.

— Ахъ ты, трусъ, а еще противъ турокъ дрался! Развѣ я обязанъ отдавать отцу отчетъ въ своихъ дѣлахъ? Чтò хочу, то и дѣлаю: мнѣ скоро семнадцать лѣтъ минетъ!

Отправляясь къ своимъ родственникамъ, я представлялъ себѣ ихъ бѣдность, никакъ не предполагая, что Митричу кажутся бѣдными всѣ тѣ, кто живетъ бѣднѣе моего отца, и потому меня удивили признаки довольства въ ихъ жилищѣ. Первый разъ, когда я вошелъ въ него, полный грязныхъ мыслей, меня поразила и сконфузила простота и привѣтливость всѣхъ членовъ семьи. Никто не намекнулъ мнѣ, что я не имѣлъ никакого права напрашиваться на ихъ знакомство, что я сдѣлалъ этимъ глупость, невѣжливость и пошлость, что я явился напоминаніемъ тѣхъ отношеній, о которыхъ, можетъ-быть, въ теченіе многихъ лѣтъ всѣ старались не вспоминать, не думать. Я былъ вполнѣ школьникомъ, видѣлъ только призракъ жизни и не понималъ житейскихъ отношеній, не зналъ, что у каждаго человѣка есть множество больныхъ мѣстъ, старыхъ ранъ, полузабытыхъ проступковъ, что въ жизни надо быть чрезвычайно, до мелочности осторожнымъ, чтобы не разбередить этихъ ранъ, не напомнить этихъ проступковъ и не сдѣлаться палачомъ своихъ ближнихъ. Со мною обошлись ласково, пожалѣли, что я воспитываюсь внѣ дома, пригласили

меня посѣщать ихъ по праздникамъ и сказали, что въ числѣ ихъ знакомыхъ я найду одного человѣка, знакомаго мнѣ.

— Кого это?—спросилъ я.

— Николая Люлюшина.

— Какъ? развѣ онъ знакомъ съ вами?

— Да, но вѣдь онъ, кажется, говорилъ вамъ объ этомъ? У Тони очень много знакомыхъ студентовъ и гимназистовъ изъ тѣхъ гимназій, гдѣ онъ учитъ,—сказала Александра Ивановна.

Я тутъ только вспомнилъ, что Колька нѣсколько разъ спрашивалъ у меня, нѣтъ ли въ нашей семьѣ родственника Антона Шупова? Я вспомнилъ, какъ хвалилъ его Колька, какъ восхищался его умомъ, и почему-то смутился. Чтобы не показать своего смущенія, я старался быть смѣлымъ и развязнымъ, и началъ разсказывать анекдотцы и отпускать остроты, не подозрѣвая, что всѣ эти рѣдкости были не только разсказаны, но даже и перепечатаны сто разъ прежде моего рожденья на свѣтъ. Никто ни одной улыбкой, ни однимъ взглядомъ не выдалъ, какъ я смѣшонъ, со своимъ желаніемъ открыть Америку въ девятнадцатомъ столѣтіи. Только глазки пятнадцатилѣтней Анны, племянницы Александры Ивановны, смотрѣли на меня съ любопытствомъ и удивленіемъ, какъ на заморскаго звѣря. Мнѣ было очень неловко чувствовать на себѣ этотъ взглядъ, я краснѣлъ и злился за то, что краснѣю. Но еще болѣе взбѣсила меня эта дѣвчонка въ ту минуту, когда я выходилъ въ переднюю, простившись съ хозяевами. Она спросила свою тетку:

— Зачѣмъ онъ приходилъ, тетя?

Я ясно разслышалъ этотъ вопросъ и всю дорогу до школы онъ мучилъ меня, и никакъ не могъ я найти на него отвѣта, угадать, что̀ сказала на него Александра Ивановна. Мои щеки горѣли отъ стыда, и въ головѣ поминутно мелькала мысль:

«Скверная дѣвчонка!»

На слѣдующее воскресенье я снова отправился послѣ обѣда къ своимъ родственникамъ. Комната была полна молодежи. Всѣ были оживлены, говорили, спорили; нѣкоторые, повидимому, ссорились и черезъ минуту вели попрежнему очень дружескія бесѣды. Мой двоюродный братъ былъ душою кружка. Каждый вопросъ, поднимаемый имъ, казалось, былъ ему чѣмъ-то роднымъ, и потому его рѣчь дышала страстью; иногда онъ вскакивалъ, защищая какую-

нибудь изъ своихъ идей. Мнѣ было странно слышать эти разговоры: я видѣлъ, что люди горячатся, спорятъ, и не понималъ причины ихъ споровъ и важности, хоть, напримѣръ, того, что правъ или нѣтъ, приноситъ пользу или вредъ какой-то Фейербахъ, сказалъ ли что-нибудь новое или повторилъ только старые толки о своемъ предметѣ какой-то Штраусъ. Имена, предметы, книги, о которыхъ они толковали, — все было мнѣ неизвѣстно. Часовъ въ семь явился Колька. Антонъ дружески пожалъ ему руку и указалъ на меня. Колька подошелъ ко мнѣ; я покраснѣлъ, вспомнивъ наше послѣднее свидáніе.

— Ты, я думаю, удивился, что я здѣсь?—спросилъ я его.

— Нѣтъ, Антонъ предупредилъ меня, что ты будешь здѣсь сегодня.

— Ты давно знакомъ съ ними?

— Теперь третій годъ пошелъ. Онъ мнѣ доставилъ два года тому назадъ уроки...

— Но ты былъ тогда гимназистомъ?

— Такъ что же! У насъ, да и въ другихъ гимназіяхъ тоже, многіе гимназисты даютъ уроки. Я вотъ и Анѣ давалъ уроки математики, покуда Иванъ Иванычъ былъ боленъ.

Колька указалъ на одного изъ студентовъ, котораго звали Иванъ Иванычъ.

— Это ея учитель?

— Да, и онъ, и почти всѣ, кто здѣсь есть, ее учатъ. Это *его* друзья.

Колька указалъ на Антона.

Мнѣ становилось съ каждой минутой все болѣе и болѣе не по-себѣ, я чувствовалъ, что всѣ эти люди почему-то выше меня. Еще болѣе смутило меня то, что Колька, какъ онъ мнѣ сказалъ, зналъ прежде о нашихъ родственныхъ отношеніяхъ и не говорилъ мнѣ о нихъ по просьбѣ Антона, узнавъ, что я не подозрѣваю о нихъ.

— А вы проиграли пари, — сказала Аня, подходя къ Колькѣ.—Я работу кончила.

— Ну, такъ, значитъ, ничего не читали?

— И читала, даже очень много читала...

— Не вѣрьте, Коля, — проговорила Александра Ивановна.—Это дядюшка вздумалъ ее баловать и изволилъ ей вслухъ читать каждый вечеръ.

— Да жаль мнѣ ее стало, что она тебѣ гривенникъ проиграетъ, вѣдь ей самой на орѣхи годится,—замѣтилъ старикъ, дядя Александры Ивановны.

Это былъ старикъ съ крыловской физіономіей, полулукавой, полудобродушной и немного лѣнивой. Свѣтились яркимъ огнемъ только одни глаза, оттѣненные нависшими, густыми бровями.

Въ десять часовъ я ушелъ въ училище и вздохнулъ свободно, когда вышелъ изъ этого дома, гдѣ всѣ были вполнѣ свободны, веселы и просты. Въ училищѣ я разсказалъ товарищамъ, что былъ у своей тетки, которую выгналъ отъ себя дядя, и съ комической стороны представилъ ея сына, передразнивъ, какъ онъ горячится, какъ вскакиваетъ, говоря длинные монологи. Еще съ бо̀льшимъ юморомъ представилъ я *дѣвчонку* Аню, игравшую роль большой и вмѣсто куколъ занимавшуюся чтеніемъ серьезныхъ книгъ; мой цинизмъ дошелъ и тутъ до сальныхъ намековъ. А между тѣмъ, на слѣдующее воскресенье меня тянуло въ этотъ *смѣшной* кружокъ. Я не пошелъ и потомъ цѣлый вечеръ дулся и злился неизвѣстно за что и на кого. Въ слѣдующее воскресенье я забрался къ Шуповымъ въ 5 часовъ. Съ непонятнымъ для меня самого любопытствомъ вслушивался я въ разговоры. Меня удивило, что когда рѣчь зашла о воспитаніи въ нашемъ училищѣ, то Антонъ разсказывалъ о немъ съ такою вѣрностью, какъ-будто онъ самъ провелъ въ немъ дѣтство: онъ зналъ мельчайшія подробности нашей закулисной жизни. Съ такою же увѣренностью и, вѣроятно, знаніемъ дѣла, говорилъ онъ о воспитаніи въ институтахъ: мнѣ было непонятно, какъ можетъ человѣкъ знать эти вещи, которымъ не учатъ въ училищахъ. Около семи часовъ Аня вздумала затѣять игру въ фанты. Сперва играющими оказались я, Колька, Аня, два гимназиста, одна изъ ея подругъ и дядюшка-старикъ; потомъ онъ крикнулъ:

— Да полноте спорить: горло охрипнетъ. Лучше будьте, какъ мы, дѣтьми. Право покойнѣе!

Всѣ засмѣялись и приняли предложеніе. Начался смѣхъ, шутки, дурачества. Александра Ивановна смѣялась вмѣстѣ съ другими своимъ грустнымъ смѣхомъ. Ея глаза съ еще большею любовью глядѣли на любимаго сына, который беззаботно тѣшился съ нами. Въ восемь часовъ подали чай. Всѣ усѣлись около чайнаго стола. Мы еще смѣялись и болтали вздоръ, а Антонъ говорилъ съ Колькой о театрѣ.

— Изъ моей головы никогда не выходитъ то мѣсто изъ «Лукреціи Боржіа»,—сказалъ онъ задумчивымъ голосомъ:— когда посреди веселой, счастливой, безпечно пирующей

молодежи, въ сопровожденіи монаховъ, поющихъ погребальную пѣснь, является она и говоритъ пирующимъ: vous êtes chez moi!

Въ комнатѣ что-то брякнуло. Антонъ обернулся и взглянулъ на мать, которая выронила ложку и была блѣднѣе своего носового платка. Колька покачалъ головою съ видомъ упрека.

VIII.

Шуповы не изъ Шуповки.

Семейство моихъ родственниковъ — не изъ Шуповки, какъ говорилъ одинъ изъ нихъ,—состояло изъ Александры Ивановны, ея сына Антона, называемаго ею Тоней, ея пятнадцатилѣтней племянницы Ани и ея стараго дяди, учителя въ отставкѣ, Ѳедора Ивановича Звонарева. Александра Ивановна была худенькою, казавшеюся моложе своихъ лѣтъ женщиною. Она выросла въ бѣдной семьѣ, жила въ молодости въ гувернанткахъ у одного изъ нашихъ родственниковъ, потомъ на ней женился дядя Андрей; она прожила съ нимъ пять лѣтъ и, наконецъ, разошлась, переѣхавъ къ своему старому дядѣ. Дядя Андрей, женившійся по страстной любви, на время разссорившійся, по случаю неравнаго брака, со многими изъ своихъ родныхъ, не счелъ нужнымъ прекращать прежнія связи и не только покровительствовалъ одной танцовщицѣ, но и появлялся вездѣ съ какою-то француженкою, Гонориной. Ему казалось очень удобнымъ дѣлить свое праздное время между этими тремя женщинами, изъ которыхъ двѣ наканунѣ его свадьбы пили съ его друзьями за здоровье его будущей супруги. Но онъ разсчитывалъ, не спросивъ согласія третьей женщины. Эта третья женщина, какъ только узнала истину, предложила мужу разорвать связи съ двумя другими или съ нею самою. Дядя рыдалъ, клялся, что онъ разорветъ связи съ этими падшими созданіями, что это не любовь, а шалость, что подобныхъ женщинъ не любятъ, написалъ по этому случаю прелестное стихотвореніе, которое въ провинціи поютъ понынѣ, подъ заглавіемъ «Весенняя гроза», и на другой день послѣ грозы, встрѣтясь на Невскомъ съ Гонориной, твердо рѣшился—попировать съ нею въ послѣдній разъ. Увы! за этимъ послѣднимъ разомъ слѣдовали безчисленныя повторенія послѣдняго раза: дѣло въ томъ, что Гонорина никакъ не могла въ одинъ вечеръ выучиться пѣть «Весеннюю грозу»...

— А твоя жена, mon petit André, должно-быть, большая чудачка,—говорила француженка.

— О, она чудесный ребенокъ! какъ она очаровательна, когда она плачетъ своими весенними слезами, ты себѣ и представить не можешь!—воскликнулъ въ восхищеніи дядя.

Нашлись люди, которые увлеклись этимъ восторгомъ и рѣшились добиться не слезъ, а улыбки отъ чудеснаго ребенка. Александрѣ Ивановнѣ начали говорить друзья ея мужа, что вѣрностью въ супружествѣ платятъ за вѣрность, что за измѣну можно и измѣнить, что они сочувствуютъ ей, жалѣютъ ее. Эти непрошенныя и довольно нахальныя сожалѣнія кололи ее въ самое сердце. Между тѣмъ, ея мужъ, чтобы страстно любимая имъ жена была покойна, нѣсколько разъ повторялъ ей, что старыя связи порваны, и, сидя у ея ногъ, цѣлуя ея руки, вполнѣ искренно сознавался въ душѣ, что она восхитительнѣе сотни нарумяненныхъ танцовщицъ и искусственно-страстныхъ Гонориньъ. Ну, а на другой день все шло опять по-старому и внѣ дома, и въ домѣ. Александрѣ Ивановнѣ онъ сдѣлался противенъ. Она никакъ не могла согласиться съ обществомъ и признать поэтичнымъ одно изъ стихотвореній своего мужа, которое носило названіе «Мотылекъ» и описывало, какъ это крылатое существо летаетъ съ цвѣтка на цвѣтокъ, восхищаясь въ каждомъ его своеобразными прелестями и являясь цѣнителемъ великихъ красотъ созданья: она называла эту мораль—развратомъ. Но еще болѣе отвратительна была для нея трусость мужа, еще нестерпимѣе былъ ей обманъ съ его стороны. Она разошлась съ нимъ. Онъ сдѣлался боленъ, доктора посовѣтовали ему ѣхать на воды, онъ поѣхалъ, и добрая, человѣколюбивая Гонорина самоотверженно послѣдовала за больнымъ. «Вотъ любовь, вотъ женщина!»—говорили про Гонорину люди, которые знали кротость дяди, его любовь къ Александрѣ Ивановнѣ и его стихотворныя посланія къ ней, которые плакали надъ его послѣднимъ «Прости». Всѣ безпощадно осудили, забросали грязью несчастную жену, распуская темные слухи, что ей самой была нужна *свобода*. Никто не замѣтилъ, что женщина болѣе всего свободна, въ ихъ смыслѣ, въ домѣ развратничающаго и порхающаго по цѣлымъ днямъ мужа. Никто не замѣтилъ, что Гонорина поѣхала слушать концерты въ Баденъ-Баденъ, а Александра Ивановна спустилась въ бѣдный уголъ стараго дяди и принялась за трудъ, чтобы воспитать сына. Александра Ива-

новна никогда не защищалась отъ клеветы, но двадцать пять лѣтъ послѣдующей жизни оправдали ее вполнѣ. Ея враги перестали, наконецъ, пятнать ея нравственность, но просто рѣшили, что она сумасбродная, экзальтированная женщина, утрировавшая понятія о супружескихъ отношеніяхъ, что если бы всѣ обращали вниманіе на эти мелочи, то никто бы и не жилъ со своими мужьями. Александра Ивановна и противъ этого не защищалась, даже не обличала своихъ противниковъ въ развращенности понятій, не говорила о томъ, что не всякая женщина можетъ играть роль жены на случай дурной погоды... Она, какъ многія женщины, поступая вѣрно по инстинкту, повинуясь чувству, не считала нужнымъ и возможнымъ оправдывать свои поступки съ теоретической точки зрѣнія. Отсюда происходило то, что ея поступки были всегда лучше, отважнѣе и полнѣе ея словъ.

Вотъ все, что я могъ узнать о прошломъ Александры Ивановны, о которомъ она не любила говорить. Исторія эта очень проста, но у бѣдной женщины навсегда надломилось сердце отъ этой простой исторіи. Она сдѣлалась немного нервною и очень грустною. Грусть проглядывала даже въ тѣ минуты, когда Александра Ивановна смѣялась, или, лучше сказать, улыбалась, потому что глаза оставались печальными и во время смѣха. Жизнь ей самой была не нужна, но она дорожила жизнью для сына, на котораго она не могла наглядѣться. Зато и любовь Антона къ матери равнялась обожанію, онъ гордился ею. Все его существо носило на себѣ слѣды ея женскаго вліянія. Онъ, подобно ей, былъ чрезвычайно отваженъ на дѣлѣ и нерѣшителенъ въ теоріи, боясь увлечь кого-нибудь въ крайность. Онъ много отвергалъ на практикѣ, но если ему приходилось говорить объ этихъ предметахъ, то онъ ихъ или признавалъ, или, по крайней мѣрѣ, говорилъ, что лучше ихъ признавать, чѣмъ отвергать. Онъ былъ удивительнымъ учителемъ, другомъ учениковъ, но онъ возставалъ, если при немъ слишкомъ рѣзко обвиняли учителей, дѣйствовавшихъ иначе, указывалъ на вліяніе среды. Такой человѣкъ, разумѣется, дѣйствовалъ очень благотворно на юношество; онъ не запугивалъ молодежь крайностями, послѣ него она могла развиваться самостоятельно, не подвергаясь особенной ломкѣ, могла доходить до послѣднихъ заключеній своимъ умомъ, такъ какъ учитель, указывая путь, не назначалъ границъ. Вѣчнымъ его противникомъ

въ спорахъ и самымъ искреннимъ другомъ былъ Колька, представшій передо мною въ этомъ обществѣ совершенно въ новомъ свѣтѣ. Онъ называлъ Антона «господиномъ сочувствующимъ» и «покровителемъ заѣденныхъ средою натуръ».

— Вы, Коля, комплименты дѣлаете Антону,—замѣтила Александра Ивановна.

Это было почти черезъ годъ послѣ начала нашего знакомства.

— Напротивъ, я этимъ вполнѣ обозначаю, какъ мало въ немъ справедливости и человѣколюбія,—отвѣтилъ Колька.

— Какъ такъ? Человѣкъ, защищающій падшихъ и испорченныхъ средою,—не человѣколюбивъ?

— Нѣтъ, нѣтъ, Александра Ивановна, по моему мнѣнію, не справедливъ, не человѣколюбивъ! Заѣденныя средою натуры, эти пьянствующіе и ораторствующіе дармоѣды общества должны быть казнимы...

— Коля, вы меня пугаете! — шутливо замѣтила Александра Ивановна.

— Не такъ страшно! — съ замѣтною ѣдкостью и болѣзненной раздражительностью произнесъ Колька, споривший уже серьезно. — Вы знаете, что я понимаю подъ словами казнь не тѣлесное наказаніе, не тюрьму, не пытки, а ту казнь, которой подвергаютъ общественные кружки и теперь ненравящихся имъ людей; казнь отчужденіемъ, исключеніемъ изъ своей среды. Вы знаете, что это, дѣйствительно, казнь! Я хотѣлъ бы, чтобы и заѣденныя средою личности не находили мѣста въ кругу честныхъ людей, чтобы ихъ не принимали даже изъ состраданія...

— Коля, это безчеловѣчно!

— Однако, вы поступаете именно такъ въ извѣстныхъ случаяхъ, и поступаете справедливо. Всѣ вы требуете исключенія разбойника изъ вашей среды и не называете этого безчеловѣчнымъ, хоть и разбойникъ не болѣе, какъ заѣденная средою личность...

— Какое сравненіе! Разбойникъ...

— Позвольте,—перебилъ Колька.—Вамъ этотъ примѣръ кажется не подходящимъ, вы поставили перегородки между заѣденными натурами и называете однихъ просто заѣденными, другихъ преступными. Исключеніе послѣднихъ изъ общества вы считаете справедливостью. Ну, а лѣнивая и пьянствующая кухарка никакъ не можетъ быть названа преступницей только за эти качества, а отчего же вы ее

прогоняете отъ себя и не продолжаете платить ей жалованье за ея лѣнь и пьянство? Отчего же это тоже справедливо?

— Э, братецъ, ты очень ловко съѣхалъ съ теоріи на практику,—засмѣялся Антонъ.—Требованіе справедливости и наши поступки двѣ вещи разныя. Твой примѣръ ничего не доказываетъ, кромѣ нашей неснисходительности, пожалуй, заѣденности и неспособности поддержать и исправить падшихъ, и подобные поступки нельзя назвать дѣлами справедливости.

— Ошибаешься, ошибаешься!—воскликнулъ Колька.— Если, изгоняя разбойника, мы справедливы, потому что охраняемъ интересы невинныхъ въ его испорченности людей, то, изгоняя отъ себя пьяную и лѣнивую прислугу, мы тоже остаемся справедливыми, потому что охраняемъ интересы своей невинной въ испорченности этого существа личности.

— Невинной, невинной! Что ты толкуешь объ этомъ? Всѣ мы виноваты, что между нами есть заѣденныя, испорченныя натуры...

— Ну, душа моя, это старая пѣсня, и каждый знаетъ, что, будучи въ нѣкоторой мѣрѣ виновниками существованія заѣденныхъ натуръ, мы точно въ той же мѣрѣ и наказываемся ихъ существованіемъ, и кромѣ этого наказанія не должны подвергать себя новымъ наказаніямъ, оставаясь справедливыми. Оставляя у себя пьяную прислугу, ты подвергаешь себя именно такому добавочному, несправедливому наказанію. Принимая къ себѣ въ домъ, заступаясь за заѣденную личность, показывая ей свое участіе и сожалѣніе, ты дѣлаешь ту же несправедливость.

— О, такою несправедливостью можно гордиться, она есть источникъ любви къ ближнимъ! — воскликнула Александра Ивановна.

— Нѣтъ-съ, Александра Ивановна, этою, какъ и всякою другою, несправедливостью нельзя гордиться! Она есть просто слѣдствіе нашей нерѣшительности, нежеланія навлечь лишней ссоры, лишняго врага. Мы тратимъ долю нашего времени, долю нашихъ денегъ и большую часть нашей кисло-сладкой, слезливой любви на эти личности въ то время, когда у насъ есть другія обязанности, когда мы должны поддерживать тѣхъ, которыхъ еще не заѣла среда. Вы считаете великимъ подвигомъ поддерживать падшихъ людей и не замѣчаете, что этимъ самымъ вы лишаете своей любви честнаго тру-

женика, оставляете его безъ поддержки посреди страшныхъ искушеній, посреди враждебнаго общества, посреди невыносимыхъ нуждъ и трудовъ. «У него есть силы, говорите вы,—ему не нужна наша помощь, но надо пожалѣть падшихъ и сбившихся съ пути». Вслѣдствіе этого разсужденія, вы отнимаете у бѣднаго труженика долю его трудового, купленнаго потомъ и кровью хлѣба, и, въ видѣ милостыни, подаете этимъ лѣнтяямъ, сибаритамъ праздности, потому что ихъ заѣла среда и отучила отъ труда. И вотъ они сыты, они пьяны, ихъ жалѣютъ, а бѣдный труженикъ умираетъ съ голода. Герой гибнетъ безъ всякаго ободренія, безъ всякаго привѣта, а декламирующій и плачущій въ пьяномъ видѣ заѣденный вызываетъ сочувствіе и слезы въ публикѣ... Филантропы! Вы думаете, что честному легко быть честнымъ при такой гуманности!

Никто не отвѣчалъ на эти горькія слова, но всѣ понимали, что они—вѣрны или невѣрны, но куплены тяжелымъ опытомъ, а не вычитаны изъ книжекъ.

— Но знаете ли вы, Антонъ,—съ грустью продолжалъ черезъ минуту Колька:—что до тѣхъ поръ, пока общество и, главнымъ образомъ, литература будутъ сочувствовать этимъ жиденькимъ натурамъ, до тѣхъ поръ будутъ гибнуть всѣ сильные люди, до тѣхъ поръ всякая энергія будетъ оставлять честныхъ людей.—За что я буду трудиться до изнеможенія, если долю моего хлѣба будетъ ѣсть лѣнтяй? Зачѣмъ я буду честнымъ среди искушеній, если будутъ сочувствовать только нравственно сломившимся подъ бременемъ обстоятельствъ личностямъ? И я развивался въ той же средѣ...

Множество подобныхъ споровъ и разговоровъ услышалъ я въ кружкѣ моихъ родственниковъ и нерѣдко, возвратившись въ школу, ходилъ по какому-нибудь коридору и размышлялъ обо всемъ слышанномъ. Въ этомъ обществѣ никто не щадилъ другъ друга, каждый высказывалъ свои мысли свободно, для всѣхъ важно было только одно, это—освобожденіе хотя отъ одного ложнаго понятія и возможность сдѣлать шагъ къ истинѣ. Конечно, съ первыхъ же дней начали тамъ обрывать меня, когда я выражалъ понятія, привитыя мнѣ жизнью. Несмотря на рѣзкость возраженій, я начиналъ чувствовать ихъ справедливость и уже любилъ кружокъ двоюроднаго брата и его самого. Уже черезъ два мѣсяца послѣ начала нашего знакомства я бывалъ у него каждый праздникъ и забивался наканунѣ. Я и двоюродный

братъ говорили другъ другу *ты*. Я начиналъ чувствовать, что я дѣйствительно нахожусь въ кругу родныхъ. Иногда во мнѣ пробуждалось грустное чувство, и я завидовалъ счастью своего брата; одинъ разъ это чувство пробудилось сильно, до боли. Какъ-то вечеромъ при мнѣ у Александры Ивановны подали къ чаю особенно приготовленныя булки съ анисомъ.

— Помнишь, дядя, какъ отецъ любилъ ихъ?—спросила она своего стараго дядю.

— Да, и вѣдь непремѣнно нарѣжетъ, бывало, ихъ квадратиками и увѣряетъ, что такъ вкуснѣе,—смѣясь добродушнымъ смѣхомъ, промолвилъ старикъ.

Мнѣ тотчасъ же бросилась въ глаза смѣшная сторона этихъ воспоминаній о гастрономическихъ привычкахъ человѣка черезъ двадцать семь лѣтъ послѣ его смерти.

— Вотъ счастливая-то память!—замѣтилъ я сидѣвшему около меня Колькѣ. Мы сидѣли на другомъ концѣ комнаты.— Мы ужъ, вѣрно, не будемъ помнить черезъ двадцать лѣтъ послѣ смерти нашихъ родственниковъ, какъ они держали вилку и какъ клали въ ротъ пищу.

— Потому что у тебя нѣтъ родни, какъ у подкидыша, брошеннаго на улицу,—нервнымъ и грознымъ голосомъ произнесъ Антонъ, стоявшій за моимъ стуломъ и не замѣченный мною.

— Я...—началъ я съ смущеніемъ, вспыхнувъ отъ злости за его грубый тонъ.

— Ты,—перервалъ Антонъ:—смѣешься надъ тѣмъ, чего не понимаешь! У васъ, гдѣ-нибудь въ Шуповкѣ, родные грызутъ другъ друга, надуваютъ другъ друга, отравляютъ жизнь другъ другу, оттого вы и не понимаете родственныхъ отношеній, оттого вамъ и кажется это смѣшно, оттого вы и считаете семейство за вздоръ...

— Но,—совершенно не владѣя собою отъ злобы, замѣтилъ я:—помнить объ этихъ квадратикахъ просто глупость...

— Я тебѣ говорю, что ты не понимаешь ничего въ этомъ Моя мать, когда ея отецъ разорился, не рѣшившись сдѣлать подлость, выносила ночью ведра съ помоями, полы мыла, бѣлье стирала, чтобы помочь семьѣ пережить тяжелый годъ. Черезъ годъ она кончила курсъ ученья и пошла въ гувернантки, она ходила въ ситцевомъ платьѣ, сама чинила ночью свои башмаки, вызывала этимъ насмѣшки горничныхъ, вызывала выговоры вашихъ Шуповыхъ изъ Шуповки и переносила все, чтобы ея отецъ могъ ѣсть вотъ эти лю-

бимыя имъ булки съ анисомъ... Потомъ, когда ее измучили, когда ей пришлось одной воспитывать меня, то опять явился не какой-нибудь Шуповъ изъ Шуповки, не твой отецъ, а вотъ этотъ бѣдный старикъ, бѣдный учитель. Онъ бился изо всѣхъ силъ, чтобы у моей матери и у меня былъ кусокъ хлѣба... Неужели ты думаешь, что мы не въ правѣ дорожить каждымъ мелкимъ воспоминаніемъ изъ жизни другъ друга? Неужели ты думаешь, что эти воспоминанія смѣшны, глупы?

Я сидѣлъ, опустивъ голову, и не могъ говорить. Онъ меня раздавилъ своими словами, я смутно чувствовалъ разницу нашихъ положеній.

— Да и есть ли мелочи въ нашихъ воспоминаніяхъ? Не есть ли возможность ѣсть эту сдобную булку съ анисомъ уже крупный фактъ въ жизни бѣдняка? У него иной простой обѣдъ стоитъ дороже роскошнѣйшаго барскаго стола, стоитъ иногда нѣсколькихъ дней жизни! Вотъ тебѣ примѣръ: во время моего дѣтства бывали дни, когда у насъ не было въ домѣ ни куска хлѣба. Мать торопилась и не могла кончить работы, занять было негдѣ, а ѣсть хотѣлось. Тогда дядя отбиралъ и завязывалъ въ узелокъ нѣкоторыя изъ своихъ книгъ, которыя были его единственными друзьями и утѣшителями въ жизни, и несъ ихъ на толкучій продавать. Молча дѣлалъ онъ это, не говорилъ, чего это ему стоило, молчала и моя мать, боясь при первомъ словѣ заплакать и встревожить меня. Часто сидѣлъ я въ эти минуты за книгою, долбя урокъ, но мои мысли носились далеко, въ моихъ глазахъ рябило отъ слезъ, и я не различалъ буквъ... На другой день я не зналъ урока, меня наказывали, называли лѣнтяемъ, на меня надѣвали колпакъ съ позорной кличкой, оставляли дольше другихъ въ классѣ... Ну, вы, Шуповы изъ Шуповки, ѣли ли вы когда-нибудь такіе дорогіе обѣды? И какъ думаешь, смѣшно ли или нѣтъ, что я до сихъ поръ помню, какія кушанья были за этими обѣдами, какъ дядя приносилъ матери любимый ею сыръ?.. Смѣшно или нѣтъ, если я знаю ихъ привычки и вкусы, если я дорожу этимъ знаніемъ?

Я въ глубинѣ души завидовалъ этому счастливому сыну, и снова сжималось мое сердце при мысли, что меня не любитъ отецъ,—я далъ бы полжизни теперь за эту любовь...

Вотъ каковы были Шуповы не изъ Шуповки и ихъ кружокъ. Ихъ рѣчи имѣли огромное вліяніе на мое развитіе и вообще на молодежь. Но вполнѣ хладнокровные, позабывшіе

прошлое старики часто пожимали плечами, слушая эти горячія рѣчи, подсмѣивались надъ ихъ страстностью и иронически говорили:

— Охъ, вы, молодежь, волнуетесь изъ каждаго пустяка, точно отъ этого весь міръ зависитъ...

— Да, да, именно отъ этихъ пустяковъ весь міръ зависитъ!—съ горячностью вступался Колька.

— Полноте! это просто вамъ такъ кажется, потому что у нынѣшней молодежи, у всего молодого поколѣнія больное воображеніе.

— Больное? Но, значитъ, были причины для его болѣзни, значитъ, его измучили до болѣзненной раздражительности?.. Вотъ эти-то причины и надо устранить, отъ этихъ-то причинъ и зависитъ весь міръ...

— Ну да, поскачете, поскачете, да и ножки устанутъ...

— А, это другое дѣло!.. Вы еще постарайтесь насъ пришибить, такъ мы и скорѣе не только уходимся, но и въ могилы уляжемся.

— Охъ, ужъ этотъ змѣенышъ!—говорили старики, отходя отъ Кольки.

IX.

Расплата за прошлое.

Я уже сказалъ, что мое знакомство съ обществомъ началось игрою въ любовь съ Золотовой, продолжалось ухаживаньемъ за Скворциной, наконецъ, я почувствовалъ нѣчто въ родѣ благоговѣнія къ Анѣ и украсилъ ея именемъ и вензелями всѣ геометрическіе чертежи, на которыхъ уже съ нѣкоторыхъ поръ, помышляя о поступленіи въ юнкера, я не писалъ ничего, кромѣ подписи: «корнетъ Павелъ Шуповъ», снабженной довольно замысловатой спиралью, которую я хотѣлъ довести до поразительнаго шика. Разумѣется, эти сердечныя дѣла замѣтно мѣшали успѣшному ходу моего ученья. Оно шло все хуже и хуже. На экзаменахъ я срѣзался и только теперь замѣтилъ съ ужасомъ, что мнѣ приходится просидѣть еще лишній годъ въ школѣ, что надо вынести отцовскій гнѣвъ, что другіе товарищи, хотя и не всѣ, выйдутъ на будущій годъ и поступятъ въ юнкера, а я останусь школьникомъ, буду, можетъ-быть, краснѣть при встрѣчѣ съ ними. Я бросилъ на время всѣхъ знакомыхъ и сдѣлался мрачнымъ. Въ это время я былъ глупъ до пошлости и писалъ дневникъ, гдѣ на каждой страницѣ виднѣлись фразы въ родѣ слѣдующихъ: «О, если бы мнѣ теперь уме-

реть и не дожить до будущаго года, не видѣть счастія другихъ! О, какъ меня убиваетъ та мысль, что всему этому причиной ты, божественная Аня, очаровавшая мое сердце, которую я хотѣлъ бы боготворить, а теперь долженъ проклинать!

Но я тебя люблю понынѣ
За то, что ты передо мной
Явилась ангеломъ въ пустынѣ,
Угрюмой, мрачной и пустой.

Такъ писалъ я о пустой пустынѣ въ училищныхъ тетрадяхъ, выданныхъ для алгебраическихъ задачъ, и не чувствовалъ, что изъ меня началъ формироваться полнѣйшій типъ провинціальнаго фата, что мои стихи нисколько не уступали въ пошлости слѣдующимъ знаменитымъ стихамъ одного изъ моихъ товарищей, вышедшаго въ полкъ:

Выхожу я изъ палатки,
Мѣсяцъ свѣтитъ во всѣ лопатки...
Ты скажи мнѣ, вѣтеръ бурный,
Гдѣ-то буду я дежурный...

А изъ деревни, между тѣмъ, получилось громовое письмо, отецъ угрожалъ своимъ пріѣздомъ и расправой. Я растерялся совсѣмъ и только теперь понялъ, что, въ случаѣ надобности, меня могутъ и посѣчь, несмотря на мои годы и на сердечныя дѣла.

Антонъ и Колька явились въ это тяжелое для меня время моими утѣшителями. При помощи ихъ ободреній и совѣтовъ я бодрѣе принялся за работу при началѣ новаго учебнаго года. Подъ вліяніемъ этихъ людей я съ каждымъ днемъ чувствовалъ менѣе нѣжности къ шнурочкамъ гусарскаго мундира, и если мнѣ случалось иногда въ минуту умственной спячки углубиться въ расчеркиванье знакомой подписи «корнетъ Павелъ Шуповъ», то, опомнившись, я краснѣлъ передъ самимъ собою и поспѣшно разрывалъ листъ съ этими подписями, боясь подсматривающаго насмѣшливаго глаза. Въ моихъ ушахъ въ эти минуты звучали слова Кольки:

— У васъ тамъ каждый считаетъ себя въ правѣ ничего не дѣлать, ни о чемъ не думать и приготовляется къ общественной дѣятельности тѣмъ, что года два передъ выпускомъ всюду подмахиваетъ: прапорщикъ или столоначальникъ Пѣтушковъ.

Собранья и разговоры въ домѣ моихъ родственниковъ, чтеніе книгъ и журналовъ, все это дѣйствовало на меня

благотворно, и если мой характеръ оставался попрежнему неровенъ, если мое обращеніе съ окружающими нерѣдко было грубо, если мои споры часто походили на крикливую брань, на желаніе *перекричать* противника, то все-таки мой умъ начиналъ видѣть худую сторону этихъ поступковъ, и я уже сердился на себя и старался загладить ошибки, проповѣдуя новыя идеи, схваченныя на лету и еще не вошедшія въ мою плоть и кровь. Я въ то время очень походилъ на тогдашнюю русскую литературу: старался либерализмомъ прикрыть свои нелиберальныя привычки и игралъ въ эту игру, что называется, на *шереметевскій счетъ*, не думая, что каждая партія должна окончиться расплатой. Большая часть моихъ товарищей были тогда въ такомъ же положеніи и вели точно ту же игру. На семнадцатомъ году жизни люди не очень охотно сидятъ подъ замкомъ и начинаютъ тяготиться школьными скамьями и классными стѣнами, вытертыми и залосненными спиною поставленныхъ въ уголъ; эти пятна, которыя каждый въ правѣ считать своимъ произведеніемъ, начинаютъ вызывать краску стыда и вселять отвращеніе, какъ розга, которою насъ сѣкли. Разумѣется, почти всѣ юноши постарались познакомиться хоть съ кѣмъ-нибудь и начали, болѣе или менѣе часто, ходить по праздникамъ въ отпускъ; по обыкновенію, у школьниковъ старшаго класса оказалось вдругъ безчисленное множество дядюшекъ и тетушекъ, разумѣется, столь же близкихъ имъ, какъ вы и я близки первому встрѣчному. Въ кружкахъ этихъ дядюшекъ и тетушекъ непремѣнно была молодежь, а у молодежи свои завѣтныя надежды, свои любимыя убѣжденія, развившіяся особенно сильно при тогдашнемъ пробужденіи общества. Каждый изъ воспитанниковъ, изъ этихъ плѣнниковъ, вырвавшихся на свободу, писалъ въ это время къ своимъ родителямъ восторженныя письма о своихъ новыхъ знакомыхъ, и родители съ чисто-русскимъ простодушіемъ благодарили петербургскихъ знакомыхъ своихъ дѣтей. Никто изъ этихъ родителей не думалъ освѣдомляться о характерахъ, о мнѣніяхъ и убѣжденіяхъ этихъ добрыхъ людей, принимавшихъ безкорыстное участіе въ шестнадцатилѣтнихъ юношахъ, никто не думалъ, что, можетъ-быть, годъ знакомства съ этими людьми откроетъ навсегда пропасть между закоренѣлыми въ своихъ понятіяхъ отцами и впечатлительными, воспріимчивыми дѣтьми, никто не думалъ, что въ послѣднемъ случаѣ эти дѣти будутъ имѣть *печальное* право сказать этимъ отцамъ: «а зачѣмъ же вы

не слѣдили за каждымъ нашимъ шагомъ, зачѣмъ не вели насъ за руку на свой путь, какъ ведетъ заботливая нянька еще не умѣющаго ходить ребенка? Вамъ было некогда, вамъ было лѣнь—ну, и не пеняйте на насъ, что люди, любящіе не на словахъ, а на дѣлѣ свои убѣжденія, завербовали насъ въ свои ряды! Мы уже по одному тому считаемъ ваши убѣжденія ложными, что вы не считали нужнымъ бодрствовать и днемъ, и ночью, охраняя ихъ цѣлость въ умахъ вашихъ сыновей. Вѣрованья, убѣжденья, любовь, не вызывающія къ дѣятельности, не дѣлающія изъ человѣка стража, охраняющаго ихъ цѣлость, вербующаго имъ поклонниковъ,—есть ложь! Потому что только за ложь человѣкъ боится стоять и бороться».

Да, господа, это *печальное* право, и жаль до слезъ тѣхъ дѣтей, которымъ оно принадлежитъ... Подумайте, хорошо ли вы слѣдили за вашими дѣтьми? Повѣряютъ ли они вамъ, какъ друзьямъ, свои сокровенныя мысли и мнѣнія? Знаете ли вы, куда обращены ихъ симпатіи? Или вамъ некогда слѣдить за этимъ, службой заняты? Ну, а послѣ будете ли вы имѣть право проклинать ихъ, если они будутъ не съ вами, а противъ васъ? Эти вопросы еще не сданы въ архивъ.

Въ описываемое время въ училищѣ вѣяло новымъ духомъ, и оно переживало самое тяжелое время, переходя отъ старыхъ порядковъ къ новымъ: многое въ немъ было въ это время гадко, но возмущаться этимъ мы не имѣемъ никакого права, потому что гдѣ лѣсъ рубятъ, тамъ и щепки летятъ, тамъ кого-нибудь и оцарапаютъ. Инспекторъ въ это время, кажется, не пилъ, не ѣлъ и не спалъ, а только бѣгалъ и языкомъ болталъ, ему очень хотѣлось до чего-то добѣгаться, до чего-то доболтаться. «Тепегь,—говорилъ онъ учителямъ про насъ:—надо ихъ подтягивать, надо выбгосить, выкинуть изъ школы лѣнтяевъ и негодяевъ, какъ мусогъ, какъ хламъ. Послѣ пгеобгазованія училища я хочу начать дѣло только съ отбогными во всѣхъ отношеніяхъ учениками». Онъ бѣгалъ на лекціи чаще прежняго, дѣлалъ выговоры учителямъ, даже иногда не скупился на дерзости, показывалъ всѣмъ, что онъ знаетъ и математику, и географію, и древніе языки, что онъ отличный филологъ и не испугается разговора о химіи или физикѣ, что онъ представилъ недавно проектъ паровика новаго устройства и жалѣетъ, что ему некогда кончить статью объ одеждѣ въ древней Руси. Онъ таскалъ подъ мышкой какія-то бумаги,

иногда вдругъ, пролетѣвъ съ быстротою вѣтра по коридору, останавливался у перваго попавшагося окна и быстро записывалъ въ своей записной книжкѣ какія-то великія мысли, мелькнувшія въ его геніальной головѣ. Никто не зналъ содержанія этихъ замѣтокъ: одни думали, что онъ записывалъ, сколько надо заплатить прачкѣ за послѣднюю стирку бѣлья; другимъ казалось, что ему не даетъ покоя «вопросъ о происхожденіи Руси», но и тѣ, и другіе были убѣждены, что это, во-первыхъ, человѣкъ либеральный, что, во-вторыхъ, это человѣкъ громадныхъ свѣдѣній, ходячій лексиконъ, что, въ-третьихъ, онъ пойдетъ далеко, что этого должно желать и что, значитъ, нужно заблаговременно поддѣлываться къ нему. Онъ безъ умолку ораторствовалъ на еженедѣльныхъ, до сихъ поръ небывалыхъ, педагогическихъ совѣтахъ, въ которыхъ трактовалось обо всемъ, касавшемся училища, гдѣ слышалась не одна умная рѣчь, и гдѣ Фитилькинъ постоянно заключалъ пренія съ свойственнымъ ему простодушіемъ одною и тою же фразою: «Все это, господа, фантасмагорія!»—«Что, Владиміръ Петровичъ,—говорилъ ему Мальцевъ:—видно, стары мы стали, глупы стали! на покой пора! ребятишекъ кашей кормить!» Мы, школьники, еще продолжали попрежнему грубо и гадко обращаться со школьной прислугой и со всѣми, кто не былъ начальникомъ, но уже приходили въ негодованіе отъ каждаго грубаго слова Фитилькина и еще нетерпѣливѣе шумѣли за столомъ изъ-за горькаго масла. Въ завѣтныхъ тетрадяхъ съ сальными стишками начали появляться другія произведенія; теперь уже не нужно было Хохрякова, чтобы мы шли по новой дорогѣ; его мѣсто замѣнилъ духъ времени. Золотовъ затѣялъ рукописный журналъ съ карикатурами и получилъ позволеніе начальства. Въ первомъ нумерѣ появились карикатуры невиннаго содержанія и еще болѣе невинныя статьи, изъ которыхъ одно стихотвореніе принадлежало мнѣ; въ немъ описывалось мое катанье *съ милой* въ гондолѣ по каналамъ Венеціи. По поводу этого стихотворенія съ милой я удостоился похвалы Иванова-амбасадера.

— Хорошо, хорошо, продолжай, и Пушкинъ не лучше тебя началъ!—сказалъ Ивановъ.—Только, смотри, уроковъ не забывай изъ-за стиховъ. Стихи—стихами, а дѣло—дѣломъ. Долгъ прежде всего!

Фитилькинъ былъ совершенно другого мнѣнія, какъ и слѣдовало ожидать, зная его трезвую, практическую натуру.

— Вотъ и видно по стихамъ,—сказалъ онъ, тыкая меня въ лобъ своимъ квадратнымъ пальцемъ:—что у тебя на умѣ-то дѣвчонки! Молоко на губахъ не обсохло, а туда же съ любовницей на яликѣ кататься хочешь!

Инспекторъ со снисходительною улыбкой отозвался о содержаніи перваго нумера журнала, поговорилъ о томъ, что первообразъ журнала мы находимъ въ Римѣ въ acta diurna или acta publica, что первая газета издавалась въ Венеціи, что gazetta есть венеціанская монета, служившая цѣной летучаго листка, что было бы смѣшно производить слово газета отъ итальянскаго gazza, что значитъ—сорока; далѣе онъ перешелъ на французскіе журналы XVIII вѣка и, наконецъ, объявилъ, что онъ очень доволенъ нашимъ стремленіемъ къ литературнымъ занятіямъ.

— Это иггушки, это забава,—ораторствовалъ онъ, поясняя, по обыкновенію, слово съ буквою *р* словомъ безъ буквы р:—но забава ума, не игга въ кагты, не подлость, не пьянство. Это слабый лепетъ гебенка, дитяти, но дитя будетъ взгослымъ, большимъ, будетъ и говогить, скажетъ свое слово...

Во второмъ нумерѣ появился въ карикатурѣ Фитилькинъ, съ неизмѣримымъ брюхомъ, съ сигарой во рту; на подписи не забыли и его любимое *эвто* и его знаменитую фразу: «эвто дѣти благородныхъ родителей и курятъ табакъ! Подъ карикатурою красовалась надпись: дитя неблагородныхъ родителей. Фитилькинъ, какъ и слѣдовало ожидать, пришелъ въ азартъ отъ карикатуры.

— Я говорилъ, я говорилъ,—кричалъ онъ инспектору, дергая его то за одну, то за другую пуговицу сюртука:—что эвто до добра не доведетъ. Дѣла не дѣлаютъ, а стишки пишутъ, картинки рисуютъ! Эвто, эвто, эвто просто... тьфу!

Инспекторъ сдѣлалъ легкій выговоръ намъ и между тѣмъ намекнулъ, что Фитилькинъ самъ отчасти виноватъ, что онъ не умѣлъ внушить къ себѣ уваженія; выговоръ кончился шутливой фразой:

— Смотгите вы, юмогисты, шутники, своихъ не пгодегтивать, не осмѣивать!

Юмористамъ показалось возможнымъ продернуть и самого инспектора. Въ слѣдующемъ нумерѣ явился онъ самъ своею особою на одной картинкѣ въ видѣ мухи, летающей надъ увязшимъ въ грязи тарантасомъ и отирающей лапкою потъ; на другой картинкѣ онъ являлся въ видѣ господина съ двумя лицами, стоящаго между училищнымъ начальствомъ

и воспитанниками и говорящаго, приставивъ къ обоимъ лицамъ руки, въ видѣ щитовъ: я за васъ!

Инспекторъ пришелъ въ ярость. Карикатуры были не новы, но мѣтко задѣли его слабыя стороны. Журналъ прекратился, троихъ воспитанниковъ наказали.

— Я говорилъ вамъ,—внушалъ инспектору Фитилькинъ:— что это все не доведетъ до добра. Мальчишки правильно писать не умѣютъ, а вы имъ позволили журналъ издавать!

— Литегатугныя занятія и научили бы ихъ писать,— отвѣтилъ глупостью инспекторъ на серьезное замѣчаніе Фитилькина.

— Ну, да, хороша литература! Посмотрите вы, что они читаютъ, эвто чортъ знаетъ что! Чего-чего вы не найдете въ ихъ ящикахъ...

— Газвѣ вы видѣли?—щуря глаза, спросилъ инспекторъ, точно онъ былъ дѣвственною невинностью въ отношеніи школьныхъ обычаевъ.

— Не видалъ, а знаю! Стану я осматривать всякую гадость!

— Да-съ, съ этимъ надо кончить. Я хочу выбгосить всѣхъ негодяевъ, какъ мусогъ, какъ хламъ, иначе ничего не удастся сдѣлать.

— Ага, теперь и вы то же поете, что я говорилъ. Видно, это за живое задѣло,—замѣтилъ Фитилькинъ.

— Тепегь-съ есть цѣль, цѣль есть. Я пгосто не хочу вливать новое вино въ стагые мѣхи.

Этотъ разговоръ, подслушанный директорскимъ лакеемъ, переданный имъ хорошенькой горничной Мальцевыхъ, перешелъ какимъ-то образомъ отъ нея къ одному воспитаннику старшаго класса, а отъ него и ко всѣмъ намъ. На другой день у насъ исчезли наши тетрадочки. Это взбѣсило всѣхъ пансіонеровъ, считавшихъ законнымъ держать запрещенныя вещи. Два-три человѣка подлили въ огонь масла, распустивъ, по всей вѣроятности, ложные слухи о томъ, что у нихъ пропали и деньги.

— У насъ осматривали ящики?—говорилъ Золотовъ гувернеру.

— Да, осматривали.

— Но зачѣмъ же насъ не позвали въ это время, мы бы, по крайней мѣрѣ, деньги изъ нихъ вынули. Мой отецъ не имѣетъ средствъ давать мнѣ каждый разъ денегъ, когда у меня ихъ будутъ воровать. Это просто подлость!

— Вы забываетесь, Золотовъ!

— Что тутъ толковать объ этомъ! И вы бы на моемъ мѣстѣ то же запѣли.

— Вамъ еще остается до выпуска годъ и два мѣсяца... покуда вы еще школьникъ, и очень можетъ быть, что хорошій аттестатъ улетитъ отъ васъ, если вы не удержите своего языка,—пригрозилъ гувернеръ, нисколько не думавшій объ исполненіи своихъ словъ и не оправдывавшій въ душѣ поступка инспектора и Фитилькина.

На слѣдующей недѣлѣ у насъ снова были завѣтныя тетради. Фитилькинъ снова сдѣлалъ ревизію въ нашихъ шкапахъ. Всѣ снова разгорячились и зашумѣли. Между тѣмъ директоръ позвалъ къ себѣ Золотова.

— У тебя тамъ есть замкнутая шкатулка въ ящикѣ,— сказалъ директоръ:—то принеси изъ нея тетрадь со стихами.

Золотовъ поблѣднѣлъ. Онъ никакъ не думалъ, что директоръ знаетъ о томъ, что̀ лежитъ въ его шкатулкѣ, но тотчасъ же въ его головѣ мелькнула мысль, что это просто испытаніе.

— У меня нѣтъ въ ней тетрадей,—отвѣтилъ онъ.

— Полно глупости говорить, вѣдь я знаю, что есть. Принеси.

Золотовъ повиновался и принесъ двѣ тетради.

— Что же эвто ты, братецъ, не все вдругъ принесъ?— спросилъ Фитилькинъ.

— У меня больше ничего нѣтъ.

— Какъ нѣтъ? У тебя должны быть еще тетрадь и книжка. Принеси ихъ.

— Право, нѣтъ!—началъ Золотовъ, знавшій, что содержаніе удержанныхъ тетради и книги можетъ навлечь сильныя непріятности.

— Я тебѣ даю благородное слово, что я ихъ не буду читать. Ты можешь самъ при мнѣ бросить ихъ въ каминъ,—успокоилъ его директоръ.

Золотовъ принесъ требуемыя вещи и бросилъ ихъ въ огонь. Онъ не трогался съ мѣста, пока они горѣли. Директоръ замѣтилъ это и улыбнулся.

— Вотъ,—произнесъ онъ:—ты мнѣ, старику, не довѣряешь, а довѣряешь каждому мерзавцу, если онъ носитъ имя товарища. Надо, братецъ, не на то смотрѣть, кто сидитъ съ тобой на одной скамьѣ, а на то, каковъ человѣкъ!

— А-а!..—невольно вырвалось восклицаніе у Золотова, точно его озарилъ внезапный свѣтъ, и въ его головѣ зароились мысли о томъ, что всѣ его поступки, всѣ его рѣчи извѣстны директору.

Его лицо то краснѣло, то блѣднѣло. Множество необдуманныхъ, дерзкихъ рѣчей припомнилось ему и ему стало страшно; потомъ вспомнились поступки мелкаго развратника, и бѣднягѣ сдѣлалось такъ стыдно, что онъ хотѣлъ провалиться сквозь землю. Это была пытка; его глаза, устремленные на огонь, казалось, читали въ этомъ перебѣгающемъ и суетливомъ пламени исторію прошлаго.

— Ну, теперь ты можешь идти, все сгорѣло,—промолвилъ старикъ Фитилькинъ, особенно добродушный въ этотъ день; онъ перевернулъ щипцами золу и разрушилъ послѣдніе слѣды брошенныхъ въ огонь вещей.

Сконфуженный Золотовъ пробормоталъ какую-то благодарность, раскланялся, и только въ коридорѣ почувствовалъ, что его лицо мокро, онъ не зналъ, что̀ это катилось: потъ или слезы. Казалось бы, и всему конецъ, миръ и спокойствіе могли продолжаться до выпуска; но Золотовъ разсказалъ всю исторію въ нашемъ кружкѣ, и между нами поднялся гвалтъ

— Узнать имя подлеца!—кричалъ я.

— Исключить его изъ училища!

— Да, да, исключить!—вторили голоса.

Мы написали письмо къ директору и просили его избавить насъ отъ товарища-наушника, или, въ случаѣ неисполненія нашей просьбы, грозили жалобой родителямъ. Долго шли толки и споры о формѣ письма, никто не разсуждалъ, что мы не имѣли права писать его ни въ той, ни въ другой формѣ; наконецъ, оно было готово, и всѣ стали подписываться. Всѣ подписались, но отъ подписи отказался Рогозинъ. Сначала онъ привелъ пустыя отговорки для своего оправданія, потомъ, плача и хныкая, признался, что онъ не можетъ подписать письмо, потому что это значило бы требовать своего собственнаго исключенія. На этомъ признаніи можно бы было и кончить дѣло, насладившись криками: «Только вы меня не бейте, ради Бога, не бейте, вамъ же хуже будетъ!» Въ этихъ крикахъ было много комизма, и позоръ врага долженъ бы былъ насъ удовлетворить вполнѣ, если бы у насъ въ головахъ было хоть немного практическаго здраваго смысла. Я и Золотовъ стали доказывать, что этого открытія мало, что если Рогозинъ останется между нами, то эта безнаказанность соблазнитъ и другихъ идти по его пути.

— Просто исключимъ его, господа, изъ своего общества, вотъ ему и наказаніе,—говорилъ одинъ воспитанникъ, надѣленный болѣе другихъ здравымъ смысломъ.

— Нѣтъ, нѣтъ, это не наказаніе; онъ всегда найдетъ себѣ товарищей между подлецами!—кричалъ я.—Онъ будетъ нарочно показывать, что его и не безпокоитъ изгнаніе изъ нашего кружка.

— Разумѣется, разумѣется,—говорилъ Золотовъ:—это и другихъ соблазнитъ.

Мы пошли къ директору.

— Знаете ли вы, что вы дѣлаете?—спросилъ директоръ.—Исключить Рогозина я могу не иначе, какъ исключивъ кого-нибудь и изъ васъ.

Мы настаивали на своемъ и ораторствовали изо всѣхъ силъ.

— Мнѣ, право, жаль и васъ, Шуповъ, и васъ, Золотовъ. Вамъ только годъ остается до выпуска!

Черезъ недѣлю въ школѣ не было ни Рогозина, ни Золотова, ни меня, ни другихъ двухъ школьниковъ, равно съ нами виновныхъ. Рогозинъ имѣлъ связи, директоръ боялся его родныхъ, имѣвшихъ вліяніе на судьбу школы, и потому принесъ насъ въ жертву этимъ господамъ, обиженнымъ исключеніемъ ихъ родственника.

— Вотъ мы и на подножный кормъ въ свои деревни ѣдемъ,—говорилъ, смѣясь, Шевичъ, мой исключенный товарищъ, когда мы садились въ вагонъ Николаевской желѣзной дороги.

Я поблѣднѣлъ при этихъ словахъ, и только теперь вполнѣ ясно понялъ, что я ѣду домой къ отцу. Меня бросило въ дрожь...

X.

Передъ лицомъ родныхъ.

— Поздравляю съ выпускомъ!—произнесъ отецъ съ саркастическою улыбкою и нахмурилъ брови, смѣрявъ меня глазами.

Я въ эту минуту входилъ въ гостиную нашего деревенскаго дома. Я былъ высокъ ростомъ, не по лѣтамъ мужественъ, и, можетъ-быть, въ моемъ лицѣ въ первую минуту нашей встрѣчи проглядывало то выраженіе, которое отецъ привыкъ видѣть передъ собою, только смотрясь въ зеркало. Онъ постарѣлъ, его брови угрюмо нависли на глаза, немного ввалившіеся, но попрежнему суровые.

— Какъ все это произошло, мой другъ?—сладко и привѣтливо спросилъ дядя, пожимая мнѣ руку.

— Ахъ!—какъ-то въ носъ и нараспѣвъ произнесла ма-

чеха.—Чего тутъ разспрашивать? Мальчишка, пьянство, новыя идеи,—ну, разумѣется, и надо было такъ кончить; удивительно, что не попалъ въ солдаты!—кончила она, какъ будто сожалѣя, что школа не могла меня отдать въ солдаты и что я такъ счастливо отдѣлался.

Она понюхала какого-то спирта, налила другого на кончикъ платка и завязала этотъ кончикъ въ узелъ, потомъ потерла себѣ виски. Въ ея немного опухшемъ лицѣ было выраженіе апатіи и какого-то нервнаго, безпредметнаго неудовольствія, точно она сердилась и на погоду, и на свой аппетитъ, и на то, что нужно говорить, и что люди не угадываютъ чужихъ мыслей безъ словъ. Она говорила медленно, вѣроятно отъ лѣни, но неизвѣстно, зачѣмъ она начала гнусить, или, можетъ-быть, у нея былъ постоянный насморкъ. Попрежнему, или, лучше сказать, болѣе прежняго, это была женщина безъ всякаго характера, но женщина невыносимая.

— Теперь коровъ здѣсь пасти будешь?—спросилъ отецъ.

— Я не придумалъ еще, что дѣлать,—отрывисто отвѣтилъ я, раздраженный этимъ пріемомъ въ родительскомъ домѣ.

— Такъ придумай, да поскорѣй! Жить въ деревнѣ ты можешь только въ качествѣ пастуха, другого дѣла тебѣ не исполнить, ты даже въ волостные писаря не годишься, потому что писать безъ ошибокъ не умѣешь.

— Отлично учился!—прогнусила мачеха и съ неудовольствіемъ и раздражительностью поправила подушку, подложенную подъ ея голову.

— Пишешь т-ѣ-б-е, и воображаешь, что это по-русски.

Я всталъ.

— Куда ты?

— Правда не нравится!—простонала мачеха и снова разсердилась на подушку.

— Я усталъ,—отвѣтилъ я.

— А-а!

— Позволь, мой другъ, я провожу тебя въ твою комнату,—предупредительно предложилъ свои услуги дядя.

Вообще онъ былъ ласковъ со мною и глядѣлъ на меня съ участіемъ. Я съ юношеской довѣрчивостью поддался этой ласковости, и мнѣ подумалось, что дядя измѣнился. Я пожалъ его руку.

— Я тебѣ вполнѣ сочувствую, мой другъ, но что дѣлать? Онъ суровъ, хандритъ, она его связала,—заговорилъ онъ.—

У насъ нѣтъ развода, и потому женитьба часто дѣлается казнью...

Прошелъ день, другой, третій, наконецъ, отецъ сказалъ мнѣ за обѣденнымъ столомъ на четвертый день:

— Кажется, довольно тебѣ бить баклуши, я намѣренъ отдать тебя въ юнкера, у меня есть еще связи, и ты...

— Я никуда, кромѣ университета, не пойду, — твердо перебилъ я его.

Онъ началъ играть ножомъ по тарелкѣ.

— Какъ же это, не зная правильно писать по-русски, ты попадешь въ университетъ, гдѣ требуется и латынь?— язвительно спросилъ онъ.

— Я приготовлюсь...

— Во сколько лѣтъ?

— Въ годъ.

— А въ семь лѣтъ не могъ затвердить, какъ надо писать: тебѣ?

— У насъ всѣ не лучше пишутъ...

— Нашелъ оправданіе!—прогнусила мачеха.

— Это онъ правду говоритъ, я знаю многихъ изъ ихъ школы, которые не совсѣмъ правильно пишутъ,—вступился дядя.

Отецъ посмотрѣлъ на него убійственно-холоднымъ взглядомъ и снова обратился ко мнѣ.

— Если же ты не приготовишься въ годъ—тогда что?

— О, онъ и въ десять не приготовится! — обрадовалась мачеха моей предполагаемой лѣни.

— Тогда...—началъ я.

— Тогда,—произнесъ отецъ, отчетливо выговаривая каждое слово: — я тебя выпорю на конюшнѣ, какъ послѣдняго холопа, и потомъ отдамъ въ юнкера. Слышишь! — добавилъ онъ, вставая изъ-за стола и уходя въ другую комнату.

Я посмотрѣлъ на него, и мнѣ стало какъ-то неловко.

Отъѣздъ въ Петербургъ назначили черезъ два мѣсяца. Я въ это время все ближе и ближе сходился съ дядей и начиналъ любить его за его добродушныя мечты, плохо различая, какъ далеко отъ мечтаній до поступковъ. Мнѣ казалось, что онъ однихъ убѣжденій съ Антономъ, со мною. Я никакъ не понималъ, что этотъ человѣкъ однихъ убѣжденій съ каждымъ членомъ всего народонаселенія Россіи, что онъ умѣлъ складываться по желанію другихъ, чтобы не тревожить себя, что онъ могъ быть другомъ эмансипатора и представляетъ alter ego отъявленнаго крѣпостника.

Торжествуя свою побѣду надъ отцомъ, вслѣдствіе вѣтренности своего характера, я началъ снова мечтать о своей роли примирителя дяди съ Александрой Ивановной. Однажды, во время нашихъ прогулокъ по саду, я сказалъ дядѣ:

— Дядя, вѣдь я знакомъ съ ними.

— Съ кѣмъ, мой другъ? — спросилъ онъ, ничего не подозрѣвая.

— Съ Александрой Ивановной и Тоней.

Дядя осунулся и завертѣлъ пуговицу у сюртука.

— Зачѣмъ же ты ихъ бросилъ? Имъ трудно жить. Вѣдь это безнравственно, ты обязанъ поддерживать своего сына. Дѣти не виноваты и не должны нести наказанія за ссоры родителей.

Я совершенно хладнокровно читалъ эту мораль и не чувствовалъ всего комизма моего положенія. Идеи совершенно вѣрныя, высказанныя мною, еще не были моими идеями, но я хотѣлъ ошеломить ими дядю и примирить съ семьей.

Дядя вертѣлъ пуговицу.

— Объ этомъ надо поговорить съ твоимъ отцомъ,—произнесъ онъ и потеръ себѣ лобъ; у него опять возился комаръ подъ черепомъ.

— О чемъ?

— Какъ же это такъ вдругъ познакомился? Шпіонство! Послѣ этого и жить нельзя!.. Былъ спокоенъ столько лѣтъ и вдругъ!.. Познакомился!..—отрывисто говорилъ онъ, разсуждая съ самимъ собою и уже не обращая вниманія на меня.

— Да чего ты волнуешься?—спросилъ я.

— Оставь меня, пожалуйста!—проговорилъ онъ, входя на террасу, и заходилъ взадъ и впередъ.

Прошло нѣсколько минутъ, къ намъ вышелъ отецъ, хмурый, какъ осенній вечеръ. Онъ вышелъ отъ мачехи.

— Я хочу съ тобой поговорить,—сказалъ дядя.

— Говори, если хочется! — отвѣтилъ отецъ, бросая на столъ фуражку и, сѣвъ къ столу, началъ по немъ барабанить пальцами и насвистывать маршъ.

— Мнѣ нужно съ тобой однимъ поговорить.

— А-а!—процѣдилъ сквозь зубы отецъ и вопросительно поглядѣлъ на меня.

Я не трогался съ мѣста.

— Ну, что же? — процѣдилъ онъ снова, глядя на меня въ упоръ.

Никогда въ жизни не могъ я вынести этого свинцоваго взгляда и теперь опустилъ рѣсницы и пошелъ изъ комнаты.

— Павелъ ходитъ къ Александрѣ Ивановнѣ,—объявилъ дядя, когда я вышелъ.

— Ей теперь подъ пятьдесятъ?

— Да.

— Дуракъ!—рѣшилъ отецъ.

— Онъ началъ мнѣ говорить о ней, хлопочетъ объ ея участи, между тѣмъ у насъ все кончено съ обоюднаго согласія. Значитъ, она требовать ничего не можетъ и не потребуетъ. Я это знаю... Зачѣмъ же онъ вмѣшивается не въ свое дѣло? Развѣ я могу бросить Машу? Она такъ меня любитъ! Вѣдь это онъ, вѣрно, узналъ и уморить меня хочетъ, нарочно растравляя мои старыя раны. Вѣдь это варварство! Это ни на что не похоже! Надо положить этому конецъ. Ты какъ думаешь устроить?

— Что устроить?—спросилъ отецъ, переставъ на минуту свистать.

— Чтобы онъ не говорилъ мнѣ о ней, не тревожилъ меня.

Отецъ позвонилъ. Явился Андрюшка.

— Позвать Павла Константиныча.

— Слушаю-съ.

Андрюшка явился ко мнѣ.

— Васъ зовутъ-съ.

— Хорошо.

Черезъ минуту я былъ снова на террасѣ.

— Что нужно сдѣлать съ человѣкомъ, который пришелъ въ чужой домъ и сталъ распоряжаться въ немъ?—спросилъ отецъ, какъ будто подражая одному изъ древнихъ пророковъ, который заставлялъ самого грѣшника изречь приговоръ за сдѣланный имъ грѣхъ.

Я не былъ такъ догадливъ, какъ тотъ согрѣшившій человѣкъ, и не зналъ, что отвѣчать.

— Что-жъ бы ты сдѣлалъ съ нимъ?

Я молчалъ.

— Ну?

— Выгналъ бы его вонъ, — отвѣтилъ я, зная, что такъ или иначе отвѣтъ будетъ вымученъ, и допросчикъ ни за что не подскажетъ его, хотя бы отвѣтъ стоилъ мнѣ жизни.

— И тебя выгонятъ, если ты будешь мѣшаться въ чужія дѣла, но прежде я тебя выпорю! Понялъ?

Я молчалъ.

— Тебя спрашиваютъ: понялъ?

— Понялъ,—едва шевеля языкомъ, отвѣтилъ я.

Отецъ забарабанилъ пальцами по столу и засвисталъ маршъ. Очень хорошо у него выходили эти марши! Дядя стоялъ спиною къ комнатамъ у перилъ террасы и глядѣлъ въ даль, которая оканчивалась широкимъ кустомъ акаціи, едва не задѣвавшей за дядинъ носъ. Я стоялъ посрединѣ террасы и не зналъ, что̀ дѣлать. Мои ноги, казалось, были налиты свинцомъ. Тысячи мыслей, смутныхъ, неуловимыхъ, вихремъ крутились въ моей головѣ. Она невольно клонилась внизъ, точно какой-то тяжелый молотъ опустился на нее, и медленно, убійственно-медленно, безпощадно, безостановочно давитъ ее всею своею невыносимою тяжестью, и подъ этимъ гнетомъ все смутнѣе, все страшнѣе становился хаосъ мыслей, наконецъ, я уже ни о чемъ не думалъ. Не знаю, долго ли пробыли бы мы въ этомъ положеніи, если бы насъ не вывелъ изъ одеревянѣнія возгласъ Андрюшки:

— Обѣдъ поданъ!

Отецъ всталъ первый, за нимъ тронулся дядя, неровной походкой и потирая свой лобъ. Тихо побрелъ я за ними. Обѣдъ прошелъ. Походилъ я по своей комнатѣ, развернулъ какую-то книгу и сталъ читать. Читалъ-читалъ, страницъ двадцать прочелъ, и вдругъ ни съ того, ни съ сего взглянулъ на заглавіе—оказалось, что это календарь 1845 года. Я началъ снова ходить по комнатѣ. Меня позвали пить чай. Напился чаю, пошелъ гулять, дошелъ до рѣки, машинально раздѣлся, выкупался, одѣлся и легъ на траву. Кругомъ меня стояла торжественная тишина лѣтняго вечера. Прошло съ полчаса времени, вдругъ съ дороги послышались звуки какого-то разудалаго, невѣрнаго голоса, и черезъ нѣсколько минутъ мимо меня прошелъ пьяный, оборванный парень въ ухарски-заломленной на́-бокъ шапкѣ.

Не видалъ ли ты телушку,
Сама черненькая,
Вымя бѣленькое?..

Пѣлъ онъ, дѣлая чрезвычайно плутоватое лицо, и, повидимому, несмотря на всѣ усилія, не могъ найти въ своей головѣ ни начала, ни продолженія этихъ трехъ строкъ, завертѣвшихся у него на языкѣ. Щуря глаза и притопывая, онъ подошелъ ко мнѣ, подбоченился и крикнулъ, подражая солдатскимъ манерамъ:

— Здравія желаемъ, ваше благородіе!

— Здравствуй,—нехотя отвѣчалъ я.

— Что вы думаете, что я пьянъ? Прикажите: Антипка,

пройди по одной доскѣ!—пройду! Ей-ей, пройду! Не угодно? Ну, такъ я вамъ пѣсню спою:

Не видалъ ли ты телушку...

— Ступай, ступай!—прервалъ я его; онъ начиналъ меня злить своею пьяною навязчивостью.

— И того не угодно? Ну, счастливо оставаться, ваше благородіе!

Пьяный парень удалился и чрезъ мигъ явился передо мною снова.

— А я бы вамъ, ваше благородіе, отлично спѣлъ эту самую пѣсню!—жалобнымъ голосомъ проговорилъ онъ.

— Ступай!—крикнулъ я.

— Ну, ну, иду!

Напѣвая свою «телушку», парень отошелъ отъ меня. Эта сцена вывела меня изъ того страшнаго состоянія, въ которомъ я находился въ теченіе нѣсколькихъ долгихъ часовъ; съ той минуты, когда происходила сцена на террасѣ, я рѣшительно ни о чемъ не думалъ. Если вы, читатель, находились хоть однажды въ такомъ положеніи одеревянѣнія, то вы поймете весь его ужасъ. Ходить, пить, ѣсть — и ни о чемъ, рѣшительно ни о чемъ не думать,—это близко къ сумасшествію. Давно стихла въ отдаленіи разбудившая меня пѣсня, а я все еще лежалъ на травѣ, сжимая голову обѣими руками, и рыдалъ, какъ ребенокъ. Я не плакалъ въ теченіе шести лѣтъ. «Гдѣ же выходъ?—отрывисто и вслухъ спрашивалъ я себя, судорожно кусая конецъ своего платка.— Хлестаковщина, невѣжество, ненависть семьи! Умереть бы, что ли? И зачѣмъ мнѣ жить? Что я сдѣлаю для общества? Гдѣ силы, гдѣ средства, гдѣ умѣнье, чтобы принести ему пользу? Я неучъ, я русской грамоты порядочно не знаю, и даже нѣтъ у меня умѣнья трудиться! И отчего же не умереть? Кто меня любилъ, кто меня любитъ?» Послѣдній вопросъ началъ безотвязно повторяться въ моей головѣ—и вотъ воображеніе взяло верхъ надъ разсудкомъ; передо мною понеслись чудныя, полныя поэзіи картины, одни образы смѣнялись другими, вспоминалась мнѣ благословляющая на жизнь любовь матери, ожило передо мной ея страдальческое, измученное, но кроткое лицо; не успѣлъ я всмотрѣться въ него, какъ уже передъ моими глазами носился задумчивый, но полный энергіи и жизни, призракъ сестры, слышались ея ласковыя рѣчи, вспоминались послѣднія прощальныя слова: «будь честнымъ человѣкомъ, не расходись

съ Колькой!...» А вотъ и онъ, суровый, безпощадный, бранящій людей, толкующій о томъ, что не должно никого прощать, и прощающій всѣхъ, готовый на дѣлѣ обнять весь міръ. «Они всѣ любили меня, думалось мнѣ, неужели этого мало?..» И вдругъ почудилось мнѣ, что кто-то смѣется, смѣется серебристымъ веселымъ смѣхомъ, въ которомъ нѣтъ ни одной грустной нотки. Я узналъ этотъ голосъ—это Аня... Зачѣмъ явилась она въ моемъ воображеніи въ тотъ мигъ, когда я подводилъ итогъ любящимъ меня существамъ? Развѣ она любитъ меня? Не знаю, но мнѣ не хотѣлось разстаться съ этимъ новымъ призракомъ, я всматривался въ его сіяющія жизнью и радостью черты, я хотѣлъ вѣчно, вѣчно любоваться ими, и мнѣ мучительно захотѣлось жить. «Аня, Аня, спаси меня!» вырвалось изъ моей груди... Мнѣ какъ-то грустно стало теперь, когда я написалъ эти слова. Они выходятъ на бумагѣ пустой фразой экзальтированнаго юноши, а между тѣмъ съ ними связана, ими начинается моя лучшая пора жизни, за которую я не краснѣю, они, они спасли меня, потому что они были—любовь.

Мнѣ вдругъ стало весело, я отыскалъ на рѣкѣ первую рыбачью лодку, отвязалъ ее и поѣхалъ по рѣкѣ. Въ моей головѣ звучали чудные, мѣрные, какъ плескъ волны о прибрежные камни, стихи:

Горитъ огонекъ за рѣкою,
Вся въ блесткахъ струится рѣка,
На лодкѣ весло удалое,
На цѣпи не видно замка...

въ эту минуту любилъ и поэзію, и стихи Фета, и Аню, и весь Божій міръ, и какъ онъ прекрасенъ съ этими яркими звѣздами, ясными, какъ глаза ребенка, съ этимъ волшебникомъ-мѣсяцемъ! Какъ весело, тихо качаясь въ лодкѣ, неслышно нестись по рѣкѣ, задѣвать головой за нависшія вѣтви уснувшихъ плакучихъ ивъ и дышать широко молодою, здоровою грудью, и пить свѣжій ночной воздухъ!.. Теперь, вспоминая эти минуты, я люблю болѣе этихъ звѣздъ, болѣе этого мѣсяца, выносливую и чудную, какъ любовь, юность...

Перерожденія человѣка никогда не совершаются вдругъ, вчерашній негодяй не сдѣлается честнымъ человѣкомъ за ночь, но есть минуты, съ которыхъ можно надѣяться на перерожденіе человѣка. Такою минутою былъ этотъ вечеръ на берегу рѣки. На другой день мнѣ нездоровилось, я простудился наканунѣ. Мои мысли приняли снова скверное направленіе. Я то обвинялъ въ душѣ отца, то ругалъ себя

за желаніе вмѣшиваться въ чужія дѣла, даже оправдывалъ дядю, потомъ вдругъ онъ становился мнѣ отвратителенъ со своимъ стремленіемъ, во что бы то ни стало, сохранить свой аппетитъ и сонъ, со своимъ отсутствіемъ человѣческихъ чувствъ и убѣжденій. Видъ отца разрушалъ мои грезы о любви; опять я сознавалъ, что я хуже крѣпостного человѣка, что я не могу ничего сдѣлать по своей волѣ, меня бросало и въ жаръ, и въ холодъ отъ его ледяныхъ фразъ, и при каждой мечтѣ о счастіи меня мучили предчувствія, и какой-то голосъ шепталъ: vous êtez chez moi!

XI.

«Съ новымъ годомъ—съ новымъ счастьемъ!»

Въ исторіи всего человѣчества, въ исторіи государствъ, въ исторіи отдѣльныхъ человѣческихъ личностей есть года, которые не забываются никогда, о которыхъ вспоминаютъ съ оживленіемъ, съ нѣжною любовью и радостью даже тогда, когда жизнь сдѣлалась уныла и безотрадна. Вотъ сухой, черствый старикъ, ради чиновъ и наградъ загубившій свою честность, ради корыстныхъ видовъ продавшій нѣкогда себя и покоряющійся до сихъ поръ ненавистной женѣ, начальнической любовницѣ, заклейменной цѣлымъ городомъ позорнымъ именемъ развратницы,—онъ встрѣтилъ своего стараго друга и вспомнилъ о своихъ студенческихъ годахъ, о первыхъ честныхъ порывахъ, о безкорыстныхъ стремленіяхъ; его глаза вспыхнули огнемъ, въ его груди встрепенулось сердце, онъ забылъ и свои недуги, и свои пороки, и грязные помыслы, онъ снова на мгновеніе превратился изъ гніющаго мертвеца въ человѣка, онъ прекрасенъ! Вотъ сгорбленная старуха, въ грудѣ ненужныхъ лавочныхъ квитанцій и нижайшихъ докладовъ какого-нибудь старосты Лексѣя Лександрова она нашла выцвѣтшія строки перваго признанія въ любви, она остановила на нихъ глаза; ея мысли унеслись далеко, передъ нею несутся чудныя картины: весна, садъ, свиданье, шопотъ любви... Она, проводившая десятки лѣтъ въ перебранкахъ и сплетняхъ съ старою горничною, въ душеспасительныхъ бесѣдахъ со странницами и расчесываньи шерсти слезливой болонки, страдающей вѣчными насморками и кашлемъ, — она мечтаетъ! На письмо, покрытое поцѣлуями шестнадцатилѣтней дѣвушки, орошенное слезами двадцатилѣтней проданной старику женщины, падаютъ слезы семидесятилѣтняго на мгновеніе ожившаго трупа. Вотъ отставной солдатъ, одинокій.

безпріютный, спившійся съ круга, готовый на всякую мерзость за штофъ водки,—онъ вспомнилъ двѣнадцатый годъ, и его лицо блеснуло благороднымъ одушевленіемъ, онъ снова горячо разсказываетъ, какъ *они* отстояли матушку-Россію, какъ рвались въ битву, будто на пиръ: въ это мгновеніе онъ чувствуетъ себя снова не выкидышемъ холоднаго, презирающаго его общества, но членомъ одной великой семьи, сыномъ любимой матери, за которую и онъ пролилъ свою каплю крови. Если бы эти люди умерли въ такія минуты, то они умерли бы счастливыми, чистыми и не унесли бы въ другую жизнь однихъ проклятій землѣ, а между тѣмъ эти минуты—только воспоминанія, только тѣни и призраки праздничныхъ лѣтъ жизни... О, великіе праздники жизни, зачѣмъ вы такъ рѣдко повторяетесь? Неужели для того, чтобы сильнѣе были впечатлѣнія, оставляемыя вами? Неужели для того, чтобъ человѣкъ не баловался? Страшная иронія судьбы!

Такими праздниками были для меня слѣдующіе годы...

Шумно и весело въ семьѣ Антона, моего новаго учителя, встрѣтилъ я наступленіе 1857 года. Недалеко отъ меня смѣялась въ кругу подругъ своимъ безпечнымъ дѣтскимъ смѣхомъ Аня, подлѣ меня сидѣлъ мой другъ Колька, кругомъ говорили, смѣялись и шумѣли еще нѣсколько студентовъ, учителей и подругъ Ани. У всѣхъ были надежды, всѣ съ жадностью ловили новости, толковали о разныхъ проектахъ, всѣ чувствовали себя ближе другъ къ другу, потому что у всѣхъ была на умѣ мысль о дѣлѣ, а когда у общества есть общее серьезное дѣло, то и враги на время забываютъ свои личныя дрязги, свою личную вражду. Въ это время нерѣдко приходили на память друзьямъ Кольки его стихи. Читатель извинитъ меня, что я ихъ выпишу, это нужно:

Выпьемте дружно на ты;
Старый студентскій обычай
Свѣтлыя будитъ мечты,
Освобождая отъ глупыхъ приличій.

Будемъ не братьями. Нѣтъ!
Съ дня, когда Каинъ убійцей сталъ брата,
Именемъ этимъ играетъ весь свѣтъ,
Словно названьемъ постыднымъ разврата.
Прочь это имя! Оно
Часто пророка связуетъ въ ворами
И тяготѣетъ на немъ, какъ пятно;
Будемъ свободными, будемъ друзьями!

Выпьемте дружно на ты и т. д.

Мы за стремленье къ трудамъ,
Къ подвигамъ честнымъ, такъ любимъ другъ друга,
И измѣнившій позорно имъ—самъ
Выйдетъ, краснѣя, изъ нашего круга.
Вольный въ дѣлахъ человѣкъ
Съ людьми долженъ сходиться свободно...
Пусть же повсюду отнынѣ вовѣкъ
Царствуетъ дружбы союзъ благородный!

Выпьемте дружно на ты и т. д.

Такова была потребность дружбы, союза, что эта *непоющаяся пѣсня*, какъ звалъ ее Колька, что эти шероховатыя строки западали навсегда въ память прочитавшаго ихъ хоть два раза, хотя никто изъ этихъ юношей не былъ поклонникомъ стиховъ, не считалъ чѣмъ-нибудь важнымъ мѣрную строку, заостренную риѳмой, и уже многіе изъ нихъ начали слыть черствыми, грубыми... Недолго оставалось ждать *повальной* клички нигилистовъ...

— Танцовать, танцовать давайте!—пригласила Аня.

Всѣ бросились раздвигать столы, стулья, кто-то предложилъ вмѣсто люстры повѣсить мебель, чтобы она не мѣшала, дядюшка заигралъ на фортепіано какой-то старомодный чопорный кадриль, но танцы отъ этого пошли не хуже. Мѣрно и звучно раздался первый ударъ часовъ, возвѣщавшій полночь...

— Съ новымъ годомъ, съ новымъ счастьемъ!—раздались голоса.

И дядюшка, не докончивъ послѣдней ноты, и танцующіе, не докончивъ послѣдней фигуры, смѣшались въ одну группу и, наливъ стаканы медомъ, чокались другъ съ другомъ, кто-то даже крикнулъ: «ура!» Это вызвало неудержимый и продолжительный смѣхъ.

— Должно быть, мы славно проведемъ этотъ годъ, если судить по началу,—сказалъ одинъ студентъ, когда уже мы всѣ сѣли за ужинъ.

— Разумѣется, славно, и всѣ другіе года теперь будемъ проводить хорошо,—сказалъ съ свойственнымъ ему увлеченіемъ и немного драматическимъ паѳосомъ Антонъ.

— Гдѣ твои недавнія мрачныя опасенія за будущее!—насмѣшливо спросилъ Колька.

— Они понемногу разсѣялись, я съ каждымъ днемъ убѣждаюсь, что будущее будетъ прекрасно...

— Твоими бы устами да медъ пить! — проговорилъ еще насмѣшливѣе Колька.

— Что же тебѣ кажется, что я...

— Мнѣ кажется, что ты и я,—перебилъ Колька:—и мы всѣ отлично встрѣтили наступленіе 1857 года...

— Ну?

— Ну, и что изъ этого ничего не слѣдуетъ, что завтра можетъ быть и солнце, и дурная погода...

— Однако, у насъ есть надежды на будущее.

— Ну, а у меня ихъ нѣтъ.

— Вольному воля!—раздражительно замѣтилъ Антонъ.

— Я именно это и хотѣлъ сказать, мой милый. Вольному воля,—великая истина! Тебѣ нравится приправлять свою жизнь то опасеніями вмѣсто перца, то надеждами вмѣсто сахара, а я сталъ ее принимать такою, какова она есть, съ тѣхъ поръ, когда убѣдился, что моя надежда получить несуществующее наслѣдство отъ миѳическаго дядюшки никуда не годится.

Мы кончили ужинъ. Антонъ въ волненіи заходилъ по комнатѣ, свѣтлое настроеніе было въ немъ разрушено. Колька замѣтилъ это и улыбнулся.

— Господа,—продолжалъ онъ еще язвительнѣе.—У меня есть тетка, которая постоянно говоритъ: «если дождя не будетъ, то я пойду погулять»,—и ждетъ до тѣхъ поръ, пока пойдетъ дождь, ну, а въ дождь гулять нельзя. Потомъ она постоянно жалуется, что ей не удается подышать воздухомъ: то страшно, что дождь застанетъ, то приходится переждать, когда онъ кончится. Потомъ есть у меня дядя, который въ теченіе сорока лѣтъ чувствуетъ приближеніе смерти и потому не принимается ни за какое дѣло, отказывается отъ всѣхъ удовольствій. «Сохрани Богъ, говоритъ онъ, пожалуй смерть на пиру застанетъ...»

— Что же изъ этого?—съ нетерпѣніемъ спросилъ Антонъ.

— Да то, душа моя, что самое лучшее пользоваться хорошею погодою и идти гулять, наслаждаться жизнью, покуда она наша, и не имѣть никакихъ надеждъ на будущее.

— Однако, ты имѣешь опасенія за будущее, это тоже надежда своего рода, только мрачная, ты скорѣй похожъ на своихъ родственниковъ.

— Кто тебѣ сказалъ, что я опасаюсь за будущее, что у меня есть мрачныя предчувствія? Я просто совсѣмъ не гляжу въ далекое будущее, потому что это смѣшно. Каково оно будетъ—узнаемъ послѣ. А покуда довольно настоящаго. Вотъ вся философія.

Антонъ пожалъ плечами и улыбнулся; черезъ нѣсколько

минутъ и онъ, и Колька присоединились къ остальному обществу и были попрежнему друзьями.

— Что тебѣ была за охота смутить мое счастливое настроеніе духа?—спросилъ Антонъ Кольку, спустя нѣсколько времени.

— Да не могу я, душа моя, выносить, когда человѣкъ дѣлаетъ изъ себя смѣшное лицо, а ты, какъ и всѣ другіе, всегда бываешь смѣшонъ съ своими надеждами и опасеніями, печалясь, если будущее кажется тебѣ темнымъ, радуясь, если оно кажется свѣтлымъ. Сверхъ того, всѣ эти опасенія и надежды опасны: онѣ мѣшаютъ пользоваться настоящимъ счастіемъ, угрожая будущими бѣдами, другія, окрашивая въ розовый цвѣтъ будущее, заставляютъ тебя отчасти спустить рукава, отчасти раскиснуть, сдѣлаться сибаритомъ, и ты погибнешь отъ перваго удара судьбы, потому что ты самъ подвернешься подъ него, думая, что судьба хочетъ помазать твою голову розовой помадой...

— Знаешь ли что, иногда мнѣ просто не вѣрится, что тебѣ двадцать второй годъ, ты кажешься гораздо старше...

— Это очень не мудрено: я вдвое старше своихъ лѣтъ...

— Какъ такъ?—смѣясь, спросилъ Антонъ.

Всѣ обратили вниманіе на Кольку.

— Потому, мой другъ, что мой годъ за два считался: я и по наукамъ прохаживался, и казачкомъ въ родительскомъ домѣ служилъ, вѣдь у насъ крѣпостныхъ людей не было,— промолвилъ Колька своимъ обычнымъ не то веселымъ, не то ироническимъ тономъ.

— Оттого-то у тебя и нѣтъ ни капли воображенія, что ты постоянно былъ въ черной работѣ, — сказалъ студентъ Яковлевъ.

— И отлично, что оно не слишкомъ развито. Я врагъ всякихъ призраковъ. Я очень радъ, что у меня не было няньки-сказочницы.

— Если бы я не чувствовалъ положительнаго отвращенія къ Диккенсову Градгринду, требовавшему только фактовъ, фактовъ и фактовъ, то я назвалъ бы тебя этимъ именемъ.

— Градгриндъ, какъ всякое лицо, преслѣдуемое авторомъ, вышелъ непривлекателенъ, а факты все-таки лучше грёзъ, и вѣрно не послѣднія сдѣлали Англію великимъ государствомъ,—серьезно произнесъ Колька. — Безъ воображенія нельзя существовать, но отстаивать его, воевать и заступаться за него, возвышать его на счетъ простого здороваго смысла—нелѣпость: сѣйте хлѣбъ, а васильки будутъ; мало

ли ихъ будетъ, много ли, — это не важно, безъ нихъ съ голоду не умремъ.

— Ты очень быстро соображаешь, но твои взгляды узки, ты, можетъ-быть, и ясно видишь, но только на близкомъ разстояніи,—сказалъ Яковлевъ.

Колька передернулъ плечами.

— Ты ошибаешься,—сказалъ онъ. — Вы всѣ сидите въ полутемной комнатѣ, передъ вашимъ носомъ стѣна, вы устремляете на нее полусонные глаза, воображеніе начинаетъ играть, вы мечтаете, передъ вами вмѣсто этой дрянной каменной стѣны рисуются въ воздухѣ волшебныя картины, чудное, какъ сказка, будущее; вы улыбаетесь, вы счастливы... На вашемъ языкѣ это называется имѣть обширный кругозоръ, быть дальновиднымъ. Вы жалѣете меня, говоря, что я близорукъ, что я хотя и яснѣе васъ вижу, но не дальше своего носа. А знаете ли вы, что вы и на этомъ разстояніи ничего не видите,—что та стѣна, которую я вижу, гораздо дальше отъ меня, чѣмъ отъ васъ тѣ роскошныя картины, которыя видите вы, которыя находятся въ васъ самихъ, въ вашемъ мозгу, въ вашихъ глазахъ?.. Ахъ вы, дальновидные слѣпцы!

— Мнѣ иногда кажется, что ты отчасти правъ,—задумчиво произнесъ Антонъ:—но согласиться съ тобою вполнѣ, право страшно.

— Непривычка!

XII.

Въ квартирѣ Люлюшиныхъ.

Но какъ же я устроилъ свою жизнь? Гдѣ жилъ?.. У Люлюшиныхъ, любезный читатель, опять у перваго встрѣчнаго чиновника, у моего крестнаго папеньки. Но теперь я былъ не ребенокъ, не Павленька, а Павелъ Константиновичъ, молодой человѣкъ, которому суждено скоро сдѣлаться обладателемъ порядочнаго имѣнія. Моя комната теперь принадлежала дѣйствительно мнѣ, и никто, кромѣ Кольки, помѣщавшагося тоже въ ней, не считалъ себя въ правѣ входить въ нее безъ моего позволенія или согласія. Какъ я люблю эту простую комнату въ одно окно! Въ ней вы можете прожить сколько вамъ угодно времени и не видать ничего, что дѣлается внѣ ея; для этого стоитъ только не высовывать головы за окно на грязный дворъ, похожій на обширную глубокую могилу, въ которую безпощадно сбросило небо сотни живыхъ людей, ползающихъ по дну мо-

гилы, выглядывающихъ въ безчисленныя окна, пробитыя повсюду, взбирающихся по лѣстницамъ, продѣланнымъ въ ея стѣнахъ, словно стремящихся снова добраться до этого неба, хлопочущихъ, суетящихся въ ней до той поры, пока надоѣстъ ихъ шумъ и гамъ этому небу, и отправитъ оно ихъ на одиночное заключеніе въ другія узкія и темныя подземныя тюрьмы, откуда не видно и его такъ чудно дѣйствующей на душу синевы. Но изъ этой же комнаты, даже лежа на постели въ самомъ отдаленномъ отъ окна углу, вы можете видѣть небесную лазурь; люди, заслонившіе эту лазурь отъ сибаритовъ, устроившихъ свой рай въ первомъ этажѣ, не рѣшились заслонить ее какою-нибудь безобразною грудою кирпичей отъ мучениковъ послѣдняго этажа, совершающихъ подвигъ уже однимъ тѣмъ, что послѣ всѣхъ дневныхъ трудовъ, едва дыша усталою, чахоточною грудью, едва переступая страдающими отъ ревматизма ногами, они должны пройти еще полторы сотни ступеней, чтобы поужинать и лечь въ постель. Въ этой комнаткѣ нѣтъ ставень, и никогда не задергиваются занавѣски, не опускаются шторы, потому что она слишкомъ далека отъ грязнаго дна могилы и не могутъ въ нее заглянуть подсматривающіе, недоброжелательные взгляды или забраться голодные воры, а закрываться отъ неба—это значило бы наказывать себя, лишаться удовольствія видѣть, какъ тихо и безслѣдно исчезаютъ тучи, какъ ярко загораются ясныя звѣзды и какъ исчезаютъ и онѣ за ослѣпительнымъ блескомъ ласкающаго и грѣющаго солнца. Часто будили меня его горячіе лучи, и въ полудремотѣ казалось мнѣ иногда, что это сонъ, что мнѣ стоитъ совсѣмъ проснуться — и исчезнутъ изъ моихъ глазъ и эти незатѣйливые стулья, стоящіе въ теченіе многихъ лѣтъ въ одномъ и томъ же порядкѣ и сдѣлавшіе знаки на однихъ и тѣхъ же мѣстахъ,—и этотъ ломберный столъ, играющій роль письменнаго и хранящій чернильныя пятна, сдѣланныя когда-то моею еще дѣтскою, неосторожною рукой,—и эти кисейныя занавѣски съ пробранными цвѣтами, похожими на заштопанныя мѣста, и съ заштопанными мѣстами, похожими на пробранные цвѣты; и, наконецъ, Колька, облокотившійся на локоть въ своей постели и пристально читающій книгу...

— Что, господинъ лѣнивецъ, изволили проснуться? — спрашиваетъ онъ, замѣтивъ, что я открылъ глаза.

— Нѣтъ! это не сонъ!—успокаиваю я себя вслухъ.

— Что не сонъ?

— Мнѣ показалось, что я еще нахожусь въ училищѣ и что вижу во снѣ эту комнату,—отвѣчаю я, не думая вставать:—мнѣ такъ тепло въ моей постели.

— Мнѣ самому иногда не вѣрится, что ты снова здѣсь. Странно, какъ трудно оторваться отъ человѣка, котораго мы полюбили въ дѣтствѣ. Вѣдь вотъ ты въ школѣ былъ отвратительнѣйшимъ мальчишкою.

— Спасибо за комплиментъ!—смѣюсь я.

— Нѣтъ, душа моя, — серьезно отвѣчаетъ Колька:—это истинная правда. Ты былъ отвратительнѣйшимъ мальчишкою, а меня все что-то тянуло къ тебѣ; сколько разъ я давалъ себѣ слово не видаться съ тобой, сознавая, что ты не стоишь моей дружбы, что привязанность къ тебѣ начинаетъ дѣлать меня смѣшнымъ въ моихъ собственныхъ глазахъ, что любить человѣка за прошлое—глупо, слишкомъ сахарно. Ну, а иногда получу отъ тебя письмо и вотъ лежу, какъ теперь, на постели въ этой комнатѣ, и вспоминаются наши дѣтскіе планы, мечты, честныя надежды, все, что было искренно и свято, и снова, бывало, захочется видѣть тебя, и снова вѣрится, что жизнь не совсѣмъ загубила тебя, что ты еще придешь въ эту комнатку, потому что

Въ этой комнаткѣ счастье былое,
Дружба свѣтлая выросла здѣсь...

— Господа, пора вставать, чай поданъ! — раздается голосъ Аграфены Степановны.

И странное дѣло! мнѣ кажется милымъ даже этотъ голосъ. Что? это слабость, маниловщина? Или точно она лучше другихъ?

— Павелъ Константиновичъ,—заискивающимъ голосомъ начала Аграфена Степановна, когда мы явились къ чайному столу:—у меня есть до васъ просьба.

— Что вамъ угодно?—спросилъ я, улыбаясь и зная навѣрное, о чемъ поведется рѣчь, потому что это было въ день субботній.

— Позвольте мнѣ сегодня ради субботы что-нибудь на скорую руку къ обѣду приготовить, вотъ хоть бы кислыя щи и кашу. Право, за недѣлю столько уборки накопилось, что и не управиться,—боязливо привела она причину, чтобы отстоять щи и кашу.

— О!..—началъ я и не кончилъ, уступивъ слово Колькѣ.

— Эхъ, маменька, дѣлайте, что угодно, чего тутъ спрашивать! Что сготовите, то и будемъ ѣсть,—произнесъ онъ, оставивъ меня на моемъ *о*.

— Да вѣдь вотъ, можетъ-быть, Павелъ Константинычъ разсердится, можетъ-быть, имъ не понравится,—слабо вступилась Аграфена Степановна, зная впередъ всю эту сцену.

— О!..—началъ я снова.

— Ну, не понравится, такъ можетъ убираться къ чорту, то-есть я хотѣлъ сказать, въ другое мѣсто обѣдать,—рѣшилъ Колька, снова остановивъ меня на неудачномъ *о*.

— Ахъ, что ты, что ты, натощакъ-то чернаго поминаешь!—боязливо осматриваясь, замѣтила Люлюшина. — Ужъ я и не рада, что при тебѣ начала, ты ужъ вотъ всегда такой, сейчасъ разгорячишься, — говорила она, перетирая чашки.

— О, вы, пожалуйста, не стѣсняйтесь изъ-за меня,— успѣлъ я произнести желанную фразу.

Черезъ пять минутъ я смѣялся въ своей комнатѣ надъ этой сценой.

— Право, досадно! — говорилъ Колька. — Ну, для чего каждый разъ спрашивать? Вѣдь, если бы, въ самомъ дѣлѣ, щи да кашу тебѣ подала, а то и говядину тамъ подъ хрѣнъ положитъ, и селедочекъ съ разными грибочками подастъ, и еще какой-нибудь дряни... Ну, и прекрасно бы, такъ вѣдь ужъ такая натура; дай, молъ, унижусь, извинюсь, намекну, что ужъ гдѣ намъ, дуракамъ, медъ пить, хорошій столъ держать, а потомъ и удивлю разными грибочками, что вотъ, молъ, у меня какой обѣдъ даже въ субботу! Ну, а скажи ты, что не позволяешь готовить щей и каши, такъ тебѣ надѣлаютъ колкостей, скажутъ, что для тебя обычаевъ не могутъ на шестидесятомъ году перемѣнять, что особой стряпки изъ твоихъ денегъ нельзя нанимать, и хоть ты выѣзжай, а щи да каша въ субботу будетъ, — конечно, между прочимъ...

— Ха-ха-ха!—засмѣялся я.

— Чему ты смѣешься?—съ удивленіемъ спросилъ Колька, разгорячившійся серьезно.

— Колька, да вѣдь и ты смѣшонъ, волнуясь періодически каждую субботу,—произнесъ я.

— Совершенная правда, голубчикъ! ты еще не затвердилъ наизусть моихъ субботнихъ *разсужденій на случай?*

— Приблизительно знаю.

— Ну, такъ ты въ будущій разъ начни мнѣ суфлировать, авось это меня отучитъ отъ періодическихъ волненій. Вотъ привычка-то что значитъ!

Мы въ это время одѣвались, а черезъ нѣсколько минутъ

вышли на улицу, чтобы идти въ медико-хирургическую академію, куда ходилъ и я въ качествѣ вольнослушателя.

— Удивительно, душа моя, не свободенъ до сихъ поръ разсудокъ человѣка отъ безсознательныхъ поступковъ,—говорилъ Колька, продолжая на дорогѣ начатый разговоръ.— Это яснѣе всего бросается въ глаза въ дѣлѣ привычекъ. По привычкѣ иногда повторяешь такія мелочи, такія пошлости, что право становится досадно и совѣстно за разсудокъ. Люди до сихъ поръ мало обращали на это вниманія, но если бы они были наблюдательнѣе, то имъ приходилось бы часто краснѣть за себя, за свои такъ-называемыя «невольныя движенія», за свое танцованье подъ дудку совершенно постороннихъ, повидимому, причинъ. Я, напримѣръ, пріучилъ себя въ дѣтствѣ не просто молиться, а читать извѣстное число извѣстныхъ молитвъ въ извѣстномъ порядкѣ. Я считалъ это подвигомъ и дѣлалъ по обѣщанію. Но слушай, что изъ этого вышло. Я читалъ ихъ, какъ обыкновенно дѣлаютъ это дѣти, стараясь поскорѣе оттрезвонить, не выговаривалъ словъ, а бормоталъ какіе-то звуки. И—я тебя увѣряю въ этомъ—всегда на одномъ и томъ же мѣстѣ я зѣвалъ и думалъ: «надо за это поклонъ положить». Потомъ на другомъ мѣстѣ я начиналъ размышлять: «а вѣдь я хорошо дѣлаю, что такъ долго молюсь». Далѣе опять на опредѣленномъ мѣстѣ меня начинала тревожить мысль: «что-то, уснулъ ли Сашка?» И, наконецъ, поднимаясь съ колѣнъ и стирая пыль съ штанишекъ, я говорилъ себѣ: «а вѣдь это грѣхъ, что я о другомъ думаю». Вотъ, душа моя, первое, что остановило мое дѣтское вниманіе на привычкѣ, на подчиненіи нашихъ мыслей и поступковъ постоянно повторяющимся обстоятельствамъ.

— Ты правъ,—замѣтилъ я:—я никогда не былъ наблюдателенъ, мнѣ *некогда* было думать, но теперь и я вспоминаю совершенно ясно, что, ложась спать, я постоянно начиналъ мечтать съ одной и той же фразы: «когда я вырасту большой и буду богатъ...» И можешь себѣ представить, до чего сильно это укоренилось, что недавно, ложась спать, я погрузился въ мечтанія именно съ этой фразы: «когда вырасту большой»!.. Ужъ, кажется, больше нельзя вырасти! Ха-ха-ха!

— Не смѣйся, это очень печально. Это подчиненіе нашихъ нравственныхъ и физическихъ движеній постоянно повторяющимся совершенно внѣшнимъ причинамъ показываетъ яснѣе другихъ явленій, какъ долго будетъ человѣче-

ство дѣлать глупости и мерзости, оставаясь совершенно невиннымъ въ этихъ поступкахъ. Чтобы отвратить эти явленія, надо возбуждать постоянно свой умъ, слѣдить за каждымъ своимъ шагомъ, надо разнообразить обстановку жизни, но все это такъ трудно покуда. Взгляни на большую часть чиновниковъ. Каждый изъ нихъ, посѣщая всякій день должность, непремѣнно совершаетъ извѣстный обрядъ привычныхъ движеній, привычныхъ фразъ. Одинъ непремѣнно сморкается и кашляетъ, садясь на свой стулъ, хотя бы онъ могъ въ данную минуту не дѣлать ни того, ни другого, но онъ къ этому привыкъ, иначе онъ не можетъ начать свою дневную службу; другой непремѣнно потретъ руки и вздрогнетъ всѣмъ тѣломъ, здороваясь со своими сослуживцами, хотя это движеніе совершенно не нужно и въ другомъ мѣстѣ онъ не сдѣлаетъ этихъ движеній, что доказываетъ, что они вызваны извѣстной обстановкой. Да что говорить о чиновникахъ!— вглядись въ игру актеровъ, въ манеры профессоровъ во время лекцій. Зачѣмъ, напримѣръ, жестъ Андреева, когда онъ говоритъ фразу: «сгруппировать въ одно цѣлое»,—онъ непремѣнно раскроетъ всѣ пальцы и начинаетъ медленно сводить ихъ вмѣстѣ, скользя ими по каѳедрѣ, точно сгребая соръ въ одну кучу. Не думай, что онъ хочетъ уяснить наглядно этимъ жестомъ группировку фактовъ; нѣтъ! у него даже и мысли объ этомъ нѣтъ, онъ просто подчиняетъ свои движенія часто повторяющейся фразѣ, замѣни эту фразу другою, равнозначущею ей по мысли, и онъ не станетъ сгребать пальцами кучи сора,—это ты можешь заключить изъ того, что онъ не повторяетъ своего движенія, когда говоритъ: «соединить вмѣстѣ». А вотъ мы и до аудиторіи добрались...

Читателю, вѣроятно, стало ясно, почему Колька такъ любилъ спорить, повидимому, изъ пустяковъ. Во-первыхъ, онъ дѣйствительно видѣлъ, что пустяками и мелочами держится весь міръ. Во-вторыхъ, онъ спорилъ съ цѣлью провѣрить себя и свои мнѣнія, онъ слѣдилъ за собою, хотѣлъ словить себя на каждой ошибкѣ. Послѣдняго въ нашемъ обществѣ совершенно не понимаютъ и удивляются, если человѣкъ не довольствуется тѣмъ, что своимъ умомъ дошелъ до сотворенія міра, а хочетъ еще провѣрить справедливость своихъ заключеній; Кольку это страшно бѣсило, и нерѣдко говаривалъ онъ даже своимъ друзьямъ:

— Для васъ истина ничего не значитъ, васъ нисколько не интересуетъ степень вѣрности вашихъ убѣжденій, еще

менѣе стараетесь вы распространить ихъ между другими. Вотъ хотите, я вамъ докажу это на дѣлѣ, дамъ представленіе!

И онъ началъ, при появленіи новаго собесѣдника высказывать убѣжденія, діаметрально противоположныя съ убѣжденіями послѣдняго. Господинъ, избранный на жертву, постоянно возражалъ сначала довольно рѣзко и горячо, потомъ все слабѣе и слабѣе, наконецъ, поддакивалъ или ловко заключалъ все тѣмъ, что никакіе споры никогда не кончаются.

— Ну, что, господа, не правду ли я говорилъ?—торжествовалъ Колька.—Вѣдь я его не убѣдилъ, а онъ уже поспѣшилъ согласиться со мною на *словахъ*. Если бы здѣсь были его ученики съ неустоявшимися мнѣніями, то они, видя, что онъ соглашается, видя, что я торжествую, перешли бы на мою сторону, сдѣлались бы моими послѣдователями. Ну, развѣ можно любить свои убѣжденія, способствуя вербовкѣ противниковъ этимъ убѣжденіямъ? Развѣ это любовь?

— Ты ошибаешься, это совсѣмъ не значитъ, что мы не любимъ нашихъ убѣжденій, а просто доказываетъ, что ты искуснѣе насъ споришь, ловчѣе выдаешь парадоксы за истину. Мы соглашаемся въ данную минуту, потому что не находимъ вдругъ средствъ сбить тебя, но...

— Та-та-та, постойте! Но вѣдь это значитъ, что я моими парадоксами дѣйствительно на минуту успѣваю заставить васъ согласиться со мною, съ моими убѣжденіями!

— Да, на минуту, конечно, но послѣ...

— Но послѣ должна слѣдовать въ вашемъ мозгу борьба, потому что онъ не разстается въ минуту безъ всякой боли съ скопленнымъ въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ кладомъ убѣжденій. Во время этой внутренней борьбы вы должны обдумать всѣ мои возраженія, должны взвѣсить ихъ, согласиться съ ними или найти на нихъ отрицательный отвѣтъ. Въ послѣднемъ случаѣ вы должны, при первой новой встрѣчѣ со мною, начать споръ, чтобы защитить свои убѣжденія новыми доказательствами и, если возможно (да это всегда возможно!), заставить меня отречься отъ лжи и перейти на вашу сторону. Но этого ничего не бываетъ съ вами. Вы просто остаетесь при своихъ старыхъ убѣжденіяхъ, подкрѣпленныхъ тѣми же старыми доказательствами, которыя я разбилъ въ прахъ; вы не ищете средствъ доказать, что я совершилъ побѣду при помощи парадоксовъ... Ну, развѣ это любовь къ убѣжденіямъ, развѣ это не доказываетъ, что они не только не вошли въ вашу плоть и кровь, но даже

ниткой къ вамъ не привязаны, а сидятъ въ вашемъ мозгу какъ-то такъ, вотъ какъ птица, случайно залетѣвшая въ слуховое окно... Женитесь, господа, поскорѣй, вы созданы на племя!

— Началъ ругаться дѣдушка Никола!—смѣялись друзья Кольки.

Никто изъ нихъ не считалъ себя въ правѣ сердиться на него, потому что всѣ они были настолько благоразумны и понимали, какъ серьезно глядитъ онъ на все, какъ близко принимаетъ каждый вопросъ, и всѣ знали, что если рѣзкое слово часто произносилось имъ, то оно произносилось изъ любви къ дѣлу, отъ накипѣвшей желчи, а не изъ желанія нанести кому-нибудь личную обиду.

Въ домѣ на него смотрѣли какъ на важнаго барина, хотя онъ и избѣгалъ всячески этой роли и страшно тяготился ею, но Аграфена Степановна считала долгомъ доказать сыну именно такимъ образомъ, что она начала цѣнить его заслуги. Онъ бывалъ свободенъ только по праздникамъ и ночью по буднямъ. Въ теченіе дня онъ успѣвалъ побывать въ академіи, и въ публичной библіотекѣ, и на урокахъ. Онъ изъ своихъ денегъ одѣвался и платилъ за себя въ домѣ, иногда давалъ брату на экстренныя траты, въ родѣ покупки бѣлыхъ лайковыхъ перчатокъ для бала. Эта дѣятельность, умѣніе зашибать грошъ, даже нѣкоторая доля умѣнія выторговать у скупого редактора надбавку къ платѣ за статьи или лишній четвертакъ за уроки, примирили съ нимъ мать. Она, по ея собственному выраженію, во всю жизнь не покладавшая рукъ, оцѣнила, наконецъ, своего сына и часто говорила знакомымъ: «Вѣдь вотъ мой Николай Абрамовичъ—она постоянно такъ называла его за глаза—непокоренъ, ласки отъ него большой не увидишь, а не мотъ, не лѣнтяй и отпу съ матерью помощникъ». Конечно, въ этой своеобразной похвалѣ не слышалось горячей материнской любви, въ ней слышалось только признаніе въ человѣкѣ хорошихъ качествъ, но покуда было довольно и этого, тѣмъ болѣе для Кольки, котораго сотни людей считали холоднымъ человѣкомъ, которому ставили въ преступленіе его практичность, котораго не стыдились называть *пролазомъ* даже очень развитые люди за то, что онъ не считалъ нужнымъ трудиться даромъ, за то, что онъ считалъ время—деньгами и презиралъ общество именно за отсутствіе этого сознанія, за готовность холопски услуживать, одолжать другихъ за милостивую улыбку. Странный взглядъ на Кольку, высказанный

его матерью, имѣли и многіе другіе. Кухарка немного насмѣшливо называла его «нашимъ принцемъ», но всѣ въ домѣ знали, что для него она обѣжитъ весь городъ ночью, потому что за каждую экстренную услугу онъ платилъ и деньгами, и благодарностью, потому что онъ никогда не сдѣлалъ ей ни одного выговора. Разныя чиновницы переставали передъ нимъ сплетничать вслухъ и начинали сплетничать шопотомъ, говоря: «Николай Абрамовичъ-то не любитъ нашихъ разговоровъ», и думая про себя: «точно прибить хочетъ, такъ смотритъ!» Но онѣ обращались всегда именно къ нему, если нужно было написать какую-нибудь просьбу или посовѣтоваться насчетъ дѣла, онѣ знали, что въ этихъ случаяхъ онъ смотритъ не звѣремъ. Юныя дочери чиновниковъ, юные чиновники и въ томъ числѣ Александръ Люлюшинъ, перешедшій изъ гимназіи въ департаментъ, называли его «выскочкой» и—ужъ это совсѣмъ пошло—«критикомъ» и охотно плясали по великимъ праздникамъ подъ его музыку. Старики, садясь играть въ карты, говорили какимъ-то не то насмѣшливымъ, не то извиняющимся тономъ: «Вы ученый, поди-ка смѣетесь надъ нами, что все въ картишки дуемся, а вѣдь, право, только за ними и отдохнешь!»—«Да что же вы именно передо мной оправдываетесь? Я и самъ иногда люблю поиграть въ карты!»—говорилъ Колька.

Въ кругу друзей, какъ я уже сказалъ, его звали черствымъ, сухимъ дѣльцомъ съ ограниченнымъ кругозоромъ и просили во всякомъ затруднительномъ случаѣ его совѣтовъ и, что всего удивительнѣе, слушались совѣтовъ недальновиднаго дѣльца. Кто же его любилъ простою и искреннею любовью, не стѣсняясь его превосходствомъ надъ собою? Всѣ до единаго мальчишки, жившіе съ нимъ въ одномъ домѣ, и тѣ, которые росли съ нимъ, и тѣ, которые родились при немъ, и которыхъ онъ училъ по праздникамъ грамотѣ. Не могу удержаться, чтобы не разсказать курьезнаго анекдота по этому случаю. У его учениковъ бывали часто очень сильно выпачканные грязью и снѣгомъ сапоги, и Аграфена Степановна начала не на шутку ворчать, сердясь, что даровые ученики Кольки пачкаютъ въ праздники ея полы. Колька нисколько не огорчился этимъ и приказалъ ученикамъ всегда снимать въ передней сапоги и проходить босикомъ въ нашу комнату, гдѣ они тотчасъ же и надѣвали свои, или, лучше сказать, отцовскіе сапоги; та же исторія происходила при уходѣ. Къ Колькѣ приходили его старин-

ные дворовые друзья, теперь взрослые парни, за медицинскими совѣтами, «за книжечкой почитать» (какъ выражались они), иногда попросить въ займы небольшую сумму денегъ. Многіе изъ нихъ говорили ему *ты*, и ни одному изъ нихъ не приходило въ голову стѣсняться передъ нимъ или говорить съ нимъ стоя, и ждать приглашенія сѣсть.

— По чемъ сукно-то покупалъ?—щупая рукавъ новаго пальто Кольки, говорилъ ему однажды при мнѣ одинъ изъ его дворовыхъ друзей, спускаясь съ нами по лѣстницѣ.

— По четыре съ полтиной.

— Важное пальто!—удивлялся дворовый другъ, оглядывая Кольку со всѣхъ сторонъ.—Поди-ка на свои деньги сшилъ, али отецъ подарилъ?

— Нѣтъ, на свои.

— Молодецъ ты, право! Вотъ меня отецъ не хотѣлъ учить, ну, и вышелъ халатникомъ-мастеровщиной,—сравнивалъ дворовый другъ свою судьбу съ судьбою Кольки: ему и въ голову не приходило различіе званій ихъ отцовъ.

— Э, братъ, будешь и ты въ тонкомъ сюртукѣ щеголять, только не лѣнись, да вина не пей. Скверно, братъ, въ твои лѣта вино пить,—серьезно произнесъ Колька.

Дворовый другъ вопросительно и недовѣрчиво взглянулъ на Кольку, точно желая прочесть на его лицѣ, спроста ли онъ это говоритъ, или что-нибудь такое особенное знаетъ.

— Ты не вѣрь, если тебѣ что говорили,—сконфуженно проговорилъ дворовый другъ.

— А что?

— Да что? На-дняхъ хмеленъ я былъ, можетъ, ты слышалъ, такъ вѣдь это я вотъ съ товарищами на именинахъ...

— А теперь, поди-ка, гроша за душой нѣтъ, да, я думаю, и отецъ-то тебѣ...

— Ужъ что тутъ говорить, лукавый попуталъ!

— А ты не позволяй ему тебя путать, такъ оно, право, будетъ лучше.

— Ты въ которую сторону?—спросилъ дворовый другъ, выходя изъ воротъ.

— Направо.

— Ну, а мнѣ налѣво. Прощай!

Два друга разошлись въ разныя стороны; одинъ, раздумывая о своемъ негодномъ поведеніи, несъ къ давальцу заказные сапоги, другой, грустно размышляя о судьбѣ народа, шелъ въ медико-хирургическую академію.

Смѣшнѣе и, если хотите, поэтичнѣе всего въ этихъ отно-

шеніяхъ было то, что дворовые друзья почему-то присвоили себѣ право гордиться Колькой.

— Вишь ты, Колька-то какой славный выросъ,—говорили они между собою, стоя у воротъ и указывая глазами на Кольку, идущаго по улицѣ.—Вмѣстѣ въ бабки играли!

— Поди-ка теперь носъ поднялъ?—съ любопытствомъ спрашивалъ собесѣдникъ изъ другого дома.

— Чего ему носъ-то поднимать? Мы, почитай, что роднѣе братьевъ, вмѣстѣ дрались, вмѣстѣ и мирились. Не разъ насъ тумаками другъ за друга кормили...

И, можетъ-быть, дѣйствительно, эта-то кулачная печать навсегда скрѣпила ихъ дружбу, оставила Кольку Колькою и не сдѣлала его Николаемъ Абрамовичемъ. Эти отношенія, несмотря на свою искренность и почти неизбѣжность при условіяхъ развитія Кольки, навлекали на него самыя сильныя обвиненія: про него говорили, что онъ «оригинальничаетъ», что это натянутыя отношенія, что онъ ими скорѣе роняетъ себя, чѣмъ возвышаетъ въ глазахъ *умныхъ* людей.

Вѣроятно, не менѣе, если и не такъ просто, наивно и безотчетно, любилъ Кольку и еще одинъ человѣкъ—это я. И такъ какъ Колька былъ моимъ истиннымъ воспитателемъ въ это время, то я и считаю нужнымъ говорить о немъ подробно. Его слова, его поступки были тою ученою книгою, которую я вытвердилъ наизусть для того, чтобы не забывать никогда, и ужъ вѣрно ни одна наука не принесла мнѣ столько пользы, какъ эта живая книга.

XIII.

Продолженіе предыдущей.

Я едва успѣвалъ перечитывать книги, приносимыя Колькой. Сначала для меня это чтеніе было истиннымъ наказаніемъ. То я встрѣчалъ сотни незнакомыхъ словъ, то не могъ понять мысли писателя по незнанію азбуки той или другой науки, то просто стѣснялся *слогомъ*, способомъ выраженія, серьезностью языка, къ которой не могли пріучить меня ни два-три прочитанные романа, ни разговоры о красотѣ гусарской формы и событіяхъ послѣдняго урока или прогулки по городскимъ улицамъ. Мнѣ, напримѣръ, очень хотѣлось прочесть нѣкоторыя сочиненія Фейербаха, о которыхъ я слышалъ много споровъ; но представьте мое положеніе, когда, прочитавъ нѣсколько страницъ, я ясно увидѣлъ, что я просто наслаждаюсь процессомъ чтенія, что моя мысль не можетъ летѣть за мыслью автора, не спотыкаясь, не запутываясь

въ лабиринтѣ его безчисленныхъ вводныхъ предложеній, поясняющихъ предшествующія или устанавливающихъ точку зрѣнія, съ которой смотритъ авторъ книги на предметъ въ данную минуту. Они, если можно сдѣлать такое сравненіе, какъ площадки на лѣстницѣ, болѣе всего бросались мнѣ въ глаза, и я останавливался именно на нихъ, не подозрѣвая, что они-то менѣе всего приближаютъ меня къ цѣли. Въ головѣ моей дѣлался такой хаосъ, какой сдѣлался бы въ головѣ каждаго человѣка, который вздумалъ бы, напримѣръ, прочитать въ какой-нибудь книгѣ только подстрочныя примѣчанія. Долго пришлось мнѣ биться съ первыми страницами книги, чтобы привыкнуть къ языку ея автора и понять, что эти вводныя предложенія необходимы, что безъ нихъ мысль писателя выразилась бы не точно, но что мысль читателя должна видѣть въ нихъ не болѣе, не менѣе того, что видитъ каждый музыкантъ въ движеніи дирижерскаго жезла. Много времени приходилось мнѣ иногда употреблять на то, чтобы *научиться читать* ту или другую книгу. Наконецъ, усилія увѣнчались успѣхомъ, при поступленіи въ университетъ мнѣ уже было не трудно слушать лекціи профессоровъ. Непріученный прошлою жизнью къ настоящей умственной дѣятельности, я еще продолжалъ охать и ахать въ душѣ о трудности моихъ занятій, когда Колька началъ подсмѣиваться надъ моей барской лѣнью и увѣрялъ меня, что я посвящаю большую часть дня лежанію на диванѣ и наблюденію за путешествующими по потолку мухами.

— Помилуй, Колька, я столько читаю!—попробовалъ я оправдаться однажды, когда нападеніе было почему-то особенно сильно.

— Вотъ нашелъ отговорку! Чтеніе удовольствіе такое же, какъ театръ, а не работа. И я читаю, и Аня читаетъ, и сотни студентовъ читаютъ, а между тѣмъ одни изъ нихъ книги переводятъ, другіе уроки даютъ дѣтямъ...

— Но мнѣ деньги не нужны, зачѣмъ же я стану тратить время на переводы или на уроки?..

— Ну, вотъ и пользовался бы случаемъ, училъ бы даромъ дѣтей. А то лежишь байбакомъ!

— Ну, ну, не ругайся. Дай мнѣ только немного времени осмотрѣться въ университетѣ, а тамъ я займусь съ дѣтьми.

На другой день послѣ этого разговора Колька потащилъ меня въ гости къ моимъ родственникамъ.

— А, какъ кстати вы пришли,—сказала мнѣ Аня, встрѣчая меня обычною веселою и ясною улыбкой

— А что такое? Развѣ у васъ есть до меня касающееся дѣло?—спросилъ я.

— Да. Меня просила одна бѣдная женщина, не могу ли я найти черезъ Тоню дешеваго учителя для ея сына, чтобы приготовить ребенка въ гимназію. Я ей сказала, что найду дарового. Вѣдь вы вѣрно не откажетесь?

— О! конечно, конечно!—поспѣшилъ я отвѣтить, радуясь въ душѣ, что могу исполнить *первую* просьбу Ани.—А мы только вчера еще толковали съ Колькой о томъ, что мнѣ надо приняться за уроки. Какъ это странно, что такъ скоро представился случай приняться за дѣло. Право, странно!—раздумывалъ я.

— Ха-ха-ха,—не могъ удержаться отъ смѣха Колька.

— Чему ты смѣешься?—спросилъ я.

Аня покачала ему головой.

— Такъ, голубчикъ!..

— Нѣтъ, пожалуйста, скажи.

— Голубчикъ,—смѣясь, произнесъ онъ:—вѣдь это я по желанію Ани служилъ застрѣльщикомъ и облегчалъ для нея атаку.

Мнѣ вдругъ сдѣлалось какъ-то нехорошо, въ головѣ промелькнула мысль, что они еще считаютъ меня хуже самихъ себя, что дѣйствительно я хуже ихъ, что мнѣ еще нужны толчки... Я поблѣднѣлъ и съ упрекомъ взглянулъ на Аню, точно хотѣлъ ей сказать: «и ты-то, Аня, сомнѣваешься во мнѣ!» Она во весь этотъ вечеръ говорила только со мною и была ласковѣе обыкновеннаго, но разговоръ какъ-то не клеился, мнѣ было не по-себѣ.

— Поль, вы не сердитесь на меня?—тихо спросила Аня при уходѣ.

— Нѣтъ,—отвѣчалъ я:—вы оба были совершенно правы...

— Я, право, не думала васъ оскорбить; если-бъ я знала... Я клянусь вамъ, что другой разъ, если у меня будетъ до васъ просьба, я буду просить васъ самихъ.

Въ ея всегда веселомъ, звучащемъ смѣхомъ голоскѣ, послышались слезы.

Я пожалъ ея руку, мнѣ хотѣлось и плакать въ эту минуту, и смѣяться, и расцѣловать Аню. Это было наше первое признаніе въ любви.

Я началъ давать уроки.

Я и Колька были такъ сильно и искренно заняты дѣломъ, что не замѣчали перемѣны, которая замѣчалась другими во всемъ существѣ Абрама Семеновича. Съ каждымъ

днемъ онъ дѣлался все мрачнѣе и тревожнѣе, выдавалъ скупѣе деньги на домашніе расходы, чаще прежняго игралъ въ карты и просто бѣсился, если проигрывалъ, что бывало нерѣдко.

— Акимъ-то Акимычъ,—говорилъ онъ съ азартомъ за домашнимъ чаемъ:—опять выигралъ. Онъ, я думаю, всякую недѣлю въ ломбардъ деньги-то носитъ! А я-то, я-то, какъ курамъ на смѣхъ, каждый разъ проигрываю. Вѣдь вотъ и выигранный пятачокъ выпросилъ у Акима Акимыча, и въ зубахъ его держалъ во время игры, и нищимъ ни разу не подалъ изъ выигранныхъ денегъ, а нѣтъ, точно что заколодило.

— Охъ, Абраша, ужъ лучше бы ты не игралъ...

— Вотъ добру учишь, другіе игрой капиталы наживаютъ, а я не играй! Хороша жена, добрая совѣтница!

Аграфена Степановна попробовала пустить въ ходъ старое средство, которымъ она отучала Абрама Семеновича навремя отъ игры: она начинала при Абрамѣ Семеновичѣ жалѣть его при всѣхъ, кто хоть на минуту посѣщалъ ее.

— Бѣдный мой Абраша,—причитала она:—все проигрываетъ, ужъ такой, видно, онъ несчастный человѣкъ уродился, или это только временно полоса на него такая нашла. Другимъ счастье, другимъ радость, а ему, голубчику, нѣтъ, какъ нѣтъ! Хоть бы разочекъ выигралъ, хоть бы это его потѣшило, а то вѣдь смотрѣть на него жалко...

Эти причитанія въ былое время надоѣдали до того Абраму Семеновичу, что онъ переставалъ играть, только бы не слыхать ихъ, но теперь не помогали и они. Еще явилась одна особенность въ Абрамѣ Семеновичѣ, онъ началъ толковать объ иностранныхъ лотереяхъ, разспрашивалъ всѣхъ, можно ли навѣрное выиграть, взявъ на нихъ билетъ; вообще весь его разговоръ страннымъ образомъ вертѣлся на одномъ,—на желаніи вдругъ нажить значительную сумму денегъ. И иногда онъ погружался въ такія мечты объ этомъ, что въ немъ трудно было узнать того сухого практика, какимъ всѣ привыкли его видѣть. Его узкій умъ опять былъ чѣмъ-то сбитъ съ толку и путался, чтобы найти исходъ изъ какого-то невѣдомаго труднаго положенія.

— Здоровъ ли ты, Абраша?—тревожилась Аграфена Степановна, глядя, какъ онъ задумчиво ходитъ изъ угла въ уголъ и разсуждаетъ съ самимъ собою.

— Здоровъ!—отрывисто отвѣчаетъ онъ, сердясь, что жена путаетъ его въ его размышленіяхъ.

— Ой, скрываешь ты отъ меня!—говорила она.—Ужъ что-то больно хмурымъ ты ходишь.

— Что же, матушка, пѣсни мнѣ пѣть, что ли?

— Не пѣсни, Абраша... Ты и прежде пѣсенъ не пѣлъ... Ну, такъ теперь и подавно не стану пѣть!

Аграфена Степановна умолкала, встрѣчая сердитый взглядъ мужа, и тихо качала головой. Однажды, это было весной въ концѣ перваго года моего пребыванія въ университетѣ, мы съ Колькой полулежали въ своей комнатѣ, и читали и не читали, какъ это часто бываетъ, когда человѣкъ находится въ счастливомъ настроеніи духа и даетъ себѣ позволеніе полѣниться послѣ трудовъ. У насъ удачно прошли экзамены, мы были покойны и веселы и задумывали прокатиться или, лучше сказать, проходиться лѣтомъ по Финляндіи. Отложивъ книгу, мы стали толковать о предполагаемомъ путешествіи и разсчитывали, сколько надо отложить на это денегъ.

— Николай, мнѣ надо съ тобой поговорить,—вдругъ совершенно неожиданно раздался голосъ Абрама Семеновича.

Мы взглянули на дверь и увидали просунувшееся къ намъ въ комнату озабоченное и болѣе обыкновеннаго желтое лицо Люлюшина.

Колька всталъ и пошелъ въ другую комнату. Черезъ полчаса онъ воротился назадъ блѣдный и взволнованный.

— Что съ тобой?—спросилъ я.

— Отца завтра арестуютъ,—отвѣтилъ онъ.

— За что?—съ изумленіемъ воскликнулъ я.

— Воровали во время войны!..

Онъ сѣлъ къ столу и сжалъ голову обѣими руками. Я тихо вышелъ въ другую комнату. Въ спальнѣ раздавались всхлипыванья и отрывчатыя восклицанія Аграфены Степановны, собиравшей торопливо серебро и золотыя вещицы и завязывавшей все это въ узелки... Черезъ часъ Колька вышелъ въ общія комнаты; онъ былъ спокоенъ, распоряжался, уговаривалъ мать не прятать вещей, не плакать, надѣяться на него.

— Ну, если силъ не хватитъ,—говорилъ онъ:—то брошу академію, поступлю на службу въ департаментъ, у меня будетъ больше свободнаго времени на уроки...

— Голубчикъ, да вѣдь тебѣ только годъ до выпуска остается!—говорила, плача, Аграфена Степановна.

— Ну, такъ что же, не голодать же вамъ изъ-за меня

на старости! Впрочемъ, что я говорю! Все устроится хорошо, на первый случай у меня найдутся деньги, а тамъ всѣ работать будемъ прилежнѣе, баклушъ не будемъ бить, я и Сашку за работу присажу. Ну, полноте же, мама, плакать, не деньги насъ нажили, а мы ихъ!—необычайно ласковымъ голосомъ проговорилъ онъ и первый разъ въ теченіе многихъ лѣтъ поцѣловалъ руку матери. Аграфена Степановна совсѣмъ растерялась въ это мгновеніе отъ неожиданной ласки сына, она зарыдала еще сильнѣе и, взявъ обѣими руками голову сына, цѣловала его и въ лобъ, и въ глаза, и въ губы.

— Голубчикъ ты мой!—вырывалось по временамъ у нея восклицаніе.

Какъ-то особенно мирно и хорошо прошелъ этотъ вечеръ наканунѣ страшнаго несчастья, всѣ точно не боялись этого несчастья, точно оно принесло какую-то особенную благодать въ домъ, какъ очищающая воздухъ гроза. И точно, это была очищающую гроза: она должна была истребить нечестно нажитыя воровскія деньги и сплотить семью въ одно цѣлое, показать, что̀ было человѣческаго въ сердцахъ этихъ людей, освободить это человѣческое отъ грязи, скопившейся въ теченіе многихъ лѣтъ подъ гнетомъ нужды, тяжкихъ испытаній и глупыхъ предразсудковъ. На другой день имущество Люлюшиныхъ было описано и взято въ казну, оставлены только вещи первой необходимости, въ число которыхъ, напримѣръ, не вошелъ теплый салопъ, потому что дѣло было весною. Начались допросы, не спрятали ли чего-нибудь. Одинъ изъ закадычныхъ друзей и кумовьевъ Люлюшиныхъ, созданіе съ подлѣйшимъ выраженіемъ трусости въ холопски-заискивающемъ и улыбающемся во весь ротъ лицѣ, тоненькимъ дискантикомъ папскаго пѣвчаго объявилъ присутствующимъ:

— Я видѣлъ на Аграфенѣ Степановнѣ въ тотъ день, когда онѣ крестили мою Глашу, часы съ амалью и цѣпочку съ такою же брошкою, ихъ-съ въ описи не значится.

— Ахъ, батюшка,—попробовала солгать Аграфена Степановна:—да развѣ все, что мы надѣваемъ, принадлежитъ намъ? Иногда и занимаешь вещи.

— Нѣтъ-съ, кумушка, я у васъ тогда освѣдомлялся, что вы изволили заплатить за эти вещи и гдѣ купили ихъ. Вы это изволили запамятовать-съ.

— Тьфу! безстыжіе твои глаза!—не могла утерпѣть Аграфена Степановна.—Не я ли твою Глашку поганую...

— Маменька!—произнесъ Колька, измѣняясь въ лицѣ.

— Извини, голубчикъ, не могла удержаться. Вѣдь отецъ мнѣ эти часы подарилъ за то, что я Сашку родила!—грустно произнесла Люлюшина.

— Да мнѣ кажется, что и капиталъ, показанный Абрамомъ Семенычемъ, далеко не точенъ,—вмѣшался другой изъ искреннихъ друзей дома.

Колька вопросительно взглянулъ на мать. Она поняла этотъ взглядъ и, кажется, испугалась измученнаго выраженія сыновняго лица, блѣднаго, какъ полотно.

— Все, все, голубчикъ, все до копеечки показали!—воскликнула она.—Христомъ-Богомъ божусь тебѣ, что все!

Колька совершенно хладнокровно обратился къ допросчикамъ:

— Если вы вѣрите этому господину и сомнѣваетесь въ правдѣ нашихъ показаній, то вы можете, по закону, привести насъ къ присягѣ, чѣмъ продолжать унижать этихъ достойныхъ господъ, заставляя ихъ играть гнусную роль подлыхъ доносчиковъ.

Вечеромъ онъ безмолвно легъ въ постель и уткнулся въ подушку лицомъ, на другое утро онъ былъ попрежнему спокоенъ, но лицо измѣнилось такъ, что можно было думать, что онъ пролежалъ съ мѣсяцъ въ тяжелой болѣзни.

— Пожалуйста, голубчикъ,—сказалъ онъ мнѣ:—постарайся намекнуть у Шуповыхъ, чтобы они не обращали вниманія на мое лицо и вообще не говорили бы объ этомъ дѣлѣ.

— Они, я думаю, и безъ того будутъ такъ деликатны...

— Нѣтъ, Александра Ивановна считаетъ меня за родного и, вѣрно, вздумаетъ утѣшать... Ну, а съ меня довольно и того, что я пережилъ этотъ день, воспоминанія совсѣмъ не нужны...

Вотъ единственныя слова, которыя дали мнѣ понять, что̀ творилось въ его душѣ въ это время.

Люлюшинъ уже сидѣлъ въ это время въ ордонансъ-гаузѣ. Его дѣло было скверное; продѣлки, за которыя онъ попался, были совершены не имъ, но онъ зналъ о нихъ и изъ своихъ личныхъ видовъ допускалъ ихъ совершать, побираясь мелкими крошками, падавшими съ большого стола великихъ плутней. Клубокъ этихъ плутней былъ очень искусно запутанъ, до конца добраться было очень трудно, въ сѣти попадались и большіе жуки, и мелкія мошки, въ родѣ Люлюшина, и лѣнтяи, и воры, а болѣе всего оказались винов-

ными на допросахъ неодушевленные предметы, въ родѣ волею Божіею сгорѣвшихъ сараевъ съ запасами, въ родѣ испорченныхъ дорогъ, не допускавшихъ доѣхать во-время до мѣста назначенія, наконецъ, въ родѣ расходящагося льда на рѣкахъ, останавливающаго, губящаго и уничтожающаго безслѣдно и товары, и путешественниковъ, и дѣловыя бумаги.

Поступая въ университетъ, я уже былъ достаточно подготовленъ къ желанію вести дѣятельную жизнь. Университетская жизнь того времени должна была непремѣнно поглотить меня вполнѣ сходками, толками о студентской кассѣ, о концертахъ и литературныхъ вечерахъ въ пользу бѣдныхъ студентовъ, о сборникѣ, о литографированіи лекцій и т. д. Но на второй годъ я увидалъ, что мнѣ нельзя дѣятельно и слѣдить за сходками, и давать уроки, которыхъ было все больше и больше при помощи Ани, рекомендовавшей мнѣ то того, то другого бѣднаго ученика. Я рѣшился пожертвовать первымъ и занялся уроками, изъ которыхъ одни давались даромъ, за другіе приходилось брать небольшую плату, чтобы не стѣснять родителей учениковъ. Я былъ очень доволенъ и, разумѣется, гордился въ глубинѣ души своею дѣятельностью, хотя не сознавался въ этой гордости даже передъ самимъ собою и старался увѣрить себя, что я дѣлаю хорошее дѣло, не считая это за заслугу, что я дѣлаю это потому, что это долгъ; потому что я созналъ вполнѣ и сроднился съ этимъ убѣжденіемъ. Вообще, это была очень обыкновенная игра въ прятки человѣка со своею собственною совѣстью... Но, мало-помалу, моя гордость исчезла, когда я увидалъ, что всѣ окружающіе меня, начиная съ Ани, работаютъ еще прилежнѣе меня, одинъ изъ-за денегъ, другой даромъ, одинъ давая уроки, другой переводя книги, третій составляя лекціи для литографированія; когда я увидалъ бѣдняка, прошедшаго пѣшкомъ въ одномъ сюртукѣ пятьсотъ верстъ для того, чтобы попасть въ университетъ, когда я узналъ, что у него нѣтъ ни гроша денегъ и что онъ долженъ трудиться тотчасъ по прибытіи въ городъ, тогда я понялъ, что мой трудъ—забава. Въ массѣ-то было попрежнему не мало лѣнтяевъ и хлыщей въ бѣлыхъ жилеткахъ, рыскавшихъ по кондитерскимъ, развратничавшихъ и державшихъ у себя на хлѣбахъ дрянныхъ холоповъ-бѣдняковъ, соглашавшихся работать за своихъ патроновъ-благодѣтелей и приходить ранехонько въ университетъ, чтобы разложить на первой ска-

мейкѣ бумажечки съ надписанными на нихъ фамиліями патроновъ, такъ что послѣдніе могли спать вплоть до начала лекціи и все-таки имѣли первыя мѣста въ аудиторіи. Нѣкоторые изъ этихъ холоповъ-прихлебателей даже успѣли опериться, сшили на барскія деньги сюртуки изъ тонкаго сукна, поддакивая во всемъ своимъ патронамъ, попали въ партію бѣложилетниковъ и стали впереди честныхъ юношей, какъ становится впереди бѣднаго ремесленника важный и откормленный, какъ индюкъ, камердинеръ... Но гдѣ же безъ печальныхъ исключеній? И можно ли требовать, чтобы вся предыдущая жизнь нашего общества дала только хорошіе плоды? Не правильнѣе ли просто удивляться, что она еще успѣла дать нѣсколько хорошихъ плодовъ, что не все сгнило?.. Итакъ, общее настроеніе, какъ я уже сказалъ, было хорошо и выражалось простыми словами: стремленіе къ дѣлу и труду.

Но какъ ни сильно поглощала меня дѣятельность, однако, я не забывалъ ни разу спросить, возвращаясь домой: нѣтъ ли ко мнѣ письма? Я радовался, какъ ребенокъ, если получалъ утвердительный отвѣтъ. Это были коротенькія записочки, иногда въ нихъ писалось просто: «приходите, Поль, сегодня вечеромъ къ намъ, надо статью Добролюбова прочитать. Ваша Аня». Иногда въ этихъ записочкахъ горячо и рѣзко выговаривали мнѣ за какую-нибудь необдуманную фразу, сказанную наканунѣ. Но каково бы ни было содержаніе этихъ записочекъ, я ожидалъ ихъ, на меня производило какое-то удивительное впечатлѣніе это стереотипное простое окончаніе: «Ваша Аня...» Мнѣ хотѣлось иногда и пѣть, и танцовать, и расцѣловать кого-нибудь, и часто, не удерживая своего восторга, я встрѣчалъ Кольку съ распростертыми объятіями.

— Что, голубчикъ, вѣрно Аня письмо хорошее прислала?— спрашивалъ онъ, улыбаясь.

Я краснѣлъ и смѣялся.

— Право, мнѣ иногда завидно смотрѣть на тебя,—сказалъ онъ мнѣ однажды, ложась отдохнуть на постель, куда присѣлъ и я. Онъ былъ, по обыкновенію, крайне утомленъ трудами дня, раздраженъ разными непріятностями на урокахъ, на лекціяхъ.—Передъ тобою,—продолжалъ онъ:—и возможность широкой дѣятельности и личное счастье, все, что можетъ желать человѣкъ, а передо мною ничего!

— Но, Колька, вѣдь и ты будешь дѣятелемъ...

— Дѣятелемъ!—воскликнулъ онъ, поднимаясь на локтѣ.—

Изъ-за куска насущнаго хлѣба уроки даю, статьи компилирую, остерегаюсь сказать лишнее слово, чтобы не потерять уроковъ, чтобы изъ редакціи вонъ не выгнали, молчу, когда подлецъ-редакторъ вычеркиваетъ мои мысли, не подходящія подъ его грошовый либерализмъ, и все потому, что... Ну, потому, что я не хочу быть подлецомъ въ отношеніи къ матери! Нѣтъ, братъ, не дѣятель я!—опускаясь на подушку, горько кончилъ онъ.—Можетъ-быть, двѣ-три изъ моихъ мыслей западутъ въ головы моихъ учениковъ, да и то едва ли, вѣдь я не могу прослѣдить за дѣтьми до конца ихъ развитія, разстаюсь съ ними, приготовивъ ихъ въ учебныя богадѣльни, за дальнѣйшія мои хожденія къ нимъ мнѣ платить не станутъ, ну, а даромъ мнѣ ходить некогда! Мнѣ копейку зашибить надо, недаромъ меня пролазомъ зовутъ!

Тутъ было нечего отвѣчать.

— Ну, пусть бы и было такъ,—продолжалъ онъ, минуту спустя. — Такъ хоть бы личное-то счастье было возможно, а то и оно невозможно. О женитьбѣ и думать не смѣй. Вѣдь это глупости, что горе и нужду вдвоемъ легче сносить! Да если бы и такъ, то какое право я имѣю жениться, не имѣя средствъ воспитать дѣтей? Какое право я имѣю обрекать ихъ на горе, на нищету, на невѣжество, на нравственную гибель, быть палачомъ собственныхъ дѣтей? Вѣдь это не жизнь, а каторга! А гдѣ выходъ? Вотъ Сашка, такъ тотъ вѣрно женится, и его не обвиню даже я.

Колька говорилъ въ эти минуты такимъ тономъ, какъ будто онъ упрекалъ меня за свою судьбу, но и я, и всѣ его знакомые давно привыкли къ этому тону и знали, на что̀ и на кого онъ негодуетъ.

— А знаешь ли, Колька, мнѣ часто казалось, что ты любишь Аню,—сказалъ я.

— Аню? Нѣтъ, голубчикъ, я ея не люблю, то-есть не люблю такъ, какъ я понимаю любовь; если бы я ее любилъ, то пересталъ бы ходить къ нимъ. Аня—чудесное дитя; въ самыя тяжелыя минуты, слыша ея смѣхъ, я улыбаюсь и на половину забываю горе, но она горя не видала, она была слишкомъ счастлива, ея лицо весело и ясно, какъ лучшій майскій день...

— Но, Колька, это-то и хорошо, если молодое лицо ясно и весело.

— Нѣтъ, душа моя, ты меня не понялъ. Я люблю молодыя, веселыя и ясныя лица, я имъ завидую, но въ нихъ

нѣтъ еще ручательства за то, что они не погибнутъ подъ первою грозой. Я хотѣлъ бы любить женщину, которая страдала и уцѣлѣла подъ бурей... На такой я, пожалуй, и женился бы: вдвоемъ мы успѣли бы завоевать счастье дѣтямъ...

Колька тихо уснулъ черезъ нѣсколько минутъ. Я долго глядѣлъ на его лицо, оно было прекрасно, но худо, блѣдно, изнурено; взглянувъ на него, легко было понять, что судьба проѣхала всѣми колесами своей тяжелой колесницы по существу этого юноши, и онъ уцѣлѣлъ только чудомъ, только при помощи того могучаго разума, который одинъ можетъ укрѣпить насъ въ минуты горя и ставить насъ выше проходящихъ невзгодъ. Долго любовался я чертами этого лица съ широкимъ лбомъ и насмѣшливо улыбавшимися даже во снѣ губами, точно вызывавшими на бой и судьбу, и людей... въ этой усмѣшкѣ была сила. Легкій стукъ въ двери вывелъ меня изъ раздумья.

— Войдите!—сказалъ я.

Въ комнату вошла Аграфена Степановна и, увидавъ, что Колька уснулъ, на цыпочкахъ подошла ко мнѣ.

— Чай поданъ,—шопотомъ произнесла она.—Жаль мнѣ его будить-то, моего голубчика, умаялся онъ, сердечный, а ночью-то, я думаю, опять писать будетъ. Хоть бы Богъ меня прибралъ поскорѣе, такъ полегчало бы ему.

— Что вы, что вы!—воскликнулъ я, испуганный глубокоискреннимъ и трогающимъ за сердце голосомъ матери.

— Количка,—произнесла она, дотрагиваясь до его плеча.

— А!—вздрогнувъ, проснулся онъ.

— Чай поданъ!

— Иду!

Мы пошли пить чай.

— Не утомляй ты себя, голубчикъ, такъ сильно,—говорила она за чаемъ. — Ужъ лучше я хлѣбъ съ водой буду ѣсть, чѣмъ твою жизнь,—заключила она фразой, найденной въ глубинѣ материнскаго сердца.

— Полноте, маменька! Кто вамъ сказалъ, что я себя утомляю для васъ? — весело и бодро сказалъ онъ. — Это я похудѣлъ, потому что послѣдніе экзамены близко, такъ дѣла много, а вотъ дождемся лѣта, такъ я буду толще, чѣмъ вы прежде были. А вы-то зачѣмъ худѣете?

— Ужъ вѣрно тоже послѣдніе экзамены держу!—сказала, улыбнувшись грустною улыбкою, Аграфена Степановна.

Она была неузнаваема. Рѣзкія манеры, громкій голосъ,

толщину, вселяющую уваженіе фигуру — все унесъ одинъ памятный день, и за все унесенное онъ напомнилъ ей, что она мать, и далъ ей чуднаго сына.

XIV.

Совершеннолѣтіе.

Прошелъ второй годъ моей университетской жизни. Колька удачно сдалъ послѣдніе экзамены и остался при академіи. Мнѣ долженъ былъ минуть въ это лѣто 21 годъ. Семейство Антона жило на дачѣ. Я и Колька постоянно ѣздили къ нимъ по праздникамъ, иногда на два, на три дня. Колька то уходилъ на охоту, то вмѣстѣ съ Антономъ удилъ рыбу, я проводилъ бо́льшую часть времени съ Аней и Александрой Ивановной. Наканунѣ дня моего рожденія мы отправились на дачу. Аня какъ-то особенно обрадовалась намъ въ этотъ вечеръ. Одѣтая въ бѣлое легкое платье, съ гладко причесанными, по обыкновенію, волосами, она напоминала тотъ день, когда послѣ долгой болѣзни къ намъ пришелъ Семенъ Ивановичъ. Мое лицо горѣло. Послѣ чаю я и Аня вздумали идти гулять. Мы шли съ нею молча, о чемъ мы думали — не знаю, но намъ было почему-то неловко: и говорить хотѣлось, и не знали мы, какъ говорить. Мы сѣли. Я первый прервалъ молчаніе.

— Аня!

— Что?

— Скажите мнѣ откровенно: любите ли вы меня?

— Милый мой, зачѣмъ ты это спрашиваешь?

Я уже отыскалъ руку Ани и покрывалъ ее поцѣлуями; съ минуту Аня находилась въ какомъ-то забытьѣ, не трогаясь съ мѣста, и только потомъ я почувствовалъ, что ея губы прильнули къ моему лбу. Но о чемъ же она плакала? Отчего у меня лились слезы? Потомъ мы опять молча ходили по саду, только теперь рука Ани покоилась на моей рукѣ, и намъ было такъ хорошо, что разговоры были бы излишни... Такъ молча несетъ человѣкъ сосудъ съ дорогимъ виномъ, боясь разсѣяться и пролить каплю дорогого напитка; такъ молча наслаждается онъ созерцаніемъ чудной картины природы, внезапно открывшейся передъ его глазами, и когда онъ заговоритъ, то это значитъ, что минута самаго сильнаго восторга, захватывающаго духъ, прошла...

Я легъ спать, но уснуть не могъ, у меня явилось желаніе говорить, потребность передать свое счастье постороннему человѣку. Я сѣлъ на кровать къ Колькѣ и разсказалъ

ему... Что разсказалъ? Что люблю Аню? Что она любитъ меня? что я женюсь на ней по выходѣ изъ университета? Но это все было давно извѣстно ему, и все-таки я ухитрился протолковать обо всемъ этомъ до трехъ часовъ утра!..

— Какъ я радъ, что ему только разъ въ жизни исполнится двадцать одинъ годъ! — сказалъ Колька на другой день, сидя за чайнымъ столомъ.

— А что?—спросила Александра Ивановна.

— Да то, что по этому торжественному случаю онъ промучилъ меня до трехъ часовъ своею болтовнею.

Я опустилъ глаза, Аня покраснѣла и очень прилежно начала крошить въ чашку крендель.

— Вотъ это мило! о чемъ же вы разсуждали? Это любопытно узнать,—сказала Александра Ивановна.

— Ужъ, право, и не припомню; кажется, онъ торговался и уславливался со мною насчетъ цѣны за уроки...

— За какіе уроки?

— Которые я буду давать его дѣтямъ, когда онъ *вырастетъ* большой и женится.

Я, а за мною всѣ собесѣдники, начали смѣяться.

— Аня, ты это для кого кренделей въ чашку накрошила?—спросилъ старикъ, дядя Александры Ивановны, заглядывая въ чашку Ани.

— Для себя,—отвѣчала Аня, краснѣя.

— Помилуй, матушка, да развѣ у тебя зубовъ нѣтъ?..

— Нѣтъ, я такъ очень люблю...

— Вотъ удивительно-то! Я тебя съ пеленокъ знаю, а никогда не замѣчалъ, чтобы ты дѣлала подобную кашу, да еще и любила ее. Ужъ и тебѣ не минулъ ли сегодня двадцать первый годъ?..

Все послѣдующее время было смѣсь серьезныхъ думъ и ребяческихъ поступковъ, надеждъ на будущее и минутныхъ опасеній за это будущее. Мнѣ вдругъ сдѣлалась удивительно дорога моя жизнь, я не на шутку боялся легкаго кашля и незначительной головной боли, и очень часто пробовалъ вздохнуть полнымъ вздохомъ, чтобы удостовѣриться, что у меня здорова грудь, что послѣ вздоха нигдѣ не колетъ. Уѣзжая на недѣлю въ Финляндію, я очень серьезно собралъ всѣ записки Ани и запечаталъ ихъ въ пакетъ, на которомъ подписалъ:

«Передать, въ случаѣ моей смерти,
Аннѣ Николаевнѣ
Рёдеръ».

— Ты это почему умирать вздумалъ? — спросилъ меня Колька, взглянувъ черезъ мое плечо на надпись.

— Не вздумалъ, а вѣдь можетъ же случиться такое несчастье,—сказалъ я, дѣлая прилично случаю плачевное лицо.

— Ну, а насчетъ поминокъ и сорокоуста распорядился?

— Ты шутишь, а между тѣмъ у меня есть теперь священная обязанность заботиться, чтобы Аня не была компрометирована.

— Разумѣется, мой другъ, теперь у тебя должно быть множество заботъ...

Мы взглянули другъ на друга и засмѣялись.

Въ эти же дни у меня пропалъ галстукъ на дачѣ у моихъ родственниковъ; я, конечно, не очень заботился объ этомъ шелковомъ лоскуткѣ, но меня чрезвычайно поразило, когда, возвратившись изъ поѣздки, я увидѣлъ мой шарфъ на шеѣ у Ани, торопившейся при моемъ появленіи спрятать его въ карманъ.

— Какъ онъ къ тебѣ попалъ?—спросилъ я.

Аня вся покраснѣла и чуть не заплакала, находясь въ необходимости признаться.

Въ это же время меня начала серьезно безпокоить мысль о деревнѣ, оставленной матерью въ наслѣдство сестрѣ и мнѣ. Я зналъ, что наши крестьяне находятся въ сквернѣйшемъ положеніи, краснѣлъ, читая разныя обличительныя статьи и повѣсти изъ крестьянскаго быта, точно онѣ были направлены противъ нашей семьи, еще болѣе краснѣлъ, слушая разговоры въ обществѣ о крестьянскомъ вопросѣ, и чувствовалъ въ то же время, что я не сумѣю помочь этимъ людямъ, что меня легко обмануть первому краснобаю-старостѣ или приказчику, что, наконецъ, я буду просто смѣшонъ въ роли благодѣтельнаго помѣщика, не знающаго, что̀ такое плугъ, что̀ соха, сколько нужно имѣть земли крестьянину, чтобы не умереть съ голода, и что называется въ той или другой губерніи хорошимъ или дурнымъ урожаемъ, почемъ продаются жизненные припасы въ той или другой мѣстности, какъ они продаются и тому подобное... Однимъ словомъ, я не зналъ ничего, что нужно знать помѣщику. Ни школа, ни университетъ, ни петербургская жизнь со всѣмъ своимъ дѣловымъ и озабоченнымъ видомъ не дали мнѣ никакихъ практическихъ совѣтовъ, никакихъ необходимыхъ свѣдѣній о крестьянскомъ бытѣ, о его нуждахъ и о возможности порядочно устроить дѣла деревни; все, чему нашли нужнымъ научить меня,—это были десятка полтора

русскихъ пѣсенъ, составлявшихъ одинъ изъ билетовъ — таково техническое выраженіе — исторіи русской словесности. Но неужели болѣе ничего не долженъ знать юноша изъ быта своего народа, или этотъ народъ ничѣмъ не замѣчателенъ, ничѣмъ не занятъ кромѣ пѣсенъ?.. Серьезныя статьи по крестьянскому вопросу, которыя я успѣлъ прочесть, вполнѣ ознакомили меня съ бытомъ народа на Западѣ, показали, что ихъ авторы очень прилежно читали иностранныя сочиненія по этому вопросу, но чего мнѣ нужно было, того я не нашелъ въ этихъ статьяхъ. Онѣ были писаны не для юношей, не получившихъ элементарныхъ понятій въ этомъ дѣлѣ, а для людей, знакомыхъ практически съ дѣломъ и могущихъ вывести заключенія, сравнивая бытъ другихъ народовъ съ бытомъ нашего; такіе подготовленные люди могли иногда читать и между строками мысли писателей, для такихъ людей были понятны и простыя статистическія цифры, а для меня все это совершенно было не понятно. Одно время я рѣшился прибѣгнуть къ наивному средству, надъ которымъ послѣ смѣялся отъ всей души: я вздумалъ читать русскія повѣсти, написанныя съ цѣлью познакомить публику съ народомъ и его бытомъ. Но все ихъ достоинство ограничивалось десятками странныхъ, подслушанныхъ и нанизанныхъ въ одну фразу словъ, употребляемыхъ мужиками на базарахъ. Прочитавъ нѣсколько такихъ повѣстей, я вполнѣ согласился съ Колькой, который называлъ повѣсти изъ народнаго быта «діалогами, служащими пособіемъ для желающихъ дурно сыграть въ балаганѣ роль мужика». Съ грустью и досадой убѣдившись, что я довольно знакомъ съ жизнью Манчестера и не знаю ничего изъ жизни родной Шуповки, я рѣшился въ перепискѣ съ зятемъ и сестрою объяснить имъ свои мысли о томъ, что съ нашей стороны просто подлость медлить и оставлять дѣла въ прежнемъ положеніи, что не худо было бы, если бы и зять, и сестра пріѣхали на будущее лѣто къ отцу, куда обѣщался пріѣхать и я.

Въ началѣ іюня 1860 года я былъ уже въ деревнѣ отца. Онъ принялъ меня, по обыкновенію, безъ особенной радости, спокойно, холодно, какъ будто мы разстались вчера вечеромъ въ ту минуту, когда разошлись по спальнямъ. Мнѣ было не по-себѣ отъ этого разсудительнаго пріема, безъ нѣжностей, безъ маленькой экзальтаціи, бывающей при горячихъ родственныхъ встрѣчахъ; по правдѣ сказать, я и не долженъ былъ ожидать другого пріема, но извѣстно,

какъ много надеждъ на внезапныя перемѣны къ лучшему, на теплоту людской души, на торжество любви надъ непріязнью хранится въ молодой душѣ, какъ долго вѣритъ молодость въ исполненіе этихъ чистыхъ, еще не убитыхъ долгимъ опытомъ надеждъ. «Нѣтъ,—думаетъ она, глядя на суровое лицо:—этотъ человѣкъ еще полюбитъ, и за что ему меня ненавидѣть? Онъ суровъ потому, что у него горе на душѣ, но я ему скажу свое привѣтливое слово, и онъ преклонитъ ко мнѣ свою скорбную голову. Я буду его утѣшительницею». И какъ же не думать ей этого? Какъ не надѣяться на это, когда она готова обнять весь міръ, обрадованная первымъ отвѣтомъ такой же молодой души на ея страстный призывъ, когда она вся сверкаетъ и блещетъ, какъ ясный весенній день, и счастьемъ, и любовью, и благодушіемъ... Но горе тѣмъ, кто и въ эти минуты отталкиваетъ отъ себя протянувшую объятія юность!

За вечернимъ чаемъ отецъ объявилъ мнѣ, глядя на меня испытающимъ взглядомъ:

— Ты знаешь, что твоя сестра ѣдетъ сюда?

Я не счелъ нужнымъ скрывать сущность дѣла и отвѣтилъ:

— Знаю, и просилъ ее пріѣхать сюда.

— А-а!

— Ахъ, она и ребятъ, вѣрно, привезетъ съ собою,—простонала мачеха, закутанная и завязанная въ разные платки, какъ ненужный хламъ, приготовленный въ продажу маклаку.— Я не выношу дѣтскаго крика.

— Ея дѣти не такъ малы и, вѣроятно, не будутъ возиться около васъ,—сказалъ я.

Отецъ прищурилъ глаза и взглянулъ на меня какъ-то странно. Прошло нѣсколько минутъ молчанія; наконецъ, отецъ прервалъ его и началъ спрашивать меня, какъ и что я намѣренъ дѣлать относительно деревни. Я высказалъ откровенно свое мнѣніе о томъ, что надо облегчить судьбу нашихъ крестьянъ, что мнѣ довольно тѣхъ денегъ, которыя, по его словамъ, положены въ опекунскій совѣтъ на мое имя и которыя достанутся мнѣ отъ продажи лишняго лѣса. Отецъ презрительно улыбнулся.

— Благодѣтелемъ хочешь быть!

— Не благодѣтелемъ, а просто хочу исполнить свою обязанность и перестать краснѣть передъ людьми.

— Какіе они всѣ совѣстливые нынче, — простоналъ ненужный хламъ, завязанный въ платки.

— Ты научился бы прежде говорить съ ними, а то они тебя осмѣютъ, когда ты начнешь разсуждать съ ними о дѣлѣ, — сказалъ отецъ, посмѣиваясь, какъ смѣются надъ дѣтьми, играющими роль большихъ.

— Кто же виноватъ, что я не умѣю говорить съ ними?— воскликнулъ я, чувствуя, что кровь бросилась мнѣ въ лицо.— Неужели ты, отецъ, не знаешь, что дѣти родятся, совсѣмъ не умѣя говорить, и что отъ родителей зависитъ, на какомъ языкѣ и нарѣчіи, и какъ будетъ говорить ребенокъ?

— Великая истина!—сострадательно улыбаясь, произнесъ отецъ, начиная прилежно чистить ногти.—Васъ подобнымъ мудростямъ въ университетѣ учатъ, или ты самъ сдѣлалъ это открытіе?

— Ну, мнѣ кажется, онъ-то ничего не откроетъ,—съ величайшимъ трудомъ проговорила мачеха, точно она придумывала, изъ какихъ буквъ состоитъ каждое слово сказанной фразы.

— Я думаю, ты самъ знаешь эту истину не хуже меня,— отвѣчалъ я, не обращая вниманія на мачеху, напрасно трудившуюся надъ составленіемъ своей фразы.—Потому-то меня и удивляетъ твой упрекъ, что ты знаешь эту истину.

— Помилуй, я и не подозрѣвалъ ея до настоящей минуты!

— Тѣмъ хуже! но я еще разъ повторяю, что отъ тебя зависѣло не только научить меня говорить съ мужиками, не вызывая ихъ смѣха, но даже научить говорить съ самимъ тобою, не вызывая съ твоей стороны этого обиднаго тона, этихъ...

— О?!—искусственно удивился отецъ.

— Да, обиднаго тона и этихъ насмѣшливыхъ восклицаній! Вообще, отецъ, будемъ говорить о дѣлѣ и постараемся не раздражать другъ друга. Во мнѣ множество ошибокъ...

— Какая умилительная скромность...

— Да, множество ошибокъ; мой характеръ испорченъ и отвратительно гадокъ; я строптивъ, грубъ, дерзокъ и въ то же время трусливъ, я боюсь какого-нибудь искусственно-грознаго взгляда; я не умѣю холодно прятать свое неудовольствіе подъ улыбающуюся маску: можетъ-быть, это честно, но это ведетъ иногда къ печальнымъ послѣдствіямъ; я не могу быть откровеннымъ, довѣрчивымъ съ человѣкомъ, если онъ старше меня лѣтами, если у него на головѣ сѣдой волосъ: меня запугали эти люди, и потому я не могу воспользоваться ихъ совѣтами, купленными опытностью и практи-

кою; значитъ, мнѣ придется, можетъ-быть, и въ будущемъ еще и ошибаться, и падать...

— Какъ все это страшно!

— Да, да, это страшно! но когда я родился, во мнѣ, вѣроятно, не было задатковъ всѣхъ этихъ ошибокъ, и въ твоей власти было предотвратить не только ихъ развитіе, но и зарожденіе; ты могъ изъ меня сдѣлать все, что тебѣ было угодно, но ты не хотѣлъ...

— Tu l'as voulu! Какъ это драматично!

— Ахъ, у меня голова начинаетъ болѣть,—пожалуйста, говори потише!—съ усиліемъ произнесла мачеха и позвонила, чтобы велѣть принести уксусу сколькихъ-то разбойниковъ.

— Я не нахожу ничего драматическаго во всемъ этомъ,—сказалъ я, стараясь овладѣть всѣми своими силами.—Но я этимъ хотѣлъ разъ навсегда объяснить тебѣ, что я плачу тою же монетою, которую мнѣ даютъ. Уступать я не намѣренъ, если я во всю жизнь не встрѣтилъ ни любви, ни ласки,—той простой ласки, которой не лишаютъ послѣдняго щенка, взятаго изъ состраданія въ домъ, той ласки, которою ты надѣляешь свою лошадь, гладя ее по шеѣ...

— Ты, кажется, хочешь плакать?—спросилъ отецъ, окончивъ чистку ногтей.

Этотъ вопросъ заставилъ меня очнуться. Это была холодная вода, обливавшая мою пылавшую голову.

— Плакать-то теперь не о чемъ!—холодно и съ горькою улыбкой произнесъ я, выходя изъ комнаты.

Черезъ полчаса я рыдалъ, какъ ребенокъ, до истерики въ своей комнатѣ. Все мое молодое существо, жаждавшее только привѣта и ласки, было потрясено этимъ разрывомъ. Меня мучило, что даже непокорный Колька могъ помириться и сдѣлаться любимымъ сыномъ своей матери, а что я, никогда не противорѣчившій въ дѣтствѣ отцу, не могъ заслужить ни любви, ни ласки, ни простой терпимости, что я мѣшалъ ему, какъ наслѣдникъ имѣнія матери, какъ вещь, о которой нужно было заботиться, какъ существо, смѣющее думать по-своему... Страшныхъ усилій стоило моему сердцу найти горькіе отвѣты на язвительныя и хладнокровныя выходки отцовской ироніи, которою была полна его уже потерявшая настоящую силу душа. У меня горѣла и кипѣла кровь, когда я отвѣчалъ ему, я чувствовалъ рѣзкую боль въ груди, а у него не дрогнула ни одна жилка, не замерло ни одно слово. Я былъ еще гибкое желѣзо, а онъ—зака-

ленная, твердая сталь. И какъ страшно мнѣ стало отъ этого контраста, когда, еще рыдая, я увидѣлъ, что отецъ весело сѣлъ на лошадь и съ собакой отправился въ поле. Я поспѣшно отеръ свои слезы, швырнулъ въ сторону мокрый платокъ и, насвистывая веселую пѣсню, пошелъ гулять.

— А, Андрюшка, ты все еще любезничаешь?—засмѣялся я нервнымъ смѣхомъ, встрѣтивъ на лѣстницѣ Андрюшку, вертѣвшагося около какой-то женщины.

— Никакъ нѣтъ-съ, это мы насчетъ дѣловъ-съ,—отвѣтилъ Андрюшка, у котораго уже проглядывалъ не одинъ сѣдой волосъ.

— Ну да, о дѣлахъ! вѣдь я все видѣлъ. Ну, поцѣлуй-ка ее при мнѣ, да покрѣпче!

Андрюшка звонко поцѣловалъ молодую женщину; мы всѣ засмѣялись, и я громче всѣхъ... Мнѣ хотѣлось, чтобы отецъ слышалъ мой смѣхъ, хотѣлось, чтобы ему передали объ этомъ смѣхѣ... Въ эту минуту я охотно выпилъ бы вина, еще охотнѣе бросился бы въ какой-нибудь омутъ... Это было близко къ помѣшательству.

«Между нами все кончено!—проговорилъ я, задумчиво проходя по саду.—Если бы можно было цѣною всего моего состоянія купить его любовь, я отдалъ бы все! Нѣтъ, все золото міра не купитъ этой любви, если человѣкъ убилъ ее въ своемъ сердцѣ. Почему это сестра умѣла говорить съ нимъ, почему она не разорвала съ нимъ связи? Но какъ мнѣ тяжело, какъ невыносимо тяжело!..»

XV.

Затишье.

На четвертый день послѣ этой исторіи съ отцомъ, пріѣхала моя сестра съ мужемъ и дѣтьми, мальчикомъ восьми и дѣвочкою семи лѣтъ. Я изумился, увидавъ Лелю; передо мною стояла почти тридцатилѣтняя прекрасная женщина, въ ея лицѣ знакомое мнѣ выраженіе недоумѣнія и задумчивости было смѣнено строгостью и грустью, минутами она просто казалась суровою. Она ласково встрѣтилась съ отцомъ, съ мачехою и съ дядей, горячо обняла меня и подвела ко мнѣ дѣтей, сказавъ мнѣ:

— Приласкай ихъ, мой другъ, они уже любятъ тебя.

Въ ея рѣчахъ слышалось что-то строгое. Зять тоже говорилъ не горячась, какъ это бывало въ прошлые дни, не высказывая, какъ въ прежнее время, своихъ крайнихъ убѣжденій. Я молчаливо слушалъ ничего незначащіе разго-

воры и обрадовался, когда кончился вечеръ. «Неужели они измѣнили своимъ убѣжденіямъ? Неужели сестру ничто не волнуетъ?—думалось мнѣ.—Она теперь такъ хладнокровно говоритъ обо всемъ—и о добрѣ и о злѣ. Это загадка!» Кто-то постучался ко мнѣ въ двери.

— Войдите!—сказалъ я.

Въ комнату вошла сестра.

— Какъ я ждала, чтобы они всѣ улеглись,—сказала она:—при нихъ нельзя откровенно говорить, имъ смѣшно всякое проявленіе чувства.

Она взяла меня за руку и сѣла возлѣ меня на диванъ.

— Счастлива ли ты, Леля?—спросилъ я ее, цѣлуя ея руки.

— Я счастлива,—протяжно произнесла она, напомнивъ мнѣ этимъ задумчивымъ и нерѣшительнымъ тономъ былые годы.

— Значитъ, и твой мужъ счастливъ?

— О, да, да!—поспѣшила она прибавить.—Я хотѣла сказать: мы счастливы,—снова задумчиво произнесла она.—Но дай Богъ, чтобы твоя жизнь была шире, полнѣе нашей, чтобы тебѣ не пришлось часто повторять слова моего мужа.

— Какія же это слова, Леля?

— У насъ вотъ, видишь ли, есть свой кружокъ, точно такихъ же счастливыхъ своею честностью людей, какъ мы, дѣлающихъ посильное добро. Они собираются къ намъ разъ въ недѣлю. Мой мужъ всегда говоритъ мнѣ до ихъ прихода: «Ну, соберутся сегодня инвалиды, будутъ жалобы!» И всегда, мой другъ, онъ угадываетъ, десятки жалобъ на жизнь, на невозможность бороться съ тѣми или другими обстоятельствами, слышатся изъ всѣхъ угловъ и потомъ становится какъ-то грустно, какъ-то тяжело наше счастье... Тамъ одинъ честный учитель не можетъ побѣдить партіи отсталыхъ учителей, здѣсь одинъ порядочный чиновникъ предчувствуетъ конецъ своей борьбы со зломъ, не имѣя силъ распутать сѣть, сплетенную мерзавцами около него... Вездѣ, мой другъ, разъединеніе честныхъ и союзъ безчестныхъ... Но твоя жизнь пойдетъ, вѣроятно, подъ вліяніемъ другихъ условій. Воздухъ расчищается. Твоя жена, вѣроятно, не будетъ принуждена ограничивать свою дѣятельность домашними хлопотами и посѣщеніемъ двухъ-трехъ семей, которымъ въ сущности почти нѣтъ средства помочь частной филантропіей. Мнѣ иногда страшно тяжело, когда я

думаю, что мы всѣ можемъ быть покуда только филантропами. Вѣдь это игра, препровожденіе времени, стремленіе потѣшить себя слезами благодарности, видомъ чужой радости... Это, мой другъ, потѣха, не серьезное дѣло... Мы облегчаемъ участь одной семьи, не замѣчая, что рядомъ съ нею гибнутъ сотни такихъ же несчастныхъ и болѣе честныхъ, не выставляющихъ на показъ своихъ ранъ, семей, что и облагодѣтельствованная нами семья погибнетъ черезъ годъ, черезъ два, ну—послѣ нашей смерти, потому что другіе филантропы помогаютъ съ тѣми же результатами другимъ бѣднякамъ и не замѣтятъ ея... За будущее нѣтъ никакого ручательства, каждый общественный переворотъ имѣетъ вліяніе на число филантроповъ, на число жертвъ... Вотъ теперь уже вдвое болѣе бѣдняковъ, не получающихъ пенсій отъ благодѣтелей, потому что благодѣтели лишились крестьянъ... И если бы хоть много было филантроповъ... а то...

Я слушалъ, опустивъ голову, эту задумчивую, полную грусти рѣчь, и мнѣ казалось, что рядомъ со мною сидитъ Леля, молоденькая, вѣчно занятая своими неразрѣшимыми вопросами.

— Говорятъ, мой другъ,—продолжала она:—что частная филантропія прекрасна своей поэзіей, благотворной силой, что если ты жертвуешь въ кассу какого-нибудь благотворительнаго заведенія, то твоя душа остается суха и черства, не волнуется свѣтлыми чувствами, что, напротивъ того, видя благодарность и слезы облагодѣтельствованной семьи, ты становишься лучше, мягче, ты растрогаешься... Другъ мой! это не правда, это говорятъ гордые, испорченные люди, надѣвшіе маску кротости и смиренія, это говоритъ матеріализмъ отвратительныхъ эгоистовъ! Они въ филантропіи ищутъ сильныхъ ощущеній для своей мелкой душонки, которая за рубль подаваемой милостыни ищетъ и проситъ театральнаго представленія... Пусть они прикидываются идеалистами, но это грубый, гадкій матеріализмъ!.. Мнѣ было бы отраднѣе пожертвовать въ кассу благотворительнаго заведенія и привѣтствовать счастье обезпеченныхъ имъ людей, не имѣя права требовать ни ихъ благодарности, ни ихъ слезъ, людей, равныхъ со мною; мнѣ было бы отрадно, что я не заставила ихъ гнуть передо мною голову.

— Леля, для этого нужно, чтобы всѣ честные люди были дѣятельны, чтобы они дѣйствовали въ одномъ духѣ, были союзниками, а не старались бы только хвастать своею честностью...

— Да. Но то-то и грустно, что до сихъ поръ большая часть изъ нихъ играютъ комедію... Впрочемъ,—промолвила она черезъ нѣсколько минутъ молчанія:—я еще разъ повторяю, что мы счастливы. Я благодарю Бога за наше счастье, я не нахожу словъ для этого благодаренія. Я прошу у Бога прощенія за минуты невольнаго ропота. Я ропщу за недостатокъ дѣятельности: что же долженъ дѣлать тотъ, у кого нѣтъ и личнаго счастья, кто не имѣетъ и куска хлѣба? Это все остатки молодой непокорности, нетерпѣнья, непривычки нести свой крестъ. И какое имѣемъ мы право требовать полнаго счастья?..

Я съ изумленіемъ взглянулъ на Лелю: ея лицо было строго и сурово. Это выраженіе было ново для меня, точно столько же, сколько былъ новъ смыслъ послѣднихъ рѣчей.

— Душа моя, будемъ надѣяться,—поспѣшилъ я прервать ее:—что и передъ вами откроется поле болѣе широкой дѣятельности, только не нужно покоряться судьбѣ...

— Нѣтъ, мы инвалиды!—произнесъ мужской голосъ, и рука моего зятя опустилась на мое плечо.—Мы будемъ безъ зависти смотрѣть на вашу дѣятельность и попросимъ для себя только богадѣленъ!

— Что это—покорность?

— Нѣтъ, это выводъ, купленный опытностью...

— Но, можетъ-быть, и намъ придется придти къ этому выводу и повторить то же нашимъ дѣтямъ?

— Можетъ-быть, можетъ-быть...

— Это, однако, невыносимо!

— Невыносимо?.. Ну, тѣмъ лучше, если не вынесешь, раньше въ могилу ляжешь, раньше успокоишься... Впрочемъ,—съ грустью добавилъ онъ:—все это кажется такъ ужасно въ молодости, а послѣ... послѣ ты будешь радъ помириться на личномъ счастьѣ, на чистой совѣсти, на надеждѣ видѣть вполнѣ счастливыми и способными къ широкой дѣятельности своихъ дѣтей...

— Надежда, которая, по всей вѣроятности, обманетъ и меня...

— Очень можетъ быть, очень можетъ быть...

Мы замолчали на нѣсколько минутъ, потомъ пожали другъ другу руки и простились на ночь. Я долго ходилъ по комнатѣ, потомъ вышелъ на балконъ; воздухъ былъ теплъ и душистъ, въ небѣ сверкали тысячи звѣздъ, кругомъ царила торжественная тишина ночи... «Какая чудная ночь!» вырвалось у меня изъ груди, и эта грудь начала дышать

спокойнѣе, мысли унеслись въ Петербургъ къ Анѣ, чудныя картины будущей нашей жизни въ одномъ изъ германскихъ университетскихъ городовъ, потомъ дѣятельной жизни въ Петербургѣ понеслись передо мною, и забылъ я, что кругомъ меня были разбросаны избы перебивающихся со дня на день крестьянъ, что, можетъ-быть, въ эту чудную ночь раздаются и стоны, и рыданія въ одной изъ этихъ избъ около умирающаго работника, кормильца цѣлой семьи. «Что же это, или я созданъ только для личнаго счастья, или другого счастья нѣтъ на землѣ? Неужели каждый изъ насъ, тѣшась филантропіей и не признаваясь себѣ въ своемъ узкомъ эгоизмѣ, не способенъ болѣе ни на что, какъ на наслажденіе своими мелкими радостями и повтореніе страшной фразы: chacun chez soi, chacun pour soi»?..

Семенъ Ивановичъ, какъ я и ожидалъ, принялъ на себя всю заботу о дѣлахъ по имѣнію. Я прожилъ съ его семействомъ до сентября мѣсяца въ деревнѣ, принадлежавшей нашей матери. Господскій домъ въ селѣ былъ запущенъ, многія комнаты были заколочены и не имѣли оконныхъ рамъ, въ другихъ не было мебели и валялся какой-нибудь убогій съ двумя передними ножками стулъ, лежавшій на полу въ такомъ странномъ положеніи, точно онъ присѣлъ отъ ужаса, когда пришли люди воровать его товарищей, и остался навсегда на своемъ мѣстѣ, какъ старый инвалидъ, чтобы напоминать будущимъ поколѣніямъ, каково было исчезнувшее войско прочихъ стульевъ. На террасѣ между досокъ проросла трава, и при нашемъ входѣ съ печальнымъ стономъ заскрипѣли половицы, и съ одуванчиковъ полетѣлъ во всѣ стороны пухъ, какъ будто испугавшись дѣтей, бойко пробѣжавшихъ въ садъ, откуда съ любопытствомъ глядѣли на террасу вѣтви старыхъ деревъ и о чемъ-то шептались съ длиннымъ побѣгомъ хмеля, взобравшимся по сѣрой колонкѣ до навѣса террасы, опрокинувшимся оттуда внизъ и игравшимъ вѣтромъ и качавшимся подобно шаловливому деревенскому мальчугану, повисшему на невысокой крышѣ и устроившему изъ себя живыя качели. Очистивъ и устроивъ пять комнатъ, мы рѣшились оставить покуда остальныя въ ихъ странномъ, не лишенномъ прелести безпорядкѣ, что доставило сильное удовольствіе дѣтямъ, которыхъ занималъ и скрипъ пола, и просторъ, и инвалидъ-стулъ, который они приставляли къ стѣнѣ, приказывая ему стоять прямо, и бѣжали отъ него, зная, что инвалидъ тотчасъ повалится. Часто задумчиво глядѣли мы съ сестрой, какъ поднимала

фестонами ея Оля свое и безъ того коротенькое платье, какъ маленькій Володя важно шелъ подъ руку съ своею сестрою, изрѣдка поглядывая на картину, висѣвшую на стѣнѣ и представлявшую нашего дѣда и нашу бабку, сходящихъ, въ костюмахъ XVIII столѣтія, съ лѣстницы роскошной террасы, уставленной цвѣтами, устланной ковромъ, украшенной статуями. Трудно было повѣрить, что это та самая терраса, гдѣ теперь вьется одинокій хмель, гдѣ вмѣсто ковровъ растетъ трава, а отъ прежнихъ статуй уцѣлѣла только одна красная, спустившая съ себя бѣлую краску нога Амура, въ которую, должно-быть, навалилось разнаго сора, остатковъ листьевъ и прутьевъ—и все это превратилось въ чудеснѣйшую черную землю, изъ которой росъ одинокій колосъ...

— Тебѣ, я думаю, это ново? — спросила меня сестра однажды, задумчиво улыбаясь и указывая на игры дѣтей.

— Да, Леля, мы съ тобой не играли, у насъ не было дѣтства,—отвѣтилъ я.—Оттого-то мы и вышли такіе изломанные. Я здѣсь впервые понимаю въ этой глупи прелесть безпечнаго дѣтскаго смѣха, дѣтскихъ игръ, выдумокъ и хитростей!.. Взгляни, какъ они заняты превращеніемъ своихъ костюмовъ въ костюмы нашихъ дѣда и бабки... Какъ Оля интересна въ своей поддернутой юбочкѣ.

— Вотъ это-то я и называю нашимъ счастьемъ.

— Да, да, Леля, это счастье, это великое счастье, но его недостаточно, чтобы наполнить всю жизнь человѣка...

— Но все-таки, мой другъ, ты долженъ согласиться, что, завоевавъ только это счастье, мы уже сдѣлались счастливѣе нашего отца...

— О, конечно...

— И если судьба ничего не дастъ намъ болѣе, то будемъ, по крайней мѣрѣ, воспитывать нашихъ дѣтей, сдѣлаемъ ихъ честными людьми. Это тоже дѣятельность; насъ она не удовлетворяетъ вполнѣ только потому, что мы изломаны, какъ ты сказалъ...

Во всѣхъ этихъ рѣчахъ была какая-то странная смѣсь желанія помириться съ жизнью и нетерпѣливыхъ порывовъ къ болѣе широкой дѣятельности. Въ словахъ сестры то слышалась покорность, то горькій ропотъ на судьбу, но въ обоихъ случаяхъ тонъ былъ грустенъ, въ немъ слышались сдержанныя слезы. Семенъ Ивановичъ съ утра до обѣда возился съ бумагами, толковалъ съ мужиками, совѣтовался со мною и очень радовался, что дѣло шло успѣшнѣе, чѣмъ

можно было ожидать. Онъ рѣшился взять на мѣсяцъ отпускъ и пробыть до конца сентября въ деревнѣ, рѣшилъ, что пріѣдетъ въ нее снова на Рождествѣ, на Пасхѣ и на будущее лѣто. Я отправился въ началѣ сентября въ Петербургъ. Прощаясь съ деревенскимъ затишьемъ, я сказалъ ему душевное спасибо, потому что настроеніе души моей было лучше, я начиналъ думать серьезнѣе; жизнь представлялась мнѣ гораздо многосложнѣе, чѣмъ прежде; я понялъ, что и мы съ Аней будемъ похожи на зятя и сестру, если не перемѣнится кругомъ насъ обстановка, что нужно быть дѣятельнѣе, что не должно покоряться, что мы сами произнесемъ себѣ приговоръ и откажемся отъ лучшей будущности въ тотъ день, когда назовемъ себя инвалидами, то-есть безсильными личностями въ общемъ дѣлѣ. Значитъ, постоянное бодрствованіе и борьба со зломъ—должны быть вѣчнымъ нашимъ девизомъ.

XVI.

Гроза.

Послѣдній годъ университетской жизни шелъ быстро, занятій было много, споровъ и толковъ въ обществѣ еще больше. Вражда между извѣстною частью стараго поколѣнія и извѣстною частью новаго дѣлалась все замѣтнѣе и замѣтнѣе. Многое изъ этой вражды было смѣшно, многое печально, но въ большей части случаевъ было скверно. Нерѣдко самыя ожесточенныя словесныя битвы давались не изъ-за убѣжденій, а изъ-за предсѣдательскаго мѣста въ гостиной, занимаемаго тѣмъ или другимъ представителемъ одного изъ двухъ враждующихъ поколѣній. Иногда остроумное, повторенное въ обществѣ слово юноши приводило въ ярость беззубаго старикашку, и онъ старался найти въ этомъ словѣ и паденіе нравовъ, и неуваженіе къ порядку, и все, что вамъ угодно, но только не простую безгрѣшную остроту, которой житія было два вечера и одно утро. Иногда юноша, не имѣя никакихъ убѣжденій, но наслушавшись рѣзкихъ словъ въ обществѣ убѣжденныхъ юношей, схватывалъ на лету нѣсколько крайнихъ мнѣній, бѣжалъ съ ними въ общество, какъ съ какимъ-нибудь кладомъ, и, встрѣтивъ отпоръ этимъ мнѣніямъ, ершился, очертя голову, шелъ далѣе, защищая краденыя и плохо понятыя мнѣнія, сверкалъ глазами, стискивалъ кулаки, трепалъ волосы. Все это сильно пахло раздраженіемъ мелкихъ самолюбицъ крошечныхъ великихъ людей. Всѣ эти сцены болѣзненно дѣйство-

вали на Кольку. Онъ не выносилъ лжи, не выносилъ игры убѣжденіями. «Я,—говорилъ онъ:—скорѣй пожму руку откровенно дѣлающему свое дѣло подлецу, чѣмъ плюгавому лгунишкѣ-попугаю, передразнивающему человѣческую рѣчь, или постящемуся отъ страха старику-развратнику». Онъ не считалъ нужнымъ сдерживать себя ни передъ молодежью, ни передъ стариками, вслѣдствіе чего и дряблая молодежь, и страдающіе подагрой старики стали на него коситься. Старики упрекали его за отрицаніе; онъ фактъ за фактомъ доказывалъ имъ, что и они отрицали все отрицаемое имъ, начиная съ пустой внѣшности до самой сущности предметовъ, и отрицали на дѣлѣ и что теперь они просто испугались своего отрицанія, потому что въ старости храбрость теряется, потому что смерть близка.

— Вы,—говорилъ онъ одному старику, пописывавшему въ теченіе почти пятидесяти лѣтъ статейки въ стихахъ и въ прозѣ:—вы нашли нужнымъ публично порицать насъ за отрицаніе, употребляя это слово въ таинственномъ смыслѣ и, такимъ образомъ, отпугивая отъ насъ людей. Но вы не замѣчаете, что это не честно, что мы не можемъ привести своихъ доказательствъ для оправданія нашего отрицанія, что мы на темное обвиненіе, сказанное передъ тысячами людей, можемъ отвѣчать только въ частномъ разговорѣ съ глазу на глазъ, что вы не опровергаете нашихъ печатныхъ мнѣній, а читаете между строками, и эти-то мысли, прочитанныя между строками, возводите въ преступленіе.

— Вы ошибаетесь!—возразилъ старикъ:—если я стрѣляю въ бандита изъ-за стѣны, то тутъ нѣтъ ничего безчестнаго.

— Съ которыхъ это поръ каждый имѣетъ право называть своего противника бандитомъ?

— Не каждый и не каждаго! Но если противникъ походитъ своими поступками на бандита, то его и можно называть этимъ именемъ. Вы отрицаете и науку, и поэзію, и искусство, и... все, чѣмъ держится людское общество, а на такой поступокъ способенъ только бандитъ... Но вы не обижайтесь, молодой человѣкъ, я очень понимаю, что это минутное заблужденіе, и, къ тому же, въ мои лѣта можно быть рѣзкимъ.

— Пожалуйста, не извиняйтесь! Невѣжливость и послѣ извиненія останется невѣжливостью, да у насъ не объ этомъ шла рѣчь. Во-первыхъ, кто вамъ сказалъ, что мы отрицаемъ все, чѣмъ держится людское общество? А, во-вторыхъ, какъ это вы сами не замѣчаете, что мы подводимъ только итоги предметамъ, которые отрицались вами?

— Какъ такъ? Это интересно!

— Очень просто. Я не стану разбирать частной жизни вашего поколѣнія, не стану доказывать вамъ по длиннымъ мемуарамъ вашихъ современниковъ, что вы отрицали на дѣлѣ то, что мы отрицаемъ въ теоріи, хотя на этомъ полѣ я могъ бы васъ сшибить на всѣхъ пунктахъ; но я вамъ укажу только на одинъ общеизвѣстный фактъ: прочтите напечатанныя стихотворенія, начиная съ пушкинскихъ и кончая современными, даже вашей маленькой пѣсенкой, которую знаютъ наизусть всѣ гимназисты, на которыхъ вы такъ сердиты, которыхъ вы подводите за поклоненіе вашему таланту подъ розги...

— О...—началъ старикъ, насмѣшливо улыбаясь.

— Подождите,—перебилъ Колька:—я не кончилъ. Въ этихъ стишкахъ вы отрицаете все, чего даже и не думали еще отрицать, вы отрицаете, воплощая свое отрицаніе въ образы, высказывая его въ лирическихъ произведеніяхъ. Но для этого нужно, чтобы все ваше существо и его настроеніе гармонировали съ этимъ отрицаніемъ, иначе нельзя написать порядочнаго лирическаго произведенія, а ваши очень недурны. Мы же отрицаемъ тѣ же предметы, дѣлая выводы, опыты, вопросы; мы отрицаемъ не потому, что отрицаніе вошло въ нашу плоть и кровь, но потому, что жизнь представила факты, вызывающіе его, и мы взвѣшиваемъ, повѣряемъ эти факты... Теперь вы можете говорить.

— О,—началъ старикъ съ того же восклицанія и съ тою же насмѣшливою, сострадательною улыбкою, которую онъ сохранялъ, подобно кладу, во время Колькиной рѣчи.— Можно ли, молодой человѣкъ вступать въ споръ, не зная силы доказательствъ? Можно ли надѣяться игрушечною сабелькой побѣдить непріятеля? Вамъ еще нужно учиться и учиться, чтобы спорить!

— Вы это о чемъ изволите говорить?—холодно спросилъ Колька, котораго трудно было смутить грубостью или колкостью; ему нужны были мысли, а тонъ, форма для него были столько же дороги, какъ скорлупа отъ орѣха.

— О вашемъ доказательствѣ, объ этомъ смѣшномъ доказательствѣ!—съ снисхожденіемъ, качая головой, говорилъ старикъ.—Право, мнѣ жаль нападать на васъ! Моя пѣсенка и стихотворенія Пушкина и другихъ поэтовъ нашего поколѣнія—не что иное, какъ шутки, минутные капризы.

— Что?!—воскликнулъ Колька, блѣднѣя.—Шутки, ми-

нутные капризы, которые по вашей милости развратили молодое поколѣніе, запавъ въ его память, какъ запрещенные плоды, и научивъ его не уважать предметы, для отрицанія которыхъ оно еще не имѣло достаточныхъ данныхъ! Шутки, минутные капризы, за которые сѣкли этихъ бѣдныхъ дѣтей, невиноватыхъ нисколько, что вы вздумали пошутить такъ некстати!

— Вѣрно и васъ за нихъ сѣкли, что вы такъ на нихъ сердиты?—не во-время пошутилъ старикъ и хлопнулъ по плечу Кольку, считая такую любезность вполнѣ позволительной для своего крупнаго чина.

— Сѣкли-съ, сѣкли, и за то-то я васъ и ненавижу!— уже не владѣя собою, произнесъ Колька и всталъ.—Но не въ томъ дѣло, а въ томъ, что вы говорите ложь! Можетъ ли быть шуткой стихотвореніе, гдѣ вы ругаете тѣ предметы, которыхъ вы не думали отрицать? Развѣ можно найти хоть одного честнаго сына, который назвалъ бы свою мать, своего отца клеймящимъ именемъ развратниковъ, негодяевъ, зная, что они честны и чисты. Развѣ можно шутить такими вещами?

— Но, молодой человѣкъ, увлеченіе молодости...

— Нѣтъ-съ, стыдитесь это говорить! Когда мнѣ былъ двѣнадцатый годъ, когда я еще не имѣлъ никакихъ убѣжденій, я и тогда ни разу не оскорбилъ своей матери позорной клеветою, я никогда не шутилъ тѣмъ, что я думаю, напримѣръ, убить отца... Моя душа была чиста, и не было въ ней мѣста подобнымъ, бросающимъ въ дрожь, шуткамъ... По молодости лѣтъ! стыдитесь этой отговорки! Скажите лучше, что вы ни о чемъ не думали, что вы загрязнили свои души съ пеленокъ, что вамъ досадна ваша старость и наша чистая молодость...

— Ну, чистая! знаемъ мы ее!

— Да, чистая! Неужели вы думаете, что я говорю о какихъ-нибудь хлыщахъ, рыскающихъ по кофейнямъ? Эти то же поютъ, что и вы.

— Вы дерзки! Съ вами порядочный человѣкъ не станетъ спорить.

— Однако, не я назвалъ васъ бандитомъ... И странно, право, что вы рѣшаетесь нападать на молодое поколѣніе, точно оно все состоитъ изъ выкидышей, выросшихъ въ лѣсахъ Америки и потомъ внезапно брошенныхъ, подобно язвѣ, въ вашъ кругъ, чтобы погубить васъ. Вы представляете изъ себя такихъ загнанныхъ, обиженныхъ и оскорблен-

пыхъ, точно у молодого поколѣнія вся сила и власть. Вы порицаете его, не боясь того, что вамъ каждый можетъ сказать: да вѣдь это ваши же воспитанники!

— Нѣтъ, не наши! Не мы воспитали въ этомъ духѣ это поколѣніе, а та горсть мерзавцевъ, съ которою мы не имѣемъ ничего общаго.

— Хорошо же заботились вы о своихъ дѣтяхъ, если допустили до того, что ваши дѣти полюбили болѣе вашихъ враговъ, чѣмъ васъ самихъ. Право, отлично!

Страшно-тяжело дѣйствовали на душу эти споры, въ нихъ видѣлось не одно желаніе разъяснить истину, но желаніе уничтожить противника. Никого не безпокоило желаніе сдѣлать изъ противника союзника, что всегда возможно, если обѣ стороны честно преданы убѣжденіямъ, а не завидуютъ, что юноша хочетъ имѣть такія же человѣческія права, какъ и старикъ. Мнѣ становилось день ото дня грустнѣе и грустнѣе, я понималъ, что при подобномъ ходѣ дѣлъ невозможна никакая дѣятельность, и въ то же время боялся желать развязки... Колька дѣлался день ото дня суровѣе и мрачнѣе. Въ это время ему пришлось пережить еще одно испытаніе: его отца сослали. Аграфена Степановна ни минуты не остановилась на вопросѣ: ѣхать или не ѣхать за мужемъ? и тотчасъ, по рѣшеніи его дѣла, стала собираться въ дорогу, безъ лишнихъ фразъ, покорно и тихо.

— Прощай, Количка, прощай, голубчикъ! Саша, поцѣлуй меня! Милые вы мои! Никогда мы больше не увидимся!— проговорила мучительнымъ голосомъ Аграфена Степановна въ минуту отъѣзда и, рыдая, упала на грудь Кольки.— Никогда не увидимся! Живые мы съ отцомъ идемъ въ могилу!..

— Нѣтъ, полноте... мы еще увидимся! Весело увидимся!— отвѣтилъ Колька, улыбаясь посинѣвшими губами.

— Колька, пойдемъ,—сказалъ я, когда поѣздъ желѣзной дороги былъ уже далеко.

— Пойдемъ!—почти шопотомъ проговорилъ онъ и, шатаясь, оперся на мою руку.—Живые ушли въ могилу.

Первый разъ въ жизни я видѣлъ въ этотъ день, какъ плакалъ Колька, и не дай Богъ мнѣ видѣть еще разъ его слезы!.. Съ недѣлю онъ былъ боленъ. Онъ никакъ не могъ освоиться съ мыслью, что его отецъ и мать будутъ терпѣть нужду, будутъ горевать въ то время, когда онъ еще живъ.

— Нѣтъ, чортъ возьми, все брошу, пусть погибаетъ моя

молодость, а здѣсь не останусь. И что мнѣ здѣсь дѣлать?

— Что это вы, Николай Абрамовичъ, и крылья складываете,—подсмѣивались надъ нимъ знакомые, слыша его желаніе уѣхать.

— Да вѣдь у меня не бѣличья натура.

— То-есть какъ это?

— Въ колесѣ не люблю бѣгать...

— А тамъ просторъ будетъ, вѣроятно, полная свобода?

— Не свобода, но хоть кому-нибудь пользу принесу. Да тамъ и свободы больше. Тамъ меня хоть бандитомъ за крайность моихъ убѣжденій не назовутъ, а будутъ смотрѣть за образомъ моей жизни. И если я тамъ буду дѣлать честное дѣло, трудиться на своемъ пути, то вѣрно принесу гораздо больше пользы, чѣмъ здѣсь, надсаживая грудь въ безплодныхъ спорахъ съ попугаями, убивая свое здоровье...

— Но если каждый изъ насъ побѣжитъ съ поля битвы, то вѣрно не мы удержимъ за собой побѣду.

— Я, признаюсь откровенно, совсѣмъ не понимаю, зачѣмъ и вышли на это поле вы-то,—сказалъ Колька.—А что касается до меня, то я не думаю сходить съ этого поля, но просто считаю болѣе удобнымъ не бить баклушъ между вами. Если будетъ возможно, то я охотно перекинусь нѣсколькими словесными выстрѣлами съ непріятелемъ; если не будетъ возможности, то буду заниматься работой муравья...

Лѣтомъ я уѣхалъ въ деревню... Горячо обнялъ меня Колька и сказалъ мнѣ, что, вѣроятно, мы долго не увидимся. Въ серединѣ октября я получилъ тревожное письмо отъ Ани,—звавшее меня въ Петербургъ. Я поскакалъ на зовъ. Черезъ нѣсколько мѣсяцевъ Колька получилъ новое мѣсто безъ всякихъ хлопотъ съ своей стороны. Антонъ потерялъ уроки въ гимназіяхъ и въ нѣкоторыхъ частныхъ домахъ. Его поразила эта потеря сильно. Ему пришлось ограничиться до крайности въ своихъ расходахъ.

— Антонъ,—рискнулъ я сказать ему однажды:—отчего ты не попробуешь написать къ своему отцу...

— Зачѣмъ ты мнѣ говоришь это? Мнѣ и безъ того тяжело и скверно на душѣ.

Эти простыя слова глубоко подѣйствовали на меня.

— Уѣзжай, пожалуйста, въ деревню,—сказала Аня, когда мы сидѣли за чайнымъ столомъ.—Дай пройти этому тяжелому времени.

— Такъ ты рѣшительно не хочешь выходить замужъ теперь?—спросила Александра Ивановна.

— Нѣтъ, тетя, я вмѣстѣ съ вами буду работать покуда.

— Это, право, Аня, излишняя жертва,—сказалъ Антонъ.

— Это не жертва, а мнѣ просто хочется, чтобы Поль кончилъ всѣ деревенскія дѣла, чтобы мнѣ не нужно было ѣхать туда... Я не хотѣла бы встрѣчаться...

Аня замолчала, не кончивъ рѣчи. Мы всѣ молча допили чай. Я началъ закупать необходимыя мнѣ книги, провелъ два мѣсяца, выписывая въ публичной библіотекѣ нужные мнѣ матеріалы для диссертаціи на магистра, и, наконецъ, уѣхалъ въ деревню, гдѣ погрузился въ тихую, спокойную жизнь. Какъ послѣ какой-то страшной грозы или тяжелаго и грознаго сна, у меня была тяжела голова, ныла грудь, и не было охоты развлечь себя, забыться въ шумномъ обществѣ. Все перебралъ я за это время въ своей памяти: и дѣтство, и училищную жизнь, и споры въ обществѣ, то обвинялъ себя, то другихъ и съ тяжелой грустью видѣлъ повсюду слѣды пустой, безцѣльной, ничѣмъ не оправдываемой вражды, нетерпимости, неуваженія людей другъ къ другу. Менѣе всего хотѣлось мнѣ въ это время оправдывать отцовъ или дѣтей, я просто понималъ, что многіе изъ тѣхъ и другихъ просто жалки и равно безсильны въ дѣлѣ мысли и трезваго, хладнокровнаго обсужденія вещей; я видѣлъ, что долго не будетъ исхода изъ этого положенія, долго не пойметъ человѣкъ, что его личный интересъ требуетъ мира, требуетъ дѣятельности для распространенія своихъ убѣжденій, что вражда спавшихъ отцовъ къ проснувшимся дѣтямъ не только вредна, но отвратительна, страшна до ужаса. Часто, въ эти дни, проведенные въ одиночествѣ, въ глуши, бродя по безмолвному, еще осыпанному инеемъ, старому лѣсу, упрекалъ я себя въ нетерпимости въ дѣлахъ съ отцомъ, и все яснѣе и яснѣе становилось во мнѣ убѣжденіе, что я могъ пропускать молча всѣ его выходки и продолжать идти тѣмъ путемъ, который я считалъ честнымъ, что хотя мои слова были искренни и правдивы, но я не могъ ожидать отъ нихъ ни пользы для себя, ни исправленія для отца. «Мы могли быть дѣятелями на разныхъ путяхъ и все-таки мирно смотрѣть другъ на друга»,—говорилъ я,—и все чаще и чаще ѣздилъ я въ Шуповку, все спокойнѣе сносилъ язвительныя выходки и обидную иронію отца, не соглашаясь съ нимъ, не противорѣча ему. Послѣдніе дни зимы смѣнились весною, весна лѣтомъ, пріѣхала въ деревню сестра съ семействомъ, старый домъ оживился дѣтскимъ смѣхомъ, веселыми играми...

Не разъ, гуляя съ сестрой по большой дорогѣ, мы встрѣчали вблизи нашего дома отца, и каждый разъ онъ какъ-то сердито поворачивалъ лошадь назадъ, недовольный тѣмъ, что мы встрѣчали его. Въ одинъ изъ жаркихъ и душныхъ лѣтнихъ дней, гуляя по саду съ зятемъ и его семьей, я замѣтилъ, что собирается дождь и гроза; хотя еще солнце и ясно свѣтило надъ нашимъ домомъ, но вдали уже начинали сверкать огненныя стрѣлы, и гремѣлъ легкій громъ. Вѣтеръ вдругъ усилился, началъ крутить и завивать пыль, тучи понеслись быстро, скапливаясь въ одну черную массу. Мы поспѣшили на террасу, и черезъ нѣсколько минутъ солнце спряталось совсѣмъ, и дождь полилъ, какъ изъ ведра. Оля и Володя вбѣжали тоже на террасу и заливались смѣхомъ, отряхивая капли попавшаго на нихъ дождя. Еще не успѣлъ замолкнуть ихъ громкій смѣхъ, какъ вдругъ сотнями брызгъ сверкнула, какъ бѣшеная, прорвавшая тучи молнія и заметалась, точно не зная, куда кинуться, вырвавшись на свободу; въ ту же минуту надъ нашими головами оглушительно, съ какими-то дикими визгами грянулъ громъ и нѣсколько секундъ катился въ воздухѣ... Дѣти вскрикнули и прижались къ сестрѣ.

— Ничего, ничего! Что вы испугались?—проговорила она и поспѣшила сѣсть; она была блѣдна и взволнована и этимъ неожиданнымъ страшнымъ ударомъ, и испугомъ дѣтей.

— Этотъ ударъ не прошелъ даромъ,—промолвилъ зять.

— Да, не дай Богъ попасть подъ такой громъ и дождь,—сказала сестра:—онъ въ минуту промочитъ до костей.

— Чему яснымъ доказательствомъ могу служить я,—произнесъ за нами мужской голосъ, и никто изъ насъ не хотѣлъ вѣрить, что мы не ошиблись, узнавъ эти звуки.

— Дѣдушка!—тихо прошептали дѣти и стали за кресло Лели. Они его боялись.

— Здравствуй, отецъ!—сказалъ я, первый опомнившись отъ удивленія.—Какъ ты измокъ; пожалуйста, переодѣнься.

— Не въ твой ли сюртукъ? Ты вдвое тоньше меня,—довольно сурово промолвилъ онъ, точно сердясь на мою худобу.

— У меня есть широкое пальто и шаровары...

— Пожалуй.

Мы пошли въ комнату, занимаемую мной. Я досталъ все, что было нужно изъ платья и бѣлья. Отецъ обвелъ глазами комнату и точно сосчиталъ всѣ книги, лежавшія на столахъ, на полкахъ и на полу. Я на минуту вышелъ.

— Это ты что пишешь?—спросилъ онъ, когда я вошелъ.

Онъ стоялъ у моего письменнаго стола.

— Диссертацію на магистра.

— Давно началъ? — небрежно добавилъ онъ, точно его нисколько не интересовалъ мой отвѣтъ.

— Да, давно; видишь, сколько написалъ?

Я показалъ на кипу бумаги.

— Ты только этимъ и занимаешься?

— Нѣтъ, пишу статьи въ журналы.

— А-а!

Мы вышли на террасу.

— Вотъ не думалъ быть здѣсь,—сказалъ, хмурясь, отецъ:— да гроза загнала.

Мы поняли, что онъ желаетъ насъ увѣрить, что у него не было желанія пріѣхать къ намъ. Мы начали общій разговоръ, отецъ отвѣчалъ отрывисто, хмурился, сердился, что дождь не перестаетъ, однако, согласился остаться обѣдать. Между тѣмъ тучи разсѣялись, яркое солнце заиграло по мокрымъ листьямъ и мокрому песку, въ кустахъ зачирикали птицы, и мокрый воробей, чрезвычайно похожій на промокшаго худенькаго франта во фракѣ, попробовалъ проскакать по аллеѣ и, не въ силахъ будучи тащить свою отяжелѣвшую особу, остановился посрединѣ и началъ отряхаться и выжиматься, тормоша свои крылышки.

— Посмотри, посмотри, какой онъ косматый!—крикнулъ Володя.

— Ахъ, какой смѣшной!

— Побѣжимъ къ нему!

И дѣти стрѣлою понеслись къ воробью по мокрой аллеѣ.

— Они у тебя могутъ простудиться,—замѣтилъ отецъ.

— Нѣтъ, они къ этому привыкли...

— Однако, все же... Дѣти!—крикнулъ онъ имъ.

— Что вамъ угодно? — спросили они, явившись на балконъ и боязливо подойдя къ дѣду.

Онъ совершенно не зналъ, что имъ сказать; его, кажется, смутило, что веселый смѣхъ ихъ вдругъ смѣнился этимъ боязливымъ выраженіемъ, что они сами стали похожи на этого смѣшного воробья.

— Не бѣгайте по саду, теперь сыро, — сказалъ отецъ, стараясь придать своему голосу мягкость, но это не удалось, и его совѣтъ вышелъ похожъ на приказаніе.

Дѣти боязливо отошли въ сторону и сѣли въ уголкѣ... На террасѣ какъ-то не клеился разговоръ.

Вечеромъ отцу предложили сыграть въ карты, онъ не отказался; на другой день онъ уѣхалъ домой такимъ же хмурымъ, какимъ былъ всегда. Мы старались не говорить объ этомъ странномъ визитѣ. Я на недѣлѣ заѣзжалъ въ Шуповку, но не засталъ отца. Черезъ мѣсяцъ онъ снова заѣхалъ къ намъ «по дорогѣ», какъ онъ поспѣшилъ объявить намъ.

— Останься, отецъ, у насъ до завтра,—сказалъ я ему.

— А что завтра?—спросилъ онъ, хмуря брови.

— Мое рожденіе.

— А-а! Я и не зналъ, но у меня завтра есть дѣло—я, кажется, обѣщался быть у Голубцовыхъ.

— Ну, что-жъ за бѣда, къ Голубцовымъ можно въ другой разъ съѣздить, а вѣдь день моего рожденія разъ въ годъ бываетъ.

— Хорошо, я пробуду у тебя утро, а вечеромъ къ нимъ.

Но онъ провелъ у насъ и утро, и вечеръ слѣдующаго дня. Черезъ недѣлю онъ снова былъ у насъ.

— Отецъ, я хочу жениться, — сказалъ я, когда мы были одни.

— Это твое дѣло, ты теперь независимъ.

— Знаю, что независимъ; но мнѣ кажется, отецъ, что время тебѣ позабыть, если я виноватъ передъ тобою, и понять, что и я, и сестра любимъ тебя, что мы хотѣли бы, чтобы ты былъ здѣсь, какъ дома, старшимъ, чтобы ты давалъ совѣты.

— Это безполезно, ты самъ мнѣ говорилъ, что ты не вѣришь совѣтамъ стариковъ, что ты ненавидишь ихъ за то, что они стары,—язвительнымъ тономъ говорилъ онъ.

— Правда, правда, отецъ, мнѣ до стариковъ нѣтъ дѣла, но я хотѣлъ бы вѣрить одному старику, хотѣлъ бы примириться съ нимъ прежде, чѣмъ у меня будутъ дѣти. Я хотѣлъ бы, чтобы эти дѣти могли смѣло принять твое благословеніе, не боясь ни тебя, ни меня...

— На комъ же ты хочешь жениться? — спросилъ отецъ послѣ нѣсколькихъ минутъ молчанія.

— На племянницѣ Александры Ивановны.

— А-а! Такъ, значитъ, ты давно ее любишь?

— Да.

— Это дѣлаетъ честь твоему постоянству и твоей скрытности,—въ этихъ словахъ снова звучала насмѣшка.—Впрочемъ, если она похожа на тетку характеромъ, то она должна быть честная дѣвушка.

— Значитъ, ты совѣтуешь?

— Ты свободенъ... Я могу тебѣ сказать одно: женись лучше на ней, чѣмъ на одной изъ нашего круга, на какой-нибудь въ родѣ м... м...

Отецъ вдругъ остановился; я постарался сдѣлать видъ, что не понялъ недосказаннаго слова. Это былъ не миръ, но уже между нами не было ссоры, уже дѣти не такъ боялись его, иногда онъ цѣловалъ ихъ, но не при насъ, иногда онъ давалъ имъ гостинца, но не приказывалъ говорить объ этомъ намъ.

— Какой дѣдушка странный, — говорили между собою дѣти:—почему онъ боится и мамашу, и дядю Поля, и папу?

— Потому что у него нѣтъ гостинца для нихъ, онъ и думаетъ, что они разсердятся на него,—рѣшила Оля.

Мы улыбались съ сестрой, слыша эти говорившіяся на ухо, но громкимъ голосомъ, дѣтскія рѣчи.

— Ты замѣчаешь, какъ онъ постарѣлъ? — спрашивала меня сестра.

— Да, онъ бодрится еще, но онъ очень слабъ.

— Неужели скоро...

И мы оба боялись мысли потерять отца... А вѣдь мы, кажется, никогда не любили его... По крайней мѣрѣ, такъ думалъ онъ.

XVII.

Заключеніе.

Дни, недѣли, мѣсяцы смѣняли другъ друга, исчезали во мракѣ прошедшаго, изглаживались изъ памяти, какъ смутные сны; и уносили съ собою и долю старой непріязни двухъ поколѣній, и долю горя, и хмурыя, грозовыя тучи, постепенно скопившіяся надъ головами моихъ друзей, а, значитъ, и надо мною. Отъ старыхъ ранъ, отъ старыхъ недуговъ въ иномъ сердцѣ оставалась едва замѣтная тупая боль, и то слышалась она только передъ дурной погодой. Каждое новое письмо изъ Петербурга отъ Антона и Ани было спокойнѣе предыдущаго и давало надежду, что слѣдующее будетъ еще яснѣе, еще отраднѣе. Съ нетерпѣніемъ ждалъ я, посѣщая время-отъ-времени Петербургъ, услышать отъ Ани желанное слово: «останься!» Съ такимъ же нетерпѣніемъ я искалъ въ ея письмѣ завѣтнаго: «пріѣзжай!» Но каждый разъ мои ожиданія обманывались, мнѣ писали: «Подождемъ, мой другъ, пріучимся къ серьезному труду, ознакомимся съ жизнью и постараемся сдѣлаться спокой-

ными». Я нѣсколько разъ порывался увѣрить Аню, что и послѣ нашей свадьбы мы будемъ прилежно работать, что мы не сдѣлаемся лѣнтяями; но, строго обдумавъ дѣло, видѣлъ, что я лгу передъ своею совѣстью, что до сихъ поръ мы трудились съ Анею много, но шутя, не для денегъ, что работа не сдѣлалась еще нашею привычкою, что наше личное счастье поглотитъ насъ совсѣмъ. Теперь же мы учились работать серьезно, не по прихоти, но по необходимости: она—чтобы помочь семейству пережить незамѣтно тяжелое время, я—чтобы подготовить себя вполнѣ къ слушанію лекцій въ Германіи и чтобы привести въ порядокъ свое имѣніе. Сверхъ всего этого была еще одна цѣль, которой я думалъ достигнуть, отложивъ свадьбу и проживая въ деревнѣ: это примиреніе съ отцомъ. Но, Боже мой, чего-чего не говорили въ обществѣ, почему-то нетерпѣливо ожидая нашей свадьбы, точно въ этотъ день должна быть иллюминація въ городѣ; эти ожиданія не охладѣвали даже оттого, что мы увѣряли всѣхъ, что свадьба будетъ безъ бала, безъ гостей.

«Мы, какъ я вижу изъ твоихъ писемъ и по собственному опыту, доставляемъ большое развлеченіе почтенной публикѣ изъ нашихъ муравейниковъ, отлагая на неопредѣленное время нашу свадьбу,—писала мнѣ Аня.—Многіе изъ моихъ знакомыхъ вполнѣ увѣрены, что ты бросилъ меня и женился на другой, другія добрыя души подозрѣваютъ насъ въ чемъ-то скверномъ, но смѣшнѣе всего для меня вздохи нѣкоторыхъ непохороненныхъ старухъ о томъ, что въ ихъ время не такъ любили, что невѣста ночей не спала, какъ бы только поскорѣе выйти замужъ, и что женихъ чуть домъ не переворачивалъ, только бы ускорить приготовленія къ браку... Ну, разумѣется, вся эта іереміада кончается обвиненіемъ насъ въ холодности, въ недостаткѣ любви; меня больше всего смѣшитъ это обвиненіе, когда я вспомню, что страстная любовь въ нашихъ бабушкахъ пробуждалась совершенно внезапно при видѣ незнакомаго жениха, приведеннаго свахою или заботливыми родителями, что одно и то же»...

Дни, недѣли, мѣсяцы, между тѣмъ, смѣняли другъ друга...

Я успѣлъ познакомиться въ это время съ бытомъ народа и съ жизнью губернскаго города, сдѣлалъ значительные успѣхи въ своихъ занятіяхъ, заслужилъ, мало-по-малу, если не любовь, то расположеніе отца; онъ уже охотно ѣздилъ со мной на охоту, такъ же охотно пріѣзжалъ съ охоты но-

чевать ко мнѣ, и иногда, забывшись, оставался два-три дня въ моемъ домѣ. Съ каждымъ днемъ этотъ человѣкъ, попрежнему, *по привычкѣ,* сохраняя свой пугающій взглядъ, дряхлѣлъ и падалъ духомъ. Онъ еще бросалъ грозные или убійственные взгляды, слыша пошлыя разсужденія и поэтическія выходки дяди или сопѣнье вѣчно недовольной мачехи, завязывавшейся, подобно старому хламу, въ узелъ платковъ и шалей; но внутренно отецъ мучился отъ этихъ пошлостей, онѣ начинали его убивать—и между тѣмъ онъ не могъ ни раздѣлиться съ дядей, ни разойтись съ мачехой, ни вернуться въ Москву, чтобы позабыть въ шумѣ общества свои домашнія дѣла,—для всего этого онъ чувствовалъ, что прошлая жизнь и кутежи отзывались на его здоровьѣ. Нерѣдко, заставъ меня за работой, онъ, какъ будто боясь, что я отвыкну отъ занятій и измѣнюсь въ нѣсколько минутъ лишняго отдыха, говорилъ мнѣ:—«Занимайся, пожалуйста, и не стѣсняйся изъ-за меня, я отдохну до обѣда». Онъ ложился на диванъ, и я чувствовалъ, что онъ слѣдитъ за мною съ любопытствомъ, какъ будто для него удивительно и странно видѣть передъ собою работающаго Шупова...

— Отецъ, знаешь ли новость?—сказалъ я ему однажды, обрадованный отвѣтомъ, полученнымъ отъ сестры на одно изъ моихъ писемъ.

— Что такое?

— Сестра и зять ѣдутъ навсегда въ деревню; онъ беретъ отставку и хочетъ агрономомъ сдѣлаться.

Лицо отца на минуту озарилось лучомъ радости, но онъ поспѣшилъ овладѣть собою, по привычкѣ нахмурилъ брови и спросилъ меня, какъ-будто вскользь:

— Вѣроятно, ты просилъ принести эту жертву, чтобы...—отецъ замялся и черезъ нѣсколько секундъ добавилъ:—чтобы управлять твоимъ имѣніемъ и охранять твои интересы во время твоего отсутствія?

— Да, отецъ, чтобы охранять мои интересы,—сказалъ я, улыбаясь и глядя ему въ глаза.

Мы, кажется, поняли другъ друга.

— Благодарю тебя,—промолвилъ онъ, пожимая руку.—Ты вполнѣ былъ правъ, полагая, что эта новость будетъ мнѣ пріятна: Леля такъ напоминаетъ твою мать, я люблю видѣть ее подлѣ себя.

Онъ благодарилъ меня за сообщеніе новости и боялся признаться, что онъ благодаритъ совсѣмъ за другое, а не

за то, что могъ исполнить любой посторонній человѣкъ, которому были извѣстны планы моего зятя.

Когда я ѣхалъ, въ маѣ 1864 года, въ Петербургъ, то моя совѣсть была совершенно покойна. Цѣлуя отца, я не лгалъ передъ нимъ... Мнѣ кажется, что изъ его глазъ скатилась слеза; мнѣ кажется, что его рука дрогнула въ моей рукѣ; мнѣ кажется, что онъ безъ причины оперся на плечо сестры и взялся другою за колонку крыльца, когда отъѣзжалъ мой экипажъ... Во всякомъ случаѣ, когда я вспоминаю теперь отца, то вспоминаю его именно съ этимъ выраженіемъ безсилія, слабымъ старикомъ съ длинными сѣдыми волосами, съ глубокими морщинами на лбу и нависшими бровями, болѣе свидѣтельствующими о пережитомъ горѣ, о неудачной, сгубленной жизни, чѣмъ о стараніи придать своей физіономіи пугающій и отталкивающій видъ; рука этого старика представляется мнѣ попрежнему широкою, желѣзною, и попрежнему могла бы она испугать своею силою врага, но она уже тихо покоится на плечѣ молодой, повидимому, слабой женщины, какъ будто считаетъ это слабое существо своею необходимою опорою; около этого старика стоятъ дѣти и смотрятъ въ его не то грустные, не то суровые глаза, какъ будто ожидая, что онъ взглянетъ на нихъ и тихо улыбнется; эти младенцы уже вызываютъ его улыбку, они сильнѣе его... И точно, старикъ взглянулъ на нихъ, онъ улыбнулся и снова глядитъ вдаль, провожая глазами экипажъ, взвивающій по дорогѣ пыль и уносящій молодого человѣка, котораго еще никогда и никто въ жизни не провожалъ въ дорогу, до котораго прежде никому не было дѣла...

— Какой чудный день, папа!—говоритъ старику его дочь, глядя на яркіе лучи солнца, играющіе на окружающихъ предметахъ, озаряющіе и сѣдые волосы старика, и золотистыя кудри младенцевъ, и разбитый стволъ дуба, и обвивающій его хмѣль.

— Да, чудный день!—отвѣчаетъ старикъ, и, кажется, онъ счастливъ, несмотря на то, что гдѣ-то въ другомъ деревенскомъ домѣ стонетъ и брюзжитъ какое-то похожее на женщину и близкое этому старику существо, завязанное въ узелъ, какъ негодный хламъ.

Онъ счастливъ...

Можетъ-быть, впервые въ жизни? Его дочери вспоминаются ея собственныя слова: «Это лицо могло бы быть такимъ прекраснымъ всегда!»

— Другъ мой, Леля, отнынѣ оно и будетъ такимъ всегда, всегда, до тѣхъ поръ, пока будетъ помнить хотя одинъ человѣкъ о существованіи послѣдняго Константина Павловича Шупова.

Перенеситесь теперь, читатель, въ одинъ изъ прирейнскихъ городковъ, пріютившійся между горъ, покрытыхъ виноградниками; представьте себѣ теплые лѣтніе дни, свѣтлое небо, безконечныя цѣпи горъ, быстрый Рейнъ съ его мелкими зеленоватыми волнами, съ его безчисленными зàмками и развалинами на прибрежныхъ горахъ и холмахъ, съ его легендами, которыя разскажетъ вамъ любая нѣмка, путешествующая на пароходѣ, наслаждающаяся волшебными видами, восторженная, перенесшаяся всей душой въ средніе вѣка, повидимому, знакомая до мельчайшихъ подробностей съ характерами, привычками, лицами и фигурами каждаго изъ этихъ рыцарей, ходившихъ въ крестовые походы для освобожденія гроба Господня, грабившихъ всѣхъ своихъ соотечественниковъ, нападавшихъ на сосѣдніе зàмки, повторявшихъ въ послѣднемъ случаѣ очень серьезно игру въ «кошку и мышку», ломавшихъ копья за чудныхъ женщихъ, державшихъ этихъ женщинъ, какъ рабынь, подъ замками, что не мѣшало имъ (какъ это видно изъ баллады Шиллера и изъ чудесной картины, хранящейся въ зàмкѣ прусскаго короля, въ Штольценфельсѣ) умирать подъ окнами этихъ женщинъ, постригшихся въ монахини; все это, какъ я сказалъ, съ восторгомъ и безъ вашихъ просьбъ сообщитъ вамъ любая нѣмка, витающая душой въ среднихъ вѣкахъ, навсегда отдавшая свое сердце покойнымъ рыцарямъ, что нисколько не мѣшаетъ ей вязать во время разсказовъ носки съ узорами послѣдней моды для своего супруга aus den neuesten Zeiten. Представьте себѣ безчисленныя прогулки то въ простой лодкѣ, то на пароходѣ съ неизбѣжной нѣмкой по этому волшебному Рейну, тихіе вечера въ небольшомъ домикѣ съ садомъ, тихія и веселыя бесѣды въ кругу родныхъ и знакомой молодежи, пріѣхавшей на лѣтнее время въ этотъ городишко, и вы поймете то спокойное счастіе или, лучше сказать, «отдыхъ на станціи», которымъ наслаждались мы съ Анею въ 1864 году, уѣхавъ на другой день свадьбы въ Германію и захвативъ съ собою всю семью Ани. Мы позволили себѣ эту роскошь, потому что хотѣли быть вполнѣ спокойными хоть на время, не тревожась даже простою мыслью о томъ, что, можетъ-быть, во время нашего отсутствія захвораетъ кто-нибудь

изъ нашихъ. Часто долетали до насъ въ этотъ уголокъ письма изъ разныхъ концовъ далекаго отечества, но нетерпѣливѣе всего ожидали мы одного письма отъ человѣка, который былъ для насъ дороже всѣхъ другихъ друзей, и именно этотъ-то человѣкъ не давалъ знать о своемъ существованіи ни словомъ, ни строчкою. Иногда это молчаніе пугало насъ... Одинъ разъ, возвратившись съ прогулки, я и Аня увидали на столѣ письмо съ знакомымъ почеркомъ.

— Это отъ него!—воскликнула Аня.

— Да, да, что-то онъ пишетъ?—говорилъ я, ломая печать, радуясь письму и волнуясь отъ мысли, что, можетъ-быть, онъ несчастливъ.

«Наконецъ-то, любимые баловни случая, я могу писать къ вамъ, не нарушая вашего счастья своими жалобами и стонами. Я послалъ ихъ къ чорту и пою теперь веселыя пѣсни. Толкаясь между народомъ, исполненнымъ силы и спокойствія, бодро и трезво трудящимся часто просто изъ-за куска насущнаго хлѣба, я теперь понялъ вполнѣ, какъ смѣшны, какъ пахнутъ ребячествомъ наши тревоги, волненія и стоны по поводу какого-нибудь старичишки, уколовшаго насъ шпилькою своихъ беззубыхъ упрековъ и обвиненій, какъ много растратили мы силъ именно на отраженіе этихъ нападеній, тогда какъ должно было пропускать ихъ мимо ушей до тѣхъ поръ, пока они были словами и не переходили въ дѣло. Столичная душная жизнь, тѣсныя квартиры, гдѣ мы были заперты и толкались, подвертываясь подъ тумаки и брань родителей, въ теченіе большей части нашего дѣтства, недостатокъ свѣжаго воздуха, полей, садовъ и благотворнаго вліянія природы, мелкія несправедливости учителей-чиновниковъ, учителей-взяточниковъ, учителей-неучей, домашняя цинически открытая передъ ребенкомъ грязь, полнѣйшая апатія общества въ дѣлѣ мысли, вѣчное его измѣреніе ума и достоинствъ званіемъ, чиномъ, мундиромъ и лѣтами, все это сдѣлало насъ нервными, раздражительными, сварливыми. Мы совершенно перестали понимать, что надъ несправедливымъ обвиненіемъ, покуда оно имѣетъ видъ сплетни, можно и должно смѣяться, какъ смѣется мужикъ, прокармливающій семью и платящій оброки, когда его называетъ лѣнтяемъ играющій въ карты, кормящій любовницъ и прихлебателей, нигдѣ не служащій экономистъ домашней выдѣлки. Ослабивъ наши нервы, насъ отучили стоять выше клеветы. А между тѣмъ, это-то «спокойствіе силы» и нужно для дѣятелей. Я теперь часто улы-

баюсь, когда вспоминаю, что я спорилъ съ выжившими изъ ума старыми обносками человѣчества и юными попугаями, обрадовавшимися, что имъ удалось передразнить человѣческую рѣчь, и заболтавшими языками. Я думалъ, что это не безполезно, я думалъ ихъ убѣдить! А Антонъ-то, Антонъ-то убивался, жалѣя и отстаивая весь этотъ хламъ, на который онъ сочинилъ ярлыкъ съ надписью: «заѣденныя натуры»! Все это теперь смѣшно, а между тѣмъ, всѣ эти раздраженія не прошли безплодно для моего здоровья, да, я думаю, и Антонъ не поздоровѣлъ, когда обласканные имъ заѣденные начали побрасывать въ него камушки. Впрочемъ, ему подѣломъ досталось, какъ крестьянину, сжалившемуся надъ замерзшей змѣей. Мнѣ едва удалось снова возстановить свои силы. Странно сказать, но я теперь счастливъ, я дѣятельно занимаюсь практикой, учу дѣтей, читаю, дѣлаю опыты, пишу, мать ухаживаетъ за мною, и можно сказать навѣрное, что если мы проживемъ сто лѣтъ вмѣстѣ, то во все это время ни я, ни она не скажемъ другъ другу непріятнаго слова, и тѣмъ пріятнѣе мнѣ это согласіе, что оно не пахнетъ ни маниловщиной, ни прѣлымъ воздухомъ, которымъ, вѣроятно, пахло въ комнатахъ старосвѣтскихъ помѣщиковъ. Бѣдный отецъ совсѣмъ потерялся; бываютъ дни, когда онъ безъ отдыха ходитъ по комнатѣ и ворчитъ, что мать помѣшала ему выиграть огромный кушъ денегъ въ карты, что я не взялъ для него билета на одну изъ иностранныхъ лотерей; его разстроенному воображенію этотъ поступокъ съ моей стороны представляется местью за то, что во времена моего дѣтства онъ не подарилъ мнѣ къ Пасхѣ обѣщанныхъ часовъ! Но эти припадки проходятъ скоро, и онъ дѣлается молчаливъ и тихъ и иногда разсказываетъ нѣсколькимъ посѣщающимъ насъ знакомымъ про то время, когда онъ былъ помѣшанъ, и какъ его вылѣчила знахарка. Эти разсказы навѣваютъ грусть и на меня, и на мать, и она не спѣшитъ перебить отца, чтобы передать своими словами любимый разсказъ... Разумѣется, видя положеніе отца, его освободили отъ всѣхъ служебныхъ обязанностей, хотя и не позволили выѣхать отсюда, да, впрочемъ, для него это и не нужно, для него все равно, гдѣ ни умереть. Я, по обыкновенію, живу и радостями, и печалями настоящаго, не заглядывая въ будущее, а потому не пишу вамъ о своихъ планахъ и надеждахъ: ихъ попрежнему не имѣется. Конечно, если бы добрый нашъ Антонъ былъ на моемъ мѣстѣ, то, чувствуя уве-

личеніе своихъ физическихъ и духовныхъ силъ, видя прибавленіе своихъ познаній, замѣчая приростаніе матеріальныхъ средствъ, онъ создалъ бы себѣ плѣнительную картину своего торжественнаго возвращенія въ Петербургъ; но я не создаю себѣ этой картины уже по одному тому, что въ настоящее время я не желалъ бы перенестись въ вашъ Петербургъ даже за очень большія деньги. Довольно съ меня и двухъ послѣднихъ лѣтъ, проведенныхъ въ немъ. Посылаю вамъ всѣмъ дружескій поклонъ и жму ваши руки.

Вашъ Колька».

Послѣ этого письма намъ стало легче, и уже въ тотъ же день вечеромъ мы смѣялись надъ своими недавними опасеніями.

— Не смѣшно ли, что мы боялись за него? — говорилъ Антонъ. — Развѣ такіе люди погибаютъ нравственно? Для ихъ погибели нуженъ deus ex machina, чтобы упрятать ихъ въ могилу.

Теперь остается два вопроса: что будетъ далѣе съ дѣйствующими лицами моей автобіографіи? Можно ли надѣяться на ихъ счастіе? Можно, любезный читатель, если вамъ не вздумается уморить меня чахоткою, какъ умеръ Инсаровъ, и заставить Аню пропасть безъ вѣсти, какъ пропала жена этого господина, если вы не вздумаете заставить Кольку дѣлать операцію, обрѣзать палецъ и умереть преждевременною смертью, подобно Базарову, если вы не захотите заставить мою Лёлю влюбиться въ какого-нибудь проѣзжаго юношу и бросить на время Семена Иваныча, подобно героинѣ «Подводнаго камня», если вы, однимъ словомъ, не захотите сдѣлать съ нами какой-нибудь такой убійственной продѣлки, отъ которой погибаютъ на мгновеніе всякія людскія надежды на будущую счастливую жизнь... Но одного вы не можете сдѣлать, несмотря на всю безграничную и всемогущую власть воображенія въ широкомъ мірѣ фантазіи, создающаго и разрушающаго цѣлые города, уничтожающаго цѣлыя государства, и объ этомъ я вамъ впередъ шепну на ухо, чтобы избавить васъ отъ лишняго и безплоднаго труда: «Вы не можете превратить насъ въ подлецовъ». Кромѣ этого, вы можете дѣлать со мной и съ моими друзьями все, что вамъ угодно, потому что мы сами стоимъ съ вопросомъ, вступая въ двери будущаго; мы знаемъ только одно то, что мы сами отворили эти двери, что никакія бабушки не ворожили намъ, никакія четвероюродныя тетушки «со связями» не подсылали разныхъ холоповъ общества,

чтобы расчистить намъ дорогу, облегчить намъ взобраться по лѣстницѣ и растворить передъ нами двери. Что мы сдѣлали, то мы сдѣлали сами! Устремляя взоръ въ будущее, я желалъ бы, чтобы всѣ мы были счастливы и сумѣли бы сдѣлать хоть что-нибудь для своихъ дѣтей, чтобы эти дѣти не имѣли горькаго права быть нашими противниками, по какой бы дорогѣ мы ни шли, какихъ бы убѣжденій мы ни были; чтобы эти дѣти не переживали тѣхъ страшныхъ минутъ, которыя пережилъ я, встрѣчаясь съ отцомъ: пусть всѣ члены семьи научатся уважать и любить другъ друга, ну, а тамъ, можетъ-быть, они научатся уважать и постороннихъ, не связанныхъ съ ними узами крови, людей.

А знаете ли, читатели, кто несчастнѣе всѣхъ дѣйствующихъ лицъ этого романа? Человѣкъ, вѣчно спокойный и улыбающійся, вѣчно соглашавшійся со всѣми (говоря о постороннихъ предметахъ), вѣчно выдававшій себя за друга всего міра, за поклонника природы, за поэта, за впечатлительную душу, вѣчно игравшій роль пестраго мотылька, порхающаго по душистымъ цвѣтамъ, украшающимъ поле жизни и носящимъ названіе женщинъ, однимъ словомъ: — мой дядя. Онъ несчастнѣе всѣхъ, потому что у него есть семья, друзья, любовницы, сотни читателей, а между тѣмъ онъ умретъ одинокимъ, брошеннымъ, забытымъ, потому что все въ его жизни было — ложь. Эта мать-природа не улыбалась ему, такъ какъ ей не нужны его выдуманные въ кабинетѣ стишки, такъ какъ она не знала его, такъ какъ онъ любилъ ея портреты, а не ее самое, боясь промочить ноги на ея болотѣ, испортить подъ ея дождемъ свой модный сюртучокъ, такъ какъ онъ не полилъ ее своимъ потомъ и кровью, не купилъ этой цѣною духовнаго родства съ нею, не научился понимать ея живой языкъ, такъ какъ она знала, что онъ боится остаться ночью въ ея густомъ, торжественно говорящемъ и съ бѣгущими въ небѣ облаками, и съ роющими подъ землею ручьями лѣсу, что онъ любитъ ее, какъ картинку; не разъ она насмѣшливо пугала эту дрянную, жидкую, презираемую ею натуру своимъ громкимъ, потрясающимъ, какъ изъ подземной груди вырывающимся хохотомъ-плачемъ, внезапно раскатывающимся по каждому дереву, по каждой вѣткѣ, по каждому листу громаднаго лѣса... Она показывала, что она мать-кормилица міра, могучая женщина, а не простая картинка... Въ минуту его смерти, она, можетъ-быть, еще безжалостнѣе подсмѣется надъ нимъ, въ глухую полночь, по обыкновенію,

сверкнувъ передъ его окномъ яркою зарницею, махая и воя сотнями длинныхъ вѣтвей деревъ, оглушая воздухъ адскими криками ночного сторожа — филина, и слабой рукой закроетъ отъ нея глаза больной и едва слышнымъ голосомъ постарается крикнуть: «Закройте ставни!» И съ этимъ крикомъ, съ проклятіемъ воющему вѣтру, съ проклятіемъ любовницамъ, не любящимъ играть роль сидѣлокъ, онъ умретъ. Насмѣшкою прозвучитъ надъ его могилою похвальное слово съ неизбѣжной цитатой изъ стихотворенія на смерть великаго Гёте, и будетъ оскорбительнѣе брани вырѣзанный на надгробной плитѣ его же стихъ:

Люди страшною враждою
За любовь мою платили;
Но, природа-мать, съ тобою
Мы съ улыбкой имъ простили.

Потому что это—ложь! Потому что это—клевета.

НАДЪ ОБРЫВОМЪ.

РОМАНЪ.

ПЕРВАЯ ГЛАВА.

I.

У мухортовскихъ господъ ожидали пріѣзда молодого барина. Этотъ торжественный случай съ самаго ранняго утра поднялъ на ноги всю дворню въ помѣщичьемъ домѣ. Болѣе всего суеты замѣчалось въ правомъ боковомъ флигелѣ, гдѣ долженъ былъ поселиться на мѣсяцъ молодой баринъ. Здѣсь переставлялась съ мѣста на мѣсто мебель, обметалась со всего пыль, протирались стекла. Въ сущности, приготовленія были вовсе не сложны, такъ какъ въ домѣ уже съ мѣсяцъ жила сама госпожа Мухортова, мать молодого барина, и все было давно уже приведено въ порядокъ. Дворня, повидимому, просто придралась къ случаю, чтобъ выказать свое рвеніе и поразмяться, такъ какъ мѣсяцъ, проведенный въ деревнѣ, былъ мѣсяцемъ отдыха какъ для самой госпожи Мухортовой, такъ и для ея вѣрныхъ слугъ; а ихъ у нея было не мало. Софья Петровна Мухортова, вдова заслуженнаго генерала, урожденная княжна Щербина-Щедровская, была старою барынею, сохранившею всѣ привычки провинціальнаго барства и, прежде всего, привычку окружать себя цѣлою ордою толкавшагося въ людскихъ, слонявшагося по парадныхъ комнатамъ и почти ничѣмъ не занятаго народа. Теперь весь этотъ народъ толпился во флигелѣ съ озабоченными физіономіями, передвигая по десяти разъ одну и ту же вещь, стирая по десяти разъ пыль съ одного и того же мѣста.

Во всей этой ненужной вознѣ не принимала участія только одна молоденькая дѣвушка съ гладко-зачесанными, густыми русыми волосами, съ длинными загнутыми вверхъ рѣсницами, съ правильными чертами чисто русскаго лица. Она сидѣла у открытаго окна, склонившись надъ пяльцами,

и, повидимому, усердно вышивала. Но, наблюдая за ней, можно было замѣтить, что она, то и дѣло, взглядывала въ окно и, сощуривая свои большіе голубые глаза, всматривалась вдаль; изъ окна, выходившаго на дворъ, была видна желѣзная рѣшотка съ такими же воротами, а за нею тянулась лента большой дороги, теперь вся залитая свѣтомъ полуденнаго солнца. На дворѣ стояла знойная весна.

— Что это ты, Полинька, ужъ не хочешь ли первая Егору Александровичу на шею броситься, что отъ дороги-то глазъ не отводишь?—неожиданно раздался въ комнатѣ рѣзкій и визгливый голосъ.

Молоденькая дѣвушка вздрогнула отъ неожиданности и повернула лицо къ заговорившей съ нею особѣ.

Это была высохшая, желтая, морщинистая женщина лѣтъ сорока пяти съ ввалившеюся грудью и жиловатою длинною шеей. Она была одѣта немного пестро, съ претензіями на моду, съ множествомъ бантиковъ изъ полинялыхъ лентъ. Ея жиденькіе волосы были сильно взбиты и лежали на низенькомъ лбу затѣйливыми фестонами надъ нарисованными бровями.

— Съ чего вы это взяли, Агаѳья Прохоровна?—спросила ее молодая дѣвушка.

— Да какъ же? вышивать осталась на галдареѣ, а сама все на дорогу смотришь, не ѣдетъ ли нашъ соколъ?—ядовито продолжала Агаѳья Прохоровна.—Я тутъ цѣлый часъ сижу, да къ тебѣ присматриваюсь, просто одурь взяла... Только ужъ смотри, не смотри, а толку мало: не попасть воронѣ въ высокія хоромы. Побаловать онъ съ тобою побалуетъ, а ужъ жениться-то—на холопкѣ не женится.

У молодой дѣвушки щеки покрылись еще болѣе яркимъ румянцемъ, и на глаза навернулись слезы.

— Богъ васъ знаетъ, что вы такое говорите,—тихо, подавленнымъ голосомъ сказала она и со вздохомъ снова принялась за вышиванье.

Старая дѣва ядовито засмѣялась.

— Скажите! не знаетъ, что говорятъ! Невинность въ мѣшочкѣ!..

Она какъ-то фыркнула со злобой въ сторону и торопливо принялась за прерванное на минуту вязанье шерстяного платка. Въ комнаткѣ съ минуту слышалось только щелканье деревянныхъ вязательныхъ спицъ.

— Носы-то вы всѣ очень ужъ задрали,—продолжала, спустя минуту, старая дѣва, съ озлобленіемъ перебирая

вязательными спицами.—Насѣли на Софью Петровну всей родней и думаете, что и Мухортово ваше, и вы сами мухортовскіе господа. Погодите еще, голубчики, рано распѣтушились... Можетъ-быть, еще самимъ по шапкѣ дадутъ... И хорошо сдѣлаютъ! а то отъ васъ благороднымъ людямъ житья нѣтъ... Какъ собаки, прости Господи, проходу не даете... Гришка ужъ на что щенокъ, еще драть надо его, а туда же! Давеча иду искупаться и слышу, какъ онъ говоритъ кучеру Дорофею: «въ холодной водѣ, дяденька, поди, не отмоешь такую шкуру, въ щелоку бы надо...». Тьфу! побѣжала къ Софьѣ Петровнѣ жаловаться, а тутъ твоя тетушка, Елена Никитишна почтеннѣйшая, и ну хохотать... Дура старая, право, дура... Что она меня — выжить, что ли, отсюда хочетъ? Такъ я и сама уѣду, когда вздумаю... Я не дворовая здѣсь, я въ гости пріѣхала, потому что мнѣ жаль Софью Петровну... одна она здѣсь!.. Не съ вами же ей компанію водить, не господа еще...

Въ эту минуту раздался стукъ копытъ и колесъ. Поля быстро вскочила съ мѣста и двинулась къ окну, невольно прижавъ руку къ сильно забившемуся сердцу. Старая дѣва замѣтила это движеніе.

— Бѣги, бѣги, бросься на шею!—визгливымъ, насмѣшливымъ тономъ проговорила она.

Поля сконфуженно, безсильно опустилась на стулъ.

— Что, видно, силы-то нѣтъ?.. Эхъ ты! Говорю я тебѣ, что ни за грошъ пропадешь,—продолжала Агаѳья Прохоровна и, придвинувъ стулъ поближе къ молодой дѣвушкѣ, болѣе мягко прибавила.—Я тебѣ же добра желаю. Знаю я этихъ господъ. Поиграютъ съ вашей сестрой и бросятъ. Что хорошаго-то? Теперь не прежнія времена, когда вашу сестру за своихъ же дворовыхъ съ брюхомъ замужъ выдавали, и все такое...

Она наклонилась къ дѣвушкѣ, и ея лицо приняло заискивающее выраженіе.

— Ты мнѣ скажи, голубка, что? какъ у васъ тамъ? Зашло-то далеко?

— Оставьте вы меня въ покоѣ!—болѣзненно вздохнула дѣвушка. — Вамъ-то что за дѣло? Разузнать все хочется, чтобъ по всей губерніи потомъ сплетничать.

— Скажите, пожалуйста! Сплетничать!—воскликнула Агаѳья Прохоровна съ раздраженіемъ.—Да чего же мнѣ больше знать, чѣмъ я знаю. Захочу и стану вездѣ разсказывать. Антересу-то только мало въ васъ... Вашъ же щенокъ

Гришка сказывалъ, что видѣлъ въ замочную скважину, какъ ты съ Егоръ Александровичемъ цѣловалась...

— Врете вы!—крикнула потерявшая всякое терпѣніе дѣвушка.

— Не я вру, а Гришка вретъ... да еще бабушка па-двое сказала, вретъ ли...

— Низкая вы душа, вотъ вы что!

— Ахъ, Боже мой, какая сердитая, да не страшная! Ты-то, простая душа, барской любовницей хочешь быть... И то сказать, мать твоя тоже беременною отъ барина была, когда за твоего отца, за Прокофья-то, ее выдали... Черезъ шесть мѣсяцевъ и ты родилась... Барская родня вы всѣ... Хамы...

Потомъ, взглянувъ съ презрѣніемъ и злобой на молодую дѣвушку, она прибавила:

— А вотъ, если бы ты не грубила, когда благородные люди съ тобой разговариваютъ, такъ я бы тебѣ сказала, что мнѣ Софья Петровна говорила насчетъ своихъ прожектовъ женить своего Егора Александровича.

— Женить!—воскликнула съ испугомъ Поля.

— Да-съ, женить!.. И невѣста ужъ есть... Не ты, не ты, голубушка!.. Говорить-то только я съ тобой теперь не желаю, послѣ твоихъ грубостей... На край свѣта отъ васъ уѣхала бы...

Старая дѣва свернула свое вязанье, вздернула высоко голову и съ гордымъ видомъ зашагала къ выходу. Молодая дѣвушка, опустивъ на колѣни руки, замерла на мѣстѣ.

Агаѳья Прохоровна направилась къ лѣвому флигелю, носившему у Елены Никитишны, мухортовской домоправительницы, названіе «странноприимнаго покоя». Когда въ деревню пріѣзжала генеральша Мухортова, къ ней тотчасъ же собирались разныя приживалки и странницы. Кормить этотъ людъ, потѣшаться надъ нимъ, выслушивать всякія деревенскія сплетни, это было одной изъ слабостей Софьи Петровны. Войдя въ среднюю комнату странноприимнаго покоя, Агаѳья Прохоровна прошла на маленькую террасу, выходившую въ глухую боковую часть сада, охватывавшаго барскій домъ съ трехъ сторонъ. Здѣсь на ступеняхъ сидѣла опустившаяся и обрюзгшая пожилая женщина, вся въ черномъ, съ головой, покрытой, несмотря на полуденный зной, большимъ шерстянымъ чернымъ платкомъ. Услыхавъ за собою шаги, женщина тяжело и глубоко вздохнула, сжавъ въ трубочку толстыя губы и поднявъ вверхъ заплывшіе

жиромъ глаза. Ея лицо вдругъ приняло, на всякій случай, набожное выраженіе, точно она молилась въ душѣ.

— Что вздыхаешь, мать Софронія?—небрежно спросила Агаѳья Прохоровна, присаживаясь тоже на ступеньку.

— О мірѣ, мать моя, о мірѣ сокрушаюсь,—отозвалась мать Софронія, снова тяжело вздыхая.

— Да, ужъ нечего сказать, нынче свѣтъ!—раздражительно проговорила Агаѳья Прохоровна.—Не смотрѣла бы на людей!

Она помолчала съ минуту.

— Сегодня меня съ самой ранней зари на чорта посадили!—со злобой отрывисто произнесла она.—Только проснулась, Гришка дерзостей надѣлалъ... такихъ, такихъ, что и теперь всю мутитъ!.. Безъ портокъ въ его годы-то еще мальчишки ходятъ, а онъ туда же, дерзости! Пошла жаловаться Софьѣ Петровнѣ, такъ Елена Никитишна меня же выпутила! Шутиха я имъ досталась!.. Потомъ пошла смотрѣть флигелекъ Егора Александровича, какъ тамъ все и прочее, а Прокофій, старый хрѣнъ, вдругъ мнѣ и выпалилъ: «вамъ тутъ не мѣсто: молодой баринъ еще пріѣдетъ, да увидитъ, такъ разсердится: приживалокъ-то, да салопницъ, сами знаете, онъ не жалуетъ!» Это я-то приживалка, я-то черносалопница! И тоже точно королевича какого ждутъ, возню подняли, все скребутъ и моютъ. Въ трубу все выпустятъ, тогда и въ грязи еще находятся! Невѣста-то еще пойдетъ за него, либо нѣтъ, а безъ женитьбы... долгу-то тоже больше, чѣмъ волосъ на головѣ. А тоже не всякая пойдетъ, видя, какъ домъ-то весь хамы въ свои руки захватили, да что онъ и самъ съ хамкою связался... А еще ученый, философъ!..

— Охъ, грѣхи, грѣхи!—съ набожнымъ вздохомъ проговорила Софронія.—Правда ужъ, что хамы всѣмъ правятъ. Не угоденъ имъ—и Софьѣ Петровнѣ не милъ будешь...

— Ужъ чего! По ихъ дудкѣ пляшетъ!—произнесла Агаѳья Прохоровна съ презрѣніемъ.—И ты посмотри, сколько ихъ, и все одна семья. Ты посчитай: губернаторша мухортовская, Елена Никитишна,—разъ, потомъ двоюродный ея братецъ, Прокофій, дворецкій,—два, принцесса его доченька, Пелагея Прокофьевна,—три, Гришка щенокъ, крестникъ Елены Никитишны,—четыре, Дорофей, кучеръ, тоже своякъ имъ—это пять, да почитай что всѣ—и Митюшка-поваръ, и Глашка-горничная, и Анна-скотница, да всѣ, всѣ роденька Елены Никитишны... Вотъ ужъ истинно саранча насѣла...

Только вотъ не знаю, кто теперь при Егорѣ Александровичѣ камердинеромъ состоитъ. Кажется, у нихъ некого было изъ своихъ-то къ нему приткнуть...

Она вдругъ что-то вспомнила и засмѣялась.

— Впрочемъ, и то сказать, между собою родня, да и Мухортовымъ не чужіе. Елена-то Никитишна, извѣстно,— дѣдушкинъ грѣхъ, мухортовская кровь. Ну, и Прокофій-то, говорятъ, когда еще въ казачкахъ состоялъ, старой барынѣ ужъ больно потрафить умѣлъ, а потомъ жену взялъ на третьемъ мѣсяцѣ беременную. Пелагея-то тоже вѣдь барскаго рода... Только такимъ-то... вотъ у насъ попъ такой-то дочери вдовой солдатки имя Епистимьи далъ. Солдатка взвыла, а онъ и говоритъ: «какія же имена я послѣ того законнымъ дѣтямъ буду давать? Твоя незаконная, пусть Епистимьей и будетъ». Такъ ее и зовутъ теперь Епистимья, да Епистимья... Другого и прозвища нѣтъ...

— Ужъ что говорить! Извѣстно, по грѣхамъ и наказаніе,—сонливо согласилась Софронія.

— А наши хамы думаютъ и точно, что они мухортовскіе сродственники,—продолжала горячиться Агаѳья Прохоровна.—А такихъ-то сродственниковъ ради одного стыда держать бы въ домѣ не слѣдовало! И вѣдь какъ забрали въ руки Софью Петровну! Такъ ею и вертятъ, такъ и вертятъ... До чего только дойдетъ: какъ крѣпостные-то были, такъ можно было эту орду содержать, да ублажать, а теперь капиталы-то подбираться что-то стали, имѣнье-то заложено-перезаложено... Тоже вѣдь Елены Никитишны братецъ управлялъ, охулки на руку не положилъ, теперь только за прекращеніемъ живота вакансію оставилъ... Кого-то выберутъ въ управители... Да, ужъ нечего сказать, въ разоръ разорили господъ. Только развѣ женитьбой и поправятся...

Въ это время послышалось легкое сопѣнье съ присвистомъ. Агаѳья Прохоровна, круто оборвавъ рѣчь, взглянула на свою собесѣдницу: та сладко спала, медленно кивая головой. Агаѳья Прохоровна съ досадой сплюнула и шумно поднялась съ мѣста. Софронія проснулась и, сладко зѣвая, спросила:

— Что? али завтракать звали?

— Ну, да, такъ тебя и позовутъ сегодня завтракать. Принцъ-то, Егоръ-то Александровичъ, нашу сестру не любитъ!—досадливо сказала Агаѳья Прохоровна.

— Такъ какъ же?—растерянно спросила Софронія.

— А вотъ погоди, покланяйся Еленѣ Никитишнѣ, чтобъ соблаговолила что-нибудь дать...

Въ эту минуту въ комнатѣ послышались шумные шаги, и что-то сильно зазвенѣло. Обѣ женщины обернулись разомъ.

Въ комнату вошелъ мальчуганъ лѣтъ двѣнадцати съ подносомъ. Онъ почти бросилъ подносъ на столъ и, обращаясь къ обѣимъ женщинамъ, рѣзко и грубо сказалъ:

— Ѣсть принесъ!

И тотчасъ же повернулся къ нимъ спиною и вышелъ.

— А, каковъ подлецъ Гришка!.. Ѣсть принесъ!.. Точно псамъ какимъ, прости Господи,—воскликнула Агаѳья Прохоровна, отплевываясь.

— Первые будутъ послѣдними, а послѣдніе первыми, сказалъ Господь нашъ,—съ покорнымъ вздохомъ произнесла Софронія.—Что-жъ, пойдемъ, мать, закусимъ, а тамъ и соспуть можно до обѣда...

— Экъ тебя развезло, походя спишь!—сказала Агаѳья Прохоровна.

— Ночь-то молишься, устанешь тоже,—отвѣтила, позѣвывая, Софронія.

— Молишься!—проворчала Агаѳья Прохоровна, враждебно посматривая на нее, точно хотѣла сказать: «знаю я, какъ ты молишься, за десять комнатъ храпъ слышенъ!»

II.

Въ это время въ столовой, отдѣланной дубомъ и уставленной цвѣтами, уже сидѣли за завтракомъ Мухортовы: сама Софья Петровна, очень красивая, видная, хотя уже значительно обрюзгшая женщина лѣтъ пятидесяти; ея сынъ, Егоръ Александровичъ, молоденькій гвардейскій офицеръ, съ тонкими чертами лица, съ темно-сѣрыми глазами, съ вьющимися темно-русыми волосами, съ едва пробивавшимся на верхней губѣ пушкомъ, и братъ ея покойнаго мужа, Алексѣй Ивановичъ Мухортовъ, бывшій военный, а теперь агрономъ и земецъ, тучный весельчакъ, перевалившій за пятый десятокъ. На Софьѣ Петровнѣ было шелковое платье цвѣта суроваго полотна; оно было сшито по послѣдней модѣ и щедро отдѣлано шелковыми плетеными кружевами подъ цвѣтъ матеріи; изъ-подъ длиннаго шлейфа съ широкими плиссе виднѣлись густо собранныя, ослѣпительно бѣлыя кружева; на гладко, но не безъ искусства причесанныхъ, сильно уже посѣдѣвшихъ волосахъ, сверхъ широко

заплетенной косы, была накинута косынка изъ кружевъ того же цвѣта, какъ платье и его отдѣлка; длинныя лопасти косынки, спускавшіяся за ушами, ниспадали на грудь и здѣсь, связанныя крупнымъ бантомъ, были приколоты изящной брошью, изображавшей пучокъ колосьевъ съ брильянтами вмѣсто зеренъ. На Егорѣ Александровичѣ былъ надѣтъ щеголеватый бѣлый китель, замѣчательно ловко охватывавшій стройную фигуру молодого гвардейца. Щеголеватость и изящество проглядывало здѣсь во всемъ: въ нарядѣ хозяевъ, въ украшеніяхъ столовой, въ сервировкѣ стола, даже въ одеждѣ прислуживавшаго за столомъ Прокофья, серьезнаго и почтеннаго на видъ старика, въ бѣломъ галстукѣ, въ бѣлыхъ перчаткахъ и въ черномъ фракѣ, и въ одеждѣ Елены Никитишны, приготовлявшей на спирту кофе въ серебряномъ кофейникѣ, одѣтой въ коричневое шерстяное платье съ такой же пелеринкой и въ бѣломъ чепчикѣ съ коричневыми шелковыми завязками; ея полную и бѣлую шею охватывалъ гладкій, бѣлый воротничокъ, а изъ-за такихъ же гладкихъ бѣлыхъ манжетъ выставлялись выхоленныя, мягкія и бѣлыя руки. Полную противоположность съ этимъ изяществомъ, щеголеватостью и степенною сдержанностью представлялъ только Алексѣй Ивановичъ Мухортовъ: это былъ коротконогій, короткошей, короткорукій, крайне подвижной толстякъ въ короткихъ сѣрыхъ панталонахъ, вытянутыхъ на колѣняхъ и измятыхъ подъ колѣнями, и въ такомъ же пиджакѣ или, какъ выражается онъ самъ, балахонѣ, залитомъ на груди жиромъ, капавшимъ во время обѣдовъ и завтраковъ съ длинныхъ усовъ совершенно лысаго, вѣчно жестикулировавшаго, вѣчно покрытаго потомъ, вѣчно лоснящагося старика.

— Я тебѣ очень благодарна, Алексисъ,—говорила протяжно и немного нараспѣвъ Софья Петровна:—что ты тотчасъ пріѣхалъ...

— А ты думала, что я пріѣду, когда свѣтопреставленіе будетъ?—отвѣтилъ Алексѣй Ивановичъ, засмѣявшись жирнымъ, утробнымъ смѣхомъ, всколыхавшимъ его животъ.— Дѣла, такъ ихъ надо дѣлать скорѣй...

— О, эти противныя дѣла!—съ томнымъ вздохомъ проговорила Софья Петровна и подняла глаза къ потолку,

— Да, какъ сажа бѣла,—по-русски замѣтилъ Алексѣй Ивановичъ, махнувъ рукою.

Разговоръ велся на французскомъ языкѣ, замѣтно стѣс-

нявшемъ Алексѣя Ивановича. Софья Петровна усмѣхнулась и укоризненно покачала головой.

— Ты неисправимъ, Алексисъ,—замѣтила она.

— Что-жъ, матушка, что правда, то правда!—сказалъ толстякъ, разводя руками.

— Знаю, что правда,—со вздохомъ сказала генеральша:— но зачѣмъ же людямъ знать...

— Да, дядя,—вмѣшался въ разговоръ Егоръ Александровичъ: — неужели дѣйствительно дѣла наши ужъ такъ безнадежны?..

— Ахъ ты, фертикъ! — проговорилъ по-русски Алексѣй Ивановичъ и, увидавъ молящій взглядъ Софьи Петровны, расхохотался и силюнулъ.

Генеральша укоризненно покачала головой.

— Неужели такъ безнадежны,—передразнилъ дядя племянника, заговоривъ опять по-французски.—А ты думалъ, что ты съ матушкой мотать будешь, а дѣла будутъ все улучшаться? Нѣтъ, братъ, нынче не такія времена. Нынче, хочешь жить—умѣй работать, да такъ работать... Вотъ ты посмотри...

Толстякъ протянулъ къ племяннику свои руки.

— Когда молотилки рабочіе, на зло мнѣ, стали ломать,— этими руками я и молотилъ, и двумъ рабочимъ скулы свернулъ,—пояснилъ Алексѣй Ивановичъ, снова прожорливо принимаясь за ѣду, заткнувъ за воротникъ рубашки уголъ упавшей на его колѣни салфетки.

По лицу племянника скользнула брезгливая усмѣшка. Софья Петровна вздохнула.

— Но вѣдь это только хозяйственныя занятія,—продолжалъ толстякъ: — а на мнѣ еще сколько общественныхъ обязанностей лежитъ. Ты посчитай: я членъ земской управы, я и за школами слѣжу, я и опекунъ въ сосѣднемъ имѣніи, надъ дѣтьми Борисоглѣбскихъ, я и почетнымъ мировымъ судьею былъ, я и въ банкѣ губернскомъ принимаю участіе, я и подрядъ взялъ на постановку дровъ на желѣзную дорогу.

Исчисляя свои обязанности, толстякъ, отложивъ ножъ и вилку, поднялъ руки и сталъ загибать свои жирные пальцы одинъ за другимъ, такъ что, въ концѣ концовъ, противъ племянника были подняты два широкіе здоровенные кулака.

— Ахъ, ты, американецъ!—разсмѣявшись, проговорилъ племянникъ.

— Да, будешь американцемъ, когда людей—разъ-два, да

и обчелся,—сказалъ толстякъ, опять порывисто принимаясь за ѣду. — Вы вотъ тамъ, въ Питерѣ, въ канцеляріяхъ сидите, на парадахъ журавлинымъ шагомъ выступаете, а ѣсть-то вамъ, поди, нужно приготовить?.. Мы вотъ здѣсь и работай, чтобъ на всѣхъ васъ хлѣба хватало, чтобъ мужики подать вносили вамъ на жалованье. Не работай мы здѣсь, у всѣхъ у васъ дѣла-то безнадежны бы стали.

Алексѣй Ивановичъ говорилъ по-французски не бойко и поминутно прорывался русскими фразами. Это замѣтно безпокоило Софью Петровну, и она наконецъ сказала:

— Пойдемте пить кофе на террасу, тамъ можно свободнѣе говорить...

Всѣ встали и пошли на большую террасу, гдѣ среди цвѣтущихъ растеній стояла мягкая и удобная мебель. Прокофій принесъ кофе и оставилъ господъ однихъ.

— Ну, теперь, Алексисъ, ты можешь не стѣсняться,— сказала Софья Петровна съ добродушной и снисходительной усмѣшкой.

— Да я, матушка, и тамъ не стѣснялся,—наивно отвѣтилъ Алексѣй Ивановичъ.—Или ты думаешь, что твои люди не знаютъ лучше тебя твоихъ дѣлъ? Слава Богу, до нынѣшней весны твоей же Елены Никитишны братецъ дѣлами твоими подъ моимъ присмотромъ управлялъ. Тоже, бывало, придетъ и чуть не реветъ дуракъ: «Какъ же, говоритъ, закладывали имѣніе, чтобы машины купить, чтобы постройки сдѣлать, а ухлопали все на балы да на домашніе спектакли!..» Какъ же, матушка, твоей-то челяди не знать твоихъ дѣлъ, на глазахъ у всѣхъ мотали...

— Алексисъ, пощади!—вѣдь мнѣ двухъ дочерей надо было выдать,—съ упрекомъ сказала Мухортова.

— Такъ и надо было для этого мотать? Можетъ-быть, онѣ бы скорѣе вышли замужъ, если бы имѣніе-то было въ порядкѣ...

Егоръ Александровичъ, откинувшись удобно на мягкомъ креслѣ, подравнивалъ въ это время крошечнымъ ножомъ свои красивые ногти. Приподнявъ немного голову и устремивъ тревожный взглядъ на дядю, онъ спросилъ:

— Такъ что же теперь придется дѣлать, если дѣла въ такомъ состояніи?

— Поселиться здѣсь придется, работать, да прежде всего вотъ это вышвырнуть вонъ,—отвѣтилъ Алексѣй Ивановичъ, проводя рукой въ воздухѣ.

— Что это?

— А вотъ эти всѣ камеліи, азаліи, родо-дендроны... Тьфу! и не выговоришь даже!.. Теперь не оранжереи, не парники, не теплицы нужны, а хлѣбъ да капуста...

Софья Петровна презрительно усмѣхнулась.

— Ты говорилъ еще о другомъ исходѣ,—замѣтила она.— Я говорила объ этомъ Жоржу...

— Ахъ да, женитьба на Протасовой!—въ одинъ голосъ воскликнули дядя и племянникъ.

— Что-жъ, это дѣло!—сказалъ дядя.

— Я ея почти не знаю,—раздражительно замѣтилъ племянникъ.

— Ты же игралъ съ нею въ дѣтствѣ, потомъ ты ее видалъ у Барбъ, Жоржъ, когда Протасовы пріѣзжали въ Петербургъ,—сказала мать.—Протасовъ, правда, изъ купцовъ вышелъ въ люди...

— Ошибаешься, матушка, просто изъ сиволапыхъ мужиковъ,—поправилъ дядя.

— Но она очень милая особа, образована, богата,— продолжала генеральша, какъ бы пропустивъ мимо ушей замѣчаніе Алексѣя Ивановича.

— Ты напрасно перечисляешь ея достоинства, я все равно могу жениться только по расчету,—холодно сказалъ сынъ.—Ты знаешь, что моя сердечная привязанность уже помѣщена въ другія...

— Жоржъ!—съ укоризною воскликнула мать.—Я тебя просила не говорить объ этомъ! Я этого не знаю, не вижу, не хочу видѣть! Зачѣмъ ты хочешь мучить меня?

Она въ волненіи обратилась къ Алексѣю Ивановичу и начала жалующимся тономъ будирующей институтки:

— Ну, разсуди самъ, Алексисъ, зачѣмъ мнѣ знать всѣ эти пошлости и шалости? Мало ли ихъ у каждаго изъ васъ, противныхъ мужчинъ?

— Сюзетка какая-нибудь завелась?—спросилъ Алексѣй Ивановичъ.

— Ахъ, нѣтъ,—съ тяжелымъ вздохомъ сказала генеральша.—Хуже! Я очень, очень недовольна Жоржемъ въ этомъ случаѣ... Ужъ если начали говорить, то надо говорить все... Видишь ли, мы изволили соблазнить Полину...

— Какую Полину?—спросилъ Алексѣй Ивановичъ.

— Ты помнишь, дочь Прокофія. Ты ее видѣлъ... Я любила и люблю эту дѣвушку, какъ родную. Сажала ее въ классную, когда студентъ училъ моихъ Барбъ и Зизи. Думала пристроить за какого-нибудь чиновника. Вѣдь дядя

Какъ могъ бы найти въ своемъ министерствѣ такого чиновника. Приказалъ бы тамъ кому-нибудь... И вдругъ слышу, что Жоржъ изволитъ дурачиться съ нею...

Софья Петровна говорила теперь такимъ тономъ, какъ будто жаловалась маленькая дѣвочка на то, что ее обидѣли.

— Что же, жениться намѣревался?—спросилъ со смѣхомъ Алексѣй Ивановичъ...

Егоръ Александровичъ вспылилъ.

— Тутъ шутки вовсе неумѣстны!—проговорилъ онъ.— Люди въ моемъ положеніи на горничныхъ не женятся. Но я нисколько ни скрываю, что я ее очень люблю...

— И соблазнилъ ее обѣщаніями жениться?—спросилъ дядя.

Въ глазахъ молодого человѣка сверкнулъ недобрый огонекъ. Генеральша пожала плечами.

— Она вовсе на это и не разсчитывала сама... Да и никто объ этомъ не думаетъ... но мнѣ непріятно, что это въ моемъ домѣ.

— Ну, не новость... Это только свидѣтельствуетъ, что Егорушка по дѣдушкѣ пошелъ,—сказалъ Алексѣй Ивановичъ.

Мухортова вздохнула и покачала головой съ упрекомъ.

— Ты, Алексисъ, смотришь на все ужасно легко. Тогда были другія времена, другіе нравы. Тогда на это никто не обращалъ вниманія. Теперь дѣло другое. Я ужасно, ужасно опечалена этой исторіей...

— Выдать ее замужъ, вотъ и все,—рѣшилъ толстякъ.

— Она ни за кого не пойдетъ,—рѣшительно замѣтилъ Егоръ Александровичъ, не отрывая глазъ отъ подчищаемыхъ имъ ногтей.

— Пойдетъ!—сказалъ дядя не менѣе рѣшительно.—Да это пустяки. Нужно прежде всего самому на что-нибудь рѣшиться, иначе вѣдь по-міру придется идти. Теперь вамъ нужно ухлопать не одинъ десятокъ тысячъ, чтобъ выкупить имѣніе и привести въ порядокъ хозяйство, а эти деньги на землѣ не валяются. Протасовъ будетъ радъ отдать за тебя дочь...

— Я думаю!—сорвалось съ языка Егора Александровича презрительное восклицаніе.

— Ну, ты о себѣ-то много не мечтай!—сказалъ Алексѣй Ивановичъ.—Такихъ-то жениховъ много, смазливыхъ голышей, но не у всѣхъ есть дяди Жаки, министры. Вотъ что важно для Протасова. Онъ банки устраиваетъ, онъ

подрядовъ ищетъ. Потому-то ты для него и находка. Ему, все равно, на взятки нужно ухлопать десятки тысячъ, такъ лучше ихъ зятю отдать и черезъ него заручиться протекціями.

Генеральша не то съ скучающимъ, не то съ брезгливымъ выраженіемъ проговорила:

— Барышники вы здѣсь какіе-то!

— Ну да, а вамъ бы только готовыя нѣнки со всего снимать!—отвѣтилъ Алексѣй Ивановичъ.—Впрочемъ, дѣло не въ томъ. А вы скажите, когда мнѣ къ вамъ Протасовыхъ привезти? Нужно ковать желѣзо, пока горячо. Закинетъ Протасовъ удочку въ министерствѣ, давъ взятку, тогда вы на кой чортъ?

Генеральша нетерпѣливо передернула плечами.

— Я думаю, самое лучшее зазвать къ намъ дѣвочку съ одной изъ ея тетокъ послѣзавтра на обѣдъ. Вы тоже пріѣдете. Ты-то, впрочемъ, уже видаешься съ ними?..

Мухортова утвердительно кивнула головой.

— Ну, и отлично. Надо только вотъ его свести съ барышней поближе... Устрою обѣдъ, приглашу ихъ, вы пріѣдете и начнемъ варить кашу.

Егоръ Александровичъ горько усмѣхнулся.

— Не худо бы и меня спросить,—замѣтилъ онъ.

— Чисти, Егорушка, ногти, а ужъ дѣло-то мы будемъ дѣлать,—отвѣтилъ Алексѣй Ивановичъ, похлопывая его по плечу.—Кушать тебѣ надо, да и вкусы-то у тебя, поди, изысканные... Чистое это Божеское наказаніе, когда денегъ въ карманѣ нѣтъ... Я вонъ, какъ волъ, сталъ работать ради этихъ вкусовъ...

III.

День пріѣзда молодого барина былъ тревожнымъ днемъ въ мухортовомъ домѣ. Съ утра пришлось все мыть и чистить, потомъ былъ завтракъ, къ обѣду пріѣхали жена, сынъ и дочери Алексѣя Ивановича и только часовъ въ девять все смолкло. Гости разъѣхались, генеральша удалилась на свою половину. Въ деревнѣ она обыкновенно ложилась очень рано: ляжетъ въ постель, призоветъ кого-нибудь изъ приживалокъ, побесѣдуетъ съ ними, пока Елена Никитишна убираетъ ея платья, потомъ милостиво отпуститъ словоохотливыхъ женщинъ, возьметъ французскій романъ и въ тишинѣ, при мягкомъ свѣтѣ лампы, укрывшись розовомъ шелковымъ одѣяломъ, вся въ кружевахъ,

читаетъ далеко за полночь, уносясь воображеніемъ то въ Парижъ, то въ Лондонъ, то въ дѣвственные лѣса Америки. Гдѣ-гдѣ она ни побываетъ въ иную ночь и какихъ приключеній не насмотрится. Иногда ужасъ охватываетъ ее, когда она вмѣстѣ съ героями романа попадаетъ въ руки злодѣевъ; порою льются изъ ея глазъ горячія слезы, когда страдаетъ угнетенная невинность; подчасъ же всю ее охватываетъ такое сладостное чувство, когда романическій *онъ* хватаетъ романическую *ее* въ свои объятія, впивается въ *ея уста своими* страстными устами и влечетъ ее въ укрытый отъ любопытныхъ взоровъ уголокъ,—и кажется ей, генеральшѣ Мухортовой, при видѣ таинственныхъ точекъ въ романѣ, что она сама еще можетъ увлечься, что въ ней еще не все угасло...

На этотъ разъ она тоже позвала къ себѣ и мать Софронію, и Агаѳью Прохоровну.

— Я васъ, мои милыя, сегодня почти и не видала,— мягко сказала она.—Ужъ извините, день такой выдался. Въ родственномъ кругу нужно было о многомъ поговорить...

— Ахъ, что вы, благодѣтельница, извиняетесь!—воскликнула Агаѳья Прохоровна и бросилась цѣловать въ плечо генеральшу.

Софронія поцѣловала ее въ другое плечо.

— Кормили ли васъ?—участлива спросила генеральша.

— Всѣмъ довольны, ваше превосходительство, мать наша,—униженнымъ тономъ сказала Софронія:—Елена Никитишна, дай ей Богъ здоровья, всего наслала...

— На Егора Александровича-то только и глазкомъ не удалось взглянуть,—замѣтила Агаѳья Прохоровна сладенькимъ голосомъ.—Я думаю, совсѣмъ женихъ, какъ есть...

— Еще бы!—сказала генеральша.

— Вотъ погоди, Агаѳья Прохоровна, увидитъ, опять «крысинымъ хвостомъ» станетъ звать,—со смѣхомъ сказала Елена Никитишна.

— Пусть ихъ тѣшатся!—отвѣтила Агаѳья Прохоровна слегка зашипѣвшимъ голосомъ.—Тоже шутникъ былъ ребеночекъ... Да вѣдь это отъ радости душевной, а не отъ злобы, какъ иной хамъ, не здѣсь будь сказано, издѣвается...

И, сдѣлавъ совсѣмъ схидное лицо, она прибавила:

— Вотъ женить бы здѣсь Егора Александровича! Хоть однимъ глазкомъ взглянула бы на свадьбу.

Елена Никитишна, прибирая послѣднія вещицы, еще разбросанныя на туалетѣ, насмѣшливо замѣтила:

— Сватать невѣсту, вѣрно, хочешь?

— Отчего жъ и не посватать?—отвѣтила Агаѳья Прохоровна.—Вотъ денисьевскія барышни—краля въ кралѣ и отецъ въ генералахъ состоитъ. Тоже львовская барышня изъ себя субтильная...

— Ахъ, что̀ это за невѣсты!—со вздохомъ сказала Мухортова.

Агаѳья Прохоровна назвала еще нѣсколько фамилій сосѣднихъ помѣщиковъ, но ея зоркіе глаза тотчасъ угадали, что не этихъ дѣвушекъ прочатъ въ невѣсты. Она терялась въ догадкахъ. Кого же, если не ихъ? Въ окрестностяхъ, кажется, больше и дѣвицъ не было.

— Ну, покойной ночи!—сказала Мухортова.—Устала я сегодня!

— Какъ не устать, какъ не устать, благодѣтельница!—сказала Агаѳья Прохоровна.

— Шутки ли, какъ за день-то умаешься,—замѣтила въ свою очередь Софронія, незамѣтно зѣвая въ руку.

Обѣ женщины прикоснулись губами къ плечамъ генеральши и на цыпочкахъ вышли изъ комнаты. Генеральша, отпустивъ и Елену Никитишну, взялась за романъ.

— Теперь и соснуть можно,—сказала Софронія, направляясь въ боковой флигель.

— Ахъ, нѣтъ! вечеръ такой благодатный, что и спать не хочется,—отвѣтила Агаѳья Прохоровна.—Я еще помечтать пойду въ садъ. Страсть какъ я люблю мечтать въ эту пору...

Онѣ прошли въ «страннопріимный покой». Агаѳья Прохоровна отворила дверь на балконъ.

— Вонъ луна свѣтитъ, звѣзды мерцаютъ, ароматъ плыветъ,—проговорила она пѣвучимъ голосомъ:—и не спала бы я, кажется, до бѣла дня въ такія ночи... Молодости, чувствъ этихъ самыхъ во мнѣ много...

Она широко вдохнула воздухъ, закативъ ввалившіеся и поблекшіе глаза. Вечеръ дѣйствительно замѣчательно хорошъ: тихій, теплый и ясный, онъ манилъ на воздухъ. Садъ былъ весь въ цвѣту: все было пропитано ароматомъ. Легкой и неслышной поступью крадущейся кошки сошла Агаѳья Прохоровна въ садъ, обогнула барскій домъ и незамѣтно очутилась противъ праваго бокового флигеля, гдѣ помѣщался Егоръ Александровичъ.

Во флигелѣ была освѣщена только одна комната—спальня молодого Мухортова. Изъ этой комнаты такъ же, какъ и

въ «страннопріимномъ покоѣ», вела дверь на террасу. Только здѣсь терраса была густо уставлена цвѣтами. Шторы въ комнатѣ еще не были спущены, и Агаѳья Прохоровна могла видѣть, какъ молодой Мухортовъ, съ папиросой въ зубахъ, ходилъ взадъ и впередъ по комнатѣ. Прошло нѣсколько минутъ. Послышались чьи-то мелкіе шаги въ саду. Агаѳья Прохоровна притаилась за деревомъ. Вдоль стѣны флигеля скользнула чья-то тѣнь. Агаѳья Прохоровна увидала фигуру женщины, поднимавшейся по ступенямъ террасы. Раздался легкій стукъ въ дверь. Мухортовъ быстро подошелъ къ двери, отперъ ее и, вскрикнувъ отъ неожиданности, сжалъ въ своихъ объятіяхъ Полю.

— Голубчикъ, истомилась я... весь день не видала васъ!—раздался шопотъ Поли, прижавшейся къ его груди.

— Ахъ, безстыдница, безстыдница! Сама къ нему ходитъ!—мысленно вскричала въ волненіи Агаѳья Прохоровна.

— Пойдемъ въ комнату, здѣсь можетъ кто-нибудь застать,—сказалъ Егоръ Александровичъ.

— Пусть!.. Мнѣ-то что? Никого я не боюсь... Всѣ и такъ знаютъ... Да и пусть знаютъ,—говорила Поля.

Она опять прижалась губами къ его лицу; онъ тихо ввелъ ее въ комнату. Агаѳья Прохоровна чуть не ползкомъ стала пробираться къ окну. Въ эту же минуту передъ ея лицомъ стала постепенно опускаться штора. Агаѳья Прохоровна торопливо стала подкрадываться къ другому окну. Но и тутъ тоже опустилась штора, а вслѣдъ за нею упали тяжелыя портьеры у дверей.

— Ахъ, срамница! Ахъ, срамница!—озлобленно твердила старая дѣва, хлопотливо и нетерпѣливо отыскивая хоть какой-нибудь щелки.

Заглянуть въ комнату не было никакой возможности. Агаѳья Прохоровна отошла отъ флигеля, взглядывая на окно. На бѣлыхъ, ярко освѣщенныхъ шторахъ мелькали тѣни двухъ фигуръ; черезъ нѣсколько минутъ не стало видно и этихъ отраженій. Въ саду и въ домѣ была полнѣйшая тишина. Гдѣ-то далеко слышалось лошадиное ржанье, пѣтухъ пропѣлъ спросонья на птичникѣ. Опять все стихло, точно замерло. Въ воздухѣ стало свѣжѣе. Откуда-то потянуло сыростью. Агаѳья Прохоровна вздрогнула.

— Нѣтъ, ужъ я тебя, голубушка, дождусь!—прошептала она и сѣла на скамью.—Будь я не я, если я тебя не укараулю, да не выведу на свѣжую воду...

Не прошло и десяти минутъ, какъ Агаѳья Прохоровна почувствовала, что скамья отсырѣла. Она вскочила и, быстро оправивъ промокшія юбки, стала снова ходить, какъ дежурный часовой, около дома. Гдѣ-то въ комнатахъ пробили часы: било двѣнадцать. У Агаѳьи Прохоровны ноги устали отъ ходьбы. Она рѣшалась опять сѣсть на сырую скамью. Въ ея груди учащенно билось сердце. Ей поскорѣй хотѣлось накрыть «подлую дѣвчонку». Наконецъ, портьеры въ комнатѣ Егора Александровича раздвинулись, отворилась дверь, и на порогѣ появились молодые люди. Егоръ Александровичъ еще разъ обнялъ Полю. Она, набросивъ на голову платокъ, стала спускаться съ террасы... Агаѳья Прохоровна знала, по какой дорожкѣ должна пройти Поля, и быстро обошла другой дорогой, чтобы встрѣтить молодую дѣвушку. Поля шла, ни на что не обращая вниманія, и дошла до большой террасы, занимавшей половину главнаго фасада барскаго дома. Вдругъ раздался у ея ногъ крикъ испуга, и со ступеней поднялась, присѣвшая на нихъ, Агаѳья Прохоровна.

— Тьфу ты, Господи! Съ нами крестная сила! Чуръ меня!—вскричала старая дѣва.

Поля вздрогнула и отступила на шагъ.

— Кто это?—продолжала Агаѳья Прохоровна.—Ты, Пелагея, ночью по саду бродишь.

— А вы?—спросила Поля.

— Такъ, я тутъ сидѣла, у дома, набожнымъ размышленіямъ предавалась... А ты? Ужъ не къ Егору ли Александровичу изволила ходить? — насмѣшливо закончила старая дѣва.

Поля бойко подняла голову.

— Ну, а если бъ и къ нему? Вамъ-то что? — спросила она задорно.—Ну, была у него, была. Что же такое?

— Ахъ, ты, срамница, ахъ, срамница! Да если бы Софья-то Петровна это узнала...

— И знаетъ, знаетъ, всѣ знаютъ, — рѣзко сказала Поля. — Вотъ въ томъ-то и бѣда ваша! Жаловаться-то некому! Ни отъ кого мой грѣхъ не скрытъ, и никого я не боюсь. Передъ всѣмъ міромъ скажу, что люблю Егора Александровича и хожу къ нему, и не боюсь никого!

Агаѳья Прохоровна даже руками развела.

— Да ты, дѣвка, не въ своемъ умѣ! Головы ты своей не сносишь!..

— Ахъ, что мнѣ моя голова теперь! Пока онъ любитъ, до тѣхъ поръ и жива...

Она стала быстро подниматься на террасу.

— А жаловаться станете, — сказала она, остановившись на минуту и обернувшись къ Агаѳьѣ Прохоровнѣ: — самимъ же хуже будетъ. Софья Петровна сына на васъ не промѣняетъ, а онъ—жить мы другъ безъ друга не можемъ!..

Она говорила съ увѣренностію въ его любовь, вся сіяющая отъ счастія, вся еще охваченная обаяніемъ его ласкъ. Агаѳья Прохоровна растерянно смотрѣла ей вслѣдъ. Короткая весенняя ночь уже начинала блѣднѣть, въ саду слышались предразсвѣтные голоса пробуждавшихся птицъ.

— Ну, Содомъ и Гоморъ, истинно говорю: Содомъ и Гоморъ! — проговорила Агаѳья Прохоровна, разводя въ стороны руками. — И погибайте вы всѣ, окаянные, и слезы объ васъ не выроню... Ахъ, развратники, ахъ, развратники!

ВТОРАЯ ГЛАВА.

I.

— Куда я иду?... Люблю одну, разсчитываю жениться на другой... И все потому, что первая мнѣ не пара, а вторая можетъ поправить мои денежныя дѣла!.. Какъ все это пошло, какъ все это низко! — въ сотый разъ повторялъ мысленно Егоръ Александровичъ, волнуясь и сердясь на себя, и въ его душѣ поднималось ощущеніе брезгливости чистоплотнаго человѣка, замѣтившаго внезапно, что онъ весь забрызганъ грязью.

Мухортовъ не могъ сказать, что онъ безукоризненно честный человѣкъ, такъ какъ въ прошломъ онъ жилъ жизнью тепличнаго, выхоленнаго растенія, защищеннаго отъ всякихъ стихійныхъ случайностей, бурь и грозъ. Но онъ могъ смѣло сказать, что покуда онъ не совершилъ никакой подлой сдѣлки со своею совѣстью, такъ какъ идти на эти сдѣлки ему до этой поры вовсе было не нужно. Вѣсть о разореніи была первой бурей, налетѣвшей на него, и онъ поразила его, какъ громъ, грянувшій въ безоблачномъ небѣ. Вся движимая и недвижимая собственность Мухортовыхъ принадлежала Егору Александровичу, но, даже сдѣлавшись совершеннолѣтнимъ, выдѣливъ мать и сестеръ, онъ никогда не интересовался ни размѣрами этой собственности, ни приносимыми ею доходами, предоставивъ матери продолжать распоряжаться всѣмъ имуществомъ, какъ она распоряжалась имъ въ годы опеки надъ сыномъ. Практическая жизнь интересовала молодого человѣка менѣе даже,

чѣмъ свѣтская жизнь. Свѣтской жизни онъ отдавалъ хотя какую-нибудь дань, по необходимости, являясь иногда на балахъ, въ блестящихъ салонахъ, на пирушкахъ золотой молодежи. Мать убѣждала его, что это нужно «для поддержанія связей». Отбывъ волей-неволей эту повинность, онъ запирался въ своемъ кабинетѣ и отдавался чтенію любимыхъ поэтовъ, философовъ, историковъ, проводилъ время въ обществѣ студентовъ. Въ его головѣ начинали созрѣвать планы серьезныхъ научныхъ трудовъ, и съ какимъ-то благоговѣйнымъ чувствомъ подготовлялся онъ къ дѣятельности ученаго, какъ къ священнодѣйствію, еще не довѣряя своимъ собственнымъ силамъ и въ то же время испытывая радостное чувство при мысли, что, можетъ-быть, и онъ когда-нибудь станетъ рядомъ съ тѣми, кому онъ теперь поклоняется самъ. Просматривая какъ-то біографію Бокля, онъ вдругъ точно прозрѣлъ: вотъ именно та жизнь, которой жаждалъ онъ,—ученье въ тишинѣ кабинета, вдали отъ всякихъ житейскихъ дрязгъ, долголѣтняя серьезная работа, созданіе крупнаго, зрѣло обдуманнаго труда. У него какъ разъ есть все необходимое для такой жизни: средства для существованія безъ работы изъ-за куска хлѣба, мать, завѣдующая дѣлами, охота къ чтенію, развитая въ немъ еще въ дѣтствѣ его дорогимъ наставникомъ и другомъ, старикомъ-швейцарцемъ Жеромомъ Гуро, когда-то состоявшимъ при Мухортовѣ въ качествѣ гувернера... И вдругъ, среди этихъ радужныхъ грёзъ, когда онъ уже окончательно рѣшилъ вопросъ объ отставкѣ, о поступленіи въ университетъ, вѣсть о разореніи заставила его упасть съ неба на землю.

— Жоржъ, Жоржъ, это ужасно! Мы стоимъ на краю пропасти! Мы погибли! — восклицала Софья Петровна, передавая сыну вѣсть объ этомъ событіи, мелодраматически ломая руки.

Еще наканунѣ она давала балъ, поглотившій по одну тысячу рублей.

Егоръ Александровичъ даже не могъ понять сразу, о чемъ ему говоритъ мать.

— Успокойся! — проговорилъ онъ. — Что съ тобою?.. Ты вѣчно все преувеличиваешь... Не могло же такъ все погибнуть вдругъ?.. Можетъ-быть, можно еще поправить какъ-нибудь дѣла... Конечно, можно!..

Онъ самъ плохо понималъ, что онъ говоритъ.

— Нѣтъ, нѣтъ! Алексисъ пишетъ, что все погибло...

что имѣніе не сегодня, такъ завтра продадутъ съ молотка... Это ужасно, ужасно! — восклицала генеральша и металась на софѣ, какъ отъ приступовъ невыносимой боли. — И завтра, завтра нужно еще уплатить по счетамъ модистки!..

— Да ты не волнуйся и объясни, что̀ случилось, — уже нетерпѣливо допрашивалъ сынъ.—Какъ это такъ, вдругъ...

Его лицо покрылось смертельною блѣдностію.

— Ахъ, развѣ я знаю... развѣ я понимаю что-нибудь въ этихъ дѣлахъ! — брезгливо сказала Софья Петровна, какъ будто рѣчь шла о чемъ-то грязномъ и сальномъ.

Она вела дѣла въ теченіе пятнадцати лѣтъ.

— Я знаю одно, что Алексисъ пишетъ ужасныя вещи... по міру пойдемъ... публиковать о продажѣ будутъ... Публиковать о нашемъ разореніи!.. И всѣ, всѣ прочтутъ въ газетахъ...

Съ ней сдѣлался истерическій припадокъ.

Впервые въ жизни Егора Александровича охватило чувство страха. Несмотря на всѣ усилія, онъ не могъ отдѣлаться отъ этого чувства. Онъ злился на себя, онъ съ презрѣніемъ называлъ себя мысленно человѣкомъ-тряпкой, мелкой натуришкой, но, тѣмъ не менѣе, страхъ передъ будущимъ охватывалъ его всего, мѣшалъ ему думать, соображать. Въ головѣ проносились только какіе-то отрывки мыслей, соображеній, картинъ, безъ всякой логической связи. Нищій, что̀ онъ станетъ дѣлать? Онъ ни къ чему не способенъ! Надо будетъ покончить все разомъ! О, какъ трудно, какъ тяжело умирать, когда такъ хочется жить! А Поля? Бѣдная дѣвушка! Онъ погубилъ ее нравственно, теперь онъ долженъ заставить ее испытать весь ужасъ матеріальныхъ лишеній. Если бы ему удалось обезпечить хоть ее. А что̀ если она сдѣлается матерью? Вѣдь это будетъ его ребенокъ, обреченный при рожденіи на нищету, на гибель. Да, прежде всего нужно спасти эти два существа. Но что же дѣлать?

— Жоржъ, дядя пишетъ... — начала опять, въ томъ же тонѣ героини французскаго романа, генеральша: — дядя предлагаетъ... Но мнѣ страшно даже сказать... Ахъ, нѣтъ, это ужасно... Это страшная жертва!.. Онъ тамъ въ деревнѣ нашелъ какую-то невѣсту тебѣ...

— Ахъ, до невѣстъ ли теперь, — раздражительно воскликнулъ Мухортовъ.

— Я понимаю, дитя мое, какъ это ужасно... въ твои годы и жениться, не любя, безъ страстнаго увлеченія!..

Алексисъ, конечно, этого не можетъ понять... онъ такъ огрубѣлъ тамъ въ деревнѣ... Но онъ пишетъ, что это можетъ насъ спасти...

— Спасти?—почти безсознательно повторилъ Егоръ Александровичъ.

— Да, она очень богата... Ты ее знаешь... это Мари Протасова. Правда, ея отецъ изъ купцовъ, но онъ образованный, жилъ долго въ Англіи... и въ чинахъ... Нынче вѣдь имъ даютъ чины... Статскій совѣтникъ, кажется... Право, не знаю навѣрное... Что-то въ этомъ родѣ... Впрочемъ, со стороны матери у Мари Протасовой очень почтенная родня, изъ старыхъ дворянъ...

Въ ея голосѣ звучала нотка презрѣнія. Мухортовъ ходилъ по комнатѣ, почти не слыша, что̀ говорила мать, погруженный въ свои думы.

— Если бы я могла просить тебя, умолять на колѣняхъ объ этой жертвѣ!—продолжала Мухортова, поднимая закатившіеся глаза и трепетныя руки къ потолку. — Но развѣ я смѣю!.. Я женщина, я мать, я понимаю, чего будетъ это стоить тебѣ... О, эти браки безъ любви!.. Развѣ я сама не была жертвой всю жизнь?.. Но мы должны спасти свою честь...

Сынъ разсѣянно отвѣтилъ:

— Что-жъ, если это единственный исходъ!

— О, Жоржъ, Жоржъ! Я буду на колѣняхъ молиться за твое счастье! — воскликнула генеральша. — Богъ услышитъ молитвы матери!..

— Ты понимаешь, я не могу еще ничего сообразить, обдумать,—нетерпѣливо отвѣтилъ Мухортовъ, всегда раздражавшійся при видѣ трагическихъ ломаній матери.—Это все слишкомъ неожиданно!

— А я, а я? Развѣ я ожидала? Развѣ я могла ожидать?

— И какъ не стыдно дядѣ Алексѣю... Не предупредилъ... не предостерегъ заранѣе,—задумчиво замѣтилъ сынъ.

— Ахъ, онъ говоритъ, что предупреждалъ... Но развѣ я могла вѣрить?.. Они тамъ всегда такъ въ деревнѣ: вѣчно угрожаютъ, жалуются на безденежье, на неурожаи... И вѣчно у нихъ какіе-то платежи!.. Я не читала даже этихъ іереміадъ... Сколько лѣтъ все угрожалъ!.. А теперь... О, это, какъ громъ, поразило меня... Я все, все вынесу, но не позоръ!.. Позоръ меня убьетъ.

И затѣмъ полился цѣлый потокъ трогательныхъ просьбъ о жертвѣ и трагическихъ восклицаній о позорѣ. Егоръ

Александровичъ соглашался сдѣлать все, зависящее отъ него, но онъ говорилъ, точно во снѣ. Мать, занятая только собою, не замѣчала состоянія его духа и слышала одно его согласіе съ планомъ дяди Алексѣя Ивановича.

— Я на этихъ же дняхъ должна бѣжать отсюда, — съ трагизмомъ продолжала Мухортова, любившая употреблять страшныя слова. — У насъ есть срочные долги... Придутъ кредиторы... Нѣтъ, нѣтъ, я не способна лгать и притворяться!.. Я должна уѣхать на время, и если тебѣ удастся жениться — наша фамильная честь будетъ спасена... Ради Бога, Жоржъ, бери скорѣй отпускъ, пріѣзжай въ деревню... Покуда все не уладится—я не буду жить!..

Въ домѣ начались суетливые сборы къ отъѣзду въ деревню. Генеральша была серьезно убѣждена, что ей остается одно спасеніе въ бѣгствѣ, и легкомысленно повторяла себѣ: «Ахъ, это точно въ романѣ». Мухортовъ бродилъ среди страшнаго хаоса въ своей квартирѣ, какъ тѣнь, не находя успокоенія, и, смотря на укладыванья въ чемоданы и сундуки вещей, испытывалъ ощущеніе бѣглеца, спасавшаго свои послѣдніе пожитки отъ наступающихъ враговъ и сознающаго, что, въ сущности, спасти уже ничего нельзя. Ему крайне смутно представлялось его собственное положеніе: онъ не зналъ и теперь настоящаго состоянія своихъ дѣлъ и только слышалъ раздирательные стоны матери о томъ, что они стоятъ на краю пропасти, что ихъ ждетъ позоръ. Его душевное настроеніе было такъ же смутно и тягостно и черезъ мѣсяцъ послѣ отъѣзда Мухортовой въ деревню, когда туда, по условію, долженъ былъ отправиться и онъ. О женитьбѣ онъ старался не думать, хотя его самого бѣсило это стремленіе не глядѣть прямо въ глаза обстоятельствамъ, это стремленіе обмануть самого себя; онъ чувствовалъ, что онъ поступаетъ подобно глупымъ птицамъ, прячущимъ, въ виду опасности, головы подъ крылья; онъ тоже пряталъ голову подъ крыло, боясь прямо сказать себѣ, что онъ идетъ на безчестную сдѣлку, ради матеріальныхъ выгодъ. Это его возмущало и лишало вѣры въ свои нравственныя силы; хорошо онъ будетъ жить въ будущемъ, если при первой житейской невзгодѣ онъ уже идетъ на подлую сдѣлку...

И что это за дѣвушка, на которой онъ долженъ жениться?..

Онъ очень смутно представлялъ ее себѣ. Онъ помнилъ, что когда-то, въ дни его отдаленнаго дѣтства, лѣтъ десять

или одиннадцать тому назадъ, къ нимъ въ Мухортово изрѣдка пріѣзжали какія-то полупомѣшанныя и чопорныя старыя дѣвы Ададуровы въ ярко-красныхъ и ярко-синихъ платьяхъ, въ широчайшихъ кринолинахъ, съ грубо накрашенными бровями, щеками и губами, и съ ними пріѣзжала маленькая черномазенькая дѣвочка Маша. Это былъ странный ребенокъ, походившій на отощавшую въ неволѣ обезьянку; то она сидѣла, съежившись, угрюмо и молчаливо, какъ ушедшая въ раковину улитка, и въ эти минуты казалось, что у нея болитъ грудь, что она скоро зачахнетъ; то вдругъ она становилась дико и необузданно развязною и приводила въ ужасъ всѣхъ гувернантокъ и барынь, лазая по деревьямъ и плетнямъ, подскакивая верхомъ на палочкѣ, какъ уличный мальчишка, и въ эти минуты она казалась просто безумной дикаркой, звѣрькомъ, способнымъ защищать зубами свою свободу.

— C'est une fille mal élevée,—говорили про нее дамы.

Эту фразу о Машѣ повторяли на всѣ лады и прибавляли къ этому, со вздохомъ:

— И то сказать, она растетъ такъ одиноко, въ такомъ заброcѣ!

Егора Александровича въ тѣ годы очень мало интересовала эта дѣвочка: онъ страдалъ глазами и велъ отчужденную отъ дѣтскихъ кружковъ жизнь въ обществѣ Жерома Гуро, читавшаго ему вслухъ иногда по цѣлымъ днямъ величайшія произведенія европейскихъ геніевъ. Изъ всѣхъ встрѣчъ съ этой дѣвочкой, Мухортовъ запомнилъ только одну. Какъ-то разъ эта дѣвочка, наскакавшись и набѣгавшись вволю, подбѣжала къ большой террасѣ мухортовскаго дома и увидала Жоржа: онъ сидѣлъ одинъ на ступеняхъ лѣстницы съ зеленымъ зонтомъ, защищавшимъ отъ свѣта его больные глаза. Дѣвочка остановилась передъ нимъ, какъ вкопанная, въ нѣмомъ изумленіи, потомъ вздохнула и жалобнымъ, протяжнымъ голосомъ проговорила:

— Бѣдный слѣпенькій, хочешь я тебя повожу?

Потомъ его часто, въ шутку, называли «бѣднымъ слѣпенькимъ»...

Затѣмъ онъ совсѣмъ забылъ Машу Протасову и только годъ тому назадъ увидалъ ее снова у своей сестры Барбъ на балу, — увидалъ мимоходомъ, мелькомъ. Маша превратилась уже въ Марью Николаевну и была не маленькимъ тщедушнымъ ребенкомъ, а свѣжею, какъ только-что распустившаяся роза, дѣвушкой съ здоровымъ, загорѣлымъ, по-

деревенски, цвѣтомъ кожи, съ роскошными черными волосами, съ серьезными и строго правильными чертами лица, съ большими задумчивыми черными глазами. За ней увивалась цѣлая толпа блестящей молодежи. Мухортовъ обмѣнялся съ нею парою незначительныхъ фразъ и запомнилъ только слова своей сестры, сказавшей ему:

— Маша Протасова сегодня опять, какъ улиточка, ушла въ свою раковину!.. Странное созданіе!.. Совсѣмъ не умѣетъ держать себя въ обществѣ...

Далѣе случай какъ-то развелъ ихъ, помѣшалъ имъ встрѣтиться,—и вдругъ теперь онъ, Мухортовъ, долженъ играть роль влюбленнаго въ нее, влюбить ее въ себя, свататься за нее! Онъ дѣлалъ всѣ усилія, чтобы не разбирать вопроса, насколько это нравственно и честно,—дѣлалъ именно то, что̀ было всего труднѣе для него, привыкшаго, подъ вліяніемъ одиноко проведеннаго, болѣзненнаго дѣтства, подъ вліяніемъ Жерома Гуро̀, копаться въ своей душѣ, отдавать себѣ отчетъ во всѣхъ своихъ душевныхъ движеніяхъ. Онъ старался теперь даже увѣрить себя, что онъ считаетъ такую женитьбу въ порядкѣ вещей. Свое волненіе онъ пробовалъ приписать только одной заботѣ объ участи Поли.

Дѣйствительно, что̀ будетъ съ нею, если онъ не женится? Не ждетъ ли ее нищета, не погибнетъ ли она и, можетъ-быть, не одна, а съ ребенкомъ? Но что̀ ждетъ ее, если онъ женится? Перенесетъ ли она это? Да, это было для него страшнѣе всѣхъ другихъ вопросовъ...

II.

Связь съ Полей была единственнымъ темнымъ пятномъ въ свѣтломъ прошломъ Мухортова. Онъ сошелся съ этой дѣвушкой нежданно, негаданно. За нѣсколько минутъ до этого событія онъ возмутился бы, если бы кто-нибудь сказалъ ему, что это событіе случится. Онъ, какъ сейчасъ, помнитъ эту роковую минуту. Дѣло было на Пасхѣ. Онъ пріѣхалъ домой поздно вечеромъ, нѣсколько возбужденный шампанскимъ, и встрѣтилъ въ коридорѣ, проходя въ свою комнату, Полю.

— А я съ тобой еще не христосовался нынче!—съ веселой улыбкой сказалъ онъ дѣвушкѣ и подошелъ къ ней.

Онъ обнялъ ее и въ ту же минуту почувствовалъ на своихъ губахъ градъ страстныхъ поцѣлуевъ, вмѣсто трехъ обычныхъ холодныхъ поцѣлуевъ христосованья.

— Поля! — прошепталъ онъ въ волненіи, съ легкимъ упрекомъ въ голосѣ.

— Голубчикъ, простите! — тоже тихо, но порывисто и страстно проговорила она. — Не могу я скрываться... люблю я...

Она залилась слезами и, схвативъ его руки, уже покрывала ихъ горячими поцѣлуями. Онъ смутился, растерялся. До этого времени онъ велъ почти аскетическую жизнь, настойчиво сторонясь отъ женщинъ. Ему казались безчестными интрижки съ чужими женами за спинами обманываемыхъ мужей; въ немъ пробуждали брезгливое чувство связи съ продажными женщинами, ласкающими за деньги сегодня одного, завтра другого. Надъ нимъ сильно подтрунивали пріятели, говоря, что онъ далъ обѣтъ дѣвственности. Онъ впервые слышалъ теперь страстный шопотъ любви. Передъ нимъ стояла полная здоровья, молодости и чистоты дѣвушка. Онъ забылъ все и вполнѣ отдался первому порыву этой неожиданно пробудившейся страсти. Не прошло и часу, какъ онъ уже отрезвѣлъ отъ этого опьянѣнія и почти со слезами, цѣлуя руки этой дѣвушки, просилъ у нея прощенія, проклиналъ себя.

— Что̀ вы, что̀ вы, милый, дорогой! — страстно заговорила она.—Я сама на это шла... Мнѣ все равно!.. Любите меня только... хоть немного...

Она стала говорить, какъ давно она его любитъ, какъ давно только онъ и снится ей во снѣ и на-яву. Онъ, можетъ-быть, и не замѣчалъ, какъ она слѣдила за нимъ, какъ не спускала съ него глазъ. Въ коридорѣ подстерегала она его, когда онъ возвращался домой, чтобы взглянуть на него хоть глазкомъ. Это была страсть, поглотившая все ея существо, наполнявшая всѣ ея мысли. Она его любила, какъ только простая дѣвушка могла любить красавца-барина...

Сначала никто въ домѣ и не подозрѣвалъ, что̀ случилось. Гришка, въ качествѣ домашняго шпіона, первый подсмотрѣлъ, какъ баринъ цѣлуется съ Полей, и тотчасъ же оповѣстилъ объ этомъ «крестную». Въ награду за сообщеніе крестная надрала ему уши. Тѣмъ не менѣе, она стала сама наблюдать за Полей. Какъ человѣкъ опытный въ любовныхъ дѣлахъ, она быстро убѣдилась въ истинѣ словъ Гришки. Не прошло и двухъ дней послѣ этого открытія, какъ все стало уже извѣстнымъ и генеральшѣ. Въ домѣ начались тревожныя перешептыванья. Генеральша на тысячи ладовъ восклицала капризнымъ тономъ:

— Ахъ, противный мальчишка!.. Тоже мужчиной сдѣлался!.. Подумайте!..

Въ домѣ князей Щербино-Щедровскихъ и господъ Мухортовыхъ ни для кого не казалось страннымъ въ былыя времена, когда кто-нибудь изъ господъ обращалъ особенное вниманіе на одну изъ дворовыхъ дѣвушекъ. Дѣлалось это, по большей части, очень просто.

Баринъ, положимъ, говорилъ:

— Послать ко мнѣ Глашу!

Затѣмъ черезъ нѣсколько мѣсяцевъ онъ призывалъ кого-нибудь изъ слугъ и говорилъ:

— Тебѣ пора жениться; женись на Глашѣ!

Тѣмъ все и кончалось. Облагодѣтельствованный барскимъ выборомъ, дворовый женился; баринъ былъ отцомъ посажёнымъ; баринъ крестилъ дѣтей. Такъ дѣлалось прежде. Теперь же всѣ точно сконфузились, когда съ Полей случился «грѣхъ». Долгое время всѣ дѣлали видъ, что никто этого не замѣчаетъ, и въ то же время всѣ усердно подкарауливали молодыхъ людей, точно еще не вѣря въ совершившійся фактъ. Всѣхъ мучилъ одинъ, никому не приходившій въ голову въ былыя времена, вопросъ:

— Что̀ же будетъ дальше?..

Всѣ безъ исключенія сознавали, что Егоръ Александровичъ не можетъ призвать и не призоветъ никого изъ слугъ, чтобы сказать:

— Тебѣ пора жениться; женись на Полѣ!

Всѣ сознавали и то, что Поля, вѣроятно, никакъ не согласилась бы на подобный бракъ, если бы даже Мухортовъ и могъ устроить его. Всѣ инстинктивно чувствовали, что, несмотря на то, что связь господъ и дворовыхъ повторялась съ незапамятныхъ лѣтъ въ домѣ князей Щербино-Щедровскихъ и господъ Мухортовыхъ, — связь Поли съ Егоромъ Александровичемъ была явленіемъ новымъ, небывалымъ, влекущимъ за собою не мало заботъ и хлопотъ. Это явленіе до того смутило всѣхъ, что Елена Никитишна втихомолку даже всплакнула; Прокофій какъ-то напился пьянъ (что съ нимъ бывало часто) и, бушуя, ругался за то, что въ нынѣшнія времена отецъ и за косу дѣвку оттаскать не можетъ; Софья Петровна сентиментально замѣтила сыну, что она имъ очень недовольна. Спокойнѣе всѣхъ были сами любовники. Егоръ Александровичъ старался не думать о будущемъ, давая въ душѣ юношескіе обѣты, что и въ будущемъ онъ не броситъ Полю. Поля, со

своей стороны, иногда смущалась мрачными думами, но стоило ему приласкать ее, и всѣ эти думы разсѣивались передъ свѣтомъ охватывавшаго ее счастья. Люди привыкаютъ ко всему. Черезъ два мѣсяца въ мухортовскомъ домѣ начали привыкать и къ тому, что Егоръ Александровичъ живетъ съ Полей. Всѣ какъ будто старались увѣрить себя, что эти отношенія такъ и будутъ продолжаться всегда, что никакихъ печальныхъ послѣдствій не предвидится...

Въ это время, между тѣмъ, назрѣло то, о чемъ еще болѣе, чѣмъ о грѣхѣ Поли, старались не думать, не говорить въ домѣ: событіе это было—разореніе. Дѣла Софьи Петровны Мухортовой были уже давно не въ блестящемъ положеніи, что̀ не мѣшало ей жить широко и безпутно. Генеральша, впрочемъ, могла себя оправдать тѣмъ, что иначе она и не можетъ жить. Нельзя же ей не принимать дядю Жака, князей Щербино-Щедровскихъ, разныхъ другихъ Мухортовыхъ, всю свою богатую или заслуженную родню. Долгое время Мухортова при помощи Алексѣя Ивановича кое-какъ изворачивалась, закладывая и перезакладывая имѣніе, продавая по частямъ лѣсъ. Наконецъ, она дошла до того предѣла, когда изворачиваться дальше было нельзя. Въ это-то время Алексѣй Ивановичъ, даже не спросивъ Егора Александровича, закинулъ удочку къ одному изъ своихъ компаньоновъ по разнымъ подрядамъ и круто заявилъ Мухортовой, что Протасовъ—заводчикъ, подрядчикъ и банковый дѣлецъ, ворочающій милліонами, — вѣроятно, охотно отдастъ за ея сына свою дочь. Эта женитьба была единственнымъ средствомъ спастись, т. е. выкупить имѣніе, начать новое хозяйство, обезпечить себя вполнѣ въ близкомъ будущемъ. Выбора въ средствахъ къ спасенію не было, приходилось согласиться на эту сдѣлку. Мухортова согласилась. Она уговорила и сына согласиться на эту «жертву». Однако, ни Софья Петровна, ни Егоръ Александровичъ не говорили объ этомъ громко въ своемъ домѣ. Объ этомъ не говорилъ никто и среди дворни, хотя всѣ угадывали, что Егора Александровича собираются на комъ-то женить; не даромъ же знала Елена Никитишна, что̀ значитъ слово «марьяжъ». Но всѣмъ, начиная съ господъ и кончая слугами, было какъ будто совѣстно сознаться, что женитьба Егора Александровича — дѣло рѣшенное. Среди разныхъ другихъ соображеній возникла снова и мысль о томъ, что̀ будетъ съ Полей? Это заставляло иногда трогательно вздыхать Софью Петровну, высоко закатывавшую глаза къ по-

толку. Это же заставляло иногда Елену Никитишну, совершенно одиноко занимавшуюся какой-нибудь работой, безсознательно замѣчать вслухъ:

— Ахъ, дѣвка, дѣвка, что̀ ты надѣлала!

Но, волнуясь и тревожась, всѣ, тѣмъ не менѣе, старались умалчивать о предметѣ своихъ тревогъ и волненій, дѣлали видъ, что ничего особеннаго не должно случиться. Молчали объ этомъ даже Поля и Егоръ Александровичъ. Она молчала потому, что она не хотѣла вѣрить въ возможность его близкой женитьбы, отдавшись всецѣло страстному чувству, охватившему ее, и махнувъ рукой на все остальное. Она увѣряла даже сама себя, что всѣ слухи о женитьбѣ Егора Александровича пустики, такъ какъ онъ первый сказалъ бы ей объ этомъ. Она была убѣждена или старалась убѣдить себя въ этомъ. Онъ же молчалъ потому, что ему неловко было сказать ей правду. Мягкій и добрый по натурѣ, мечтатель и идеалистъ, жившій въ мірѣ книгъ, онъ боялся чисто по-женски всякихъ потрясающихъ сценъ, а потрясающія сцены — онъ это предвидѣлъ — непремѣнно должны были произойти, какъ только онъ объявитъ Полѣ о своей женитьбѣ. Могла ли она принять спокойно извѣстіе о его женитьбѣ? Она разрыдается, будетъ умолять его не жениться, придетъ въ отчаяніе, наложитъ на себя руки! Ему хотѣлось отдалить минуту этого объясненія, придумать средства успокоить бѣдную дѣвушку, любившую его такъ безпредѣльно, такъ страстно. Онъ былъ для нея идоломъ, божествомъ. Она не могла наглядѣться на него. Каждое его желаніе было для нея закономъ. Скромная, стыдливая, чистая, она не останавливалась ни передъ чѣмъ, чтобы наслаждаться его любовью, чтобы пробыть лишнюю минуту съ нимъ...

А время между тѣмъ шло. Насталъ день обѣда у Алексѣя Ивановича, гдѣ Егоръ Александровичъ долженъ былъ сойтись поближе съ Марьей Николаевной Протасовой.

Не безъ тяжелаго чувства поѣхалъ Мухортовъ на этотъ обѣдъ—на смотрины невѣсты. Всю дорогу онъ презрительно подшучивалъ надъ этимъ оригинальнымъ, въ его положеніи, сватовствомъ, но на душѣ у него было далеко не спокойно. Ему было не то гадко идти на такую сдѣлку, не то досадно на свое безвыходное положеніе. Не безъ горечи иногда онъ спрашивалъ себя въ душѣ: «ну, а вдругъ сорвется? Вдругъ она, эта мужичка, не соблаговолитъ принять мое предложеніе?» Онъ ощущалъ къ ней что-то въ родѣ ненависти,

хотя еще почти вовсе не зналъ ея. Эти чувства накипали еще сильнѣе подъ плаксивыя, томныя замѣчанія вѣчно-безтактной матери о томъ, что онъ долженъ постараться поправиться, что онъ долженъ быть любезнымъ. Эти фразы раздражали его, точно кто-то давалъ ему щелчокъ за щелчкомъ.

Мухортовы пріѣхали на обѣдъ къ Алексѣю Ивановичу первыми; ихъ встрѣтили жена, дочери и сынъ хозяина. Съ первыхъ же словъ Егоръ Александровичъ угадалъ, что вся семья отлично знаетъ о цѣли этого обѣда, и почувствовалъ себя еще болѣе неловко. Семья Алексѣя Ивановича (его жена Антонида Павловна, его сынъ Павелъ, его дочери Люба и Зина) была такою же откормленною и беззаботною, какъ онъ самъ; всѣ эти жирные, довольные судьбой, практичные люди, казалось, сожалѣли Егора Александровича за то, что онъ очутился въ незавидномъ положеніи, и душевно, съ добродушіемъ сытыхъ людей, желали ему помочь. Его же бѣсило ихъ сытое довольство и ихъ непрошенное участіе; онъ, какъ капризный ребенокъ, злился даже на то, что вся семья дяди звала его, Егора Александровича, Егорушей, точно въ этой кличкѣ было что-то оскорбительное для него. Ему нужно было вооружиться всей своей свѣтской сдержанностью, чтобы быть покойнымъ и невозмутимымъ по виду. Наконецъ, пріѣхала и невѣста. Она пріѣхала по обыкновенію съ одной изъ своихъ тетокъ, Ольгой Евгеніевной Ададуровой. Егоръ Александровичъ, представленный дядею дамамъ, быстро окинулъ ихъ глазами. Марья Николаевна, какъ ему показалось, еще болѣе похорошѣла за послѣдній годъ; но ему сразу бросились теперь въ глаза ея нѣсколько рѣзкія манеры и странный тонъ, слишкомъ развязный для салона. Ольга Евгеніевна была сухая, сморщенная, но густо накрашенная, напоминавшая издали рождественскую маску, старуха, съ тупымъ выраженіемъ лица, съ нестерпимой привычкой переспрашивать, вслѣдствіе легкой глухоты, каждую фразу. Ее Егоръ Александровичъ узналъ сразу, хотя не видалъ давно. Ему показалось даже, что онъ еще въ дѣтствѣ видѣлъ ея красное платье съ бѣлыми широкими полосами, широко расходившееся въ стороны на громадномъ кринолинѣ. Съ первыхъ же словъ, когда всѣ усѣлись на террасѣ, она, лорнируя Егора Александровича, стала разспрашивать его, вертятся ли въ Петербургѣ столы? Онъ съ недоумѣніемъ взглянулъ на нее, не зная, что отвѣтить.

— Да вы сами-то развѣ въ спиритизмъ не вѣрите?— спрашивала Ольга Евгеніевна и тотчасъ же сухимъ, наставительнымъ тономъ обратилась къ Софьѣ Петровнѣ: — Это все нигилизмъ. Мари тоже не вѣритъ. А какъ же не вѣрить?.. Въ Петербургѣ дочери священника Чудакова какой хотите столъ заставятъ вертѣться.

— Вѣроятно, сильныя барышни!—съ усмѣшкой замѣтилъ Егоръ Александровичъ.

— Какъ вы сказали?—спросила Ададурова, продолжая безцеремонно разсматривать его въ лорнетъ, какъ вещь.— Сильныя барышни? Вовсе не остроумно! Тутъ не сила, а вѣра нужна. Безъ вѣры ничего нельзя сдѣлать... И стуки у Чудаковыхъ въ домѣ такіе, что разъ самъ отецъ Николай... Вы отца Николая знаете?

— Не имѣю чести...

— Что̀ вы сказали? Не имѣете чести знать? Очень, очень жаль! Такихъ людей отыскивать надо молодымъ людямъ, учиться у нихъ надо! Всѣмъ теперь ясно, до чего насъ довело нынѣшнее безвѣріе... Отецъ Николай почтенный человѣкъ, ученый; трактатъ теперь пишетъ, въ какомъ видѣ будетъ загробная жизнь и какъ мы тамъ будемъ жить. Три тома уже написалъ... Такъ вотъ вышелъ онъ разъ утромъ въ столовую и говоритъ дочерямъ: «вы тамъ, какъ хотите, а чтобы по ночамъ у меня этихъ духовъ не слышно было; я не потерплю...»

Егоръ Александровичъ уловилъ рѣзкое нетерпѣливое движеніе Марьи Николаевны, стоявшей въ сторонѣ съ дочерьми Алексѣя Ивановича. Въ ея глазахъ сверкнулъ гнѣвъ. До его слуха ясно долетѣли слова:

— Любовниковъ, вѣрно, по ночамъ принимали!..

Онъ всталъ, подошелъ къ группѣ барышень, обратился къ Протасовой и любезно заговорилъ съ нею.

— Это чортъ знаетъ, что такое! — раздражительно сказала она съ первыхъ же словъ.—Во всякую ерунду готовы вѣрить. Выживутъ изъ ума и носятся со всякою чепухою...

Егоръ Александровичъ широко открылъ глаза: дѣвица была нѣсколько черезчуръ энергична. Она развязно продолжала:

— Поневолѣ дѣвушки будутъ рваться изъ дома, когда съ одной стороны матушки и тетушки шамкаютъ о душахъ умершихъ, а батюшки и дядюшки высчитываютъ, сколько можетъ дать барышей та или другая душа живыхъ. И иногда сама просто бѣжать готова да и...

Мухортовъ усмѣхнулся.

— Вамъ, я думаю, вырваться не трудно,—замѣтилъ онъ.

— Ну, это смотря,—отвѣтила она бойко и сдѣлала презрительную гримасу.—Замужество? Ну, такъ за старикашку какого-нибудь я не пойду. За молокососа, если онъ влюбится въ меня, какъ сумасшедшій, тоже не выйду...

— Это почему?—невольно спросилъ Егоръ Александровичъ.

— Ахъ, это скучно! Онъ вѣчно и будетъ ходить, какъ тѣнь, за моей юбкой. Бракъ долженъ давать полную свободу мужу и женѣ, а не стѣснять ихъ, какъ цѣпь каторжниковъ.

Она проговорила это, какъ прилежныя дѣвочки отвѣчаютъ отлично вызубренный урокъ.

По лицу Мухортова опять скользнула усмѣшка.

— То-есть, онъ можетъ идти направо, а она налѣво?—спросилъ онъ.

— Ну, да, если имъ такъ захочется! Мужъ и жена должны быть равноправными, а не крѣпостными другъ у друга.

— У васъ оригинальные взгляды на бракъ! — замѣтилъ онъ.

— Я знаю одно, что я бы не стѣснила съ этими взглядами мужа, ни ему не позволила бы стѣснять себя,—отвѣтила она.—Да я и никому не позволю себя стѣснять...

Потомъ она обернулась къ одной изъ дочерей Алексѣя Ивановича и спросила:

— А вашъ плантаторъ куда скрылся?

— Папа?.. Онъ отправился на спичечную фабрику; тамъ сейчасъ несчастіе случилось: мальчикъ утонулъ; пошелъ за водой, вздумалъ выкупаться и утонулъ,—отвѣтила старшая дочь Алексѣя Ивановича.

— Ахъ, пойдемте туда,—сказала Марья Николаевна.—Я давно хотѣла осмотрѣть вашу спичечную фабрику. Отецъ мнѣ о ней говорилъ: «Нынче, говоритъ, всякая мерзость въ рукахъ ловкаго человѣка доходъ даетъ».

Зина и Люба сконфуженно переглянулись между собой.

— Нѣтъ, Мари, туда неловко идти,—замѣтила Зина.—Тамъ ужасный воздухъ и кромѣ того...

Она наклонилась къ Протасовой и что-то, смѣясь, шепнула ей. Марья Николаевна захохотала.

— Скажите, чего боятся!

Она обратилась къ Егору Александровичу:

— Стыдно, видите ли, что рабочіе ходятъ чуть не голые.

Она пожала плечами.

— Развращенное у васъ, какъ у институтокъ, воображеніе! Мнѣ это рѣшительно все равно. Пойдемте, Егоръ Александровичъ, вдвоемъ, если онѣ не идутъ.

Мухортовъ поспѣшно согласился. Его заинтересовала эта дѣвушка. Бойкость, развязность, откровенность и даже разнузданность, все это сразу бросалось въ глаза. Ему живо теперь вспомнилась черномазенькая Маша, къ ужасу всѣхъ женщинъ лазавшая на деревья и скакавшая верхомъ на налочкѣ. Ловко подобравъ одной рукой платье, она пошла съ Мухортовымъ скорыми, крупными шагами, въ ногу съ нимъ. Дорогой къ фабрикѣ она много болтала и, между прочимъ, замѣтила про барышень Мухортовыхъ:

— И что это у нихъ за стыдливость? Вотъ чего я никогда не знала! Ну, голый человѣкъ, такъ голый, пьяный, такъ пьяный, мерзавецъ, такъ мерзавецъ! А имъ вѣчно флёръ надо накидывать и на тѣло, и на нравственность.

— Да, но есть вещи, которыхъ дѣвушка не должна бы знать или видѣть,—осторожно замѣтилъ онъ.

— Ну, это еще вопросъ! Да дѣло не въ томъ,—такъ это или нѣтъ, а въ томъ, что всѣ все и видятъ, и знаютъ, только однѣ въ щелку подсматриваютъ, а я открыто предпочитаю смотрѣть.

Она усмѣхнулась.

— Вы бы порылись въ душахъ этихъ скромницъ, послушали бы ихъ разговоры между собою. Актрисы и притворщицы—вотъ и все! Прикрываются фиговыми листочками, чтобы никто не замѣтилъ, что за ними дѣлается.

Когда они дошли до фабрики, Марья Николаевна смѣло вошла въ мастерскія, гдѣ работали почти безъ одежды дѣти и подростки, среди убійственной жаркой атмосферы. Фабрика походила скорѣе на скверно построенный сарай, чѣмъ на мастерскую. Протасова поговорила съ рабочими, справилась, какъ что дѣлается, вошла въ самыя мелочныя подробности. Потомъ, выйдя изъ мастерскихъ, она направилась къ рѣчкѣ, на берегу которой лежало подъ рогожею тѣло утонувшаго мальчугана. Она смѣло открыла рогожу, посмотрѣла на утопленника и спросила у сидѣвшаго тутъ же и курившаго коротенькую трубку мужика:

— Большая семья у него?

— Какая семья... пареньку двѣнадцать годковъ всего

было,—отвѣтилъ мужикъ.—Матка и отецъ есть... двое братьевъ и сестренка махонькая есть...

— Что-жъ, бѣдные, вѣрно?

— Нѣшто богатеи послали бы на фабрику? — отвѣтилъ мужикъ.

Затѣмъ она начала разспрашивать, сколько рабочимъ платится на спичечной фабрикѣ, съ какихъ лѣтъ начинаютъ работать, много ли умираетъ народу. Поговоривъ минутъ съ пять съ мужикомъ, она обернулась къ Егору Александровичу:

— Выгодное дѣло это у Алексѣя Ивановича. Гроши затрачиваетъ, а рубли собираетъ! Вотъ они наши американцы-то; куда ни обернись, вездѣ у нихъ Калифорнія подъ руками. Быстро состояніе составитъ...

— Чужимъ пòтомъ и кровью,—вставилъ Мухортовъ.

Въ немъ все видѣнное имъ пробудило брезгливое чувство.

— А то какъ же иначе? Прежде оброками выбивалъ деньги, теперь работой!—отвѣтила Протасова.

— Васъ, повидимому, это не возмущаетъ?—спросилъ онъ.

Она расхохоталась.

— А васъ развѣ возмущаетъ?—задорно спросила она.

— Конечно! Это безчеловѣчно,—началъ онъ горячо.

Но она рѣзко и грубо перебила его.

— А вы шампанское пьете и устрицъ ѣдите?—спросила она. — И не возмущаетесь? Вѣдь деньги-то и на это изъ народа выбиты.

И, сдѣлавъ презрительную гримасу, она добавила:

— Я, право, не понимаю, почему нравственнѣе жить на чужой счетъ, стараясь закрыть глаза, чѣмъ жить на чужой же счетъ, сознаваясь въ этомъ. Я привыкла все называть настоящимъ именемъ; эксплоататоръ, такъ эксплоататоръ, воръ, такъ воръ!

Потомъ она съ усмѣшкой прибавила:

— Вотъ ваши кузины въ обморокъ бы здѣсь упали, а абонемента въ итальянскую оперу все-таки потребовали бы отъ папаши. Ну, а я—въ итальянскую оперу и я ѣзжу, но я знаю, точно знаю, чѣмъ платится за абонементъ, сколько Сидоровъ и Ивановъ должны идти ради этого по-міру.

Егоръ Александровичъ никакъ не могъ разобраться, чего больше въ этой дѣвушкѣ: естественной прямоты или искусственнаго цинизма, придуманнаго или вычитаннаго. Онъ навелъ рѣчь, нѣтъ ли у нея завѣтныхъ плановъ относительно будущаго; не думаетъ ли она сдѣлаться какой-нибудь

благотворительницей, не мечтаетъ ли о женскомъ трудѣ? Ему представилось, что передъ нимъ стоитъ одна изъ такъ-называемыхъ «эмансипированныхъ дѣвицъ» или изъ «quasi-нигилистокъ», въ родѣ Кукшиной въ зародышѣ.

— Благотворительность?—спросила она съ изумленіемъ, широко открывъ свои черные глаза. — Это — та же кража рубля въ одну сторону и раздача копеекъ въ другую. Если бы было противоположное, то благотворители сами стали бы предметомъ благотворительности.

О женскомъ трудѣ она коротко замѣтила:

— Я же не нуждаюсь! Мнѣ работать—это значитъ отбивать работу у бѣдныхъ! Женщинамъ въ моемъ положеніи остается только жить, то-есть пользоваться удобствами жизни, наслаждаться, вотъ и все...

— И вы думаете, что это не наскучитъ?—спросилъ онъ.

— Вовсе не думаю!.. Я очень хорошо знаю, что эта жизнь, въ концѣ-концовъ, доводитъ до разныхъ безумій; однѣ развращаются, другія дѣлаются спиритками или ханжами, третьи подательницами грошей; даже пить начинаютъ многія... Но вѣдь не раздать же мнѣ все нищимъ, чтобы сдѣлаться самой нищею?.. Развѣ только изъ-за желанія сильныхъ ощущеній. Къ несчастью, я впередъ знаю, что̀ вышло бы изъ этого, и вовсе не желаю продѣлывать подобныхъ экспериментовъ съ собою...

По ея лицу вдругъ скользнула тѣнь.

— Теперь мнѣ сто̀итъ кличъ кликнуть—и сотни людей будутъ у моихъ ногъ, а сдѣлайся я нищей, всѣ скажутъ...

Она вдругъ разсмѣялась, съ горькой ироніей.

— Помните у Гейне:

Какъ несетъ чеснокомъ отъ графини,
Отъ m-me la comtesse Gouldefeld.

Молодые люди возвратились въ домъ Мухортовыхъ къ самому обѣду.

Когда послѣ обѣда дядя Алексѣй Ивановичъ отвелъ въ сторону племянника и спросилъ его:

— Ну, какъ она тебѣ показалась?

Егоръ Александровичъ засмѣялся.

— Дикая кобылица какая-то!—отвѣтилъ онъ съ несвойственною ему грубостью.

Алексѣй Ивановичъ даже руками развелъ.

— Ты что же это... Вотъ выдумалъ!.. На утекъ, что ли, хочешь, Егорушка?

— Нѣтъ, дядя, сватайте! Она хоть прямо говоритъ, что стѣснять мужа не будетъ...

Онъ нервно шутилъ и смѣялся, а въ его душѣ была какая-то тревога и горечь. Онъ сознавалъ, что эта дѣвушка способна сказать ему прямо и дерзко: «сколько вы хотите содрать съ моего отца, взявъ меня за себя?» Отъ нея можно было этого ждать и хуже всего было то, что онъ, Мухортовъ, не сумѣетъ, не можетъ ничего отвѣтить на этотъ вопросъ. Да, онъ точно готовъ жениться на ней, чтобы содрать съ ея отца тысячъ сто или больше на поправку имѣнія.

Вернувшись домой, онъ хотѣлъ объясниться съ Полей, поговорить съ нею о своей невѣстѣ, громко насмѣяться надъ послѣдней, увѣрить Полю, что онъ никогда не полюбитъ эту дѣвушку. Но явилась Поля, и вмѣсто объясненій посыпались поцѣлуи. Мухортову хотѣлось скорѣй забыть, что онъ готовится продать себя...

III.

Вопросъ о женитьбѣ Мухортова особенно сильно заволновалъ всѣхъ, когда былъ назначенъ обѣдъ въ мухортовскомъ домѣ для Протасовыхъ. Въ этотъ день вдругъ точно прорвалась какая-то плотина и всѣмъ, начиная съ Агаѳьи Прохоровны, стало ясно, что Мухортовъ женится, и на комъ женится. Въ домѣ шли необычайныя приготовленія къ пріему гостей. Даже сама Софья Петровна, всегда невозмутимо-спокойная въ подобныхъ случаяхъ, не мало волновалась и заботилась, чтобы ничто не было забыто. Уже утромъ, сидя съ сыномъ въ столовой за чаемъ, она нѣсколько разъ обращалась къ слугамъ то съ тѣмъ, то съ другимъ приказаніемъ.

— Прокофій, скажи Гришѣ, чтобы онъ непремѣнно ожидалъ у воротъ,—говорила она, обращаясь къ старому дворецкому. — Какъ завидитъ гостей, пусть тотчасъ же доложитъ мнѣ, чтобъ не заставить ждать; а то вы всѣ здѣсь разбредетесь, васъ не дозваться.

— Слушаю-съ,—степенно отвѣтилъ Прокофій.

— Да ты сейчасъ же поди и накажи Гришѣ, а то забудешь. Память-то тебѣ нынче измѣняетъ...

Прокофій вышелъ.

— Ты, Елена, посылала въ городъ за фруктами?—обратилась генеральша къ Еленѣ Никитишнѣ.

— Все привезено,—отвѣтила старуха.

Мухортова вздохнула и обратилась къ сыну:

— Вотъ Алексисъ упрекаетъ, что на оранжереи тратимся. А какіе у насъ теперь оранжереи? Прежде всѣ фрукты свои были, а теперь...

Потомъ она опять что-то вспомнила и обратилась къ Еленѣ Никитишнѣ:

— Пожалуйста, Елена, присмотри, чтобы у всѣхъ были свѣжія перчатки. Прокофій совсѣмъ изъ ума выживаетъ; въ прошлое воскресенье Богъ знаетъ въ какихъ перчаткахъ служилъ у стола, точно изъ трубы вынулъ, и всѣ пальцы развороченные... Хорошо еще, что свои только были за обѣдомъ.

— Старъ, совсѣмъ старъ становится! — проговорила Елена Никитишна.

Егоръ Александровичъ горько усмѣхнулся.

— Я тебя впервые вижу такой взволнованной, — замѣтилъ онъ матери по-французски. — Точно царей ждемъ къ обѣду...

— Ахъ, Жоржъ, мы переживаемъ такія рѣшительныя минуты!—съ грустью и паѳосомъ отвѣтила она, закидывая голову назадъ. — Надо сдѣлать все, чтобы это знакомство кончилось побѣдой. Алексисъ еще разъ вчера повторилъ мнѣ, что мы на краю пропасти. Это ужасно!

Она на минуту закрыла рукой глаза, точно стараясь не видѣть разверстой передъ нею пропасти.

— Конечно, я увѣрена, что ты, если захочешь, одержишь побѣду. А все же какъ-то жутко. Алексисъ меня такъ запугалъ въ послѣднее время, что мнѣ все мерещатся какіе-то ужасы. Сны даже страшные вижу... право!

Она взглянула на часы и испугалась: было уже одиннадцать часовъ, а на ней былъ еще надѣтъ утренній нарядъ. Ей нужно одѣваться. У нея процессъ одѣванія занималъ всегда такъ много времени. Она встала и пошла поцѣловать въ голову сына.

— Бѣдный мой мальчикъ, я знаю, что и тебѣ не легко,— сказала она томнымъ голосомъ.

Онъ ничего не отвѣтилъ, тоже поднявшись съ мѣста и выходя изъ столовой. Какое-то враждебное чувство противъ матери шевелилось въ его душѣ.

Въ столовой продолжался звонъ посуды. Елена Никитишна заставляла при себѣ перебрать все парадное серебро и хрусталь, чтобы убѣдиться въ ихъ чистотѣ. Потомъ она также тщательно освидѣтельствовала столовое бѣлье.

Пересматривая все, она въ то же время перебрасывалась отрывочными фразами съ приходившей и уходившей прислугой. На минуту въ столовую забѣжалъ Гриша.

— Ты это что? Тебѣ приказано у воротъ ждать? — сказала Елена Никитишна.

— Да я услышу, крестная!—отвѣтилъ онъ.

— Ступай! ступай!

— А кого ждутъ-то?

— А вотъ пріѣдутъ—увидишь!

— Важныхъ господъ?

— Ахъ, ты, пострѣленокъ! Говорятъ тебѣ: иди!

— Агаѳья Прохоровна говоритъ...

— Брысь, каналья!

Гриша скрылся.

— Видно, сегодня рѣшать будутъ,—со вздохомъ обратилась Елена Никитишна къ Прокофію.

— Что это рѣшать?—спросилъ Прокофій.

— Самъ-то не понялъ?.. Женить хотятъ Егора Александровича на Протасовой... Тоже нашли партію... Дѣдъ-то ея на моихъ глазахъ кабакъ содержалъ... Егору-то Александровичу не хочется, да женятъ... Дѣла-то ужъ очень плохи стали... Ну, смотри ты, старый, какіе ты стаканы въ буфетъ поставилъ?.. Ахъ, право, въ хлѣву бы васъ держать... На, перетри!..

Она вынула нѣсколько немытыхъ стакановъ и отставила ихъ въ сторону, придвинувъ къ Прокофію.

— Вотъ какъ-то только они нашу Полю пристроятъ? — со вздохомъ сказала она.

— Бить бы ее надо; косу выдрать, вотъ что! — сурово замѣтилъ Прокофій, порывисто перетирая стаканы.

— Дуракъ неотесанный, такъ дуракъ и есть! Пользы-то что за косу таскать? Красоты отъ этого ей, что ли, прибавится?.. Не доглядѣли, такъ ужъ теперь не воротишь!..

На минуту разговоръ оборвался. Прокофій сосредоточенно теръ стаканы, ворча себѣ подъ носъ: «нишь, проклятые, какъ испакостились, не ототрешь!» Елена Никитишна углубилась въ пересмотръ бѣлья.

— Конечно, теперь Полѣ, можетъ-быть, и приданое, и все такое дадутъ,—продолжала Елена Никитишна.—Такъ-то тоже ничего бы не дали...

— Ишь чему обрадовалась! — проворчалъ Прокофій. — Стыда-то нѣтъ. Одной ногой въ гробу стоишь, а такія рѣчи говоришь!

— О, типунъ тебѣ на языкъ! Самъ на ладанъ дышитъ, а другихъ хоронитъ!.. — отплюнулась Елена Никитишна.— И какія я такія рѣчи говорю? Ну, забаловалась дѣвка, такъ этого не вернешь... Надо думать, какъ ее пристроить...

— Пристроишь!—отозвался сердито Прокофій.

— Впервые у насъ, что ли?

— Сама-то гуляла, такъ и другимъ потакаешь!

— Тьфу ты, тьфу! Песъ старый!—обозлилась Елена Никитишна.—Нашелъ чѣмъ меня попрекать! Я, можетъ-быть, слезьми обливалась, когда меня на грѣхъ-то силой повели... Вы-то всѣ только радовались тогда, потому черезъ меня въ люди вылѣзли... А теперь попрекать!.. На себя обернулся бы... Ты-то тоже зналъ, чай, кого бралъ...

Прокофій въ свою очередь отплюнулся.

— Съ тобой не сговоришь! Покойницу въ гробу, и ту не забыла...

— На твои же рѣчи, дуракъ, отвѣчаю...

Въ эту минуту въ комнату неторопливо вошелъ человѣкъ въ черномъ фракѣ, въ бѣломъ галстукѣ, съ бакенбардами въ видѣ котлетъ. Это былъ Данило Николаевичъ Волковъ, камердинеръ Егора Александровича. Сразу трудно было рѣшить—лакей это или чиновникъ; степенность, сдержанность, солидность, внѣшняя порядочность, все это сразу бросалось въ немъ въ глаза. Ему было лѣтъ двадцать восемь, хотя онъ смотрѣлъ гораздо старше своихъ лѣтъ. Лакейская жизнь не молодитъ, а онъ служилъ въ лакеяхъ съ семнадцати лѣтъ. На его затылкѣ уже виднѣлся зачатокъ плѣши съ мѣдный пятакъ величиною.

— Прокофій Даниловичъ, васъ Егоръ Александровичъ зовутъ,—сказалъ онъ, обращаясь къ Прокофію, и потомъ обратился къ Еленѣ Никитишнѣ:—Выдайте шоколадъ, поваръ просилъ передать, что для мороженаго нужно, да поскорѣй просилъ...

— Не горитъ, подождетъ?—отвѣтила сухо Елена Никитишна.—До обѣда-то еще далеко.

Данило Николаевичъ переминался съ ноги на ногу, не рѣшаясь, повидимому, о чемъ-то заговорить.

— Правда это, Елена Никитишна, что я слышалъ,— началъ онъ. — Конечно, это Агаѳья Прохоровна болтаетъ, а все же... Говорятъ, что Егоръ Александровичъ женится на Марьѣ Николаевнѣ Протасовой.

— А тебѣ-то что?—спросила Елена Никитишна, пытливо взглянувъ ему въ лицо.

Онъ, поднявъ брови, сдѣлалъ совсѣмъ скромную мину невинной овцы.

— Такъ-съ... Мнѣ что же! — отвѣтилъ онъ и еще осторожнѣе и смиреннѣе прибавилъ: — я только потому, что какъ же тогда Пелагея Прокофьевна?

Елена Никитишна даже оставила разборку столоваго бѣлья и скрестила около тальи руки.

— А Пелагея Прокофьевна тутъ при чемъ же?—сурово спросила она, и ея глаза сверкнули угрозой.

Но Волковъ выдержалъ ея взглядъ и со вздохомъ замѣтилъ:

— Что жъ, шила въ мѣшкѣ не утаишь...

И тотчасъ же прибавилъ:

— И зачѣмъ это такую, съ позволенія сказать, сволочь генеральша допускаетъ въ домъ, какъ эта Агаѳья Прохоровна или эта мать Софронія... И невиннаго человѣка этакіе аспиды замараютъ, а не то, что... Тутъ ужъ, конечно, и со стороны видно...

Елена Никитишна презрительно усмѣхнулась.

— Ишь, какіе глазастые выискались!.. А видишь, такъ и молчи...

— Это точно-съ,—скромно согласился Данило.—Только жаль дѣвицу... Такая, можно сказать, красавица и кротости...

Елена Никитишна еще презрительнѣе сверху внизъ взглянула на него и спросила насмѣшливымъ тономъ:

— Жениться, что ли, изъ жалости хочешь?

— Отчего же бы и не жениться?—почти радостно воскликнулъ лакей.

Елена Никитишна покачала головой.

— Губа-то, видно, не дура!..

Потомъ, отвертываясь отъ него, она проворчала:

— Нѣтъ, за такую-то невѣсту покланяться нужно...

— И покланялся бы,—началъ Данило.

Но она перебила его:

— Ну, ну, бери шоколадъ! Самъ торопилъ, а теперь лясы точишь... Ступай.

Она говорила грубо, какъ привыкшая властвовать барыня съ слугой. Волковъ взялъ плитки шоколаду и вышелъ. Его слова сильно взволновали Елену Никитишну, точно онъ открылъ ей нѣчто новое. Продолжая рыться въ буфетѣ, она съ порывистыми движеніями ворчала про себя:

«Выискался какой! Губа-то, видно, точно не дура, языкъ не лопатка, знаютъ, гдѣ сладко! Я бы не прочь жениться!

Что и говорить: кусокъ лакомый! Софья Петровна и Егоръ Александровичъ Полю не оставятъ, приданое дадутъ, мужа пристроятъ. Кому это не лестно. А Данилкѣ чего лучше! Такъ бы сейчасъ въ купцы и полѣзъ. Скаредъ человѣкъ! Ужъ теперь, ничего не видя, въ холопскомъ своемъ званіи, на проценты деньги господамъ даетъ. Четвертную займутъ, двѣ возвращаютъ. Жоха! Далеко пойдетъ».

На минуту она перестала перебирать вещи и съ видомъ усталости присѣла, подперевъ голову рукой. Какая-то новая мысль вертѣлась въ ея головѣ.

«Въ самомъ дѣлѣ, какъ это никому намъ въ голову не приходило, что за Данилу можно выдать Полю? Не за чиновника же ее выдать? Да съ чиновникомъ и нужды натерпится, знаемъ мы эту дрянь; а Данило копейку сбережетъ, Полѣ-то только онъ по сердцу не придется. Ну, да и то сказать: кто ей теперь по сердцу будетъ, когда она отъ Егора Александровича въ омраченіи находится? Сердце-то у нея горячее, а разсудку нѣтъ. Обезумѣла совсѣмъ!»

Елену Никитишну неожиданно вывелъ изъ раздумья голосъ Поли. Молодая дѣвушка, блѣдная, какъ полотно, пугливо озираясь, поспѣшно вошла въ столовую и прямо обратилась къ теткѣ:

— Тетушка, голубушка, вы здѣсь?.. Что я сейчасъ слышала отъ Агаѳьи Прохоровны и отъ Данилы... Вѣдь это не правда?..

— Что ты, что ты?.. Что слышала-то?—отрывисто проговорила Елена Никитишна, испуганная внезапнымъ появленіемъ племянницы и выраженіемъ ея лица.

— Да вотъ они говорятъ... будто Егоръ Александровичъ женится... что...

— Ну?

— Что эта самая Протасова и есть его невѣста?

— Ну, да, женится, — отвѣтила Елена Никитишна.— Тебѣ-то что?.. Охъ, дѣвка, дѣвка, совсѣмъ ты ошалѣла!.. Понятіевъ лишилась... Вѣдь не на тебѣ же ему жениться... Вотъ то-то...

Поля страстно перебила тетку:

— Знаю, что не на мнѣ!.. Да вѣдь онъ ея не любитъ?.. Какое же это счастье будетъ, если не любитъ?..

— А ты почему знаешь, что не любитъ? Можетъ, и любитъ!

— Развѣ я не понимаю! Двухъ разомъ не любятъ... Ужъ это никогда!.. Да нѣтъ, можетъ, это они со злобы... Не мо-

жетъ этого быть... Навѣкъ онъ себя несчастнымъ сдѣлаетъ...

Елена Никитишна разсердилась.

— Ахъ, дура, дура! Нашла о чемъ убиваться! Ты о себѣ-то думай! Надурила, такъ...

— Что я!.. Мнѣ ужъ о себѣ нечего думать! Загубила себя... не воротишь... Мнѣ умереть бы, если онъ...

— А ты не дури!.. Умереть-то еще успѣешь, а пока жива, думай, какъ жить... Вотъ пристроимъ, замужъ выдадимъ!

— Что̀ вы, что̀ вы, тетушка! — съ ужасомъ воскликнула Поля, замахавъ руками. — Какъ замужъ? Нѣтъ, ужъ не замужница я... Вы мнѣ только скажите, слышали ли вы сами, что точно...

Елена Никитишна хотѣла что-то отвѣтить и вдругъ минутомъ проговорила:

— Молчи... Самъ Егоръ Александровичъ идетъ... Уходи!..

Дѣйствительно, съ террасы въ столовую входилъ Егоръ Александровичъ. Онъ обратился къ Еленѣ Никитишнѣ.

— Елена Никитишна, васъ maman зоветъ...

Потомъ, замѣтивъ Полю, онъ не безъ удивленія сказалъ:

— И ты здѣсь?

Елена Никитишна заперла буфетный шкапъ и направилась на половину Софьи Петровны.

Молодые люди остались вдвоемъ. Поля старалась скрыть свое смущеніе, свои заплаканные глаза.

— Что̀ съ тобой?—спросилъ Егоръ Александровичъ, не безъ тревоги.—Ты на себя не похожа?..

— Я?.. Нѣтъ... Это такъ,—отвѣтила отрывисто Поля.

— Какъ *такъ*? Ты нездорова?

Онъ подошелъ къ ней поближе. Она бросилась къ нему.

— Егоръ Александровичъ... дорогой мой... скажите, скажите... вѣдь это не правда?—порывисто спросила она, хватая его за руки.

— Что?—въ волненіи спросилъ онъ и тотчасъ же понялъ, что ей все извѣстно. — А, тебѣ уже успѣли разсказать! Что же дѣлать, Поля!.. Ты понимаешь, я не могу теперь на тебѣ жениться... Но вѣрь...

Она страстно перебила его:

— Голубчикъ вы мой, я не о томъ!.. И въ мысляхъ этого не было!.. Вотъ вамъ крестъ!.. Развѣ я не понимаю. Но какъ же на ней, на Протасовой... Вы ея не знаете...

— Что̀ дѣлать, Поля, — перебилъ онъ ее въ свою очередь.—Необходимость заставляетъ... она богата...

— Да развѣ въ деньгахъ счастье?.. Не будете вы съ ней счастливы... сгубитъ она васъ.

— Милая, ты все обо мнѣ... Ты-то какъ...

— Я что! Вы обо мнѣ не думайте... Себя вы поберегите, добрый вы мой, хорошій вы мой... Душу бы я за васъ отдала, на все бы пошла.

Она покрыла поцѣлуями его руки. Онъ хотѣлъ ее обнять, расцѣловать и боялся.

— Полно, полно, не волнуйся,—сказалъ онъ въ смущеніи. — Мнѣ надо идти... Сюда еще войдутъ, пожалуй... Послѣ... вечеромъ приходи, когда уѣдутъ...

— Да вы не соглашайтесь!.. Богъ съ ней и съ ея деньгами! — говорила Поля. — Успѣете еще... найдете другую... За васъ всякая пойдетъ... Будь у меня милліоны, я бы за васъ пошла... Кажется, все, все отдала бы...

— Ну, послѣ, послѣ, поговоримъ... Обоимъ намъ не сладко...

Онъ торопился уйти отъ нея. Ему было страшно, что ихъ могутъ застать здѣсь вдвоемъ.

Поля опустилась на стулъ, закрывъ лицо руками. Она забыла, что здѣсь было не мѣсто плакать. Не прошло десяти минутъ, какъ въ столовую снова завернулъ Данило Волковъ.

— Прокофій Даниловичъ... Елена Никитишна, — проговорилъ онъ съ порога и, точно удивляясь ихъ отсутствію, прибавилъ:—да гдѣ же они? Всѣ разбѣжались... А это вы, Пелагея Прокофьевна... Что это: плакать изволили? Да, да, все о томъ же... Вотъ дѣла-то какія вышли... Да вы не тужите!.. Замужъ еще выйдете... Кажется, если бы вы мнѣ словечко одно сказали, я бы... въ огонь и въ воду...

Молодая дѣвушка порывисто встала. Ея лицо теперь выражало гнѣвъ и презрѣніе.

— Да я лучше петлю на шею надѣла бы!—воскликнула она, быстро проходя мимо Волкова къ выходу.

Въ его глазахъ сверкнула злоба.

— Ну, петлю-то успѣешь еще надѣть, а прежде замужъ вотъ за меня выйди,—проговорилъ онъ съ ироніей.—Другого такого-то случая я въ десять лѣтъ не дождусь, а она—петлю на шею!.. Послѣ давись сколько угодно, когда замужъ выйдешь...

По его лицу скользнула недобрая, циничная усмѣшка...

IV.

Нетерпѣливо ожидаемые гости уже съѣхались къ Мухортовымъ. Софья Петровна, въ качествѣ свѣтской женщины,

умѣвшая вообще быть любезною хозяйкой, на этотъ разъ, казалось, старалась превзойти себя. Она замѣтила Марьѣ Николаевнѣ Протасовой, что та «сегодня просто очаровательна»; она дала обѣщаніе Ольгѣ Евгеніевнѣ попробовать повертѣть съ нею столы; она кидала умоляющіе взгляды на сына, чтобы побудить его начать атаку богатой невѣсты. Алексѣй Ивановичъ Мухортовъ, его жена и дѣти въ свою очередь дѣлали все зависящее отъ нихъ, чтобы внести въ общество оживленіе и въ то же время оставить какъ-нибудь Егора Александровича одного съ Марьей Николаевной. Имъ очень хотѣлось, по добротѣ душевной, спасти и пристроить «Егорушку». Вся семья считала его «такимъ глупенькимъ», такъ какъ онъ вѣчно только книжки читалъ. Въ то же время они искренно любили его за доброту.

Позже всѣхъ пріѣхалъ Протасовъ. Это былъ высокій, державшійся очень прямо, еще не старый мужчина съ серьезнымъ и холоднымъ лицомъ. Онъ, видимо, старался казаться англичаниномъ—это проглядывало въ покроѣ его одежды, въ его прическѣ, въ его разсчитанно-сдержанныхъ манерахъ. Съ первыхъ же словъ онъ ввернулъ фразу: «въ бытность мою въ Лондонѣ» и потомъ много и дѣльно говорилъ о коммерческомъ геніи Англіи. Англія, гдѣ онъ случайно провелъ лучшіе годы ранней юности, — почти дѣтства,—была его конькомъ.

Обѣдъ прошелъ довольно оживленно и весело, такъ какъ всѣ Мухортовы наперерывъ старались показать, что въ ихъ семьѣ всѣ люди «добрые малые». Это былъ своего рода подкупъ. Какъ только кончился обѣдъ, Протасовъ обратился къ Алексѣю Ивановичу, напомнивъ, что послѣдній хотѣлъ показать какія-то новыя машины Мухортовыхъ. Алексѣй Ивановичъ началъ объяснять чуть ли не въ сотый разъ Протасову, что Мухортово въ сущности золотое дно, но что для «постановки» его нужно затратить не одинъ десятокъ тысячъ. Поясняя это, Алексѣй Ивановичъ имѣлъ въ виду еще разъ доказать Протасову, что сдѣлка, то-есть бракъ молодыхъ людей, представляетъ выгоды для обѣихъ сторонъ: Протасовъ дастъ деньги, Мухортовы поднимутъ имѣніе. Кромѣ того, для Протасова имѣла, конечно, еще большее значеніе и родственная связь Мухортовыхъ «съ дядей Жакомъ». Отъ «дяди Жака» въ значительной степени зависѣли всѣ коммерческія предпріятія Протасова. Старики всесторонне и осмотрительно обсуждали этотъ вопросъ, какъ будто дѣло и точно шло не о женитьбѣ, а о денежной

сдѣлкѣ — и только. Жена Алексѣя Ивановича, Софья Петровна, и Ольга Евгеніевна тотчасъ же послѣ обѣда усѣлись играть въ карты. Сынъ и дочери Алексѣя Ивановича вдругъ куда-то ускользнули, и Егоръ Александровичъ волей-неволей очутился съ глазу на глазъ съ Марьей Николаевной. Ему нужно было быть любезнымъ съ молодой дѣвушкой и «подвинуть дѣло впередъ». Это было не особенно легко сдѣлать на этотъ разъ. Марья Николаевна явилась съ отцомъ къ Мухортовымъ въ такомъ настроеніи, что Егоръ Александровичъ сразу вспомнилъ о томъ, что эта дѣвушка иногда уходитъ, какъ улитка, въ свою раковину. Это настроеніе было замѣтно не только по выраженію ея лица, по ея вялымъ манерамъ, но даже и по тому, что она, несмотря на теплый весенній день, куталась въ наброшенный на ея плечи тонкій оренбургскій платокъ, точно ее знобило.

— Вамъ сегодня, кажется, нездоровится? — спросилъ ее Мухортовъ, когда они остались вдвоемъ.

— Мнѣ?.. Нѣтъ! — разсѣянно отвѣтила она. — Холодно что-то... Это со мной часто бываетъ... Станетъ вдругъ такъ скверно на душѣ, тоскливо... а потомъ дрожь начинаетъ пробирать... Съ вами этого не случается?

— Нѣтъ.

Они помолчали.

— Пройдемтесь по саду, — предложилъ Егоръ Александровичъ.

Она лѣниво и апатично поднялась съ мѣста и пошла съ нимъ.

— Это съ вами и въ дѣтствѣ случалось,—сказалъ онъ.— Вы часто у насъ то рѣзвились не въ мѣру, то вдругъ какъ-то съеживались, уходили въ себя...

Она бросила на него мимолетный взглядъ.

— Вы развѣ это еще помните? — спросила она не безъ удивленія.

— О, какъ же!—поспѣшно сказалъ онъ и прибавилъ:— воспоминаніе о васъ живо сохранилось въ моей памяти...

Она грустно остановила его:

— Полноте!.. Зачѣмъ фразы! Ни въ комъ я не оставила живыхъ воспоминаній...

Онъ хотѣлъ что-то возразить, но она прибавила:

— Я слышала отъ Павлика, Зины и Любы, что вы мягкій и добрый человѣкъ, но это вовсе не обязываетъ васъ помнить о дѣвочкѣ, которая только тѣмъ и была замѣчательна, что ее считали mal élevée да называли жалкою...

Онъ не нашелъ, что̀ отвѣтить ей; его поразилъ ея глубоко грустный тонъ, хватавшій за сердце. Они прошли нѣсколько времени молча. Она заговорила первая.

— Какъ тяжело сознавать съ самаго дѣтства свое одиночество, свою отчужденность, — проговорила она. — Я никогда никого не любила и всегда чувствовала, что никто не любитъ меня. Иногда забудешь это и являешься какой-то дико-безшабашной, а потомъ опять вспомнится это, и съежишься, уйдешь въ себя, пробираетъ дрожь... Расти безъ любящей матери — это истинное несчастіе для человѣка... особенно для дѣвушки...

— Но какъ же вы говорите, что васъ никто не любилъ?— сказалъ Мухортовъ.—У васъ были отецъ, тетки, подруги...

Она нетерпѣливо пожала плечами.

— Отецъ—дѣлецъ; онъ, можетъ-быть, любилъ бы сына, но меня, дочь,—онъ почти не обращалъ на меня вниманія; тетки—онѣ, кажется, родились съ поврежденными мозгами; подруги же, которыхъ мнѣ давали отецъ, стремившійся въ высшій кругъ, и тетки, не забывшія, что онѣ принадлежатъ къ потомкамъ хоть и захудалаго, но все же древняго рода,—развѣ эти подруги могли любить дурно воспитанную дѣвочку?..

Она усмѣхнулась.

— У меня, правда, есть одна подруга, которую я люблю и которая меня любитъ, но, къ несчастію, съ ней о многомъ нельзя говорить; она многаго не понимаетъ...

— Кто же это?

— Дочь моей кормилицы, бывшей потомъ у насъ коровницей... Я въ дѣтствѣ любила бѣгать смотрѣть, какъ доятъ коровъ, и пить парное молоко... Здѣсь я познакомилась съ дочерью мамки... Она двумя годами старше меня... мы съ ней и теперь дружны... Это единственный человѣкъ, любящій меня... она и ея сынишко, мой крестникъ... Она уже три года какъ замужемъ...

— Да, это грустно,—сказалъ Мухортовъ.—Но ваша жизнь впереди... вы еще полюбите... выйдете замужъ...

Онъ въ смущеніи оборвалъ рѣчь, казалось, онъ и самъ испугался своихъ словъ, и испугалъ ими свою собесѣдницу. По ея лицу скользнула горькая усмѣшка.

— Замужество въ моемъ положеніи не что иное, какъ простая сдѣлка,—отвѣтила она просто.—Я выгодная невѣста.

Мухортова точно кольнуло въ сердце. Онъ замѣтилъ горячо:

— Такъ нельзя смотрѣть! Развѣ вы не можете полюбить, развѣ васъ не могутъ полюбить? Если смотрѣть съ вашей точки зрѣнія, то нельзя и вѣрить.

— Я и не вѣрю,—отвѣтила она сухо.

Онъ растерялся. Для чего это она говоритъ? Или она поняла его намѣреніе и хочетъ сразу прекратить всякія искательства съ его стороны? Значитъ, все кончено? сорвалось? Ему было стыдно. Онъ не привыкъ играть унизительныя роли. Они шли и молчали. Это молчаніе становилось тягостнымъ. Она опять заговорила первая.

— И что̀ хуже, что̀ обиднѣе всего,—сказала она, и въ тонѣ ея послышались и горечь, и презрѣніе:—такъ это то, что тѣ, которые сватаются за меня, даже не доставятъ себѣ труда сдѣлать такъ, чтобы я повѣрила имъ... Имъ даже этого не нужно: имъ нужно взять приданое, а люблю ли я ихъ, довѣряю ли я имъ—имъ все равно... У меня вѣдь много уже было жениховъ: увидитъ человѣкъ разъ или два и идетъ къ отцу просить моей руки... Еще счастіе, что отецъ далъ мнѣ, наконецъ, полную свободу...

Мухортовъ испытывалъ нѣчто такое, какъ будто ему давалъ кто-то пощечину за пощечиной. Онъ былъ блѣденъ и серьезенъ.

— Вы знаете, я вѣдь уходила отъ него,—продолжала она.—Шесть мѣсяцевъ прожила въ углу у своей Марѳуши... Сдѣлала скандалъ на весь уѣздъ... Отецъ не выдержалъ и сдался.

Она усмѣхнулась.

— Напрасно поторопился... сама бы пришла съ повинною... Я вѣдь все же бѣлоручка и крестьянскій трудъ не подъ силу мнѣ... Вонъ жать пробовала, такъ чуть руку не отрѣзала...

Она подняла свою тонкую, прекрасную руку и указала на бѣлый шрамъ.

— Гдѣ ужъ намъ бороться съ нищетой!—со вздохомъ сказала она.

Они медленно возвращались къ террасѣ. Когда послышались ихъ шаги на ступеняхъ террасы, всѣ присутствующіе обернулись съ сіяющими и вопросительными лицами къ молодымъ людямъ, прервавъ оживленный разговоръ о томъ, что имѣніе Мухортовыхъ превосходно и можетъ дать при хорошемъ хозяйствѣ отличные доходы, и о томъ, что дядя Жакъ все можетъ сдѣлать, что захочетъ; а онъ захочетъ сдѣлать все, о чемъ его попроситъ Софья Петровна. Этотъ

оживленный разговоръ, сопровождаемый веселымъ смѣхомъ, прямо приводилъ къ тому, что сдѣлка выгодна для обѣихъ сторонъ и должна состояться непремѣнно, если только молодые люди пойдутъ на нее, а что они пойдутъ на нее— въ этомъ никто не сомнѣвался. Не даромъ же они такъ долго загулялись съ-глазу-на-глазъ. И всѣ точно окаменѣли, увидавъ этихъ приближавшихся къ ихъ группѣ молодыхъ людей: впереди шла Марья Николаевна съ поблѣднѣвшимъ лицомъ, съ грустно-опущенными внизъ глазами, кутаясь въ свой платокъ; за нею шелъ медленными шагами Егоръ Александровичъ, также блѣдный и необычайно серьезный, почти суровый. Софья Петровна пугливо взглянула на Алексѣя Ивановича; тотъ передернулъ плечами.

— А мы васъ искали, искали!—заговорили барышни Мухортовы, подбѣгая къ Протасовой.

— Да?—какимъ-то страннымъ тономъ спросила она.— Зачѣмъ же?

— Да какъ же, скрылись вдвоемъ...

— И вамъ стало страшно за меня?—спросила съ ироніей Протасова.

Алексѣй Ивановичъ между тѣмъ сорвался съ мѣста и, забывъ всякія приличія, уже шопотомъ разспрашивалъ Егора Александровича:

— Ну, что, что?

— Нужно быть подлецомъ, чтобы просить ея руки!— отвѣтилъ коротко Егоръ Александровичъ.

Толстякъ въ изумленіи развелъ руками...

ТРЕТЬЯ ГЛАВА.

I.

Стояла душистая, тихая и беззвучная весенняя ночь. Мухортовскій садъ былъ весь залитъ луннымъ свѣтомъ. На террасу праваго флигеля отворилась дверь, и лунный свѣтъ озарилъ двѣ фигуры. Это были Егоръ Александровичъ и Поля. Онъ былъ въ бѣломъ кителѣ, она въ свѣтло-сѣромъ платьѣ. Они ярко выдѣлялись среди зелени разставленныхъ на террасѣ растеній, стоя въ отворенныхъ дверяхъ, какъ въ рамѣ, окруженные золотистымъ фономъ освѣщенной комнаты Мухортова. Послышался страстный шопотъ прощанія.

— Милый, дорогой мой, такъ не женитесь? Не женитесь на ней?

— Нѣтъ, нѣтъ, я же сказалъ тебѣ.

— И меня не бросите?

— Поля! какъ тебѣ не грѣхъ!

— Знаю, знаю!..

Она порывисто обвила въ послѣдній разъ его руками, горячо поцѣловала его и скользнула неслышными торопливыми шагами съ ступеней террасы. Онъ постоялъ съ минуту, смотря, какъ мелькало ея свѣтлое платье среди деревьевъ, потомъ вздохнулъ и вошелъ въ комнату. Онъ заперъ дверь, прошелъ въ раздумьи по кабинету и остановился передъ письменнымъ столомъ. Здѣсь стоялъ акварельный портретъ старика съ развѣвавшимися въ стороны сѣдыми волосами, съ воспаленными старческими глазами. Всматриваясь въ этотъ портретъ, Егоръ Александровичъ становился все грустнѣе и грустнѣе. Этотъ старикъ былъ единственнымъ человѣкомъ, знавшимъ душу Мухортова. Впервые теперь Егоръ Александровичъ почувствовалъ, что онъ одинокъ, вполнѣ одинокъ. Одинокимъ онъ былъ вездѣ и всегда: въ обществѣ матери, въ кругу товарищей, даже на свиданіяхъ съ только-что ушедшей дѣвушкой. Онъ задумался о ней. Что̀ она давала ему? Ласки, поцѣлуи, страстныя наслажденія и только! Ее не интересовалъ его душевный міръ, такъ какъ она его не понимала; его не заинтересовали бы, вѣроятно, ея интересы, если бы они были у нея, но у нея ихъ вовсе не было, такъ какъ она вся жила одной любовью къ нему, къ Егору Александровичу. Невольно въ памяти Мухортова воскресло прошлое...

Нѣчто странное, небывалое совершилось въ его душѣ. Еще нѣсколько дней тому назадъ онъ думалъ о своей женитьбѣ «по расчету» на почти незнакомой ему дѣвушкѣ съ брезгливостью, но и только. Ему гадко было сознаться, что онъ долженъ жениться на первой встрѣчной ради поправленія своего матеріальнаго положенія, но, тѣмъ не менѣе, онъ готовъ былъ идти на эту сдѣлку, какъ на нѣчто неизбѣжное. Онъ не задумался даже о томъ, насколько счастлива будетъ избранная имъ дѣвушка. И стоило ли объ этомъ думать? Десятки молодыхъ людей изъ его круга женятся такъ, и ихъ жены счастливы. Въ подобныхъ бракахъ никто не видитъ ничего выходящаго изъ ряду вонъ, ничего чудовищнаго. И вдругъ, когда всѣ окружающіе его, Егора Александровича, были убѣждены, что ему сто̀итъ сдѣлать шагъ, и все будетъ кончено, съ его языка сорвалась фраза: «Нужно быть подлецомъ, чтобы сдѣлать ей предложеніе». Почему? Онъ самъ не сознавалъ этого, когда произнесъ эту

фразу. Она не была плодомъ серьезнаго размышленія, плодомъ опредѣленнаго убѣжденія; она сорвалась у него съ языка подъ вліяніемъ какого-то смутнаго ощущенія стыда за свое намѣреніе; этотъ стыдъ былъ вызванъ первой откровенной бесѣдой съ этой дѣвушкой. Егоръ Александровичъ впервые почувствовалъ, что есть люди, передъ которыми стыдно лгать. Ему теперь казалось, что если бы онъ сталъ лгать передъ Протасовой, то ему было бы больно, физически больно; эту боль онъ испытывалъ теперь при одной мысли о необходимости лгать. Это было странное, непонятное для него ощущеніе, но оно было въ немъ. Въ его воображеніи рисовалась теперь ярко картина, какъ онъ пришелъ бы просить руки Протасовой, какъ онъ сталъ бы говорить о своей любви, какъ вспыхнуло бы отъ стыда его лицо, а она—она, сознавая, что онъ лжетъ, взглянула бы на него съ болѣзненнымъ упрекомъ. Онъ уже подмѣтилъ этотъ взглядъ, полный грусти и горечи, когда онъ попробовалъ сказать ей, что помнитъ ее еще ребенкомъ. Онъ покраснѣлъ и смутился отъ этого взгляда; еще больше смутился бы онъ, когда пришлось бы настойчиво лгать о своей любви. Но Протасова не ограничилась бы однимъ этимъ взглядомъ, она прямо сказала бы ему: «Вы вѣдь вовсе не любите меня!» О, тутъ можно провалиться сквозь землю. Нѣтъ, никогда, никогда, онъ не сдѣлаетъ подобнаго шага; хотя бы пришлось умереть съ голоду...

Умереть съ голоду... Впервые Мухортовъ взглянулъ вполнѣ серьезно на свое положеніе, и на него напалъ паническій страхъ. До этого времени онъ жилъ, какъ тысячи разныхъ матушкиныхъ сынковъ: въ домѣ шла широкая жизнь, мать и сестры, дяди и тетки, кузены и кузины, всѣ сорили деньгами направо и налѣво, не подводя итоговъ, черпая пригоршнями деньги изъ неизсякаемаго источника всякихъ благъ—изъ имѣній: случался неурожай—въ имѣніе писалось о продажѣ лѣса; недоставало и этого — имѣніе закладывалось; проѣдалась ссуда—имѣніе закладывалось во вторыя руки. Извѣстіе о томъ, что неизсякаемый источникъ изсякъ — было совершенной неожиданностью, какимъ-то страшнымъ сномъ, отъ котораго хотѣлось пробудиться и со смѣхомъ увѣриться, что это невозможно въ дѣйствительности. Теперь Егоръ Александровичъ уже понималъ, что это не сонъ, что это страшный, неотразимый фактъ. Какое-то горькое чувство шевельнулось въ его душѣ противъ матери. Она легкомысленно тратила деньги безъ счета и прі-

учала сына къ тому же мотовству. Правда, онъ не сдѣлался такимъ мотомъ, какимъ онъ могъ бы сдѣлаться при такой системѣ воспитанія, но тутъ мать была ни при чемъ, тутъ явился на помощь юношѣ случай. Два года у Егора Александровича болѣли глаза, такъ что ему почти нельзя было заниматься. Докторъ, призванный къ двѣнадцатилѣтнему ребенку, сказалъ: «О, эти глаза съ поволокою прелестны, но очень опасно шутить съ ними; мальчикъ долженъ оставить на время ученье, иначе онъ можетъ ослѣпнуть». Ученье было оставлено, и къ мальчику былъ приставленъ гувернеръ, долженствовавшій, насколько возможно, развивать и учить ребенка, не давая ему въ руки книгъ. Съ этой минуты начался новый фазисъ въ развитіи ребенка. Гувернеръ, старый швейцарецъ, сталъ много гулять съ мальчуганомъ и еще больше читать ему вслухъ. Долгія прогулки посвящались серьезнымъ бесѣдамъ, объясненіямъ, ознакомленію съ природой и людьми; долгія чтенія открывали передъ мальчикомъ новый міръ человѣческой мысли. Жеромъ Гуро́ держался того убѣжденія, что для ребенка хорошо всякое великое произведеніе, если ребенокъ его хотя сколько-нибудь понимаетъ, и потому читалъ мальчику не однѣ какія-нибудь сказки Перро или Робинзона, а познакомилъ его и съ «Королемъ Лиромъ», и съ «Макбетомъ», и съ «Донъ-Кихотомъ», и съ «Разбойниками». На пятнадцатомъ году Жоржъ Мухортовъ былъ знакомъ серьезно и основательно со всѣмъ, что̀ создали лучшаго великіе геніи-писатели. Онъ ихъ полюбилъ страстно, какъ можно любить только лучшихъ друзей въ лучшіе годы жизни. Онъ бѣжалъ отъ шумныхъ собраній къ этимъ друзьямъ и къ тому, кто познакомилъ его съ этими друзьями, къ старику съ широкими красными руками, съ слезящимися отъ избытка чувствительности и отъ старости глазами, съ всклоченными сѣдыми волосами, съ небрежнымъ туалетомъ—то съ развязаннымъ галстукомъ, то съ запачканной нюхательнымъ табакомъ манишкой, то съ разстегнутыми пуговками у брюкъ. Софья Петровна начинала приходить въ ужасъ: ея Жоржъ не умѣлъ держать себя въ обществѣ; ея Жоржъ былъ дикаремъ; ея Жоржъ былъ неряшливъ. Надо было отпустить поскорѣй этого противнаго старикашку Гуро́, выжившаго изъ ума; надо было отдать Жоржа въ кавалерійское училище, чтобы лошади заставили забыть разныхъ философовъ, а верховая ѣзда придала ловкость онѣмѣвшимъ среди сидѣнья за книгами членамъ. Егоръ Александровичъ живо помнилъ минуту про-

щанія съ Гуро́. У старика дрожали губы, когда онъ сталъ говорить своему воспитаннику приготовленное наканунѣ, какъ приготовляются проповѣди пасторовъ, витіеватое прощальное слово, а по впалымъ щекамъ его медленно текли слезы, болѣе краснорѣчивыя, чѣмъ слова.

— Ты уменъ,—говорилъ старикъ:—остроуменъ даже. Но, мой другъ, сколько умныхъ и остроумныхъ людей были злодѣями. Воспитай въ себѣ добрыя чувства и честность. Вотъ что̀ всего нужнѣе въ жизни для всякаго, для простого смертнаго и для генія. Лучше бы не родиться генію, если онъ не любитъ человѣчества, если онъ не знаетъ чувства чести. Отъ ошибокъ не застрахованъ никто, но, сдѣлавъ ошибку, старайся, по возможности, исправить ее, и, главное, слѣди за собою зорко, чтобы не сдѣлать сознательно злого и безчестнаго дѣла...

По мѣрѣ того, какъ старикъ говорилъ, губы его вздрагивали все сильнѣе и сильнѣе, слезы катились обильнѣе по щекамъ, наконецъ, онъ совсѣмъ потерялъ способность произносить слова и, не докончивъ своей, затверженной еще наканунѣ рѣчи, поднялъ старческія, трепещущія, красныя руки на голову юноши.

— Видитъ Богъ, что я желалъ тебѣ добра,—прошепталъ онъ, разомъ оборвавъ недосказанную рѣчь.

Жоржъ схватилъ его руки и покрылъ ихъ поцѣлуями, рыдая навзрыдъ...

Спустя часъ, когда онъ, немного успокоенный, вошелъ въ гостиную, мать замѣтила ему съ презрительной усмѣшкой:

— Фи! тебя табакомъ перепачкалъ monsieur Гуро́!

И она съ гадливой гримасой указала на табачное пятно, оставленное на сорочкѣ юноши. Жоржъ вспыхнулъ и почти съ ненавистью проговорилъ:

— Какая ты бездушная!

Потомъ онъ повернулся и вышелъ вонъ. Ему казалось, что мать его глумилась надъ святыней лучшихъ чувствъ, толкуя въ такую тяжелую для него минуту о какомъ-то пятнѣ на сорочкѣ...

Но какъ далеки были эти годы, эти чувства теперь! Великихъ геніевъ смѣнили лошади; жизнь въ тишинѣ библіотеки замѣнилась жизнью въ манежѣ; бесѣды съ чудакомъ-философомъ отодвинулись куда-то далеко передъ сальными разсказами о преждевременномъ развратѣ золотой молодежи. Недавно еще все будило умъ, теперь все пробуждало чувственность. И вѣчная верховая ѣзда, и скабрезные разго-

воры, и сальныя карточки, и пріятельскія пирушки, и бальная атмосфера, пропитанная запахомъ одуряющихъ духовъ, полная голыхъ женскихъ рукъ и плечъ,—все, казалось, было приспособлено къ тому, чтобы даже мечтатель-юноша мало-по-малу превратился въ разнузданное животное, отдающееся только всѣмъ своимъ похотямъ. Извѣстная чистоплотность, извѣстное физическое отвращеніе къ женщинамъ, къ которымъ ѣздятъ всѣ и каждый, иногда цѣлыми партіями, спасали долго Егора Александровича отъ разврата. Но это же довело его до того, о чемъ онъ вспоминалъ иногда просто съ ужасомъ, до сближенія съ Полей. Онъ не искалъ себѣ оправданій за этотъ проступокъ въ томъ, что онъ сошелся съ ней случайно, не думая, не гадая, не ухаживая за ней, а просто въ минуту страстнаго возбужденія; онъ не оправдывалъ себя и тѣмъ, что она сразу отдалась ему, безъ сопротивленія, съ увлеченіемъ, такъ какъ она чуть не съ дѣтства была влюблена въ него; онъ не старался успокоить свою совѣсть и тѣмъ, что дѣвушка знала, на что̀ она идетъ, и шла добровольно, говорила, что въ этой любви было все ея счастіе, что больше ей ничего не нужно. Онъ сознавалъ только то, что ея жизнь навсегда испорчена имъ и что загладить своей ошибки онъ не можетъ. Жениться? Эта мысль ни на минуту не приходила ему въ голову, такъ немыслимъ былъ этотъ союзъ, вслѣдствіе различія его и ея положеній. Продолжать вѣчно жить съ нею въ незаконной связи? Именно это въ порывѣ увлеченія обѣщалъ онъ ей, говоря, что онъ ее никогда не броситъ, этимъ удовольствовалась бы вполнѣ она. И вдругъ, нежданно, негаданно, повидимому, безъ всякихъ внѣшнихъ поводовъ, онъ остановился теперь на вопросѣ: можетъ ли его удовлетворять всегда этотъ союзъ? Что̀ связывало его съ этой дѣвушкой? Она приходила къ нему, или онъ пробирался къ ней, начинались поцѣлуи и ласки—и только. Это была чисто физическая связь. Она не поняла бы ничего изъ того, что̀ интересовало его, о чемъ онъ думалъ, надъ чѣмъ онъ просиживалъ цѣлыя ночи; онъ ни разу не заглянулъ въ ея душевный мірокъ, и, можетъ-быть, даже боялся заглянуть въ этотъ мірокъ, опасаясь встрѣтить тамъ ту страшную пустоту, какую можно найти у дѣвушекъ ея положенія. Въ этомъ міркѣ не было ни страстныхъ стремленій къ чему бы то ни было, ни завѣтныхъ надеждъ и желаній, ни глубокихъ думъ о какихъ бы то ни было вопросахъ, людскихъ отношеніяхъ; дѣвушка росла въ барскихъ хоромахъ, была

одѣта, обута, сыта; ее баловали и ласкали всѣ; никто, въ сущности, не задумывался о ея судьбѣ; всѣ знали, что ей хорошо живется, что она выйдетъ впослѣдствіи замужъ, если подвернется подходящій человѣкъ, а подходящій человѣкъ непремѣнно подвернется, такъ какъ она была хороша и скромна, за ней дадутъ хорошее приданое и даже пристроятъ жениха, если будетъ нужно. Оторванная отъ народа и не приставшая ни къ какому кругу людей, о чемъ могла она думать, кому могла она сочувствовать? Если съ нѣкоторыхъ поръ о чемъ-нибудь и начала думать эта дѣвушка, такъ это о красотѣ, о добротѣ, о ласковости молодого барина. Когда впервые стала она заглядываться на него?— она не давала себѣ отчета въ этомъ, но, должно быть, давно. По крайней мѣрѣ она сама не помнила того времени, когда бы онъ не казался ей лучше и милѣе всѣхъ людей. Стоило ему случайно натолкнуться на нее и, подъ вліяніемъ молодого возбужденія, приласкать ее, чтобы она сама бросилась въ его объятія. Съ этой минуты мысль о немъ наполнила весь ея душевный міръ, она ходила, какъ бы въ сладкомъ полузабытьѣ, съ свѣтлой улыбкой на лицѣ, нося въ душѣ только его образъ, только воспоминанія о каждомъ его словѣ, о каждой его ласкѣ. Теперь Егоръ Александровичъ, какъ-то помимо своей воли, задумался надъ вопросомъ: «что̀ же будетъ съ ней, если мнѣ придется ее оставить?» Оставить? Зачѣмъ же? Но нельзя же продолжать эту связь, когда женишься? Отчего нельзя? Еще чуть ли не вчера онъ былъ убѣжденъ, что можно. Но это гнусно обманывать молодую жену, отдающуюся своему мужу съ полной вѣрой въ его любовь. Почему же это кажется гнуснымъ сегодня и не казалось гнуснымъ вчера? И, наконецъ, именно сегодня ему нечего вообще задумываться объ этомъ вопросѣ, такъ какъ предполагавшаяся женитьба не можетъ состояться, искать же еще новую невѣсту съ крупнымъ приданымъ онъ вовсе не думаетъ. Онъ даже не понимаетъ, какъ онъ вообще согласился попробовать идти на эту сдѣлку? Ну, а что̀ же дѣлать, если не идти на эту сдѣлку! Работать, какъ совѣтовалъ дядя? Да развѣ онъ умѣетъ такъ работать? Въ душѣ Мухортова поднималась какая-то горечь. Онъ то ходилъ въ раздумьи по своему кабинету, то безсознательно останавливался передъ письменнымъ столомъ и глядѣлъ на портретъ Жерома Гуро̀.

— Что̀ бы ты сказалъ, старина, если бы заглянулъ въ мою душу?—проносилось въ головѣ Егора Александровича.

Старикъ смотрѣлъ на него кроткими и добрыми глазами. Егору Александровичу стало невыносимо тяжело. Онъ снова и снова сознавалъ, что подлѣ него теперь нѣтъ рѣшительно ни одного человѣка, могущаго поддержать его, какъ когда-то поддерживалъ его Гуро̀. А поддержка была такъ нужна именно теперь. Онъ стоялъ надъ обрывомъ, одинъ невѣрный шагъ, и онъ могъ погибнуть нравственно,—погибнуть, презирая самого себя за гнусныя сдѣлки со своею совѣстью...

II.

Софья Петровна дала слово Протасовымъ пріѣхать къ нимъ на обѣдъ черезъ три дня. Она напомнила объ этомъ обѣщаніи сыну. Онъ съ озабоченнымъ видомъ, думая о чемъ-то другомъ, коротко замѣтилъ ей:

— Я поѣду, но мнѣ кстати по дорогѣ надо будетъ заѣхать къ дядѣ, потолковать о дѣлахъ.

— О дѣлахъ?—съ удивленіемъ спросила Мухортова.

— Да, надо же взглянуть когда-нибудь бѣдѣ прямо въ глаза,—отвѣтилъ сынъ.—Вѣдь мы только толкуемъ о томъ, что мы стоимъ на краю пропасти, а въ сущности мы даже не знаемъ, стоимъ ли мы только на краю ея, или уже летимъ въ нее неудержимо внизъ головою...

Генеральша томно и медленно вздохнула.

— Ахъ, лучше и не заглядывать туда...—отвѣтила она, закрывая на минуту глаза рукою.—Но я надѣюсь, что ты произвелъ впечатлѣніе на Мари...

Сынъ сдѣлалъ нетерпѣливое движеніе. Онъ избѣгалъ всякихъ разговоровъ съ матерью объ этомъ щекотливомъ предметѣ, чутьемъ угадывая, что мать не пойметъ его чувствъ.

— Я не желаю ни покупать невѣсты, ни продаваться,—отвѣтилъ онъ коротко и сухо.

Мать испугалась и широко открыла глаза.

— Развѣ ты раздумалъ?.. Да нѣтъ, это невозможно!.. Дядя же говорилъ, что другого исхода нѣтъ,—заговорила она растерянно.—Ахъ, Жоржъ, неужели эта связь мѣшаетъ тебѣ?.. Вѣдь нельзя же, милый...

— Не будемъ покуда говорить объ этомъ,—перебилъ онъ попрежнему коротко и сухо, какъ бы отрывая всякую возможность къ продолженію разговора.

Мать и сынъ отправились къ Протасовымъ. Немного въ сторонѣ было имѣніе Алексѣя Ивановича. Доѣхавъ до него, Егоръ Александровичъ приказалъ кучеру остановиться и сказалъ матери, что онъ явится къ Протасовымъ черезъ

часъ, черезъ два, пѣшкомъ. Онъ направился къ дому дяди.

Старикъ Мухортовъ въ своемъ коломянковомъ сѣромъ балахонѣ стоялъ на надворномъ крыльцѣ и о чемъ-то горячо спорилъ съ двумя работниками, сильно жестикулируя и пересыпая рѣчь отборною непечатною бранью, поминая и сыновей, и матерей. Онъ кричалъ такъ громко, что его голосъ былъ слышенъ издалека. Онъ очень удивился, увидавъ племянника.

— Я тебѣ помѣшалъ,—спросилъ Егоръ Александровичъ.

— Нѣтъ, я уже кончилъ... Хозяйственныя распоряженія кое-какія дѣлалъ,—отвѣтилъ старикъ.

Молодой человѣкъ слегка улыбнулся.

— А я думалъ, что ты уже тамъ, у своей прелестницы,— сказалъ старикъ. — Надѣюсь, что блажь-то прошла изъ головы! И съ чего ты взялъ, чудакъ, отказываться?..

— Я заѣхалъ поговорить съ тобой о дѣлѣ,—проговорилъ Егоръ Александровичъ, не отвѣчая на вопросъ.

— О дѣлѣ? О какомъ такомъ дѣлѣ?—удивился дядя.

— Пройдемъ въ домъ,—сказалъ Егоръ Александровичъ.

Старикъ наскоро отдалъ послѣднія строгія приказанія работникамъ, пригрозивъ опять и «бараньимъ рогомъ», и «мѣстами, куда Макаръ телятъ не гоняетъ, а воронъ костей не заноситъ», помянулъ еще разъ родителей и сродственниковъ и повелъ племянника въ свой кабинетъ. Здѣсь было цѣлое столпотвореніе: массы бумагъ, шнуровыхъ книгъ, образцы какихъ-то сѣмянъ, картофеля, какая-то машина, спичечныя коробки разныхъ образцовъ — все это было нагромождено такъ, что трудно было отыскать свободное мѣсто на стулѣ или на диванѣ.

— Ну, какія такія дѣла могутъ быть у тебя, Егорушка?— спросилъ шутливо дядя, отирая потъ. — Вотъ у насъ такъ дѣла! Съ утра сегодня съ работниками всѣхъ родителей поминаю и не могу доказать подлецамъ, что цѣны имъ не слѣдъ поднимать, если зиму голодать не хотятъ...

— Не можешь ли ты обстоятельно выяснить положеніе нашихъ дѣлъ?—спросилъ племянникъ, не слушая его.

— Ха-ха-ха! Вотъ выдумалъ! Чего тутъ выяснять: прогорѣли совсѣмъ, вотъ и выясненіе,—отвѣтилъ дядя такимъ тономъ, точно онъ говорилъ о какой-нибудь комической исторіи. — Впрочемъ, ты долженъ это знать, такъ какъ я все подробно писалъ твоей матери.

— Ты думаешь, она читала твои дѣловыя письма?—сказалъ Егоръ Александровичъ съ презрительной усмѣшкой.

— Ну, а ты?

— Я никогда не вмѣшивался въ дѣла.

— А кутить умѣлъ?

— Ты ошибаешься... Я жилъ, относительно, очень скромно... Но дѣло не въ томъ... Мнѣ нужно знать точно и опредѣленно, можно ли вывернуться въ нашемъ положеніи... Къ сожалѣнію, мнѣ ты никогда и ни о чемъ не писалъ... и я теперь не знаю, что̀ начать...

— Да вѣдь это рѣшенный вопросъ: ты женишься...

— Я сказалъ, что я не женюсь,—коротко отвѣтилъ Егоръ Александровичъ.—Мнѣ нужно знать, есть ли другой исходъ?

— Да ты съ ума сошелъ! — воскликнулъ старикъ почти съ испугомъ.—Въ какое положеніе ты меня ставишь передъ Протасовымъ. Вѣдь онъ на это разсчитываетъ...

Онъ хотѣлъ что-то сказать еще, но Егоръ Александровичъ перебилъ его:

— Можно ли покрыть долги продажей большей части имѣнія, оставивъ себѣ такую часть, которая давала бы средства къ скромному существованію?

— Да ты что̀ задумалъ, Егорушка?—спросилъ съ тревогой старикъ, кажется, серьезно подозрѣвая, что молодой человѣкъ сошелъ съ ума.

— Видишь ли, что̀. Я хотѣлъ бы честно расплатиться съ долгами. Если у меня останутся кое-какія крохи, я поселюсь здѣсь, бросивъ службу въ полку. Здѣсь со временемъ можно будетъ, конечно, пристроиться какъ-нибудь, если я попривыкну къ здѣшней жизни...

Дядя смотрѣлъ на него широко открытыми глазами. Это было для него нѣчто новое.

— А мать?

— У матери есть пенсія...

— Но она же не привыкла кое-какъ жить, замашки широкія...

— Мало ли у кого какія замашки, но если другого выхода нѣтъ... Впрочемъ, дядя Жакъ питаетъ къ ней такія родственныя чувства, что не оставитъ ее, — сказалъ молодой Мухортовъ, и какая-то нехорошая нотка прозвучала въ этихъ словахъ.—Я серьезно прошу тебя сообразить все, что̀ можно сберечь, ликвидируя дѣла... Я хочу расквитаться навсегда съ долгами, но мнѣ надо знать, съ чѣмъ я могу начать новую жизнь. Если не останется ровно ничего, то мнѣ, конечно, нечего и думать объ отставкѣ, а придется перейти въ армію и не думать объ университетѣ. Это нужно

рѣшить на дняхъ же, такъ какъ въ гвардіи я во всякомъ случаѣ не могу больше служить...

Алексѣй Ивановичъ потеръ рукою потный лобъ, точно онъ все еще не могъ сообразить вполнѣ того, что происходитъ.

— Право, Егорушка, въ толкъ я ничего не возьму, не ожидалъ я отъ тебя этого, — говорилъ онъ, ходя по комнатѣ. — Какъ же такъ, все уладили, все пошло, какъ по маслу, и вдругъ... У насъ тоже съ Протасовымъ свои планы были... этакая неловкость выходитъ... Да тебѣ и не выжить тутъ... Гдѣ тебѣ!

— Да ты же меня совсѣмъ не знаешь,—просто замѣтилъ Егоръ Александровичъ.—Наконецъ это мое дѣло: выживу я или нѣтъ. Ты только сообрази чисто-дѣловую сторону; я сдѣлалъ бы это и самъ, но всѣ бумаги, касающіяся имѣнія, у тебя, я ничего тутъ не соображу одинъ...

Егоръ Александровичъ говорилъ спокойно и серьезно. Алексѣй Ивановичъ раза два снова наводилъ рѣчь на женитьбу, но племянникъ упорно подтверждалъ, что онъ никогда не женится на Протасовой, хотя бы ему грозила нищета. Почему — этого онъ не объяснялъ, сказавъ просто, что онъ не любитъ ее, а жениться безъ любви онъ не намѣренъ. Старикъ только покачивалъ головой и наконецъ со вздохомъ замѣтилъ:

— Смотри, Егорушка, не прогадай! Послѣ близокъ будетъ локоть, да не укусишь... А впрочемъ...

По лицу старика скользнула ироническая улыбка.

— Попробуй... поскачи по-нашему... Скоро вы устаете, питерскіе франты...

Егоръ Александровичъ ничего не возражалъ и сталъ прощаться съ дядею.

Онъ пѣшкомъ направился къ Протасовымъ. Они жили въ старинномъ помѣщичьемъ домѣ. Домъ принадлежалъ когда-то тремъ теткамъ Марьи Николаевны, сестрамъ ея матери, дѣвицамъ Ададуровымъ. Домъ производилъ непріятное впечатлѣніе по своей скучной архитектурѣ,—это была какая-то прямолинейная большая казарма, выкрашенная казенной желтой краской съ бѣлыми плоскими колонками около подъѣзда, съ прямыми окнами. За домомъ тянулся столѣтній мрачный и однообразный паркъ. Въ комнатахъ вѣяло тою же строгостью, однообразіемъ и скукою. Старинная тяжелая мебель стояла «по ранжиру», точно вросла въ полъ. Бѣлый залъ въ два свѣта казался пріемной комнатой въ какомъ-

нибудь присутственномъ мѣстѣ. Въ гостиныхъ выцвѣтшіе штофные стулья и диваны, казалось, были набиты не волосомъ, а кирпичами. Но каждая вещь говорила, что все это стоитъ здѣсь «съ временъ очаковскихъ и покоренья Крыма». Три тетки Марьи Николаевны Протасовой: Аглая, Серафима и Ольга Евгеніевны Ададуровы, тоже больше напоминали вѣкъ Екатерины, чѣмъ наше время. Чваныя, сухія, отдалившіяся отъ всего живого, старыя дѣвы въ своихъ яркихъ платьяхъ и въ давно вышедшихъ изъ моды кринолинахъ, были бы очень смѣшны, если бы отъ каждаго ихъ слова не вѣяло скукой. Онѣ жили съ незапамятныхъ временъ въ своемъ имѣніи; было время, когда онѣ чуть не потеряли этого имѣнія, проѣвъ послѣднія крохи; въ это время явился къ нимъ на помощь Протасовъ, посватавшійся за ихъ младшую сестру. Долго колебались они согласиться на этотъ неравный бракъ, но перспектива разоренія и продажи имущества заставила ихъ принести эту «жертву». Младшая Ададурова вышла за Протасова, имѣніе было приведено въ порядокъ; Протасовъ же, кромѣ хорошенькой жены, пріобрѣлъ довольно сильныя связи и протекціи въ Москвѣ, гдѣ Ададуровы всегда проводили три зимнихъ мѣсяца ежегодно. Протасовъ овдовѣлъ давно, обзавелся въ Петербургѣ побочной семьей, и его дочь росла подъ надзоромъ трехъ старухъ-тетокъ, не умѣвшихъ никогда справиться съ дѣвочкой. Онѣ говорили со вздохами, что въ ней сказывается плебейская кровь, когда она убѣгала къ деревенскимъ мальчишкамъ и дѣвчонкамъ, лазила на деревья, играла въ лошадки, или ходила въ поле жать съ бабами. Тетки чуть не прокляли ее, когда она почти ребенкомъ, года полтора тому назадъ, вдругъ убѣжала отъ нихъ изъ Москвы отъ какого-то престарѣлаго жениха-генерала и пріютилась у своей подруги-крестьянки. Эта исторія надѣлала шуму, смутила даже вѣчно холоднаго и невозмутимаго Протасова. Отыскавъ дочь, онъ попробовалъ пригрозить ей, но сразу наткнулся на желѣзную волю, на характеръ такой же твердый, какъ его собственный. Старикъ сдался и разъ навсегда далъ слово не приневоливать дочь въ дѣлѣ замужества. Это все, что отвоевала она себѣ. Съ той поры ей стало дышаться легче и вольнѣе, хотя скука и тоска остались прежнія.

Въ гостиной Ададуровыхъ, пройдя черезъ анфиладу пустынныхъ комнатъ, Егоръ Александровичъ засталъ трехъ раскрашенныхъ хозяекъ дома, свою мать и двухъ какихъ-то

измятыхъ и пожелтѣвшихъ старцевъ со звѣздами на груди. Оба старца говорили, пришепетывая, и глубокомысленно пережевывали свои губы въ минуты молчанія. Они говорили о событіяхъ временъ Александра Благословеннаго и сообщали анекдоты, смѣшившіе людей лѣтъ пятьдесятъ тому назадъ. Съ перваго раза Егору Александровичу показалось, что онъ попалъ въ кабинетъ движущихся восковыхъ фигуръ, гдѣ показываются публикѣ представители прошлыхъ вѣковъ. Несмотря на жаркій весенній день, окна въ гостиной были заперты, такъ какъ одинъ изъ старцевъ, маленькое и распухшее, какъ отъ водянки, созданіе, прерывая свои анекдоты, замѣчалъ:

— А все-таки здѣсь откуда-то дуетъ. Ты замѣчаешь, Пьеруша?

При чемъ другой старецъ, длинный и худой, какъ палка, владѣвшій только однимъ огромнымъ глазомъ, обводилъ взглядомъ комнату, ворочая на длинной и тонкой шеѣ свою голову, какъ на пружинѣ, и произносилъ:

— Да, Женюша, дуетъ! Но все заперто! Странно!

Это были графы Пьеруша и Женюша Слытковы, два близнеца, прожившіе до пятидесяти лѣтъ подъ опекой матери. Когда насталъ годъ ихъ совершеннолѣтія, они просили оставить мать ихъ опекуншею, «такъ какъ,—писали они въ прошеніи объ опекѣ,—они по слабоумію сами управлять дѣлами не могутъ». Эта опека прекратилась, когда имъ минуло пятьдесятъ лѣтъ, — прекратилась за смертью матери, которую они горько и долго оплакивали, хотя всѣ ихъ бесѣды съ нею сводились къ тому, что она спрашивала ихъ: «Вѣдь вы у меня глупыши?» — Они же отвѣчали ей: «Да, глупенькіе!» Тѣмъ не менѣе, глупыши достигли до чина тайныхъ совѣтниковъ, ни разу, впрочемъ, не посѣтивъ того присутственнаго мѣста, гдѣ числились на службѣ. Злые языки въ свѣтѣ говорили, что имъ дали чины за дѣвственность и благонравіе. Они остались на всю жизнь старыми холостяками, ни разу не разлучались другъ съ другомъ, жили одиноко, по виду напоминали скопцовъ, и только въ послѣднее время у нихъ поселился сынъ ихъ покойной сестры, камеръ-юнкеръ Николай Александровичъ Томиловъ— извѣстный въ кругу знакомыхъ и родныхъ подъ именемъ «мрачнаго Коко». Къ нему должны были перейти не только ихъ богатства, но, вѣроятно, и титулъ, такъ какъ родъ графовъ Слытковыхъ прекращался съ Пьерушей и Женюшей.

Попавъ въ этотъ кружокъ, Егоръ Александровичъ по-

чувствовалъ себя очень скверно и съ ужасомъ замѣтилъ, что здѣсь не было даже Марьи Николаевны, то-есть единственнаго существа, съ которымъ онъ могъ бы перекинуться живымъ словомъ. Ему было не только досадно, что она его оставила на жертву этому обществу,—ему почему-то показалось, что это было сдѣлано не безъ умысла... Не хотѣла ли она помучить? Или, можетъ-быть, тутъ было своего рода глумленіе надъ нимъ—надъ искателемъ богатой невѣсты. Это задѣло его самолюбіе, и онъ рѣшился лучше остаться въ этой душной гостиной, чѣмъ идти искать Протасову.

Присутствующіе между тѣмъ, почти не обративъ на него вниманія, продолжали бесѣду, перешедшую теперь къ вопросу о необъяснимыхъ видѣніяхъ.

— Я какъ сейчасъ помню, это было передъ четырнадцатымъ декабремъ,—продолжалъ разсказывать, пришепетывая, Женюша Слытковъ:—мы собрались у генерала Арбузова. Были: я, Василій Богдановичъ Адамовичъ, два князя Вадбольскихъ и Зубовъ. Разговоръ коснулся наполеоновскихъ войнъ и численности его арміи въ сраженіи подъ Эйлау. Арбузовъ и Адамовичъ горячо заспорили. Наконецъ Арбузовъ и говоритъ:—«Да что же ты споришь, Василій Богдановичъ, когда я читаю исторію этого времени. Книга даже раскрыта у меня въ кабинетѣ на томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ говорится о числѣ войскъ».—«А я готовъ биться объ закладъ, хоть бы чорту душу пришлось отдать,—сказалъ Адамовичъ:—что правъ я».

Побились объ закладъ, и всѣ двинулись въ кабинетъ.

— Удивительная исторія!—началъ, захлебываясь, Пьеруша, ворочая голову на длинной шеѣ и обводя всѣхъ однимъ круглымъ и большимъ, какъ у неоперившейся птицы, глазомъ.

— Нѣтъ, ты погоди, Пьеруша, дай мнѣ досказать,—серьезно и строго остановилъ его порывъ Женюша.—Вотъ идемъ мы въ кабинетъ, отворяемъ двери и видимъ: у стола сидитъ самъ Арбузовъ и держитъ развернутую книгу. Мы переглянулись: всѣ были блѣдны, какъ полотно. Арбузовъ, то-есть настоящій Арбузовъ, стоящій съ нами, тяжело дышалъ. Онъ тихо подошелъ къ своему двойнику, всталъ за его спиною и заглянулъ черезъ его плечо въ книгу.—«Виноватъ, Василій Богдановичъ,—громко проговорилъ онъ.—Ты правъ! Недоброе пари заставилъ я тебя предложить»... Призракъ моментально исчезъ при этихъ словахъ,—подошли мы къ столу: книга лежитъ на столѣ, и никого нѣтъ.

— Удивительная исторія!—уже совсѣмъ восторженно воскликнулъ снова Пьеруша, опять обводя общество своимъ одинокимъ глазомъ.—Женюша всегда ее такъ разсказываетъ. Всегда! И когда—слушайте, это ужасно знаменательно!—пришелъ онъ домой,—я не былъ на этомъ вечерѣ, горло болѣло,—пришелъ онъ домой, взглянулъ я на него и говорю: «Женюша, съ тобой случилось необычайное событіе!»—«Ты почему, Пьеруша, знаешь?»—спрашиваетъ онъ.—«Я не знаю, но я чувствую»,—отвѣтилъ я.—«Ты правъ»,—сказалъ онъ.

— Нѣтъ, а ты разскажи, Пьерушка, про исторіи въ Петербургѣ у Лотгаммеръ, какъ стулья тамъ ходили,—сказалъ Женюша.—Домъ этотъ на углу Большой Садовой и Могилевской улицъ, донынѣ существуетъ и квартира...

Егоръ Александровичъ задыхался: его душила злоба на молодую хозяйку дома, оставившую его на жертву этимъ старцамъ. Однако, онъ все же далъ себѣ слово не выходить изъ этой комнаты на поиски бѣглянки. Но это ему не удалось исполнить. Софья Петровна, изнывавшая за сына, сдѣлала неловкость и спросила у одной изъ хозяекъ дома:

— А гдѣ скрывается Марья Николаевна?

— Мари, должно-быть, на террасѣ съ monsieur Томиловымъ,—отвѣтила старуха и крайне сухо обратилась къ Егору Александровичу:—Пройдите туда, если угодно, она, вѣрно, тамъ.

Егоръ Александровичъ закусилъ отъ досады губу, но волей-неволей долженъ былъ идти отыскивать молодую дѣвушку.

Онъ вышелъ на террасу. Здѣсь, внизу, на ступеняхъ, сидѣла Марья Николаевна въ странной позѣ: она обхватила руками одно колѣно и смотрѣла безцѣльно передъ собою; эта поза была скорѣе прилична мальчугану или юношѣ, но никакъ не барышнѣ. Около молодой дѣвушки стоялъ худощавый и болѣзненный господинъ съ очень некрасивымъ, неподвижнымъ лицомъ, обрамленнымъ съ боковъ небольшими баками. Ему было лѣтъ тридцать, но его темные волосы, зачесанные не безъ искусства, были крайне рѣдки, и несмотря на тщательную прическу, сквозь нихъ просвѣчивало тѣло. Его сѣрые глаза, смотрѣвшіе черезъ стекла pince-nez, были холодны и тусклы. Это былъ Коко Томиловъ, какъ узналъ потомъ Мухортовъ. Онъ что-то разсказывалъ Марьѣ Николаевнѣ, но она видимо не слушала его, смотря безцѣльно передъ собою. Егоръ Александровичъ

сталъ спускаться по лѣстницѣ. Протасова замѣтила его только тогда, когда онъ уже совсѣмъ близко подошелъ къ ней.

— А, это вы! — сказала она, лѣниво протягивая ему руку.—Бѣжали изъ общества мертвецовъ, которыхъ забыли похоронить?

— Не бѣжалъ бы, если бы они сами не изгнали меня, заставивъ отыскивать васъ,—отвѣтилъ онъ.

— А, вотъ что!—проговорила она.—Значитъ, они заинтересовали васъ?

— Да, оригинальная коллекція развалинъ,—сказалъ онъ небрежно.—Я ихъ слушалъ не безъ любопытства.

Томиловъ, не представленный Мухортову, отошелъ въ сторону, какъ-то враждебно и косо окинувъ его взглядомъ съ ногъ до головы. Протасова сдѣлала гримасу.

— Ну, я по доброй волѣ и минуты не провела бы съ ними,—продолжала она начатый разговоръ, не обращая вниманія на удалившагося Томилова, и въ ея тонѣ послышалась иронія.

— Да вѣдь и я не по доброй волѣ явился въ ихъ общество,—отвѣтилъ Мухортовъ съ извѣстной рѣзкостью.

Она вопросительно взглянула на него. Ему показалось въ этомъ взглядѣ не то презрѣніе, не то насмѣшка.

— Волей-неволей приходится отдавать визиты,—пояснилъ онъ съ несвойственною ему неделикатностью, почти дерзостью.—Къ тому же въ деревнѣ нельзя и выбирать, куда ѣздить, куда не ѣздить...

— Я предпочитаю ужъ лучше вовсе не ѣздить никуда,—сказала она:—силой иногда куда-нибудь вывезутъ, и то вѣдь это рѣдко бываетъ.

— Я, вѣроятно, также послѣдую вашему примѣру,—замѣтилъ онъ.—Я только буду счастливѣе васъ, такъ какъ меня некому силой возить въ гости.

— Ну, да вамъ такъ недолго придется здѣсь жить...

— Вы ошибаетесь, я поселюсь здѣсь надолго...

— Вы?

— Да.

— А служба?

— Я выхожу въ отставку.

Она посмотрѣла на него не безъ удивленія.

— Зачѣмъ? Устали служить?

Въ ея тонѣ была нескрываемая насмѣшливость.

— Нѣтъ, просто потому, что мои средства не позволяютъ служить въ гвардіи,—просто отвѣтилъ онъ.

По ея лицу скользнула улыбка, нехорошая улыбка, задѣвшая его за живое.

— А развѣ отставка поправитъ ваши средства?—спросила она.

— Еще бы. Здѣсь жизнь дешева вообще, и можно до послѣдней степени ограничить свои потребности,—отвѣтилъ онъ.—Можетъ-быть, мнѣ удастся попривыкнуть и къ сельскому хозяйству, если, конечно, останется что-нибудь для этого хозяйства.

— То-есть какъ это что-нибудь останется?—спросила она въ недоумѣніи.—У васъ же большое имѣніе...

— И еще бо̀льшіе долги,—отвѣтилъ онъ.—Я долженъ продать все, что̀ потребуется продать для уплаты этихъ долговъ.

Ея лицо сдѣлалось совершенно серьезнымъ. Она немного сдвинула брови и видимо находилась въ сильномъ недоумѣніи. Она только наканунѣ узнала, что Мухортовъ намѣревается свататься за нее. Она страшно разсердилась на него. Если бы онъ подвернулся ей въ ту минуту, она надѣлала бы ему страшныхъ дерзостей. Ей и теперь стоило не малаго труда сдержать себя хотя немного при встрѣчѣ съ нимъ и не надѣлать ему дерзостей. Теперь его слова сбили ее съ толку. У нея было непреодолимое желаніе прямо задать ему вопросъ о его желаніи просить ея руки, хотя она и сознавала, досадуя, впрочемъ, за это на себя, всю неловкость этого вопроса. Но, тѣмъ не менѣе, она не выдержала и съ ироніей сказала:

— А мнѣ говорили о какихъ-то другихъ вашихъ планахъ...

Онъ пристально, почти дерзко взглянулъ на нее, точно дѣлая ей вызовъ, точно говоря ей: «что же вы не договариваете? попробуйте!» Она впервые смутилась отъ холоднаго и серьезнаго взгляда этого человѣка и глянула въ сторону.

— У меня нѣтъ и не будетъ никакихъ другихъ плановъ,—отвѣтилъ онъ твердо и отчетливо.

Разговоръ вдругъ оборвался. Между молодыми людьми повѣяло какимъ-то холодомъ. Они почуяли одинъ въ другомъ враговъ...

III.

Егоръ Александровичъ, вернувшись домой, тотчасъ же съ лихорадочной поспѣшностью засѣлъ за разборъ разныхъ счетовъ и отчетовъ, доставленныхъ ему дядею, и не безъ

страха раздумывалъ, сумѣетъ ли онъ одолѣть всѣ эти ряды цифръ. Дѣло для него было совершенно новое. Но это нужно было сдѣлать, чтобы уяснить себѣ, какъ поступать дальше. Не уяснивъ себѣ этого, онъ испытывалъ такое ощущеніе, какъ-будто на немъ были надѣты колодки, мѣшавшія ему свободно двигаться. Работа должна была занять у него не день, не два, и онъ сознавалъ, что ему придется потратить много времени даромъ, такъ какъ онъ не умѣлъ приняться за дѣло, какъ слѣдуетъ. Тѣмъ не менѣе, онъ рѣшился добиться результатовъ безъ чужой помощи, почему-то стыдясь просить указаній у дяди. Его постоянное пребываніе въ своемъ кабинетѣ за бумагами сильно смущало Софью Петровну. Она не знала, что̀ хочетъ предпринять сынъ, для чего ему понадобилось просмотрѣть эти противныя дѣла. Въ то же время ее мучило подозрѣніе, что Егоръ Александровичъ дѣйствительно хочетъ отказаться отъ женитьбы на Протасовой. Почему? Мухортова не находила отвѣта на этотъ вопросъ. Ее томила тоска. Ей грезились во снѣ и наяву Баденъ-Баденъ, Біарицъ, Трувилль. Она вдругъ стала чувствовать, что у нея и тутъ болитъ, и тамъ ноетъ, и здѣсь колетъ. Какъ бы хорошо теперь уѣхать куда-нибудь на воды. Это такъ необходимо для ея здоровья. Но объ этомъ и думать нечего, если Жоржъ не женится. Она металась и не находила себѣ мѣста. Ее даже не развлекала болтовня Елены Никитишны, Агаѳьи Прохоровны, матери Софроніи. Мрачное настроеніе генеральши не ускользнуло отъ зоркихъ глазъ ея приживалокъ и дворовыхъ. Объ этомъ шушукались во всѣхъ углахъ. Агаѳья Прохоровна интересовалась этимъ болѣе всѣхъ.

— Матушка, Софья Петровна, что̀ это вы, ангелъ нашъ, все нынче въ омраченіи находитесь?—говорила она какъ-то, развлекая лежавшую въ своемъ будуарѣ на кушеткѣ совсѣмъ больную генеральшу.—Смотрю это я на васъ, благодѣтельница, и думаю: нѣтъ, нѣтъ, это не наша Софья Петровна, не она, не она! Ей-Богу!

— Да, милая, точно я на себя не похожа,—со вздохомъ произнесла Софья Петровна и томно закатила глаза.—Радостей-то мало...

— А что̀ такое, ангелъ вы нашъ?.. Не случилось ли чего, помилуй, Господи!—воскликнула въ волненіи Агаѳья Прохоровна и учащенно заморгала глазами.

— Хотѣлось, вотъ, Жоржа женить,—лѣниво отвѣтила Мухортова.—Тоже при жизни еще пристроить бы желала...

— Матушка, ангелъ вы нашъ, да вы это что̀ же о смерти-то говорите!—поспѣшно воскликнула Агаѳья Прохоровна и бросилась цѣловать ручку генеральши.—Вамъ жить, да жить еще надо. Насъ-то кто же хоронить будетъ безъ благодѣтельницы. Поверхъ земли безъ васъ-то мы наваляемся! Спаси васъ, Господи!

Она быстро начала креститься.

— Все же, кто знаетъ, что̀ случится! Предчувствіе у меня!—произнесла Софья Петровна такимъ печальнымъ тономъ, точно она и дѣйствительно умирала.—Да, предчувствіе. Подъ ложечкой это, знаешь, такъ засосетъ, засосетъ, ну, и идутъ въ голову такія мысли... Да, хотѣлось бы при жизни видѣть Жоржа счастливымъ.

— Ну, и что же? и что же?

— Не хочетъ... Нашла ему и невѣсту—не нравится.

— А-ахъ, а-ахъ!—протяжно вздохнула Агаѳья Прохоровна, качая съ соболѣзнованіемъ головой.—Не нравится! И съ чего бы? Развѣ, можетъ, у самого Егора Александровича другая невѣста намѣчена? Ну, тогда другія, конечно, по вкусу и не придутся.

— Нѣтъ, гдѣ же!—сказала генеральша.

— И точно, гдѣ же!..

Агаѳья Прохоровна подперла подбородокъ правою рукою и, покачивая въ раздумьи головой, замѣтила, какъ бы про себя:

— Ужъ не можетъ же быть, чтобы это изъ-за этого... Нѣтъ, это что̀ и говорить, не можетъ быть, пустяки совсѣмъ!

— Ты это про что̀, Агаѳья Прохоровна?—спросила генеральша.

— Такъ, ангелъ вы нашъ, глупыя мысли пришли въ голову... Извѣстно, гдѣ же у насъ умнымъ мыслямъ быть... Сами мы глупыя, и мысли у насъ глупыя...

— Да ты говори! Что̀ такое?

— Я вотъ про Полю, что она-то не пристроена еще...

Агаѳья Прохоровна вдругъ словно спохватилась и торопливо прибавила:

— Благодѣтельница, виновата! Языкъ мой—врагъ мой! Можетъ, вы и не знаете ничего про Полю!

Мухортова махнула безнадежно рукою.

— Все, все знаю!

— Ну, такъ вотъ не безпокоится ли Егоръ Александровичъ, что она-то не пристроена? Вѣдь это бываетъ. Ко-

нечно, не ему на ней жениться, не помѣха она ему при свадьбѣ, а все же, пока не пристроена она, сердце-то по ней и сохнетъ. Добръ онъ! Была бы чужемужняя жена— дѣло другое было бы, отрѣзанный ломоть...

— Это правда, конечно,—въ раздумьи согласилась генеральша.

Ей самой приходила въ голову эта мысль.

— Вотъ Данило Волковъ, камердинъ Егора Александровича, я думаю, въ ногахъ бы вывалялся, чтобы жениться на ней.

— Ты полагаешь? Но онъ же, вѣроятно, все знаетъ?

— Ахъ, благодѣтельница, это вы по своимъ благороднымъ чувствамъ разсуждаете, а ему что̀, что онъ знаетъ? Въ ихъ сословіи это ни за что не считается. Просто такъ себѣ: тьфу!.. Да и то сказать, чего же тутъ такого? Не съ мужикомъ какимъ-нибудь жила, а баринъ приласкалъ, такъ вѣдь это за счастье онъ почитать долженъ, потому и ее, и его не оставятъ господа.

— Ахъ, развѣ я кого-нибудь обижала!—воскликнула съ чувствомъ Мухортова.—На меня-то ужъ роптать люди не могутъ! О, нѣтъ...

— Что̀ и говорить! Что̀ и говорить! Благородные люди такой жизни были бы рады! Какъ у Христа за пазухой живутъ!

Софья Петровна помолчала и потомъ спросила:

— Такъ ты думаешь, что Данило былъ бы согласенъ?

— Ничего я навѣрное, ангелъ вы нашъ, не знаю, потому не мое это дѣло. Что̀ мнѣ въ чужія дѣла соваться? Меня бы не обижали, а я человѣка не трону. Живи онъ, какъ знаетъ... Но думаю я по своему глупому разсужденію, что долженъ бы Данило только радоваться и Бога благодарить за такое счастіе.

Генеральша вздохнула.

— Надо будетъ съ Еленой поговорить...

— Благодѣтельница, только не выдавайте вы меня, что я это говорила,—сказала Агаѳья Прохоровна униженнымъ тономъ.—Не любятъ люди, чтобы въ ихъ дѣла чужіе носъ совали. Можетъ-быть, у нея свои планты есть. Въ чужую душу не влѣзешь...

— Ахъ, что̀ ты глупости говоришь! Стану я разсказывать!

— Тоже понимаютъ вѣдь, что пока Пелагея не замужемъ, будетъ она въ рукахъ Егора Александровича дер-

жать. Къ чужемужней женѣ сердце-то его сейчасъ охладѣетъ...

Агаѳья Прохоровна поспѣшила оставить Мухортову одну и, пробираясь въ страннопріимный покой, не утерпѣла, забѣжала къ Данилѣ Николаевичу Волкову.

— Готовьте дары-то, да на свадьбу зовите,—бойко сказала она ему, заглядывая въ его комнату.

— А что, Агаѳья Прохоровна?—торопливо спросилъ онъ, соскакивая съ дивана, гдѣ лежалъ съ газетой въ рукахъ.

— А то же, что у генеральши рѣчь пойдетъ съ Еленой Никитишной о вашемъ бракосочетаніи,—отвѣтила Агаѳья Прохоровна, присѣдая въ дверяхъ.—За хлопоты-то сумѣйте по обѣщанному отблагодарить.

— Мы свое слово держать умѣемъ,—развязно отвѣтилъ онъ.—Какъ же разговоръ-то у васъ вышелъ?

— Ну, послѣ, а то еще шпіоны выслѣдятъ, дѣло напортятъ,—отвѣтила она, быстро удаляясь отъ дверей съ поднятой гордо головой.

Софья Петровна между тѣмъ глубоко раздумывала о словахъ Агаѳьи Прохоровны. Ей самой не разъ приходили эти мысли въ голову. Дѣйствительно, Егоръ Александровичъ броситъ тотчасъ же Полю, какъ только она сдѣлается чьею-нибудь женою. Не станетъ онъ дѣлиться ею съ лакеемъ. Фи! Этого только недоставало! Это, вѣроятно, понимаютъ и Поля, и Елена Никитишна. Ужъ и точно, не думаютъ ли онѣ прибрать къ рукамъ Жоржа? Надо похлопотать, какъ бы сбыть дѣвушку. Ахъ, какъ все это скучно, несносно!

Не прошло и получасу послѣ ухода Агаѳьи Прохоровны, какъ уже въ будуарѣ у Мухортовой шелъ разговоръ съ Еленой Никитишной.

— Я съ тобой, Елена, хотѣла поговорить о Полѣ,—сказала Софья Петровна.—Ужасно безпокоитъ меня ея положеніе.

Елена Никитишна махнула безнадежно рукой.

— Ужъ и не говорите, сама я ночей не сплю! Докуролесила дѣвчонка до того, что хуже и быть не можетъ...

— А что?—съ испугомъ спросила генеральша.

— Извѣстно, что! Оба молоды, матерью, пожалуй, будетъ.

— Елена, что̀ ты говоришь!—съ ужасомъ вскричала Мухортова.—Это ужасно, ужасно!.. И скоро?

— Не знаю, ничего не знаю! Отъ нея ничего не допытаешься, а вижу, что дѣло не ладно.

— Боже мой, этого только недоставало! Незаконный ребенокъ! Это ужасно!.. А я думала пристроить бы ее за кого-нибудь...

— Пристроить! Вонъ и женихъ есть, да развѣ съ нею сговоришь!..

Елена Никитишна опять махнула рукой.

— Женихъ? Кто это?—полюбопытствовала генеральша.

— Данило сватается.

— Данило? Что же, онъ человѣкъ трезвый, порядочный...

— Да ей-то все равно, кто ни сватайся, хоть принцъ заморскій, все равно не пойдетъ.

Софья Петровна покачала укоризненно головой.

— Ахъ, Елена, Елена, развѣ можно такъ говорить. Развѣ дѣвушка понимаетъ что-нибудь въ этихъ дѣлахъ! Надо уговорить, резоны представить. Вѣдь и всѣ мы почти всегда не по своей волѣ шли замужъ. Развѣ я по своей волѣ, по страсти шла? Такъ я не она!.. Если бы волю-то намъ дать, такъ мы бы... Да вотъ она сама примѣръ: дали мы волю, и что̀ вышло?

— Знаю я, сама знаю это! Да нынче насильно-то къ вѣнцу не потащишь...

Мухортова пришла въ ужасъ.

— Ахъ, что ты, что ты, Елена! Развѣ можно такія слова говорить: насильно! Да я первая возмутилась бы! Надо убѣжденіемъ подѣйствовать! Надо резоны представить! А то насильно, вотъ выдумала. Совсѣмъ ты стара становишься, тоже изъ ума выживаешь! Насильно!..

Генеральша была возмущена.

— Говорила я съ ней, да развѣ ее уговоришь,—отвѣтила Елена Никитишна.

— Ты говорила уже?

— Да, такъ, стороною, — пояснила Елена Никитишна, уклоняясь отъ прямого и откровеннаго отвѣта.

Она уже нѣсколько разъ пробовала усовѣщивать «дѣвку», подъ вліяніемъ какого-то смутнаго страха, чуя, что въ домѣ дѣлается что-то неладное. Практическій смыслъ прямо подсказывалъ ей, что нужно ковать желѣзо, пока оно горячо, что теперь еще можно «сорвать» что-нибудь съ господъ на приданое, а что послѣ, можетъ-быть, будетъ уже поздно. Сорвать можно было, только выдавъ Полю замужъ; обезпечивать судьбу обольщенной дѣвушки, не выдавая ее замужъ,—этого еще не случалось въ практикѣ мухортовскихъ господъ и дворни и, кромѣ того, просить объ этомъ

было неловко, такъ какъ подобная просьба могла быть принята за недовѣріе къ господамъ. И на волѣ у Елены Никитишны остались понятія и взгляды крѣпостной.

— Ну, и что же? — продолжала разспрашивать Софья Петровна.

— И слушать не хочетъ! Вотъ уже, истинно, нажили горе! Конечно, если бы самъ Егоръ Александровичъ ей сказалъ, можетъ-быть, она и согласилась бы.

Генеральша ухватилась за эту мысль. Дѣйствительно, это было проще всего. Онъ долженъ уговорить эту молодую дѣвушку и загладить свой проступокъ.

— Я съ нимъ поговорю...

— Не станетъ только онъ ее уговаривать!—съ сомнѣніемъ возразила Елена Никитишна.

— Ну, вотъ еще выдумала! Долженъ же онъ понять, что надо уладить это дѣло... Наконецъ, я мать, я могу ему приказать... Ты съ своей стороны, Елена, постарайся разъяснить ей ея положеніе, а я поговорю съ Жоржемъ... Надо кончать скорѣе!..

— Ахъ, дѣвка, дѣвка, сколько она хлопотъ надѣлала!— вздохнула Елена Никитишна.

— Ну, не горюй, Елена, что̀ дѣлать! Авось, все уладится!.. Повѣрь, что я постараюсь сдѣлать все, зависящее отъ меня... Ну, а ты помоги со своей стороны...

Генеральша милостиво отпустила Елену Никитишну и твердо рѣшила переговорить съ сыномъ. Въ послѣднее время онъ какъ будто избѣгалъ разговоровъ съ матерью, и генеральша совершенно не знала его плановъ относительно будущаго. Она знала только, что онъ для чего-то просматриваетъ «противные» отчеты по имѣнію и не понимала смысла этихъ занятій. Чего ужъ просматривать старые счеты, если стоишь на краю пропасти?..

Улучивъ удобную минуту, она пригласила сына къ себѣ на половину и сказала ему:

— Жоржъ, мнѣ нужно серьезно поговорить съ тобою...

Онъ не безъ удивленія взглянулъ на нее, но тотчасъ же замѣтилъ:

— Я очень радъ, потому что и мнѣ нужно поговорить съ тобою.

— Я насчетъ Поли,—начала генеральша, когда Егоръ Александровичъ опустился въ кресло около ея кушетки.

— Насчетъ Поли?—съ еще большимъ удивленіемъ спросилъ онъ.—Что̀ такое случилось?

— Кажется, ты долженъ бы знать лучше меня, въ какомъ она положеніи.

— А,—со вздохомъ проговорилъ Мухортовъ.—Я знаю... то-есть подозрѣваю... этого нужно было ждать...

— Меня огорчаетъ, мой другъ, твое равнодушіе,—сказала съ упрекомъ мать.

— Почему ты знаешь, что я равнодушно отношусь къ этому?—спросилъ онъ.—Но воротить прошлаго нельзя, и сколько бы я ни волновался, поправить дѣла тоже нельзя.

— Нужно поправить!—тономъ строгаго наставника замѣтила генеральша, дѣлая особое удареніе на словѣ «нужно».

Потомъ она прибавила:

— Да, намъ надо позаботиться о ея судьбѣ и о судьбѣ ея ребенка... твоего ребенка... Это нашъ святой долгъ!..

— Я именно это и хочу сдѣлать, но прежде всего мнѣ нужно привести въ порядокъ наши собственныя дѣла,—сухо отвѣтилъ сынъ.

— Что же общаго между нашими дѣлами и ею?—пожимая плечами, произнесла генеральша.—Странное сопоставленіе!.. Мы должны постараться ее пристроить за кого-нибудь, вотъ въ чемъ нашъ долгъ.

Онъ усмѣхнулся.

— Хорошо заглаживанье проступка: сдѣлать ее еще несчастнѣе. Она, впрочемъ, никогда не выйдетъ ни за кого замужъ.

— Надо ее уговорить.

Онъ нетерпѣливо пожалъ плечами.

— Это безполезно! Да на ней никто и не женится,—сказалъ онъ съ горькой усмѣшкой.—Кому же нужна брошенная любовница, да еще съ ребенкомъ...

— О, мой другъ, повѣрь, что въ ихъ кругу на это смотрятъ не такъ, какъ у насъ. Дадимъ приданое, найдется и женихъ, и она...

— Вотъ именно этотъ-то вопросъ меня и занимаетъ теперь,—началъ онъ.

— Такъ ты думалъ ее пристроить?—обрадовалась генеральша.

— Нѣтъ, я не о ней говорю, а о деньгахъ,—сухо отвѣтилъ сынъ.—Я почти окончилъ провѣрку отчетовъ по управленію имѣніемъ... Но я не знаю еще одного. Сколько у тебя долговъ въ Петербургѣ?

— Гдѣ же мнѣ помнить,—съ пренебреженіемъ сказала Мухортова.

— Ихъ надо вспомнить; иначе придется плохо... Ты что-то говорила передъ отъѣздомъ сюда о модисткѣ?

— Да, тамъ я должна пустяки какіе-то... пятьсотъ или семьсотъ рублей... Тамъ еще какой-то долгъ обойщику... тоже пустяки...

— Это вовсе не пустяки, потому что у меня и такъ почти ничего не остается,—замѣтилъ Егоръ Александровичъ.—Мнѣ надо знать точно цифру твоихъ долговъ, и я тебя серьезно попрошу дать мнѣ въ этомъ отчетъ... Я, конечно, свято расплачусь за тебя, но это будетъ въ послѣдній разъ...

Его тонъ былъ необычайно твердъ и рѣзокъ. До этой минуты онъ никогда такъ не говорилъ съ матерью.

— Жоржъ, что съ тобой?—воскликнула генеральша и сама возвысила голосъ.—Какимъ тономъ ты говоришь это? Я не привыкла...

Онъ перебилъ ее.

— Я тебя попрошу не волноваться! — стараясь быть сдержаннымъ, заговорилъ онъ.—Ты еще недавно сама говорила о необходимости спасти честь нашей фамиліи. Именно это я и рѣшился сдѣлать, не пятная себя новымъ безчестьемъ—продажею себя. Только теперь я вижу, что мы съ тобою дѣйствительно летѣли головами въ пропасть, ты—по незнанію дѣлъ, я по глупому стремленію не заниматься этими дѣлами.

— Ты меня обвиняешь?

— Я гораздо болѣе обвиняю себя, потому что, отстраняясь отъ дѣлъ, я все же пользовался всѣми удобствами, бывшими намъ не по средствамъ... Притомъ я долженъ былъ понять, что ты не имѣешь призванія къ дѣламъ...

— Что же ты хочешь дѣлать?

— На-дняхъ предстоятъ платежи процентовъ по залогу имѣнія. Я продамъ все, и если что останется за уплатою долговъ—я здѣсь же куплю клочокъ земли и поселюсь на немъ. По моимъ соображеніямъ, если у тебя петербургскіе долги не слишкомъ велики, мнѣ останется столько, что въ пять-шесть лѣтъ я стану, можетъ-быть, на ноги, устрою себѣ безбѣдную жизнь. Ты же—въ эти годы ты можешь жить на свою пенсію...—у дяди Жака, наконецъ... а если вздумаешь жить у меня большую часть года, то у тебя хватитъ даже средствъ проводить два-три мѣсяца въ годъ въ Петербургѣ по-своему... Конечно, мы должны распустить всю орду слугъ и приживалокъ, обирающихъ насъ теперь...

Въ его голосѣ не слышалось ни волненія, ни горечи. Онъ говорилъ, какъ человѣкъ, ясно сознававшій свое положеніе—положеніе, если и не блестящее, то не безысходное. Генеральша молчала, точно пораженная громомъ, не понимая вполнѣ, что происходитъ вокругъ нея.

— Вотъ почему,—продолжалъ онъ:—всякія мечты о выдачѣ замужъ Поли, о награжденіи ея за мой проступокъ нужно откинуть въ сторону. На это у меня нѣтъ средствъ. Что я ее не брошу—это понятно само собою. Она останется при мнѣ...

— Жоржъ!—воскликнула съ ужасомъ Мухортова, какъ бы очнувшись отъ тяжелаго сна.—Ты будешь жить здѣсь вдвоемъ съ нею, сдѣлаешь ее...

— Не будемъ говорить о моихъ дѣлахъ: они касаются только меня, меня одного!—перебилъ онъ ее.—Намъ прежде всего нужно распутать наши общія дѣла, и это въ значительной степени зависитъ отъ тебя, какъ я уже сказалъ, такъ какъ я не желалъ бы, чтобы векселя и счеты изъ Петербурга посыпались мнѣ, какъ снѣгъ, на голову...

Софья Петровна неожиданно разрыдалась и, ломая руки, застонала.

— Жоржъ, Жоржъ, ты рѣшился убить меня! Я не переживу этого! О, какъ ты жестокъ, какъ мало ты любишь меня!

— Полно! Зачѣмъ ты говоришь эти фразы,—нетерпѣливо сказалъ онъ.—Люди переживаютъ и худшія несчастія. Мы, по крайней мѣрѣ, можемъ выйти еще чистыми изъ всей этой исторіи. Это даже не несчастіе, а только урокъ...

Потомъ, видя, что мать продолжаетъ истерически рыдать, онъ поднялся съ мѣста и сказалъ:

— Я пошлю къ тебѣ Елену Никитишну, помочь тебѣ...

Онъ вышелъ, не оборачиваясь, изъ комнаты. Онъ былъ убѣжденъ, что вопроса о выдачѣ Поли замужъ больше не поднимутъ...

ЧЕТВЕРТАЯ ГЛАВА.

I.

Егоръ Александровичъ успѣлъ уже давно разобраться въ дѣлахъ, и теперь для него весь вопросъ заключался въ томъ, чтобы повыгоднѣе продать имѣніе. Ему хотѣлось сохранить за собою, если возможно, клочокъ своей родовой земли, прилегавшей къ владѣніямъ Алексѣя Ивановича. Здѣсь ему не только нравилась мѣстность, но и было то

удобство, что ему можно было тутъ, не тратясь на постройки, найти себѣ пріютъ. Въ этой части мухортовскаго имѣнія стоялъ отличный, заново отдѣланный, деревянный домъ. Этотъ домъ, носившій названіе «охотничьяго домика», былъ нѣкогда построенъ для отца Егора Александровича и, хотя не отличался грандіозными размѣрами, но былъ довольно просторенъ и прочеиъ. Еще недавно тутъ жилъ братъ Елены Никитишны, бывшій управляющимъ въ имѣніи. Домъ стоялъ на возвышенной мѣстности. Около него протекала небольшая рѣка Желтуха, по берегу ея тянулась деревня съ деревянною церковью и кладбищемъ на краю. Обдумавъ все свое будущее, Егоръ Александровичъ отправился къ Алексѣю Ивановичу, чтобы сообщить ему все, что онъ придумалъ, и попросить его совѣтовъ. Когда онъ пришелъ въ домъ дяди, его особенно привѣтливо встрѣтили кузины и кузенъ; но Егоръ Александровичъ сразу замѣтилъ въ ихъ лицахъ какое-то особенное участіе и жалость. Такъ добрые люди смотрятъ на разныхъ «несчастненькихъ». Егору Александровичу, неизвѣстно почему, вспомнилась та сцена съ Машей Протасовой, когда дѣвочка сказала ему: «Бѣдный слѣпенькій, хочешь, я тебя повожу». По его лицу скользнула невольная улыбка. Родственники разомъ вскрикнули, вглядываясь въ него:

— Егораша, что съ тобой, голубчикъ?

Мухортовъ удивленно и вопросительно взглянулъ на нихъ.

— На тебѣ лица нѣтъ! Ты нездоровъ былъ?

Егоръ Александровичъ самъ не зналъ, что онъ такъ измѣнился въ какую-нибудь одну недѣлю.

— Нѣтъ, сидѣлъ много за дѣлами, такъ вѣрно съ непривычки отощалъ,—отвѣтилъ онъ, усмѣхаясь.—Вотъ начнется охота, поправлюсь... Дядя дома?

— Дома, дома!—отвѣтили родственники, тревожно переглядываясь между собою, и тутъ же прибавили:—Ты бы бросилъ всѣ эти дѣла, гдѣ ужъ тебѣ возиться съ ними!

Мухортовъ, не отвѣчая на это замѣчаніе, сказалъ:

— Дядя въ кабинетѣ?

— Да, да!.. Ахъ, бѣдный, бѣдный, какъ ты исхудалъ!..

— Такъ я пройду къ нему,—сказалъ Егоръ Александровичъ.

Ему уже становилось досадно слушать эти жалостливыя восклицанія откормленныхъ и краснощекихъ деревенскихъ здоровяковъ.

Онъ направился въ кабинетъ Алексѣя Ивановича и, переступивъ порогъ, сразу увидалъ при видѣ дяди, что и дядя смотритъ на него какъ-то странно. Старикъ, несмотря на свою вѣчную веселость, смотрѣлъ теперь озабоченно, съ какимъ-то не то недоумѣніемъ, не то смущеніемъ на племянника, точно готовился разсказать или выслушать что-то неладное. Егоръ Александровичъ поздоровался съ нимъ и съ первыхъ же словъ просто и откровенно сталъ выяснять дѣло. Ему хотѣлось поскорѣе высказать все, что̀ было у него на душѣ. Онъ искренно любилъ старика, какъ замѣчательно добраго родственника, какимъ и былъ въ дѣйствительности старикъ Мухортовъ. Кулакъ и аферистъ въ одну сторону, онъ съ другой стороны былъ нѣжнѣйшимъ мужемъ, отцомъ, дядею. Онъ не остановился бы передъ необходимостью прижать къ стѣнѣ кого бы то ни было, снять съ ближняго рубашку, но въ то же время онъ готовъ былъ на всякія жертвы для своихъ. Эти двѣ нравственности уживались въ немъ вмѣстѣ, какъ это бываетъ сплошь и рядомъ. Егоръ Александровичъ началъ съ того, что задалъ старику простые вопросы: можно ли свести концы съ концами, хозяйничая по-старому въ Мухортовѣ, то-есть платя проценты за ссуду, не дѣлая новыхъ долговъ? можно ли поступать иначе, или лучше сказать, можно ли принудить Софью Петровну поступать иначе, покуда имѣніе будетъ номинально принадлежать ему, Егору Александровичу? не выгоднѣе ли продать теперь же имѣніе, оставивъ за собой небольшой участокъ земли, гдѣ можно исподволь начать, если вздумается, маленькое сельское хозяйство не съ голыми руками, а съ кое-какимъ капиталомъ, вырученнымъ хотя отъ продажи разной движимости, если не отъ продажи самого имѣнія? Старикъ не безъ изумленія увидалъ, что Егоръ Александровичъ обдумалъ дѣло не хуже, чѣмъ обдумалъ бы это онъ самъ. Онъ поднялся съ мѣста и, потирая лобъ, сталъ ходить быстрыми шагами по комнатѣ, повторяя:

— Такъ, такъ!.. Экая вѣдь досада, что у меня теперь нѣтъ свободныхъ денегъ... Я бы тебя, Егорушка, выручилъ, вѣрь мнѣ... Ну, да это не бѣда... Пріищемъ покупщика... Что̀ бы ты сказалъ, если бы Протасовъ...

Онъ взглянулъ испытующимъ взглядомъ на племянника, точно хотѣлъ прочитать въ его душѣ, какое впечатлѣніе на молодого человѣка произведетъ этотъ вопросъ.

— Мнѣ, дядя, все равно, кто купитъ, лишь бы больше взять,— спокойно отвѣтилъ Егоръ Александровичъ.

— Больше Протасова никто не дастъ... Ему имѣніе нравится, да и съ руки ему...

Егоръ Александровичъ нерѣшительно замѣтилъ:

— Но, дядя, вы не берете одного въ расчетъ... Я не знаю почти вашего Протасова и потому не могу судить о его характерѣ... Но не прижметъ ли меня именно онъ... Эта глупая—вы меня извините—исторія съ сватовствомъ могла его разозлить.

Алексѣй Ивановичъ замахалъ руками и вздохнулъ.

— Ну, Егорушка, ты ужъ о сватовствѣ-то не говори... Провалились мы на немъ... Ахъ, какъ провалились!.. Ты, вѣрно, еще ничего не знаешь? А я боялся за тебя... Тоже у тебя гоноръ.. Во-первыхъ, барышня сказала прямо отцу, когда онъ ей заикнулся о твоихъ планахъ, что за тебя она никогда не выйдетъ, что за перваго встрѣчнаго дурака пойдетъ, а не за тебя, и во-вторыхъ—конкурентъ у тебя явился опасный,—Томиловъ... Старыя дѣвы на стѣну лѣзутъ, только бы женить его на Марьѣ Николаевнѣ... Еще бы, камеръ-юнкеръ и въ будущемъ графъ Слытковъ-Томиловъ. Не шутка!..

— Ну, и дай Богъ имъ совѣтъ, да любовь!—равнодушно сказалъ Егоръ Александровичъ.

— Мы тутъ въ семьѣ толковали, какъ бы поделикатнѣе сообщить тебѣ объ этомъ, и ума не приложили.

— Да я же самъ отказался отъ женитьбы...

— Ну, такъ тебѣ и повѣрили!—сказалъ дядя.—А вотъ какъ Протасовъ мнѣ сообщилъ объ отказѣ дочери, такъ тутъ ужъ нельзя было не повѣрить. Меня точно водой холодной обдало... Думаю: «что теперь Егорушка станетъ дѣлать?» Мои тоже чуть не ревутъ: «бѣдный Егораша, ахъ, Егораша».

Егоръ Александровичъ не выдержалъ и разразился смѣхомъ.

— Такъ вотъ почему вы всѣ на меня съ такими постными физіономіями смотрѣли!—проговорилъ онъ, продолжая смѣяться.—А я сразу и понять не могъ...

— Да тебѣ смѣхъ, а вѣдь штучка-то выгодная ускользнула изъ рукъ,—сказалъ Алексѣй Ивановичъ.

Потомъ онъ заговорилъ уже болѣе веселымъ тономъ.

— Протасовъ даже немного повздорилъ съ дочерью и извинялся передо мною въ неловкости,—продолжалъ Алексѣй Ивановичъ и засмѣялся.—Я великодушно простилъ!

— Значитъ, вмѣсто убытка барышъ?—шутливо сказалъ

Егоръ Александровичъ.—А я со своей стороны боялся, что ты на меня дуться будешь, что я испортилъ твои отношенія къ Протасову...

— Нѣтъ, братъ, мнѣ во всемъ удача: вонъ въ Москвѣ у меня домъ сгорѣлъ—продать бы его, и десяти тысячъ не дали бы, а сгорѣлъ—сорокъ получилъ изъ страхового общества. Полоса теперь такая у меня, чтобы только не сглазить...

— Ну, вотъ ты и мнѣ съ легкой руки помоги выпутаться...

— Хорошо, хорошо!.. А что это твоя мать-то, Егорушка, мнѣ вотъ насчетъ Поли твоей плела... Не то ты законнымъ бракомъ жениться на ней хочешь, не то... чортъ знаетъ, что ты придумалъ...

— Все пустое, дядя,—отвѣтилъ Егоръ Александровичъ.— Жениться я на Полѣ не могу, хотя, можетъ-быть, это и слѣдовало бы сдѣлать. Но это выше моихъ силъ...

— Ну, какая же она тебѣ пара!?

— Нѣтъ, дядя, не то!.. Не потому не могу я жениться на ней, что я лично считаю ее неровной мнѣ, а потому, что мнѣ пришлось бы порвать связи со всѣми родными... Вѣдь даже ты, добрѣйшій мой человѣкъ, не пустилъ бы своихъ дочерей ко мнѣ, еслибъ она была моей женой?.. Да?

— Что и говорить.

— Ну, а отказаться отъ всей родни, отъ всѣхъ связей я не въ силахъ... Безчестно это или нѣтъ?.. можетъ-быть, я тутъ самъ съ собою играю въ прятки... самъ я еще не могу разобраться въ своей душѣ, но это такъ... Но, не женясь на ней, я не брошу ее. Она будетъ имѣть мѣсто въ моемъ домѣ, ей по духовной я оставляю послѣ своей смерти все, что имѣю...

— Ну, умирать-то тебѣ еще рано...

— Кто знаетъ... Камень съ крыши можетъ упасть и убить.

— Ну его къ чорту, этотъ камень... Ты о жизни думай, а не о смерти... Тяжело тебѣ, Егорушка, будетъ ради нея обречь себя на холостую жизнь...

Егоръ Александровичъ пожалъ плечами.

— Кататься умѣлъ, дядя, нужно и саночки умѣть возить... Впрочемъ, ты ошибаешься, если думаешь, что я не люблю ее, или она не любитъ меня... Я счастливъ и этой любовью, а другой—найдешь ли ее еще? Любовь и счастіе— мало билетовъ съ этими выигрышами въ жизненной лотереѣ!..

И, перемѣняя разговоръ, онъ еще разъ спросилъ Алексѣя Ивановича:

— Такъ ты одобряешь мои планы?

— Еще бы! Другого выхода и нѣтъ! Станешь путаться съ новыми займами—все ухлопаешь на одни проценты, да еще и мать будетъ требовать на широкую жизнь. Вѣдь нельзя же сокращать свои расходы, когда владѣешь такимъ имѣніемъ, какъ Мухортово! Тоже мотовка она у тебя!

У Егора Александровича стало совсѣмъ легко на душѣ. Вернувшись изъ кабинета дядя на террасу, гдѣ барышни Мухортовы вышивали русскія полотенца, а сынъ хозяина дома читалъ вслухъ какую-то книгу, Егоръ Александровичъ не могъ не разсмѣяться, подмѣтивъ снова обращенные на него не то участливые, не то пугливые взгляды. Онъ подошелъ къ кузинамъ и весело проговорилъ имъ:

— Ну, а теперь позвольте васъ расцѣловать за участіе. Я не умираю, не погибаю и чувствую себя болѣе счастливымъ, чѣмъ когда-нибудь!

Онъ притянулъ къ себѣ этихъ румяныхъ, откормленныхъ и добродушныхъ дѣвушекъ и не безъ удовольствія расцѣловалъ ихъ прямо въ губы. Кузенъ тоже поднялся съ мѣста и протянулъ ему широкую, полную, бѣлую руку и, крѣпко сжимая ею руку Егора Александровича, съ чувствомъ проговорилъ:

— Молодецъ, Егораша; наплюй на все! Свѣтъ не клиномъ сошелся. Мы тебѣ другую найдемъ...

— Нѣтъ, ужъ ты мнѣ лучше на хорошія мѣста на охотѣ укажи, Павликъ, — отвѣтилъ, смѣясь, Егоръ Александровичъ:—а невѣсту я самъ найду.

Павелъ Алексѣевичъ, очень походившій на откормленнаго теленка съ крупными розовыми губами и большими простодушными молочно-голубыми глазами, бросился обнимать кузена, звонко и сочно цѣлуя его.

— Знаешь, Павелъ, когда ты такъ цѣлуешь, аппетитъ возбуждается,—со смѣхомъ сказалъ Егоръ Александровичъ.

— Меня, что ли, съѣсть хочешь?—въ свою очередь засмѣялся сынъ хозяина.

Егоръ Александровичъ съ любовью взглянулъ на него и взялъ его за подбородокъ.

— Что жъ, аппетитный кусокъ!

— Нѣтъ, ужъ я лучше велю завтракъ подать!—отвѣтилъ Павелъ Алексѣевичъ.—Кстати и мама посмотритъ на

тебя. А то она, бѣдная, боялась и выйти къ тебѣ. «Взгляну, говоритъ, на него и разрыдаюсь».

II.

Былъ третій часъ дня въ исходѣ, когда Егоръ Александровичъ возвращался домой отъ дяди. Погода стояла превосходная. Кругомъ все было залито солнцемъ, въ бездонномъ, голубомъ небѣ не было ни облачка. Кругомъ царила невозмутимая тишина. Егоръ Александровичъ шелъ неспѣшными шагами домой по берегу Желтухи. Кое-гдѣ въ сторонѣ виднѣлись покосившіяся избы, ветхія крестьянскія постройки. Смотря на нихъ, Егоръ Александровичъ невольно вспомнилъ про недавно просмотрѣнные имъ счеты. Здѣсь нищета, быть-можетъ, голодъ, а тамъ въ этихъ счетахъ значились цифры въ родѣ пятисотъ рублей, заплаченныхъ за кружевные манжеты и воротничокъ, въ родѣ тысячи шестисотъ франковъ за одно домашнее платье, сшитое въ Парижѣ. Ему вспомнилось и то, что онъ самъ проигрывалъ иногда въ ландскнехтъ сотни рублей, бросая эти деньги, взятыя у народа, какъ бросаютъ ненужныя тряпки. Сколько мерзостей и подлостей дѣлаютъ люди, даже считающіе себя и считающіеся честными людьми,—дѣлаютъ только потому, что не задумываются надъ своими поступками, не отдаютъ себѣ строгаго отчета въ своихъ дѣйствіяхъ. Ему вдругъ вспомнились почему-то слова Протасовой: «шампанское пьете и устрицъ ѣдите?» Его мысли перешли къ ней. Какая странная эта дѣвушка! Сколько въ ней отталкивающаго и сколько привлекательнаго. Но что же въ ней привлекательнаго? Въ этомъ онъ не могъ дать себѣ отчета, не могъ указать на что-нибудь опредѣленное. Опредѣленными у нея были только недостатки. И съ чего это онъ задумался о ней? Что она? Пустая болтунья, понадергавшая фразы въ разныхъ книжкахъ, вотъ и все, что можно сказать о ней. Тутъ нѣтъ ни глубины, ни искренности, а все напускное, начиная съ ея пресловутой рѣзкости и откровенности, и кончая ея не то мужицкими, не то мальчишескими манерами. Въ ней, кажется, нѣтъ даже нравственной чистоты. Онъ иронически усмѣхнулся, сдѣлавъ этотъ приговоръ. Не говоритъ ли въ немъ зависть? Какъ же, она выбрала Томилова, какого-то Коко Томилова, а не его! Ему ли не злиться на нее!

— А, это вы? Какими судьбами вырвались изъ своей берлоги?—вдругъ послышался голосъ откуда-то снизу.

Егоръ Александровичъ оглянулся и увидалъ внизу, у берега рѣки, образовавшей въ этомъ мѣстѣ маленькій заливъ, лодку у стоявшаго тутъ плота. Въ лодкѣ сидѣла Марья Николаевна и господинъ съ pince-nez на носу,—это былъ Томиловъ. Молодые люди удили рыбу. Мухортовъ раскланялся съ Протасовой.

— А васъ нынче нигдѣ не видно,—сказала она.

— Дѣла много,—отвѣтилъ Егоръ Александровичъ, спустившись на плотъ и пожимая протянутую ему руку.

— Вы не знакомы?—спросила она Егора Александровича, указывая ему на сидѣвшаго съ нею въ лодкѣ господина. — Я васъ, кажется, не представила въ прошлый разъ...

— Нѣтъ,—отвѣтилъ Мухортовъ.

— Нашъ сосѣдъ, Николай Александровичъ Томиловъ,—сказала она.

Молодые люди холодно раскланялись. Егоръ Александровичъ облокотился на перила плота.

— Вы, впрочемъ, знакомы съ его дядюшками... Помните, графовъ Слытковыхъ?..

Потомъ, съ гримасой отвернувшись отъ своего спутника, она заговорила, со смѣхомъ обращаясь къ Егору Александровичу:

— А я ужъ думала, что вы скоропостижно умерли или уѣхали. Справлялась у вашихъ кузинъ, говорятъ: «Бѣдный Егораша сидитъ все за дѣлами».

Она ловко передразнила тонъ кузинъ Мухортова. Онъ усмѣхнулся.

— Отчего же «бѣдный»? Я, напротивъ того, именно теперь чувствую себя отлично, вслѣдствіе обилія дѣла.

— Вотъ какъ! а я и не подозрѣвала, что вы такой любитель заниматься,—проговорила она съ ироніей.

— Я же всю жизнь провелъ, работая въ своемъ кабинетѣ,—отвѣтилъ онъ и шутливо прибавилъ:—не будь этого, я бы, вѣроятно, хандрилъ, какъ вы.

— Кто вамъ сказалъ, что я хандрю? Никогда я не думала хандрить! Вотъ выдумали!

— Да?—коротко спросилъ онъ и хотѣлъ откланяться.

— Какъ, вы уже убѣгаете?—спросила она.

— Чтобъ не мѣшать вамъ... Вы, вѣроятно, страстно любите уженье рыбы?.. Это, должно-быть, точно интересное занятіе... Говорятъ, многіе могутъ цѣлые дни проводить за нимъ...

Онъ говорилъ серьезно, но Марьѣ Николаевнѣ послышалась въ его тонѣ насмѣшка. Она вспылила и задорно сказала:

— Вы, кажется, хотите сказать, что это глупое занятіе? Но вѣдь не всѣмъ же заниматься такими серьезными дѣлами, какъ вы...

— Еще бы,—отвѣтилъ онъ просто:—когда дѣло идетъ о томъ, чтобъ спасти хоть кое-что и не пойти по-міру, такъ уже это навѣрное серьезнѣе уженья рыбы, но это вовсе не значитъ, что я долженъ смѣяться надъ тѣми, кто удитъ рыбу, не имѣя нужды думать о кускѣ хлѣба...

Она вдругъ сдѣлалась серьезною и поднялась съ мѣста. Лодка сильно закачалась отъ рѣзкаго движенія. Томиловъ схватился за плотъ.

— Какъ вы неосторожны! — проговорилъ онъ, видимо струсивъ.

Она не обратила вниманія на его замѣчаніе.

— Присмотрите за моими удочками,—сказала она ему тономъ приказанія.

— Вы уходите?—чуть не съ испугомъ спросилъ онъ.

— Не могу же я цѣлые часы не сходить съ мѣста!.. Я пройдусь съ monsieur Мухортовымъ, а вы ждите меня...

Она пошла съ Егоромъ Александровичемъ и быстро заговорила:

— Извините меня! Я разсердила васъ. Я вѣдь слышала, что вы дѣйствительно заняты серьезнымъ дѣломъ, приковавшимъ васъ къ дому. У меня скверный характеръ, я часто смѣюсь надъ тѣмъ, предъ чѣмъ надо преклоняться.

— Вы все впадаете въ крайности,—спокойно отвѣтилъ онъ.—Надъ моимъ положеніемъ нельзя смѣяться, но и преклоняться тутъ не передъ чѣмъ. Я сижу за работой, потому это неизбѣжно. Вотъ и все.

— Ну, вамъ стоило...—быстро сказала она и вся вспыхнула, оборвавъ фразу.

Но тотчасъ же, оправившись, она перемѣнила разговоръ:

— Зачѣмъ вы сказали при Томиловѣ, что ваши дѣла плохи? Это дрянной фатишка, смотрящій съ презрѣніемъ на всѣхъ, кто бѣденъ.

— Мнѣ же нѣтъ никакого дѣла, какъ онъ будетъ смотрѣть на меня,—сказалъ Мухортовъ.

— Да, но все же вамъ придется встрѣчаться, а онъ по глупости не умѣетъ даже соблюдать приличій... и сплетникъ онъ.

— Я, вѣроятно, никогда и не встрѣчусь съ нимъ. Ко мнѣ онъ не пріѣдетъ, а я къ нему тоже не поѣду, а гдѣ-нибудь въ другомъ мѣстѣ—я, право, не надѣюсь бывать, гдѣ бы то ни было... по крайней мѣрѣ, теперь...

— То-есть какъ же?—спросила она.

— Деревня тѣмъ и хороша, что можно уединиться, уйти отъ людей, — пояснилъ онъ. — Я вѣдь по натурѣ домосѣдъ, кромѣ того... помните тѣ годы, когда вы назвали меня «бѣднымъ слѣпенькимъ»... я тогда уже пристрастился къ уединенной жизни.

Она живо вспомнила этотъ случай.

— Да, да, я васъ поводить тогда по саду хотѣла изъ жалости...

— И очень огорчились, когда я сказалъ, что я вовсе не хочу ходить, что мнѣ очень хорошо и въ моемъ одиночествѣ...

Она вдругъ впала въ раздумье. Выраженіе ея измѣнчиваго лица сдѣлалось грустнымъ.

— Да, я ужъ такая... всегда являюсь невпопадъ и съ своими насмѣшками, и съ своими сожалѣніями,—задумчиво проговорила она.

И какъ-то рѣзко, оборвавъ рѣчь, протянула руку Мухортову.

— Ну, прощайте!—сказала она, поворачивая по дорогѣ въ обратную сторону.

Его нѣсколько озадачила эта неожиданность.

— Какъ, опять удить?—спросилъ онъ.

— А то какъ же!.. Мой поклонникъ, я думаю, уже соскучился... Вѣдь это новый претендентъ на мою руку, — сказала она съ горькой усмѣшкой. — Онъ вполнѣ увѣренъ въ успѣхѣ. Это очень забавно...

— Зачѣмъ вы шутите тѣмъ, чѣмъ вовсе не слѣдуетъ шутить,—замѣтилъ Мухортовъ искреннимъ тономъ.

— Чѣмъ это?

— Чужимъ спокойствіемъ, чужимъ сердцемъ.

Она засмѣялась.

— Сердцемъ пошлаго фата! Вотъ нашли кого жалѣть! Какія сентиментальности!

Онъ смотрѣлъ на нее совершенно серьезно.

— Можетъ-быть, это и точно смѣшно, но я, право, не сталъ бы для шутки давить даже червей и улитокъ. Впрочемъ, въ дѣтствѣ, а оно всегда жестоко, это иногда доставляетъ удовольствіе...

Онъ откланялся и пошелъ впередъ. Она что-то хотѣла крикнуть ему вдогонку, раздражительно топнула ногой, какъ разсерженный, капризный ребенокъ, и, до боли закусивъ губы, пошла поспѣшно къ своему спутнику.

Онъ попрежнему сидѣлъ на лодкѣ, у плота, пристально смотря безжизненными глазами на поплавки. Но его губы были надуты, брови сдвинуты, лицо выражало неудовольствіе. Марья Николаевна подошла къ плоту, облокотилась на перила и стала безцѣльно смотрѣть на воду. Томиловъ искоса поглядывалъ на нее, ожидая, что она заговоритъ первая. Но она, повидимому, даже забыла о его существованіи. Наконецъ ему надоѣло это безмолвіе, и онъ спросилъ ее:

— Вы больше не желаете удить?

— Нѣтъ, — отвѣтила она, очнувшись, и провела рукой по глазамъ, какъ человѣкъ, пробужденный отъ тяжелаго сна.

— Значитъ, можно ѣхать?—сказалъ онъ.

— Да, поѣдемте,—разсѣянно проговорила она.

Она сошла съ плота въ лодку, сѣла и опять задумалась. Томиловъ собралъ удочки и взялся за весла. Приходилось грести противъ теченія. Томиловъ, какъ непривычный гребецъ, гребъ съ трудомъ; по его блѣдному лицу струился потъ. Онъ тяжело вздыхалъ. Наконецъ, онъ заговорилъ:

— Вы меня страшно мучите, Марья Николаевна.

— Что же, не мнѣ ли прикажете грести? — съ ироніей спросила она, очнувшись.

— Я не о томъ,—отвѣтилъ Томиловъ.—Я говорю о томъ, что вы играете со мною, какъ кошка съ мышью...

— Я?

— Да вотъ хоть бы сейчасъ. Подошелъ этотъ господинъ... какъ его?.. Мухортовъ?.. и вы тотчасъ же бросили меня...

Онъ пересталъ грести, лодку потянуло по теченію назадъ.

— Если вы не будете грести, мы никогда не доѣдемъ, и я сейчасъ же выйду,—рѣзко замѣтила она.

Онъ опять принялся грести.

— Какое право имѣете вы требовать, чтобы я ни съ кѣмъ не говорила, ни съ кѣмъ не ходила?—сказала она.

— Я этого не требую, не смѣю требовать, — отвѣтилъ онъ. — Но господинъ Мухортовъ... Онъ сватался за васъ... онъ ухаживаетъ...

— Вы лжете! — рѣзко оборвала она его. — Никогда онъ

не сватался за меня, не ухаживалъ... Очень нужно ему заниматься мною...

Ея голосъ оборвался.

— Весь уѣздъ знаетъ, что этотъ Егораша, — началъ съ презрѣніемъ Томиловъ.

— Не смѣйте его такъ называть! Вы не имѣете права, да, не имѣете права!—загорячилась она.

Онъ передернулъ плечами.

— Вы влюблены въ него?

— Да!

У него выпали изъ рукъ весла. Лодку опять понесло назадъ.

— Причаливайте къ берегу, я пойду пѣшкомъ, — рѣзко командовала она.

Онъ сдѣлалъ усиліе, чтобы совладать съ собою, и съ горечью замѣтилъ:

— Вы жестоки! Можно ли такъ издѣваться надъ человѣкомъ, какъ вы издѣваетесь надо мною! Вы знаете, что я преданъ вамъ всей душою, что вы для меня все...

Она уже не слушала его и опять забылась. Въ ея душѣ совершалось что-то странное, непонятное для нея самой. Передъ ней носился образъ Егора Александровича. Она злилась на себя за то, что не могла отдѣлаться отъ думъ о немъ. Что онъ ей? Онъ ее не любитъ. Онъ почти порвалъ съ нею всякія сношенія. Онъ, можетъ-быть, презираетъ ее. Да, онъ смотритъ на нее, какъ на пустую дѣвушку, на капризную барышню. Впрочемъ, она первая отказалась выйти за него замужъ. Да, отказалась и никогда, никогда не вышла бы, если бы онъ даже и попросилъ ея руки. Ни за что на свѣтѣ не вышла бы! Она даже не замѣчала, что по ея щекамъ текутъ слезы. Но это не ускользнуло отъ вниманія Томилова. Онъ встревожился.

— Вы плачете?—тихо спросилъ онъ.—О чемъ?

Она опомнилась и, собравшись съ силами, еще не безъ смущенія, отвѣтила:

— Вы ведете себя непозволительно!.. Пользуетесь, что я не могу уйти, и допрашиваете... Вѣдь не въ воду же мнѣ броситься!.. Я вамъ не дала еще права на эти допросы... Хуже инквизитора!

— Я этого жду такъ долго,—сказалъ онъ.

Она отерла слезы и уже насмѣшливымъ тономъ спросила:

— Такъ долго, что даже соскучились?

— Изстрадался!

— Говорятъ, страдать изъ-за любимаго человѣка такъ сладко... Я вотъ и доставляю вамъ случай испытать это наслажденіе...

Она передернула плечами.

— Да гребите же проворнѣе! Это, право, скучно... Сидѣть цѣлые часы tête-à-tête!..

Они причалили къ берегу и остановились у плота, отъ котораго шла дорога къ протасовскому саду. Марья Николаевна быстро выскочила изъ лодки и направилась къ дому. Привязавъ лодку, Томиловъ пошелъ за нею. Онъ дышалъ тяжело отъ усталости и отиралъ платкомъ покрытое пòтомъ лицо. Въ сотый разъ онъ бѣсился въ душѣ на Марью Николаевну за то, чтò она заставляла испытывать его: она то заставляла его скакать съ нею сломя голову на лошади, то водила его до усталости по лѣсу, собирая разныя ягоды, то держала при себѣ по цѣлымъ часамъ за уженьемъ рыбы, и потомъ онъ обязанъ былъ грести, то засаживала его читать ей вслухъ какіе-то русскіе романы, капризничая и сердясь за то, что онъ читаетъ безъ чувства, какъ дьячокъ. И зачѣмъ онъ все это дѣлаетъ, если она любитъ другого? Да точно ли она любитъ? Можетъ-быть, это просто капризъ, новая шутка надъ нимъ, Томиловымъ? А если она точно любитъ? Ну, такъ что же, эта любовь пройдетъ, такъ какъ Мухортовъ не любитъ ее. Если бы сказать ей, что онъ находится въ связи съ горничной? Объ этомъ весь уѣздъ уже знаетъ черезъ какихъ-то приживалокъ. Какъ жаль, что ихъ нельзя свести съ нею. Онѣ открыли бы ей глаза. Но развѣ можетъ онъ, Томиловъ, сказать ей это? Правда, она иногда сама говоритъ о такихъ предметахъ, что ее останавливаютъ, приходя въ ужасъ отъ ея невоспитанности. Но все же ему неловко. Онъ не зналъ, на чтò рѣшиться...

III.

Эта встрѣча не оставила почти никакого слѣда въ душѣ Егора Александровича. Онъ только мелькомъ подумалъ: «хорошо еще, что эта дѣвушка не вздумала поиграть такъ со мною, какъ она играетъ съ Томиловымъ». Потомъ въ его умѣ мелькнула мысль: «и какое счастіе, что я отказался отъ нея, что этотъ бракъ не состоялся; съ нею я никогда не былъ бы счастливъ; эти вѣчные переходы отъ необузданности къ грусти, эти капризныя ребяческія выходки измучили бы меня». Затѣмъ онъ совсѣмъ пересталъ

возвращаться къ вопросу о Протасовой, такъ какъ болѣе серьезныя событія всецѣло поглощали его вниманіе. Не говоря уже о томъ, что онъ приготовлялся къ близившейся продажѣ имѣнія, онъ долженъ былъ круто и рѣзко порѣшить вопросъ о Полѣ. Несмотря на его отказъ уговорить дѣвушку выйти замужъ или, вѣрнѣе, вслѣдствіе этого отказа, на нее напали всѣ съ приставаньями, чтобы она шла замужъ. Въ домѣ былъ цѣлый заговоръ дворни; вся эта родня почуяла, что разореніе на носу, что надо урвать поскорѣе все, что̀ можно, и потому безъ конца судила и рядила о выдачѣ замужъ Поли. Въ отказѣ Егора Александровича уговорить Полю выйти замужъ всѣ видѣли желаніе барина избавиться отъ лишнихъ неизбѣжныхъ расходовъ на приданое. По цѣлымъ вечерамъ «пилила» теперь Полю Елена Никитишна, та самая Елена Никитишна, которая такъ долго дѣлала видъ, что она даже не замѣчаетъ связи своей племянницы съ бариномъ. Прокофій, подвыпивъ для храбрости, дошелъ даже до того, что хотѣлъ въ самомъ дѣлѣ оттаскать дочь за косы. Теперь въ дѣло впутались и Дороѳей кучеръ, и Глашка горничная, и Анна скотница, и Матюшка поваръ, уже не боявшіеся, что на нихъ «зыкнетъ» тетушка Алена Никитишна, и понимавшіе, что «дѣвку нужно долбить и долбить, пока она не восчувствуетъ». Несмотря на все пренебреженіе Елены Никитишны къ Агаѳьѣ Прохоровнѣ, послѣдняя была тоже «натравлена» на Полю мухортовской домоправительницей, такъ какъ теперь не приходилось «брезговать» никѣмъ и ничѣмъ.

— И глупа же ты, Полинька, какъ я посмотрю на тебя, — заговорила Агаѳья Прохоровна въ то самое утро, когда Егоръ Александровичъ ходилъ къ дядѣ за совѣтомъ.

Поля по обыкновенію вышивала на галлереѣ. Агаѳья Прохоровна сидѣла около нея со своимъ вѣчнымъ вязаньемъ.

— Своего счастія ты не понимаешь, — продолжала старая дѣва. — За тебя женихъ сватается, а ты — вотъ. Богъ, а вотъ порогъ. Развѣ это дѣло?

— Одного любить, за другого замужъ идти? — проговорила Поля.

— Да кто тебѣ мѣшаетъ любить-то? Люби, сколько влѣзетъ. Ты голову-то свою прикрой только; ребеночка-то — вѣдь не ровенъ часъ и это будетъ — законнымъ порядкомъ роди. Такъ-то, что̀ онъ будетъ. Сласть какая ему, когда

подрастетъ, да узнаетъ, что онъ отъ дѣвицы рожденъ. Ужъ это самое послѣднее дѣло, отъ дѣвицы родиться! И еще будь богачка какая — куда ни шло. А то и срамъ, и бѣдность! Нечего сказать, хорошую долю ребенку готовишь...

— Его Егоръ Александровичъ не оставитъ, — со вздохомъ сказала Поля.

— Что же, ты просила его дать на ребенка-то денегъ?

Поля вспыхнула.

— За деньги развѣ я люблю?

— Глупая, глупая! Не за деньги! Да ребеночекъ-то что̀ станетъ дѣлать безъ денегъ? Или ты думаешь, что Егоръ Александровичъ самъ его сейчасъ обезпечитъ? Такъ на это господа-то недогадливы. А-ахъ, какъ недогадливы! А случись, что умретъ Егоръ Александровичъ вдругъ, тогда и иди съ дитей по-міру...

— Что̀ вы такое пророчите, Господи Боже! — чуть не плача воскликнула молодая дѣвушка.

— Не пророчу! Пусть живетъ! Мнѣ что? не мой хлѣбъ ѣстъ... А въ животѣ и смерти Богъ воленъ. Умретъ—поздно будетъ думать, какъ дитя прокормить...

Агаѳья Прохоровна на минуту смолкла, постукивая съ раздраженіемъ вязальными спицами. Потомъ, какъ бы про себя, заговорила со вздохомъ:

— Вотъ ужъ, поистинѣ, такимъ-то, какъ ты, матерями не слѣдовало бы быть. Повѣситься милому дружку на шею, себя потѣшить,—на это васъ хватитъ, а материнскаго чувства, заботы этой самой о своемъ дѣтищѣ—этого отъ васъ не жди. Ни Боже мой!.. Что вамъ дитя? Родила его, да и бросила, хлопотъ меньше. Пусть голодаетъ, да холодаетъ!

Поля чувствовала, что по ея тѣлу пробѣгаетъ дрожь. Она сдѣлала надъ собой усиліе и сказала:

— Говорю я вамъ, что Егоръ Александровичъ не оставитъ насъ...

— Ну, а я говорю, что это вилами на водѣ писано. А вышла бы замужъ, онъ бы и далъ обезпеченіе. Боишься-то ты чего? Мужъ-то въ твоихъ рукахъ будетъ, когда капиталъ при тебѣ будетъ. Хочешь—живи съ нимъ, хочешь—нѣтъ. Будешь только знать, что и твой грѣхъ прикрытъ, и дитя, чье ни на есть, а все же законное...

Потомъ, тяжело вздыхая, она прибавила:

— И Егору Александровичу-то руки развязала бы, вздохнулъ бы онъ свободнѣе... зналъ бы, что ты пристроена, значитъ, и онъ свободенъ: хочетъ—женится, хочетъ—нѣтъ...

— Никогда онъ не женится!—воскликнула Поля.

— Еще бы, когда ты его по рукамъ связала. Тоже человѣкъ онъ честный, да добрый...

Поля подняла голову и какъ-то растерянно взглянула на Агаѳью Прохоровну.

— Можетъ-быть, онъ никогда тебя, замужнюю, не броситъ, такъ все же будешь ты знать, что это онъ по доброй волѣ тебя не бросаетъ, а не потому, что стыдно такъ дѣвку безъ угла, безъ призора оставить... Конечно, самъ онъ не станетъ приневоливать замужъ идти, а поди, загляни въ душу-то ему—возликовалъ бы, если бы сама своей волей пошла замужъ...

— Да вы-то, вы-то въ его душу заглядывали?—съ укоромъ сказала Поля.

— Знаю я ихъ всѣхъ, господъ-то этихъ!.. Тоже и онъ мало ли что Софьѣ Петровнѣ говоритъ... «Не могу, говоритъ, я жениться, покуда Поля не пристроена»... Ну, вотъ не сегодня, такъ завтра, и пойдетъ съ сумой...

— Какъ съ сумой?

— Скажите, пожалуйста, она не знаетъ, что у насъ все продавать будутъ... Отъ богатства-то имѣніе съ молотка не продаютъ!.. Вотъ женился бы на Протасовой, такъ дѣло-то иначе пошло бы... Да и то сказать, кто-жъ за него пойдетъ, если у него полюбовница есть въ домѣ... Будь ты замужемъ — никто бы на тебя и вниманія не обратилъ, мало ли господъ къ чужимъ женамъ приваливается...

Передъ Полею открывалась какая-то пропасть. Какъ? Егоръ Александровичъ изъ-за нея пойдетъ по-міру? Ради нея ему отказываютъ невѣсты? Что же онъ молчалъ! Да и то сказать, могъ ли онъ, такой добрый, такой нѣжный, высказать ей это? Агаѳья Прохоровна продолжала «долбить дѣвку», но Поля уже не слушала ее. Въ порывѣ великодушія она готова была сейчасъ же бѣжать къ Егору Александровичу и сказать ему, что она выйдетъ замужъ, лишь бы спасти его. «А сама въ воду!» вдругъ пронеслось въ ея головѣ, и ее охватило холодомъ. А ребенокъ? Душу дѣтскую загубить? Она вдругъ безсознательно перекрестилась, открещиваясь отъ грѣховной мысли.

— Ты это что?—спросила удивленно Агаѳья Прохоровна и даже испугалась выраженія глазъ Поли: они смотрѣли совсѣмъ безумными.

— Не говорите вы больше, Агаѳья Прохоровна, — дрожащимъ голосомъ произнесла Поля, а ея глаза продолжали

смотрѣть съ тупымъ выраженіемъ ужаса. — На грѣшныя мысли навели вы меня!.. Богъ вамъ не проститъ, если я...

Она не договорила, машинально оставила работу, встала и медленно съ устремленными безцѣльно впередъ глазами вышла изъ комнаты. Ее била лихорадка, такъ живо представилось ей, какъ она бросилась къ воду и въ то же время почувствовала, когда уже не было возврата къ жизни, послѣднее біеніе ребенка подъ сердцемъ. Войдя къ себѣ въ комнату, она, какъ подкошенная, упала на колѣни передъ образами и долго билась головой объ полъ, просп прощенія у Всевышняго...

Когда вечеромъ она вошла къ Егору Александровичу, онъ изумился происшедшей въ ней перемѣнѣ. При первомъ его вопросѣ, что̀ съ ней, — она разрыдалась и разсказала все. Мухортовъ пришелъ въ бѣшенство. Онъ видѣлъ, что кругомъ него составляется цѣлый заговоръ. Цѣлуя и обнимая Полю, онъ давалъ ей самыя страстныя клятвы никогда не бросать ее. Онъ убѣдилъ ее, что даже мысли не было у него о томъ, что она служитъ ему помѣхой въ чемъ-нибудь. Но ей не нужно было увѣреній: два-три страстные поцѣлуя разогнали разомъ всѣ мрачныя думы, всѣ сомнѣнія. Она забывала всѣхъ и все, людей и будущее, себя и ребенка, наслаждаясь ласками любимаго, обожаемаго ею человѣка. Мухортовъ успокоился не такъ легко. Когда она ушла, онъ долго ходилъ по своей комнатѣ, обдумывая, что̀ дѣлать. Онъ пришелъ къ заключенію, что прежде всего нужно «сжечь корабли»...

Рано утромъ онъ призвалъ Данилу Волкова и, давъ ему жалованье за мѣсяцъ впередъ и деньги на проѣздъ въ Петербургъ, отказалъ ему отъ мѣста. Этой развязки не ожидалъ никто въ домѣ...

ПЯТАЯ ГЛАВА.

I.

На слѣдующее утро въ «странноприимномъ покоѣ» происходила горячая бесѣда. Данило Николаевичъ Волковъ не безъ злобной ироніи и напускной развязности разсказывалъ Агаѳьѣ Прохоровнѣ, что ему «неожиданный репримандъ сдѣлали».

— Уволили-съ! Оно, конечно, сгубить дѣвчонку легче, чѣмъ наградить ее приданымъ,—развязно ораторствовалъ онъ.—Да и то сказать, слухомъ земля полнится: говорятъ,

что сами ни съ чѣмъ въ трубу вылетятъ. Гдѣ же тутъ приданое давать! Жалованье, можетъ-быть, не изъ чего давать слугамъ...

— Ну, господа! Этакой пакости отъ нихъ я и не ожидала!—восклицала Агаѳья Прохоровна, разводя руками.— И какъ же, такъ-таки и сказалъ, чтобы вы уѣзжали?

— Да-съ, не нуженъ сталъ. Говорю вамъ: жалованья, можетъ-быть, не изъ чего платить! Ну, и придрался къ случаю... Вотъ-то бы я дурака свалялъ, если бы женился, а послѣ ничего не дали бы. Конечно, у нихъ связи, пристроить бы могли. Да вѣдь нынче разоренные-то господа втуне находятся. Богатые-то съ ними: бонжуръ, бонжуръ!— и на другую сторону улицы переходятъ, свой, значитъ, карманъ тоже берегутъ. Много у насъ въ столицѣ этакихъ-то господъ панели оббиваетъ...

— Какъ же вы-то теперь, Данило Николаевичъ?—полюбопытствовала Агаѳья Прохоровна.

— Что же я?—небрежно отвѣтилъ Волковъ.—Мѣстъ мало, что ли? У меня лучшіе господа въ Петербургѣ знакомы, деньгами даже кавалергардовъ ссужалъ. Меня многіе знаютъ. Встрѣтятъ,—«а, говорятъ, Данило, какъ поживаешь?..» Я, признаюсь, и радъ, что не навязалъ себѣ на шею гулящей дѣвчонки. За меня всякая пойдетъ: чиновничьи дочери и тѣ за счастіе почтутъ. Притомъ же я еще въ цвѣтущихъ годахъ. Жаль было только дѣвчонку, потому сгоряча и присватался. Это вѣдь такъ было, точно осѣненіе какое. А теперь, какъ пораздумалъ, такъ и вижу, что закабалить себя хотѣлъ. Тоже еще погулять самому хочется...

Онъ сталъ развязно прощаться съ Агаѳьей Прохоровной, пожимая по-пріятельски ея костлявую руку. Когда онъ удалился, она разсмѣялась ироническимъ смѣхомъ.

— Бахвалъ! право, бахвалъ!—проговорила она.—И какъ это стыда у человѣка нѣтъ врать. Кошки, чай, на сердцѣ скребутъ, что сорвалось, а туда же комедію ломаетъ. Ну, да онъ что! А вотъ наши-то хамки напоролись на исторію, какъ-то выкрутятся?

Не прошло и полчаса, какъ Агаѳья Прохоровна уже завела бесѣду съ Еленой Никитишной объ отставкѣ Волкова. Старая дѣва заговорила съ мухортовской домоправительницей, перемывавшей чашки въ столовой, самымъ невиннымъ и мягкимъ тономъ:

— Что это я слышала, Елена Никитишна, будто Данилѣ-то отказалъ Егоръ Александровичъ отъ мѣста?—спросила она.

Елена Никитишна смотрѣла озабоченно и разсѣянно отвѣтила:

— Да, да, отказалъ...

— Неужто правду это Данило-то говоритъ, что будто потому ему отказали, что онъ за Полиньку посватался? Оно, конечно, Егору Александровичу обидно такъ ее выдать, да вѣдь и то сказать, нужно же пристроить ее, обезпечить-то...

Противъ всякаго ожиданія, Елена Никитишна не вспылила и не оборвала Агаѳью Прохоровну. Она была, видимо, подавлена какими-то нерадостными соображеніями. Отставка Волкова подѣйствовала на нее удручающимъ образомъ. Проектъ устройства участи Поли, при помощи выдачи дѣвушки замужъ, уже улыбался старухѣ. Онъ казался ей единственнымъ счастливымъ выходомъ изъ затруднительнаго положенія.

— Вѣдь ужъ не самъ же Егоръ Александровичъ женится на Полинькѣ,—продолжала Агаѳья Прохоровна:—какъ никакъ, а все же выдать ее замужъ слѣдовало бы. Развѣ только-что такъ обезпечитъ, наградитъ ее. И Софьѣ Петровнѣ это, должно-быть, очень огорчительно, потому, думала она, что вотъ устроятъ дѣвушку...

— Устроишь ее!—ворчливо проговорила Елена Никитишна, поднимаясь съ мѣста все съ тѣмъ же озабоченнымъ выраженіемъ на лицѣ.

— Да ужъ совсѣмъ она отъ этой любви въ омраченіе пришла, своихъ интересовъ не понимаетъ,—сказала Агаѳья Прохоровна.—У васъ-то, я думаю, голубушка, душа за нее изныла. Тоже не чужая.

Елена Никитишна только махнула рукой. Она поставила чашки въ буфетъ и вышла изъ столовой, не говоря ни слова. Агаѳья Прохоровна ехидно улыбалась. Она видѣла впервые Елену Никитишну въ такомъ настроеніи. Та была какъ въ воду опущенная, растерянная и подавленная. Старая дѣва съ злорадствомъ глядѣла ей вслѣдъ, очень хорошо понимая все, что̀ творилось въ душѣ ея главнаго давнишняго врага...

Въ самомъ дѣлѣ, Елена Никитишна никогда не переживала болѣе скверныхъ минутъ, чѣмъ теперь. Она чуяла, угадывала, что разореніе въ домѣ было полное, что не сегодня, такъ завтра должна настать ликвидація дѣлъ. Что̀ останется у Мухортовыхъ? Будутъ ли у нихъ средства содержать всю семью старыхъ дворовыхъ? Нежеланіе Егора Александровича пристроить Полю равнялось нежеланію вы-

дать дѣвушкѣ нѣсколько тысячъ въ видѣ приданаго. Но дастъ ли эти деньги Егоръ Александровичъ такъ, безъ замужества дѣвушки? Найдутся ли эти деньги послѣ продажи имѣнія, послѣ уплаты долговъ? И гдѣ будетъ жить Поля? У Софьи Петровны? Но Софья Петровна, можетъ-быть, останется съ одной пенсіей? У Егора Александровича? Но развѣ онъ, холостой человѣкъ, можетъ жить съ Полей въ Петербургѣ вмѣстѣ? А хватитъ ли у него средствъ держать ее на содержаніи отдѣльно отъ себя? Въ головѣ привыкшей властвовать, гордой по-своему старухи былъ невообразимый хаосъ. Она не могла ни до чего додуматься. Въ душѣ поднималась тайная злоба противъ Егора Александровича...

Старуха прошла въ спальню Софьи Петровны, чтобы выслушать кое-какія приказанія послѣдней. Ея лицо было сурово, брови сдвинуты, губы сжаты. Софья Петровна съ первыхъ же словъ своей домоправительницы замѣтила, что та не въ духѣ. Съ Еленой Никитишной это случалось нерѣдко, и тогда она становилась невыносимо груба съ генеральшей, доводя послѣднюю чуть не до слезъ.

— Что это, Елена, ты, кажется, опять лѣвой ногой сегодня встала? — сказала Софья Петровна недовольнымъ тономъ.

— Что̀ же мнѣ прикажете хохотать, что ли, когда на сердцѣ кошки скребутъ,—отрывисто отвѣтила Елена Никитишна.

— Да что̀ случилось?—спросила генеральша.

— А то, что Егоръ Александровичъ отказалъ Данилѣ за то, что тотъ посватался за Полю. Вотъ что̀ случилось!

— Какъ отказалъ?

— Обыкновенно, какъ отказываютъ нашему брату. Сегодня ему, завтра, быть-можетъ, мнѣ, Прокофью, Полѣ. Нищихъ-то еще мало по-міру ходитъ! Прибавить нужно!..

— Да не ворчи ты, старая, а говори по-человѣчески!— нетерпѣливо проговорила генеральша.—Что̀ у тебя за манера раздражать! Хочется, вѣрно, чтобъ у меня мигрень сдѣлалась!

— Ахъ, у меня у самой въ глазахъ темнѣетъ,—отрывисто отвѣтила Елена Никитишна.

— Елена, да не мучай ты меня!—молящимъ тономъ воскликнула Софья Петровна.

Она походила на слезливую просительницу; Елена Никитишна на суровую барыню.

— Сама я измучилась, сама!—съ укоромъ сказала старая

служанка.—Вотъ думала, хоть пристрою дѣвку, если ужъ грѣха не поправить. Такъ нѣтъ, выгналъ Егоръ Александровичъ Данилу. Что же онъ думаетъ съ дѣвчонкой сдѣлать? Поиграть, да и бросить? Вѣдь ни за ней, ни передъ ней ничего нѣтъ. Стыдъ одинъ у нея, а больше-то эта самая любовь ей ничего и не принесла!

— Это надо разъяснить!—вскричала Мухортова.—Зачѣмъ онъ отпустилъ Данилу? Что думаетъ дѣлать?

— Ну, ужъ это не приходится мнѣ-то у Егора Александровича разспрашивать!—рѣзко сказала Елена Никитишна.—Не мать, не тетка я ему. Мнѣ онъ отчета не обязанъ отдавать, хоть Поля-то мнѣ и не чужая. Онъ и говорить со мной не станетъ, если ужъ съ вами не совѣтуется... Вотъ ужъ не ожидала я отъ него такихъ поступковъ! Этого нашъ братъ, холопъ, не сдѣлаетъ! Сгубить дѣвчонку и бросить!..

— Молчи ты, Елена! Перестань ворчать! Это невыносимо!—заговорила генеральша.—Сынъ отбился отъ рукъ, ты нервы раздражаешь, тутъ эта свадьба не состоялась... Право, я слягу... Да, слягу, вотъ тогда и ходите за мной!.. Поди, попроси ко мнѣ сейчасъ же Жоржа...

Елена Никитишна молча повернулась къ выходу.

— У, злая!—дѣтски капризнымъ тономъ произнесла генеральша ей вслѣдъ.

Она подъ вліяніемъ чтенія новаго романа была въ это утро въ самомъ благодушномъ настроеніи, какъ-будто въ домѣ все шло наилучшимъ образомъ, не грозя никакими невзгодами въ близкомъ будущемъ. Слова Елены Никитишны спугнули это свѣтлое настроеніе, и она теперь готова была капризничать, какъ избалованный ребенокъ, у котораго отняли игрушку.

Егоръ Александровичъ удивился, когда его позвали къ матери. Вообще онъ рѣдко бесѣдовалъ съ ней; въ послѣднее же время эти бесѣды были еще рѣже; онъ самъ избѣгалъ ихъ, сознавая, что ему предстоитъ вынести не мало непріятностей и безъ нихъ. Тѣмъ не менѣе, онъ тотчасъ же пошелъ на половину матери. Онъ засталъ ее лежащею на кушеткѣ съ книгой въ рукахъ. Услышавъ его шаги, она отложила книгу въ сторону, сдѣлала строгое лицо и обратилась къ сыну съ вопросомъ:

— Жоржъ, я слышала, что ты отказалъ Данилѣ? Какъ же это?.. Онъ сватался за Полю...

— Вы за этимъ звали меня?—спросилъ сынъ, садясь на стулъ.

— Да. Надо же серьезно подумать о ея судьбѣ. Я тебѣ это говорила. До сихъ поръ...

— Предоставьте это мнѣ,—перебилъ онъ мать.—Я уже тоже говорилъ вамъ это...

— Нѣтъ, Жоржъ, такъ нельзя, такъ нельзя!—загорячилась Мухортова.—Дѣвушку нужно выдать замужъ, обезпечить. Это нашъ долгъ...

Онъ сдѣлалъ нетерпѣливое движеніе.

— Я васъ попрошу болѣе не говорить объ этомъ,—рѣзко произнесъ онъ.—На-дняхъ мое имѣніе перейдетъ въ чужія руки. Тогда...

— Жоржъ!—воскликнула генеральша, съ ужасомъ приподнявшись на кушеткѣ.

— У меня останется только охотничій домикъ надъ обрывомъ. Я поселюсь тамъ. Поля будетъ жить у меня.

— Жоржъ!—снова повторила генеральша, точно не находя словъ для выраженія своихъ чувствъ.

И неожиданно поднялась во весь ростъ съ мѣста. Она была страшно взволнована. Въ ея глазахъ сверкнулъ недобрый огонекъ.

— Я тебѣ этого не позволю! Слышишь, я мать! Ты, ты будешь жить вдвоемъ съ нею, какъ съ женой? Никогда, никогда!

Она заходила по комнатѣ.

— Я, наконецъ, теряю терпѣніе! Продать все, сдѣлать скандалъ, огласить разореніе, сойтись, какъ съ женою, съ мужичкой... Ты съ ума сошелъ?.. Да, да... Тебя лѣчить надо... лѣчить... И что скажетъ дядя Жакъ? Наконецъ, я могу попросить предводителя дворянства... Ты еще мальчишка... давно ли сталъ совершеннолѣтнимъ!.. Книгъ начитался!.. Студенты, должно-быть, твои такъ живутъ... санкюлоты!.. Набрался идей и думаешь, что такъ тебѣ и позволятъ ходить съ ними... Да, я обращусь къ властямъ... есть же права...

Онъ, весь блѣдный, съ дрожащими отъ гнѣва губами, тоже поднялся съ мѣста и повернулся къ выходу.

— Попробуйте!—коротко и сухо сказалъ онъ матери.

Въ тонѣ его словъ было что-то безпощадно суровое и холодное. Такъ иногда въ былые годы говорилъ съ ней ея покойный мужъ. Генеральша вздрогнула и вдругъ съ пронзительнымъ крикомъ бросилась за сыномъ.

— Жоржъ, Жоржъ, пощади!—воскликнула она, хватая его за рукавъ.—Я не вынесу, я умру!.. О, какъ ты же-

стокъ... Вѣдь это позоръ... Мнѣ нельзя будетъ никуда глазъ показать... Ну, сдѣлай что-нибудь... извернись... займи... Я не знаю, что̀ надо... Но нельзя же такъ, Жоржъ!.. Вспомни, кто мы!..

Она упала къ его ногамъ, съ театральнымъ трагизмомъ простирая къ нему руки.

— Ты видишь, я у твоихъ ногъ!.. Мать у твоихъ ногъ!..

Онъ передернулъ плечами. Въ его душѣ поднималось чувство гадливости, отвращенія.

— Даже въ горѣ ты разыгрываешь комедіи,—прошепталъ онъ съ горечью.

Его лицо выражало полное презрѣніе къ ней.

— Ахъ-ахъ-ахъ! — послышались истерическія рыданія Мухортовой.—Извергъ... бездушный... нигилистъ!.. Богъ... Богъ... ахъ-ахъ-ахъ!.. отплатитъ тебѣ!.. Въ отца весь!..

Она билась на коврѣ въ истерическихъ конвульсіяхъ. Егоръ Александровичъ былъ уже за нѣсколько комнатъ. Ему становилось омерзительно это ломанье матери. Прежде всѣ эти кривлянья, переходы отъ возвышенныхъ фразъ къ истерикамъ, отъ жалующагося тона институтки къ возгласамъ трагической героини, отъ угрозъ къ пресмыканію у ногъ— только слегка раздражали его нервы, теперь онъ просто презиралъ эту женщину. Она изломалась, искривлялась до того, что въ ней было все напускное: и горе, и радость, и паѳосъ, и мягкость, и самыя слезы. Про нее нельзя было сказать, что она притворяется; притворяются сознательно, она же вѣчно играла комедію, не сознавая даже, что она ее играетъ; она могла истерически рыдать и биться объ полъ и въ то же время испытывать что-то въ родѣ того наслажденія, которое испытываетъ актриса, доходя въ своей новой роли до настоящихъ обмороковъ. Егоръ Александровичъ очень хорошо зналъ, что его ожидаетъ не борьба съ матерью: генеральша была не способна бороться; но его ждало худшее—рядъ трагикомическихъ сценъ, рядъ раздирательныхъ криковъ о пощадѣ, рядъ мелодраматическихъ объясненій. Все это когда-то отравило жизнь отцу Егора Александровича. Все это нужно было вынести, такъ какъ нельзя было покуда ни выгнать ее, ни уйти отъ нея самому...

II.

Единственнымъ средствомъ поскорѣй прекратить всѣ домашнія сцены была продажа имѣнія сейчасъ же, не дожидая срока, когда придется продавать его съ молотка по

требованію кредиторовъ. Егоръ Александровичъ хорошо понималъ это и боялся, что Протасовъ станетъ оттягивать дѣло, или откажется отъ покупки. Имѣніе было велико, и трудно было ожидать, чтобы покупка его произошла чуть ли не въ одинъ день; Егоръ Александровичъ понималъ, что такой практическій человѣкъ, какъ Протасовъ, десять разъ подумаетъ, прежде чѣмъ рѣшится пойти на сдѣлку. Надо было побудить дядю всѣми силами налечь на Протасова. Егоръ Александровичъ пошелъ къ Алексѣю Ивановичу съ твердымъ намѣреніемъ окончательно переговорить съ нимъ обо всемъ. Съ первыхъ же словъ старикъ спросилъ племянника:

— Такъ ты безповоротно рѣшился на это?

— Да, но я боюсь оттяжекъ со стороны Протасова.

Старикъ усмѣхнулся.

— Младенецъ ты, Егорушка, въ дѣлахъ,—сказалъ онъ, дружески похлопавъ его по плечу.—Протасовъ ждетъ не дождется, чтобы захватить твое имѣніе въ свои лапы. Мы съ нимъ, почитай, сто разъ все осматривали. Вѣдь имѣніе-то твое при деньгахъ—золотое дно. Будь у меня теперь свободный капиталъ, да я бы и заглянуть въ твое имѣніе не далъ Протасову. Онъ цѣлый годъ, да нѣтъ, больше году за мной ухаживаетъ, чтобы эту сдѣлку устроить...

Егоръ Александровичъ немного даже смутился и изумился, вопросительно взглянувъ на дядю. Онъ никакъ не воображалъ, что за его спиной столько времени уже разсуждали о его неизбѣжномъ разореніи. Они тутъ толковали объ этомъ, дѣлили, такъ сказать, его ризы, а онъ преспокойно смотрѣлъ на пиры и балы, даваемые его матерью на послѣднія вытянутыя изъ его имѣнія деньги. Въ его душѣ поднималось горькое чувство обиды, досады на себя, на дядю.

— Конечно, если бы женитьба твоя состоялась, ему было бы еще выгоднѣе,—продолжалъ разъяснять дядя:—все равно имѣніе-то прибралъ бы онъ въ свои руки, такъ какъ ты—какой же ты хозяинъ? Ну, и кромѣ того, новыя связи явились бы у него; одинъ вашъ дядя Жакъ цѣлаго имѣнія стоитъ. Ну, да сорвалось это—ничего не подѣлаешь; теперь Протасовъ много и торговаться не станетъ, лишь бы имѣнія не упустить. Съ одной стороны твой лѣсъ ему на руку, съ другой—вѣдь у него тогда, съ твоимъ-то имѣніемъ-то, чуть не весь уѣздъ въ рукахъ будетъ.

Старикъ помолчалъ, потомъ прибавилъ:

— Только вотъ что, Егорушка, ты все мнѣ предоставь

обдѣлывать. Самъ ты продешевишь. Протасовъ мужикъ умный и гдѣ можно своего не передастъ; а ты сейчасъ выскажешь, что тебѣ приспичило скорѣй, да скорѣй продать. Я не то; конечно, я ему добра желаю, потому мы рука объ руку съ нимъ идемъ, я у него, такъ сказать, на пристяжкѣ покуда; но все же ты моя кровь—братнинъ сынъ. Протасову я уважить радъ, но тебя пускать по-міру мнѣ не рука. Ты мнѣ вѣрь, я какъ передъ Богомъ говорю, я человѣкъ простой; выгоднѣе я это дѣло устрою для тебя, чѣмъ ты самъ.

Егоръ Александровичъ усмѣхнулся.

— Не клянись дядя, я и такъ повѣрю. Къ тому же я все болѣе и болѣе убѣждаюсь, что я точно непрактичный, неумѣлый человѣкъ...

— Охъ, Егорушка, правда, правда! Книги васъ, нынѣшнюю молодежь, идеи губятъ,—вздохнулъ старикъ.—Политическія экономіи разныя вы изучили, говорить станете—просто ахнешь, а приди къ тебѣ первый встрѣчный безграмотный кулакъ, такъ онъ тебѣ такую политическую экономію въ глаза вотретъ, что безъ рубашки изъ его рукъ выйдешь. Ей-Богу!

— Знаю, дядя, знаю!—сказалъ со вздохомъ племянникъ.

— Ну, такъ по рукамъ!

Старикъ началъ разспрашивать, хочетъ ли Егоръ Александровичъ оставить за собою извѣстное количество зѐмли, или ему нужнѣе деньги. Егоръ Александровичъ объяснилъ, что онъ желаетъ выторговать у Протасова для себя домикъ надъ обрывомъ, построенный когда-то для его отца. Земли ему почти не нужно, такъ какъ онъ не думаетъ вовсе сдѣлаться сельскимъ хозяиномъ. Деньги ему нужнѣе. Бесѣда длилась долго. На душѣ молодого человѣка было тяжело. Продажа родного, родового гнѣзда, скопленнаго въ десятки лѣтъ скарба, сознаніе, что при извѣстной практичности въ этой продажѣ не было бы необходимости, все это было далеко не сладко. Его утѣшала одна мысль, что, принося эту жертву, онъ загладитъ всѣ, сдѣланные въ прошломъ, глупости и промахи, что онъ сдѣлается свободнымъ отъ долговъ, отъ матери, отъ прошлой безпутно-роскошной жизни на чужой счетъ.

Не прошло и трехъ дней, какъ къ нему заѣхалъ съ Алексѣемъ Ивановичемъ самъ Протасовъ. Софья Петровна въ этотъ день была приглашена въ гости къ Алексѣю Ивановичу; старикъ озаботился устроить это такъ по просьбѣ Егора Александровича; Егоръ Александровичъ боялся, что

нать сдѣлаетъ какую-нибудь безтактную сцену Протасову и какъ-нибудь испортитъ дѣло. При встрѣчѣ съ Протасовымъ, Егоръ Александровичъ невольно измѣнился на минуту въ лицѣ. Его точно что-то кольнуло при видѣ этого человѣка, знавшаго всю глубину его разоренья, всю его несостоятельность, какъ дѣльца, и смѣявшагося, можетъ-быть, надъ нимъ въ глубинѣ души. Но Егоръ Александровичъ тотчасъ же совладалъ съ собою и съ холодной, свѣтской вѣжливостью принялъ старика. Отъ того вѣяло той же самой холодной сдержанностью. Они заговорили о продажѣ имѣнія,—заговорили такимъ тономъ, какъ будто это дѣло казалось пустяками для обѣихъ сторонъ: одному не было вовсе нужды въ продажѣ, другому—въ покупкѣ имѣнія.

— Я буду очень радъ сбыть всю эту обузу,—спокойно и небрежно сказалъ Егоръ Александровичъ, когда гости усѣлись въ кабинетѣ.—Самъ я не умѣю хозяйничать, а нанимать Богъ знаетъ кого—это значитъ разорять себя окончательно.

— Да, это правда,—отвѣтилъ Протасовъ, закуривая сигару.—Мнѣ тоже не особенно легко увеличивать свое хозяйство, но просто хочется округлить нѣкоторыя части своего имѣнія...

Потомъ онъ спросилъ Егора Александровича:

— А вы развѣ думаете все-таки здѣсь жить? Алексѣй Ивановичъ говорилъ, что вы хотите удержать за собой охотничій домикъ...

— О, это прихоть!—отвѣтилъ Егоръ Александровичъ.—Просто, какъ дачу, хочу удержать его за собою. Притомъ же это воспоминаніе объ отцѣ... А развѣ васъ стѣсняетъ уступка его мнѣ?

— Ну, это такіе пустяки... Къ тому же не у мѣста построенъ...

— Да, да,—вмѣшался Алексѣй Ивановичъ.—Знаешь ли, Егорушка, говорятъ, что это мѣсто обрушиться можетъ; Желтуха подмываетъ песчаный берегъ; садъ, пожалуй, когда-нибудь обвалится...

— Не думаю, дядя. Объ этомъ толкуютъ столько лѣтъ. Впрочемъ, если это случится—что-жъ дѣлать. Авось это сдѣлается не въ то именно время, когда я буду тамъ...

Егоръ Александровичъ улыбнулся.

— Купаться съ домомъ во всякомъ случаѣ не хотѣлось бы!

Затѣмъ Протасовъ замѣтилъ, что онъ хотѣлъ бы осмотрѣть домъ.

— Вы вѣдь и всю движимость продаете?—спросилъ онъ.

— Да, не хотѣлось бы вывозить все это въ Петербургъ... Притомъ я еще не знаю—буду ли я долго жить въ Петербургѣ... Меня манитъ въ одинъ изъ заграничныхъ университетовъ...

— Ну, да, знаемъ мы эти университеты! Въ Парижѣ кутнуть хочется,—вставилъ Алексѣй Ивановичъ, похлопавъ по плечу племянника.—Эхъ вы, молодежь!

— Отчего же и не отдать дани молодости?—замѣтилъ Протасовъ.—Это такъ естественно!

Всѣ поднялись и пошли осматривать домъ. Протасовъ останавливался передъ такими вещами, которыя, повидимому, не имѣли никакой цѣны, и дѣлалъ о нихъ свои замѣчанія. Все цѣнное онъ какъ будто пропускалъ безъ вниманія.

— А тутъ былъ небольшой Теньеръ?—вдругъ замѣтилъ онъ, окинувъ глазами стѣну одной изъ гостиныхъ.—Вы его вынесли?

Егоръ Александровичъ растерялся. Онъ самъ не зналъ, была ли тутъ картина Теньера или нѣтъ. Алексѣй Ивановичъ поспѣшилъ ему на выручку.

— Нѣтъ, картина повѣшена на половинѣ у Егорушки,—сказалъ онъ. — Тутъ ничего не унесено, все сполна осталось!..

Протасовъ ничего не отвѣтилъ ему и, обращаясь къ Егору Александровичу, сказалъ:

— Алексѣй Ивановичъ говоритъ, что менѣе двухсотъ тысячъ вы не возьмете?

Егоръ Александровичъ весь вспыхнулъ на минуту и чуть не вскрикнулъ отъ радости, пораженный сразу размѣрами цѣны и забывшій о долгахъ. Но Алексѣй Ивановичъ замѣтилъ это неосторожное движеніе племянника и быстро сказалъ:

— Это же дѣйствительно такая цѣна, которую каждый дастъ.

— Да, конечно, я и не спорю. Кому очень нужно,—отвѣтилъ Протасовъ.—Я бы не далъ, если бы надо было тотчасъ выдать всю сумму... Но на имѣніи долги, уплату которыхъ можно отсрочить.

Егоръ Александровичъ теперь только сообразилъ, что крупная сумма денегъ, обрадовавшая его, въ сущности, перейдетъ не въ его руки, а въ руки его кредиторовъ.

— Алексѣй Ивановичъ передалъ мнѣ списокъ долговъ,

они довольно значительны,—продолжалъ Протасовъ:—и это отчасти побуждаетъ меня принятія условія. Теперь у меня свободныхъ денегъ не особенно много, соберутся только осенью... Вамъ придется выдать, кажется, тысячъ двадцать съ небольшимъ...

— Я могу,—быстро началъ Егоръ Александровичъ, готовый разсрочить слѣдовавшія ему деньги, лишь бы раздѣлаться съ имѣніемъ, но дядя перебилъ его.

— Да, двадцать три тысячи. Ихъ, конечно, нужно сейчасъ же выдать. Вѣдь ты, вѣроятно, очень не долго засидишься здѣсь, Егорушка?

— Право, не знаю,—сконфуженно отвѣтилъ Егоръ Александровичъ.

Старикъ Мухортовъ чуть не ругнулъ его, угадавъ, что племянникъ готовъ разсрочить даже выдачу ему этихъ двадцати трехъ тысячъ, лишь бы скорѣе все продать. Егоръ Александровичъ понялъ это и съ усмѣшкой проговорилъ:

— Во всякомъ случаѣ, я васъ попрошу всѣ дѣловые переговоры окончить съ дядею, онъ имѣетъ отъ меня полную довѣренность и знаетъ всѣ мои условія.

— Да мы уже все и обговорили,—замѣтилъ Алексѣй Ивановичъ.

— Я тороплюсь продать имѣніе, потому что моя мать на-дняхъ уѣзжаетъ, а я самъ—мнѣ мѣшаютъ всѣ эти хлопоты въ моихъ занятіяхъ,—сказалъ Егоръ Александровичъ.

Они перемѣнили тему разговора и, вернувшись въ кабинетъ Егора Александровича, еще съ полчаса бесѣдовали о совершенно постороннихъ вещахъ. Егоръ Александровичъ дѣлалъ всѣ усилія, чтобы казаться спокойнымъ; Протасовъ смотрѣлъ тоже равнодушно, какъ будто въ эту минуту онъ и не помышлялъ о томъ, что онъ достигъ одной изъ своихъ желанныхъ цѣлей. Даже Алексѣй Ивановичъ усомнился въ томъ, дѣйствительно ли Протасовъ ужъ такъ страстно желалъ купить это имѣніе, какъ казалось ему, Алексѣю Ивановичу. Самъ Алексѣй Ивановичъ принадлежалъ къ числу тѣхъ людей, которые не умѣютъ скрывать свои чувства; онъ даже и не пробовалъ когда-нибудь надѣвать на себя маску, что, впрочемъ, не мѣшало ему быть ловкимъ дѣльцомъ и человѣкомъ себѣ на умѣ. Онъ самъ про себя говорилъ: «я человѣкъ русскій, я люблю говорить правду-матку» и прибавлялъ при этомъ: «языкъ мой—врагъ мой, все выболтаетъ»; онъ забывалъ прибавить при этомъ только одно, что, говоря правду-матку, онъ всегда какъ-то ухитрялся вы-

доить эту матку въ свою пользу, и что его языкъ никогда не выбалтывалъ именно того, чего не слѣдовало выбалтывать.

Когда гости уѣхали, у Егора Александровича точно гора свалилась съ плечъ, и въ то же время онъ вдругъ почувствовалъ страшный упадокъ силъ. Ему казалось теперь, что если бы ему пришлось еще съ часъ пробесѣдовать съ Протасовымъ, то онъ расплакался бы, какъ нервная женщина. Несмотря на всѣ доводы разсудка, онъ испытывалъ нѣчто такое, какъ будто его кто-то унижаетъ, какъ будто онъ дѣйствительно переживаетъ минуты позора. Но развѣ разореніе позоръ? Развѣ желаніе честно расплатиться съ долгами, заявивъ это прямо и открыто, можетъ-быть унизительнымъ? Онъ задавалъ себѣ эти вопросы и все-таки не могъ побороть какого-то обиднаго чувства, вызывавшаго на его лицо краску стыда...

Софья Петровна вернулась домой отъ Алексѣя Ивановича только вечеромъ и привезла сыну письмо отъ старика Мухортова. Дядя извѣщалъ, что дѣло улажено, и тутъ же не безъ юмора замѣчалъ, что дѣло, въ сущности, было улажено еще нѣсколько мѣсяцевъ тому назадъ, но что Протасову нужно было комедію осмотра разыграть. «И что̀ осматривалъ,—писалъ старикъ,—то, что̀ какъ свои пять пальцевъ изучилъ. Небось, Теньера вспомнилъ! Его, братъ, на кривой не объѣдешь. Онъ не то, что мы, простаки!» Не прошло и получаса, какъ подали чай. Егоръ Александровичъ съ тревогой въ душѣ, но стараясь сохранить наружное спокойствіе, вышелъ въ столовую, гдѣ уже сидѣла Софья Петровна, просматривавшая привезенныя безъ нея письма.

— Ахъ, этотъ cher oncle Jacques!—воскликнула она, читая одно изъ писемъ.—Я такъ и знала, что онъ будетъ на моей сторонѣ!..

Она обратилась къ сыну.

— Онъ очень, очень недоволенъ тобой, Жоржъ... Я такъ и знала это впередъ!.. Онъ тоже совѣтуетъ мнѣ въ крайнемъ случаѣ обратиться къ предводителю дворянства, если ты не послушаешь и его совѣтовъ...

Егоръ Александровичъ разсѣянно поднялъ глаза на мать, не понявъ сразу, о чемъ она говоритъ.

— Какихъ совѣтовъ?

— Не продавать Мухортова, извернуться, ну, какъ-нибудь тамъ все уладить... Тысячи людей входятъ въ долги и изворачиваются же... Кто же теперь изъ порядочныхъ

людей не въ долгу?.. Всѣ по уши въ долгахъ!.. Мы не кто-нибудь, славу Богу...

— Что же, онъ предлагаетъ деньги?—насмѣшливо спросилъ Егоръ Александровичъ.

— Жоржъ! развѣ ты не знаешь, что бѣдный дядя Жакъ самъ вѣчно безъ денегъ?—воскликнула Мухортова.—Развѣ онъ, будь у него средства, сталъ бы служить,—онъ, любящій такъ жизнь!.. Не будь его дѣла въ такомъ страшномъ положеніи, онъ давно бросилъ бы службу, уѣхалъ бы въ Парижъ... Развѣ его мѣсто въ Петербургѣ, въ этихъ противныхъ канцеляріяхъ?

Егоръ Александровичъ насмѣшливо усмѣхнулся.

— Ну, а совѣты безъ денегъ не ведутъ ни къ чему,—отвѣтилъ онъ.—И дѣло, славу Богу, кончено къ тому же...

Генеральша всплеснула руками.

— Какъ кончено? Какъ? Я тебя не понимаю!

— За мною останется охотничій домикъ,—сказалъ Егоръ Александровичъ.—Ваши долги я уплачу... Ихъ на нѣсколько тысячъ... Вамъ я не могу предложить болѣе двухъ-трехъ тысячъ... И это мнѣ будетъ не легко... у меня не останется почти ничего... Вы же... у васъ пенсія... масса ненужностей, которыя можно обратить въ деньги, и... вы, къ тому же, вѣроятно, поселитесь у дяди Жака... Ему это даже будетъ пріятно при его одиночествѣ...

— Боже мой, Боже мой, что̀ ты говоришь!—вскричала Мухортова.

Егоръ Александровичъ поднялся съ мѣста, предчувствуя начало раздирательной сцены. Онъ былъ страшно блѣденъ и взволнованъ.

— При себѣ я оставлю только нѣкоторыхъ слугъ,—продолжалъ онъ.—Елена Никитишна, конечно, не разстанется съ вами, Григорій молодъ и легко найдетъ мѣсто у какого-нибудь мастера... Если нужно, я помогу... Глаша тоже... Другіе могутъ поселиться покуда у меня. Мѣста хватитъ. Выгнать ихъ было бы грѣшно. Мы сдѣлали ихъ негодными ни къ какой службѣ...

Онъ чувствовалъ, что онъ дальше не можетъ говорить. Его самого душили невольныя, непрошенныя слезы, и въ то же время въ душѣ поднималась злоба противъ самого себя за это малодушіе. Софья Петровна закрыла лицо руками и разрыдалась. Онъ вышелъ изъ столовой и неожиданно наткнулся на Елену Никитишну. Она, какъ ему почему-то показалось, подслушивала у дверей.

— Елена Никитишна, мать, вѣроятно, на-дняхъ уѣдетъ отсюда навсегда,—сказалъ онъ.—Я продалъ имѣніе... Васъ, конечно, должна заботить участь Поли.

Елена Никитишна вдругъ поднесла платокъ къ глазамъ и, тихо плача, проговорила:

— Богъ вамъ судья, Егоръ Александровичъ.

— Не плачьте... она не будетъ брошена... Я сдѣлаю для нея все, что̀ могу,—сказалъ онъ серьезно.—Она останется съ отцомъ при мнѣ и, что̀ бы ни случилось,—они будутъ обезпечены.

Елена Никитишна смотрѣла на него растеряннымъ взглядомъ, не понимая въ сущности, что̀ онъ говорилъ. Она не вѣрила, что онъ могъ оставить при себѣ Полю, жить съ нею, какъ съ женою, здѣсь, на виду у родныхъ. И въ то же время она не понимала, какъ онъ обезпечитъ ея племянницу, когда онъ разоренъ. Останется ли у него что-нибудь? Передастъ ли онъ что-нибудь Полѣ? Эти вопросы вертѣлись на языкѣ у старухи, и въ то же время она не смѣла произнести ихъ. Она только прошептала:

— Богъ васъ накажетъ, если вы ее бросите!... Погубили вы дѣвчонку!..

Онъ ничего не отвѣтилъ и прошелъ на свою половину. Въ комнатѣ было душно. Онъ отворилъ дверь и вышелъ на террасу. Лѣтняя ночь пахнула ему въ лицо тепломъ и ароматомъ. Онъ прислонился къ косяку двери, и вдругъ въ его душѣ воскресли воспоминанія прошлаго. Въ этомъ домѣ онъ родился. По этимъ аллеямъ онъ бѣгалъ, игралъ въ дѣтствѣ. Здѣсь, на этой террасѣ, онъ просиживалъ долгіе часы у ногъ любимаго старика, читавшаго ему вслухъ величайшія созданія поэзіи. Съ удивительною ясностью въ его воображеніи прошли различные эпизоды прошлой жизни. Неизвѣстно почему, онъ вспомнилъ одну сцену: въ большой залѣ, на черномъ катафалкѣ, лежалъ старикъ съ сѣдыми, коротко остриженными волосами, съ сѣдыми же длинными усами, съ покойнымъ, серьезнымъ лицомъ; въ ногахъ старика, передъ аналоемъ, стоялъ монахъ и читалъ псалтырь; кругомъ теплились толстыя восковыя свѣчи; во всемъ домѣ пахло ладаномъ. Бѣдный отецъ! Это онъ успокоился здѣсь послѣ долгой боевой службы и послѣ долгихъ семейныхъ дрязгъ, доведшихъ его до того, что онъ, герой двѣнадцатаго года, умолялъ передъ смертью не впускать къ нему ее, жену. Какъ его любилъ его маленькій сынъ,—любилъ за безконечные разсказы о великой войнѣ двѣнадцатаго

года, о геройскихъ подвигахъ, гдѣ одинаково великими сынами отечества являлись и безусые юноши-офицеры, только-что сошедшіе съ паркета, и простые огрубѣвшіе солдаты, покинувшіе далеко-далеко полуголодныхъ женъ и дѣтей. Какъ горько плакалъ около этого катафалка онъ, маленькій Жоржъ, украдкой пробравшись «къ папѣ». Онъ вдругъ вздрогнулъ теперь, припомнивъ, какъ онъ испугался въ этой залѣ, стоя около трупа отца. На его плечо тогда внезапно опустилась чья-то грубая, точно обтянутая опойкомъ, мозолистая рука и послышался мужицкій голосъ:—«Вотъ и помни, помни, какимъ онъ, твой отецъ, былъ! И самъ будь такимъ! Теперь баловать начнутъ, а ты помни его—вонъ какъ онъ смотритъ строго и всю жизнь такъ будетъ глядѣть на тебя. Да!» Мальчикъ поднялъ пугливо глаза къ говорившему и увидалъ загорѣлое, суровое лицо, обросшее сѣдѣющими и выцвѣтшими волосами. Это былъ отецъ Иванъ, ихъ деревенскій попъ. Софья Петровна ненавидѣла его и никогда не допускала на свою половину, говоря, что отъ него «навозомъ пахнетъ». Но онъ былъ духовникомъ покойнаго генерала и теперь приходилъ къ покойнику по нѣсколько разъ въ день, не спрашивая позволенія у Софьи Петровны, не обращая на нее вниманія. Что̀ сказалъ бы отецъ, если бы зналъ, что онъ, Егоръ Александровичъ, продаетъ свое родное гнѣздо? Егору Александровичу вдругъ стало какъ-то горько, что онъ не посѣтилъ до сихъ поръ даже могилы отца. «Бѣдный, бѣдный отецъ, всѣ тебя забыли», прошепталъ онъ. И вдругъ, рядомъ съ этимъ воспоминаніемъ, воскресло другое изъ болѣе близкаго прошлаго: онъ вспомнилъ одинъ сентябрьскій вечеръ, когда Гуро впервые читалъ ему, Жоржу, Гамлета,—вспомнилъ до такой степени ясно, какъ будто это было вчера: обстановка, отдѣльныя фразы, мелкія замѣчанія, все, все ожило передъ нимъ. Почему? Не потому ли, что потомъ чуть ли не мѣсяцъ,—нѣтъ, больше, больше!—онъ воображалъ себя Гамлетомъ, примѣняя восторженныя фразы Гамлета объ отцѣ къ своему отцу и сравнивая свою мать съ преступной матерью Гамлета. Здѣсь изъ этихъ оконъ онъ, еще вполнѣ чистый юноша, видѣлъ, какъ она, его мать, склонялась на плечо дяди Жака, и юноша вдругъ угадалъ, почуялъ, какая грязь окружаетъ его. Открытіе позорной семейной тайны наполнило горечью его молодую душу, пробудило его мысль, заставило его попристальнѣе вглядѣться въ окружающую его жизнь. Вездѣ и всюду онъ увидалъ ту же

нравственную грязь, прикрытую приличною оболочкою и громкими фразами. Въ страстномъ увлеченіи юноша далъ себѣ обѣтъ быть честнымъ человѣкомъ, не отдѣлять слова отъ дѣла. Въ тѣ годы онъ еще часто молился, и въ его молитвахъ звучала одна просьба, чтобы Богъ далъ ему силы «быть цѣльнымъ человѣкомъ». Въ эти годы онъ часто повторялъ слова своего любимаго поэта:

«Отъ ликующихъ, праздно болтающихъ,
Обагряющихъ руки въ крови,
Уведи меня въ станъ погибающихъ
За великое дѣло любви».

Эти годы прошли, эти чувства уцѣлѣли...

Въ воздухѣ почувствовалась предразсвѣтная свѣжесть. Егоръ Александровичъ вздрогнулъ и очнулся. Казалось, онъ проспалъ нѣсколько времени съ открытыми глазами. Онъ провелъ по лицу рукою. Оно было влажно отъ слезъ. Онъ отеръ слезы, тряхнулъ головой и громко проговорилъ:

— Нѣтъ, пора покончить со всѣмъ прошлымъ! Прощай, прощай...

Въ эту минуту онъ, кажется, обнялъ бы и этотъ домъ, и этотъ садъ, прильнулъ бы губами къ этой родовой землѣ, глотавшей его слезы и въ радости, и въ горѣ... Ему теперь не хотѣлось ни о чемъ больше думать. Его охватила жажда физическаго движенія, дѣловыхъ хлопотъ, разъѣздовъ по поводу разныхъ формальностей, сопряженныхъ съ продажей имѣнія. Если бы можно было, онъ уѣхалъ бы тотчасъ же въ губернскій городъ, въ Петербургъ, въ Москву, лишь бы бѣжать отсюда...

Въ шесть часовъ утра онъ уже былъ на ногахъ и направился къ охотничьему домику надъ обрывомъ. Тамъ жилъ только одинъ сторожъ. Егоръ Александровичъ обошелъ съ нимъ весь домъ, началъ намѣчать, что надо передѣлать и поправить, сообразилъ, какъ онъ помѣстится здѣсь, гдѣ будетъ его комната, гдѣ помѣститъ Полю. Въ десять часовъ онъ былъ уже у дяди и засталъ всю семью въ сборѣ за чайнымъ столомъ. Алексѣй Ивановичъ, поднимавшійся лѣтомъ съ пѣтухами, завтракалъ въ это время. Перецѣловавшись со всѣми, Егоръ Александровичъ сказалъ, что онъ страшно проголодался и, къ великому изумленію всѣхъ, выпилъ большую чарку водки. Онъ былъ сильно возбужденъ и неестественно веселъ, придираясь ко всякой шуткѣ, чтобы захохотать чуть не до слезъ, поминутно навертывавшихся на его глаза. Все время онъ упрашивалъ дядю

навалить на него какъ можно больше хлопотъ, на что старикъ шутливо отвѣчалъ, что ихъ выше головы и безъ того будетъ...

III.

Надъ крутымъ обрывистымъ берегомъ не широкой, но быстрой и мѣстами очень глубокой рѣчки Желтухи возвышался небольшой одноэтажный деревянный домъ, съ садикомъ и двумя просторными надворными пристройками. Въ одной изъ пристроекъ были кухня и помѣщеніе для прислуги, въ другой—конюшня и хлѣвъ. Желтуха дѣлала въ этомъ мѣстѣ крутой поворотъ, и домикъ, казалось, висѣлъ надъ нею со своимъ садомъ и пристройками. Садъ доходилъ до самаго обрыва. Здѣсь, не дожидая окончанія разныхъ формальностей по продажѣ имѣнія, поселился Егоръ Александровичъ —поселился безъ матери, уѣхавшей гостить въ имѣніе «дяди Жака» послѣ цѣлаго ряда мелодраматическихъ сценъ, истерикъ, слезъ. Онъ удержалъ при себѣ только Полю и нѣсколько слугъ—старика Прокофья, кучера Дороѳея, скотницу Анну, повара Матвѣя. Съ переселеніемъ въ новый домъ для Мухортова настали дни отдыха послѣ цѣлаго ряда хлопотъ, непріятностей, тревогъ. Смотря на него, можно было сказать, что этотъ человѣкъ пережилъ тяжкую болѣзнь, но и только. Онъ похудѣлъ, поблѣднѣлъ, но попрежнему смотрѣлъ спокойно, сдержанно и холодно. Холодное и сдержанное выраженіе лица часто вырабатывается у родовитыхъ баръ и выскочекъ-дѣльцовъ. У первыхъ его вырабатываютъ для того, чтобы они казались выше всякихъ мелочныхъ дрязгъ, вторые вырабатываютъ его для того, чтобы скрыть подъ неподвижною маскою всѣ гнусныя мелочи своей души. У первыхъ оно является слѣдствіемъ дрессировки со стороны матерей и отцовъ, гувернеровъ и гувернантокъ; у вторыхъ—слѣдствіемъ долголѣтнихъ житейскихъ трепокъ. Но и у тѣхъ, и у другихъ за этою маскою равнодушія и холодности скрывается иногда цѣлый адъ мучительныхъ страданій и невыносимыхъ сомнѣній,—адъ, въ который порою не удается заглянуть ни одному непосвященному взгляду постороннихъ людей. Именно такимъ недоступнымъ для постороннихъ уголкомъ былъ душевный мірокъ Егора Александровича. Вводить туда перваго встрѣчнаго—на это Мухортовъ былъ неспособенъ, ни по характеру, ни по воспитанію; а тѣ, кого онъ, можетъ-быть, впустилъ бы туда, вовсе не поняли бы

ого. Вся семья дяди Алексѣя Ивановича, полная родственныхъ чувствъ къ Егору Александровичу, жила чисто животною, утробною жизнью: они были сыты, обуты и одѣты и потому счастливы; они видѣли, что Егораша выпутался изъ бѣды и сохранилъ кое-какой достатокъ, и потому считали его тоже вполнѣ счастливымъ. Разные упреки совѣсти, самобичеванія, тяжелыя сомнѣнія и тоскливое сознаніе своего нравственнаго одиночества, все это, если бы семья Алексѣя Ивановича и узнала объ этомъ, заставило бы всѣхъ ея членовъ широко открыть глаза и наивно спросить:

— Да чего же теперь тебѣ недостаетъ, Егораша?

Поля... Ее всѣми силами души желалъ Егоръ Александровичъ подготовить къ тому, чтобы она могла хотя отчасти дѣлить съ нимъ его радости и горести, его надежды и сомнѣнія, но покуда она жила чисто растительною жизнью. Это былъ прелестный, роскошно распустившійся махровый цвѣтокъ, но и только. Цвѣтами можно украшать свое помѣщеніе, можно любоваться ими, но ужъ, конечно, нельзя дѣлиться съ ними своими думами, сомнѣніями и надеждами.

Перебравшись въ новое помѣщеніе, Егоръ Александровичъ прежде всего рѣшился въ свободные часы, мало-помалу, пріучать Полю къ чтенію. Онъ страстно желалъ выработать изъ нея подругу своей жизни, сознавая, какъ тяжело имѣть около себя только наложницу. За чтеніемъ онъ проводилъ съ нею лѣтніе вечера, сидя въ бесѣдкѣ, находившейся въ саду надъ самымъ обрывомъ...

Былъ одинъ изъ такихъ вечеровъ, тихихъ и ясныхъ, съ медленно наступающими сумерками. Егоръ Александровичъ и Поля сидѣли въ бесѣдкѣ. Онъ читалъ вслухъ «Преступленіе и наказаніе». Самъ онъ уже не разъ перечиталъ это произведеніе, но, тѣмъ не менѣе, онъ ощущалъ и теперь то же волненіе при чтеніи его, какое ощущалъ, впервые читая этотъ романъ. Онъ читалъ страстно, увлекаясь, съ разгорѣвшимися щеками, весь поглощенный болѣзненнымъ, но тѣмъ не менѣе великимъ произведеніемъ. Поля не спускала своихъ большихъ глазъ съ чтеца, и по ея миловидному лицу съ полуоткрытымъ розовымъ ротикомъ блуждала блаженная улыбка. Ни страшная сцена убійства, ни разсказъ Мармеладова не спугнули, не измѣнили этой блаженной улыбки. Мухортовъ раза два, перевертывая страницы, безсознательно подмѣтилъ это выраженіе лица своей слушательницы, и оно, совершенно помимо его воли, без-

отчетно стало его смущать, охлаждать его увлеченіе. Такъ нерѣдко бываетъ съ чтецами, не уловившими ухомъ, а только замѣтившими взглядомъ, что гдѣ-то шепчутся во время ихъ чтенія; этотъ неслышный, только угаданный шопотъ развлекаетъ вниманіе, расхолаживаетъ, конфузитъ; при немъ словно стыдишься своего увлеченія, умѣряешь паѳосъ, стараешься вслушаться въ неслышимыя рѣчи. Наконецъ, Мухортовъ спросилъ ее:

— Ты, Поля, понимаешь, что̀ я читаю?

— Читайте, читайте, голубчикъ,—отвѣтила она, какъ бы сквозь сонъ, улыбаясь еще блаженнѣе.

— Тебѣ нравится?

— Да... Какъ, право, вы читаете, точно поютъ гдѣ-то!— восторженно сказала она.—Въ саду вотъ такъ весною: выйдешь, а кругомъ тебя все поетъ,—гдѣ? и сама не знаешь... Я вотъ все сижу и все думаю, какой вы красавецъ... Все лицо опять зарумянилось... такъ и пышетъ огнемъ... А я ужъ, по правдѣ сказать, боялась, ахъ, какъ боялась, что вы блѣднѣть за послѣдніе дни стали... думала все, не болѣзнь ли какая... вѣдь тоже не долго... Совсѣмъ запугалась!..

Онъ вздохнулъ.

— Ты все обо мнѣ!

— О комъ же мнѣ думать, милый мой, ненаглядный!..

Она поднялась и обвила его шею руками, смотря въ его глаза страстными и въ то же время добрыми, ласковыми, глупыми глазами.

— Любите? Да?

— Зачѣмъ ты это спрашиваешь?

— Все боюсь еще, что разлюбите! Кажется, каждый день, каждый часъ, каждую минуточку хотѣла бы слышать, что не разлюбили, что не разлюбите!..

Она начала его цѣловать. Онъ закрылъ книгу.

— Темнѣетъ, пора кончить чтеніе... Распорядись, голубка, чаемъ...

Она еще разъ поцѣловала его и побѣжала распоряжаться чаемъ. Онъ всталъ, облокотился на перила бесѣдки, сталъ разсѣянно смотрѣть на воду и забылся.

— Одинъ, одинъ, вѣчно одинъ!—проносилось въ его головѣ, помимо его воли.

И въ то же время точно кто-то посторонній задавалъ ему вопросы:

— А она, Поля? Развѣ она не съ тобою? Развѣ она не любитъ тебя? И еще какъ любитъ!

Въ его воспоминаніи, неизвѣстно почему, воскресла одна недавняя сценка. Онъ вошелъ въ комнату. У шифоньерки стояла Поля и укладывала его чистое бѣлье. Когда онъ входилъ въ комнату, молодая дѣвушка поднесла къ губамъ его носки и поцѣловала ихъ. Онъ такъ сконфузился, смутился, что не могъ даже сказать ей: «что̀ за глупости ты дѣлаешь!» и сдѣлалъ видъ, что не замѣтилъ. Ему было стыдно за нее. Тутъ было все,—любовь, страсть, обожаніе, безуміе. Все существо молодой дѣвушки было поглощено имъ. Ей нужно было быть съ нимъ въ сутки двадцать четыре часа и еще нѣсколько минутъ. Она отдала ему все и хотѣла бы отдать ему еще жизнь. Ему недоставало въ ней только пониманія того, чѣмъ онъ жилъ, что̀ онъ думалъ, о чемъ онъ желалъ говорить. Только! Когда онъ просиживалъ часы надъ любимыми книгами, она не ревновала его къ нимъ, потому что онѣ не мѣшали ей любоваться имъ, но она въ душѣ ненавидѣла ихъ, потому что ей казалось, что онъ утомляетъ себя за ними, блѣднѣетъ и худѣетъ, занимаясь ими такъ долго. Но, боясь этого, она, вѣрно, очень бы изумилась, что его можетъ утомить этотъ вѣчный восторгъ имъ. Онъ же сознавалъ это, и что-то въ родѣ раздраженія пробуждалось въ его душѣ, когда, вмѣсто разговоровъ, вмѣсто тихой бесѣды, сыпались только поцѣлуи и ласки. Онъ старался подавить въ себѣ это раздраженіе и утѣшался тѣмъ, что этотъ слишкомъ долгій медовый мѣсяцъ любви долженъ будетъ наконецъ кончиться, и настанетъ болѣе трезвый періодъ взаимной пріязни; но что̀ же будетъ тогда?..

Что̀ если она вѣчно останется такою?

Вѣчное одиночество въ своемъ домѣ, въ семьѣ?

Онъ какъ-то тупо, безсознательно заглядѣлся на воду, быстро протекавшую подъ обрывомъ. Уже совершенно стемнѣло, и рѣчонка казалась совершенно черной. Дѣлая крутой поворотъ около обрывистаго берега, она какъ-то зловѣще, едва слышно шумѣла внизу, точно ворча съ подавленной злобой. Мухортову вдругъ вспомнилось, что, по преданію, во время постройки дома и разбивки сада надъ обрывомъ, именно въ этомъ мѣстѣ свалился внизъ и утонулъ рабочій. Одни говорили, что онъ самъ бросился въ воду, другіе толковали, что онъ былъ подъ хмелькомъ и упалъ случайно. Но, такъ или иначе, всѣ говорили, что это плохое предзнаменованіе и пророчили, что рѣчонка когда-нибудь въ половодье окончательно подмоетъ песчаный бе-

регъ, и бесѣдка съ частью сада обрушатся въ воду. Нечего ждать добра отъ дома, когда и постройка-то его началась съ самоубійства! Не даромъ же въ немъ и не заживался никто подолгу: годъ поживутъ,—глядишь, или помретъ кто, или по какой-либо другой несчастной случайности удалится въ другое мѣсто, и опять стоитъ домъ съ заколоченными окнами. И мысли Мухортова вдругъ перескочили къ его собственному положенію. Легче ли будетъ ему протянуть такъ всю жизнь здѣсь, гдѣ нѣтъ ни одной родной души, чутко могущей откликнуться на призывы его души, чѣмъ разомъ броситься въ эти темныя волны? Что̀ значитъ эта минутная страшная смерть передъ цѣлымъ рядомъ скучныхъ дней чисто животной жизни? Жить для другихъ, для общества,—но развѣ онъ, связанный теперь неизбѣжными заботами о безпомощной дѣвушкѣ, о будущемъ ребенкѣ, можетъ-быть, о многихъ и многихъ дѣтяхъ, можетъ жить для пользы общества? Его пѣсня спѣта, его тянетъ кто-то внизъ, въ тину—изъ тѣхъ высшихъ сферъ, куда еще такъ недавно рвался онъ. Онъ вздрогнулъ и очнулся какъ бы отъ страшнаго кошмара. Съ чего это ему пришла мысль о самоубійствѣ? Видно, всѣ послѣднія событія не прошли даромъ для нервной системы! Въ нормальномъ состояніи о самоубійствѣ не думаютъ. Онъ вспомнилъ внезапно слова бездомнаго, безсемейнаго, вѣчно нуждавшагося, но стоически твердаго старика Жерома Гуро.

— Самоубійство,—съ обычной витіеватостью объяснялъ какъ-то Гуро своему воспитаннику послѣ чтенія Вертера:— это или сумасшествіе, или жалкая трусость мелочного эгоизма. Великіе люди, жившіе въ самыя страшныя, въ самыя мрачныя эпохи паденія и разложенія человѣческихъ обществъ, конечно, страдали много, страдали страшно; но они не налагали на себя рукъ, а стремились бороться съ обществомъ, съ его пороками, проповѣдывали великія истины, идеи правды и любви, шли за эти идеи на гильотины, на костры, на висѣлицы съ твердой вѣрой, что ихъ мученія принесутъ въ будущемъ пользу, тогда какъ самоубійство никогда и никому не приносило пользы, если оно не было совершено за человѣчество, какъ великая жертва, принесенная Лукреціей, покончившей съ собою, чтобы возбудить къ мщенію согражданъ. Самоубійство, если оно не сумасшествіе и не пожертвованіе собою для родины,—это сознаніе, что человѣкъ безсиленъ, что онъ ничего не можетъ сдѣлать ни для себя, ни для ближнихъ, а такое сознаніе всегда признакъ

трусости: кто смѣлъ, тотъ идетъ на борьбу, а не бѣжитъ съ поля битвы укрыться отъ врага въ убѣжище смерти. Изъ-за чего люди посягаютъ на свою жизнь: изъ-за личныхъ несчастій, изъ-за личныхъ неудачъ, по большей части, изъ-за пустяковъ, уподобляясь тѣмъ капризнымъ и настойчивымъ дѣтямъ, которыя, когда не исполняются ихъ мелкіе капризы, бьются головами объ полъ, доходятъ до судорогъ, стремясь настоять на своемъ.—Дѣти—безсмысленные эгоисты, самоубійцы—почти всегда тоже такіе узкіе и тупые эгоисты. Кто любитъ искренно ближнихъ, тотъ никогда не убьетъ себя, зная, что онъ имъ нуженъ, что онъ можетъ имъ помочь, только оставаясь въ живыхъ, что рѣшиться на самоубійство, значитъ, рѣшиться на дезертирство во время рѣшительнаго боя...

Всѣ эти мысли Гуро̀ живо вспомнились теперь Мухортову, и какой-то внутренній голосъ говорилъ ему:

— Ищи дѣла, сложнаго, поглощающаго всю душу, и тебѣ никогда не придутъ въ голову мысли о самоубійствѣ, какъ бы ни была печальна твоя частная жизнь. Вѣдь не приходили же эти мысли тебѣ въ голову въ тѣ недавно-прошедшіе дни, когда ты энергично и дѣятельно устраивалъ свои дѣла, какъ того требовала твоя честь, а между тѣмъ это было не легко.

И передъ Мухортовымъ пронеслись картины недавняго прошлаго: вѣсть о разореніи, поразившая его, какъ громомъ; возбудившій въ его душѣ омерзѣніе проектъ его женитьбы по расчету; разрывъ съ матерью, ради его желанія честно расквитаться съ долгами и загладить свой проступокъ относительно Поли, продажа имѣнія Протасову на глазахъ сосѣдей, смотрѣвшихъ на него, Мухортова, какъ на жалкаго разореннаго человѣка; тяжелыя, раздражающія сцены истерикъ и обмороковъ матери, когда онъ рѣшился поселиться на новомъ мѣстѣ съ Полей—все это не легко было пережить,—пережить не въ долгіе годы, а въ нѣсколько недѣль, въ нѣсколько дней; но пережилъ же онъ. Нужно только вѣрить въ свои силы; не слѣдуетъ отступать, надо работать...

Но гдѣ же эта спасающая отъ всякихъ сомнѣній, поглощающая всю душу работа?..

ШЕСТАЯ ГЛАВА.

I.

Мародерство во всѣхъ его видахъ неизбѣжно сопутствуетъ всякія общественныя бѣдствія, въ родѣ войны, мора, по-

жара и тому подобнаго. Грабители среди смятенія и шума пользуются удобнымъ случаемъ для захвата чужой собственности. Въ частной жизни есть тоже мародеры, старающіеся урвать себѣ какой-нибудь кусокъ при дѣлежѣ имущества послѣ покойника, при продажѣ съ молотка чужой собственности. Изъ породы такихъ мародеровъ была Агаѳья Прохоровна. Смерть чужихъ матерей, тетокъ, женъ и сестеръ всегда пробуждала въ ней желаніе урвать тайно или явно клокъ наслѣдства, и она постоянно выходила съ добычей изъ дома, гдѣ былъ покойникъ, — съ добычей на поминъ души или на память. Эта жажда мародерства должна была пробудиться въ ней въ еще большей степени, когда старая дѣва узнала, что въ Мухортовѣ все поступитъ въ продажу, и что Софья Петровна навсегда уѣдетъ изъ своихъ палатъ. Ее охватило какое-то бѣшенство грабежа. Какъ воронъ надъ падалью, носилась Агаѳья Прохоровна надъ открытыми чемоданами и баулами генеральши и разгоравшимися глазами слѣдила за каждой укладываемой въ нихъ вещью. Она садилась на корточки около этихъ чемодановъ, считала каждую вещь, дрожала при видѣ новыхъ и новыхъ сокровищъ. Никогда она не была такъ униженно льстива, какъ теперь, съ генеральшей, съ Еленой Никитишной и даже съ Глашкой-горничной; никогда она не ненавидѣла ихъ такъ страстно, какъ теперь.

«Пять дюжинъ шелковыхъ чулокъ! Семь манто! Кружевъ — десять человѣкъ обмотать можно! И куда это все теперь Софьѣ Петровнѣ!» — восклицала она мысленно, точно Мухортова должна была завтра же умереть, и всѣми доступными ей способами подговаривалась ко всему, что̀ можно было присвоить.

Ея глаза горѣли, какъ уголья, отъ зависти и злобы, а задыхавшійся отъ волненія голосъ былъ такъ пѣвучъ, точно она старалась убаюкать своихъ слушательницъ, чтобы ихъ ограбить во время сна. Она обыкновенно ругала наслѣдниковъ покойниковъ, послѣ которыхъ ей давали старыя тряпки, — ругала за скаредность. Теперь она чувствовала, что она будетъ ругать Софью Петровну, такъ какъ все, что̀ ей давали, казалось ей недостаточнымъ. Никогда она еще не чувствовала такой потребности вылить ушаты грязи на Мухортову, какъ въ эти минуты, когда все доставшееся ей являлось въ ея глазахъ такимъ ничтожнымъ въ сравненіи съ оставшимся у генеральши. Но эта злоба дошла до бѣшества, когда Елена Никитишна въ одно прекрасное утро не досчиталась кружевныхъ воротничка и манжетъ.

— Агаѳья Прохоровна, это ты взяла?—грубо спросила мухортовская домоправительница у старой дѣвы.

— Что-о? Я? Я взяла чужія вещи?—воскликнула Агаѳья Прохоровна въ волненіи, и на ея щекахъ выступили красныя пятна.

— Ну, ну, подавай! кромѣ тебя взять некому! Не тебѣ только носить брюссельскія кружева! Нашла тоже, что̀ скрасть.

— Скрасть? Да какъ ты смѣешь? Какъ ты смѣешь обижать благородную особу?—визгливо закричала приживалка.

Онѣ сразу перешли на грубое «ты», грызлись безъ всякихъ стѣсненій.

— Говорятъ тебѣ, сейчасъ подай! Не то во всѣхъ платьяхъ карманы обыщу,—прикрикнула Елена Никитишна, топнувъ ногой.

— У меня? Карманы обыскивать? У меня?

— А вотъ увидишь, у кого!

— Руки еще коротки.

— Я тебѣ покажу, коротки онѣ или нѣтъ!

— Попробуй! попробуй!

— И попробую!

Елена Никитишна быстро направилась къ страннопріимному покою. Агаѳья Прохоровна бросилась впередъ туда же и точно обезумѣла. Она захватила со стола скатерть, быстро начала срывать съ вѣшалокъ платяного шкапа свои вещи и, сваливая ихъ въ кучу, стала связывать узелъ, комкая всѣ свои пожитки.

— Духу моего послѣ такой пакости здѣсь не будетъ! Минуты я здѣсь не останусь!—кричала она вбѣжавшей за нею въ комнату Еленѣ Никитишнѣ.

— Да ты обезумѣла, что ли? Въ нашу скатерть свое тряпье увязываешь!—въ свою очередь крикнула мухортовская домоправительница, хватаясь за скатерть.

Началась положительная борьба. Манжеты и воротничокъ изъ брюссельскихъ кружевъ были забыты. Бой шелъ изъ-за скатерти. Обѣ женщины вдругъ позабыли свои роли,—одна свое благородство, другая свой рангъ старшей изъ слугъ,—и ругались, какъ послѣднія базарныя торговки, дергая въ разныя стороны узелъ. Казалось, онѣ были готовы разодрать все, чтобы только не уступить.

— Не съѣмъ вашу скатерть! Только вещи донесу и пришлю. Подавитесь ею! Грабители!

— Ты грабительница, а не мы! Мы трудомъ кормимся! Это ты—бродяга бездомная!

— Хамы поганые!

— Сама хамка! Погоди еще! Такъ не уйдешь! На дорогѣ до-гола раздѣнутъ, да обыщутъ.

— Посмѣйте!

— А вотъ увидишь!

Елена Никитишна, вся покрытая пòтомъ, выбившаяся изъ силъ, бросилась докладывать Софьѣ Петровнѣ, что «Агашка» ихъ обворовала. У Мухортовой была мигрень, и она только замахала въ отчаяніи руками.

— Пусть грабятъ, пусть!—застонала она.—Мнѣ ничего не надо! Ради Бога, избавьте меня отъ новыхъ скандаловъ!

Въ это время Агаѳья Прохоровна уже набросила на плечи бурнусъ, надѣла второпяхъ на бокъ шляпу съ красными маками и неслась черезъ дворъ изъ дома.

— Погодите, погодите, голубчики, я васъ разславлю!— кричала она въ бѣшенствѣ. — На весь уѣздъ, на всю губернію!..

И разславила. Это было тѣмъ болѣе удобно, что судьбою Мухортовыхъ интересовались всѣ.

Егоръ Александровичъ на нѣкоторое время неизбѣжно долженъ былъ сдѣлаться героемъ дня въ своемъ муравейникѣ. Вѣсть о разореніи Мухортовыхъ, о продажѣ ихъ имѣнія, о продажѣ ихъ наслѣдственной движимости, серебра, картинъ, мебели, все это привлекло вниманіе всѣхъ окрестныхъ помѣщиковъ къ Мухортову, и хотя Мухортовъ старался обдѣлать дѣло съ глазу на глазъ съ Протасовымъ, покупавшимъ все, чтò продавалось, тѣмъ не менѣе, нашлось не малое число любопытныхъ, желавшихъ взглянуть на молодого человѣка, поговорить съ нимъ, чтобы потомъ разсказывать, какъ онъ пораженъ разореніемъ, какъ онъ перенесъ этотъ ударъ. Всѣ были нѣсколько разочарованы, встрѣтивъ въ «бѣдномъ молодомъ человѣкѣ» какое-то необъяснимое для всѣхъ спокойствіе и равнодушіе. Сперва стали говорить, что онъ ловко притворяется, потомъ пришли къ убѣжденію, что онъ поступилъ, какъ герой. Съ своей точки зрѣнія эти люди, можетъ-быть, и были правы. Дѣйствительно, для нихъ казалось героизмомъ стремленіе распутаться разомъ съ долгами, цѣной пожертвованія родовымъ имѣніемъ; они на мѣстѣ Мухортова навѣрное попробовали бы изворачиваться до послѣдней степени, влѣзать въ новые неоплатные долги, лишь бы не ликвидировать своихъ дѣлъ на глазахъ у всѣхъ. Разорены въ сущности были чуть ли не всѣ въ уѣздѣ и даже въ губерніи, за исключеніемъ

Алексѣя Ивановича и Протасова; большинство не видѣло впереди никакой возможности выкупить свои имѣнія, особенно въ виду паденія нашего рубля, и съ трудомъ выплачивало даже проценты; но всѣ изворачивались до послѣдней возможности, шли на всякія сдѣлки и съ своею совѣстью, и съ совѣстью ближнихъ. Увидавъ же, что за Мухортовымъ, согласно предварительному условію съ Протасовымъ, уцѣлѣлъ небольшой участокъ земли съ домомъ, узнавъ, что кромѣ того у Мухортова осталась не одна тысяча наличныхъ денегъ отъ продажи движимости и недвижимости, молодого человѣка начали звать сумасбродомъ, несмотря на всѣ протесты Алексѣя Ивановича, доказывавшаго всѣмъ и каждому, что его племянникъ поступилъ крайне практично, что онъ теперь «чистъ отъ долговъ, какъ стеклышко», что, не разрубивъ разомъ Гордіева узла долговъ, онъ только запутался бы въ новыхъ займахъ подъ бременемъ непосильныхъ процентовъ. Упорное заступничество Алексѣя Ивановича за племянника навело многихъ прямо на мысль, что Алексѣй Ивановичъ просто опуталъ племянника, оплелъ его заодно съ Протасовымъ. Сплетня найдетъ вездѣ пищу. Сначала всѣ были убѣждены, что Мухортовъ, распродавъ все и публично явившись разореннымъ человѣкомъ, тотчасъ же уѣдетъ изъ имѣнія, чтобы скрыться отъ «позора». Но Мухортовъ спокойно остался жить въ имѣніи и имѣлъ такой видъ, какъ будто съ нимъ не случилось никакого несчастія. Это сдѣлало его интереснымъ, особенно въ глазахъ барынь, желавшихъ посмотрѣть на него, какъ на чудо.

Однако, къ величайшей досадѣ любопытныхъ, молодого Мухортова было не легко встрѣтить въ такъ называемомъ порядочномъ обществѣ. Онъ съ первыхъ же дней переселенія въ охотничій домикъ повелъ странную жизнь. Онъ сталъ ежедневно совершать отдаленныя прогулки, посѣщая то ту, то другую деревню; гдѣ было возможно, онъ подолгу бесѣдовалъ съ мужиками, присматривался къ ихъ жизни, вникалъ въ ихъ бытъ, изучалъ все, что̀ поддавалось изученію. Передъ нимъ была открыта новая книга—книга народной жизни, и онъ жадно стремился заглянуть хоть въ нѣкоторыя ея страницы, сознавая не безъ горечи, что именно въ этой области у него является громадный пробѣлъ знаній. Это стремленіе не ускользнуло отъ наблюдательныхъ глазъ ближнихъ, и въ какую-нибудь недѣлю или двѣ создалось толковъ о Мухортовѣ чуть не на годъ. Одни утверждали, что Мухортова видѣли у опушки лѣса сидящимъ въ кругу оборван-

ныхъ бродячихъ нищихъ; другіе разсказывали, что онъ посѣтилъ въ одной деревнѣ кабакъ съ партіей фабричныхъ рабочихъ; третьи говорили, что къ нему ходятъ толковать и спорить мѣстные сектанты, проповѣдующіе равенство людей во всѣхъ отношеніяхъ и даже въ имущественномъ. Преувеличенія росли не по днямъ, а по часамъ, принимая иногда чудовищные размѣры. До простой мысли о томъ, что человѣкъ хочетъ поближе узнать свой родной народъ, не доходилъ никто. Но каковы бы ни были эти нелѣпые или комическіе разсказы, они всѣ оканчивались однимъ зловѣщимъ припѣвомъ:

— Это не даромъ! Теперь такія времена!

Всѣ какъ будто ждали, что вотъ-вотъ молодой человѣкъ произведетъ нѣчто страшное, нѣчто такое, за что не похвалятъ. Связь съ Полей, сплетни Агаѳьи Прохоровны, разсказы недовольнаго бариномъ Прокофья о житьѣ-бытьѣ въ охотничьемъ домикѣ, все это только подливало масло въ огонь. Толкуя о связи Мухортова съ Полей, Агаѳья Прохоровна говорила:

— Онъ всѣмъ благороднымъ дѣвицамъ афронтъ нанесъ. Гдѣ бы съ хорошими людьми, гдѣ барышни заневѣстились, сойтись, а онъ съ хамкою въ амуры вошелъ. Повѣнчаться хочетъ. Говорятъ, теперь и въ облаченіи мужицкомъ ходить сталъ, а туда же дворяниномъ считается! Тоже слыхали мы, что такимъ-то долго на волѣ ходить не позволяютъ. Родная мать, и та хотѣла дворянскому предводителю жаловаться! Такъ вѣдь онъ чуть не убилъ ее. Ну, извѣстно, женщина слабая, отъ грѣха и уѣхала. Какъ есть разбойникъ на большой дорогѣ!.. Въ церковь, въ храмъ Божій, никогда не заглянетъ!.. И какъ это Алексѣй Ивановичъ къ нему своего Павлика пускаетъ? А впрочемъ, тотъ-то тоже хорошъ; изъ седьмого класса гимназіи за бунтъ выгнали...

Прокофій тоже негодовалъ на молодого барина со своей точки зрѣнія.

— Ни къ нему никто изъ господъ не ѣздитъ, ни самъ ни къ кому не заглянетъ,—говорилъ онъ.—Прежде какъ-никакъ, а все же, бывало, господа заѣдутъ, на чай перепадетъ... А теперь, коли и придетъ кто, такъ мужикъ. Съ собой сажаетъ, чаемъ поитъ... У насъ при барынѣ въ передней мужикъ, бывало, постоитъ, такъ курить амбре велятъ!.. Тоже выдумалъ моду: дрова самъ колетъ, гряды копаетъ. Сказалъ я ему, что не господское это дѣло, такъ меня же вышутилъ: «Глупый ты, говоритъ, это я для здоровья, силы набраться

хочу»... А на что̀ ему силы? Въ кулачный бой, что ли, идти?.. Ѣлъ бы лучше, какъ господа, а то у насъ Матюшка, поваръ-то нашъ, говоритъ: «этакъ я забуду, какъ и готовятся господскія кушанья...» Почитай, то же ѣсть, что̀ и мы, грѣшные... Въ папеньку, вѣрно, пошелъ; тотъ тоже все щи, да кашу ѣлъ. Такъ тотъ это по солдатскому положенію, на войнѣ привыкъ...

Въ гостиныхъ про Мухортова говорилось еще больше глупостей и нелѣпостей. Даже самъ Коко Томиловъ, избѣгавшій прежде всякихъ разговоровъ о Мухортовѣ, такъ какъ говорить о немъ хорошо онъ не могъ, а говорить дурно о бывшемъ своемъ соперникѣ считалъ недостойнымъ джентльмена, не могъ не принять теперь участія въ этихъ толкахъ.

— Что̀ съ нимъ?—говорилъ онъ у Ададуровыхъ, пожимая плечами.—Онъ ходитъ Богъ знаетъ въ какомъ нарядѣ: въ высокихъ сапогахъ, въ блузѣ, подпоясанной ремнемъ. Можно за мастерового принять.

— Въ нигилисты пошелъ!—не безъ ѣдкости замѣтила старшая изъ Ададуровыхъ.

— Что̀? Въ нигилисты пошелъ?—переспросила глухая Ададурова. — Онъ и всегда былъ нигилистомъ! Я сейчасъ, какъ увидала его, сказала: нигилистъ! Надъ спиритизмомъ глумился, про отца Николая заговорила—гримасу сдѣлалъ!

Средняя сестра Ададурова всегда всего пугалась.

— Ахъ, ужъ не прокламаціи ли онъ разбрасываетъ?—воскликнула она съ ужасомъ, обводя всѣхъ оторопѣвшими глазами.—Чего же смотрятъ?

Томиловъ презрительно замѣтилъ:

— Я не знаю, нигилистъ онъ или нѣтъ, но я знаю, что онъ невѣжа: мы были представлены другъ другу, а онъ не считаетъ нужнымъ отвѣчать на поклоны...

— Современное воспитаніе!—ядовито вставила старшая изъ Ададуровыхъ.

— Что? Современное воспитаніе?—переспросила глухая сестра.—Глупости! Кто это его воспитывалъ? Отецъ? Казармой отъ него пахло! Мать? О ея молодости лучше не говорить, а теперь Зола на столѣ открыто держитъ! Правда, былъ при немъ гувернеръ. Такъ кто же не понимаетъ, что̀ это за человѣкъ былъ: бѣглый революціонеръ, скрывавшійся отъ гильотины!

— Ахъ, ma soeur, молчите, молчите!—испугалась средняя сестра.—Развѣ теперь такія времена, чтобы упоминать о революціи и гильотинѣ!

И затѣмъ, обращаясь къ Томилову, она молящимъ тономъ прибавила:

— Ради Бога, старайтесь не встрѣчаться съ нимъ, дѣлайте видъ при встрѣчѣ съ нимъ, что не замѣчаете его, а то и вы можете пострадать, и мы всѣ...

Она даже вздрогнула при этой мысли.

— Мнѣ разсказывали въ Москвѣ, что вотъ одинъ такой ходилъ къ разнымъ лицамъ въ гости, со многими говорилъ, съ иными только кланялся, а потомъ вдругъ попался и всѣхъ за нимъ привлекли. Потомъ стали изслѣдовать, съ кѣмъ и эти люди знакомы, и тѣхъ тоже привлекли...

Она широко открыла глаза, сама пораженная нарисованной ею колоссальной картиной привлеченій, и перевела духъ.

— Потомъ пять лѣтъ такъ-то всѣхъ привлекали! Вотъ какіе это люди!

— За Марью Николаевну нужно опасаться,—осторожно замѣтилъ Томиловъ.

— Развѣ Марью Николаевну можно удержать отъ чего-нибудь, когда ея отецъ самъ далъ ей волю!—желчно воскликнула старшая Ададурова.

— Что̀? Волю дали? Кому опять дали волю?—переспросила, встревожившись, глухая сестра.

— Мари!—отвѣтила старшая.

— А! Мари! Замужъ надо выдать, вотъ и не будетъ воли!

— Ахъ, я готова хоть сейчасъ уѣхать въ Москву, чтобы подальше отъ него!—пугливо сказала средняя сестра.—И Мари тамъ будетъ въ безопасности!..

Даже самъ Алексѣй Ивановичъ, отмахивавшійся руками, когда заговаривали о «политикѣ», то-есть о чемъ бы то ни было, не касавшемся прямо его личнаго хозяйства,—даже онъ замѣтилъ какъ-то племяннику:

— Егорушка, ты остерегайся!

— Чего, дядя?

Алексѣй Ивановичъ развелъ руками.

— Такъ, остерегайся!.. Чортъ его знаетъ чего, а все же береженаго и Богъ бережетъ... Вотъ о тебѣ всѣ говорятъ.

— Что̀ говорятъ?

— Да я-то почемъ знаю! А говорятъ!.. Нынче такія времена, что опасно, если про человѣка говорятъ... И что̀ тебѣ за сласть, если говорить будутъ?..

— Да вѣдь не могу же я запретить...

— Такъ-то такъ, а все же.

Старикъ махнулъ рукой.

— Прохвосты нынче люди!

II.

До Марьи Николаевны доходила тоже значительная часть этихъ безконечныхъ толковъ.

Она невольно задумывалась о Мухортовѣ. Что̀ это за странный человѣкъ: онъ не сдѣлалъ ни одного шага, чтобъ поискать ея руки для поправленія своихъ дѣлъ; онъ хладнокровно потерялъ бо̀льшую часть своего имѣнія; онъ оставался веселымъ, когда всѣ смотрѣли на него, какъ на несчастнаго разореннаго человѣка. Иногда въ ея душѣ поднималось противъ него чуть не враждебное чувство, точно онъ лично ей нанесъ глубокое оскорбленіе, не посватавшись за нее. Порою она вдругъ горячо вступалась за него въ обществѣ и говорила, что это единственный честный человѣкъ, встрѣченный ею въ жизни. То ей становилось до слезъ досадно на то, что она думаетъ о немъ, то ей страстно хотѣлось увидать его, сдружиться съ нимъ, заглянуть въ его душу. Эта двойственность душевнаго настроенія выводила ее изъ себя, и она вымещала свое раздраженіе на своемъ женихѣ. Онъ рѣшительно не зналъ, какъ угодить ей, какъ попасть ей въ тонъ. Онъ, можетъ-быть, давно̀ бы изнемогъ, усталъ отъ этой игры въ кошки и мышки, если бы она не была такой выгодной невѣстой. Изъ-за нея можно было перенести многое. Крупные призы на жизненной аренѣ вообще достаются не легко. Съ Мухортовымъ Марья Николаевна не встрѣчалась давно, и когда ей пришлось снова увидать его въ домѣ Алексѣя Ивановича, она совершенно смутилась. Егоръ Александровичъ раскланялся съ нею и тотчасъ же сталъ продолжать прерванный на мгновеніе ея приходомъ разговоръ о будущей охотѣ съ Павломъ Алексѣевичемъ. Ее почему-то раздражило это равнодушіе, точно она ждала, что Мухортовъ бросится къ ней съ распростертыми объятіями или, въ крайнемъ случаѣ, взволнуется, измѣнится въ лицѣ. Но Егоръ Александровичъ продолжалъ громко веселую болтовню со своимъ юнымъ двоюроднымъ братомъ, страстнымъ охотникомъ.

— За что̀ это Егоръ Александровичъ дуется на меня?— вдругъ спросила она у двоюродныхъ сестеръ Егора Александровича.

— Какъ дуется?—воскликнули Зина и Люба.—Съ чего ты взяла?

— Даже не удостоилъ ни одного слова,—отвѣтила Марья Николаевна.—Впрочемъ, онъ теперь, говорятъ, драпируется своимъ геройствомъ и равнодушіемъ.

— Что̀ ты выдумала, милочка! А вотъ мы его сейчасъ призовемъ къ исповѣди,—со смѣхомъ сказали барышни и крикнули:

— Егораша!

— Не надо! Не надо!—быстро вскрикнула Протасова, остановивъ ихъ въ смущеніи.

— Что̀?—отозвался Мухортовъ.

— Брось ты свои противные разговоры объ охотѣ. Иди сюда!—кричали кузины.

— Сейчасъ!—отвѣтилъ Егоръ Александровичъ и отошелъ къ барышнямъ.

— Ну, что̀ вамъ?—спросилъ онъ.

— Вотъ Маша говоритъ...

Марья Николаевна раздражилась.

— Вы вѣчно глупите!—проговорила она.—Нельзя сказать ни слова... Это же неделикатно!.. Пора перестать наивничать!..

— Она говоритъ, что ты дуешься на нее,—пояснили Зина и Люба, не слушая ея замѣчаній.

— Я? Дуюсь?—онъ обернулся къ Марьѣ Николаевнѣ и проговорилъ:—За что̀ же я могу дуться на васъ, я не понимаю...

— Ахъ, это онѣ все глупости говорятъ,—сказала она сконфуженно и тотчасъ же съ напускной бойкостью прибавила:—Впрочемъ, вы и не повѣрите имъ, зная, какъ я мало обращаю вниманія на то, какъ кто на меня смотритъ. Очень мнѣ это нужно!

— Вы вполнѣ правы, я это знаю,—коротко согласился онъ.

— И потомъ говоритъ, что ты рисуешься своими подвигами. Это ты-то!—не унимались молоденькія кузины.

— Подвигами? Какими?—спросилъ не безъ удивленія Егоръ Александровичъ и вопросительно, пристально взглянулъ на Марью Николаевну, ожидая отвѣта.

Она поблѣднѣла, какъ полотно; на ея глаза навернулись слезы отъ досады. Ей стоило не малаго труда, чтобы удержаться отъ крупной ссоры съ барышнями Мухортовыми. Она не отвѣчала ни слова. Ему стало жаль ея, но, тѣмъ не менѣе, онъ замѣтилъ ей съ упрекомъ, хотя мягко и ласково:

— Зачѣмъ вы повторяете чужіе толки, сознавая всю ихъ пошлость?

Марья Николаевна подняла на него полные слезъ глаза, какъ провинившаяся дѣвочка.

— Не сердитесь на меня,—сказала она задушевно и протянула ему руку.—Я сама не понимаю иногда, что̀ со мной дѣлается... И зачѣмъ онѣ это вамъ сказали? Поссорить хотятъ съ человѣкомъ, который...

Она остановилась, точно поперхнувшись. Кузины Егора Александровича бросились ее цѣловать.

— Милочка, не сердитесь! Эта вѣдь шутка? Развѣ Егораша разсердился? Да онъ и не умѣетъ сердиться!

Егоръ Александровичъ спокойно замѣтилъ:

— Я не имѣю права сердиться на Марью Николаевну.

И, обращаясь къ Протасовой, онъ добавилъ:

— Мнѣ просто стало больно, что именно вы повторяете эти толки обо мнѣ.

Онъ поспѣшилъ перемѣнить разговоръ, и черезъ двѣ-три минуты непріятная сцена забылась. Къ Мухортовымъ пріѣхалъ кто-то изъ сосѣдей, и Егоръ Александровичъ совершенно неожиданно остался съ глазу на глазъ съ Протасовой. Она предложила ему пройтись по саду, видимо обрадованная возможностью поговорить съ нимъ безъ свидѣтелей.

— Вы не сердитесь на меня?—спросила она его, идя съ нимъ по тѣнистой аллеѣ.

— Я? Что̀ вамъ пришло въ голову, Марья Николаевна? Нисколько,—отвѣтилъ онъ.

— Мнѣ казалось, что такъ... или если не сердитесь, то избѣгаете меня,—закончила она нерѣшительно.

— Въ послѣднемъ случаѣ вы, можетъ-быть, и правы,—сказалъ онъ.—Но въ этомъ ни я, ни вы не виноваты. Если ужъ пошло на откровенность, то надо договаривать все. Насъ съ вами поставили въ крайне неловкое и нелѣпое положеніе.

— Ну, вотъ глупости! Я знаю, о чемъ вы говорите!

— Вѣрьте мнѣ, что я не имѣлъ на васъ никакихъ видовъ. Я понималъ всю гнусность этихъ плановъ, составившихся безъ моего и безъ вашего вѣдома. Правда, была минута, когда я почти согласился. Но...

— Что?

— При встрѣчѣ съ вами я самъ устыдился за себя. И знаете, почему?

Онъ улыбнулся.

— Съ одной стороны, мнѣ показалось, что я не сумѣю лгать именно передъ вами, съ другой,—я былъ убѣжденъ, что вы мнѣ прямо въ глаза скажете, что я лгу, и скажете это такъ, какъ не говорятъ въ такъ-называемомъ «обществѣ»—сгрубите...

Она молчала и о чемъ-то задумалась. Онъ продолжалъ тѣмъ же спокойнымъ и веселымъ тономъ:

— Впрочемъ, мнѣ и не удалось бы посвататься за васъ, если бы даже и вздумалъ, такъ какъ вы сами тотчасъ же отказались отъ меня, узнавъ о моихъ планахъ.

— Да, мнѣ стало такъ больно, больно, когда я узнала, что даже вы ищете моей руки, не любя меня,—горячо проговорила она.

Она взглянула на него полнымъ нѣжности взглядомъ.

— Вы единственный человѣкъ, съ которымъ мнѣ такъ хорошо,—просто проговорила она.—Это странно, но мнѣ кажется, что мы были друзьями съ дѣтства, точно вы мой старшій братъ. И вдругъ вы бы стали свататься за меня!.. Это было бы низко!.. Нѣтъ, нѣтъ, я такъ тогда разсердилась, точно это разрушало мои лучшія вѣрованія...

— Увлекающійся вы человѣкъ!—улыбнулся Егоръ Александровичъ.—Ваши вѣрованія въ меня составились по двумъ свиданіямъ.

— Нѣтъ,—отвѣтила она:—даже не по двумъ свиданіямъ, а просто какъ-то по чутью. Въ обѣ наши первыя встрѣчи мы даже не поговорили толкомъ... Впрочемъ, о васъ мнѣ много говорили до вашего пріѣзда...

— И, конечно, все только хорошее,—прибавилъ Егоръ Александровичъ.—Вѣдь меня прочили въ женихи, и васъ нужно было подкупить...

— Нѣтъ, я знаю, что о васъ говорили правду!

— Обо мнѣ, говоря правду, можно было сказать одно: это добрый человѣкъ, потому что ему не съ чего быть злымъ; это честный человѣкъ, потому что ему нѣтъ нужды быть безчестнымъ. Это еще не великія заслуги, Марья Николаевна. Ими отличается, или, вѣрнѣе сказать, можетъ отличаться большинство сильныхъ міра. Злоба и безчестность въ богатыхъ и сильныхъ—это аномалія, уродство. Правда, эта аномалія встрѣчается часто, но все-таки аномалія... Я ею не страдалъ, я не былъ ни злымъ, ни безчестнымъ. А вотъ теперь, когда я стою на порогѣ къ дѣлу, къ добыванію хлѣба, я самъ въ своихъ глазахъ оказываюсь вполнѣ несостоятельнымъ.

Онъ заговорилъ о томъ, что̀ его теперь тревожило и волновало. Читая и учась много, онъ менѣе всего готовился быть сельскимъ хозяиномъ. Присматриваясь теперь къ хозяйству дяди и окрестныхъ крупныхъ землевладѣльцевъ, онъ началъ приходить къ заключенію, что онъ никогда не будетъ вообще хозяиномъ. Тутъ нужно быть кулакомъ, эксплоататоромъ отчасти, чтобы подешевле добыть рабочихъ, чтобы заставить ихъ работать неустанно, чтобы держать ихъ въ страхѣ. Тогда получатся и барыши.

— Можетъ-быть, даже и въ настоящее переходное время есть другой путь для того, чтобы не обижать ни другихъ, ни себя,—прибавилъ онъ:—но этого пути я еще не вижу совсѣмъ; знаній у меня, можетъ-быть, для этого нѣтъ. Идти же общимъ путемъ, то-есть знать, что каждый лишній грошъ нужно выжимать изъ ближнихъ, что благосостояніе надо сколачивать изъ чужихъ пота и крови, для этого—не скажу, что я для этого слишкомъ мягокъ, добръ и честенъ, нѣтъ,—бѣлоручка я слишкомъ для этого покуда...

— Для чего вы стараетесь умалить свои достоинства?—спросила она.

— Да еще самъ я не вижу ихъ,—просто отвѣтилъ онъ.—Вонъ, въ первую минуту разоренія, согласился же жениться по расчету и отказался отъ этой подлости вовсе не по личной добродѣтели. Я же это отлично сознаю и вовсе не желаю скрывать отъ себя. Играть въ прятки и въ жмурки съ самимъ собою это значитъ—самому тащить себя въ омутъ паденія... Потомъ въ моей жизни была ошибка...

Онъ вдругъ оборвалъ рѣчь и потомъ закончилъ:

— Въ душѣ каждаго изъ насъ, право, столько прирожденной, наслѣдственной или усвоенной дрянности, что кичиться своими добродѣтелями вовсе не приходится. Правда, кодексъ нравственности намъ всѣмъ извѣстенъ чуть не съ пеленокъ, да толку-то въ этомъ немного. Мы говоримъ великія фразы и творимъ мелкія подлости...

— Или ничего не дѣлаемъ, какъ я, да и всѣ барышни вообще,—добавила она со вздохомъ.

— Да, кстати!—сказалъ онъ серьезно.—Неужели вамъ не надоѣстъ эта праздность?

— А что же дѣлать?

— Ну, не хотите благотворить, учить крестьянскихъ ребятишекъ, посѣщать бѣдныхъ, какъ дѣлаютъ разныя барышни и барыни, такъ учитесь. Вѣдь выйдете же вы когда-нибудь замужъ. Подготовьте себя хоть къ этому...

— То-есть какъ?

— Да хоть подготовьтесь къ тому, чтобы быть хорошей подругой мужу, а, главное, хорошей матерью. Я почти согласенъ съ вами, что быть благотворительницей, это значитъ—брать съ бѣдняковъ рубль и давать другимъ бѣднякамъ грошъ, что быть работающей женщиной, имѣя средства, это значитъ—отбивать хлѣбъ у другихъ. Это почти такъ.

— Какъ почти?

— Да вѣдь есть же отрасли труда, гдѣ можно работать, не отбивая хлѣба. Вотъ, женщина-врачъ, имѣющая хорошій достатокъ. Развѣ она отобьетъ у кого-нибудь кусокъ хлѣба, лѣча безплатно бѣдныхъ? Врачей мало, и на всѣхъ хватитъ работы, да къ тому же бѣдняки, идущіе лѣчиться даромъ, за деньги не пошли бы лѣчиться. А школы? Развѣ безплатная школа отобьетъ хлѣбъ у учителей? Учителей и учительницъ мало, и мѣсто всегда имъ найдется. Вообще, я многое и многое могъ бы возразить и противъ вашего взгляда на благотворительность. Вѣдь благотворить можно, и не сдирая шкуры съ другихъ, а отказывая себѣ въ тѣхъ излишествахъ, которыхъ такъ много въ жизни людей нашего круга... Но если вы съ этимъ не согласны, то должны же вы согласиться, что быть хорошей, разумной матерью лучше, чѣмъ быть такою матерью, какія встрѣчаются въ нашемъ кругу сплошь и рядомъ. Вы сами замѣтили мнѣ, какъ тяжело вамъ было расти безъ матери. Повѣрьте, что вамъ было бы хуже, если бы вы росли, имѣя дурную мать. Не имѣть матери, это—горе, имѣть дурную мать, это—глубокое несчастіе. А для этой подготовки нужно не мало работать... Не сердитесь, что я даю вамъ совѣты, но мнѣ, право, просто обидно за васъ, что вы...

Онъ остановился.

— Что же вы не кончаете?—спросила она.

— Изломались вы ужасно,—мягко замѣтилъ онъ.

— То-есть какъ это?

— Да такъ: капризничаете, привередничаете, напускаете на себя то искусственную развязность, то неестественную хандру.

— Такъ вы думаете, что это все напускное?—воскликнула она, съ дѣтскимъ ужасомъ всплеснувъ руками.

— Да! Безъ умысла напускаете, а все же... Вотъ знаете, это съ нашимъ братомъ бываетъ: подкутишь немного, а кажешься пьянымъ, и до того это доходитъ, что не только другіе думаютъ, а и самъ убѣждаешься, что пьянъ.

Она расхохоталась.

— Вотъ нашли сравненіе!

Онъ тоже разсмѣялся.

— Простите,—какое подвернулось подъ руку. Я вѣдь не особенно находчивъ...

Она задумалась и, какъ бы про себя, проговорила:

— Такъ вы меня изломанной считаете... Вотъ я никакъ не думала... Мнѣ этого никто никогда не говорилъ... Напускаю...

Она очнулась и сказала:

— Не мудрено, что вы такъ испугались, увидавъ, на комъ васъ хотятъ женить!

— О!—воскликнулъ онъ.—Вѣрьте...

Она взглянула на него яснымъ, дѣтскимъ взглядомъ.

— Нѣтъ, нѣтъ, я шучу!—торопливо сказала она.—Мнѣ было бы больно думать, что вы не можете быть моимъ другомъ.

Она порывисто и крѣпко сжала его руку.

Онъ какъ будто впервые былъ пораженъ красотою ея лица...

Давно не проводилъ Егоръ Александровичъ времени такъ, какъ въ этотъ день. Онъ былъ крайне оживленъ и безотчетно веселъ. Это же настроеніе охватило и Марью Николаевну. Ни на минуту она не впала ни въ одну изъ своихъ крайностей и была проста, почти наивна.

Подъ вечеръ, двоюродный братъ и двоюродныя сестры Егора Александровича замѣтили, между прочимъ, что они собираются къ нему завтра.

— А меня вы и не приглашаете?—спросила Марья Николаевна.

— Я, Марья Николаевна, живу теперь безъ матери, по-холостому,—отвѣтилъ Егоръ Александровичъ, въ смущеніи.

— Такъ что же?—съ удивленіемъ спросила она.

— Вамъ неудобно,—въ еще большемъ замѣшательствѣ сказалъ онъ.

— Ихъ же вы принимаете?

— Мы же родные...

— Ну, а я приду въ качествѣ вашего друга! Или вы все еще сердитесь? Не грѣхъ ли быть такимъ злопамятнымъ!

Она ласково взглянула на него. По ея глазамъ было видно, что она была вполнѣ убѣждена, что онъ не сердится на нее.

— Нѣтъ, полноте, будемъ друзьями! Вы представить не можете, какъ я рада, что я нашла такого простого чело-

вѣка, какъ вы!—проговорила она искренно и просто.—Мнѣ такъ хорошо съ вами, точно со старшимъ братомъ.

Онъ самъ не понималъ, отчего у него горитъ лицо. Эта дѣвушка пробуждала въ немъ теперь невѣдомыя ему чувства. Ему хотѣлось быть съ нею, спорить съ нею, журить ее, высказывать ей свои помыслы. Этого онъ еще не испытывалъ при встрѣчахъ съ другими женщинами. Онъ сознавалъ, что съ нею онъ могъ бы быть точно съ товарищемъ, другомъ. Но развѣ это можно? Что̀ будутъ говорить люди, если онъ сдружится съ нею, если она будетъ ходить къ нему? Это ей пришло въ голову только потому, что она слишкомъ чиста душою, но вѣдь другіе будутъ подозрѣвать ее Богъ вѣсть въ чемъ, видя ее съ нимъ. Онъ осторожно замѣтилъ ей:

— Марья Николаевна, мы здѣсь живемъ не одни, берегитесь толковъ.

— Какихъ?—съ изумленіемъ спросила она.—Отчего же я не могу подружиться съ вами, съ кѣмъ-нибудь другимъ? Вонъ я его Павликомъ зову, что-жъ изъ этого?

Она указала глазами на Павла Алексѣевича.

— Что̀ же тутъ дурного?

Егоръ Александровичъ смутился и не могъ ничего отвѣтить. Она дѣйствительно не только звала Павла Алексѣевича Павликомъ, но брала его шутливо за подбородокъ, трепала по розовымъ щекамъ, со смѣхомъ замѣчая: «смотрите, какая милая мордочка!» И ни Павлику, ни его сестрамъ, ни Алексѣю Ивановичу, ни Антонидѣ Павловнѣ это не казалось неприличнымъ. Это вызывало только общій смѣхъ. Мало того, Павликъ ни разу не вообразилъ, что Марья Николаевна его любитъ, что онъ можетъ ухаживать за ней. И въ то же время что-то непонятное для самого Егора Александровича подсказывало ему, что между нимъ и Марьей Николаевной эти отношенія невозможны. Почему же? Вѣдь для него было бы истиннымъ счастіемъ найти здѣсь друга, настоящаго друга, способнаго понимать его надежды и опасенія, спасать его отъ тоски и пустоты одиночества.

— Что же, вы все еще колеблетесь?—допрашивала она.—Что̀ скажутъ? А вамъ будетъ тепло или холодно отъ этого? И кто скажетъ? Мои тетушки? Мой женихъ? Графы Слытковы?

Она засмѣялась и шаловливо спросила, ласково и добродушно заглядывая въ его лицо:

— Придти?

— Милости просимъ,—отвѣтилъ онъ, невольно улыбаясь ей, какъ милому, избалованному ребенку.

СЕДЬМАЯ ГЛАВА.

Перебирая бумаги, Егоръ Александровичъ случайно открылъ одну изъ старыхъ тетрадей и зачитался. Это былъ его дневникъ. Пріучая его отдавать отчетъ въ каждомъ поступкѣ, въ каждой мысли, Жеромъ Гуро побудилъ его когда-то вести дневникъ.

— Человѣкъ—порочное и полное всякихъ недостатковъ созданіе,—говорилъ своимъ обычнымъ дидактическимъ, хотя и мягкимъ тономъ старикъ:—и при этомъ онъ всегда склоненъ къ фарисейству, къ самообману. Отдавать себѣ отчетъ въ своихъ помыслахъ и поступкахъ, отдавать его письменно,—это крайне полезно въ нравственномъ отношеніи. Записывая все, что ты думаешь и дѣлаешь, ты, можетъ-быть, не разъ покраснѣешь за себя. Изложить на бумагѣ всѣ тѣ низкія, пошлыя или преступныя мысли, которыя бродятъ въ головѣ, это не легко, это—почти подвигъ, вызывающій краску стыда. Но этотъ стыдъ полезенъ. Это исповѣдь передъ собою, и ея значеніе важнѣе всего для человѣка, для его саморазвитія, для его самоусовершенствованія. Кромѣ того, если бы хотя извѣстная часть людей вела подобные дневники безъ лжи и безъ утайки,—наука, а значитъ и человѣчество много выиграли бы. Эти дневники пролили бы свѣтъ на человѣческую душу.

Мальчуганъ увлекся этою мыслью и сталъ ежедневно исповѣдываться предъ самимъ собою. Долго онъ записывалъ въ свой дневникъ всѣ мелочи, всѣ ребяческіе проступки, промахи. Потомъ, пребываніе въ кавалерійскомъ училищѣ, жизнь въ полку, свѣтскія развлеченія заставили его все рѣже и рѣже вносить отчеты о себѣ въ эту тетрадь, и, наконецъ, она забылась совсѣмъ. Теперь, случайно найдя ее между другими бумагами, Егоръ Александровичъ невольно зачитался ею, задумался надъ этими листками, начатыми невѣрнымъ дѣтскимъ почеркомъ и оконченными твердымъ почеркомъ мужчины. Перелистывая ее, онъ могъ сразу замѣтить не только то, какъ окрѣпъ его почеркъ, но и то, какъ, мало-по-малу, исчезали грамматическія ошибки, какъ отъ исповѣди о невыученномъ по лѣности урокѣ и отъ признанія въ томъ, что онъ послѣ обѣда допилъ оставшійся въ чьей-то рюмкѣ ликеръ, онъ перешелъ къ вопросамъ о Гамлетѣ и Донъ-Кихотѣ послѣ прочтенія статьи Тургенева и писалъ:

«Неужели же теоретики-Гамлеты вѣчно будутъ убивать только случайно Полоніевъ, когда имъ хочется поразить преступнаго короля? Неужели же дѣятели-Донъ-Кихоты будутъ всегда сражаться только съ вѣтряными мельницами и со стадами барановъ, принимая ихъ за враговъ? Неужели вѣчно плодами и разъѣдающихъ сомнѣній, и неизсякаемой жажды дѣятельности будутъ—самообманъ, промахи, осѣчки?.. Или точно единственный дѣятель, достигающій цѣли, это слѣпая судьба, безсмысленный рокъ? Кто придетъ къ этому убѣжденію, тому не для чего жить».

Цѣлыя страницы изъ этого времени посвящаются въ дневникѣ уже не признаніямъ въ лѣни, въ непослушаніи, въ дѣтскихъ шалостяхъ, а мучительнымъ сомнѣніямъ, вызываемымъ тѣмъ или другимъ вопросами.

Особенное вниманіе Егора Александровича остановила теперь одна страничка, написанная въ одинъ изъ пріѣздовъ его въ деревню, когда ему было лѣтъ семнадцать. Онъ писалъ:

«Сегодня утромъ я забрелъ въ нашъ родной лѣсъ, и меня охватило какое-то отрадное чувство бодрости, здоровья, силы, какъ будто у меня внезапно расширилась грудь, и сдѣлалось глубже дыханіе. «Здорово, родной!» невольно проговорилъ я, и на мгновеніе мнѣ показалось, что онъ, этотъ столѣтній старецъ, смотритъ на меня съ улыбкой и шепчетъ: «Ишь, какъ выросъ». Мнѣ хотѣлось и пѣть, и смѣяться, и обнять эти деревья, прильнуть къ нимъ губами. Мнѣ было только грустно, что со мной не было теперь Жерома, моего милаго, незабвеннаго старца... Вечеромъ, придя домой усталый, я прилегъ и взялъ Тургенева. Мнѣ хотѣлось заглянуть въ его «Поѣздку въ Полѣсье». Боже мой, какія различныя ощущенія пробуждаютъ въ людяхъ одни и тѣ же явленія, одни и тѣ же предметы! Тургеневъ пишетъ: «Неизмѣнный, мрачный боръ угрюмо молчитъ или воетъ глухо—и при видѣ его глубже и неотразимѣе проникаетъ въ сердце людское сознаніе нашей ничтожности. Трудно человѣку, существу единаго дня, вчера рожденному и уже сегодня обреченному смерти, трудно ему выносить холодный, безучастно устремленный на него взглядъ вѣчной Изиды; не однѣ дерзостныя надежды и мечтанія молодости смиряются и гаснутъ въ немъ, охваченныя ледянымъ дыханіемъ стихіи; нѣтъ—вся душа его никнетъ и замираетъ; онъ чувствуетъ, что послѣдній изъ его братій можетъ исчезнуть съ лица земли—и ни одна игла не дрогнетъ на этихъ вѣтвяхъ, онъ чувствуетъ

свое одиночество, свою слабость, свою случайность — и съ торопливымъ, тайнымъ испугомъ обращается онъ къ мелкимъ трудамъ жизни; ему легче въ этомъ мірѣ, имъ самимъ созданномъ: здѣсь онъ дома, здѣсь онъ смѣетъ еще вѣрить въ свое значеніе и въ свою силу». Нѣтъ, никогда, никогда не пробудитъ во мнѣ подобнаго чувства природа уже потому, что я сознаю себя ея царемъ, сознаю себя выше ея. Мнѣ стоитъ захотѣть, и эти болота сдѣлаются плодоносными нивами; мнѣ стоитъ захотѣть, и этотъ столѣтній лѣсъ падетъ къ моимъ ногамъ, подрубленный подъ корень! Она не принижаетъ моей мысли, она не говоритъ мнѣ о моемъ ничтожествѣ; она, напротивъ того, напоминаетъ мнѣ о моей силѣ: великая, безсмертная, она рабыня человѣка, и онъ можетъ заставить ее служить ему. Мнѣ кажется, что, смотря только такъ на природу, мы можемъ идти впередъ, въ противномъ же случаѣ мы обречемъ себя на вѣчное нытье, на вѣчное тунеядство, на вѣчную покорность законамъ природы. Законы природы! Развѣ они не одинаково вліяютъ на людей въ извѣстной мѣстности, а между тѣмъ въ однѣхъ и тѣхъ же мѣстностяхъ бокъ-о-бокъ развиваются нищіе и богачи, неудачники и счастливцы, и все въ ихъ жизни зависитъ отъ меньшей или большей степени умѣлости, способности развиваться, геніальности человѣка».

Надъ этими вспышками страстнаго юношескаго стремленія—стать выше рока, природы, невѣдомыхъ силъ, невольно задумался теперь Егоръ Александровичъ. Въ немъ и теперь жило это стремленіе,—стремленіе создать изъ себя человѣка-бойца, способнаго помѣряться съ судьбою. Эта струнка звучала въ немъ всего сильнѣе...

Затѣмъ дневникъ вдругъ обрывается. Егоръ Александровичъ припомнилъ то время, когда дневникъ оборвался: это было время, когда его старались превратить въ свѣтскаго человѣка, въ хорошаго кавалериста. Онъ сталъ припоминать это время, и ему досадно было, что онъ не велъ тогда дневника. Дневникъ разсказалъ бы ему день за днемъ все то, что онъ видѣлъ, пережилъ, передумалъ. Теперь было бы трудно заполнить этотъ пробѣлъ, припомнить всѣ мелочи, вліявшія такъ или иначе на характеръ, на складъ убѣжденій, на тѣ или другіе поступки. Сколько разъ пришлось бы ему покраснѣть, читая эти страницы! А споры съ друзьями-студентами въ послѣдніе два года,—споры объ общественныхъ вопросахъ, объ общемъ благѣ, о политикѣ, о средствахъ борьбы противъ разныхъ золъ? А страстное исканіе

разрѣшенія тысячи сомнѣній у разныхъ ирвингіанцевъ, пашковцевъ, умныхъ или глупыхъ искателей духовной пищи, душевной гармоніи? Сколько интереснаго нашелъ бы онъ теперь въ отчетахъ о нихъ! Онъ невольно пожалѣлъ о томъ, что забросилъ привычку записывать все происходящее съ нимъ и въ немъ. У него снова явилось желаніе продолжать этотъ прерванный дневникъ. Но, взявъ перо, онъ задумался. О чемъ говорить ему теперь, когда жизнь течетъ такъ однообразно? Какъ-то машинально началъ онъ писать:

«3 августа 187... г. Одиночество и скука, вотъ два слова, преслѣдующія меня теперь вездѣ и всюду. Я чувствую, что я выбитъ изъ колеи и не могу еще найти своего пути. Когда-нибудь, вѣроятно, я найду его. Но когда? Вотъ вопросъ. Быть-можетъ, тогда, когда будетъ уже поздно. Теперь я сознаю одно, что здѣсь мнѣ не ужиться. Я ясно сознаю, что сельскимъ хозяиномъ, да и вообще хозяиномъ, мнѣ не быть. Нѣтъ у меня на это способностей, претитъ мнѣ кулачество. Я, должно-быть, изъ тѣхъ, которые ѣдятъ мясо, но никогда не рѣшатся сами убить быка. Меня тянетъ въ столицу, въ университетъ, къ каѳедрѣ, въ водоворотъ мыслящей молодежи. Весь вопросъ сводится къ тому, какъ устроиться съ Полей? Везти ее съ собою, со всею ея родней— у меня нѣтъ ни средствъ, ни охоты. Ѣхать съ нею вдвоемъ? Какую роль будетъ она играть при мнѣ? Жена? Любовница? Помѣститься вмѣстѣ на отдѣльной квартирѣ? Переѣхать вмѣстѣ въ chambres garnies? Жить отдѣльно? Я ничего покуда не могу сообразить. Мы стоимъ въ какомъ-то ложномъ положеніи. Между нами нѣтъ ничего общаго, кромѣ ласкъ. Нужно же въ этомъ сознаться прямо и честно! Она вовсе не заглядываетъ въ мой душевный міръ, какъ я не заглянулъ бы въ книгу, написанную на невѣдомомъ мнѣ языкѣ; я тоже стараюсь не заглядывать въ ея душевный міръ, потому что меня пугаетъ его бездонная пустота. Я никогда не предполагалъ, чтобы могло быть существо, не мучащееся ни однимъ сомнѣніемъ, не имѣющее ни одного желанія, не интересующееся ни однимъ вопросомъ. Всматриваясь въ нее, я вижу, что такое существо можетъ быть. Для нея я—все. Но она даже представить не можетъ, что ея богъ можетъ утомиться отъ вѣчныхъ славословій, что ея священная икона можетъ слинять отъ вѣчныхъ поцѣлуевъ, что у ея идола могутъ быть и другія душевныя стороны, кромѣ любви къ ней. Она молится на меня, не уставая, и хочетъ, чтобы я не уставалъ слушать ея молитвословія. Она утомляетъ меня,

подавляетъ меня, раздражаетъ меня иногда своими ласками, и если я осторожно и мягко пробую выяснить это—ея лицо покрывается смертельной блѣдностью, глаза наполняются слезами, и она пугливо шепчетъ: «простите меня, голубчикъ, не сердитесь», и на мои губы, на мои руки, на мои глаза сыплются снова страстные поцѣлуи. Это ея единственный языкъ, единственное краснорѣчіе. Имъ она прощаетъ, имъ она вымаливаетъ прощеніе. Недавно я разсказалъ ей, сколько мнѣ пришлось перенести сценъ съ матерью за послѣднее время,—она бросилась цѣловать меня, чтобы утѣшить за огорченія. На-дняхъ я разсказалъ ей, какъ страшно положеніе нашихъ бывшихъ крестьянъ,—она бросилась меня цѣловать, восхищаясь моей добротой. Ни на секунду не задумалась она о характерѣ моей матери, ни на секунду не задумалась она о нуждахъ народа. Все заслонено отъ нея мною. Должно-быть, въ древнихъ теремахъ вырабатывались иногда такія личности. Она тоже выросла въ теремѣ, вспоенная, вскормленная вдали отъ всякихъ заботъ, волненій, нуждъ, для того, чтобы сдѣлаться вещью мужчины. Иногда я бѣшусь на нее, иногда какъ бы покоряюсь безропотно своей судьбѣ, зная, что и бѣшенство, и покорность вызовутъ одинъ результатъ—ласки. Я радуюсь, что она готовится сдѣлаться матерью. Можетъ-быть, ребенокъ будетъ ея спасителемъ, зародитъ въ ней новаго человѣка—любящую мать...»

«4 августа. Вчера меня на полусловѣ прервала Марья Николаевна. Она вторгнулась ко мнѣ съ шумомъ и гамомъ вмѣстѣ съ Зиной, Любой и Павликомъ. Вотъ тоже странное существо! Марья Николаевна—это умный деревенскій паренекъ, нахватавшійся притомъ и книжныхъ фразъ отъ какого-то захожаго семинариста или проѣзжаго барина. Не ждите отъ этого паренька манеръ, но у него есть своя грація даже тогда, когда онъ вынетъ руки изъ рукавовъ рубахи и сложитъ ихъ на груди подъ нею; онъ знаетъ такія скверныя слова, что становится жутко за его развращенность, и можетъ остаться дѣвственнымъ вплоть до своей женитьбы не только физически, но даже по мысли, ни на минуту не обращая вниманія на сальныя картины, не представляя въ своемъ воображеніи сальныхъ образовъ; у него масса практическаго смысла, практическихъ познаній о нуждѣ, кулачествѣ, пьянствѣ, трудѣ, и въ то же время его можетъ провести первый встрѣчный питерщикъ, навострившійся во всякомъ лганьѣ, не моргнувъ глазомъ; прибавьте къ этому ко-

мическое щегольство неизвѣстно гдѣ подхваченными фразами и безпредѣльную, безсознательную, хватающую за сердце тоску о лучшей, совершенно невѣдомой ему долѣ,—вотъ какъ мнѣ представляется эта дѣвушка. Это, кажется, совершенно новый, невиданный мною нигдѣ донынѣ типъ. Я ее какъ-то назвалъ изломанной, теперь я сознаюсь въ своей ошибкѣ. Она—цѣльный человѣкъ, сотканный изъ кажущихся противорѣчій. И странное дѣло: чѣмъ болѣе сближаюсь я съ нею нравственно, тѣмъ болѣе сознаю, что изломанъ болѣе я, чѣмъ она, что у меня есть заднія мысли, которыхъ нѣтъ у нея. Павликъ—мой милый Павликъ—относится къ ней прямѣе. Меня смущаетъ ея фамильярность въ обращеніи со мною; а онъ, когда она треплетъ его по щекамъ или цѣлуетъ при всѣхъ, только смѣется и подставляетъ ей щеки и губы, точно она не дѣвушка, а такой же откормленный мальчуганъ, какъ онъ самъ. Сегодня она растрепала мои волосы и сказала, что она ужасно любитъ, когда я смотрю такимъ вахлакомъ. Мнѣ стало сразу смѣшно, но черезъ минуту я замѣтилъ ей: «Полноте, зачѣмъ эти шутки! Развѣ мы дѣти!» Но отчего же и не быть дѣтьми хоть на минуту? Или ужъ такъ далеко отъ меня чистое, непорочное дѣтство? Когда она ушла, ко мнѣ пришла Поля и замѣтила: «Ну, ужъ барышня, лѣзетъ на шею мужчинамъ». Я съ удивленіемъ взглянулъ на нее. Что это? Чувство ревности, или и Поля уже потеряла способность быть ребенкомъ, понимать ребяческія выходки?..»

«5 августа. Ходилъ нынче побродить съ ружьемъ и случайно, верстъ за пять отъ дома, повстрѣчалъ на дорогѣ старика-крестьянина. Онъ отдыхалъ, присѣвъ у опушки лѣса, и глодалъ кусокъ хлѣба.

— Откуда, старина?—спросилъ я его.

— Мы не здѣшніе, изъ другого уѣзда,—отвѣтилъ онъ.

Я подумалъ, что это нищій.

— А сюда-то какъ попалъ?

— Къ сыну ходилъ,—отвѣтилъ онъ.—Кобыла у насъ, значитъ, пала... Сдумали новую лошадь купить, сходно продаютъ тутъ по сусѣдству... За деньгами къ сыну ходилъ... Въ работникахъ онъ тутотка... Можетъ, знаешь, у Алексѣя Ивановича Мухортова господина...

Я сказалъ, что слышалъ объ Алексѣѣ Ивановичѣ.

— Какъ не слыхалъ... Всѣ въ здѣшнихъ мѣстахъ знаютъ...

— Что-жъ, развѣ онъ ужъ такой богатый?

— Первый хозяинъ по здѣшнимъ мѣстамъ. Наймись къ

нему работать, такъ семь потовъ съ тебя сгонитъ. Самъ, словно кубарь какой, по полю катается, даромъ что коротконогій. Только и слышишь: «ну, ребята, дружнѣе!» «Чего, ребята, зазѣвались?» А чего зазѣвались: руками ужъ народъ не владаетъ, а онъ все: ну, да ну! И прижать на расчетѣ мастеръ; начнетъ считать тамъ прогулъ, тутъ штрафъ, того и гляди, у него въ долгу останешься. Зато и дѣла дѣлаетъ!

— А вы бы къ нему не шли?

— Толкуй! Хлѣба-то захочешь—пойдешь! Еще какъ пойдешь-то, самъ накланяешься, какъ животы подведетъ: возьми, молъ, сдѣлай божескую милость...

Старикъ съ полчаса пробесѣдовалъ со мною о дядѣ Алексѣѣ и о другихъ здѣшнихъ хозяевахъ. Въ сущности всѣ на одинъ ладъ. Между прочимъ старикъ замѣтилъ:

— А тоже распусти вожжи — по-міру пойдешь. Народъ нынче балованный. Извѣстно, воля! Пакостникъ сталъ человѣкъ...

И онъ сталъ пространно говорить на эту тему, давно знакомую мнѣ, такъ какъ эта тема—излюбленный предметъ разговоровъ и дяди, и Протасова, и большинства здѣшнихъ хозяевъ. Слушая всѣ эти толки, я съ каждымъ днемъ все болѣе и болѣе убѣждаюсь, что я хозяйничать не буду, не могу. Скорѣй бы вырваться отсюда...»

«6 августа. Странный разговоръ былъ у меня сегодня съ Марьей Николаевной. Я и теперь не совсѣмъ еще опомнился отъ него. Онъ выяснилъ мнѣ многое изъ моихъ отношеній къ Полѣ, — многое, на что я какъ-то не обращалъ серьезнаго вниманія. Зина и Люба все разсказали Марьѣ Николаевнѣ, и она совершенно неожиданно спросила меня:

— Отчего вы не познакомите меня со своей Полей?

Я почувствовалъ, что я покраснѣлъ. Я не ожидалъ, что ей разскажутъ все, и не предупредилъ, чтобы не говорили.

— Она простая дѣвушка,—сказалъ я въ смущеніи.

— Такъ что-жъ такое? Вы же живете... Ну, вы вѣдь все равно, что мужъ и жена.

— Мы даже не обвѣнчаны,—отвѣтилъ я.

— Не все ли равно, законный или гражданскій бракъ?

— О, далеко не все равно,—со вздохомъ отвѣтилъ я.

— Какъ не все равно? Если вы любите другъ друга?.. Вѣдь ей же скучно быть всегда одной?

— Что-жъ дѣлать? Я не могу ее ввести въ кругъ своихъ знакомыхъ и родныхъ... по крайней мѣрѣ, здѣсь...

— Да отчего же вы не хотите знакомить съ ней тѣхъ, кто самъ хотѣлъ бы познакомиться съ ней? Она вѣдь молодая, мы могли бы сойтись...

— Ей самой неловко будетъ съ вами...

— Это отчего?

Я смутился еще болѣе, не зная, что̀ сказать.

— Она же будетъ чувствовать неравенство съ вами... неловкость... она человѣкъ другихъ понятій,— отвѣтилъ я.

Она какъ будто удивилась.

— Такъ развѣ она такъ и проживетъ всю жизнь... одна?— спросила она въ недоумѣніи.

— Нѣтъ... потомъ... Я разовью ее... пріучу...

Я совсѣмъ растерялся. Я такъ мало заботился объ этомъ покуда!

— Такъ вы ее учите? Занимаетесь съ нею? Чѣмъ?

— Всѣмъ понемногу,—солгалъ я, стыдясь признаться, что я почти не занимаюсь съ Полей, не могу заниматься.

— Я думаю, вамъ это очень пріятно. Должно-быть, весело слѣдить, какъ поднимается, развивается любимый человѣкъ. Она, должно-быть, васъ очень, очень любитъ?

— О, да,— воскликнулъ я.—Это добрая, преданная душа!

Она вздохнула.

— И вы, не добрый, не хотите меня свести съ нею!.. Ну, право же, я полюбила бы ее, какъ сестру... Вѣдь дружна же я съ моей Марѳушей, а та и совсѣмъ примитивный человѣкъ... Такія, право, лучше, цѣльнѣе насъ...

Я поспѣшилъ перемѣнить разговоръ. Но онъ глубоко запалъ мнѣ въ душу. Въ самомъ дѣлѣ, на что̀ я надѣюсь въ будущемъ относительно Поли? Не можетъ же она остаться вѣчно такой неразвитою, нельзя же вѣчно прятать ее отъ людей, стыдясь за ея невѣжество? Или я точно смотрю на нее только какъ на любовницу, отъ которой, когда она наскучитъ, можно уйти, жениться на другой? Нѣтъ, нѣтъ, я долженъ употребить всѣ усилія, чтобы развить ее, поднять до себя, сдѣлать достойной занять въ моемъ домѣ мѣсто жены и хозяйки, за которую я не краснѣлъ бы ни передъ кѣмъ...»

«7 августа. У дяди праздновали день рожденія Любы. Народа набралось много, обѣдъ былъ очень оживленный. Какъ обыкновенно бываетъ на большихъ собраніяхъ, мелкія сплетни и будничныя дрязги передавались только шопотомъ, одинъ на одинъ, общій же разговоръ шелъ о всякихъ злобахъ дня, объ общественныхъ вопросахъ. Какъ послушаешь

всѣхъ этихъ людей — любого дѣлай министромъ, сажай въ парламентъ. И научились даже воспламеняться и страшныя слова пускать въ ходъ. Марья Николаевна и Павликъ, сидѣвшіе подлѣ меня, шопотомъ знакомили меня между тѣмъ съ біографіями ораторовъ: тотъ воръ, другой мошенникъ, третій шуллеръ, четвертый — битъ, хотя въ точности никто не можетъ сказать, за что̀ его били и когда: тогда ли, когда онъ соблазнилъ чужую жену, чтобы обобрать ее, или тогда, когда онъ пустилъ по̀-міру опекаемыхъ имъ сиротъ, или тогда, когда онъ просто въ пьяномъ видѣ произвелъ дебошъ въ клубѣ. Я замѣтилъ Павлику:

— И охота всѣхъ этихъ негодяевъ принимать!

— А гдѣ же найти здѣсь лучшихъ?—спросилъ онъ. — Вонъ, Слытковы безукоризненно...

— Глупы,—докончилъ я съ улыбкой.

— И честности высокой,—досказалъ Павликъ...

И точно, гдѣ же взять этихъ честныхъ людей?..

Чѣмъ больше я присматриваюсь къ людямъ, тѣмъ сильнѣе убѣждаюсь въ томъ, что наше время—время двойственности по преимуществу, время крупныхъ умовъ и мелкихъ душонокъ, оглушительныхъ фразъ и беззвучныхъ обдѣлываній дѣлишекъ «подъ шумокъ», когда невольно удивляешься, узнавъ, что тотъ или другой современный «геній» не только не крадетъ носовыхъ платковъ и не подсматриваетъ въ чужія карты, но даже не беретъ крупныхъ взятокъ и не разворовываетъ общественныхъ суммъ. Теперь большинство— моралисты въ одну сторону, а въ другую кандидаты, если не на скамью подсудимыхъ въ окружномъ судѣ, то во всякомъ случаѣ въ участокъ для отеческаго реприманда и вытрезвленія. Научившись громить чужіе пороки, мы считаемъ себя освобожденными отъ обязанности слѣдить за своею собственною нравственностью. Въ этомъ, быть-можетъ, главное зло нашей эпохи всякихъ прелюбодѣевъ мысли на каѳедрахъ суда, школы, университетовъ, церкви, литературы... Пророки и апостолы нашего времени, эти друзья меньшей братьи, ѣздятъ на рысакахъ, пьютъ шампанское, бросаютъ горсти золота на женщинъ легкаго поведенія, и бѣднякъ, послѣ встрѣчи съ ними, такъ и остается при томъ убѣжденіи, что онъ встрѣтился, по крайней мѣрѣ, съ губернаторомъ, если не съ самимъ министромъ. Говоря о меньшемъ братѣ, они научились уже колотить себя въ грудь не хуже любой парижской актрисы съ бульварнаго театра, играющей въ мелодрамѣ жертву; встрѣтившись съ этимъ меньшимъ бра-

томъ лицомъ къ лицу, они прежде всего зажмутъ свой носъ надушеннымъ платкомъ, чтобы не слышать запаха трудового пота и нищенскихъ онучъ. Проповѣдники воды, пьющіе вино сами, гнѣздятся всюду! Это вѣра безъ дѣлъ, а такая вѣра всегда мертва. Говоря это, я, конечно, имѣю въ виду только интеллигенцію въ широкомъ смыслѣ слова, а не тѣхъ, кто ѣстъ хлѣбъ съ мякиной, пухнетъ отъ голода и покорно ложится подъ розги, сознавая, что и точно на немъ есть еще недоимки. Эти мысли все чаще и чаще приходятъ мнѣ въ голову. Я съ каждымъ днемъ сознаю все яснѣе, что это именно та дорожка, на которой легче всего споткнуться. Траписты повторяютъ при встрѣчѣ другъ съ другомъ: memento mori—помни о смерти; мы должны бы повторять при встрѣчѣ другъ съ другомъ: medice, cura te ipsum — врачъ, исцѣлися самъ! Для насъ это тѣмъ нужнѣе, что у насъ нѣтъ почти никакого контроля, что нигдѣ не развита такъ сильно подлая терпимость, какъ у насъ. У насъ все еще человѣка бранятъ, а «всюду принимаютъ». Вотъ почему мы и не боимся стоять «въ поганой лужѣ»... По поводу этого мнѣ вспомнился одинъ случай. Я сидѣлъ въ концертѣ. Въ одномъ изъ антрактовъ къ моей матери и дядѣ Жаку подошелъ тучный и обрюзгшій, небрежно одѣтый баринъ.

— А я только-что изъ суда, сейчасъ кончилось колеминское дѣло,—сказалъ онъ дядѣ Жаку, пожимая ему руку. — Вообразите, Колеминъ почти сухъ вышелъ изъ дѣла. Это просто возмутительно.

По лицу дяди Жака скользнула странная усмѣшка.

— Чтобы другимъ повадно было,—отвѣтилъ онъ.

Когда старикъ отошелъ, моя мать спросила у дяди:

— Кто это?

— Развѣ ты не знаешь?

И дядя Жакъ назвалъ одну изъ громкихъ фамилій.

— Содержатель игорнаго дома и рулетки,—пояснилъ онъ.— У него навѣрное и теперь идетъ игра. Ловкій шуллеръ...»

«10 августа. Я далъ себѣ слово, во что бы то ни стало, заниматься съ Полей. Это необходимо; въ противномъ случаѣ между нами откроется цѣлая пропасть, и ее уже нечѣмъ будетъ заполнить. Къ несчастію, два-три урока показали мнѣ, какъ трудно мнѣ будетъ исполнить взятую на себя задачу. Вотъ, хоть бы сегодня, я долго занимался съ нею, а дѣло все же не шло на ладъ. Нельзя сказать, чтобы она была тупа. Нѣтъ, но она не умѣетъ сосредоточиться

на томъ, что учитъ, смотритъ разсѣянно, думаетъ о другомъ. Ей просто все это кажется не нужнымъ. Сегодня она, наконецъ, устала и, со вздохомъ отложивъ книгу, замѣтила:

— Нѣтъ, ужъ мнѣ не быть такой ученой, какъ Марья Николаевна.

— Почему именно такой, какъ она?—съ улыбкой сказалъ я.—Ты ея вовсе не знаешь. Можетъ-быть, она еще меньше тебя знаетъ.

— Нѣтъ, ужъ не говорили бы вы съ ней тогда по цѣлымъ часамъ,—тихо сказала она.

Я уловилъ въ ея тонѣ глубокую грусть.

— Поля, ужъ ты не ревнуешь ли?—спросилъ я.

Она испугалась.

— Нѣтъ, нѣтъ, голубчикъ, развѣ я смѣю? Я рада, что вамъ хоть съ кѣмъ-нибудь весело!.. Что за веселье со мною! И такъ связала васъ... а теперь еще это проклятое положеніе.

— Поля!—воскликнулъ я съ упрекомъ. — Можно ли это говорить? Ты должна радоваться! Ты будешь матерью, у тебя будетъ о комъ заботиться, кто будетъ тебя любить...

Она заплакала.

— Сама я не знаю, что говорю!—всхлипывая, проговорила она.—Все кажется, что вы перестанете меня любить... Что вамъ въ больной-то!..

Я сталъ уговаривать ее, утѣшать. Но на сердцѣ у меня было тяжело. Неужели и рожденіе ребенка не превратитъ ее въ мать, а оставитъ попрежнему только моей любовницей?..»

«12 августа. Сегодня день смерти моего отца. Давно совершилась эта страшная для меня утрата, а я попрежнему живо помню всѣ мелкія подробности, сопровождавшія ее. Въ моихъ ушахъ и теперь еще звучатъ слова отца: «Будь честнымъ... сыномъ честнаго солдата...» Потомъ, когда я бѣгалъ въ залу посмотрѣть на мертваго отца, поплакать у его гроба, меня поразилъ другой образъ — образъ священника-мужика съ руками, отдающими запахомъ навоза, съ рѣчью, напоминающей ругань на базарной площади. Послѣ долгой разлуки, я увидалъ снова этого человѣка и, признаюсь, что-то въ родѣ страха передъ нимъ пробудилось во мнѣ, какъ въ дѣтствѣ. Я почувствовалъ, что я передъ нимъ мальчикъ... Я пошелъ къ отцу Ивану попросить его отслужить панихиду по моемъ отцѣ. Странная это личность. Съ перваго раза трудно признать въ немъ служителя алтаря.

Это скорѣе мужикъ-труженикъ, затянувшійся въ непосильномъ трудѣ, питающійся черствымъ хлѣбомъ съ мякиной. Сухое морщинистое лицо его, кажется, сдѣлано изъ выдубленной кожи; огромныя жиловатыя руки, съ распухшими въ суставахъ и искривленными на работѣ пальцами, грубы и мозолисты; его густые волосы на головѣ и бородѣ трехъ цвѣтовъ, къ темнымъ волосамъ примѣшивается сильная сѣдина, а концы этихъ волосъ какіе-то бурые, точно выгорѣвшіе на солнцѣ; ввалившіеся глаза смотрятъ мрачно и не обѣщаютъ ни любви, ни прощенія. Страшная, тяжелая жизнь, прошедшая съ дѣтства до старости въ деревнѣ, съ небольшимъ перерывомъ безотраднаго пребыванія въ училищѣ, наложила свою печать на этого человѣка, вѣчно обремененнаго семьей, выжившей изъ ума матерью, калѣкой-братомъ, цѣлой оравой дѣтей, оставшихся рано безъ матери. Вращаясь среди мужиковъ, работая неустанно въ полѣ и въ огородѣ, старикъ самъ омужичился... Его боятся всѣ, какъ фанатика, всегда готоваго громить людскіе пороки и притомъ громить на томъ языкѣ, на которомъ говорятъ его слушатели. Его проповѣди и увѣщанія являются рядомъ угрозъ, и, увѣщевая своихъ духовныхъ дѣтей съ сжатыми кулаками, стуча съ угрозой этими кулаками по аналою, онъ называетъ этихъ духовныхъ дѣтей разбойниками, пропойцами, Іудами, готовыми продать родного брата. Съ его исповѣди уходятъ, какъ люди уходятъ изъ бани, въ поту, красные, усталые. «Упарилъ», говорятъ они, почесываясь и кряхтя. Онъ громитъ не однихъ мірянъ, но и духовенство, надѣвшее шелковыя рясы, пустившееся въ кулачество. Всѣ знаютъ, что самъ онъ безупреченъ, что онъ аскетъ, хотя онъ и беретъ за исполненіе своихъ обязанностей все, что слѣдуетъ, ругая при этомъ дающихъ, говоря, что они въ кабакъ цѣловальнику всегда охотнѣе дадутъ, чѣмъ на церковь и попу. Въ народѣ носятся слухи, что онъ обладаетъ духомъ прозорливости и знаетъ, что творится въ душѣ людей. Для этого убѣжденія есть основательныя причины, такъ какъ отецъ Иванъ въ каждой человѣческой душѣ видитъ непочатый уголъ всякихъ низкихъ страстей, корыстныхъ расчетовъ, гнусныхъ пороковъ, разнузданныхъ желаній, и почти никогда не ошибается: изъ двадцати приписанныхъ имъ тому или другому человѣку пороковъ и грѣховъ, два или три грѣха и порока заставляютъ блѣднѣть или краснѣть человѣка. Уходя отъ отца Ивана, такой человѣкъ убѣжденъ, что отецъ Иванъ, по особому «богодух-

новенію», прозрѣлъ въ немъ вора, пропойцу или блудодѣя. Объ этомъ составились цѣлыя легенды, какъ отецъ Иванъ уличилъ Сидора или Трофима на исповѣди въ грабежѣ — уличилъ и «такими глазищами взглянулъ, что Сидоръ или Трофимъ такъ и рухнулись ему въ ноги». Онъ отчитываетъ кликушъ и изгоняетъ бѣсовъ.

Меня отецъ Иванъ встрѣтилъ далеко не привѣтливо.

— Поздно, поздно отца-то вспомнилъ!—сказалъ онъ мнѣ сурово. — Видно, мертвые-то подождутъ, сперва съ живыми похороводиться нужно...

— Я былъ уже у отца на могилѣ не разъ,—отвѣтилъ я.

— Такъ рубля, что ли, жаль было панихиду-то отслужить?—проворчалъ онъ.

Потомъ, сурово взглянувъ на меня, замѣтилъ:

— Тоже и не похвалилъ бы отецъ-то за то, какъ живешь! Вы, бары, примѣръ должны подавать народу, а не такъ жить, что самимъ на свѣтъ стыдно смотрѣть... Губители вы, душами-то христіанскими, какъ бабками играете: сшибъ одну—хорошо, сшибъ пятокъ—еще лучше... Душегубцы!..

Я молчалъ и торопился дойти до могилы отца, чтобы скорѣе началась панихида. Я чувствовалъ, что если я заговорю съ отцомъ Иваномъ, то ни онъ не пойметъ меня, ни я не пойму его. Его брань можно было только слушать, признавая ее вполнѣ заслуженною, или самому браниться съ нимъ, не признавая вовсе ни его самого, ни его воззрѣній. Это фанатикъ, съ которымъ нельзя спорить, совѣщаться. Отслуживъ панихиду и увидавъ на моихъ глазахъ слезы, онъ проговорилъ:

— Да, вотъ и кайся, кайся! Да грѣхъ-то свой загладь. Слезы-то—вода; грѣха ими не загладишь. Что, поди, ребенка скоро приживешь со своей любовницей? Что-жъ, такъ онъ и будетъ незаконнымъ...

Отецъ Иванъ употребилъ крѣпкое словцо, бросившее меня въ жаръ.

— Или неровня она, такъ нельзя жениться? А когда соблазнялъ ее, тогда ровней была? Поди, и не подумалъ тогда, кто она. Или не зналъ? Кабы ты здѣсь у меня жилъ, да къ исповѣди пришелъ бы ко мнѣ, причастья бы я тебѣ не далъ, покуда грѣха не загладилъ бы. У васъ-то тамъ только попы-поблажники хвостами передъ вами виляютъ, а вы ими командуете: кровосмѣсителю тѣло Христово готовы дать.

Онъ, сурово нахмуривъ брови, не прощаясь со мною, даже не глядя на меня, пошелъ прочь отъ могилы... Самъ не знаю, почему мнѣ стало невыносимо тяжело, и въ моихъ ушахъ продолжало звучать грубое, циничное названіе, данное отцомъ Иваномъ моему будущему ребенку. Неужели въ будущемъ когда-нибудь кто бы то ни было броситъ въ лицо этому ребенку эту кличку? Ахъ, скорѣй бы мнѣ вырваться отсюда, воспитать хотя немного Полю и кончить все женитьбой, узаконивъ ребенка. Если даже и не удастся поднять Полю, я все же долженъ жениться на ней:— нужно же заплатить за свои необдуманные поступки, нужно же приносить искупительныя жертвы за свои промахи...»

«То же число... Я возвратился домой съ кладбища въ самомъ тяжеломъ настроеніи духа и пробрался къ себѣ черезъ садъ, чтобы не видѣть никого, чтобы побыть одному. Усѣвшись въ своемъ кабинетѣ, я услыхалъ громкіе голоса въ комнатѣ Поли и сдѣлался невольнымъ свидѣтелемъ непріятной домашней сцены: объясненія Поли съ отцомъ. Прокофій въ послѣднее время страшно пьетъ, какъ я узналъ изъ разговора съ нимъ Поли. Она не знала, что я дома, и потому не сдерживала своего голоса.

— Стыдитесь вы! Вы нынче изъ кабака не выходите!— кричала она на отца.—Всѣ деньги у меня перетаскали, да еще просите. Нѣтъ у меня!

— Спроси у своего полюбовника!—пьянымъ голосомъ говорилъ Прокофій.—А не то, я тебя!..

— Да съ чего вы взяли, что я грабить Егора Александровича буду!—крикнула она.—И безъ того, ради меня, цѣлую орду кормитъ. Ему и одного слуги довольно бы. Держитъ васъ всѣхъ, потому что вы моя родня. А я еще стану его обирать. Ни гроша! слышите, ни гроша вы отъ меня не получите!

— Ну, такъ я и самъ спрошу,—рѣшилъ Прокофій.—А тебѣ ужъ быть битой! Осрамила насъ, да еще лаяться смѣешь. На кого? На отца!

— Не я васъ срамлю, а вы меня срамите! По кабакамъ шляетесь. Да если бы Егоръ Александровичъ узналъ, духу вашего здѣсь не было бы.

— Посмотрѣлъ бы я, кто меня выгонитъ! Ну, выгонитъ, такъ и ты должна за мной идти. Я отецъ, я власть имѣю...

— Сейчасъ убирайтесь вонъ!—закричала Поля.—Вотъ придетъ Егоръ Александровичъ, все разскажу ему и скажу чтобы васъ выгнали! Терпѣнія моего больше нѣтъ!..

Я ушелъ, чтобы не слушать дальше. Я впервые узналъ, что Поля, вѣроятно, выноситъ не мало подобныхъ сценъ. Вечеромъ я заговорилъ съ нею объ этомъ, чтобы успокоить ее и, вмѣстѣ съ нею, обдумать, что̀ дѣлать. Она открыла передо мною цѣлую картину закулисныхъ дрязгъ въ моемъ домѣ, которыхъ я и не подозрѣвалъ.

— Ничего не видя еще, всѣ уже насѣсть хотятъ!— наивно проговорила она.—Что̀ же я грабительница, что ли?

Она стала разсказывать мнѣ, какъ вся ея родня пристаетъ къ ней, чтобы выпросить у меня денегъ для себя, для своихъ свояковъ, родственниковъ, крестниковъ.

— Если бы все то исполнять, такъ у насъ гроша не осталось бы. Да я скорѣе руки на себя наложу...

— Полно, Поля!—остановилъ я ее.

— Да, какъ же! думаютъ, что я живу съ вами, такъ и должна грабить васъ для нихъ... Выгнать бы ихъ вонъ всѣхъ, вотъ и конецъ...

— Поля, что̀ ты говоришь!—сказалъ я.—Вѣдь это все старые люди. Куда они пойдутъ? Я взялъ ихъ не ради тебя, а ради того, что они десятки лѣтъ служили у насъ и теперь едва ли могутъ гдѣ-нибудь пристроиться. Ихъ надо устроить.

— Вотъ это все изъ-за меня, голубчикъ!—воскликнула она со слезами.

Я никакъ не могъ растолковать ей, что мнѣ совѣстно было бы пустить по̀-міру нашихъ дворовыхъ. Я рѣшился оставить все покуда въ прежнемъ положеніи. Когда можно будетъ уѣхать въ Петербургъ, устрою дворовыхъ здѣсь и заживу съ Полей вдвоемъ...»

«Того же числа. Впечатлѣнія этого утра сильно взволновали меня. Я не могъ ни думать, ни работать, ни говорить. Я прилегъ у себя въ кабинетѣ и взялъ «Исторію крестьянскихъ войнъ» Циммермана. Я люблю эту книгу, полную возбуждающихъ энергію идей и полную горячихъ симпатій къ угнетеннымъ и къ защитникамъ угнетенныхъ. Свѣтлый образъ Ѳомы Мюнцера,—этого отца всѣхъ жгучихъ вопросовъ нашего времени, этого первообраза всѣхъ защитниковъ угнетенныхъ массъ,—каждый разъ дѣйствуетъ на меня одинаково сильно: онъ дорогъ мнѣ, дороже всѣхъ другихъ идеальныхъ личностей,—дороже ихъ уже потому, что тѣ по большей части не что иное, какъ созданія творческаго генія, а онъ—плоть и кровь: припоминая тѣхъ, останавливаешься съ сомнѣніемъ надъ вопросомъ, могутъ ли они

быть въ дѣйствительной жизни? Встрѣчаясь съ нимъ, знаешь, что это не отвлеченное понятіе, не придуманный образецъ, а такой же человѣкъ, какъ ты, бившійся въ слезахъ въ томъ же дѣйствительномъ водоворотѣ несправедливостей, заблужденій, жестокостей и безпомощныхъ жалобъ! Онъ говоритъ не о томъ, что люди, можетъ-быть, «могли бы быть» такими, а о томъ, что они «могутъ быть» такими. У такихъ людей слѣдуетъ учиться, имъ нужно подражать въ дѣлѣ самоотверженности, безкорыстія, любви къ народу. Въ нашъ пошлый вѣкъ своекорыстія и фразерства нужно постоянно напоминать и напоминать о такихъ личностяхъ, словомъ и дѣломъ. Вечеромъ ко мнѣ неожиданно зашли Павликъ и Марья Николаевна. Весь охваченный впечатлѣніемъ прочитанныхъ страницъ, я невольно разговорился съ Марьей Николаевной о Мюнцерѣ. Она тоже читала его и любитъ его.

— Люблю и ненавижу въ одно и то же время, — сказала она.

Я удивился.

— Эта книга,—она указала на «Исторію крестьянскихъ войнъ»:—впервые заставила меня не только презирать себя, но и упасть духомъ. Когда я прочла обо всѣхъ этихъ бойцахъ и мученикахъ за общественное дѣло, за дѣло ближнихъ, я вдругъ показалась сама себѣ такой ничтожной, мелкой и пустой. Они вотъ отказывались отъ всякихъ благъ для общей пользы, ихъ травили, какъ дикихъ звѣрей, а они дѣлали свое дѣло, шли къ намѣченной цѣли; на нихъ клеветали, ихъ выставляли злодѣями, а они, не смущаясь, забросанные грязью, продолжали свой путь. А я? Да, я не умѣю лишить себя какого-нибудь ничтожнаго удобства, я не только не борюсь за кого-нибудь, я просто даже не знаю, что̀ мнѣ вообще дѣлать... Вотъ мысли, пробужденныя во мнѣ этой книгой, и я съ тѣхъ поръ и полюбила ее, и возненавидѣла... Потомъ подобное чувство пробуждали во мнѣ многія книги.

Меня это удивило.

— Но вѣдь вы, вѣроятно, гораздо раньше этой книги читали евангеліе. Тамъ же еще болѣе высокій образъ— образъ Христа. И онъ въ васъ долженъ былъ вызывать то же чувство.

— А, нѣтъ! Тамъ передо мною Богъ былъ, и я понимала, что мнѣ нечего и думать достигнуть до Него, нечего и оскорбляться, что я не могу быть такой же безупречной

и безгрѣшной. Тутъ не то, тутъ человѣкъ, такой же какъ я, съ ошибками, съ недостатками, съ внутренней борьбой... Вотъ почему меня поразило сравненіе себя съ нимъ...

Она задумалась.

— И знаете ли что̀: мнѣ много приходилось видѣть людей, и большинство теперь не знаетъ, что̀ дѣлать? Кто и дѣлаетъ что-нибудь, то въ немъ нѣтъ твердой вѣры въ пользу своего дѣла. Мюнцеръ беззавѣтно вѣрилъ въ свое дѣло, и потому онъ могъ быть такимъ, какимъ онъ былъ. О, что̀ бы можно дать за такую вѣру! Полжизни... нѣтъ, изъ тридцати лѣтъ жизни можно бы отдать двадцать девять за годъ такой вѣры, такой дѣятельности на какомъ бы то ни было поприщѣ...

Павликъ замахалъ руками.

— Богъ знаетъ, чего вы хотите! Какой вѣры? Во что? Въ Бога вѣрите? Ну, и довольно! А то вѣра въ какое-то дѣло. Нашли о чемъ сокрушаться! Оттого вы и шершавые такіе.

— Какъ шершавые? Что ты выдумалъ?—крикнула Марья Николаевна.

— Да такъ: то у васъ все идетъ гладко-гладко, а то и начнутся эти охи да ахи! Вонъ я живу, пью, ѣмъ, подлостей никакихъ не сдѣлаю; ну, и будетъ моя жизнь ровна и спокойна. А ваша шершавая вся будетъ: то напустите на себя безшабашность, то въ уныніе ударитесь... однимъ словомъ: шершавые!

Марья Николаевна махнула рукой.

— Теленокъ, ничего онъ не понимаетъ!

Мы расхохотались.

Павликъ загорячился.

— Теленокъ! теленокъ! Нѣтъ, когда дошло до дѣла, такъ я отъ другихъ не отсталъ. Недаромъ изъ гимназіи выключили. Директоръ говоритъ: «выдайте зачинщиковъ». «Нѣтъ, говорю, господинъ директоръ, у насъ въ семьѣ, у Мухортовыхъ въ семьѣ, доносчиковъ не было».

И тотчасъ же, смѣняя гордый тонъ на свой обычный безпечный тонъ, онъ прибавилъ:

— Впрочемъ, это мнѣ наплевать! Я здѣсь хозяйничать буду и по земству пойду. Надоѣли и безъ того эта латынь и греческая грамматика. Все равно, я не кончилъ бы...

Мы его не слушали.

Рѣчь у насъ опять зашла о Мюнцерѣ, о Карлштадтѣ, о Лютерѣ.

— Это самая ненавистная для меня личность,—сказала Марья Николаевна про Лютера.—Онъ самъ посѣялъ сѣмена и самъ же хотѣлъ истребить жатву.

— По-моему, это трагическая личность,—замѣтилъ я.—Онъ напоминаетъ чародѣя, который вызвалъ демоновъ и потомъ позабылъ слова заклинанія, когда было нужно, чтобы они исчезли.

— Ну, да и было отъ чего придти въ ужасъ, когда появились такіе баши-бузуки, какъ Карлштадтъ, — сказалъ Павликъ.

— Тогда, Павликъ, и всѣ были баши-бузуки,—замѣтилъ я:—но еще вопросъ, кто былъ больше баши-бузукомъ: князья ли, утопавшіе въ распутствѣ и роскоши, грабя народъ, или Карлштадтъ, въ порывѣ фанатизма, возставшій противъ позора этого распутства и этой роскоши. Я, по крайней мѣрѣ, вполнѣ понимаю въ этомъ случаѣ фанатизмъ подобныхъ людей, какъ Саванаролла или Карлштадтъ. Есть обстоятельства, есть эпохи, когда страстные люди могутъ придти къ сознанію, что все наше безпутное мотовство, безумная роскошь, безпечальное житье являются не чѣмъ инымъ, какъ слѣдствіемъ грабежа ближнихъ.

— Ну, ужъ тоже и жить аскетомъ—покорно благодарю!—воскликнулъ онъ.

— А жить грабителемъ лучше?—спросилъ я.

Павликъ загорячился и почти началъ кричать:

— Что̀ ты мнѣ страшныя-то слова говоришь: грабители! грабители! Просто люди, которые хотятъ жить. Ну, а что̀ пользы-то въ томъ, если вотъ ты во всемъ себѣ отказывать будешь? Нищету, что ли, одинъ истребишь? Такъ она была и будетъ!

— Я вовсе этого и не думаю. Я лично желалъ бы довести свой образъ жизни до послѣдней степени простоты, чтобы избавиться отъ внутренняго разлада, отъ упрековъ совѣсти, чтобы сознавать, что я ѣмъ свой заработанный хлѣбъ, а не чужой. Вотъ все, чего я хочу достигнуть, стремясь упростить свою жизнь. Но если бы къ этому стремился не я одинъ, а большинство...

Павликъ не далъ мнѣ кончить и закричалъ:

— Повѣситься бы тогда надо было отъ скуки!

— А ты думаешь веселье въ томъ, чтобы тратить какъ можно больше денегъ?—спросилъ я, смѣясь.

— Ахъ, что̀ вы съ нимъ говорите!—воскликнула Марья

Николаевна.—Онъ думаетъ, что актеры лучше играютъ для бель-этажа, чѣмъ для райка.

— И самая интересная книга непремѣнно та, у которой дорогой переплетъ,—добавилъ я.

На бѣднаго Павлика посыпался градъ шутокъ. Онъ защищался не на животъ, а на смерть, то со смѣхомъ, то съ полудѣтскимъ задоромъ...

Совершенно незамѣтно, сидя въ бесѣдкѣ надъ обрывомъ, мы проболтали до часу ночи, горячась, крича и вскакивая съ мѣстъ. Вечеръ былъ превосходный, и намъ не хотѣлось расходиться. Наконецъ, Павликъ напомнилъ Марьѣ Николаевнѣ, что ей пора ѣхать, что ея кучеръ, вѣроятно, думаетъ, что барышня пропала. Экипажъ ея остался у дома дяди Алексѣя Ивановича, и потому до него нужно было пройти пѣшкомъ. Я вызвался идти съ Павликомъ и Марьей Николаевной. Проходя въ свой домъ за фуражкой, я замѣтилъ, что въ окнѣ Поли, гдѣ не было свѣта, быстро опустилась при моемъ приближеніи занавѣска. Впрочемъ, можетъ-быть, это мнѣ только показалось...»

«13 августа. Утромъ, когда я вышелъ пить чай, Поля замѣтила мнѣ:

— Уморили васъ вчера гости! До часу сидѣли, да еще провожать потащили!

— Я самъ предложилъ проводить ихъ: вечеръ былъ чудесный!—отвѣтилъ я.

— И ужъ любитъ же поговорить эта Марья Николаевна,—замѣтила Поля.—И о чемъ она только находитъ говорить...

— Вотъ погоди, Поля, будешь учиться, будетъ и у тебя о чемъ говорить. Ты и не знаешь, моя милая, какъ работаетъ умъ, когда много знаешь, много читаешь...

— Что же, все о наукахъ, о книгахъ говорите съ нею?

— Съ Марьей Николаевной? Да, о наукѣ, о книгахъ, о людяхъ. Вотъ вчера толковали объ одномъ великомъ человѣкѣ, любившемъ горячо народъ, пожертвовавшемъ народу жизнью.

Я началъ разсказывать Полѣ просто, какъ умѣлъ, о Мюнцерѣ.

— Когда читаешь о подобныхъ людяхъ, самъ дѣлаешься лучше, хочешь быть похожимъ на нихъ, хотя немного, чтобы прожить жизнь не даромъ,—замѣтилъ я.

— И вы, вы были бы рады, если бы были такимъ?—воскликнула она.—Да онъ же на смерть шелъ. И вотъ вы

сказали, что онъ любимую жену оставилъ и ходилъ по городамъ. Нѣтъ, ужъ какой же это мужъ... это ужъ развѣ самый пропащій человѣкъ сдѣлаетъ...

Она вздохнула.

— Нѣтъ, мы вотъ, женщины, не такія... Да я, хоть бы озолотили меня, не бросила бы того, кого люблю... Ужъ какая же это любовь? Да, вѣрно, его и жена не любила, что отпустила.

Я разсмѣялся и въ шутку спросилъ:

— Значитъ, ты бы меня не отпустила?

Она поблѣднѣла.

— Развѣ я смѣю! — проговорила она упавшимъ голосомъ.—Вы что̀ хотите, то и дѣлаете...

— А если бы смѣла?

— Никогда бы не отпустила!..

И вдругъ, точно испугавшись чего-то, она быстро сказала:

— Да ну ихъ, эти разговоры! Только сердце надрывается! Мнѣ и подумать-то страшно, что̀ бы было, если бы вы такимъ были. Слава Богу, что это не у насъ такіе люди были, а въ чужихъ земляхъ! Да и давно это было. Сказки, можетъ-быть, тоже! Вотъ посмотрѣла бы я, что̀ запѣла бы Марья Николаевна, если бы ея женихъ, сдѣлавшись ея мужемъ, удралъ отъ нея... А что̀, скоро она выйдетъ замужъ?

— Не знаю...

— Ужъ скорѣй бы выходила, а то бѣгаетъ съ холостыми мужчинами, срамъ одинъ...

— Она честная дѣвушка, Поля! — сорвалось у меня съ языка.

Поля снова поблѣднѣла и тихо со слезами на глазахъ прошептала:

— И вы тоже попрекаете!..

— Что это ты, Поля, выдумываешь! Чѣмъ я тебя попрекаю?

— Что-жъ, развѣ я не знаю, что вы это про мой грѣхъ говорите, что я нечестная... Только я, Егоръ Александровичъ, видитъ Богъ, никому на шею не вѣшалась... и если васъ я полюбила, такъ я знала, что ни у кого я васъ не отбиваю...

Она вдругъ разрыдалась.

Мнѣ было и досадно, и жаль ея. Не прошло и пяти минутъ, какъ она уже просила у меня прощенія и бранила себя:

— Мучу я васъ! сама не знаю, чего хочу... Все это отъ

моего положенія... Господи, хоть бы скорѣе кончалось!.. Разлюбите вы меня за мои слезы, да капризы... Ужъ вы лучше ругайте меня, прикрикните на меня, чтобы я молчала... только не разлюбите вы меня, родной мой!

Она порывисто обняла меня и стала цѣловать. Впервые въ жизни меня тяготили эти объятія, тяготили до того, что я сказалъ ей сухо и нетерпѣливо:

— Полно!

Она застыла на мѣстѣ, и ея глаза устремились на меня съ какимъ-то безумнымъ выраженіемъ ужаса. Я никогда, кажется, не забуду этого взгляда. Она точно услышала свой смертный приговоръ. Я спохватился и почти цѣлый день старался быть съ нею особенно ласковымъ, чтобы загладить свою ошибку. Съ ней нужно быть осторожнымъ. Она теперь больна и слишкомъ впечатлительна».

«16 августа. Сегодня произошелъ странный случай, отъ котораго я еще не совсѣмъ опомнился. Я сидѣлъ у дяди на террасѣ съ Павликомъ, Зиной и Любой. Вдругъ, видимъ, по саду бѣжитъ Марья Николаевна, подобравъ подолъ длинной амазонки, вся покраснѣвшая, заплаканная, задыхающаяся. Первыми ея словами было восклицаніе:

— Ради Бога, проводите меня домой! Я боюсь... Это Богъ знаетъ, что̀ такое!

Мы вскочили и бросились къ ней, стали ее разспрашивать, что̀ случилось. Она разрыдалась и потомъ, когда Павликъ принесъ ей воды, отрывочно разсказала, что̀ произошло. Она поѣхала кататься съ Томиловымъ. Проѣздивъ довольно долго, она захотѣла отдохнуть. Они сошли съ лошадей, привязали ихъ къ дереву и сѣли на траву. Томиловъ началъ говорить ей о любви, о страсти и наконецъ воскликнулъ:

— Я не могу болѣе бороться съ собою! Такъ или иначе— вы будете моею!

Онъ схватилъ ее въ свои объятія и сталъ цѣловать.

— Это низость... Наглость! Онъ не смѣлъ этого дѣлать!— воскликнула она, заливаясь слезами.—Ну, я вѣтреная дѣвчонка, я дурачилась, потѣшалась надъ нимъ... Но цѣловать меня... Развѣ я дала право?.. Господи, что̀ за позоръ!

Мы успокаивали ее, уговаривали.

— Я теперь боюсь идти одна домой!.. Павликъ, милый мой, проводи!.. И вы, Егоръ Александровичъ, тоже... Я одна не пойду... Онъ, можетъ-быть, караулитъ!..

Она походила на ребенка, котораго обидѣли забіяки-маль-

чишки. Потомъ, успокоившись, она опять, чисто по-дѣтски, еще плача, сказала:

— Вотъ, Павликъ, это потому, что я тебя цѣлую... Думаютъ, и меня можно цѣловать... И какая рожа сдѣлалась у него, ротъ открылся, глаза точно у пьянаго... Господи, какая гадость!..

Она вздрогнула. И вдругъ, опять что-то вспомнивъ, она всплеснула отъ ужаса руками и въ то же время расхохоталась.

— Вѣдь я его хлыстомъ ударила, прямо по лицу... Совсѣмъ скандалъ... совсѣмъ скандалъ!..

Мы уже не выдержали и разразились смѣхомъ.

— Да, вамъ хорошо смѣяться! — ужъ совсѣмъ серьезно произнесла она: — а что̀ мнѣ за это будетъ?

— На дуэль васъ вызоветъ! — сказалъ Павликъ.

— Ну, ну, ну, ужъ ты-то молчи! — отвѣтила она. — Знаю я, что на дуэль не вызоветъ, а все же... Господи, какая скандалистка!

И, обратившись ко мнѣ, она проговорила:

— Дорогой мой, распекайте меня хоть вы, останавливайте, а то я Богъ знаетъ, чего натворю! Васъ я, право, буду слушаться, а то никакого начальства у меня нѣтъ...

Она была очаровательна въ эту минуту. Я самъ готовъ былъ расцѣловать ее, какъ цѣловалъ ее Томиловъ. Мы пошли ее провожать. Она уже успокоилась и весело болтала дорогой.

— А я рада, что такъ все разомъ кончилось, — сказала она.

— Отстегали его за всѣ ухаживанія и конецъ, — проговорилъ со смѣхомъ Павликъ. — Нечего сказать, пріятный финалъ.

— Да я же, право, это сгоряча! Я готова извиниться передъ нимъ. Но ужъ только теперь о сватовствѣ, конечно, не будетъ и рѣчи.

— Вы ошибаетесь, — сказалъ я. — Томиловъ никому не сознается, что онъ употребилъ насиліе и что за это его ударили хлыстомъ. Онъ, конечно, будетъ увѣрять, что лошади взбѣсились, что его въ лицо хлеснула вѣтвь, мало ли что̀ можно придумать...

— А я-то на̀ что? Я все разскажу! — воскликнула она.

— Не совѣтую, — сказалъ я. — Не поднимайте бури. Отказать ему можно и безъ скандала.

Я съ Павликомъ довелъ ее до дома и, возвращаясь

обратно, долго бесѣдовалъ о ней. Павликъ, между прочимъ, замѣтилъ мнѣ:

— Вотъ бы тебѣ теперь присвататься за нее... Она съ радостью выйдетъ...

Я невольно вспыхнулъ.

— Что̀ ты глупости говоришь. Ты знаешь, что у меня есть Поля. Да и Марья Николаевна никогда не согласилась бы сдѣлать низость и выйти замужъ за человѣка, когда у него не нынче — завтра родится ребенокъ отъ другой...»

«19 августа. Дядя долго бесѣдовалъ нынче со мною о моемъ образѣ жизни, очевидно, желая и боясь высказать мнѣ что-то непріятное. Наконецъ, дѣло выяснилось. Онъ вчера встрѣтился съ здѣшнимъ предводителемъ дворянства, и тотъ сказалъ ему, что я веду очень странный образъ жизни, что меня слѣдуетъ образумить.

— Я, Егорушка, ничего не понялъ изъ того, что̀ онъ говорилъ,—сказалъ дядя.

— Но образумлять меня все же желаешь?—докончилъ я, смѣясь.

— Тебѣ все хи-хи, да ха-ха, — сказалъ дядя. — А такъ нельзя. Теперь такое время.

— Какое время?

Онъ недоумѣвающимъ взглядомъ посмотрѣлъ на меня.

— Я почемъ знаю? Просто такое время... всѣ говорятъ, что такое...

И вдругъ, махнувъ рукою, онъ закончилъ:

— А, да песъ ихъ дери! Надоѣли они мнѣ всѣ! Тутъ Ададуровы, тамъ Слытковы, здѣсь предводитель дворянства, все что-то жужжатъ... Ничего не пойму! У меня хозяйство, навозъ на рукахъ, самая горячая пора, а они: такое время! Ну, ихъ!.. Только ты, Егорушка, остерегись!

Это начинаетъ меня раздражать. Но не могу же я уѣхать теперь. Пусть прежде поправится Поля.»

«22 августа. Сегодня случилось то, чего я никакъ не ожидалъ, не предвидѣлъ. Я возвращался домой съ охоты. Около дома слытковскаго управляющаго мнѣ встрѣтилась Агаѳья Прохоровна, вышедшая «променажъ сдѣлать и подышать воздухомъ полей», какъ объявила она мнѣ. Жеманясь и жантильничая, она стала выспрашивать меня не безъ ехидства, какъ мнѣ живется, и вдругъ неожиданно замѣтила:

— А васъ, кажется, скоро можно поздравить?

— Съ чѣмъ?

— Помилуйте, весь уѣздъ говоритъ... Ахъ, молодой человѣкъ, какой вы скрытный!..

Въ ея тонѣ слышалась фамильярность. Прежде она такъ не говорила со мной.

— Я не знаю, о чемъ говоритъ весь уѣздъ,—отвѣтилъ я и хотѣлъ идти.

— А Марья-то Николаевна?.. У! сердцеѣдъ!—воскликнула она, кривляясь, какъ институтка.

— Что̀ Марья Николаевна?

— Какъ же, отказала жениху, господину Томилову, этому, можно сказать, кавалеру и въ чинахъ, и при деньгахъ, и потомъ сіятельнаго званія будетъ.

— А, вы вотъ о чемъ!—сказалъ я.—Я даже и не зналъ, что она отказала ему.

Она погрозила мнѣ пальцемъ и проговорила:

— Скажите! Не знали! А для кого отказала? А?

Она опять погрозила пальцемъ.

— Знаемъ мы! Всѣ объ этомъ говорятъ!

Меня разбирала злость.

— Да говорите толкомъ!—крикнулъ я.—Какія тамъ еще сплетни ходятъ.

— Ахъ, скажите, какой моветонъ! — обидѣлась она.— Или думаете, что теперь уже такъ и не сорвется? Такъ я вамъ скажу: Марья Николаевна капризный человѣкъ, сегодня голубитъ, а завтра—вотъ Богъ, а вотъ порогъ. Ужъ съ господиномъ Томиловымъ амурилась, амурилась все лѣто, а теперь и отставку дала. На нее недолго не потрафить!..

Она сдѣлала мнѣ книксенъ и, виляя юбками, пошла дальше по дорогѣ. Не помня себя, я догналъ ее, схватилъ за плечи такъ, что она присѣла, и, потрясая ее, крикнулъ:

— Если ты еще хоть слово скажешь о Марьѣ Николаевнѣ или обо мнѣ, такъ я тебя...

Она завизжала неистовымъ голосомъ. Тогда я только опомнился. Оттолкнувъ ее, я быстро пошелъ домой. Мнѣ было стыдно за себя, за этотъ неожиданный порывъ бѣшенства.

Я не ожидалъ, что о Марьѣ Николаевнѣ идутъ такіе толки. Впрочемъ, что̀ же мудренаго? Мы видимся почти каждый день. Эти слухи, можетъ-быть, распускаетъ самъ Томиловъ. Надо оградить ее отъ нихъ, надо порвать сношенія. Но развѣ я могу?.. Не могу, но это нужно! Дѣло касается ея чести. У меня болѣзненно сжимается сердце

при мысли, что я долженъ лишиться и этого друга! «Сколько свѣтлыхъ минутъ дала ты мнѣ, добрая, милая дѣвушка...»

ВОСЬМАЯ ГЛАВА.

I.

Мужчины, по большей части, народъ очень недальновидный въ частной, домашней, семейной жизни. Занятые служебными обязанностями, управленіемъ своими имѣніями и предпріятіями, общественными и научными вопросами, просто, наконецъ, кутежами, игрою, попойками на сторонѣ, они не имѣютъ ни времени, ни охоты, ни умѣнья пристально вглядываться въ окружающія ихъ мелочи жизни. Женщина окружена со всѣхъ сторонъ именно этими мелочами жизни, и волей-неволей ей приходится разбираться въ нихъ. Она почти всегда первая открываетъ мужчинамъ глаза на то, что ихъ прислуга груба, воровата, развратна, что за ихъ дочерями начинаетъ сильно ухаживать тотъ или другой человѣкъ, что у ихъ сыновей являются тѣ или другія дурныя привычки и наклонности. Нерѣдко вполнѣ довольный собой и своей средою мужчина, когда ему «откроетъ глаза» женщина, вдругъ видитъ, что кругомъ него соткалась цѣлая паутина всякихъ дрязгъ и сплетенъ, что онъ стоитъ по колѣно въ болотѣ всякихъ мерзостей и грязи, что его милыя сестрицы и тетушки въ сущности вѣдьмы, преслѣдующія его жену, что его лучшіе друзья не что иное, какъ развратники, соблазняющіе его жену, что его старыя знакомыя, почтенныя дамы — чудовищныя сплетницы, старающіяся оклеветать и очернить его жену, ихъ семейныя отношенія. Женщина, отстраненная отъ общественной дѣятельности, вся отдавшаяся своей семьѣ, своему дому, своему хозяйству, не только подмѣчаетъ эти мелочи, она выискиваетъ ихъ, она неустанно возится съ ними, такъ какъ это наполняетъ пустоту ея жизни.

Егоръ Александровичъ не былъ исключеніемъ изъ большинства своихъ собратій и не зналъ, въ сущности, ничего изъ того, что̀ дѣлалось въ его домѣ, за его спиной. Подслушанный имъ случайно разговоръ Поли съ Прокофьемъ приподнялъ только уголокъ завѣсы, закрывавшей отъ молодого человѣка закулисную жизнь въ его домѣ. Поля же жила этою жизнью изо дня въ день, перестрадала ее.

Родные Поли, оставленные Егоромъ Александровичемъ

въ домѣ, принадлежали къ числу типичныхъ дворовыхъ «добраго стараго времени». Почти праздная и сытая жизнь въ барскомъ домѣ развратила ихъ нравственно до мозга костей: поменьше работать, побольше бражничать, обирать господъ, не заботиться въ то же время о черномъ днѣ— изъ этого соткалось все существованіе этихъ людей, не имѣвшихъ ни кола, ни двора. Съ первыхъ же дней переселенія въ охотничій домикъ, они «насѣли» на Полю; въ ней они видѣли «полюбовницу», «содержанку» барина; они знали навѣрное, что онъ ее броситъ не сегодня, такъ завтра, такъ какъ когда же бывали примѣры, чтобы господа не бросали такихъ-то дѣвушекъ; вслѣдствіе всего этого, по ихъ убѣжденію, нужно было сорвать съ барина теперь все, что̀ можно, такъ какъ послѣ близокъ будетъ локоть, да не укусишь его. Полѣ приходилось не мало «грызться» съ ними въ тѣ безконечно долгіе часы, когда она оставалась одна, и она вдругъ очутилась въ странномъ положеніи: она была барыня надъ всѣми этими слугами и въ то же время младшій членъ этой семьи, имѣвшей право, по родственному старшинству, кричать на нее. Хуже всего были ея отношенія къ отцу. Прокофій былъ типомъ выживающаго изъ ума старика-дворецкаго, прошедшаго всю грязную школу бывшаго двороваго. Онъ съ дѣтства выросъ въ барской передней. Когда-то онъ былъ черезчуръ близокъ къ бабкѣ Мухортова, обѣщавшей отпустить за эту близость мальчугана на волю. Но она умерла скоропостижно, и мальчика стали держать въ черномъ тѣлѣ, отплачивая ему за то, что онъ «задиралъ носъ» при старой барынѣ. Потомъ ему выпало опять на долю печальное счастье сдѣлаться мужемъ барской любовницы и отцомъ барскаго ребенка. Затѣмъ онъ долго игралъ роль дворецкаго и, имѣя подъ руками барскій буфетъ и барскій погребъ, пріучился попивать. Съ годами эта страсть усилилась, и теперь, очутившись почти безъ дѣла, онъ сталъ уже пить не запоемъ, а постоянно. Онъ говорилъ, что онъ пьетъ съ горя.

— До чего дожили,—разсказывалъ онъ каждому, кто хотѣлъ его слушать.—Въ разоръ разорились. Нищими стали. Родовое свое имѣнье продали! Отцы-то да дѣды копили, а мы все въ трубу выпустили! На людей-то смотрѣть стыдно...

Когда же любопытные спрашивали его:

— Ну, а какъ самъ-то? Убивается?

Онъ презрительно отвѣчалъ:

— Что̀ самъ! Развѣ нонче господа есть? Гдѣ это они?

Одно названіе, что господа... Нонче нашъ-то моду выдумалъ: самъ дрова колетъ!..

И уже совсѣмъ злобно добавлялъ:

— Да это что! Самъ постель себѣ дѣлаетъ, не услужи ему. «Я, говоритъ, безъ услугъ обойдусь»... Это что же? Господинъ развѣ?.. Да у дѣдушки-то его казачокъ мухъ съ лица отгонялъ, когда тотъ почивать изволилъ!.. А этотъ самъ все дѣлаетъ... Кто его послѣ этого уважать будетъ?.. Съ мужиками тоже толкуетъ, точно ровня... Раскольника какого-то нашелъ, да съ нимъ по цѣлымъ часамъ бесѣдуетъ, споритъ... Вѣру, что ли, перемѣнить хочетъ? Такъ развѣ это барское дѣло? Раскольникъ—мужикъ, а онъ — баринъ, такъ ему не слѣдъ съ нимъ якшаться... Это какой-же фасонъ?..

Къ Полѣ и къ ея положенію онъ относился странно. То онъ гордо говорилъ, что его дочь дѣлаетъ, что̀ хочетъ, изъ молодаго барина, «веревки вить изъ него можетъ»; то онъ вдругъ начиналъ роптать, что дочь осрамила его, въ полюбовницахъ барскихъ живетъ, сѣдую его голову позоритъ; сама по своей волѣ связалась, а не силкомъ тащили на грѣхъ. Иногда онъ плакался, что̀ будетъ, если баринъ броситъ Полю; порой же грозилъ, что онъ уйдетъ и потребуетъ Полю къ себѣ, такъ какъ «дочь по закону должна пропитаніе отцу давать». Въ существованіе такого закона онъ вѣрилъ твердо.

— Прикажу идти за мной—и пойдетъ! Я отецъ! Мнѣ на него наплевать, потому что мы теперь вольные. И какой онъ такой баринъ? Нищій онъ, вотъ что! Хочешь жить съ моей дочерью, такъ женись, а не срами мою сѣдую голову!

И въ голосѣ полупьянаго старика слышалась угроза. Уваженія къ барину онъ, повидимому, не питалъ никакого, по крайней мѣрѣ, за глазами барина. Вся эта путаница настроеній и понятій выжившаго изъ ума и сильно попивавшаго старика страшно волновала Полю; но, тѣмъ не менѣе, объясниться съ Егоромъ Александровичемъ молодая дѣвушка не могла. Его спокойствіе было для нея дороже всего.

— Хоть бы меня-то вы пожалѣли!—говорила она отцу.

— А ты-то меня пожалѣла?—отвѣчалъ онъ.—Осрамила, а я тебя жалѣть буду? Нѣтъ, проклясть бы я тебя долженъ, а не жалѣть. Жалѣютъ-то такихъ, которые отцовъ не срамятъ!..

— Чѣмъ осрамила-то? Сами вы меня срамите, погибшій вы человѣкъ! Слово мнѣ сказать стòитъ—и завтра же васъ здѣсь не будетъ.

— Ну, это еще посмотримъ!

— Да и посмотрите! Выгонятъ васъ на всѣ четыре стороны, тогда и ходите пò-міру! И будетъ это, потому что лопнетъ мое терпѣніе, все я разскажу Егору Александровичу...

Старикъ трусливо смирялся на время, на день, на два, а потомъ снова начиналась та же исторія. Егоръ Александровичъ не замѣчалъ почти ничего. По привычкѣ, сдѣлавшейся второй натурой, при появленіи Егора Александровича Прокофій дѣлался покорнымъ, подобострастнымъ дворецкимъ-холопомъ, и только; онъ даже умѣлъ, несмотря на хмель, «пройтись по одной половицѣ», чтобы баринъ, оборони Господи, не замѣтилъ чего-нибудь. Но какъ ни страшенъ былъ этотъ семейный адъ для Поли, его заслоняло въ ея душѣ другое чувство—чувство ревности. Это чувство, несмотря на всѣ ея усилія побороть его, росло съ каждымъ днемъ и просто душило ее. Каждое появленіе въ домѣ Марьи Николаевны было испытаніемъ для молодой дѣвушки. Зачѣмъ ходитъ Марья Николаевна къ холостому человѣку? Эта барышня на все способна! Ей ничего не стòитъ отбить человѣка у другой. Никакой власти надъ ней нѣтъ. Чтò хочетъ, то и дѣлаетъ. О чемъ говоритъ съ нею Егоръ Александровичъ? Онъ разсказываетъ, что они говорятъ все объ ученомъ, да развѣ у нея горѣло бы такъ лицо, если бы они объ ученомъ разговарили. И чтò за радость говорить-то объ этомъ? Скука только одна, а ей, пойди, не скучно, если и щеки горятъ, и глаза, точно огонь, свѣтятся! Объ ученомъ-то такъ не разговоришься! Выходила бы скорѣй замужъ за своего Томилова! А то двумъ на шею вѣшается, подлая душа! И гдѣ такая выискалась? Другія барышни хоть приличія знаютъ. Тайкомъ шуры-муры заводятъ. А эта разнуздалась совсѣмъ. И среди этихъ мучительныхъ тревогъ и сомнѣній вдругъ являлись мысли о томъ, что она, Поля, лишняя. Эта мысль болѣзненно охватывала дѣвушку, сжимая сердце. Связала она по рукамъ и ногамъ Егора Александровича. Добрый онъ, не броситъ онъ ея, пока она жива, а каково ему съ нею? Ни говорить она съ нимъ не умѣетъ, ни гостямъ онъ ее показать не можетъ, да еще теперь, въ этомъ положеніи, и хвораетъ она, ему же горе доставляетъ, то раздражая его, то плача. Горе ему отъ нея много, а радости никакой! Тутъ и милую разлюбишь. Чтò

мужчинѣ въ больной-то? Скорѣй бы хоть это кончалось! А послѣ-то что? Послѣ-то какъ они будутъ жить? Вотъ цѣлая семья у него на шеѣ ради нея сидитъ! Выгнать-то ихъ онъ не захочетъ. Говоритъ: «куда же они пойдутъ, обезпечить ихъ надо». Это онъ все для нея, для Поли, дѣлаетъ. Безъ нея съ чего бы ему о ея роднѣ заботиться? Толкуетъ онъ, что онъ долженъ позаботиться о старикахъ, потому что его семья загубила, испортила, развратила этихъ людей. Пустое это онъ толкуетъ. Чтò ему они? Не дѣтей ему съ ними крестить. Выгналъ и конецъ! Это онъ только такъ по добротѣ душевной, для ея успокоенія разсказываетъ. Какъ ребенку-несмысленочку глаза отводитъ. Точно она не понимаетъ, что кто жъ ихъ губилъ, портилъ да развращалъ? Сами такими вышли. Вотъ ужъ истинно загубила она человѣка. И хоть бы любилъ, а то... По добротѣ своей онъ говоритъ, что любитъ. За чтò ему любить ее? Сначала, можетъ-быть, и любилъ, а теперь... Господи, хоть бы выздоровѣть скорѣе! И нужно же было этому грѣху случиться! Молилась, чтобы только дѣтей не было, такъ нѣтъ! Богъ-то, видно, такихъ молитвъ не слышитъ. Согрѣшила и казнись!.. И, точно какой-то безконечный клубокъ, развертывались въ головѣ Поли скорбныя, черныя мысли. Вспоминались мелочныя сцены, выраженія Егора Александровича, его вздохи, его взгляды. Все ловилось, все становилось на счетъ. Вонъ сказалъ про Марью Николаевну: «она честная дѣвушка». Чтò и говорить: вѣшается-вѣшается людямъ на шею, а до грѣха не дойдетъ; ей зачѣмъ, когда на ней каждый женится; такимъ-то и грѣшить не для чего, когда все по закону можно сдѣлать. Тоже пыталъ стращать, что вдругъ уйдетъ, какъ тотъ... какъ его?.. Ѳома какой-то, про котораго въ книгахъ пишутъ. Шутилъ онъ это, а можетъ-быть, и точно наскучило ему, невмочь стало, ну, и хочется бѣжать, какъ тотъ ôтъ жены бѣжалъ. «Ты бы, говоритъ, отпустила?» «Голубчикъ, да развѣ я смѣю не отпустить! Если бы смѣла, на шагъ бы не отпустила, взглянуть ни на кого не позволила бы!.. Да нѣтъ, нѣтъ, что же это такое! Пусть идетъ, куда хочетъ! Я не помѣха, я не губительница! Говорю, что люблю, а сама кандалы надѣть хочу, руки и ноги связать хочу. Пусть идетъ, пусть идетъ, только бы былъ счастливъ. Самой мнѣ уйти бы слѣдовало»... И глаза Поли съ какимъ-то тупымъ выраженіемъ ужаса останавливались на одной точкѣ. Это были глаза безумной. Въ головѣ происходило что-то недоброе...

— Куда же я-то могу уйти?—медленно, какъ бы въ бреду, шептали ея побѣлѣвшія губы, и голосъ становился глухимъ и удушливымъ, точно кто сдавливалъ ей горло.— Некуда мнѣ уйти... некуда... некуда!.. Развѣ съ головой въ воду... Освобожу его!.. Полетитъ на всѣ четыре стороны... Крылья будутъ развязаны!.. То-то проклятая змѣя подколодная будетъ рада!.. О—о, изъ своихъ рукъ задушила бы ее, разлучницу!.. Грѣхъ-то какой, грѣхъ!..

По спинѣ несчастной пробѣгалъ холодъ, голова тяжелѣла, руки и ноги цѣпенѣли. Вмѣсто мыслей въ головѣ вставали страшныя картины, страшные образы.

II.

Въ одну изъ такихъ мрачныхъ минутъ въ комнату Поли, сидѣвшей за шитьемъ, вошелъ Прокофій. Онъ не былъ пьянъ, но выраженіе его морщинистаго лица было крайне сурово.

— А я къ тебѣ, дочка,—сказалъ онъ, подсаживаясь къ дочери.—Ты видѣла сегодня Егора Александровича?

— Какъ же не видать-то,—отвѣтила она отрывисто.— А вамъ что?

— А то, что... Что̀ онъ говорилъ-то тебѣ?

— Мало ли что! Всего не перескажешь!.. Да вамъ-то, спрашиваю, что?

— А то, что встрѣтилъ я сейчасъ Агаѳью Прохоровну... Подлая, право, подлая!.. Разлетѣлась ко мнѣ съ поздравленіями... «Марья Николаевна, говоритъ, своему жениху отказала, за Егора Александровича выходитъ. Вамъ, говоритъ, радость, тоже зятькомъ приходится вамъ Егоръ Александровичъ». Тьфу, окаянная! Этакія слова на старости лѣтъ приходится слушать!..

Поля побѣлѣла, какъ полотно, поднялась съ мѣста и, зашатавшись, ухватилась за столъ. Но, собравшись съ силами, она все же замѣтила дрожащимъ голосомъ:

— Охота вамъ было говорить съ нею!.. И ко мнѣ-то эти вѣсти зачѣмъ приносите?.. Тварь она поганая, и больше ничего!.. Ни на комъ Егоръ Александровичъ не женится...

— Ой, не хвались!—проговорилъ Прокофій, стуча рукой по столу.—Еще насмотримся мы горя... Загубила ты себя, да и меня съ собою... Вонъ въ гробу одной ногой стою, а угла, можетъ, скоро не будетъ, куда бы сѣдую голову приклонить... Говорили, чтобы замужъ шла... всѣмъ бы хорошо было...

Поля молчала, точно Прокофій говорилъ не съ ней. У нея въ головѣ снова вихремъ проносились тяжелыя думы, цѣпляясь одна за другую. Разобраться въ нихъ у нея не было ни силъ, ни умѣнья.

Она съ лихорадочнымъ нетерпѣніемъ стала ждать Егора Александровича, чтобы разспросить его обо всемъ! Онъ, какъ на зло, вернулся въ этотъ день съ охоты только вечеромъ, къ чаю. Поля замѣтила, что онъ сильно усталъ, но, тѣмъ не менѣе, не выдержала и спросила его за чаемъ:

— Правда это, Егоръ Александровичъ, что Марья Николаевна своему жениху отказала?

Она произнесла эту фразу насколько могла спокойно.

— Да,—отвѣтилъ онъ разсѣянно.

— Вѣрно, другого нашла?—сказала Поля, блѣднѣя.

— Нѣтъ, просто не любитъ она Томилова.

— Не любитъ, а столько времени хороводилась съ нимъ!

— Глупости ты говоришь... О томъ, Поля, чего не понимаешь, лучше не говори... Марья Николаевна...

— Ну, гдѣ ужъ мнѣ понять,—страстно перебила его Поля съ необычайною для нея рѣзкостью.—Я простая дѣвушка, не барышня! Мы не умѣемъ за десятью бѣгать, если одного любимъ...

Егоръ Александровичъ поднялъ на нее удивленные глаза. Онъ только теперь подмѣтилъ ея волненье.

— Чего ты горячишься?—спросилъ онъ спокойно.—Ты вотъ, простая дѣвушка, хочешь очернить ее, сама не зная за что̀, а она, барышня, Христомъ Богомъ просила меня, чтобы я познакомилъ ее съ тобою, чтобы она могла подружиться съ тобою.

Поля вспылила еще болѣе и опять загорячилась:

— Не нуждаюсь я въ ихъ дружбѣ! Этакіе-то друзья обнимать станутъ—задушатъ!..

— Это кто же тебѣ сказалъ? Не Марѳуша ли сказала про Марью Николаевну?—спросилъ Егоръ Александровичъ, укоризненно качая головой.—Ты вѣдь Марѳушу знаешь, говорила съ ней...

И грустнымъ тономъ онъ добавилъ:

— Видишь ли что̀, Поля: про нее, кромѣ добраго, никто изъ окружающихъ ее, изъ близкихъ къ ней, ничего не скажетъ. За что̀ же ты ее бранишь? Вѣдь ужъ не такая же ты сама безгрѣшная да добрая, чтобы всѣхъ другихъ судить...

Поля смотрѣла на него уже съ испугомъ. У нея сжалось сердце. Онъ мягко и осторожно продолжалъ:

— Ты, голубка, все о себѣ только думаешь, надо и о другихъ подумать. Можетъ-быть, другимъ тоже не сладко живется. Сквозь золото тоже слезы льются.

— Вы ее любите?—совершенно неожиданно спросила Поля упавшимъ голосомъ.

— Да, она добрый и хорошій человѣкъ. За что же мнѣ ее не любить?—сказалъ Егоръ Александровичъ и съ улыбкой прибавилъ:—Вѣдь это только ты, не зная ея, бранишь ее... Ревнива ты, Поля. Я этого и не зналъ. Такъ нельзя, милая... Вѣдь не могу же я безъ людей жить...

— А я? Мнѣ никого, никого, кромѣ васъ, не нужно!—воскликнула Поля.

— Къ несчастью, покуда тебѣ приходится такъ жить,—отвѣтилъ онъ.—Но всегда такъ жить нельзя. Вотъ почему я и стараюсь, чтобы ты подучилась, развилась...

Она поднялась съ мѣста.

— Не надо... ничего мнѣ не надо!—сухо сказала она.—Не барышня я...

Онъ вздохнулъ. Ему начинали надоѣдать эти разговоры. Десятки разъ пробовалъ онъ объяснить Полѣ, что ученье и развитіе только скрѣпятъ ихъ союзъ. Она никакъ не могла понять, почему. Ему наскучило возвращаться къ этому вопросу, къ одному и тому же вопросу, къ однимъ и тѣмъ же объясненіямъ. Это была какая-то работа бѣлки въ колесѣ, приводившая въ отчаянье своей безполезностью, своей безуспѣшностью. Допивъ стаканъ чаю, онъ всталъ, поцѣловалъ Полю въ лобъ и прошелъ въ свою спальню. Молодая дѣвушка осталась у стола, точно окаменѣвъ. Въ ея мозгу была только одна мысль: «не меня, ее любитъ!» Потомъ, вдругъ опомнившись, она спохватилась, что она, все-таки, не спросила его о главномъ: «не женится ли онъ на Марьѣ Николаевнѣ?» Да что же и спрашивать? Если любитъ, такъ и спрашивать нечего. Женитьба что?—Любовь главное!..

Поля опустилась на стулъ, закрыла лицо руками и зарыдала.

III.

На слѣдующій день Прокофій снова забрелъ подъ вечеръ къ дочери и разсказалъ ей, что Агаѳью Прохоровну чуть не побилъ Егоръ Александровичъ за то, что она его поздравила, какъ жениха Марьи Николаевны.

— Что вы душу-то мою выматываете,—воскликнула Поля.—Сердце-то мое по частичкамъ разорвать хотите! И такъ я

изстрадалась!.. Мѣстечка во мнѣ живого нѣтъ!.. Хотите, чтобы руки на себя наложила, что ли?.. Ну, хорошо, хорошо, порадуетесь еще!.. Вѣдь у меня исхода нѣтъ, просвѣта нѣтъ впереди!..

Прокофій испугался.

— Что̀ ты, обезумѣла, что ли?—проговорилъ онъ, махая рукой.—Не къ тому я... А надо же тебѣ знать... Если онъ ее, Агаѳью-то, поколотить хотѣлъ за Протасиху, значитъ не даромъ. Такъ-то съ чего бы? Мало ли псы брешутъ... Ахъ, дочка, дочка, много ты горя намъ принесла...

Поля заплакала, ничего не отвѣчая отцу. Онъ подошелъ къ ней и мягко заговорилъ:

— Ты не убивайся... Можетъ, онъ и не любитъ ее, а только дѣла поправить хочетъ... Тоже невѣста выгодная... Ну, женится, тогда и намъ легче будетъ, обезпечитъ по крайности...

— Ничего мнѣ не надо, ничего!—крикнула Поля, отстранясь отъ отца.—Не за деньги люблю! Слышите! Вы за деньги душу продавали! Я не такая! Всѣ погибайте, всѣ по̀-міру идите, если онъ разлюбилъ! Никого не жаль, себя не жаль, если разлюбилъ!..

Она походила на сумасшедшую. Ея глаза горѣли сухимъ, лихорадочнымъ блескомъ, на щекахъ проступили красныя пятна.

— Идите, идите!—сурово продолжала она выкрикивать.—На грѣхъ вы всѣ меня толкаете, на смертный грѣхъ!.. И Богъ васъ накажетъ, если я... Господи, видишь Ты, не вольна я въ себѣ!—воскликнула она, обращая безумные глаза къ образу.

Прокофій испугался не на шутку.

— Полно, полно!—заговорилъ онъ.—Ну, перемелется... Вотъ водички выпей...

Онъ дрожащими руками торопливо налилъ въ стаканъ воды и подалъ Полѣ. Она безсознательно выпила воду и почувствовала ознобъ. Не прошло и получаса, какъ ей стало хуже. Ее била лихорадка. Ея силы настолько ослабѣли, что ей пришлось лечь. Егоръ Александровичъ, услыхавъ, что Поля захворала, поспѣшилъ за докторомъ...

Дней пять молодая дѣвушка не вставала съ постели. Ея физическія силы были надломлены, но нѣсколько дней, проведенныхъ въ постели, успокоили немного ея нервы. Заботливость Егора Александровича, если не пробудила въ ней луча надежды на его любовь, то согрѣла ее, смягчила ея сердце.

— Господи, какой вы добрый!—шептала она, цѣлуя его руки съ какой-то покорной благодарностью.—Душу готовы мнѣ отдать, а я...

— Да ты не волнуйся, Поля,—уговаривалъ онъ ее, ласково улыбаясь.—А то я сердиться буду... Докторъ говоритъ, что въ твоемъ положеніи главное—спокойствіе...

— А вы испугались, когда я заболѣла?

— Еще бы!

— Думали, умру?

— Ну, этого-то не думалъ... Ты вѣдь по натурѣ здоровый человѣкъ...

— А если бы умерла!

— Полно глупости придумывать!

— Нѣтъ, отчего же!.. Вотъ я умерла бы, женились бы вы...

Онъ покачалъ съ упрекомъ головой.

— Зачѣмъ ты сама причиняешь себѣ лишнія тревоги, лишнее горе?—сказалъ онъ серьезнымъ тономъ.

Она промолчала. Потомъ осторожно замѣтила:

— А что же Марья Николаевна, кажется, и ходить къ намъ перестала?

— Неудобно ей ходить теперь ко мнѣ, послѣ того, какъ она отказала Томилову.

— Это почему?—спросила Поля.

— Потому, что теперь еще Богъ знаетъ, что̀ начнутъ сплетничать про нее.

Поля взглянула пристально на Егора Александровича.

— Что-жъ, будутъ говорить, что вы ея женихъ? — сказала она.

— Это же непріятно, когда я не женихъ и не могу быть ея женихомъ...

Поля вздохнула.

— Скучно вамъ безъ нея будетъ...

Мухортовъ на мгновенье сдвинулъ брови. Поля угадала. Ему уже было скучно, что онъ не видалъ нѣсколько дней Марью Николаевну. Но, тѣмъ не менѣе, онъ поспѣшилъ оправиться и равнодушно отвѣтилъ:

— Не скучалъ же я безъ нея прежде...

Послышался новый вздохъ Поли.

— Да, — проговорила она: — я, Егоръ Александровичъ, лежала вотъ и все думала. Правда это, что учиться мнѣ надо. Скорѣй бы только все кончилось. Тогда я стану учиться, всему, всему. Такъ нельзя. Что-жъ, въ самомъ

дѣлѣ, это за жизнь: свой домъ есть, а къ другимъ надо вамъ бѣжать душу отвести...

Она обратила къ нему заискивающій, просительный, боязливый взглядъ:

— Тогда вѣдь будете любить?

— А теперь не люблю?—шутливо спросилъ онъ.

Она покачала головой.

— Нѣтъ, вы не шутите... Не надо!.. За что же меня любить?..

IV.

Выздоровленіе Поли шло медленно, хотя она уже и не лежала въ постели. Ея лицо страшно измѣнилось. Оно похудѣло, на щекахъ былъ багровый румянецъ, въ глазахъ былъ сухой блескъ. Къ несчастію, и погода стояла такая, что легче было расхвораться, чѣмъ выздоровѣть. Послѣ сухого и теплаго августа насталъ ненастный сентябрь. Мелкіе осенніе дожди шли въ теченіе цѣлыхъ двухъ недѣль. Казалось, надъ землею проливались молчаливыя, неутѣшныя слезы. Въ охотничьемъ домикѣ царила тишина, царила скука. Егоръ Александровичъ или работалъ въ своемъ кабинетѣ, или ходилъ на охоту, или бесѣдовалъ съ разными мужиками; Поля тоскливо шила мелкія, необходимыя для будущаго своего ребенка, вещи. Ручная женская работа сильно располагаетъ къ думамъ, и у Поли не было имъ конца. Во время болѣзни ее охватило желаніе учиться, развиваться. Но это было минутною вспышкою, послѣдней соломинкой утопающаго. Этими мечтами Поля тѣшила себя, стараясь увѣрить себя, что она скоро сдѣлается такою же, какъ Марья Николаевна, и что Егоръ Александровичъ тогда полюбитъ ее. Такъ иногда одиноко растущія дѣти сами себѣ разсказываютъ сказки. Теперь эти мечты вдругъ куда-то улетучились, исчезли, и ихъ замѣнили новыя безотрадныя думы. Смотря на Егора Александровича, Поля видѣла, что онъ чѣмъ-то озабоченъ. Ей не приходило въ голову мысли о томъ, что ему было о чемъ подумать; что ему приходилось рѣшить трудный вопросъ, какъ жить, какой дорогой идти, къ какой цѣли стремиться. Работа его мысли, мучительная и болѣзненная работа, отъ которой онъ худѣлъ и блѣднѣлъ, отъ которой онъ не могъ ни бѣжать, ни укрыться, была неизвѣстна, непонятна ей. Она удивилась бы, что можно биться въ слезахъ надъ отвлеченными вопросами о правдѣ, о честности, о добрѣ, о Богѣ. Для

нея всѣ эти вопросы были давно ясны и разрѣшены, какъ для ребенка ясенъ и разрѣшенъ вопросъ о томъ, что деревянная палочка, на которой онъ скачетъ, есть настоящая лошадка. Ей просто казалось, что Егоръ Александровичъ «скучаетъ». И какъ же не скучать? Одинъ онъ. Даже Марья Николаевна не ходитъ къ нему. Съ нею, съ Полей, ему не весело. Вотъ если бы она была образованная, какъ Марья Николаевна. Нѣтъ... гдѣ ей! Вонъ книжки онъ ей читаетъ, такъ ее ко сну клонитъ. Что̀ въ нихъ, въ книжкахъ! Нѣтъ, ужъ, видно, она такою уродилась, что ей ничего не надо. Да, ничего и никого не надо, только бы Егоръ Александровичъ былъ съ нею. Ей вспомнилось, что Егоръ Александровичъ говорилъ ей какъ-то, что нужно любить всѣхъ людей, какъ братьевъ, что иначе и самого человѣка никто любить не будетъ. А кого же она любитъ? Кто ее любитъ? Да за что же ей ихъ любить? За что имъ любить ее? Тоже не мало люди-то ее грызли! И теперь грызутъ! Передъ нею вставали образы ближнихъ: Софья Петровна, любившая ее, какъ любятъ куколъ: играютъ съ ними и ломаютъ ихъ; Агаѳья Прохоровна, вѣчно рывшая ей яму да лаявшая, какъ собака изъ-за кости; тоже тетушка Елена Никитишна хороша, замужъ за постылаго хотѣла выдать, чтобы подъ старость жить у нея, у Поли; отецъ — на всякій грѣхъ благословилъ бы онъ, лишь бы денегъ за это дали, пропоица безсовѣстный. Нѣтъ, это господамъ хорошо любить ближнихъ; за деньги-то эти ближніе у господъ руки лижутъ; горя-то при деньгахъ отъ ближнихъ не приходится видѣть. Вонъ Марья Николаевна, поди, весь міръ любитъ, съ жиру... Легко такъ-то любить! Вынула изъ кармана деньги да и дала! вотъ, молъ, какъ я васъ люблю! Все равно ей, много у самой останется. А попробовала бы любить, когда каждый норовилъ бы обидѣть да загрызть... Мысль о Марьѣ Николаевнѣ снова навела Полю на вопросы: не видится ли Егоръ Александровичъ съ Марьей Николаевной тайкомъ? Она вѣдь хитра, сумѣетъ найти уголокъ, гдѣ встрѣчаться. Не выпуститъ она его изъ рукъ. И то сказать, такого-то красавца какая дѣвушка не полюбитъ! Разлучница, креста-то на вороту у нея нѣтъ. Видитъ, что человѣка другая любитъ, а она отбиваетъ. Мало мужчинъ, что ли? Выбирала бы въ другомъ мѣстѣ... Въ душѣ опять поднималось негодованіе противъ Протасовой...

Эти думы Поли были въ одно сентябрьское утро пре-

рваны громкимъ говоромъ въ гостиной. Поля подбѣжала къ двери и замерла на мѣстѣ, сразу узнавъ знакомый голосъ.

— Марья Николаевна, какими судьбами! — воскликнулъ Егоръ Александровичъ въ гостиной.

Въ его голосѣ послышалась радость.

— Здравствуйте, добрый мой... Тысячу лѣтъ не видала васъ,—проговорила Марья Николаевна торопливо.—Ну, да теперь некогда говорить... Мнѣ говорили, что у васъ каждый день бываетъ докторъ... Не у васъ ли онъ?

— Нѣтъ, но будетъ сейчасъ... А что?

— Ахъ, несчастіе! У Марѳуши сынъ заболѣлъ... Дифтеритъ, кажется... Я не знаю, но боюсь... Вѣдь онъ у нея одинъ... Милый, скажите доктору, чтобы сейчасъ же... Вы знаете, гдѣ живетъ Марѳуша?

— Да, знаю...

— Ну, такъ укажите ему...

— Такъ подождите его...

— Нѣтъ, нѣтъ, я туда поѣду... Нельзя ее одну оставить... Знаете вы ихъ, еще что-нибудь натворятъ, глупыя... Этакая вѣдь бѣда!..

Она въ волненіи пожала руку Егору Александровичу и быстро вышла изъ комнаты. Поля, совсѣмъ помертвѣвшая, вошла въ гостиную.

— Что это?—глухо сказала она.—Марья Николаевна была?

— Да... Какое горе у бѣдной... У Марѳуши сынъ захворалъ... Скорѣй бы докторъ пріѣхалъ...

Егоръ Александровичъ посмотрѣлъ на часы.

— Поѣхать ему навстрѣчу—разъѣдешься, пожалуй?—въ раздумьи разсуждалъ онъ, не зная, что дѣлать.

— Да, вѣдь дифтеритъ... это прилипчивая болѣзнь?.. — сказала Поля.

— Да...

— Такъ какъ же?..

Онъ разсѣянно отвѣтилъ, все еще глядя на часы и соображая:

— Ну, Марьѣ Николаевнѣ не до этого... Мальчуганъ же ея крестникъ... Да она и любитъ Марѳушу, какъ сестру...

— Да я не о томъ,—отрывисто сказала Поля.—А какъ же вотъ къ вамъ пришла... Еще пристанетъ... къ вамъ... Тоже о другихъ-то не думаетъ... На самоё-то смерти нѣтъ.

Егоръ Александровичъ раздражился и почти съ отвращеніемъ взглянулъ на Полю, точно онъ былъ готовъ въ эту минуту раздавить ее ногою.

— Сердца-то у тебя нѣтъ! — запальчиво сказалъ онъ. — Тутъ люди заботятся о спасеніи жизни другихъ, о себѣ забываютъ, а она...

У Поли мгновенно опустились руки. Ее точно холодной водой облило. Онъ закусилъ губы, уже сердясь на себя за невольную вспышку. Въ послѣднее время онъ особенно упорно наблюдалъ за собою, чтобы подавлять всякіе порывы раздраженія и гнѣва. Но это давалось не легко. Въ эту минуту подъѣхалъ докторъ. Егоръ Александровичъ торопливо пошелъ ему навстрѣчу.

— Докторъ, прежде всего поѣдемте въ другое мѣсто, — проговорилъ онъ, пожимая руку доктору.—Сюда потомъ заѣдете, а тамъ дифтеритъ... отлагать нельзя...

Онъ торопливо пошелъ съ докторомъ къ выходу...

Поля не трогалась съ мѣста...

— Окаянная! окаянная! — шептала она, тупо смотря передъ собою. — Не мудрено, что не любитъ... Ненавидѣть будетъ...

Она начала себя бить кулакомъ въ лобъ.

— Всѣхъ только клянешь, да ругаешь, а сама... Ахъ, ты, проклятая!.. Ни на этомъ, ни на томъ свѣтѣ не простится!.. Какъ собака, издохнешь!..

И что-то вспомнивъ, она съ горечью проговорила, повторяя слова Егора Александровича почти его голосомъ:

— «Сердца у тебя нѣтъ! Тутъ люди заботятся о спасеніи жизни другихъ, о себѣ забываютъ, а она...» Голубчикъ, голубчикъ мой, — крикнула она вдругъ рыдающимъ голосомъ:—никогда не буду, никогда!.. Прости, прости, родной мой!.. Загубила тебя, загубила!. Ангельская ты душа...

И вдругъ широко раскрывъ глаза, съ открытымъ ртомъ, она смолкла, вся похолодѣвъ.

— А ребенокъ?—какимъ-то вздохомъ прошептали ея синѣющія губы. — Онъ какъ же?.. Вмѣстѣ со мною?.. Нѣтъ, нѣтъ, что̀ ребенокъ?.. Его... пусть... свободенъ будетъ...

Она, шатаясь, заметалась по комнатѣ, точно что-то отыскивая ощупью; случайно натолкнулась на дверь, ведущую къ террасѣ; побѣжала по дорожкѣ, какъ-то безсознательно дѣлая движенія рукой, какъ бы стараясь за что-то ухватиться, придержаться, чтобы не упасть; добѣжала до бесѣдки надъ обрывомъ и сбоку, гдѣ была живая изгородь, быстро, безсмысленно раздвинувъ вѣтки колючаго кустарника, ринулась внизъ.

Послышался сильный всплескъ воды...

ДЕВЯТАЯ ГЛАВА.

I.

Сентябрь пришелъ къ концу; наступилъ октябрь. Дождливые дни снова смѣнились ясными и замѣчательно теплыми осенними днями. Но эти дни, несмотря на тепло, уже не походили на тѣ августовскіе дни, когда въ воздухѣ еще не слышалось осенней свѣжести, когда деревья въ саду охотничьяго домика еще были вполнѣ зелены, когда здѣсь все было еще въ полномъ цвѣту. Теперь весь садъ, сильно запущенный за послѣдніе дни и давно неметенный, былъ полонъ желтыхъ и красныхъ листьевъ; въ клумбахъ цвѣли почти однѣ астры, напоминавшія своими безжизненными цвѣтами выцвѣтшіе искусственные цвѣты, да кое-гдѣ виднѣлись еще въ вышинѣ грубые, яркіе цвѣты георгинъ, вытянувшихся выше человѣческаго роста. На ступеняхъ террасы охотничьяго домика сидѣлъ Егоръ Александровичъ въ своемъ обычномъ костюмѣ,—сѣрой суконной блузѣ, подпоясанной кожанымъ ремнемъ, въ высокихъ сапогахъ. Онъ былъ неузнаваемъ: казалось, онъ и выросъ, и возмужалъ за послѣдніе дни, и въ то же время осунулся, похудѣлъ и поблѣднѣлъ; онъ сталъ шире въ кости, но юношеская мясистость исчезла, черты лица приняли болѣе рѣзкій характеръ, утративъ округлость; въ послѣднее время онъ пересталъ подстригать бороду и баки, еще не вѣдавшія бритвы, и теперь еще лицо было окаймлено мягкими, пушистыми бѣлокурыми волосами, нѣсколько скрадывавшими худощавость лица; но эта худощавость тотчасъ же дѣлалась замѣтной, стоило только взглянуть на его глаза: они сильно ввалились и сдѣлались какъ будто больше, темнѣе, глубже и смотрѣли сосредоточенно, серьезно и вдумчиво. Онъ сидѣлъ одиноко, сдвинувъ брови, не обращая вниманія на окружающіе его предметы, чертя безсознательно прутомъ какіе-то узоры на пескѣ, очевидно отдавшись тяжелымъ думамъ. Онѣ, казалось, охватили его всего.

— Опять безъ книги, опять передумываете горькія думы. Такъ нельзя. Нужно же разсѣяться! — послышался около него мягкій и ласковый голосъ. — Вы изведете себя совсѣмъ.

— А, это вы, нашъ добрый геній,—очнувшись, сказалъ Егоръ Александровичъ и дружески протянулъ обѣ руки стоявшей передъ нимъ Марьѣ Николаевнѣ.

Странными стали его руки: широкія, красныя, огрубѣвшія, онѣ не напоминали теперь его прежнихъ выхоленныхъ рукъ.

— Ну, что̀ наша больная?—спросила участливо дѣвушка.

— Сознаніе вернулось совсѣмъ... Кажется, теперь опасность миновала, хотя, признаюсь вамъ, именно сегодня я особенно боюсь за нее...

— А что?—тревожно спросила Марья Николаевна.

— Велѣла позвать священника... отца Ивана... Зачѣмъ, зачѣмъ?..

Онъ передернулъ плечами. Въ его голосѣ послышалась щемящая тоска.

— Исповѣдываться?

— Да... Зачѣмъ же?.. Въ чемъ?..

— Ей легче будетъ,—тихо сказала Марья Николаевна.

Онъ отрицательно покачалъ головой.

— Отецъ Иванъ утѣшеній не приноситъ... не умѣетъ утѣшать...

— Насъ съ вами... а ее... Взгляните, какъ его любятъ крестьяне... На ихъ языкѣ говоритъ онъ, ихъ понятія у него... Они вѣрятъ въ одно и то же.

Онъ тяжело вздохнулъ.

— Убить онъ можетъ ее своею грубостью... Она еще такъ слаба...

— Предупредите его...

— Что̀ вы говорите! Развѣ онъ меня послушаетъ? Съ нимъ я не умѣю говорить... Знаю всѣ его достоинства, удивляюсь его стойкости и не умѣю съ нимъ объясняться... на разныхъ языкахъ говоримъ...

Онъ что-то вспомнилъ, проводя рукой по лбу.

— Да, кстати... Просила она потомъ васъ придти къ ней...

— Вы ей сказали, что я ходила за ней? — почти съ упрекомъ проговорила Марья Николаевна. — Зачѣмъ же?.. Я нарочно ушла, когда она стала говорить сознательнѣе...

— Я ей ничего не говорилъ, Марья Николаевна,—отвѣтилъ онъ. — Она сама пожелала... Не знаю, зачѣмъ, но... боюсь я... Нужно ли вамъ идти къ ней?..

На его лицѣ отразилась душевная тревога. Марья Николаевна подняла на него вопросительные глаза.

— Я же вамъ все разсказалъ, — пояснилъ онъ. — Вы знаете, что она подозрѣвала меня, васъ... ревновала...

Молодая дѣвушка въ смущеніи смотрѣла уже въ сторону, избѣгая его пытливаго, тревожнаго взгляда.

— Я боюсь, что она можетъ сказать вамъ что-нибудь непріятное, обидное,—продолжалъ онъ.

— Мнѣ все равно,—тихо отвѣтила она.—Она такъ несчастна, что... Мнѣ все равно... Я пойду.

Онъ молча взялъ ея руки и поднесъ ихъ къ губамъ. Она не отняла ихъ, не измѣнилась въ лицѣ.

— А дома все та же война? — спросилъ онъ. — Война изъ-за насъ...

— Я не обращаю вниманія,—отвѣтила Протасова.—Вы знаете, отецъ далъ мнѣ полную свободу давно. Онъ увѣренъ во мнѣ. А эти сумасшедшія старухи... Что̀ мнѣ онѣ? Мнѣ только досадно, что отца теперь нѣтъ здѣсь. При немъ не было бы и этой войны.

— Вы много, много сдѣлали для меня, для Поли... Безъ васъ я потерялъ бы голову... Какъ ни стараюсь я, а все еще не могу вполнѣ закалить себя... баричъ!..

Она покраснѣла и перемѣнила разговоръ...

Съ того дня, какъ Поля бросилась въ воду, Марья Николаевна почти безвыходно пребывала въ охотничьемъ домикѣ. Не много было этихъ дней; но они могли показаться цѣлою вѣчностью. Полю вытащили изъ воды въ безсознательномъ состояніи, хотя съ очевидными признаками жизни. Вытащилъ ее кучеръ Дороѳей, водившій лошадей на водопой. Прежде чѣмъ люди успѣли придти къ какому-нибудь заключенію, что̀ дѣлать съ утопленницей, въ охотничій домикъ вернулись Егоръ Александровичъ и докторъ. Дѣвушку внесли въ домъ и тотчасъ же пришлось послать за акушеркой. Егоръ Александровичъ совершенно растерялся и ходилъ, какъ во снѣ, торопя всѣхъ и каждаго, хватаясь то за ту, то за другую вещь, спрашивая по сто разъ доктора, есть ли опасность, не нужно ли чего-нибудь сдѣлать? Потрясеніе было слишкомъ неожиданно. Когда Мухортову сказали, что Поля, вѣроятно, выживетъ, но что ребенокъ мертвъ, онъ не выдержалъ и разрыдался такими горькими слезами, какъ плачутъ женщины и дѣти. Когда ему сказали, что пріѣхалъ становой снять допросъ, онъ чуть не бросился его душить въ порывѣ бѣшенства, пробудившагося въ немъ при первомъ грубомъ словѣ. Въ эти страшно тяжелыя минуты явились около него двѣ личности, одинаково тепло отнесшіяся къ нему. Это были Павликъ и Марья Николаевна. Первый неумѣло, какъ юноша, вторая съ чисто женскимъ чутьемъ и ловкостью услуживали Егору Александровичу, утѣшали его, помогали въ уходѣ за По-

лей, лежавшей безъ сознанія. Егоръ Александровичъ не благодарилъ ихъ и пользовался ихъ услугами безъ возраженій, распоряжался ими и посылалъ ихъ то туда, то сюда; только черезъ три-четыре дня онъ немного оправился, совладалъ со своими нервами и почти съ ужасомъ замѣтилъ Марьѣ Николаевнѣ:

— Дорогая моя, но что̀ же скажутъ ваши?.. Что̀ будутъ говорить вообще сосѣди? На сплетни-то и у Слытковыхъ ума хватитъ...

Она махнула рукой и бодро отвѣтила:

— Ну, ужъ это мое дѣло!.. О такихъ глупостяхъ не сто̀итъ и говорить въ такомъ положеніи...

Павликъ между тѣмъ лукаво улыбнулся.

— Ты, Егораша, самъ вытолкалъ въ шею пришедшаго за Марьей Николаевной слугу,—сказалъ онъ:—это-то ужъ, я думаю, весь уѣздъ теперь знаетъ.

— Какъ? Когда?—спросилъ Егоръ Александровичъ, съ испугомъ.

Онъ ничего не помнилъ. А между тѣмъ, онъ дѣйствительно вытолкалъ слугу Ададуровыхъ, пришедшаго справиться, не здѣсь ли барышня.

— Вотъ этого еще недоставало, самъ скандалъ сдѣлалъ!—проговорилъ онъ.

— Ничего, Егораша,—сказалъ Павликъ.—Я уже ѣздилъ съ письмомъ Марьи Николаевны къ ея Медузамъ...

— Милый мальчикъ!—проговорила Марья Николаевна, потрепавъ его по щекамъ.—Я боялась, что онѣ его съѣдятъ...

— Я потомъ поѣду, если нужно, самъ,—сказалъ Егоръ Александровичъ.—Мнѣ такъ совѣстно... И какъ я сразу ничего не сообразилъ...

— Нѣтъ, ты сообразилъ,—шутливо замѣтилъ Павликъ.—Какъ еще командовалъ и Марьей Николаевной, и мною, точно нанялъ насъ...

— Простите, мои дорогіе!—проговорилъ Егоръ Александровичъ, протягивая имъ руки.

Онъ теперь только понялъ, какъ много они для него сдѣлали. Припоминая всѣ мелочныя подробности этихъ дней, онъ изумлялся тому, что̀ дѣлала Марья Николаевна, работавшая и услуживавшая, какъ простая служанка. Это было полное самозабвеніе, безусловная готовность служить ближнему. Повидимому, ни на мгновеніе въ ея душѣ не промелькнула мысль о томъ, что ей неприлично быть тутъ, что ей тяжело исполнять обязанности сидѣлки, что она прино-

ситъ жертву. Среди общей суматохи ею командовали и распоряжались всѣ, и она покорно дѣлала свое дѣло, какъ наемная слуга. Такъ прошло не мало дней. Павликъ и Марья Николаевна чередовались, помогая Егору Александровичу. Наконецъ Поля начала приходить въ сознаніе, ея рѣчи стали осмысленными. Тогда Марья Николаевна сочла нужнымъ удалиться. Больная лежала въ полутемной комнатѣ, но Марья Николаевна все же боялась быть узнанной ею. Егоръ Александровичъ полусловами, говоря о вѣроятной причинѣ покушенія на самоубійство, намекнулъ на ревность Поли. Услышавъ это, Марья Николаевна поблѣднѣла, и у нея точно защемило сердце. До этой минуты она еще ни разу не сознала ясно, что она дѣйствительно любитъ, безгранично любитъ Егора Александровича. Теперь вдругъ ей стало это яснѣе дня. Да, онъ для нея все; кромѣ него она не думаетъ ни о комъ. Будь это несчастіе не съ нимъ— развѣ она пошла бы сюда? Настолько-то и у нея было боязни передъ людскими толками, чтобы не проводить ночей около больной любовницы молодого человѣка, въ его домѣ. Вѣдь это не то, что ходить за сынишкой Мароуши. Но для него, для Егора Александровича, она готова на все. Онъ ей дороже всего на свѣтѣ. Теперь она поняла это, теперь она готова бы признаться въ этомъ передъ цѣлымъ свѣтомъ. Но какъ же: вѣдь онъ почти женатъ? Что же такое? Развѣ она не сумѣетъ найти въ себѣ столько силъ, чтобы не нарушить его счастья? Полѣ лучше, и она, Марья Николаевна, можетъ теперь уйти. Она еще зайдетъ справиться нѣсколько разъ, какъ поправляется больная, а потомъ—потомъ простится она съ нимъ навсегда, навсегда, навсегда...

Павлику, провожавшему Марью Николаевну по обыкновенію и на этотъ разъ до дому, показалось, что она плачетъ. Было совсѣмъ темно, но онъ все же видѣлъ, что она подносила нѣсколько разъ платокъ къ глазамъ.

— Марья Николаевна,—осторожно окликнулъ онъ ее:— вы плачете!

— Ничего, голубчикъ, ничего,—отвѣтила она дѣтскимъ голосомъ.—Это я такъ... это пройдетъ...

Онъ бросился поближе къ ней и взялъ ее съ участіемъ за руки.

— Вы его любите, Марья Николаевна?—спросилъ онъ тихо, съ любопытствомъ и добродушіемъ юноши, чувствующаго уже волненіе въ груди даже при чужомъ признаніи въ любви.

— Не надо, Павликъ, не надо!—отвѣтила она пугливо.

— Я не скажу, Марья Николаевна. Ей-Богу, не скажу! Ни ему, никому, никому. За кого же вы меня считаете?

Онъ самъ чуть не плакалъ, стараясь увѣрить ее, что онъ достоинъ довѣрія. Она еще колебалась.

— Побожись, Павликъ!

— Ей-Богу! Вѣдь это же подло, чужія тайны выдавать! Я никогда, никогда!

Она порывисто и крѣпко сжала ему руку.

— Люблю!—прошептала она.

— Бѣдная вы моя, бѣдная!—съ серьезностью и съ участіемъ произнесъ онъ.

— Только ты никому, никому! Ради Христа!—торопливо заговорила она убѣдительнымъ тономъ.—Я тебѣ сказала, потому что ты мнѣ все равно, какъ братъ.

— Я вашъ другъ, Марья Николаевна,—съ достоинствомъ сказалъ онъ.

— Ну, да, другъ! Вотъ я и сказала! Мнѣ некому сказать больше. Я одна, Павликъ! У меня только ты и есть. Я тебя люблю больше Зины и Любы.

— Ну, что онѣ!

— Нѣтъ, нѣтъ, онѣ добрыя дѣвушки... Но ты... ты ближе мнѣ...

Онъ опять сжалъ ея руку совсѣмъ по-товарищески такъ крѣпко, что она чуть не вскрикнула. Ему хотѣлось, чтобы она вполнѣ поняла, какъ глубоки и искренни его чувства.

II.

Къ Егору Александровичу, еще бесѣдовавшему съ Марьей Николаевной, на террасу вышелъ Прокофій. Старикъ тоже осунулся и подряхлѣлъ за послѣднее время. Несчастіе такъ сильно подѣйствовало на него, что онъ даже не пилъ въ послѣдніе дни. Онъ пришелъ доложить барину, что пришелъ отецъ Иванъ. Егоръ Александровичъ измѣнился въ лицѣ. Онъ поспѣшно поднялся со ступеней террасы и прошелъ въ комнату.

Въ гостиной стоялъ отецъ Иванъ, по обыкновенію, суровый и мрачный. Какое-то тяжелое, гнетущее чувство охватило Егора Александровича при видѣ этого безпощаднаго человѣка. Ему вспомнилась Поля, больная, слабая, безсильная, нуждающаяся въ поддержкѣ и утѣшеніи, и ему стало страшно при мысли о томъ, какъ отнесется къ ней отецъ Иванъ.

— Хорошихъ дѣлъ надѣлалъ!—съ обычной грубостью проговорилъ старикъ, глядя угрюмо на Мухортова.

— Больная желаетъ исповѣдаться,—отвѣчалъ Егоръ Александровичъ, не возражая, не оправдываясь.

— Говорили... Живы да здоровы, такъ въ церковь не заглянутъ: Богъ не нуженъ... Придетъ смерть, такъ каяться спохватятся...

Егоръ Александровичъ сухо и холодно указалъ священнику на дверь къ больной.

— Вотъ сюда!—сказалъ онъ.

Отецъ Иванъ окинулъ его враждебнымъ взглядомъ.

— Самъ-то когда каяться будешь?—спросилъ онъ.

— Я васъ, батюшка, не для себя звалъ,—отвѣтилъ тѣмъ же холоднымъ и сухимъ тономъ Мухортовъ.

— Гдѣ ужъ намъ такихъ-то, какъ ты, исповѣдывать,—сказалъ старикъ.—Умнѣй отцовъ стали! Твой-то отецъ душу мнѣ всю раскрывалъ...

Мухортовъ стиснулъ зубы, чтобы не сказать какой-нибудь рѣзкой фразы. Онъ молча открылъ дверь въ комнату Поли и пропустилъ отца Ивана...

— Батюшка!—раздался изъ глубины комнаты болѣзненный крикъ.

Въ глубинѣ этой темной комнаты, на постели, едва озаренной свѣтомъ лампады и прикрытой очень темнымъ абажуромъ лампы, приподнялась исхудалая женская фигура вся въ бѣломъ и закрыла лицо руками. Егоръ Александровичъ торопливо затворилъ дверь и въ какомъ-то невольномъ ужасѣ закрылъ руками уши, точно боясь услышать хоть одно слово дальнѣйшаго разговора...

— Что̀: батюшка? Что̀ лицо-то закрыла? Видно, смотрѣть-то на людей стыдно?—рѣзко спросилъ отецъ Иванъ, подходя къ больной.

— Грѣшница я, грѣшница великая!—застонала больная.

— Знаю, знаю! Зачѣмъ бы и за мной посылать, если бы не грѣшница была! Вы вѣдь всѣ такъ: сперва душу-то погубите, а потомъ—отпускай вамъ грѣхи! Твои-то грѣхи каковы? Думала ли ты объ этомъ? До чего довело тебя твое окаянство? Душу свою погубить захотѣла, младенца неповиннаго погубила, навсегда погубила! Исповѣдать-то тебя не стоило бы. Да, не стоило бы! Я идти не хотѣлъ. Не сто̀ишь!

Въ комнатѣ пронесся снова тяжелый, мучительный стонъ. Поля съ ужасомъ глядѣла на мрачное, исхудалое лицо старика съ ввалившимися глазами.

— Что смотришь? Не смотрѣть надо, а въ слезахъ биться. Ты думаешь, я изъ жалости пришелъ къ тебѣ? Нѣтъ. Не стòишь, чтобъ тебя жалѣли! За что жалѣть, душегубка? Перстъ Божій я увидѣлъ! Онъ, Отецъ нашъ Небесный, въ неисчерпаемой Своей благости, спасъ тебя, чтобы ты образумилась, чтобы всей жизнью, каждымъ помышленіемъ грѣхъ свой великій искупила. Вотъ почему я пришелъ.

Старческое лицо его смотрѣло все такъ же безпощадно на бившуюся передъ нимъ въ безсильныхъ слезахъ женщину.

— Ты какъ жила? Похотямъ своимъ предалась, только имъ и служила, діаволу служила? Ради нихъ ты на все бы пошла, на грабежъ, на убійство пошла бы.

— Батюшка!—опять простонала молящимъ голосомъ Поля, точно прося пощады, освобожденія отъ инквизиторской пытки.

— Что: батюшка?—опять повторилъ отецъ Иванъ.—Неправду, что ли, я говорю? На что бы ты не рѣшилась, если пошла на убійство своего младенца? Чѣмъ онъ виноватъ былъ? А ты и его убила. Волчица своего волченка защищаетъ, а ты—ты хуже волчицы, потому ты не защищала свое дитя, а убила его. Да!

Поля опять простонала. Отецъ Иванъ продолжалъ все тѣмъ же тономъ:

— Вотъ ты жива осталась. Жить будешь. Что-жъ, опять діаволу служить станешь? Вѣдь теперь свободна! Или опять руки на себя наложишь? Такъ знай, горе тому, кто искушаетъ терпѣніе Господне! Онъ долготерпѣливъ и многомилостивъ, но есть предѣлы и Его терпѣнію, и Его милосердію.

И вдругъ, оборвавъ строгую рѣчь, онъ отрывисто, коротко и сухо проговорилъ:

— Кайся!

Едва переводя духъ, прерывающимся отъ слезъ голосомъ начала исповѣдаться больная. Это было не простое сознаніе въ своихъ грѣхахъ, — это было болѣзненное, надрывающее душу самобичеваніе. Слушая эту исповѣдь, можно было подумать, что въ этой душѣ не было ничего, кромѣ грѣховъ, грѣховъ и грѣховъ. Она, Поля, о Богѣ забыла и въ церковь даже не заглядывала въ послѣднее время. Она никого не любила, ни о комъ не заботилась и только тѣшила себя любовью. Она сама навела на грѣхъ молодого барина, и когда онъ каялся, она успокаивала его сама, говоря, что этотъ грѣхъ ничего не значитъ. Его, чистаго и добраго, влекла она за собою въ пропасть. Ребенокъ у нея бился подъ серд-

цемъ, такъ она его чуть не ненавидѣла за то, что онъ служилъ ей помѣхой, за то, что она боялась, какъ бы изъ-за этого ее не разлюбилъ баринъ. Точно Егоръ Александровичъ могъ бросить человѣка, могъ обидѣть его! Добръ онъ, границъ нѣтъ его добротѣ, а она его Богъ знаетъ въ чемъ подозрѣвала. Барышня тутъ добрая, честная была, такъ она, Поля, и ее чернила, въ душѣ проклинала—убить, кажется, рада была, потому что ревность въ ея душѣ была. Подозрѣвала она, что баринъ видится тайкомъ съ барышней, что онъ жениться на ней хочетъ. Онъ-то, такой честный! Да онъ никогда никого не обманетъ, не обидитъ. Она же его подозрѣвала. А сама все умышляла убить себя изъ злобы, изъ ревности...

— Просвѣтъ-то гдѣ, живое мѣсто-то гдѣ въ твоей душѣ?—проговорилъ отецъ Иванъ.

Поля подняла на старика полные слезъ глаза.

— И вдругъ увидала я, что честною и доброю была эта дѣвушка, что у ногъ ея недостойна я лежать, что стою я у нея на дорогѣ со всѣми своими грѣхами... со всѣмъ своимъ окаянствомъ...

Ея голосъ совсѣмъ оборвался.

— И наложила я на себя руки, потому что дурная трава и изъ поля вонъ,—тихо закончила она.

Отецъ Иванъ покачалъ головой.

— И о ребенкѣ забыла?

Поля тихо плакала, ничего уже не отвѣчая.

— Ну, что же дальше?—спросилъ отецъ Иванъ.

Она недоумѣвающимъ, растеряннымъ взглядомъ смотрѣла на него. Больше ей нечего было говорить. Она все сказала.

— Что же, говорю, дальше-то дѣлать будешь?—пояснилъ онъ.

Она поняла теперь вопросъ и торопливо отвѣтила:

— Замаливать... грѣхи... въ монастырь!..

Онъ пристально всматривался въ ея лицо. Его глаза смотрѣли мрачно изъ-подъ нависшихъ, всклоченныхъ бровей. Прошла минута въ молчаніи. Затѣмъ онъ заговорилъ болѣе мягко, насколько умѣлъ.

— Это перстъ Божій! Но помни это и всю душу свою положи на то, чтобы быть достойной милосердія Божія. Не на тунеядство, не на распутство, не на ублаженіе своей плоти иди въ монастырь, а на подвижничество монашеское. Слышишь? Въ потѣ лица работай, молись до истощенія силъ, смиряйся передъ людьми, нищей будь, и тогда отпу-

стится тебѣ грѣхъ твой. Всею жизнью только его замолить можно.

Онъ поднялся во весь ростъ, чтобы прочитать молитву, и прикрылъ эпитрахилью почти скатившуюся съ подушекъ голову...

Выйдя изъ комнаты Поли, отецъ Иванъ встрѣтилъ Егора Александровича передъ самымъ выходомъ изъ дома. Мухортовъ подалъ священнику деньги. Тотъ какъ-то странно взглянулъ на него, точно онъ видѣлъ его впервые. Отзывы Поли о Егорѣ Александровичѣ, какъ о чистомъ, добромъ и честномъ человѣкѣ, поразили отца Ивана, и въ его головѣ эти отзывы никакъ не мирились съ тѣмъ, какъ держалъ себя Егоръ Александровичъ съ нимъ. Они простились такъ же сухо и холодно, какъ встрѣтились. Когда за отцомъ Иваномъ закрылась дверь, Егоръ Александровичъ вздохнулъ полнымъ вздохомъ.

III.

Егоръ Александровичъ пошелъ къ Полѣ; она лежала, какъ мертвая, неподвижно, съ полуоткрытыми глазами. Онъ подошелъ къ ней и испугался; ему показалось, что она умираетъ. Онъ осторожно наклонился къ ней и назвалъ ее по имени. Она устало открыла глаза.

— А, это вы!—прошептала она.

— Тебѣ хуже, Поля?—спросилъ онъ.

— Нѣтъ, лучше... сказалъ: простится!—отвѣтила она и опять закрыла глаза.

Ея губы тихо шептали, точно она въ полуснѣ что-то припоминала вслухъ.

— Молись и простится... простится!.. Страшный грѣхъ совершила, окаянная!..

— Поля, успокойся,—тихо сказалъ Егоръ Александровичъ, ласково дотрогиваясь до ея руки.

Она открыла глаза и какъ-то боязливо отняла руку.

— Я въ монастырь пойду... Я теперь, Егоръ Александровичъ, въ міру не буду жить,—сказала она, качая слегка на подушкѣ головой и какъ бы желая выяснить, что она умерла для него, для его ласкъ.

— Думай о поправленіи здоровья и ни о чемъ больше,—проговорилъ онъ.—Ты еще не оправилась, потому и идутъ въ голову такія мысли.

— Нѣтъ, грѣхъ совершила великій! Каяться нужно, у Бога и у людей прощенье вымолить,—отвѣтила она глухо

и, вдругъ что-то вспомнивъ, добавила: — Марью Николаевну мнѣ...

— Ты лучше отдохни...

— А умру?—тревожно сказала она, и ея глаза расширились отъ страха.—Умру, непрощенная!.. У всѣхъ прощенья надо просить... у всѣхъ... Позовите...

Онъ со вздохомъ вышелъ изъ комнаты.

— Идите къ ней, мой другъ,—сказалъ онъ Марьѣ Николаевнѣ.

На немъ лица не было.

— Ей хуже?—спросила Марья Николаевна.

Онъ махнулъ рукой.

— Толкуетъ о монастырѣ!—отвѣтилъ онъ коротко.

— Что вы? Это отецъ Иванъ натолковалъ! Надо отговорить...

Онъ ничего не отвѣтилъ и только повторилъ снова:

— Идите къ ней!

Марья Николаевна вошла въ комнату Поли. У нея страшно билось сердце. Она почти боялась свиданія съ этой дѣвушкой. Невольно она была причиной несчастія этого бѣднаго созданія. Заслышавъ въ комнатѣ шаги, Поля открыла глаза,—они, ввалившіеся, большіе, открылись широко и на минуту въ нихъ вспыхнулъ огонь. Марьѣ Николаевнѣ показалось, что въ этомъ взглядѣ были и ненависть, и злоба, и ужасъ. Но это была только минута; они вновь потухли, личные мускулы больной стали вздрагивать, грудь порывисто поднималась, руки закрыли лицо и, свернувъ голову на бокъ, больная глухо зарыдала:

— Грѣшница... все еще грѣшница!.. Господи, подкрѣпи... Простите меня, окаянную,—шептала она прерывающимся голосомъ.

Марья Николаевна склонилась надъ ней и въ слезахъ начала говорить безсвязно слова утѣшенія. Больная стала мало-по-малу успокаиваться. Она тихо взяла руку Марьи Николаевны и поднесла къ губамъ.

— Себя хотѣла загубить, дитя загубила, его, васъ всѣхъ...—шептала она.

Марья Николаевна наклонилась еще ближе къ ней и поцѣловала ее.

— Пусть онъ не приходитъ,—тихо сказала Поля.—Не могу... не могу смотрѣть... Охъ, тяжело отъ грѣховъ освобождаться...

— Полноте, Поля! Отчего же его вы не хотите видѣть?

Поля опять открыла глаза со страхомъ и недоумѣніемъ, точно удивляясь, что ея не понимаютъ.

— Я теперь... не о мірскомъ мнѣ думать нужно... А онъ придетъ... не могу, не могу! Мнѣ молиться надо, грѣхъ замаливать, а не грѣшить... Бога я при немъ забываю!..

Она опять откинулась навзничь головою и закрыла глаза, какъ бы впадая въ забытье. Но ея губы продолжали шептать:

— И всегда такъ, и прежде, и теперь... Не любовь, а наважденіе... безъ Божьяго благословенія... Любила и мучила и мучилась... Уйти бы скорѣй... Освобожу... освобожу... А любить никто не будетъ такъ... никто!..

Она тяжело вздохнула и смолкла.

Марья Николаевна присѣла на стулъ у постели, забывшись и всматриваясь въ больную. Теперь это исхудалое лицо съ ввалившимися глазами, съ блѣдными губами, съ осунувшимися щеками, вздрагивавшее за нѣсколько минутъ отъ рыданій, было невозмутимо спокойно и блаженно улыбалось, точно больной снился сладкій сонъ любви. Ея дыханіе было очень слабо, но ровно; утомленная волненіями этого утра, она теперь крѣпко спала.

Когда Протасова очнулась отъ тяжелыхъ думъ, ея лицо было влажно отъ слезъ и серьезно. Впервые въ этотъ день у этой постели она передумала многое о любви, передумала глубоко и серьезно, смотря на эту несчастную жертву необузданной, неосмысленной страсти. «Бога забыла для него», звучали въ ея ушахъ слова Поли. Ей стало жутко. Неужели и она любитъ его такою же любовью? Неужели и она для него забудетъ Бога—Бога правды, добра, справедливости, чести, любви къ ближнимъ? Но развѣ онъ этого когда-нибудь потребуетъ? Развѣ онъ можетъ этого потребовать? Нѣтъ, нѣтъ, никогда!.. Онъ честный и добрый человѣкъ, онъ можетъ вести ближняго только къ добру и правдѣ! Поля тихо вздохнула во снѣ. Марья Николаевна вздрогнула, и ее охватило тяжелое чувство, точно ее кто-то уличилъ въ чемъ-то постыдномъ. «У постели умирающей думаю объ отнятіи у нея любимаго ею человѣка, всего, что̀ ей дорого въ жизни», пронеслось въ ея головѣ. «И умираетъ, быть-можетъ, только отъ того, что я стала на ея дорогѣ», съ горечью продолжала она думать. Сколько безсознательнаго эгоизма, сколько легкомыслія было въ ея поведеніи. Ей вспомнились всѣ мелочи ея недавняго прошлаго: ея постоянныя посѣщенія Егора Александровича, просиживанье съ нимъ до ночи, прогулки съ нимъ. Какъ должна

была терзаться Поля въ эти минуты. У нея вѣдь не было въ жизни ничего, ни друзей, ни богатства, ни Бога, ничего, кромѣ одного любимаго человѣка. И его-то отнимала, вырывала у нея изъ рукъ она, Марья Николаевна, неумышленно, безсознательно,—но развѣ это было не все равно для бѣдной дѣвушки?.. А онъ? Неужели онъ не понималъ этого? Зачѣмъ онъ не предупредилъ ее, Марью Николаевну? Или онъ, какъ мужчина, не замѣчалъ ничего, что дѣлалось въ простомъ женскомъ сердцѣ?..

Гдѣ-то пробили часы и напомнили Протасовой, что ей пора идти.

Она устало поднялась съ мѣста. Она была блѣдна и серьезна, когда вышла изъ спальни Поли въ гостиную, гдѣ Егоръ Александровичъ задумчиво ходилъ взадъ и впередъ по комнатѣ. Увидавъ Марью Николаевну, онъ остановился.

— Что?

— Уснула!

На мгновенье оба смолкли.

— Много она перестрадала,—тихо сказала Марья Николаевна.

Онъ сдвинулъ брови, ничего не отвѣтилъ ей. Она заторопилась, отыскивая свою верхнюю одежду.

— Вы уходите?—спросилъ онъ.

— Да, пора!.. Да, кстати, нужно вамъ сказать,—начала Марья Николаевна и вдругъ остановилась.

— Что?—спросилъ онъ.

— Забыла... Ахъ, какая память!.. Ну, потомъ!—отвѣтила она въ замѣшательствѣ.

Ей хотѣлось передать, что Поля просила его не заходить къ ней, но при одной мысли объ этомъ на ея щекахъ выступилъ румянецъ. Ей стало стыдно, точно она хотѣла передать ему не желаніе Поли, а свое желаніе—желаніе отстранить его отъ умирающей. Въ невольномъ, плохо замаскированномъ смущеніи Протасова наскоро протянула ему руку. Онъ хотѣлъ ее спросить, когда она придетъ, но, вмѣсто этого вопроса, проговорилъ:

— Спасибо вамъ за всѣ послѣдніе дни!.. Я этого никогда не забуду...

Она пробормотала въ отвѣтъ что-то неясное, сбивчивое.

Они пожали другъ другу руки и простились, какъ почему-то показалось обоимъ, надолго, можетъ-быть, навсегда...

ДЕСЯТАЯ ГЛАВА.

I.

Въ жизни бываютъ дни, недѣли, мѣсяцы, стоящіе многихъ и многихъ лѣтъ. Они похожи на страшныя бури во время путешествія по морю. Вы совершаете морское путешествіе, дни смѣняются днями, ничѣмъ не отмѣченные, однообразные, продолжительные и, все-таки, забываемые безслѣдно, не оставляющіе въ душѣ ничего; но вотъ начинается буря, все приходитъ въ смятеніе, раздается вой и свистъ въ мачтахъ, холодные брызги разбивающихся о бока корабля волнъ обдаютъ палубу, гдѣ-то слышится трескъ, точно судно расходится въ пазахъ, кого-то снесло въ море налетѣвшей волной, каждая минута грозитъ смертью, и вы, объятые страхомъ, переживаете въ эти минуты цѣлые годы, готовясь къ смерти. Если не всѣ молятся въ эти минуты, то едва ли кто-нибудь въ эти минуты не останавливается въ страхѣ передъ вопросами о прошломъ и о будущемъ; въ нѣсколько мгновеній переживаются душою цѣлые годы. Такіе дни пережилъ Егоръ Александровичъ во время болѣзни и выздоровленія Поли. Онъ не анализировалъ, не могъ анализировать своихъ чувствъ къ ней; онъ не спрашивалъ себя, насколько онъ ее любитъ, насколько любилъ ее, насколько дорожитъ ею. Онъ просто видѣлъ передъ собою глухія страданія существа, которое его страстно любитъ: эти ввалившіеся глаза слѣдили за нимъ еще недавно съ такимъ обожаніемъ, эти сухія, синѣющія губы шептали ему чуть не вчера слова безпредѣльной любви, эти исхудалыя руки ласкали его чуть еще не наканунѣ, обвиваясь вокругъ его шеи. И онъ за все это не далъ, не могъ ей ничего дать, кромѣ несчастія. И если бы хоть упрекъ сорвался съ ея губъ, онъ пробудилъ бы, можетъ-быть, реакцію въ душевномъ настроеніи, вызвалъ бы желаніе оправдаться, защититься, высказать свои обвиненія. Но она лежала передъ нимъ съ полупотухшими, кроткими глазами, какъ подстрѣленная имъ птица. Эти глаза выражали не жалобу, не упрекъ; они просто говорили: «ну, вотъ видишь, я и умираю!» Это сравненіе Поли съ подстрѣленной птицей не выходило изъ его головы, проносилось въ умѣ не мыслью, а образомъ, доводило чуть не до слезъ.

— Поля, милая, тебѣ лучше?—говорилъ онъ мягкимъ голосомъ на другой день послѣ исповѣди.

— Лучше!—прошептала она безстрастно.

Онъ взялъ ея руку и хотѣлъ поднести ее къ своимъ губамъ. Она слабо отдернула ее.

— Не надо, Егоръ Александровичъ!..—сказала она.—Не надо!

Въ ея голосѣ было что-то такое, точно она хотѣла защититься, просила пощады. Это былъ тонъ измучившейся въ пыткѣ страдалицы, чувствующей, что вотъ-вотъ сейчасъ коснутся до ея еще не зажившихъ ранъ.

— Все теперь кончено,—проговорила она.—Все!.. Грѣхъ великій я совершила... Теперь каяться должна, молиться должна...

— Не мучай ты себя этимъ! Вотъ выздоровѣешь, все пойдетъ по-старому...

— Нѣтъ, нѣтъ! Что вы! Что вы!—съ испугомъ, съ ужасомъ проговорила она.—А Богъ-то? Богъ?

— Онъ же видитъ твою душу, Онъ...

Она перебила его опять почти съ ужасомъ, широко раскрывъ мутные глаза:

— Да, видитъ мою душу!.. Окаянная я, грѣхъ совершила, неискупимый грѣхъ, каяться должна, а я... Не о грѣхѣ думаю, о любви своей думаю!.. Господи, и тяжело же мнѣ, сердце разрывается!..

Она закрыла лицо руками.

— Ужъ лучше бы вы меня бросили, прогнали!..

— Поля!

— Да, да, пошла бы я, брошенная, проклятая, а теперь...

Она обратила къ нему молящій взоръ...

— Голубчикъ, родной, уйдите, уйдите вы отъ меня!.. Не вольна я въ себѣ... силъ у меня нѣтъ... Смотрю на васъ—и нѣтъ Бога во мнѣ, думаю о васъ—и грѣхъ забытъ, и покаянія нѣтъ!.. Убить, убить бы меня мало за мое окаянство!.. А Богъ все видитъ!..

Онъ поднялся съ мѣста.

— Вы на меня не сердитесь! Не отъ злобы я гоню васъ... Видитъ Богъ, нѣтъ!.. Душу, душу свою я спасти должна!

Она протянула свою руку, чтобы взять его руку, и тотчасъ же опустила ее, испуганно замѣтивъ ему:

— Нѣтъ, нѣтъ, не надо... Идите!..

Она, какъ и отецъ Иванъ, понимала только Бога-судію, Бога-мстителя.

Онъ вышелъ изъ ея спальни, подавленный, растерянный,

не зная, что дѣлать, чего желать. Онъ сознавалъ, что какая-то пропасть открывается между нимъ и этой дѣвушкой: онъ не пойметъ ея, она не пойметъ его. «Уѣхать бы, бѣжать бы отсюда», мелькало въ его головѣ, а другой голосъ подсказывалъ ему: «И дать ей умереть въ обществѣ грубой, полупьяной дворни?» Нѣтъ, нужно было остаться до конца здѣсь, у постели этой больной, покорно ожидая, къ какому исходу приведетъ судьба. Бѣжать легко, трудно было остаться,—значитъ нужно было остаться; нужно было пережить и это испытаніе. Онъ брался за книги, развертывалъ ихъ и по цѣлому часу читалъ одну и ту же страницу, ничего не понимая.

— Господи, васъ-то я за что мучу,—говорила Поля, когда онъ заходилъ къ ней.

— Чѣмъ же ты меня мучишь?—отвѣчалъ Егоръ Александровичъ.—Вѣдь я все равно здѣсь бы жилъ и безъ тебя. Я работаю.

— Исхудали! Краше въ гробъ кладутъ! Все изъ-за меня, все изъ-за меня!

Онъ спѣшилъ перемѣнить разговоръ...

Это повторялось каждый день, при каждомъ посѣщеніи имъ ея спальни...

Въ одинъ изъ ясныхъ октябрьскихъ дней онъ, сидя въ гостиной, заслышалъ скрипъ двери изъ комнаты Поли. Онъ обернулся. Въ дверяхъ, держась за косякъ, стояла Поля. Онъ вскочилъ съ мѣста.

— Вотъ и я... поправилась,—сказала она обрывающимся голосомъ, силясь улыбнуться обтянувшимися губами.

Она точно встала изъ гроба, худая, блѣдная, вся въ бѣломъ.

— Голубка, можно ли такъ рисковать! Ты еще очень слаба!

— Нѣтъ, я поправилась!.. Теперь... въ монастырь похлопочите, чтобы приняли... Я совсѣмъ оправилась... Пора!

Она сдѣлала нѣсколько шаговъ отъ двери, спотыкаясь, шатаясь, безсознательно протягивая руки, чтобы ухватиться за что-нибудь. Онъ поспѣшилъ къ ней, видя, что подъ нею подламываются ноги. Почти рыдая, она опустилась къ нему на руки.

— Не могу, не могу!—воскликнула она надрывающимся голосомъ.—Ахъ, я несчастная, несчастная!.. Истерзаю я, измучу васъ въ конецъ. Хоть бы умереть!..

У нея повисли руки, голова опустилась на грудь. Онъ

отнесъ ее, какъ ребенка, въ спальню и положилъ на постель. Она полузакрыла блѣдные глаза и снова лежала передъ нимъ съ выраженіемъ подстрѣленной птицы. Ее нельзя было ни утѣшать, ни ласкать, ни журить. Нужно было молча ждать невѣдомаго конца...

II.

Все выносящая, сильная молодость взяла, наконецъ, свое: Поля оправилась совершенно. Она была худа, блѣдна, но уже здорова, внѣ всякой опасности. Докторъ объявилъ, что его визиты вовсе не нужны въ охотничьемъ домикѣ. Но чѣмъ больше крѣпли молодыя силы выздоравливающей, тѣмъ сильнѣе, тѣмъ мучительнѣе становилась въ ея душѣ борьба противоположныхъ чувствъ, желаній и мыслей. Разобраться въ своемъ душевномъ хаосѣ она никакъ не могла. Она походила на ребенка, плачущаго и отъ приступовъ боли, и отъ подносимаго ему лѣкарства, долженствующаго унять эти боли. Ежедневно она заводила со слезами разговоръ о своемъ грѣхѣ, о необходимости спасти душу, объ отправленіи въ монастырь и въ то же время, съ тѣми же слезами говорила, какъ это ей тяжело, какъ силъ у нея нѣтъ бросить Егора Александровича, какъ она его любитъ. Ей то грезился страшный образъ разгнѣваннаго, мстящаго за грѣхи Бога, то снилось ясное, полное ласки и всепрощенія лицо любимаго ею человѣка. Она мучительно колебалась, подъ чью защиту укрыться ей. Это была пытка, которую долженъ былъ выносить Егоръ Александровичъ изо дня въ день. Наконецъ, онъ остановился надъ вопросомъ: долго ли это будетъ продолжаться?

Его уже давно тянуло въ Петербургъ, къ работѣ, къ кружку людей, такъ или иначе вращающихся въ водоворотѣ общественной дѣятельности, въ центрѣ умственной жизни. Ему хотѣлось найти и занять въ этой дѣятельности мѣсто по своимъ силамъ и способностямъ. Онъ зналъ, что подходящее дѣло найдется не сразу, что нужно многое сообразить, ко многому присмотрѣться, чтобы избрать трудъ по сердцу, чтобъ не метаться потомъ въ разныя стороны. Это сдѣлать можно было только тамъ, въ Петербургѣ, гдѣ можно и выбрать родъ дѣятельности, и найти средства для подготовки къ ней. Оставаться здѣсь для того, чтобы убивать полупраздно время, слушая вѣчные жалобы и стоны, онъ уже считалъ просто постыднымъ малодушіемъ. Присматриваясь къ Полѣ, онъ сталъ находить въ ней много чертъ

характера, общихъ съ чертами характера его матери: она также какъ бы втянулась въ роль страдающей героини; она также плакала и жаловалась, не дѣлая ни шагу для устраненія причинъ этихъ слезъ и жалобъ; она также думала только о себѣ и ни о комъ другомъ; въ послѣднее время она даже перестала повторять старую фразу о томъ, что она мучитъ его, Егора Александровича. Анализируя свои чувства къ ней, онъ съ горечью убѣждался, что въ немъ порвалось все, связывавшее его съ ней: ему было даже не жаль ея. Это вдругъ совершенно неожиданно прорвалось наружу, сдѣлалось яснымъ и для него, и для нея и привело разомъ къ развязкѣ.

Какъ-то рано утромъ за чаемъ она опять заговорила о монастырѣ.

— Такъ ты окончательно рѣшила идти въ монастырь?—спросилъ онъ.

— Охъ, тяжело мнѣ, тяжело молодость свою схоронить въ четырехъ стѣнахъ, точно въ могилѣ!—воскликнула она.

— Въ такомъ случаѣ не ходи,—отвѣтилъ онъ. — Твоя жизнь еще впереди. Ты молода, можешь подучиться, начать работать.

Она посмотрѣла на него съ удивленіемъ широко открытыми глазами.

— Какъ работать?—спросила она.

— Ну, мало ли есть дѣла! — отвѣтилъ онъ. — Въ твои годы подготовиться ко всему можно: сельской учительницей можно сдѣлаться, швеей, фельдшерицей, мало ли чѣмъ. Стоитъ только засѣсть за ученье, Поля, и не увидишь, какъ научишься всему, чему захочешь.

— Значитъ какъ-ни-какъ, а надоѣла я вамъ, бросить хотите!—тихо, глухимъ голосомъ прошептала она и стала отирать слезы.

— Съ чего же это ты взяла?—спросилъ онъ сдержанно и спокойно.

— Что-жъ, ужъ если на работу посылаете!—съ горечью произнесла она.—Это ужъ послѣднее дѣло!..

— А!—проговорилъ онъ съ усмѣшкой. — А какъ же ты думаешь иначе жить, если не работать? Вѣдь я и самъ буду работать. Жить-то на что-нибудь надо? Довольно мы поѣли чужого хлѣба...

— Ужъ хоть кускомъ хлѣба не попрекайте меня, Егоръ Александровичъ,—съ обидой замѣтила она.

— Я тебя и не попрекаю,—отвѣтилъ онъ сухо, созна-

вая вполнѣ, что они говорятъ на разныхъ языкахъ, не понимаютъ другъ друга.—Я говорю о себѣ...

И еще болѣе сухимъ, еще болѣе твердымъ тономъ онъ прибавилъ:

— Ты теперь совсѣмъ здорова, и потому намъ пора покончить съ вѣчнымъ нытьемъ и слезами.

— Надоѣла я вамъ, гоните,—захныкала она.

Но онъ коротко и рѣзко проговорилъ:

— Перестань!

Она вдругъ опустила руки и широко открытыми, испуганными глазами взглянула на него. Она увидала на его лицѣ выраженіе безпощадной твердости, непреклонной воли. Онъ поднялся съ мѣста и заходилъ по комнатѣ, начавъ говорить сдержанно, ясно и отчетливо; тонъ его словъ былъ сухъ и черствъ.

— Я давно хотѣлъ съ тобой поговорить серьезно, но ты была больна и слаба, и я жалѣлъ тебя. Теперь ты здорова, и потому я могу говорить съ тобою. Каждый день ты плачешь и стонешь о своемъ положеніи. Тебя мучитъ грѣхъ, ты считаешь нужнымъ каяться за него въ монастырѣ. Но ты не идешь въ монастырь. Ты плачешь, что это тебѣ не подъ силу, что ты не можешь бросить меня, и остаешься здѣсь,—остаешься только затѣмъ, чтобы опять плакать и говорить о необходимости каяться. Такъ жить нельзя.

— Голубчикъ, не могу я!—рыдающимъ голосомъ воскликнула она.

Онъ остановился.

— Я тебѣ говорю, не плачь и выслушай! — коротко и повелительно сказалъ онъ.

Она опять испуганно смолкла.

— Такъ жить нельзя, говорю я,—продолжалъ онъ, снова заходивъ по комнатѣ.—Ты говоришь, что ты любишь меня, но если бы ты точно любила меня, ты не плакала бы, не жаловалась бы съ утра до ночи, муча меня. На-дняхъ я рѣшился уѣхать въ Петербургъ, и ты должна обдумать, что тебѣ дѣлать. Ты можешь идти въ монастырь, я заплачу за келью, за все; ты можешь остаться здѣсь, я дамъ тебѣ, сколько могу, чтобы ты жила здѣсь, не нуждаясь; ты можешь ѣхать со мною въ Петербургъ...

— Гдѣ ужъ мнѣ ѣхать съ вами, если разлюбили!—воскликнула она.

— О, это отъ тебя зависитъ, чтобы я тебя любилъ,—сказалъ онъ.—Я въ Петербургѣ примусь за работу. Чѣмъ я

сдѣлаюсь—я самъ не знаю. Учителемъ, писателемъ, рабочимъ или примусь за такое дѣло, о которомъ ты и понятія не имѣешь,—это для тебя все равно. Дѣло не въ этомъ, а въ томъ, что я буду зарабатывать кусокъ хлѣба трудомъ. Чтобы жить со мною, ты должна будешь тоже работать. Я дамъ тебѣ возможность подготовиться къ труду, развиться. Это будетъ не легко для тебя, но только такъ можешь ты жить со мною. Такъ же жить, какъ мы живемъ теперь, нельзя. Это не жизнь, а каторга.

Она поднялась съ мѣста. Ея глаза блестѣли сухимъ блескомъ, черты лица исказились почти ненавистью. Ея голосъ зазвучалъ горечью.

— Нѣтъ ужъ, Егоръ Александровичъ, гдѣ мнѣ такъ-то жить, какъ вы говорите: такъ умные люди живутъ! А тоже жить да отъ дорогого человѣка попреки слушать — это не сладко. Кусокъ хлѣба и тотъ припомнили, на счетъ поставили. Лучше ужъ въ монастырѣ свой вѣкъ скоротать, грѣхъ свой отмаливая.

Онъ, коротко, не сердясь, не волнуясь, отвѣтилъ:

— Какъ знаешь, это твоя воля!

Она почти со злобой взглянула на него.

— Моя воля, моя воля! — вскричала она запальчиво.— Ужъ не издѣвались бы хоть надо мной, если надоѣла! Не мѣсяцъ, не два такъ жили, а теперь вдругъ нельзя стало такъ жить. И то сказать, красота отцвѣла, на что же я нужна. Или другія нашлись, такъ...

Онъ не выдержалъ, остановился и гнѣвно крикнулъ:

— Молчи и ступай!

Она вскрикнула и бросилась къ его ногамъ, ловя его руки, полы его одежды, хватая его за ноги.

— Бейте меня, ногами топчите, только не говорите такъ!—рыдала она, пресмыкаясь у его ногъ. — Я пойду въ монастырь, слезинки не пророню, ни словечка противъ васъ не скажу, только... Не говорите мнѣ, не говорите, что опостылѣла, что разлюбили... Я виновата, я виновата... во всемъ, во всемъ, глупая, безумная, окаянная!..

Онъ тихо освободился отъ нея и холодно проговорилъ:

— Послѣзавтра я тебя отвезу...

Онъ вышелъ изъ комнаты, она осталась на полу, съ повисшими, какъ плети, руками, съ растеряннымъ взглядомъ. Для нея все было кончено. Она это понимала ясно. Ея взглядъ какъ-то машинально устремился къ висѣвшему въ переднемъ углу образу и сталъ расширяться, точно передъ

нимъ выплывало страшное видѣніе. Въ этомъ взглядѣ вдругъ отразилось выраженіе тупого ужаса.

— Господи, за грѣхи наказуешь, за грѣхи, — медленно шептали ея уста, и ея голосъ былъ глухъ и хриплъ отъ душившихъ ее чувствъ. — Всею жизнью не замолю, всѣми слезами не смою грѣховъ своихъ. Тебя для него позабыла, діаволу опять служить хотѣла! Карай меня, карай окаянную! Тамъ-то, тамъ-то, геенна огненная... муки вѣчныя... скрежетъ зубовный... Нѣтъ, иду, иду!.. въ слезахъ биться буду!..

Она съ трудомъ, медленно поднялась съ пола и съ тѣмъ же тупымъ выраженіемъ ужаса, все еще смотря въ передній уголъ на образъ, побрела въ свою комнату укладывать свои вещи.

III.

Въ эти тяжелые дни Егоръ Александровичъ много ходилъ, много занимался физическимъ трудомъ. Книги не читались, умственная работа не клеилась, спасали только моціонъ, движеніе, физическое утомленіе. Мухортовъ ежедневно проводилъ на прогулкѣ нѣсколько часовъ. Его теперь тянуло не къ живымъ, а къ мертвымъ. Живыхъ онъ не понялъ бы, все равно; ему нужно было быть одному, въ тишинѣ, въ царствѣ сна и успокоенія; только въ полномъ одиночествѣ, въ полномъ затишьѣ онъ могъ сосредоточиться на вопросахъ, далекихъ отъ мелкихъ раздражающихъ домашнихъ сценъ. Онъ точно безсознательно пробирался ежедневно на кладбище, бродилъ среди могилъ, читалъ имена схороненныхъ мужиковъ и бабъ, задумывался о жизни этихъ людей и точно отрезвился, сравнивая вѣковѣчное горе народное съ своей случайной бѣдой: она пройдетъ не сегодня, такъ завтра, а оно — когда выпьется до дна эта чаша страданій ни въ чемъ неповинной многомилліонной массой?.. Задумываясь о народѣ, онъ снова писалъ въ своемъ дневникѣ:

«Нѣтъ, не столѣтній лѣсъ пробуждаетъ во мнѣ горечь, уныніе, злобу на человѣческое безсиліе. Этотъ лѣсъ былъ насажденъ, былъ выращенъ моими предками; я могъ заставить въ нѣсколько дней срубить подъ корень этого гиганта. Положеніе народа, этихъ несмѣтныхъ массъ, вотъ что мучитъ и терзаетъ душу. Гдѣ пути, гдѣ силы, чтобы поднять положеніе народа, чтобы дать мѣсто ему на пиру жизни? Только думая объ этомъ, я прихожу въ отчаяніе, прихожу въ бѣшенство за свою, за человѣческую слабость. Недавно

я читалъ описаніе Египта, описаніе пирамидъ. Ученые изумляются, какъ могли возникнуть среди песчаныхъ пустынь эти гигантскіе памятники причудливыхъ вымысловъ человѣческаго генія. Кто же создалъ эти чудеса, кто воздвигъ эти зданія? Ихъ строили рабы, полунагіе, босоногіе, голодные, погоняемые, какъ скотъ, бичами. Повинуясь чужой волѣ, они воздвигли эти колоссальныя постройки. Но что же они сдѣлали для себя, для своей участи, для своего освобожденія? Ничего, ничего! Гдѣ же та сила, которая принудила бы, побудила бы ихъ работать для своего личнаго благополучія, какъ бичъ побуждалъ и принуждалъ ихъ исполнять чужія прихоти, чужіе капризы?..»

Стояла поздняя, глубокая, но изумительно ясная и сухая осень. Снѣгъ, выпавшій-было въ октябрѣ, въ ноябрѣ снова исчезъ почти безслѣдно, и вездѣ было сухо. Всѣ деревья уже давно сбросили листья и только на нѣкоторыхъ отдѣльныхъ вѣткахъ и кустахъ еще трепетали, свернувшись отъ холода и засыхая, послѣдніе одинокіе, совершенно темные, мертвые листья, которыхъ ни бури, ни дожди, ни морозъ не смогли оторвать отъ родимыхъ стеблей. Цѣлыми грудами лежали такіе же высохшіе листья на тропинкахъ и насыпяхъ деревенскаго кладбища, превратившись изъ зеленыхъ въ темнокоричневые и черные; среди этихъ грудъ только изрѣдка выглядывали еще яркіе желтые и красные цвѣта. Невозмутимую тишину въ этомъ царствѣ мертвыхъ нарушалъ только ихъ печальный сухой шелестъ при малѣйшемъ дуновеніи свѣжаго вѣтра, приподнимавшаго ихъ съ земли и сгонявшаго въ одну кучу. Солнце — не ослѣпляющее, не обжигающее солнце лѣта, а мягко свѣтящее, едва пригрѣвающее солнце осени—разливало свой свѣтъ сквозь голыя вѣтви деревьевъ по всей этой обители смерти, точно сквозь сложную желѣзную рѣшетку. Егоръ Александровичъ одиноко пробирался между могилъ, по покрытымъ листвою тропинкамъ проходя на край кладбища къ маленькому бугорку, гдѣ зарыли его ребенка. Дойдя до этой темнобурой насыпи, онъ постоялъ надъ нею и потомъ присѣлъ на ближайшей могилѣ на полусгнившую доску. Онъ былъ спокоенъ. Въ его душѣ не было безплодныхъ упрековъ совѣсти, въ ней была только тихая грусть о томъ, кто могъ бы жить, могъ бы, можетъ-быть, быть счастливымъ. И у него, у Егора Александровича, была бы тогда, быть-можетъ, прямая личная цѣль въ жизни, нѣжныя заботы о слабомъ, еще безпомощномъ существѣ. У него было бы кого любить.

А теперь? Онъ опять останется одинъ—вполнѣ одинъ, свободный отъ всякихъ обязательствъ, отъ всякихъ путъ,—свободный, какъ вѣтеръ въ полѣ, болѣе свободный, чѣмъ онъ былъ до встрѣчи съ Полей. Кажется, эта встрѣча произошла такъ недавно, но какъ онъ измѣнился въ это короткое время! Это было полное перерожденіе или, вѣрнѣе сказать, въ это время окрѣпло, сложилось въ нѣчто опредѣленное и цѣльное все то, что прежде было только броженіемъ, зародышами въ его душѣ. Когда люди идутъ впервые на войну, они не могутъ впередъ опредѣлить, насколько они будутъ храбры. Когда онъ ѣхалъ сюда, онъ не зналъ, какъ онъ отнесется къ своему положенію, какъ и что вынесетъ, къ какимъ выводамъ и результатамъ придетъ. Въ душѣ бродило многое, но опредѣленнаго, выяснившагося не было въ ней ничего. Теперь онъ ясно съ радостнымъ чувствомъ сознавалъ, что онъ порвалъ навсегда съ своимъ прошлымъ—съ прошлымъ барича-бѣлоручки, съ прошлымъ свѣтскаго человѣка, съ прошлымъ прожигателя жизни, — и долженъ былъ вступить въ ту трудящуюся, добывающую потомъ и кровью кусокъ хлѣба среду, которая съ гордостью можетъ сказать, что на ея хлѣбѣ нѣтъ ни слезъ, ни проклятій ближнихъ. Онъ готовился вступить на новый путь съ твердой вѣрой въ свои силы, съ гордымъ сознаніемъ, что онъ не пойдетъ ни на какія сдѣлки со своею совѣстью. Его отца всю жизнь называли солдатомъ, и генеральша морщилась, когда ея мужу ежедневно подавали на обѣдъ только щи и кашу, когда онъ спалъ на походной кровати, прикрытый старымъ походнымъ пальто. Егоръ Александровичъ сознавалъ себя сыномъ своего отца. Да, онъ всегда хотѣлъ бы быть такимъ простымъ, выносливымъ солдатомъ; теперь онъ съ радостью видѣлъ, что онъ можетъ быть такимъ солдатомъ. При этой мысли на его лицо набѣжала тѣнь. Генеральша всегда называла своего мужа безсердечнымъ человѣкомъ. Не называетъ ли такъ же и его Поля? Что жъ, пускай! Иначе онъ не могъ поступить, продолжать этой жизни—жизни для одной этой дѣвушки—онъ не могъ. Его манитъ иная жизнь, и онъ только жаждетъ одного: прожить эту жизнь страстно, тревожно, бурно, но безупречно, посвятивъ ее по мѣрѣ силъ на пользу ближнихъ. Онъ ощущалъ въ себѣ неистощимый запасъ этихъ силъ. Въ немъ была теперь чисто юношеская вѣра въ себя, доходящая до фанатизма жажда отдать себя всецѣло дѣлу. Какому? О, развѣ мало дѣла въ жизни? Онъ сознавалъ, что

онъ способенъ идти тысячами путей къ благой цѣли, что онъ не откажется ни отъ какого дѣла, лишь бы оно содѣйствовало расширенію той «дыры къ свѣту», о которой когда-то взывалъ Мюнцеръ. Да, нужно расширить эту дыру къ свѣту, а какъ—перомъ, или молотомъ, проповѣдью или топоромъ плотника—не все ли равно? Онъ былъ убѣжденъ, что горько ошибаются всѣ, считающіе, что къ извѣстной цѣли можно идти только однимъ какимъ-нибудь путемъ. Нужно только сознавать и вѣрить, что каждый честный человѣкъ можетъ и долженъ содѣйствовать расширенію этой дыры къ свѣту, если онъ хочетъ сохранить спокойною свою совѣсть.

На тропинкѣ послышался шорохъ листьевъ. Егоръ Александровичъ поднялъ голову и увидалъ идущую къ нему Марью Николаевну. Онъ изумился и обрадовался. Быстро поднявшись съ мѣста, онъ радостно протянулъ дѣвушкѣ обѣ руки. Она крѣпко сжала ихъ.

— Не сердитесь, что я пришла сюда, — сказала она.— Я заходила къ вашимъ. Узнала отъ Павлика, что вы прошли сюда. Захотѣлось проститься.

— Вы уѣзжаете?—быстро спросилъ онъ.

— Да.

— Въ Москву?

— Нѣтъ. Я ѣду въ Петербургъ. Доучиваться хочу. Отецъ разрѣшилъ.

— А!

Онъ повеселѣлъ. Его лицо вспыхнуло румянцемъ. Въ его головѣ мелькала мысль, что онъ будетъ тамъ видѣть ее, не будетъ одинокимъ. Она была задумчива и серьезна.

— Я слышала, что вы тоже скоро уѣзжаете?

— Да, пора, Марья Николаевна.

Они сѣли. Прошла минута молчанія.

— Вамъ ничего не говорили у нашихъ о томъ, что Поля уѣзжаетъ въ монастырь.

Она слегка покраснѣла.

— Да, говорили,—отвѣтила она, и ея голосъ дрогнулъ.— Егоръ Александровичъ, неужели нельзя было отговорить?

— Зачѣмъ?

Она подняла на него вопросительный взглядъ.

— Да, зачѣмъ? Между нами все порвалось, если что̀ и было,—твердо отвѣтилъ онъ.—Это горькая исторія безобразнаго заблужденія и только. Не думайте, что я хочу оправдываться. У меня только одно оправданіе: я не Богъ, не

святой. Мнѣ горько, что это кончилось вотъ этой искупительной жертвой,—онъ указалъ на могилу, — и необходимостью для нея идти въ монастырь.

На минуту онъ смолкъ.

Потомъ онъ заговорилъ снова:

— Она передъ Богомъ каяться будетъ, и ея Богъ проститъ ее... Намъ же всѣмъ передъ народомъ нужно каяться... Проститъ ли онъ?

Онъ задумался и заговорилъ въ раздумьѣ:

— Тяжелые и въ то же время хорошіе дни прожилъ я здѣсь, хорошіе потому, что я сталъ другимъ человѣкомъ, или, вѣрнѣе сказать, хочу стать другимъ человѣкомъ, во что бы то ни стало... Сколько безпутнаго было во мнѣ — это я понялъ только теперь... Вотъ хоть бы мои отношенія къ Полѣ... Мнѣ скажутъ: это увлеченіе, ошибка молодости!.. А будь она не дочь народа, не простая дѣвушка?.. Развѣ я поддался бы искушенію, впалъ бы въ ошибку?.. Нѣтъ, нѣтъ, тысячу разъ нѣтъ!.. Побоялся бы ея братьевъ, родителей, родныхъ... А если бы и сдѣлалъ ошибку, то загладилъ бы ее тотчасъ же, безъ размышленій, безъ колебаній и... Другой исходъ былъ бы, не сидѣлъ бы я надъ этой могилой... Искупительная жертва!.. И сколько такихъ искупительныхъ жертвъ приносимъ мы за наши проступки и ошибки, за наши отношенія ко всѣмъ, кто народъ...

Онъ замолчалъ на минуту, потомъ продолжалъ:

— Надо сдѣлать все возможное, чтобы этихъ искупительныхъ жертвъ, какого бы рода ни были онѣ, не было по нашей винѣ... Помните, мы съ вами какъ-то говорили о томъ, что мы не знаемъ, какой путь выбрать, что у насъ нѣтъ вѣры въ пользу какой-нибудь опредѣленной дѣятельности, что наша жизнь пуста... Это безвѣріе — проклятіе нашего времени... Его даже утрируютъ, чтобъ оправдать свою бездѣятельность, свою дрянность, свою лѣнь... Теперь даже говорятъ, что вѣрятъ въ свое дѣло у насъ или глупцы, или грубые эгоисты: одни дѣлаютъ дѣло, не задумываясь о значеніи его, другіе видятъ въ немъ личную выгоду и вѣрятъ въ него... Но пусть все это правда, пусть всю жизнь мы должны остаться Гамлетами,—у насъ все-таки должна быть хоть одна вѣра, неотъемлемая вѣра — вѣра въ то, что мы должны для общаго блага слѣдить за каждымъ *своимъ* шагомъ, за каждымъ *своимъ* поступкомъ... Отъ фарисейства, отъ двойственной нравственности — отъ нравственности для другихъ и для себя—должны мы прежде всего освободиться;

себя должны мы прежде всего исправить. Эту задачу должны мы проводить въ жизни, проповѣдывать ее вездѣ и всюду... Въ нее нельзя не вѣрить. Я хочу идти этимъ путемъ, я пойду имъ. Пусть будутъ говорить, что это преувеличенія, что это экзальтація: что мнѣ за дѣло! Лучше эта экзальтація, чѣмъ экзальтація безшабашности и разнузданности, безпечальнаго житья, циничной проповѣди, что частная нравственность пустяки, что важна только великая общественная дѣятельность, что личная нравственность есть результатъ воспитанія, житейскихъ условій, среды, что сперва долженъ произойти какой-либо великій переворотъ въ обществѣ, а уже тогда можно думать объ исправленіи своей нравственности... Это говорятъ тѣ же нравственные взяточники, которые въ былыя времена оправдывались фразой: «у меня-съ жена, дѣти...» «всѣ мы люди, всѣ мы человѣки...» Не вѣрю я въ пророковъ, ѣздящихъ въ экипажахъ, тратящихъ десятки тысячъ на любовницъ, проводящихъ жизнь въ кабакахъ всѣхъ наименованій! Не повѣритъ имъ и народъ, если даже и заслушается на минуту ихъ проповѣдей... Народъ шелъ за Христомъ, за Ѳомой Мюнцеромъ, за Фридрихомъ Раппомъ... за Сютаевыми онъ пойдетъ... А въ тѣхъ, кого онъ не будетъ уважать, вѣрить онъ не станетъ!.. Вонъ отецъ Иванъ... Почему ему вѣритъ народъ? Почему къ нему идутъ искать успокоенія своей совѣсти? Потому что онъ цѣльный человѣкъ: онъ проповѣдуетъ то, что дѣлаетъ самъ... Вы какъ-то замѣтили мнѣ, что хорошо уже и то, что вы знаете, сколько Ивановъ и Сидоровъ пойдутъ по міру для доставленія вамъ возможности бывать въ итальянской оперѣ. Я вамъ отвѣчу теперь на это: нужно не только сознавать это, но и не ѣздить въ эту оперу, сознавъ это...

Онъ улыбнулся съ горечью.

— Я знаю, какіе крики подняли бы многіе люди, услыхавъ это: «Какъ, вы хотите уничтожить театры, искусство, плоды цивилизаціи?..» Да, да, я готовъ бы уничтожить даже все это, если бы этимъ неизбѣжно могли наслаждаться только сотни людей, грабя для этого милліоны людей... Къ счастію, не уничтоженіе всего этого нужно, а нужно уничтоженіе тѣхъ способовъ, какими наслаждаются всѣмъ этимъ люди теперь. Современная жизнь сложилась именно такъ, что человѣкъ грабитъ и душитъ ближнихъ, а спросите: «для чего?» Для того, чтобъ непремѣнно имѣть рысаковъ, дорого стоящихъ, хотя бы и надоѣвшихъ ему любовницъ, блестящую обстановку, возможность наслаждаться искус-

ствомъ во всѣхъ его видахъ, подъ однимъ только условіемъ, чтобы оно стоило дорого. Этотъ разбой и грабительство, производимые будто бы для поддержанія искусства и наслажденія плодами цивилизаціи—вотъ что̀ претитъ мнѣ. Удерживаться отъ этого, не продавать своей совѣсти ради этого, не считать это цѣлью жизни — вотъ чего я хочу. Я знаю, меня могутъ назвать чудакомъ, сумасбродомъ, фанатикомъ, аскетомъ. Пусть! Но мнѣ никто не броситъ укора, что я укралъ у него послѣдній грошъ, снялъ съ него послѣднюю рубашку, чтобы потѣшить себя награбленной роскошью среди голодныхъ... Я знаю, что при такомъ образѣ жизни краснѣть придется не мнѣ.

Онъ сдвинулъ брови. Его лицо приняло сосредоточенное, суровое выраженіе.

— Вотъ та вѣра, которою проникнутъ я теперь весь, и если она обманетъ меня, если я почувствую разладъ въ себѣ между словомъ и дѣломъ, я самъ прикончу съ собой, какъ съ собакой. Безъ этой вѣры, безъ вѣры въ возможность жить такъ, какъ я желалъ бы, чтобы жили другіе, нельзя искренно вѣрить ни во что. Вѣрить, что все пойдетъ лучше отъ измѣненія среды, отъ измѣненія условій, отъ непредвидимыхъ и роковыхъ историческихъ случайностей, это... для этого достаточно сидѣть сложа руки и ждать, когда придутъ эти случайности сами... Нѣтъ, мнѣ кажется, что противъ воровъ и грабителей, противъ угнетателей и кровопійцъ можетъ возставать честно и дѣятельно только тотъ, кто созналъ въ самомъ себѣ силы не быть такимъ. Кто не вѣритъ, что онъ самъ можетъ не быть такимъ, какъ онъ можетъ вѣрить, что какія-то обстоятельства, среда, условія помогутъ другимъ не быть такими?

Онъ вдругъ еще болѣе оживился, какъ бы что-то вспомнивъ.

— Но не думайте, что за дѣломъ личнаго самоусовершенствованія я забуду все другое, что я требую отъ человѣка только этого. Нѣтъ, нѣтъ, тысячу разъ нѣтъ! Самовоспитаніе, самоусовершенствованіе, наблюденіе за каждымъ своимъ шагомъ, отдаванье себѣ строгаго отчета въ своихъ проступкахъ, все это не требуетъ времени или, вѣрнѣе сказать, не отнимаетъ времени у другого дѣла на пользу общества. Напротивъ того, иная жизнь, жизнь безотчетнаго плаванія по теченію, поглощаетъ гораздо болѣе времени. Сегодня попойка, завтра балъ, тамъ картежная игра, далѣе милыя любовницы, вотъ что̀ поглощаетъ и деньги, и время,

здоровье и спокойствіе души. Повидимому, все, что я говорю, не требуетъ ни подтвержденій, ни доказательствъ. А между тѣмъ вся жизнь слагается въ современномъ обществѣ какъ разъ наоборотъ, какъ разъ въ противоположномъ направленіи. Противъ этого можно, пожалуй, ораторствовать, но бѣда попробовать практически протестовать противъ этого, такой протестъ — это уже сумасбродство, чудачество, чуть ли не помѣшательство... А между тѣмъ, намъ уже потому нужно подтянуть себя, приготовить себя, что мы живемъ наканунѣ чего-то новаго. Я глубоко вѣрю въ это и думаю, что горе тому, кто забылъ притчу о дѣвахъ со свѣтильниками... Да, плохо приходится тѣмъ, кого великія событія застаютъ съ угаснувшими свѣтильниками... Мнѣ, можетъ-быть, скажутъ, что я ошибаюсь. Можетъ-быть! Но во всякомъ случаѣ я ошибаюсь не одинъ, а съ значительными массами народа, не даромъ наполняющаго ряды штундистовъ, этихъ представителей новой нравственности, новаго строя жизни... Да, народъ въ своемъ стремленіи къ чему-то новому, лучшему, прежде всего даетъ обѣтъ нравственнаго обновленія...

Онъ поднялъ разгорѣвшіеся глаза на Марью Николаевну. Ея лицо было оживленно, глаза пристально устремлены на Мухортова. Ей казалось, что передъ ней стоитъ новый человѣкъ, весь проникнутый страстной вѣрой въ то, что онъ говоритъ, беззавѣтно увлекающійся и способный увлекать другихъ. Онъ улыбнулся ласковой, мягкой улыбкой.

— Не удивляйтесь, что я увлекся,—сказалъ онъ, протягивая ей руки.—Я такъ долго, долго молчалъ...

— О, я рада... мнѣ... вы мнѣ раскрыли свою душу,—въ замѣшательствѣ и смущеніи проговорила она взволнованнымъ голосомъ.

— И вы-то, вы не назовете меня сумасбродомъ, когда...

— Егоръ Александровичъ!—воскликнула она въ увлеченіи.—Вы для меня...

Она оборвала рѣчь и поднялась съ мѣста. Онъ тоже поднялся и притянулъ ее къ себѣ, заглядывая ей въ глаза. Она подняла на него безконечно добрые, ласкающіе глаза.

— Милый, только не здѣсь, не теперь...

Онъ какъ бы очнулся.

— Да, да, это правда: не въ этомъ мѣстѣ смерти, не надъ этой могилой не жившаго ребенка, не наканунѣ погребенія заживо его матери говорить о любви...

И, перемѣняя тонъ, тихо добавилъ:

— Но ты вѣришь въ мои силы, въ меня?

— О, я за тобой пойду повсюду!—страстно отвѣтила она.

Онъ крѣпко сжалъ руки Протасовой и рядомъ съ нею безмолвно направился къ выходу...

Они оба глубоко вѣрили другъ въ друга. Они не сомнѣвались, что они пойдутъ рука съ рукой до конца жизни.

А какова будетъ эта жизнь?

Кругомъ нихъ были убогія могилы нищихъ тружениковъ. Надъ ними, точно желѣзныя рѣшетки тюрьмы, сплетались сводомъ черныя, голыя вѣтви деревьевъ. На западѣ собирались темныя, густыя снѣжныя тучи и, какъ зарево пожара или море крови, разливало багровый блескъ заходящее солнце. Что-то зловѣщее было во всемъ, въ мертвой тишинѣ, въ рѣзкомъ холодѣ, въ безлюдьѣ. Но они были молоды, они любили. Чего же имъ было бояться?

РАЗСКАЗЫ.

I.

Съ квартиры на квартиру.

I.

Много насъ жило у мадамъ Шморбратенъ. Въ нашихъ трехъ комнаткахъ, раздѣленныхъ перегородками, было мѣсто для всѣхъ, для православныхъ и неправославныхъ, для мальчиковъ и дѣвочекъ, для законнорожденныхъ и незаконнорожденныхъ, по преимуществу же для незаконнорожденныхъ. Послѣдніе всегда приводили меня въ недоумѣніе, и я разсматривалъ ихъ съ особеннымъ любопытствомъ, желая подмѣтить въ нихъ какіе-нибудь отличительные признаки, такъ какъ я въ тѣ годы вообще не имѣлъ понятія, какъ родятся люди, и еще того менѣе понималъ, какъ это они незаконно родятся. Поступить на житье къ мадамъ Шморбратенъ было не трудно. Ребенокъ, оставшійся сиротою и имѣвшій въ числѣ дальнихъ родственниковъ или опекуновъ нѣмца, что̀ очень часто случается въ иностранномъ городѣ Petersburg'ѣ, могъ всегда надѣяться, что не сегодня, такъ завтра мадамъ Шморбратенъ подобьетъ этого нѣмца избрать ее матерью сироты, или, не имѣя свободнаго мѣста въ своихъ материнскихъ объятіяхъ, отрекомендуетъ сироту одной изъ своихъ знакомыхъ, какой-нибудь мадамъ Пфанкухенъ или мадамъ Кноблаухъ, что̀ въ сущности совершенно одно и то же. Было и другое средство попасть въ ея домъ. Какъ кто-нибудь изъ русскихъ родственниковъ или опекуновъ привезетъ отдавать дѣтей въ нѣмецкую Н—скую школу или въ ближайшую отъ нашего шморбратенскаго государства гимназію и выразитъ сожалѣніе, что живетъ онъ далеко, въ другомъ городѣ, а на полный пансіонъ от-

дать ребятишекъ не имѣетъ средствъ, такъ тотчасъ же инспекторъ училища и посовѣтуетъ:

— Да вы обратились бы къ мадамъ Пфанкухенъ или къ мадамъ Шморбратенъ, лучше къ послѣдней. Прекрасная она женщина, дѣтей на хлѣбы беретъ. Она и дочерей имѣетъ для прохожденія съ малютками заданныхъ уроковъ...

— Неужели?—изумляется родственникъ.

— Какъ же, какъ же! Прекрасныя барышни! Вы отдайте...

— Не знаю, право,—сомнѣвается любящій родственникъ.

— Помилуйте, чего же лучше? оскорбляется инспекторъ.— Ужъ я, право, и не знаю, чего же вамъ лучше! Дешево, содержаніе отличное, практика нѣмецкаго языка, ну и музыка тоже, если хотите. Да ужъ если бы худо было, то баронъ Вицли-Пуцли не отдалъ бы туда своего сына, то-есть это не то, чтобы сына, а знаете... Впрочемъ, баронъ его совершенно за сына считаетъ... Мадамъ Шморбратенъ и пастору Флиту извѣстна, онъ ей всѣхъ своихъ сиротъ отдаетъ; какъ у него явится сирота, такъ онъ и шлетъ за мадамъ Шморбратенъ: «вотъ, говоритъ, вамъ сирота, заступите ему мѣсто матери!..» Богобоязливая женщина!..

— Какъ же условиться съ ней? хлопоты эти...

— Какія хлопоты? Я это дѣло улажу. Я вамъ письмо къ ней дамъ или, если хотите, самъ съѣзжу переговорить съ нею и дамъ вамъ отвѣтъ.

— Помилуйте, столько безпокойства вамъ...

— Что̀ за безпокойство!

— Да нѣтъ, все же...

— О, будьте покойны! Я это улажу; вы посмотрите, что я это улажу!

И, вытянувъ быстрой атакой согласіе родственника, инспекторъ прилеталъ съ предложеніями къ мадамъ Шморбратенъ. Случалось это все больше во время вечерняго чая, такъ какъ въ другое время у инспектора занятій по горло. Тутъ-то мадамъ Шморбратенъ развертывалась, подавала разныя закусочки, колбасики, бутербродцы, чай съ ромцомъ. Инспекторъ пошучивалъ:

— А что̀, мадамъ, сами колбасу дѣлали?

— О, нѣтъ! Не такія теперь времена. Вотъ когда у покойнаго батюшки была мыза, то у насъ *всѣ* свое было, *всѣ* свое было. Ахъ, если бы онъ видѣлъ, какъ его дочь теперь бьется, онъ умеръ бы съ горя. И за что̀ я такая несчастная! Вотъ сестра молилась Богу, чтобъ у нея была

корова—и есть корова, молилась, чтобъ у нея была мыза—и есть мыза, а я...

— Ну полноте, полноте!—прерывалъ инспекторъ нѣмецко-русскую рѣчь хозяйки.

— Нѣтъ, нѣтъ! я себѣ говорю: за что ты, Марія, такая несчастная? Ты, Марія...

— Ну, не ропщите, грѣхъ роптать! А я къ вамъ вотъ новичка хочу пристроить... Ба! что это вы вышиваете?—изумлялся инспекторъ, увидавъ начатую подушку, и разсыпался въ благодарностяхъ, когда одна изъ дѣвицъ Шморбратенъ обѣщала прислать ему понравившуюся ему вышивку по окончаніи работы. Дѣло, такимъ образомъ, улаживалось, такъ какъ и цѣна за содержаніе, и согласіе хозяйки принять новичка не требовали переговоровъ и были извѣстны всѣмъ и каждому. Черезъ три-четыре дня въ наши комнатки тащили узлы съ периною, подушками, платьями, ложками, ножами, вилками и, наконецъ, за всѣми этими необходимыми вещами появлялся, какъ бы въ придачу къ нимъ, какой-нибудь крошечный образчикъ человѣка. Образчикъ ежился и косился на насъ, точно боялся, что мы, развязавъ вещи, выбросимъ его самого вмѣстѣ съ веревками и оберточной бумагой. Черезъ два дня человѣка пробовали сдѣлать общежительнымъ членомъ нашего семейства или, лучше сказать, государства, и мадамъ Шморбратенъ говорила ему:

— Генсхенъ, вылейте воду изъ полоскательной чашки въ поганое ведро!

Генсхенъ,—при крещеніи названный Иваномъ и пожалованный своей матерью въ Жана,—подобно юному чиновнику, не получившему прибавки жалованья, но получившему приказаніе составить бумагу, приходилъ въ телячій восторгъ, что и онъ становится дѣятелемъ, а не паразитомъ въ принявшемъ его обществѣ, бѣжалъ козлиными прыжками перелить грязную воду въ поганое ведро и съ радости разбивалъ полоскательную чашку.

— О, Генсхенъ! какой ты неловкій!—разомъ кричали мадамъ Шморбратенъ и три ея дочери.—Вамъ ничего не будутъ поручать дѣлать.

Генсхенъ, за минуту походившій на юнаго козлика, дѣлался похожимъ на вареннаго рака, не теряя, впрочемъ, сходства съ юнымъ чиновникомъ, испортившимъ бумагу, и покорился опалѣ съ тяжелымъ чувствомъ сознанія своей негодности. Черезъ нѣсколько минутъ, поразмысливъ о своей судьбѣ, онъ начиналъ успокаиваться и думалъ, что, можетъ-

быть, оно и хорошо, если его не будутъ заставлять переливать воду изъ одной посудины въ другую, но онъ еще не понималъ, какое впечатлѣніе произведетъ на другихъ выказанное имъ согласіе къ переливанью воды. Проходилъ день, Генсхену ничего не поручали: сахаръ колютъ другіе, воду выливаютъ другіе, *чайную машину* велятъ ставить другимъ, Генсхену даже не даютъ подать опорожненную имъ чайную чашку, а заставляютъ другихъ взять ее отъ него, потому что онъ такой неловкій, разбить ее можетъ. Генсхенъ возьметъ со стола стаканъ, а ему уже ласково кричатъ четыре довольно жиденькіе голоса:

— Генсхенъ, не разбейте, ради Бога!

— Ахъ, мама, какъ я боюсь, что этотъ Генсхенъ разобьетъ что-нибудь у насъ!

— О, этотъ Генсхенъ такой *неосторожный*!

Генсхенъ вздыхаетъ, слушая полунѣмецкія, полурусскія восклицанія хозяекъ, перенося тычки, безчисленные тычки отъ услуживающихъ ему и работающихъ за него товарищей, и думаетъ крѣпкую думу. Результатомъ думы является новая полоскательная чашка, купленная на послѣднія деньги, оставленныя Генсхену матерью, экономкою министра.

— Генсхенъ, это вы купили?

— О, этотъ Генсхенъ, мама, предобрый!

— О, ты ему будешь поручать работу?—кричатъ три голоса.

— Да, да,—отвѣчаетъ растроганная мадамъ Шморбратенъ.

— Генсхенъ, вели Катеринѣ подать чайную машину.

Генсхенъ приходитъ въ восторгъ отъ порученія и бѣжитъ передать кухаркѣ приказаніе. Его восхищаетъ обращенное къ нему впервые отеческое *ты*, какъ полнѣйшее свидѣтельство о принятіи его въ члены общества. Но уже въ самой его походкѣ замѣтна осторожность, онъ боится что-нибудь разбить, своротить съ мѣста; онъ подобострастно слушаетъ за чаемъ исторію старой, разбитой имъ полоскательной чашки, принадлежавшей еще отцу мадамъ Шморбратенъ; онъ съ благоговѣніемъ смотритъ и на всѣ остальные предметы, предполагая, не безъ основанія, что у каждаго изъ нихъ есть свое великое историческое значеніе, и ему кажется, что даже изъ его стакана выглядываетъ на него бѣлобрысый отецъ хозяйки, этотъ невѣдомый ему, но глубоко уважаемый имъ нѣмецъ. У Генсхена навертываются на глаза слезы умиленія... Такъ-то каждый изъ насъ дѣлался членомъ семьи мадамъ Шморбратенъ, проникался уваженіемъ къ исторической личности ея отца, пріучался приносить свою

долю пользы доброй хозяйкѣ, державшей бразды домашняго правленія, и не рѣшался разсуждать о томъ, что для чего же ей услуживать, если она получаетъ за наше содержаніе ежемѣсячную подать.

II.

Я поступилъ къ мадамъ Шморбратенъ изъ Маріеназиля *). Мнѣ было въ то время одиннадцать лѣтъ. Въ Маріеназилѣ мнѣ приходилось и грядки рыть въ огородѣ весною, и полоть ихъ лѣтомъ, и картофель копать осенью, и масло бить во всякое время. Руки у меня стали жёсткими, плечи широкими, лицо загорѣлымъ, почти бронзоваго цвѣта, такимъ оно и осталось почти навсегда. По-нѣмецки я говорилъ отлично, хотя мое произношеніе и не было похоже на то, какое слышится въ аристократическихъ кружкахъ, а напоминало произношеніе колонистовъ, ближайшихъ сосѣдей Маріеназиля. По-русски я зналъ плохо, хоть и былъ православнаго вѣроисповѣданія. Послѣднее обстоятельство меня немного изумляло, такъ какъ въ сущности я самъ не зналъ, нѣмецъ ли я или русскій, и если русскій, то почему. Родителей у меня никогда не было, по крайней мѣрѣ, я долго былъ увѣренъ, что я и мои товарищи по Маріеназилю родились сами собою на свѣтъ не отъ родителей, а отъ Маріеназиля. Какъ мнѣ грустно было покинуть этотъ пріютъ, когда пріѣхалъ за мною и повезъ меня къ мадамъ Шморбратенъ какой-то неизвѣстный мнѣ человѣкъ, баронъ Вицли-Пуцли. Я въ себя не могъ придти отъ этого событія, и не мудрено: жилъ, жилъ я мирнымъ гражданиномъ, воздѣлывалъ землю — и вдругъ пріѣзжаетъ таинственный незнакомецъ, шепчется съ надзирательницей, сажаетъ меня въ карету и увозитъ. «Боже мой, Боже мой, что̀ будетъ съ моимъ картофелемъ!» мысленно восклицалъ я и звѣрски смотрѣлъ на незнакомца, подъѣзжавшаго ко мнѣ съ ласковыми словами... Сурово и недовѣрчиво взглянулъ я на безчисленную семью мадамъ Шморбратенъ и удивился, что у всѣхъ ея членовъ были бѣлыя руки, узенькія плечи, прозрачная кожа и болѣе всего поразилъ меня одинъ трехлѣтній ребенокъ, у котораго шея была похожа на тоненькую стеклянную трубочку, налитую голубоватымъ молокомъ съ водою, на этой полупрозрачной шеѣ сидѣла, покачиваясь съ боку на бокъ, непомѣрно большая

*) Пріютъ для дѣтей близъ Петербурга.

голова съ бѣловатыми, больными, именно больными волосами, и тоже голубоватой, какъ жидкое молоко, кожей.

— Ты будешь жить здѣсь,—сказалъ мнѣ баронъ Вицли-Пуцли.—Учиться ты будешь въ Н—ской школѣ. Если тебѣ понадобятся деньги, то ты можешь спросить у мадамъ Шморбратенъ, я ей доставлю ихъ для твоихъ потребностей.

Я стоялъ и хлопалъ глазами, не зная на что это могутъ мнѣ понадобиться деньги, и зачѣмъ это баронъ поручаетъ мадамъ Шморбратенъ выдавать мнѣ ихъ, когда она меня будетъ поить и кормить. У насъ въ Маріеназилѣ никто не имѣлъ понятія о значеніи денегъ, тамъ всѣ существовали безъ нихъ, никто и не придумалъ бы, на что онѣ годятся, и ужъ, конечно, если кому-нибудь хотѣлось бы добыть молока, то онъ и шелъ за молокомъ къ коровницѣ, а не за деньгами.

— Ну, прощай, учись хорошо!—сказалъ баронъ, задумчиво поглядывая на мое озабоченное лицо.

Я молчалъ.

— Поцѣлуйте же ручку у своего благодѣтеля!—воскликнула мадамъ Шморбратенъ.

Она указала мнѣ на барона, и я понялъ, что онъ благодѣтель, и поцѣловалъ впервые руку у посторонняго мужчины, то-есть у мужчины вообще, потому что всѣ они были мнѣ посторонніе, такіе же посторонніе, какъ и всѣ женщины. Долго вечеромъ думалъ я, великъ ли чинъ, выражаемый словомъ: благодѣтель, и никакъ не могъ понять, что это совсѣмъ не чинъ, что я самъ могу изъ Валерьяна Малевина сдѣлаться благодѣтелемъ... Фу, какъ душно спать въ маленькой комнатѣ въ лѣтнюю ночь въ обществѣ нѣсколькихъ ребятишекъ! И какъ темно, точно въ могилѣ, и эти блѣдные люди выглядятъ точно покойники, а этотъ трехлѣтній мальчикъ, съ синеватой головой: — у! какой онъ отвратительно-страшный!.. Но что это? Передо мной начало подниматься у противоположной перегородки, отдѣлявшей отъ насъ дѣвочекъ, какое-то привидѣніе, длинное, длинное, въ бѣломъ саванѣ, стараясь достать руками до верху перегородки!

— Спасите!—крикнулъ я.—Спасите!

Всѣ вполошились, привидѣніе свалилось, какъ снопъ, на свою постель, уронивъ на полъ какую-то бумажку, сложенную въ формѣ письма. Начался гамъ и шумъ.

— Мама, ахъ, мама, мы горимъ! — кричала одна изъ дѣвицъ Шморбратенъ.

— О, какъ мнѣ страшно, мама!—ужасалась другая.

Кто-то визжалъ тоненькимъ женскимъ голоскомъ. Двери

къ намъ въ комнату внезапно распахнулись, и мадамъ Шморбратенъ, худенькая, какъ щепочка, въ болтавшейся около ногъ юбчонкѣ, съ головой не больше кулака, обтянутой въ гладкій ночной чепецъ, явилась на порогѣ.

— Валерка, что съ тобой?—крикнула она.

— Покойникъ!—отвѣтилъ я, дрожа всѣмъ тѣломъ.

— Гдѣ?

— Тамъ.

— Ты съ ума сошелъ! никакого покойника тутъ нѣтъ. Тутъ Фрицъ спитъ. Фрицъ, вы спите?

— Сплю, мадамъ Шморбратенъ,—отвѣтилъ Фрицъ.

— Ну, вотъ видишь, Фрицъ тутъ спитъ. Если ты еще будешь шумѣть, то я пожалуюсь барону. Спи!

— О, мама, какъ этотъ Валерка меня испугалъ!

— Мама, мама, какъ у меня сердце бьется!—слышался голосъ изъ другой комнаты и въ то же время кто-то визжалъ.

Наконецъ, все успокоилось. Я, пристыженный этой сценою, краснѣя за себя, не могъ уснуть; вдругъ на противоположной постели, гдѣ поднималось привидѣніе, приподнялся снова Фрицъ и, крадучись, подошелъ ко мнѣ.

— А ты, щенокъ, вздумалъ ябедничать!—грознымъ шопотомъ произнесъ онъ, нагибаясь къ самому моему носу. — Вотъ же тебѣ, вотъ тебѣ!—Онъ зажалъ мнѣ рукою ротъ и началъ меня щипать повсюду, гдѣ только ему удавалось захватить мое тѣло. Я не вытерпѣлъ и укусилъ ему руку.

— Чортъ, дьяволъ!—прошепталъ онъ и навалился всѣмъ своимъ тѣломъ на меня.

Началась борьба. Мнѣ удалось показать свою деревенскую силу, и Фрицъ, уходя на свою постель, вѣроятно, раскаивался, что затѣялъ битву. За перегородкой кто-то хихикалъ, должно быть, понимая, что означала глухая возня въ нашемъ отдѣленіи.

Утромъ, когда я проснулся, первымъ моимъ дѣломъ было разглядѣть Фрица. Я воображалъ его такимъ же ребенкомъ, какъ я, и удивился, увидавъ молодого человѣка лѣтъ пятнадцати съ бойкими, плутовскими глазами и хорошенькимъ, чисто-русскимъ лицомъ. Онъ косился на меня и изъ-подъ стола показывалъ мнѣ кулакъ. Я гордо показалъ ему два, въ полной увѣренности, что онъ не можетъ отвѣтить мнѣ тѣмъ же, по случаю укушенной ладони.

— Вы гадкій, гадкій мальчишка,—сказала мнѣ мимоходомъ бѣлокуренькая Анхенъ, одна изъ воспитанницъ мадамъ Шморбратенъ.

III.

— Вануша, что ты не пьешь чай?—нѣжно спрашивала однажды мадамъ Шморбратенъ у прозрачнаго трехлѣтняго ребенка, задумчиво сидѣвшаго надъ чашкой жидкаго чая, похожаго цвѣтомъ на мутную воду.

— Булоцки зду,—прокартавилъ тихо ребенокъ, не поворачивая своей огромной головы.

— Да вѣдь ты уже скушалъ свою булочку.

— Я и забилъ!—отвѣтилъ флегматически ребенокъ и наклонилъ свою большую голову къ чашкѣ.

— О, этотъ Ваня! онъ забылъ, что съѣлъ свою булочку,—воскликнула одна изъ дочерей хозяйки.

— Сахалцу дайте,—печально произнесъ Ваня, заглянувъ на дно чашки.

— Тамъ положено, ты помѣшай,—отвѣтила мадамъ Шморбратенъ.

— Полозено, а я забилъ,—снова согласился Ваня и сталъ въ раздумьѣ мѣшать въ чашкѣ.

— Вы ему не клали сахару,—объявилъ я, полагая, что бѣдная мадамъ засуетилась и забыла это обстоятельство.

— Заботьтесь о себѣ, если вамъ не дадутъ сахару, а о Ванѣ есть кому заботиться; мы его любимъ больше всего на свѣтѣ.

— О, этотъ Ваня!

— О, поцѣлуй меня, Вануша!—заговорили голоса.

Ваня медленно обернулъ свою головку на тоненькой шейкѣ и подставилъ губы одной изъ дѣвицъ Шморбратенъ. Раздался звонкій поцѣлуй.

У меня сжалось сердце за Ваню, и мнѣ захотѣлось собрать всю ѣду со стола и отдать ему. Дорогой въ школу я заглянулъ въ окно булочной и быстро опустилъ руку въ карманъ, но тамъ не оказалось ничего кромѣ сломаннаго грифеля, и я съ горечью швырнулъ его въ сторону. Тутъ я впервые понялъ, что̀ значитъ для голоднаго прохожаго булочная и что̀ значатъ деньги; я готовъ былъ зарыдать, припасть къ чьей-нибудь груди, когда въ эту же минуту мимо булочной прошла съ поникшей головою и тусклымъ взглядомъ оборванная, искудалая женщина, державшая на рукахъ больного ребенка. Господи, не оставь нищихъ и голодныхъ безъ своей помощи въ сытомъ городѣ! Въ тотъ же день я явился къ мадамъ Шморбратенъ съ требованіемъ выдать мнѣ пятнадцать копеекъ, объяснивъ, что я

завтра не приду домой завтракать. Вечеромъ я тихонько кормилъ булками Ваню и передалъ ему сахаръ, купленный мною на пять копеекъ. Бѣдный ребенокъ еще не умѣлъ распоряжаться и съѣлъ сахаръ за-разъ; на утро онъ снова пилъ мутный кипятокъ безъ сахару и былъ нездоровъ. Я рѣшился опять попросить у хозяйки пятнадцать копеекъ на завтракъ, но она сказала, что слишкомъ много будетъ, если я стану тратить по пятнадцати копеекъ въ день, что я долженъ довольствоваться тремя копейками. На эти деньги я могъ купить булку для Вани, но не могъ купить ему сахару, сверхъ того меня мучила мысль, что я самъ умру съ голода, такъ какъ мадамъ Шморбратенъ, давъ мнѣ первыя пятнадцать копеекъ, не оставила мнѣ къ вечеру ничего, кромѣ молочнаго супа. Одна надежда оставалась у меня на благодѣтеля. Я хотѣлъ объяснить ему дѣло и просить денегъ, потомъ черезъ долгіе годы я понялъ, что надо было просить денегъ и не объяснять дѣла. Онъ пріѣхалъ. Я разсказалъ о своихъ безпокойствахъ за Ваню.

— Пожалуйста, не мѣшайся въ чужія дѣла, — сказалъ онъ.—Заботься, чтобы тебя кормили. Всѣхъ, мой другъ, не накормишь, есть дѣти, которымъ еще хуже жить, чѣмъ этому Ванѣ, и помочь имъ у меня и у всѣхъ другихъ людей не достанетъ средствъ. Но ты самъ не голодаешь?

— Нѣтъ, я сытъ.

Благодѣтель показался мнѣ въ эту минуту страшно сухимъ человѣкомъ.

— То-то же! ты не скрывай, если тебя плохо кормятъ. Скажи мнѣ. Я тебя перемѣщу въ другое мѣсто.

Я испугался, и мнѣ самому стало удивительно, что я испугался именно того, что меня возьмутъ изъ этого противнаго мнѣ дома. Передо мною, какъ молнія, мелькнулъ образъ умирающаго безъ моей помощи голодной смертью большеголоваго, тонкошеяго Вани, и мое сердце сжалось. Въ тѣ годы я еще мало видѣлъ страданій, не притупилъ своихъ чувствъ и не считалъ счастьемъ возможность жить среди страдающихъ людей, заткнувъ уши и закрывъ глаза отъ ихъ горькаго существованія.

— Нѣтъ-съ, я совсѣмъ сытъ, очень сытъ,—солгалъ я, чувствуя бурчанье въ прополосканномъ молочными кушаньями желудкѣ.

— Ну, да, но ты учишься дурно. Тебѣ, можетъ-быть, не уютно здѣсь учиться?—мягко сказалъ благодѣтель. — Будь откровененъ со мною, какъ съ отцомъ. У меня нѣтъ дѣтей,

и я люблю тебя, какъ сына. Люби и ты меня, не дичись меня...

Въ звукахъ голоса барона Вицли-Пуцли была въ эту минуту какая-то неизъяснимая и непонятная для меня нѣжность. Со мной и при мнѣ никто не былъ нѣженъ, всѣ мнѣ были чужіе, и я самъ не понималъ, что можно людямъ быть нѣжными другъ съ другомъ.

— Я буду стараться...—началъ я.

Лицо барона оживилось.

—...учиться,—кончилъ я.

— Да, да, учиться!—задумчиво провелъ онъ рукою по лбу и, холодно отодвинувъ меня отъ себя, вышелъ вонъ.

Я остался въ недоумѣніи на мѣстѣ и не могъ бѣжать проводить его. Что-то непонятное вертѣлось въ моей головѣ, какое-то новое чувство волновало мою грудь. Мое рѣшеніе учиться прилежно не легко было исполнить. Въ комнатѣ у насъ занималось до восьми человѣкъ.

— Русская грамматика учитъ правильно говорить и читать по-русски,—бормочетъ въ одномъ углу дѣвочка.

— J'aime, tu aimes, il aime,—голоситъ Фрицъ, раскачивая головой изъ стороны въ сторону и заткнувъ уши пальцами.

— Пять, да восемь, да семь... Фрицъ, сколько будетъ: пять, да восемь, да семь?—кричитъ Генсхенъ.

— О, этотъ Фрицъ ничего не слышитъ!—волнуется за Генсхена одна изъ вышивающихъ дѣвицъ Шморбратенъ.

— Ай, ай,—оретъ, какъ недорѣзанный поросенокъ, Ваня.—Меня Генсхенъ сципнулъ!

— Генсхенъ, куда вы его щипнули?—кричитъ другая дѣвица Шморбратенъ.

— Хи-хи-хи! Куда я его щипнулъ? — хохочетъ Генсхенъ, не рѣшаясь назвать то мѣсто, куда ущипнулъ ребенка.

— Тише, тише!—кричитъ мадамъ Шморбратенъ, являясь въ комнату.—Was ist denn das?

Шумъ, гамъ, разбирательство,—учиться нѣтъ возможности, и къ тому же мое вниманіе занято Фрицомъ, который тихонько улизнулъ за воспитанницей, назвавшей меня гадкимъ мальчишкою, и передаетъ ей записочку въ другой комнатѣ. Я вижу это въ отворенную дверь, а Фрицъ показываетъ мнѣ кулакъ, что не мѣшаетъ ему дѣлать нѣжные глазки миленькой Анхенъ. Мадамъ Шморбратенъ между тѣмъ перевела своихъ двухъ посѣтительницъ въ комнату нашихъ занятій, чтобы мы не имѣли возможности шумѣть, и тарап-

титъ съ гостями о своихъ дѣлахъ, про покойнаго своего папеньку, про дороговизну содержанія, про жениха своей старшей дочери, про любовника кухарки... Въ комнатѣ дѣйствительно дѣлается тихо, и всѣ дѣти превращаются въ слухъ... Среди этого хаоса я, какъ государственный человѣкъ, обремененный сотнями дѣлъ, думаю и подслушать болтовню мадамъ Шморбратенъ, и подсмотрѣть за Фрицомъ, и уроки выучить, и придумать, какъ пріобрѣсти деньги на покупку сахара для Вани. Послѣднее непремѣнно нужно сдѣлать, иначе я не могу покойно учиться, у меня сердце давитъ, когда я вижу, какъ онъ пьетъ мутную кипяченую воду безъ сахару, безъ булокъ. Что̀ такое мнѣ Ваня? Развѣ я ему родня, развѣ я его люблю? Развѣ я люблю вообще кого-нибудь изъ людей? Они мнѣ чужіе, они мнѣ ничего, ровно ничего не сдѣлали добраго. Отчего же меня мучатъ мученія одного изъ нихъ? Эти думы все чаще и чаще съ нѣкоторыхъ поръ стали посѣщать мою голову, и хотѣлъ я понять, почему всѣ другія дѣти, всѣ другіе люди, за исключеніемъ кухарки Катерины, смотрятъ на участь Вани не такъ, какъ я, а какъ баронъ Вицли-Пуцли.

IV.

А Ваня съ каждымъ днемъ дѣлался все прозрачнѣе и прозрачнѣе, все его тѣло сохло, и оттого голова и конечности рукъ и ногъ казались все болѣе и болѣе непомѣрно большими. Слово *уродъ* уже очень часто слетало съ устъ посѣтителей при видѣ ребенка, а уродъ начиналъ не на-шутку хворать. Мадамъ Шморбратенъ пригласила благодѣтельнаго доктора нѣмецкой школы, пользовавшагося покровительствомъ пастора Флита и лѣчившаго даромъ всѣхъ женщинъ въ нашей квартирѣ и въ квартирахъ другихъ нѣмокъ—содержательницъ дѣтей. Всѣ эти люди составляли тѣсное дружеское общество, они были немыслимы безъ Н-ской школы, а она, въ свою очередь, была немыслима безъ нихъ. Докторъ прописалъ какую-то микстуру и сталъ посѣщать насъ каждый вечеръ во время закуски и чая, служившихъ ему наградой за благодѣянія. Однажды въ это время послышался робкій, едва слышный звонокъ у дверей, и черезъ минуту въ передней появилась женщина въ плохой одеждѣ и въ платкѣ на головѣ.

— Можно мнѣ, сударыня, на моего Ваничку взглянуть?— робко спросила она у выбѣжавшей въ переднюю хозяйки.

— Можешь, милая.

Мадамъ Шморбратенъ говорила съ нею небрежно и высокомѣрно, чувствуя, что она стоитъ хоть на одну ступеньку выше посѣтительницы.

— Извините, что я васъ вечеромъ безпокою; наше дѣло рабочее, господа утромъ не отпускаютъ,—оправдывалась заискивающимъ голосомъ посѣтительница и, крестясь на передній уголъ, гдѣ не было образа, на цыпочкахъ, неловкой походкой забитаго русскаго человѣка вошла въ комнату.

Ваня въ эту минуту сидѣлъ у меня на колѣняхъ.

— Мама, мамоцка!—крикнулъ онъ и бросился бѣжать къ ней, но слабыя ноги не сдержали его, и онъ упалъ на срединѣ комнаты.

Большая голова издала глухой стукъ, ударившись объ полъ.

— Ой! — вырвалось изъ груди матери. — Голубчикъ, миленькій, ушибся? Плюнь, батюшка,—пройдетъ!—заговорила женщина, опустившись на колѣни передъ своимъ сыномъ и, повидимому, забывъ все на свѣтѣ, кромѣ своего ребенка, который медленно поднялся и прилегъ головою на плечо матери, но не плакалъ.

Въ комнатѣ стало тихо, можно бы было разслушать полетъ мухи.

— Онъ нездоровъ,— прервала мадамъ Шморбратенъ молчаніе, кажется, мучительное и тягостное даже для ея картофельнаго сердца, гдѣ вмѣсто крови текло жидкое молоко и жижа габерсуповъ.

— Что съ тобою, голубчикъ мой, ненаглядный?—спрашивала мать, поднимаясь съ сыномъ на рукахъ.—Есть ли аппетитъ-то у него, кушаетъ ли онъ?

— Онъ мнѣ булоцки даетъ,—указалъ Ваня на меня.

Простая женщина бросила на меня взглядъ, полный такой безконечной ласки и благодарности, что я дрогнулъ и поспѣшилъ уйти въ спальню, чтобы скрыть слезы. Но то были сладкія слезы благодарности, глубокой благодарности къ этой женщинѣ, которая мнѣ казалась выше всѣхъ людей, видѣнныхъ мною до сихъ поръ.

— Да, онъ его все балуетъ,—хмуро замѣтила хозяйка.

— Пошли ему Богъ добраго здоровья, всего, всего, чего онъ у Господа проситъ!—промолвила женщина.—Ужъ поберегите вы моего сына, Господь вашихъ дѣтей сбережетъ за это. Будьте ему матерью, вѣдь не могу я его у себя держать, кто возьметъ кухарку съ ребенкомъ!

— Ахъ, милая, мы заботимся о Ванѣ. Вотъ и докторъ для него призванъ...

— Та, нишего, микстурка маленькій—и все проходитъ,— произнесъ привилегированный палачъ сиротъ.

— Не надо ли пищи какой-нибудь особенной?

— Помилуй, мы его кормимъ отлично. У насъ онъ не первый воспитуется,—обидѣлась хозяйка.

— Та, мадамъ Шморбратенъ польше о чужихъ думаетъ, чѣмъ о сепѣ,—ввернулъ эскулапъ, считавшій долгомъ быть союзникомъ всѣхъ содержательницъ дѣтей.

— Простите меня, матушка, вѣдь я знаю, что вы весь вѣкъ о чужихъ дѣтяхъ заботитесь, да вѣдь мать я. Сама не знаю, что̀ брешу... Господи, да если онъ у меня умретъ, такъ что же мнѣ и жизнь тогда?—мучительно произнесла женщина.

Я слышалъ весь этотъ разговоръ и поспѣшилъ зарыть голову въ подушки, чтобы не изумить постороннихъ своими рыданіями. Съ той минуты я понималъ, что̀ значитъ честная мать, что̀ значитъ честная семья, и какіе-то блѣдные, измученные призраки смутно пронеслись передо мною, и я прочелъ на нихъ страшныя слова: бѣдность и труженичество... Послѣ мнѣ передали дѣти, что наша кухарка посовѣтовала матери Вани отдать сына въ больницу, но та испугалась этой мысли и почему-то говорила, что тамъ живодеры, что Ваню тамъ уморятъ. Всего этого я никакъ не могъ понять въ то время...

Всѣми силами началъ я стараться вытягивать деньги отъ мадамъ Шморбратенъ и кормить Ваню. Это было не легко сдѣлать, такъ какъ хозяйка безъ разбору тратила на свои потребности и платимыя за насъ деньги, и деньги, оставленныя на наши прихоти и порученныя на сбереженіе ей. Часто она не давала требуемой суммы только потому, что у нея не было ни гроша. Я спорилъ, требовалъ и считалъ теперь почти своею обязанностью, своимъ долгомъ добывать для Вани деньги, точно его мать своимъ ласковымъ взглядомъ купила мою душу для своего сына...

Въ школѣ между тѣмъ случилась скверная исторія. У одного ученика пропали всѣ книги. Оказалось, что ихъ укралъ другой ученикъ, *муходавъ*, прозванный такъ потому, что любимымъ его занятіемъ въ классѣ была ловля мухъ, которымъ онъ съ звѣрскою радостью надѣвалъ на шею петлю изъ нитки и давилъ ихъ. Это былъ сынъ какого-то бѣднякаремесленника, являвшійся въ школу съ синяками подъ глазами отъ отцовскихъ затрещинъ и презираемый всѣми за свою грязную физіономію и рваную одежду.

Муходавъ, какъ узнали при допросѣ, продалъ книги букинисту, чтобы купить себѣ ѣды... «Фи, какой гадкій человѣкъ, этотъ господинъ букинистъ!—думалъ я.—Онъ купилъ украденныя книги. И что̀ такое букинистъ? Неужели это тоже чинъ, какъ и благодѣтель?» Я попросилъ одного изъ товарищей разсказать мнѣ, что̀ значитъ букинистъ, и къ концу его объясненія уже сіялъ. Я нашелъ новое средство купить Ванѣ сахару и булокъ; у меня были двѣ книги съ картинами, ихъ подарилъ мнѣ баронъ, нужно ихъ продать и будутъ деньги. «Вѣдь онѣ мнѣ подарены, я ихъ не укралъ, я могу ихъ продать», разсуждалъ я. Первый разъ въ эти три года жизни въ Петербургѣ совершилъ я одинъ далекое путешествіе на Толкучій. Многолюдныя улицы, магазины, снующіе экипажи—все это удивляло меня и, глазѣя на новые предметы, я получалъ сотни толчковъ, но храбро выдержалъ ихъ, и только иногда мысль о томъ, что я могу заблудиться, остаться совершенно одинокимъ во всемъ городѣ, заставляла меня вздрагивать и оборачивать голову назадъ, чтобы запомнить дорогу. Наконецъ, я дошелъ до цѣли своего путешествія. Раза четыре прошелся я передъ лавчонкой, надъ которой красовалась сдѣланная углемъ на доскѣ надпись: «купля и продажа поддѣржанныхъ книгъ?» Наконецъ, я рѣшился войти, чтобы избавиться отъ какого-то мальчишки, державшаго меня за шинель и звонко выкрикивавшаго подъ моимъ ухомъ: «серебра не продаете ли? старое серебро покупаемъ!»

— Что тебѣ?—спросилъ меня красноносый, жирный старикъ, въ нахлобученной ватной шапкѣ съ наушниками и въ сальной синей чуйкѣ, похожей на халатъ, опоясанный кушакомъ.

Онъ читалъ въ это время замасленную, распухнувшую, какъ въ водяной, старопечатную библію.

— Книги,—отвѣтилъ я дрожащимъ голосомъ, выставляя изъ-подъ полы уголъ книги.

— Покажи!

Я вытащилъ тихонько книги изъ-подъ шинели. Старикъ неторопливо загнулъ уголъ въ библіи, взялъ мои книги, поправилъ на носу свои огромные очки въ мѣдной оправѣ и началъ перелистывать книги одну за другой, держа ихъ въ сторону, какъ дѣлаютъ косые, и послюнивъ предварительно грязные пальцы.

— Охъ, Господи Іисусе Христе!—вздохнулъ онъ и, положивъ книги, снова взялся за библію.

Я стоялъ въ мучительномъ ожиданіи.

— Укралъ, что ли?—грубо и вскользь спросилъ онъ, открывъ библію.

— Нѣтъ, это мои,—покраснѣлъ я.

— Что берешь?

— Что дадите.

— Твой товаръ.

Красноносый старикъ уже читалъ въ это время.

— Шестьдесятъ копеекъ,—отвѣтилъ я, соображая, что этой суммы достаточно для фунта сахара и булокъ, и не соображаясь съ настоящей цѣной моего товара.

— Сорокъ.

— Нѣтъ, шестьдесятъ.

— Ну, бери сорокъ пять, не то вотъ сведу къ отцу, онъ-тѣ вспоретъ сидѣнье!

— Мнѣ шестьдесятъ копѣекъ нужно,—захныкалъ я.

— Ну, убирайся, вотъ тебѣ полтинникъ!—швырнулъ онъ мнѣ деньги, снялъ очки, снова загнулъ уголокъ библіи и сталъ устанавливать купленныя книги. Я подобралъ мѣдь и убѣжалъ, радуясь, что продалъ шестирублевыя книги за пятьдесятъ копеекъ.

— Книги продаете? Баринъ, книги продаете?—крикнули мнѣ разомъ четыре голоса, и восемь рукъ схватили меня за шинель.—Къ намъ пожалуйте, мы сходно покупаемъ! ко мнѣ зайдите, вы у меня прошлый разъ продавали! Покажите, какія у васъ книги?

— Я ихъ продалъ,—жалобно отвѣтилъ я, теряясь отъ страха въ рукахъ этихъ людей.

— Зачѣмъ же-съ?—съ сожалѣніемъ и ироніей воскликнулъ кто-то изъ нихъ.

— На сахаръ денегъ надо,—съоткровенничалъ я, уже не помня, что̀ говорю.

— Ха-ха-ха!—захохотала толпа.—А на чай-съ не надо? На водочку, можетъ, требуется?

— Го-го-го! молодецъ!

— Пустите, пустите меня, никогда не буду!—зарыдалъ я.

— Чяго пристали, сволочь!—крикнулъ продавецъ желѣзнаго хлама.—Вороны проклятыя!

— Э, да ты, вѣрно, воришка! Сляпсилъ гдѣ-нибудь?—продолжали кричать букинисты.

— Ишь ты, а какой еще махонькій!—удивлялся кто-то.

— Мала птичка, да ноготокъ востеръ!

Я рванулся и пустился бѣжать.

— Держи его! го-го-г.!—раздалось за мною, но я летѣлъ и летѣлъ со всѣхъ ногъ, воображая, что за мною дѣйствительно гонятся эти добрые баловники, развлекающіеся разными шуточками.

— Щенокъ, поросенокъ, мозоль отдавилъ!—крикнулъ кто-то и вытрепалъ мнѣ ухо; потомъ я снова бѣжалъ, даже не взглянувъ, кто это соблаговолилъ вытрепать меня.

Не помню, какъ я прибѣжалъ домой, долго ли искалъ дорогу, у кого о ней спрашивалъ, кому еще отдавилъ мозоли, кто меня еще вытрепалъ, но только черезъ три недѣли я очнулся вполнѣ... Въ эти три недѣли мнѣ все казалось, что я бѣгу, и бѣгу, тщетно отыскивая себѣ уютнаго угла, что кто-то между тѣмъ неотразимо, нещадно давитъ меня, а до слуха долетаютъ жалобныя, надрывающія душу причитанья какой-то женщины, произносимыя ею ласкательныя слова и призыванье кого-то умершаго къ жизни, къ любви.

— Слава Богу! слава Богу!—шепталъ мнѣ благодѣтель, когда я очнулся:—тебѣ, кажется, лучше. Дитя мое, какъ ты меня напугалъ!—онъ взялъ мою исхудалую руку и поцѣловалъ ее. Я началъ плакать и просить прощенья.

— Ничего, ничего, не волнуйся! Забудь, если ты что-нибудь сдѣлалъ, только выздоравливай. Не хочешь ли ты чего-нибудь?

— Сахару для Вани купите,—вспомнилъ я.

— Хорошо, хорошо.

— Гдѣ онъ? Приведите его ко мнѣ, пусть онъ здѣсь пьетъ чай.

Благодѣтель ввелъ ко мнѣ ребенка... но это былъ не Ваня.

— Это не Ваня! Гдѣ Ваня?—взволновался я.

— Ваня умеръ,—отвѣтилъ благодѣтель и испугался, услышавъ истерическія рыданія.

— Я все слышалъ,—слышалъ, какъ плакала его мать, какъ его хоронили!—рыдалъ я, и дѣйствительно мнѣ стало ясно все то, что̀ за минуту казалось смутнымъ бредомъ болѣзни.

— Добрая, честная душа!—промолвилъ благодѣтель.

На одинъ изъ его орденовъ упала изъ глазъ слеза и исчезла между алмазами, пожалованными ему разными капитулами, какъ исчезаютъ вѣчныя звѣзды неба за дымомъ и блескомъ арлекински-пестрыхъ огней дымящаго фейерверка.

— Ради Бога, докторъ,—говорилъ онъ въ другой комнатѣ:—спасите его, онъ для меня все. Если онъ умретъ, я

не переживу этого... Вы только взгляните, какое это чудесное, доброе дитя!..

Въ его голосѣ было что-то молящее, что-то напоминавшее голосъ Ваниной матери, той простой, бѣдной кухарки, которая купила своимъ взглядомъ мою душу для своего сына.

V.

Медленно выздоравливалъ я и, по мѣрѣ выздоровленія, все больше и больше привязывался къ новому ребенку, поступившему на голодную смерть къ мадамъ Шморбратенъ, а черезъ него привязывался и къ благодѣтелю, носившему мнѣ деньги, сахаръ и булки для моего любимца и уже не говорившаго, что надобно заботиться объ одномъ себѣ. Это дитя сдѣлалось звеномъ, крѣпко связавшимъ насъ, и сдѣлало, какъ признавался черезъ долгіе годы самъ баронъ, моего благодѣтеля болѣе честнымъ, болѣе человѣчнымъ, чѣмъ былъ прежде.

Можетъ-быть, ему самому, важному, заслуженному, ни о чемъ не думавшему, холодно глядѣвшему съ высоты своего баронства на страданія глупой, трудящейся для другихъ толпы, было странно носить булки одному ребенку по просьбѣ, почти по приказанію другого ребенка, но онъ носилъ и былъ счастливѣе въ эти минуты, чѣмъ въ тѣ дни, когда его имя появлялось въ газетѣ, и міръ узнавалъ, что за его заслуги онъ получилъ такой-то чинъ, его сердце было счастливѣе теперь, чѣмъ въ тѣ минуты, когда онъ шелъ по мягкимъ коврамъ въ будуаръ чужой жены-красавицы и гордо улыбался при мысли о сокрушающей всякія добродѣтели, о покупающей всякія наслажденія, о глумящейся надъ всѣми законами силѣ золота и происхожденія... Все чаще и откровеннѣе были мои ласки при встрѣчѣ съ барономъ, и все рѣже являлся онъ холоднымъ бариномъ; нерѣдко прорывались въ немъ чувства, какія могутъ проглядывать только въ отношеніяхъ отца къ любимому сыну.

— Не хочешь ли ты перемѣнить квартиру? — спросилъ онъ меня, когда я поправился совсѣмъ.

— Нѣтъ, но мнѣ хотѣлось бы имѣть отдѣльную комнату.

— Какъ же это сдѣлать?

— Мадамъ Шморбратенъ хочетъ отказать своему жильцу-чиновнику,—сказалъ я.

Баронъ условился съ хозяйкой, и у меня явилась особенная комната, явились карманныя деньги, а вмѣстѣ съ ними явилось и гражданское чувство, котораго я и не подо-

зрѣвалъ въ себѣ, находясь въ Маріеназилѣ и голодая первое время въ домѣ госпожи Шморбратенъ. Мнѣ теперь хотѣлось выказать ясно свое превосходство надъ нею, свое презрѣніе къ ней, хотѣлось обращаться съ нею, какъ обращалась она съ кухаркой, съ матерью Вани.

— Что она—нищая, дрянь!—говорилъ я съ жёлчью своимъ товарищамъ про хозяйку. — Она безъ нашихъ денегъ съ голоду умерла бы со своими тощими дочерями! Она имъ приданое шьетъ изъ нашихъ денегъ. У нея гроша за душой нѣтъ, все наше, и очень намъ нужны ея распоряженія и наставленія.

И — странное дѣло! — теперь меня слушали, какъ оракула, у меня явились друзья-сообщники, съ которыми я былъ ласковъ, но которыхъ уже не уважалъ въ душѣ, какъ не уважалъ хозяйку за ея грубое обращеніе съ бѣдными: это чувство неуваженія къ людямъ было еще смутно, но оно уже было. Я не стѣснялся держать друзей на посылкахъ, заставлять ихъ подсматривать за разными продѣлками хозяйки. Черезъ нѣсколько мѣсяцевъ всѣ мои друзья сдѣлались врагами нашей правительницы, и рѣшили, что эти проклятыя нѣмки кормятъ насъ плохо, что надо поднять общее возстаніе и покорить враговъ. Въ одинъ прекрасный день планъ атаки былъ составленъ. Съ утра все юное населеніе дома поднялось въ воинственномъ настроеніи духа.

— Фрицъ, — обратилась мадамъ Шморбратенъ: — велите Катринѣ подавать чайную машину.

— У меня дѣла много, мнѣ некогда, — отвѣтилъ гробовымъ голосомъ Фрицъ или Федя, какъ онъ называлъ теперь себя, чтобы не быть смѣшаннымъ съ нѣмецкими врагами.

— О, мама, я велю подать чайную машину!—вступилась старшая дѣвица Шморбратенъ.—Этому Фрицу некогда, онъ другихъ хочетъ заставлять за себя дѣлать дѣло.

— Я деньги плачу!—глухимъ, замогильнымъ тономъ отвѣтилъ Федя.

— О, мама, этотъ Фрицъ упрекаетъ насъ деньгами! онъ думаетъ, что мы безъ него не можемъ жить. Пусть онъ переѣзжаетъ, если хочетъ.

— И переѣду!—мрачнымъ басомъ возразилъ Федя.

— Мама, мама, этотъ Фрицъ грубитъ!

— Грублю!—было роковымъ отвѣтомъ.

— Генсхенъ, наберите чашки,—приказала мадамъ Шморбратенъ.

— У меня мамаша русская, меня зовутъ Иваномъ! —

жиденькой фистулой и скороговоркой отрапортовалъ Генсхенъ.

— У васъ все глупости на умѣ! Ступайте за чашками.

— Напишите за меня латинскій переводъ.

— Это еще что̀ вы выдумали, развѣ я учусь въ школѣ?

— А развѣ я служу въ кухаркахъ?

— Я вамъ приказываю набрать чашки!

— А учитель мнѣ приказываетъ латинскій переводъ дѣлать.

— Я буду жаловаться на васъ пастору.

— А я напишу мамашѣ, что вы мнѣ латинскихъ переводовъ не позволяете дѣлать, я и инспектору, и директору, и учителю, всѣмъ пожалуюсь!—звонко кричалъ Генсхенъ.

— Лиза, набирай чашки!—приказала мадамъ Шморбратенъ дочери, зная, что Генсхенъ, подобно своей maman-аристократкѣ, по званію министерской экономкѣ, какъ она называла себя, или ключницѣ, какъ ее называли другіе, былъ охотникъ до жалобъ.

— О, мама, бѣдная мама!—убивались картофельныя дѣвицы Шморбратенъ и стали набирать чашки.

Пришло время обѣда. Подали габерсупъ, — никто не сталъ его ѣсть. Подали армериттеръ—никто не дотронулся и до армериттера. Ясно, что онъ отжилъ свой печальный вѣкъ, что теперь требовалось нѣчто болѣе положительное.

— Вы будете голодны, себѣ же хуже,—сказала хозяйка.

— Мы уже написали роднымъ, что насъ не кормятъ,—отвѣтили пансіонеры.

— Мало ли, что̀ вы вздумаете написать, а я скажу и покажу: что я васъ кормлю!

— Нѣтъ, не покажете. Армериттера-то и габерсупа не покажете! Мы съ голоду больны. У меня голова болитъ,—сказалъ Федя.

— А у меня въ животѣ бурчитъ, вонъ послушайте!—захохоталъ Генсхенъ.

— О, мама, какія гадости говоритъ этотъ Генсхенъ.

Насталъ вечеръ. Всѣ лежатъ, никто не набираетъ чашекъ, никто не выливаетъ воды въ поганое ведро. На другой день никто не ѣстъ, то-есть потихоньку-то всѣ ѣдятъ накупленную въ булочныхъ провизію и дѣйствительно всѣ чувствуютъ себя нездоровыми отъ этой сухой ѣды. Всѣ требуютъ своихъ карманныхъ денегъ у мадамъ Шморбратенъ, которыя у нея издержаны, и пишутъ снова къ род-

нымъ. Къ вечеру являются различныя особы мужескаго и женскаго пола собрать справки о случившемся.

— Они просто взбунтовались, — говоритъ хозяйка: — я ихъ отлично кормлю. Это знаетъ самъ пасторъ Флитъ, нашъ докторъ Зейдлеръ и инспекторъ гимназіи Вороновъ, всѣ знаютъ.

— Что же это, въ самомъ дѣлѣ, братецъ?—спрашиваетъ отставной воинъ, дядя Феди.—Ты дурить вздумалъ! У насъ въ полку за это драли солдатъ.

— Помилуйте, дядюшка! Вонъ взгляните, я спряталъ нарочно отъ завтрака кусокъ бутерброда, онъ тоньше бумаги и колбаса воняетъ...

— Маловато, маловато, мадамъ!

— И габерсупы эти нѣмецкіе, дядюшка...

— Ну, это у насъ только въ лазаретѣ давали..

— Да вонъ баронъ Вицли-Пуцли нарочно взялъ отдѣльную комнату для своего воспитанника и велѣлъ его кормить особо, а вѣдь брюхо-то у насъ одинаковое.

— Это точно, мадамъ!

— Ахъ, Боже мой, если баронъ хочетъ на убой кормить своего воспитанника, то онъ за то вдвойнѣ и платитъ.

— А-а? вдвойнѣ? Видишь, Федя, онъ вдвойнѣ платитъ! — съ невообразимо-глупымъ видомъ сказалъ простодушный воинъ.

— Да здѣсь, дядюшка, одинъ уже умеръ съ голоду... Ужъ лучше къ мадамъ Пфанкухенъ переѣхать, та за ту же плату до-сыта кормитъ, — сказалъ Федя, знавшій, что госпожа Пфанкухенъ еще хуже кормитъ, такъ какъ пасторъ отдаетъ ей дѣтей, чтобы облегчить ея горькое существованіе, отравляемое все прошивающимъ мужемъ.

— А, ну такъ переѣзжай къ ней, ты бы, братецъ, такъ и говорилъ! — согласился воинъ, и вдругъ посторонился, чтобы уступить мѣсто какому-то, подобно молніи, влетѣвшему въ комнату существу, страшно шумѣвшему шелковымъ платьемъ, накрахмаленными юбками и еще болѣе страшно кричавшему:

— Гдѣ мой сынъ, гдѣ сынъ мой? Покажите мнѣ моего сына!

Съ этими раздирающими душу криками влетѣла къ намъ мамаша Генсхена и, увидавъ его розовенькое личико, повисла къ нему на шею.

— Голодомъ, голодомъ тебя морятъ, страдалецъ, сирота!

— Разстроиться изволили, сударыня!—вздохнулъ воинъ,

глядя, какъ шумно и вмѣстѣ съ тѣмъ граціозно опустилась на стулъ нервная барыня. — Вотъ и я своего племянника перемѣщаю къ другой мадамѣ.

— И я, и я! Да я государю жаловаться буду. Я у министра въ экономкахъ живу!.. Я лично, лично жаловаться буду! — кричала мамаша Генсхена. — Сына уморили, сына уморили!

— Да, сударыня, былъ у насъ въ полку тоже такой подлецъ-ротный, стервятиной, съ позволенья сказать, солдатъ кормилъ, такъ его, бестію этого...

— Жаловаться, жаловаться, — кричала экономка министра.—Я лично буду жаловаться, лично!

Начался шумъ, гамъ и, наконецъ, мадамъ Шморбратенъ объявила, чтобы подождали еще немного родственники воспитанниковъ и что она улучшитъ пищу.

— И, пожалуйста, не заставляйте ихъ ничего дѣлать; мой Жанъ не въ лакеи готовится,—вздернула голову мать Генсхена.

— Да-съ, и моего Федюху тоже не заставляйте. Оно, конечно, дѣло домашнее, но вы, съ позволенія сказать, чортъ знаетъ какія посудины выносить заставляете!—вступился воинъ.—Бѣда съ этими дѣтьми! — говорилъ онъ мамашѣ Генсхена, выходя отъ насъ.—Голову вскружатъ просто! Я не имѣю собственныхъ дѣтей, такъ какъ я холостой, а это племянникъ.

— Ахъ, не говорите, ужасно!—сдѣлала мамаша Генсхена глазки старому холостяку-воину.

— Мама, бѣдная мама!—восклицали дочери хозяйки по уходѣ посѣтителей. — О, эти неблагодарныя дѣти! Diese undankbare Kinder!

— Ахъ, если бы былъ живъ мой отецъ!—охала мадамъ Шморбратенъ.

Но историческій нѣмецъ мирно спалъ во гробѣ и не шелъ на помощь живымъ. Онѣ же отъ нечего дѣлать валялись въ обмороки и натирались нашатырнымъ спиртомъ.

VI.

На слѣдующій день вечеромъ къ намъ неожиданно — то-есть неожиданно только для насъ — явились инспекторъ Вороновъ и пасторъ Флитъ. Имъ подалась приличная закуска и начались жалобы на насъ. Послѣдовали увѣщанія.

— Мадамъ Шморбратенъ заступаетъ вамъ мѣсто ма-

тери,—началъ инспекторъ:—вы должны ее уважать и слушаться. Это вамъ скажетъ и господинъ пасторъ.

Пасторъ вдругъ вытянулъ лицо и сдѣлалъ важный видъ.

— Да,—произнесъ онъ нараспѣвъ.—Мадамъ Шморбратенъ честная вдова; она взяла на себя великій и святой трудъ воспитанія чужихъ дѣтей, приняла на себя обязанность матери. Взгляните на ея дочерей: это цвѣты, выросшіе подъ благодѣтельнымъ присмотромъ садовника въ вертоградѣ родительскаго дома. Послушаніе, прилежаніе, покорность составляютъ ихъ красоту, какъ яркія краски лепестковъ и ароматъ, созданные Богомъ, составляютъ украшенія полевого цвѣтка.

— Слушайте, слушайте, господинъ пасторъ говоритъ вамъ великія истины! — ввернулъ инспекторъ, а пасторъ сдѣлалъ скромное лицо.—Чего вы въ носу-то скоблите? Вы лучше слушайте...

— И кто не хочетъ украсить себя этими добродѣтелями, тотъ будетъ крапивой среди благоухающихъ цвѣтовъ христіанской семьи, составляющихъ прелесть и радость міра. Отъ него побѣжитъ каждый путникъ, боясь обжечь свое тѣло объ его мрачные, отверженные Богомъ листья.

Пасторъ сдѣлалъ лицо, выражавшее физіономію бѣгущаго отъ крапивы путника.

Я въ это время принялъ героическое рѣшеніе совершить подвигъ и черезъ нѣсколько минутъ удалился въ переднюю, гдѣ перочиннымъ ножомъ пропоролъ спинку пасторскаго пальто. Совершая этотъ подвигъ, я даже не покраснѣлъ, до того сильно кипѣла во мнѣ злоба на благодѣтельнаго человѣка, кормящаго вдовицу на счетъ сиротъ, обрекаемыхъ голоду, холоду, развращенію и униженіямъ.

Покровители закусили, изрекли еще нѣсколько поученій и пошли, довольные собой.

— Что это у васъ, господинъ пасторъ? — изумился инспекторъ, выходя за пасторомъ въ переднюю.

— Что такое?—спросилъ Флитъ.

— Дыра-съ!—развелъ руками инспекторъ.

Всѣ пришли въ смятеніе. Начался допросъ, усовѣщиванья, угрозы. Ничто не помогло.

— Да, мадамъ Шморбратенъ, вы должны отречься отъ этихъ дѣтей, какъ отрекается пастырь отъ паршивой овцы!—воскликнулъ Флитъ, съ кротостью и скорбью возводя очи къ потолку передней.

— А моя-то шинель, моя-то шинель! — кричалъ, какъ

зарѣзанный, инспекторъ, растягивая свою зеленую, фризовую шинель передъ публикой.

— Что?

— Въ помояхъ!

Всѣ бросились осматривать шинель. Оказалось, что она облита водою.

— О, погибшее юношество, что̀ ты дѣлаешь! — началъ Флитъ и воздѣлъ руки къ потолку, потомъ указалъ ими на юношество.—Ты думаешь погубить желающихъ тебѣ добра, но ты заблуждаешься въ ослѣпленіи порока. И пальто, — онъ ткнулъ пальцемъ въ пальто, — и шинель — здѣсь онъ указалъ на шинель, — вещи тлѣнныя, онѣ замѣнятся новыми, гораздо лучшими, но твоя добродѣтель, зарѣзанная тѣмъ же ножомъ, который рѣзалъ это пальто, загрязненная тою же грязною водою, которою заливалась эта шинель,— никогда, никогда не обновится! Ты не пальто рѣзало, не шинель марало—ты рѣзало и марало свою добродѣтель! О, придите, какъ блудные сыновья, къ своему отцу, да проститъ онъ васъ и дастъ вамъ возможность загладить ваши гнусныя дѣла!

Мы упорно молчали. Я удивился, кто это облилъ шинель инспектора, а Федя сквозь зубы бормоталъ: «дудки! покайся, чтобъ выдрали!»

— Вы не раскаиваетесь? Мадамъ Шморбратенъ, изгоните ихъ отъ себя,—настаивалъ Флитъ.

— О, да, да!—воскликнула глухо хозяйка.

— Васъ изгонятъ!—скрѣпилъ Флитъ и величаво удалился съ инспекторомъ.

Мадамъ Шморбратенъ не спала всю ночь и все хотѣла отречься отъ насъ, а дѣвицы Шморбратенъ все сожалѣли ее и охали о тягостномъ бремени ея обязанностей! Эта траги-комедія длилась до утра, и утромъ еще мадамъ Шморбратенъ имѣла слабую надежду на наше покаяніе, но ее поразила наша веселость и беззаботность.

— У меня нѣтъ болѣе силъ переносить отъ васъ мýки, мнѣ не по силамъ болѣе исполнять мои обязанности среди неблагодарныхъ дѣтей. Я должна бросить васъ на произволъ судьбы,—начала она голосомъ мученицы свое отреченіе отъ управленія нами.

— Такъ мы станемъ свои вещи связывать,—обрадовался Генсхенъ.

— Постойте, я васъ прощаю! — воскликнула мадамъ Шморбратенъ.

— О, добрая, добрая мама!—воскликнули картофельныя барышни.

— Нѣтъ-съ, мадамъ Шморбратенъ, зачѣмъ же? мы лучше переѣдемъ,—засмѣялся Генсхенъ.

— Я переѣзжаю,—утвердилъ басомъ Федя.

— И я тоже,—отвѣчалъ я.

— Дѣти, дѣти, я васъ такъ люблю!

— Да нѣтъ ужъ!—отвѣтили мы.

— О, останьтесь. Я васъ прошу, забудемте всю эту исторію.

Мадамъ Шморбратенъ зарыдала и, можетъ-быть, впервые это были искреннія слезы; передъ нею носился призракъ голода и, въ перспективѣ, долговое отдѣленіе. Вѣдь она только нами и жила, на наши деньги одѣвалась, откармливалась, благоденствовала. У ней не было ни одного гроша за душой.

— Бѣдная, бѣдная мама!

Намъ стало жаль хозяйку, а Федя шепталъ мнѣ:

— Простимъ ее, а то мнѣ не удастся съ Анхенъ видѣться!

Такъ мы ее и простили...

VII.

А баронъ все-таки перемѣстилъ меня на другую квартиру, узнавъ о послѣднихъ событіяхъ въ домѣ мадамъ Шморбратенъ. Нанялъ онъ мнѣ комнатку у господъ Епифанкиныхъ. Здѣсь впервые я познакомился съ семейной жизнью небогатыхъ людей. У мадамъ Шморбратенъ семейной жизни не было. Тамъ хозяйка была безграничной повелительницей, ея дочери покорными ея помощницами, получавшими въ награду за покорность приданое и сладкій кусокъ за столомъ, а мы, дѣти, приносили и свои деньги, и свою способность выливать грязную воду въ поганое ведро, и свою готовность геройски умирать на габерсупахъ. Тамъ были и свои покровители, въ лицѣ инспектора и пастора Флита, и свои доктора, готовые подтвердить авторитетомъ науки пользу армериттеровъ и постоянной діэты. Совсѣмъ другую жизнь встрѣтилъ я у Епифанкиныхъ. Это была семья въ полномъ смыслѣ. Состояла она изъ молоденькой госпожи Епифанкиной, ея тридцатилѣтняго мужа-чиновника и ея девятнадцатилѣтняго брата. Хозяйка постоянно была въ работѣ: то отпарывала отъ стараго платья аграманты и нашивала на него бахромки, аграманты же

нашивала на то платье, отъ котораго отпорола эти бахромки; то перешивала сборчатый лифъ и дѣлала изъ него гладкій; то перекалывала цвѣты подъ шляпкой съ лѣвой стороны на правую и вообще не имѣла минуты покоя, волнуясь при видѣ одежды новаго фасона. Братъ — юноша — третій годъ приготовлялся въ университетъ и потому постоянно просилъ у сестры, цѣлуя ея ручки, денегъ на папиросы и книги, что̀ заставляло сестру жаловаться всѣмъ на дороговизну и огромное количество книгъ, потребныхъ для поступленія въ университетъ.

— Ужасно, ужасно,—говорила она.—У насъ совершенно закрытъ путь въ университетъ для бѣдныхъ людей. Я счетъ этимъ книгамъ потеряла. И какъ не обратятъ на это вниманія? Чего же смотрятъ?

Слушатели вздыхали въ отвѣтъ на эти либеральныя рѣчи. Но меня болѣе всего занимали въ эти минуты мимическіе переговоры брата и мужа либеральной чиновницы. Глаза этихъ людей дѣлали другъ другу какіе-то уморительные знаки и послѣ нѣсколькихъ такихъ знаковъ братецъ откашливался.

— Да,—говорилъ онъ послѣ откашливанья:—вотъ и сегодня я попрошу у тебя, сестра, два рубля на химію.

— Да вѣдь ты недавно купилъ химію?—восклицала хозяйка.

— То другая химія, а теперь мнѣ эту нужно,—отвѣчалъ братъ.

Одобрительный кивокъ повторился вновь со стороны сообщника.

— Возьми,—вздыхала сестра.

Братъ бралъ деньги и фуражку.

— Ну, я пойду.

— Погоди, мнѣ тоже надо идти въ должность, сегодня и вечеромъ дѣло будетъ,—произносилъ сообщникъ и, цѣлуя у жены ручку, уходилъ.

— Ужасно, ужасно! — восклицала хозяйка. — Мой Петя просто отдыха не знаетъ, и день, и ночь въ работѣ. Теперь, вѣрно, до часу не придетъ. Какъ на это не обратятъ вниманія, я удивляюсь! Жалованье маленькое, а работы по-горло!

На другой день братъ и мужъ хозяйки обмѣнивались взглядами и, какъ только она выходила на мигъ изъ комнаты, шептали съ восторгомъ другъ другу:

— Ловко мы его нажгли!

— Ни одной партіи не взялъ.

— Да, чортъ возьми, славный былъ бы выигрышъ, еслибъ не дернуло меня велѣть подать пива.

— Ну, братъ, это не пиво виновато! Вотъ напрасно ты водки у буфета хлебнулъ.

— Сколько всего-то осталось у тебя?

— Чортъ знаетъ, мелочь какая-то.

При входѣ хозяйки разговоръ прекращался и продолжалась одна мимическая сцена. Братъ выпрашивалъ деньги на папиросы.

— Скверная привычка курить, — говорилъ онъ: — но я просто мыслей не могу собрать, сосредоточиться надъ книгой не могу безъ папиросы.

Сообщникъ одобрительно кивалъ головой, а его жена выдавала деньги. Комичнѣе всего было то, что деньги, вытягиваемыя у нея мужемъ при содѣйствіи третьяго лица и при помощи обмана, принадлежали вполнѣ этому мужу, составляя его жалованье. Впрочемъ, этотъ способъ имѣлъ ту хорошую сторону, что госпожа Епифанкина говорила всѣмъ, что ея мужъ ни одной копейки не беретъ изъ жалованья и все отдаетъ ей сполна. Вечернія его отлучки въ трактиръ были прикрываемы флагомъ «должностныхъ занятій» и потому тоже вызывали не гнѣвъ, а участіе супруги. Такимъ образомъ, она могла постоянно говорить свою любимую фразу:

— Это безчеловѣчно, какое малое награжденіе даютъ у насъ чиновникамъ и сколько труда отъ нихъ требуютъ. Такой образъ дѣйствія со стороны начальства способенъ убить медленною смертью человѣка. Да я бы и не перенесла нашихъ недостатковъ и моего постояннаго одиночества, если бы я не была счастлива въ семьѣ, если бы у меня былъ не такой мужъ!

Она дѣйствительно была счастлива и весело перешивала свои платья, поминутно примѣряя ихъ передъ зеркаломъ, загаженнымъ мухами. Обѣды, завтраки, покупка провизіи, уборка комнатъ и все тому подобное лежало на кухаркѣ и потому стоило довольно дорого и выглядѣло довольно дурно. Но маленькія непріятности не мѣшаютъ большому счастію. Семья была счастлива и весела. Какъ только получились деньги отъ барона, такъ тотчасъ же мои хозяева взяли ложу въ театрѣ и пригласили въ нее меня, чему я былъ очень радъ. Я впервые увидѣлъ, какъ люди другихъ людей представляютъ. Двадцать восьмого числа мѣсяца госпожа

Епифанкина послала мнѣ обѣдъ въ мою комнату; онъ былъ холодный.

— Отчего это супъ холодный?—спросилъ я у кухарки.

— Простылъ, пока изъ трактира несли.

— Какъ изъ трактира?

— Да у самихъ-то денегъ нѣтъ, такъ они безъ ѣды сидятъ; только для васъ и посылали.

Я удивился этому событію, и мнѣ очень было грустно, когда я вечеромъ замѣтилъ, что хорошенькіе глазки госпожи Епифанкиной красны отъ слезъ. На другой день, на третій, хозяева продолжали кормить меня обѣдами изъ трактира, а сами сидѣли на строгой діэтѣ. Зато перваго числа мы всѣ превесело неслись въ театръ, и госпожа Епифанкина была особенно мила. Такъ пошли мѣсяцы. Я сблизился съ семьей; иногда угревастый братъ хозяйки занималъ у меня деньги, иногда хозяйка особенно нѣжно смотрѣла на меня, что̀ заставляло меня конфузиться; нерѣдко, окончивъ приготовленія уроковъ, я просиживалъ съ нею вечера. Кто жилъ во дни своего дѣтства на хлѣбахъ въ чужой семьѣ, тотъ знаетъ, какъ быстро сближается мальчикъ съ чужими для него людьми. И какъ не сблизиться? Передъ нимъ извиняются, что сегодня обѣдъ не хорошъ; какъ домашнему человѣку, жалуются на негодную кухарку; онъ невольно дѣлается свидѣтелемъ семейныхъ стычекъ и узнаетъ тайны, вызывающія румянецъ на лицѣ хозяевъ; ему ставятъ горчичники ночью на заболѣвшее мѣсто; его спрашиваютъ на другой день: «ну, что, вашъ желудокъ поправился?» и онъ, краснѣя, отвѣчаетъ: «да, теперь, слава Богу, все хорошо!» Какъ же тутъ не сблизиться? Такъ-то постепенно, послѣ нѣсколькихъ дурныхъ обѣдовъ и горчичниковъ, сблизился и я съ семьею Епифанкиныхъ. Однажды—это было двадцать восьмого числа—хозяйка пришла ко мнѣ со слезами на глазахъ.

— Душа моя, милый мой Валерьянъ, я несчастная, несчастная женщина!—заговорила она.

Я растерялся отъ этого интимнаго тона, и мнѣ стало тяжело смотрѣть на молоденькое заплаканное лицо.

— У меня ничего, ничего нѣтъ, я не могу сегодня сготовить обѣда...

— Какъ же такъ?—спросилъ я, не зная, что̀ говорить.

— Не могу, не могу! Вотъ видите ли... О, другъ мой, какъ мнѣ тяжело говорить, если бы вы знали, какъ мнѣ тяжело говорить!.. Вы знаете, Базиль приготовляется въ

университетъ, ему книги нужны, отъ этого зависитъ его счастье, я не разсчитала, дала ему денегъ перваго числа, а теперь у меня ничего нѣтъ! Завтра я заложу что-нибудь, послѣднее платье продамъ, но сегодня... Ахъ, мнѣ стыдно на васъ смотрѣть!

— Что же, вы не плачьте, — сказалъ я: — у меня есть два рубля, я вамъ дамъ...

— Ангелъ! ангелъ!—воскликнула госпожа Епифанкина и скрыла свое лицо на моей груди.

Мнѣ было пренеловко, я не зналъ, куда дѣвать руки, и стоялъ, какъ палка, боясь пошелохнуться и растрепать курточкой прическу моего новаго друга. Наконецъ, она успокоилась и горячо поцѣловала меня въ лобъ.

— Вы мой другъ, мой братъ!—воскликнула она.

Я покраснѣлъ, какъ ракъ, и долго совѣстился выйти въ столовую, гдѣ подали *сухой обѣдъ*, купленный на мои деньги; за обѣдомъ я не смѣлъ взглянуть на госпожу Епифанкину, а она глядѣла на меня самыми нѣжнѣйшими глазами.

На другой день послѣ этого событія ея мужъ ушелъ въ восемь часовъ утра въ какой-то ломбардъ, и хозяйка все вздыхала за чаемъ. Перваго числа мы снова были въ театрѣ, двадцать восьмого госпожа Епифанкина снова рыдала въ моей комнатѣ на моей груди и заняла денегъ. Съ третьяго разу я совершенно привыкъ къ этому странному образу жизни, и мнѣ даже очень хотѣлось, чтобы миленькая хозяйка пришла въ мою комнату поплакать и разсыпать, подобно доннѣ-Аннѣ Пушкина, «кудри черныя на камень хладный», то-есть на мою грудь. Меня начинало волновать въ эти минуты какое-то сладкое чувство, еще совершенно непонятное для меня, такъ какъ я, несмотря на свои пятнадцать лѣтъ, былъ необыкновенно чистымъ, свѣжимъ созданіемъ.

— Какая у тебя хозяйка смазливая! не уступитъ моей Анхенъ, — сказалъ мнѣ однажды Федя, изрѣдка посѣщавшій меня.

Я весь покраснѣлъ.

— Ахъ, ты, красная дѣвушка!—воскликнулъ онъ.—Тебѣ сколько лѣтъ?

— Шестнадцатый.

— Ну, вотъ видишь ли! на этомъ году пора не краснѣть. Ты что читаешь?

— Крестовые походы!

— Дребедень! Ты Пушкина почитай, я тебѣ отмѣчу, что̀ читать. Пальцы оближешь!

При этомъ Федя лизнулъ свои.

Федя исполнилъ свое обѣщаніе и отмѣтилъ, что̀ читать, но тутъ пришли экзамены, и я не могъ взяться за Пушкина. Прошло это время, мнѣ минуло шестнадцать лѣтъ, и баронъ привезъ мнѣ первый сюртучокъ. Сто разъ смотрѣлъ я на себя въ зеркало въ этомъ новомъ нарядѣ. Госпожа Епифанкина назвала меня «душкой», и я дѣйствительно сознавалъ, что я очень недуренъ со своими розовыми щеками и вьющимися волосами. Мнѣ стало очень грустно, когда баронъ, пріѣзжавшій ко мнѣ ежедневно хоть на минуту, объявилъ, что я проведу лѣто у него на дачѣ, такъ какъ ему скучно безъ меня: семья Епифанкиныхъ стала мнѣ почему-то дорога...

VIII.

Я думалъ, что я попалъ въ очарованный за̀мокъ, когда передо мною открылись комнаты дачи барона, до того были онѣ великолѣпны. Его жена, женщина, говорившая всегда по-французски, обращавшаяся съ нимъ холодно, не обратила на меня никакого вниманія. Баронъ, въ свою очередь, не обращалъ никакого вниманія на свою дочь. Онъ и его жена говорили другъ другу *вы*, и когда онъ обращался къ прислугѣ, то говорилъ:

— Баронесса велѣла сдѣлать то-то и то-то.

Съ перваго взгляда можно было понять, что имѣніе принадлежитъ ей, что баронъ личность второстепенная въ домѣ. Мнѣ было довольно скучно въ этомъ обществѣ. Пріѣзжавшіе въ гости мальчики и дѣвочки смотрѣли на меня гордо и рѣдко играли и ходили со мною. Баронесса всячески старалась унизить и оскорбить меня. Одинъ разъ я нашелъ на окнѣ персикъ и съѣлъ его. Черезъ минуту меня позвали къ баронессѣ.

— Ты укралъ ея персикъ, — сказала она, указывая на свою дочь.

— Нѣтъ съ,—попробовалъ я для чего-то солгать.

— Негодный мальчишка, ты лжешь! Она видѣла.

— Я... я не зналъ.

— Становись въ уголъ!—приказала баронесса.

— Простите.

— Становись!

— Право, я...

— Иванъ,—позвонила баронесса слугѣ. — Отведи его въ уголъ.

Лакей взялъ меня за руку выше локтя и отвелъ въ уголъ. Я не плакалъ, но горѣлъ огнемъ. Черезъ четверть часа пріѣхалъ кто-то изъ сосѣдей и удивился, увидавъ меня въ углу.

— Что это съ молодымъ человѣкомъ?—засмѣялся онъ.

— Персики вздумалъ воровать.

— Фи!—гость сдѣлалъ гримасу.

Прошло еще четверть часа, пріѣхала какая-то барыня съ сыновьями, они были почти однихъ лѣтъ со мною.

Снова вниманіе гостей обратилось на меня...

— Скажите: что же, онъ всегда будетъ у васъ жить?—спросила барыня.

— О, нѣтъ!—отвѣтила хозяйка. — Я не знаю въ сущности, зачѣмъ онъ и теперь здѣсь гоститъ.

Мальчики перешептывались между собою, указывая на меня глазами, и смѣялись.

— Ступайте въ садъ!—сказала имъ мать и начала что-то тихо говорить хозяйкѣ, изрѣдка поглядывая на меня прищуренными глазами.

Ея благовоспитанные, отлично образованные сыновья гуляли между тѣмъ по террасѣ и, смѣясь, показывали мнѣ языки...

Я не вытерпѣлъ этой мучительной сцены и убѣжалъ изъ комнаты, рыдая, какъ безумный...

— Что съ тобой, что съ тобой? — воскликнулъ баронъ, только-что возвратившійся домой.

Я бросился къ нему на шею и разсказалъ все.

— Успокойся! Полно же, полно,—говорилъ онъ, не выдерживая моихъ слезъ.—Иди ко мнѣ въ комнату.

— Позвольте мнѣ уѣхать къ Епифанкинымъ.

— Какъ, ты хочешь оставить меня?

— Да, у меня нѣтъ больше силъ терпѣть: безъ васъ меня здѣсь всѣ, всѣ оскорбляютъ... Я убѣгу!..

— Полно, полно! Я буду брать тебя съ собою, ты не будешь оставаться здѣсь одинъ.

— Но...

— Подожди, подожди, я тебѣ все разскажу,—произнесъ онъ взволнованнымъ голосомъ, видя мое упорное желаніе оставить его домъ.

Я просидѣлъ въ его комнатѣ все остальное время дня, туда мнѣ и обѣдать подавали.

Наконецъ, пришелъ баронъ. Боже мой, Боже мой, что я открылъ въ этотъ день! У меня голова закружилась, духъ занялся. Я нашелъ отца, у меня былъ отецъ, какъ у всѣхъ другихъ людей, я не отъ Маріеназиля родился! И какой добрый мой отецъ, какъ онъ меня любитъ! Отчего же я никогда не ласкалъ такъ откровенно, такъ горячо барона-благодѣтеля, какъ ласкалъ теперь барона-отца?

— Другъ мой, я не могу болѣе жить безъ тебя, — говорилъ баронъ: — я измученный, несчастный человѣкъ, мнѣ нуженъ любящій сынъ. Онъ долженъ быть близко меня, долженъ быть моею поддержкою. Я съ каждымъ днемъ все больше и больше привыкалъ къ тебѣ, все сильнѣе любилъ тебя; теперь не видѣть тебя или видѣть рѣдко—нѣтъ силы.

— Но отчего же мать меня не любитъ?—спросилъ я.

— У тебя нѣтъ матери,—промолвилъ баронъ,-проводя рукою по лбу, гдѣ выступилъ потъ.

— А баронесса? развѣ она...

— Она не мать тебѣ. Ты не поймешь теперь этого, но ты не можешь называть при другихъ и меня своимъ отцомъ...

Я опустилъ голову.

— А другихъ родныхъ у меня нѣтъ?

— Нѣтъ... то-есть да, но дальніе...

— Я хочу ихъ видѣть.

— Нѣтъ, этого нельзя; то-есть...

Баронъ затруднялся и, несмотря на свои сорокъ два года, краснѣлъ.

— Не будемъ говорить объ этомъ, мнѣ сегодня не по себѣ...

Онъ тихо опустилъ голову на грудь, я припалъ къ его плечу, и такъ просидѣли мы въ сладкомъ и грустномъ полузабытьѣ до поздней ночи, не говоря ни слова и наслаждаясь какимъ-то чуднымъ затишьемъ. Баронъ, кажется, забылъ бурную сцену, происходившую въ этотъ день между нимъ и женою изъ-за меня... Я остался жить у него на дачѣ, и меня перестала тревожить холодность баронессы, перестали язвить насмѣшки ея знакомыхъ, видѣвшихъ меня въ углу. Я даже презиралъ ихъ, сознавая, что я важнѣе ихъ, какъ сынъ барона. Голова моя поднималась все выше и выше, я надменно сталъ появляться на гуляньяхъ объ руку съ отцомъ, украшеннымъ орденами. Мнѣ было весело, когда прохожіе заглядывались на нашъ экипажъ, когда важные друзья, сверстники отца, прежніе его собратья по кутежу, называли меня молодцомъ и говорили съ лукавой и добродушной улыбкой:

— Вотъ такими-то и мы были молодцами!

— Да, братъ, прошло то время!—улыбался баронъ, полугрустно вздыхая.

— А сходство поразительное.

Баронъ ласково и привѣтно пожималъ ихъ руки.

Потомъ начинался шопотъ о моей будущности и давались обѣщанія вывести меня въ люди.

— Ты привози его зимой къ намъ, мои шалопаи будутъ ему рады,—говорилъ потомъ одинъ изъ этихъ господъ въ густыхъ эполетахъ.—Ты давно бы познакомилъ ихъ!

— Спасибо, спасибо,—отвѣтилъ баронъ.

И онъ, и я въ глубинѣ души мечтали о моей блестящей будущности, о моей дружбѣ съ сыновьями этихъ важныхъ людей, гораздо болѣе важныхъ, чѣмъ кружокъ баронессы, не любившей старыхъ товарищей мужа.

IX.

Жены и сыновья старыхъ товарищей барона встрѣтили меня очень радушно, когда я сталъ посѣщать ихъ дома зимою. Жены видѣли во мнѣ интересный плодъ юной несчастной любви, сыновья—молоденькаго, прямодушнаго и ловкаго товарища. Начались балы, ѣзда по театрамъ, катанья по Невскому на лихихъ саняхъ. Я началъ втягиваться въ эту безпутно-веселую, опьяняющую жизнь. Баронъ видѣлъ меня постоянно веселымъ и не размышлялъ о томъ, къ чему ведетъ это веселье; его радовала одна мысль, что его сынъ находитъ друзей и покровителей въ томъ кругу, гдѣ вращается онъ самъ. Часто, возвратившись изъ театра, я лежалъ на постели и, отуманенный всѣмъ видѣннымъ мною блескомъ, не могъ уснуть отъ волненія. Въ эти минуты я принимался за чтеніе Пушкина и тѣхъ книгъ, взятыхъ изъ школьной библіотеки, на которыхъ мудрые нѣмцы-наставники написали: Nicht für die Mädchen. Уже давно занимала насъ, мальчиковъ, эта таинственная надпись, и теперь я искалъ ключа для разъясненія загадки: отчего эти книги не для дѣвочекъ? что̀ такое дѣвочки? Гармонія стиховъ, яркія картины, намеки на что-то непонятное для меня, все уносило мое воображеніе куда-то далеко, и юное сердце волновалось новыми чувствами!

— Любовь, любовь,—что̀ такое любовь?—спрашивалъ я у себя.

— Другъ мой, другъ мой, у меня опять нѣтъ денегъ,—

говорила мнѣ на другой день со слезами миленькая госпожа Епифанкина, все еще считавшая меня ребенкомъ.

— Полноте плакать,—отвѣчалъ я, краснѣя, и робкой рукой бралъ ее за талью. Теперь такое положеніе казалось мнѣ болѣе удобнымъ, чѣмъ стоянье передъ плачущей женщиной въ видѣ неподвижной палки.

— Ахъ, мнѣ такъ стыдно, такъ стыдно за нашу бѣдность!—восклицала она.

— Пустяки! Вѣдь у меня же есть деньги! Располагайте ими! Вѣдь вы меня называете братомъ, значитъ, вамъ нечего и стыдиться,—уговаривалъ я ее.

— Доброе, милое дитя!—восклицала она и цѣловала меня въ лобъ. Я весь вспыхивалъ.

Въ одинъ изъ такихъ дней я, во время ея поцѣлуя въ лобъ, быстро поднялъ голову и звонко поцѣловалъ госпожу Епифанкину въ губы. Она испугалась, взглянула на меня съ упрекомъ и, пожавъ мою руку, торопливо вышла изъ комнаты. Я бросился на постель и скрылъ смѣющееся, горящее румянцемъ лицо въ подушку. Мнѣ хотѣлось и прыгать, и хохотать, и сообщить кому-нибудь мою *тайну*. За обѣдомъ я потуплялъ глаза передъ нею и передъ ея мужемъ, считая себя преступникомъ въ отношеніи его и боясь, что онъ откроетъ мои замыслы и вызоветъ меня на дуэль. По окончаніи обѣда онъ разными таинственными телеграфическими знаками отозвалъ меня въ сторону. Я струсилъ не на шутку.

— Мнѣ нужно съ вами поговорить,—шепнулъ онъ мнѣ.— Ступайте въ вашу комнату, я приду туда.

Меня схватила дрожь, но я повиновался и ждалъ у себя соперника.

— Вы меня извините,—сказалъ онъ, входя ко мнѣ и запирая за собой дверь:—но я нахожусь въ такомъ положеніи, что долженъ объясниться съ вами.

— Что... что вамъ угодно?—дрожащимъ голосомъ спросилъ я.

— Денегъ!—отвѣтилъ онъ.—Я нахожусь въ такомъ положеніи...

— Извольте, извольте!—поспѣшилъ я перебить его и въ то же время подумалъ: «фи, какой онъ гадкій!»

— Благодарю, молодой человѣкъ! Надѣюсь, что это останется между нами, что вы не скажете этого моей женѣ.

— Нѣтъ-съ, зачѣмъ же,—проговорилъ я и чувствовалъ, что мой страхъ прошелъ. Я вполнѣ былъ увѣренъ въ эту минуту, что мой *соперникъ* не опасенъ, и сталъ строить

разные планы, никакъ не воображая, что сущность и свойство этихъ плановъ вполнѣ доказывали, насколько я неопытенъ и еще чистъ въ дѣлахъ жизни.

— Il est charmant, cet enfant!—говорили между тѣмъ мои покровительницы-барыни, когда я появлялся по вечерамъ у пріятелей отца.

— У него славные, задумчивые глаза,—шептали другіе.

— И этотъ румянецъ юности—просто восхитителенъ! Что̀ можетъ быть лучше его?—восхищались третьи.

Дѣйствительно, въ эти дни мои глаза были какъ-то задумчивы и, между тѣмъ, блестѣли и сверкали изъ-подъ рѣсницъ лихорадочнымъ блескомъ. Дѣйствительно, въ эти дни мои щеки горѣли огнемъ здоровья, юности и страсти. Но—Боже мой—слѣдовало ли радоваться этой внезапно вспыхнувшей красотѣ? Однако, люди восхищались ею, самъ отецъ долго и пристально смотрѣлъ на меня и улыбался довольною улыбкою.

— Онъ формируется, братъ,—говорили ему.

— Да, быстро растутъ дѣти!—отвѣчалъ баронъ со вздохомъ.

— Ну, тебѣ вздыхать нечего,—это будетъ лихой юноша!

А мои сверстники шептали мнѣ въ углу:

— Нравится тебѣ моя кузина?

— Видѣлъ ты во французскомъ театрѣ NN въ мужскомъ костюмѣ?

— Нѣтъ, подожди, я тебя кое-куда свезу, когда тебѣ стукнетъ семнадцать! Скажешь спасибо!—восхищался одинъ лицеистикъ.

Я ждалъ семнадцати лѣтъ. «Скоро, скоро придутъ они, желанные годы!—думалось мнѣ.—И для чего ждать ихъ? Я и теперь совсѣмъ большой!» Точно, я былъ большой по росту, по мужественной силѣ; но вся предыдущая жизнь, несмотря на свою пошлость и безпутность, не успѣла развратить меня, и только теперь, опьяненный блескомъ, закружившійся въ вальсахъ, зачитавшійся стиховъ, я начиналъ приближаться робкими шагами къ той пропасти, которую называютъ развратомъ. Но покуда я еще не опустился въ нее, и самое мое стремленіе къ любви было юношески чисто, граціозно,—это было начало весенняго праздника. Прекрасны эти праздники! Солнце заливаетъ своими дѣвственными лучами пробуждающуюся землю; освобожденная рѣка плещетъ разлившимися волнами; на поляхъ и въ лѣсу пробивается первая, яркая зелень; въ тихомъ воздухѣ звучно

раздаются веселыя пѣсни и щебетанье птицъ, несутся металлическіе звуки благовѣста; народъ, въ праздничной одеждѣ, идетъ въ ближайшій храмъ; все торжественно и стройно. Но подождите, вы еще услышите въ этотъ день не одну молодую, чудесную пѣсню, полюбуетесь не на одну полную любви парочку людей, и все-таки вечеромъ свѣтлый пиръ перейдетъ въ оргію; пьяные крики, грязныя сцены непремѣнно отравятъ въ васъ чувства, пробужденныя праздничнымъ утромъ, и, можетъ-быть, возвращаясь домой подъ проливнымъ дождемъ, подъ холоднымъ вѣтромъ, обрывающимъ свѣжую зелень, вы увидите, какъ помутившіяся бурныя волны разлившейся рѣки уносятъ обезображенный въ дракѣ трупъ пьянаго гуляки... Но кто же изъ людей заглядываетъ впередъ? Кто станетъ тревожиться, что граціозный юноша съ искрящимися глазами и яркими щечками уже стоитъ на краю пропасти?

Я сталъ угождать госпожѣ Епифанкиной, началъ читать ей вслухъ любимыя мною стихотворенія, радовался уходу ея мужа и брата, краснѣлъ передъ ними, робко и украдкою пожималъ ей руки и ждалъ съ нетерпѣніемъ, когда ей понадобятся деньги. Она, молоденькое, вѣтреное, скучающее въ одиночествѣ существо, играла со мною, какъ кошка съ мышкой. Ей было весело принимать мои робкіе поцѣлуи и играть послѣ роль испуганной невинности, потуплять глазки и краснѣть милымъ румянцемъ. Все это было ей тѣмъ болѣе пріятно, что не представляло никакой опасности для нея: я былъ еще такой ребенокъ! Послѣ одного изъ поцѣлуевъ я катался съ однимъ изъ своихъ новыхъ друзей. Сильныя ощущенія, легкій морозъ солнечнаго мартовскаго дня, быстрая ѣзда, возбуждающіе разговоры, все это необыкновенно оживило меня. Я пріѣхалъ домой съ сіяющимъ лицомъ и въ томъ состояніи, когда юноша готовъ броситься каждому встрѣчному на шею. У меня въ комнатѣ ходилъ изъ угла въ уголъ баронъ.

— А, пріѣхалъ!—промолвилъ онъ.

— Здравствуй, папа!—обнялъ я его и поцѣловалъ нѣсколько разъ звонкими поцѣлуями. — Какъ чудесно мы катались съ Мишелемъ, у него новый рысакъ, знаешь, вороной...

— Послѣ, послѣ, дитя мое!—прервалъ баронъ дрожащимъ голосомъ.

Я взглянулъ на его лицо, оно было блѣдно и озабочено.

— Что̀ съ тобой, папа,—взволновался я.

— Ничего особеннаго... Такъ... Раздѣвайся, намъ нужно поговорить.

Я поспѣшно снялъ пальто и сталъ ходить по комнатѣ рядомъ съ отцомъ. Мы были почти одного роста; моя фигура, мое лицо были олицетвореніемъ молодости, здоровья и силы; все его существо, напротивъ того, носило слѣды преждевременнаго истощенія, тяжелой печали и заботъ. Довольно долго онъ не говорилъ ни слова и, кажется, собирался съ силами.

— Мнѣ нужно объясниться съ тобою,—началъ онъ наконецъ.—Ты не ребенокъ, ты долженъ узнать нѣкоторыя вещи. Можетъ-быть, лучше было бы ихъ не знать, но обстоятельства заставляютъ открыть передъ тобою все теперь же. Ты долженъ выслушать мою исповѣдь...

— Папа, что же ты передо мною-то хочешь исповѣдываться?—полу-шутливо, полу-лукаво улыбнулся я, еще не оправившись отъ своего праздничнаго настроенія духа и отчасти желая вызвать улыбку на лицо отца.

— Да, мой другъ, плохо, что приходится исповѣдаться не въ постъ и не передъ священникомъ, а передъ своимъ собственнымъ сыномъ,—серьезно и задумчиво произнесъ онъ.—Но глупая, безсмысленная жизнь довела и до этого... Собери свои силы, ты услышишь горькія вещи...

Я постарался сдѣлаться серьезнымъ.

X.

— Во время моей молодости я любилъ одну молоденькую женщину, она тоже полюбила меня,—началъ баронъ, а я подумалъ: «это такъ же, какъ мы съ Епифанкиной любимъ другъ друга».—Я хотѣлъ на ней жениться. Я былъ безпутный, ни о чемъ не думавшій кутила и увлекъ ее, не разсчитавъ, что мой отецъ никогда не согласится на этотъ бракъ и въ случаѣ моего неповиновенія можетъ лишить меня всего имущества, безъ котораго я не могъ существовать, не умѣя трудиться. Отецъ дѣйствительно возсталъ противъ моего желанія. Онъ сказалъ, что онъ выбралъ мнѣ богатую невѣсту, что для поправленія разстроенныхъ обстоятельствъ я долженъ согласиться на этотъ бракъ, и обѣщалъ позаботиться о любимой мною женщинѣ, такъ какъ ея родители хотѣли жаловаться на меня...

— За что же, папа? развѣ любить нельзя?—испугался я, вспомнивъ свою любовь къ Епифанкиной.

— Да, да, ты еще совсѣмъ дитя!—потеръ баронъ свой

лобъ; его, кажется, терзала неотразимая необходимость исповѣди.—Вотъ видишь ли, эта дѣвушка готовилась быть матерью. Я постыдно покорился волѣ отца. Я, какъ негодяй, какъ преступникъ, сталъ избѣгать любимой женщины, оставивъ ее въ жертву торгующихся насчетъ ея родителей. Ее отдали замужъ за чиновника, служившаго подъ начальствомъ моего отца. Черезъ нѣсколько мѣсяцевъ у нея родился сынъ... Я въ это время былъ уже женатъ. Чиновникъ, взявшій за себя бѣдную женщину, сталъ требовать отъ меня денегъ на воспитаніе ребенка, сталъ принуждать жену ходить ко мнѣ съ просьбами о помощи. Чтобы избавить себя отъ стыда видѣть эту страдающую женщину и ее отъ горькой необходимости выпрашивать у меня деньги, я принужденъ былъ взять своего сына, отдать его въ чужія руки и назначить ежемѣсячную плату негодяю-чиновнику. Онъ, когда у него, такимъ образомъ, увеличились средства, началъ пить и кутить. Его выгнали изъ службы. Онъ все нахальнѣе и нахальнѣе требовалъ отъ меня денегъ. Я могъ не давать ихъ ему, но онъ могъ отмстить мнѣ за это, тираня жену и взявъ къ себѣ моего сына, носившаго его фамилію, считавшагося его законнымъ ребенкомъ. Я былъ дрянной человѣкъ, можетъ-быть, я рѣшился бы отдать на жертву негодяю этихъ людей, если бы я самъ былъ счастливъ. Но я не былъ счастливъ. Жена моя не любила меня, она своимъ богатствомъ сковала меня, она позорно обманула меня... Какъ?—тебѣ этого не нужно знать,—но это была гадкая, гнусная, бездушная женщина! И чѣмъ хуже были ея поступки, тѣмъ сильнѣе уважалъ я жертву моей подлости, тѣмъ болѣе стыдился встрѣчаться съ нею и тѣмъ сильнѣе любилъ своего сына...

Баронъ остановился и отеръ потъ со своего лба. Его лицо было измученнымъ, страдальческимъ.

— Такъ шли годы,—продолжалъ онъ.—Теперь приходитъ развязка... Чиновникъ требуетъ, чтобы его сынъ жилъ у него, и не хочетъ выдавать ему паспорта. Онъ говоритъ, что онъ не хочетъ, чтобы деньги, платимыя мною за содержаніе этого мальчика, шли въ чужія руки. Онъ говоритъ, что на эти деньги можетъ онъ и кормить мальчика, и содержать свою семью. Онъ требуетъ, чтобы его сынъ жилъ у него. Я попробовалъ запугать его тѣмъ, что я не стану платить за своего сына, онъ отвѣтилъ: «Такъ что-жъ такое? Я его опредѣлю на службу, пусть кормитъ родителей трудами рукъ своихъ, нечего ему философіи набираться!..» Это погибшая,

низкая, наглая личность. Онъ знаетъ, что я сжился съ своимъ сыномъ, что я не могу безъ него жить, и пользуется своею властью...

Баронъ умолкъ. Я дрожалъ, какъ въ лихорадкѣ, и думалъ. Раздумье продолжалось довольно долго; мнѣ трудно было начать говорить.

— Отецъ, это моя исторія?—прошепталъ я, собравшись съ силами.

— Твоя!—отвѣтилъ отецъ, стараясь не встрѣчать моего взгляда.

— Когда же я переѣзжаю туда?—глухо спросилъ я черезъ минуту.

Баронъ схватился за голову и опустился на кресло; онъ, кажется, плакалъ. Я стоялъ у стола съ поникшей головой и вертѣлъ пуговицу у своего сюртучка. Мой лобъ былъ нахмуренъ, лицо было сурово, я не находилъ на своемъ языкѣ ни одного привѣтнаго слова для утѣшенія отца. Мои плечи и грудь судорожно вздрагивали, сначала рѣдко, потомъ чаще и сильнѣе; наконецъ, въ горлѣ начались спазмы, дыханіе сдавило и вдругъ въ истерическихъ рыданіяхъ я во весь ростъ грохнулся на полъ. Когда я очнулся, то около меня суетились баронъ и хозяйка, вспрыскивавшіе меня водою; воротъ моей рубашки, былъ разстегнутъ, волоса въ безпорядкѣ. Хозяйка вышла, увидавъ, что я пришелъ въ себя.

— Милый мой, прости меня!—говорилъ отецъ.

— Охъ, какъ тяжело!—произнесъ я едва слышнымъ голосомъ и провелъ рукою по лбу, какъ бы желая удостовѣриться, что все происходившее было не сонъ.

— Ради Бога, пойми, что я плачусь теперь за ошибку молодости, что я всю жизнь старался загладить эту ошибку, что я сдѣлалъ все, что̀ было въ моихъ силахъ. Молодость неопытна, она увлекается, но потомъ приходится искупать увлеченія, терзаться всю жизнь, видя искалѣченныхъ нами людей. Мое воспитаніе не научило меня ничему во̀-время...

— Отецъ, оставь меня сегодня одного,—твердо сказалъ я.—Я на тебя не сержусь, я тебя—это видитъ Господь—очень, очень крѣпко люблю, но оставь теперь меня одного.

Баронъ опустилъ голову, взялъ шляпу и неровной походкой пошелъ къ дверямъ. Я смотрѣлъ ему вслѣдъ, онъ взялся за ручку двери, я видѣлъ, какъ дрожала его рука, не знавшая, куда толкнуть дверь—взадъ или впередъ. Дверь отворилась, и онъ съ порога обернулся на меня,—этого взгляда

я не выдержалъ, вскочилъ съ мѣста, подбѣжалъ къ отцу— и тысячи поцѣлуевъ покрыли его лицо.

— Спасибо, добрая, честная душа!—проговорилъ онъ и вышелъ вонъ.

Я заперъ дверь на ключъ и снова бросился на постель, спрятавъ голову въ подушку...

Если бы на восемнадцатомъ году можно было посѣдѣть отъ горя, отъ надрывающаго все существо человѣка горя, то за эту ночь я вѣрно сталъ бы сѣдымъ, потому что едва ли кто-нибудь перенесъ въ одно время столько различныхъ чувствъ, сколько перенесъ я тогда. Горе, злоба, раскаянье за что-то, ужасъ передъ будущимъ, проклятіе жизни, заставляющей страдать однихъ людей за ошибки другихъ, проклятіе ей за то, что она не предупреждаетъ этихъ ошибокъ, и не-то боязнь, не-то радость передъ будущей встрѣчей съ матерью—то доводили меня до бѣшенства, то вызывали тихія слезы и пламенныя молитвы. Сотни разъ бѣгалъ я изъ угла въ уголъ по комнатѣ, сжималъ кулаки, кричалъ: «не пойду къ нему!»—потомъ въ безсильной злобѣ, въ отчаяньи рыдая, падалъ на постель.

И какъ я пережилъ эту ночь!

XI.

Отъ Таврическаго дворца къ Смольному монастырю тянутся по обѣ стороны улицы, лишенной тротуаровъ, безобразнѣйшія казармы; за ними къ Невѣ стоятъ лѣсные дворы и идутъ какіе-то безыменные переулки съ поломанными, сгнившими заборами, съ лачугами, вросшими въ землю, стоящими криво, косо и бокомъ. Въ этихъ переулкахъ нѣтъ мостовой, нѣтъ тротуаровъ, рѣдко виднѣются даже мостки. Единственными экипажами появляются въ этихъ мѣстахъ телѣги и роспуски, увозящіе лѣсъ, да погребальныя дроги. Карета не появлялась въ этихъ мѣстахъ никогда, дрожки увязли бы тутъ въ грязи. Гнѣздятся здѣсь въ лѣтнее время мужики, пріѣзжающіе на баркахъ, и какіе-то отжившіе выродки человѣческаго рода, негодные ни на что, забытые всѣми, ждущіе своихъ похоронъ. Босые ребятишки снуютъ за щепками; спившіеся съ кругу родители шляются по переулкамъ большею частью по дорогѣ въ кабакъ или изъ кабака, на нихъ надѣты халаты и не надѣто фуражекъ, они одѣты *по-домашнему*. Полиціи нѣтъ и признаковъ, фонарей тоже. И что тутъ оберегать? Что освѣщать? Имущества всего этого населенія не достало бы иному барину, играющему въ карты,

на одинъ вечеръ... Въ этой-то мѣстности, въ одной изъ лачугъ, въ кухнѣ и комнатѣ, раздѣленной перегородкой, помѣщалась моя семья. Когда я отворилъ дрожащею рукою дверь въ родительское жилище, то меня обдало воздухомъ, пропитаннымъ сыростью, табачнымъ дымомъ, винными испареніями и гнилью. На полу возились двое грязныхъ ребятишекъ, у стола въ кухнѣ сидѣлъ небритый, худой человѣкъ съ отекшими глазами, одѣтый въ рваный халатъ, опоясанный чѣмъ-то въ родѣ веревки.

— А, здравствуй, сынокъ!—произнесъ онъ хриплымъ голосомъ и съ выраженіемъ цинизма.—Пора, давно пора было заглянуть къ своимъ, родителей вспомнить. Нечего чужимъ-то благодѣтельствовать! Ишь, фертъ какой!

Онъ перевернулъ меня передъ собою и дружески хлопнулъ по плечу. Я трясся всѣмъ тѣломъ. Въ эту минуту изъ комнаты вышла блѣдная, худая женщина, едва сохранившая остатки прежней красоты. Она невѣрной походкой и съ смущеніемъ подошла ко мнѣ. Я сотни разъ встрѣчалъ эту женщину въ церкви, сотни разъ удивлялся тому вниманію, съ которымъ она смотрѣла на меня. Одинъ разъ я даже говорилъ съ ней. Это было слѣдующимъ образомъ: она отъ самой церкви шла за мною и, когда я подходилъ къ своему дому, остановила меня вопросомъ:

— Вы въ этой улицѣ живете?

— Да,—отвѣтилъ я.

— Не знаете ли вы, гдѣ домъ господина...

Она не докончила фразы.

— Какого?—спросилъ я.

— Позвольте, я забыла, да—Иванова,—произнесла она первую попавшуюся на языкъ фамилію.

— Нѣтъ, не знаю,—сказалъ я.

Она начала извиняться и, повидимому, не хотѣла кончить разговора и не кончила бы его, если бы я не ушелъ... Теперь мнѣ стало все ясно, я кинулся къ ней. Не берусь описывать, что̀ происходило между нами. Мать совѣстилась, когда я цѣловалъ ея руки, она не могла прямо глядѣть на меня, и въ то же время тысячу разъ, избѣгая моего взгляда, разсматривала меня...

— Ну, нацѣлуетесь еще! Чего разрюмилась?—грубо произнесъ Малевинъ.—Что̀ у тебя только-то и есть всего движимаго? — обратился онъ ко мнѣ, указывая глазами на узелокъ.

— Какого движимаго?—спросилъ я.

— Извѣстно какого! Одежонки тамъ, что ли?

— Мои вещи принесутъ послѣ.

— Ишь ты, самъ не могъ притащить! Много ли платить-то будутъ за тебя?—спросилъ онъ, помолчавъ.

— За меня восемнадцать рублей платили.

— Маловато,—промолвилъ онъ и отпилъ изъ глинянаго кувшина черезъ край квасу, что̀ заставило меня рѣшиться никогда не пить изъ этого кувшина.—Вотъ что̀ я тебѣ скажу: ты мнѣ гдѣ хочешь возьми, а чтобы деньги всегда были. Шутка ли, шалопай какой выросъ, а на службу не идешь. Да я въ твои годы, знаешь ли ты, какія деньги зашибалъ. Фью! Царю и отечеству служилъ, а не то, чтобы что!

Онъ всталъ, потянулся и, захвативъ замасленную фуражку съ кокардой и безъ половины козырька, пошелъ со двора, какъ былъ въ халатѣ. Только тутъ моя мать дала полную волю слезамъ.

— На каторгу ты попалъ, лучше бы умереть намъ съ тобою, чѣмъ эту жизнь мыкать!—рыдала она.—Не упрекай ты только меня, что я тебя загубила...

— Полноте, матушка, полноте!—промолвилъ я.—Все переживемъ... Это мои братья?—поспѣшилъ я перемѣнить разговоръ, боясь заплакать, и указалъ на дѣтей, съ тупымъ изумленіемъ прижавшихся въ уголъ и глядѣвшихъ на меня. Они были грязны, растрепаны!

— Да.

— Подойдите ко мнѣ,—позвалъ я ихъ. Они попятились еще дальше въ уголъ. Послѣ нѣсколькихъ усилій мнѣ удалось приманить ихъ къ себѣ.—Ихъ надо вымыть,—замѣтилъ я, не имѣя духу поцѣловать ихъ грязныя лица.

— Ты не вини меня,—съ грустью сказала мать.—Чистота денегъ сто̀итъ.

— Какъ такъ?

— Вѣдь я все одна дѣлаю, у меня руки устали работать, смотрѣть за ними. Мнѣ самой тяжело, что вотъ они такія брошенныя, оборванныя...

— Учатся они чему-нибудь?—перемѣнилъ я снова разговоръ.

— Гдѣ учиться? Изъ какихъ доходовъ?

— Я буду съ ними заниматься. Вамъ надо кухарку взять, чтобы отдохнуть.

Мать покачала головой.

— Кто жить-то у насъ станетъ? Не знаешь ты, что̀ здѣсь за безобразія дѣлаются. Господи, Господи, на какую жизнь

ты попалъ.—Она заплакала снова, я смолкъ и понялъ, что покуда мы не можемъ говорить, что каждое слово рѣжетъ ее, какъ ножъ, по сердцу.

Позднимъ вечеромъ, когда я уже спалъ за перегородкою, меня разбудилъ шумъ. Малевинъ вернулся домой въ пьяномъ видѣ и ругалъ кого-то такими словами, какія можетъ придумать только одно пьяное воображеніе. Меня пробрала дрожь... Пошли дни за днями, это были страшные дни безконечной пытки, безчисленныхъ оскорбленій, безграничныхъ страданій. Какой-то ужасъ вселяла въ меня фигура Малевина, я почти радовался, если онъ напивался до безчувствія и засыпалъ, потому что трезвый онъ былъ еще отвратительнѣе, еще наглѣе. Я отдыхалъ только въ школѣ, дома я не могъ учиться, не могъ учить братьевъ, не могъ думать, какимъ-то тупымъ палачомъ терзалъ меня этотъ наглый человѣкъ.

— Марья, сходи за косушкой,—приказывалъ онъ матери, зазвавъ къ себѣ двухъ товарищей.

Мать собиралась исполнить приказаніе. Я вышелъ изъ-за перегородки.

— Я схожу,—сказалъ я.

Мать взглянула на меня умоляющими глазами.

— Ну, сходи,—оскалилъ онъ зубы наглой улыбкой.—У васъ тамъ, видно, барыни по кабакамъ не ходятъ, все больше дома по шампанскому проходятся? Ха-ха-ха! Вѣдь онъ у меня философъ,—указалъ онъ на меня собесѣдникамъ:—всякія науки происходитъ у нѣмцевъ. Хитрыя бестіи—эти нѣмцы.

— Ыы!—рыгнулъ одинъ изъ гостей.

— А вотъ мы и не у нѣмцевъ учились, а ничего живемъ,—продолжалъ Малевинъ.—Отечеству, значитъ, служили, вотъ оно что!

Я сходилъ впервые въ кабакъ и, увидавъ, что̀ тамъ происходитъ, твердо рѣшился никогда не допускать мать ходить туда. Я зналъ, что она сотни разъ бывала тамъ, но мнѣ все-таки хотѣлось избавить ее отъ этихъ сценъ, я не вѣрилъ въ то время, что человѣкъ можетъ привыкнуть ко всему, тупо глядѣть на все. И слава Богу, что у меня еще не было этой увѣренности, потому что она первая обращаетъ въ прахъ всѣ стремленія человѣка къ лучшему, заставляетъ его махнуть на все рукою, и онъ начинаетъ говорить: «Люди привыкаютъ ко всему, такъ чего-жъ и хлопотать объ улучшеніи ихъ участи? Стерпится—слюбится!»

— Жена, давай денегъ!—кричалъ Малевинъ черезъ недѣлю.

— Какихъ тебѣ денегъ? ничего у меня нѣтъ,—отозвалась мать.

— Сказано: давай—и давай! хоть роди, да давай, и чтобъ сейчасъ было!

— Говорю я тебѣ...

— Молчать! Зашибу! Слышишь—зашибу! Ты что?

— Послушай...

— Нѣтъ, ты говори мнѣ, что̀ ты такое? Ты мнѣ жена, ну, ты и должна...

— Семенъ Семеновичъ, родной...

— Убью!—замахнулся онъ на нее.

Я опять вышелъ изъ-за перегородки и остановилъ его.

— Вотъ деньги, возьмите,—сказалъ я.

— Ага! Вы у меня будете по одной половицѣ танцовать! Сказано: жена да боится своего мужа и дѣти да повинуются отцу... Слышалъ ты это? а? Гдѣ это писано?

Я молчалъ.

— Ага, языкъ прикусилъ! Ты у меня смотри!

Онъ ушелъ въ кабакъ, произнося тысячи проклятій.

— Ты, голубчикъ мой, не давай ему денегъ,—шепнула мнѣ мать.

— Отчего не давать?—громко спросилъ я.

— Тссс...—произнесла она и выслала дѣтей играть на дворъ.—Ты не говори всего при дѣтяхъ-то, онъ ихъ пріучилъ подслушивать и подсматривать.

Я опустилъ голову. Весь ужасъ положенія нищихъ и загубленныхъ людей сталъ мнѣ понятенъ.

— Ты вотъ пріучишь его вытягивать деньги,—говорила мать:—такъ онъ и не отойдетъ отъ тебя, все вытянетъ.

— Но вѣдь онъ же драться къ вамъ лѣзетъ...

— Я привыкла, я снесу... Вѣдь все одно, и дашь денегъ, и не дашь, а отъ кулаковъ его не спасешься... Какъ не дашь, такъ онъ самъ гдѣ-нибудь добудетъ

— Гдѣ же?

— Вотъ теперь скоро мужики придутъ. Просьбы будетъ писать, дрова ловить...

— Воровать?

Мать отвернулась и заплакала...

Измученный нравственно этими сценами, я какъ-то не могъ выучить урока. Меня оставили въ школѣ за наказаніе, что̀ случалось очень рѣдко съ мальчиками послѣдняго

класса, гдѣ въ теченіе послѣднихъ двухъ лѣтъ имъ говорили *вы* и трактовали ихъ, какъ взрослыхъ.

— Что̀ это вы лѣниться начинаете?—сказалъ мнѣ гувернеръ.—Васъ даже оставили, какъ мальчишку.

— Ахъ, что̀ мнѣ за дѣло! пусть наказываютъ!—грубо отвѣтилъ я и повернулся къ нему спиною.

— Что̀ съ вами, вы грубить начинаете?—разсердился онъ.

— Послушайте, если меня оставили, такъ я долженъ урокъ выучить. Что же вы мнѣ мѣшаете?—раздражительно произнесъ я и строптиво нахмурилъ брови.

— Вы не выиграете въ жизни съ такимъ характеромъ,—проговорилъ гувернеръ.

— Вы можете и не подавать мнѣ милостыни, когда я буду нищимъ,—бросилъ я ему еще одну грубость.

На общемъ собраніи учителей гувернеръ настоялъ, чтобы мнѣ сбавили два балла въ поведеніи. Я махнулъ на всю эту дрянь рукой. Меня мучила одна мысль: «гдѣ бы достать денегъ?» У барона я не рѣшался просить, онъ давалъ много, но бездонная пропасть виннаго откупа поглощала все. Я сталъ заниматься перепиской бумагъ, началъ учить дѣтей за самую малую плату и всѣми силами старался не быть дома. Насталъ конецъ зимы, Малевинъ началъ чинить свой челнокъ и пилъ менѣе въ это время.

— Ну-ка, ты, философъ,—кричалъ онъ мнѣ со двора:—притащи топоръ. Нечего бѣлоручкой быть!

Я исполнилъ его требованіе.

— Чего киснешь-то въ комнатѣ?—говорилъ онъ, заколачивая гвозди въ бокъ челна.—Ты бы вонъ поработалъ, такъ, небось, веселѣе бы стало. Нѣмцемъ поджарымъ, что ли, хочешь быть? Нѣтъ, ты такъ потрудись, чтобъ горшокъ съ кашей малъ казался, да ночь коротка для отдыха... Ну-ка, поворотимъ-ка на бокъ челночишку. Ишь ты, дуй его горой, какъ все перегнило!

Я поворачивалъ челнокъ и, мало-по-малу, сталъ втягиваться въ эту работу. У меня была сила, развитая еще въ Маріеназилѣ, теперь она развивалась снова. Когда починка челна окончилась, когда ледъ разошелся, Малевинъ поѣхалъ ловить дрова. Почти каждый день сталъ ѣздить на челнѣ и я. Меня веселила или, лучше сказать, раззадоривала борьба съ неугомонившимися волнами Невы, я иногда доводилъ себя до изнеможенія этимъ трудомъ и съ какою-то радостью, съ задорнымъ самодовольствіемъ чувствовалъ, что волны не осилили меня, что вотъ завтра я опять поѣду спорить съ

ними, наслажусь этимъ споромъ и опять не струшу, если какая-нибудь шальная волна обдастъ мое лицо своей пѣной и хлеснетъ въ челнокъ. Потомъ пришли барки. Малевинъ сталъ пробираться на нихъ ловить рыбу, я тоже сталъ заниматься рыбною ловлею и началъ знакомиться съ мужиками. Любилъ я просиживать цѣлые часы на баркѣ, спустивъ ноги надъ водой, и слушать въ вечернемъ затишьѣ своеобразные разсказы народа о его житьѣ-бытьѣ, любилъ толкаться между овчинными тулупами, сваленнымъ барочнымъ лѣсомъ, свезеннымъ на берегъ сѣномъ, и подчасъ какое-то особенное наслажденіе приносило мнѣ помѣряться силой съ мальчишкой-барочникомъ или протащить какую-нибудь доску, облиться потомъ, устать и сѣсть на бревно, не разбирая, есть ли на немъ деготь или нѣтъ. Это не была любовь къ народу или привычка къ этой жизни,—нѣтъ, это было слѣдствіе болѣзненной, мучительной злобы: мнѣ хотѣлось принудить себя жить въ той сферѣ, къ которой я принадлежалъ по положенію моего офиціальнаго отца. При малѣйшемъ проявленіи моей барской изнѣженности и брезгливости, я казнилъ себя насмѣшкою и принуждалъ себя къ какой-нибудь грязной выходкѣ. Мать странными глазами смотрѣла на меня, когда я, несмотря на ея увѣщанія, выходилъ изъ дому въ рваномъ сюртучишкѣ и съ воняющими рыбой руками. Она не понимала, что я издѣвался надъ самимъ собою.

— Что̀ тебя рѣдко видно у насъ?—спрашивали меня дѣти друзей барона.

— А что̀ мнѣ у васъ дѣлать, о бабьѣ толковать?—спрашивалъ я въ свою очередь съ особеннымъ грубымъ акцентомъ въ голосѣ.

— Ты ужъ не въ ученость ли погружаешься? — смѣялись они.

— Плевать я на нее хотѣлъ.

Они дѣлали гримасы, и дѣйствительно выраженіе моего голоса пахло зипуномъ и лаптями.

— Ты, другъ мой, удаляешься отъ своихъ сверстниковъ,— упрекалъ меня баронъ.

— Что мнѣ въ нихъ? они денегъ не дадутъ,—а брюхомъ хлѣба не вынесешь съ ихъ пировъ.

Баронъ потеръ лобъ.

— Ты у меня рѣдко бываешь, по мѣсяцамъ я не вижу тебя.

— Дома дѣло есть.

— Тебѣ тяжело тамъ, — вздохнулъ онъ.

— Да вѣдь легче не станетъ, если разсказывать—отвѣтилъ я фразою, слышанною тысячу разъ отъ мужиковъ.

— Да, да,—задумался онъ.—Не надо ли тебѣ денегъ?

— Вы и безъ того столько даете, что мнѣ досадно. Но эту пропасть не напасешься денегъ,—отвѣтилъ я.

— Это моя обязанность...

— Что̀ за обязанность, мало ли пьяныхъ на свѣтѣ...

Баронъ снова покачалъ головой и грустно разстался со мною. Я еще рѣже началъ посѣщать его и всячески увертывался отъ его ласкъ, говоря себѣ: «Очень мнѣ нужны его нѣжности!» Дѣйствительно, всѣ эти сладенькія нѣжности, плаксивыя ласки, барскія приторности не могли ничего улучшить въ моемъ не шуточномъ горѣ, а съ полной справедливостью были заклеймлены мною эпитетомъ «кислятины».

XII.

День-ото-дня я дѣлался суровѣе и строже; острая боль въ сердцѣ смѣнилась тупою, гнетущимъ чувствомъ недовольства судьбою и враждой къ людямъ. Часто, сидя дома или шагая куда-нибудь на уроки, я думалъ: «На что̀ служатъ это глупыя науки: географія, исторія, латинскій и греческій языки, которымъ я учусь? Что̀ мнѣ принесли онѣ и другимъ людямъ? Не такъ же ли я несчастливъ, какъ и мужикъ, не знающій грамоты? Неужели люди не могли придумать такой науки, которая дѣлала бы всѣхъ счастливыми, научила бы зашибать деньги, не гибнуть въ грязи и не производить на свѣтъ такихъ дѣтей, какъ я? Вотъ эту науку надо выдумать. Я посвящу всю жизнь, чтобы изобрѣсти ее, я пріучу и своихъ братишекъ стремиться отъискать эту науку». Эта мысль сдѣлалась моею idée fixe. Я сталъ читать всѣ книги, гдѣ былъ хоть намекъ на положеніе человѣка въ обществѣ, на обстоятельства, дѣлающія людей счастливыми и несчастными, я дорывался новыхъ истинъ... Съ каждою минутою, читатель, перемѣняются передъ вами сцены моего разсказа; за полчаса вы, можетъ-быть, смѣялись, за четверть часа вы, можетъ-быть, плакали, черезъ десять минутъ вы, по всей вѣроятности, утѣшитесь; я употребилъ недѣлю, только недѣлю для того, чтобы веселить, трогать и развлекать васъ,—но поймите, что для написанія каждой прочитанной въ двѣ минуты сцены, мнѣ нужно было пережить дни, недѣли, мѣсяцы и годы, и тогда вамъ станетъ ясенъ тотъ мучительный процессъ измѣненія моего характера, той внутренней ломки, отъ которой остались

слѣды на всю жизнь... Я сталъ прилежно заниматься съ моими братьями. Этимъ занятіямъ мѣшалъ Малевинъ, приглашавшій своихъ пріятелей на попойки къ намъ, ругавшій мать и посылавшій ее въ кабакъ, что отрывало меня отъ дѣла, такъ какъ я вступался за нее, или шелъ самъ за водкой.

— Послушайте, — сказалъ я однажды, — это было въ январѣ:—идите со своими пріятелями пить въ другое мѣсто, я вамъ дамъ денегъ, но не мѣшайте мнѣ учить вашихъ дѣтей.

Онъ прищурилъ свои пьяные глаза и нахально наклонилъ голову на бокъ съ насмѣшливою улыбкою.

— Да ты здѣсь что распоряжаться вздумалъ?—спросилъ онъ.

— А потому и распоряжаюсь, что вы живете на мои деньги.

— Ну?

— Ну, и если вы мнѣ будете надоѣдать, я вамъ гроша не дамъ, скажу барону, чтобы онъ за меня не платилъ.

— Фью! ты, птенчикъ, законовъ не знаешь. Мало ты каши на свѣтѣ съѣлъ. Ты еще несовершеннолѣтній, такъ я въ животѣ и смерти твоей воленъ. Велю кормить родителя, и будешь кормить.

— Безъ бароновыхъ денегъ отъ меня не много прибыли будетъ.

— Ахъ, ты, птичка пѣвучая! да я тебя тогда служить заставлю. Въ законѣ сказано, что сынъ долженъ кормить отца.

— Ну, большого жалованья мнѣ не дадутъ, вы же въ убыткѣ будете.

— Да я тебя въ гробъ заколочу, а заставлю добывать деньги. Слышишь ты, въ грррробъ!—крикнулъ онъ и сверкнулъ глазами, сжавъ кулаки въ пьяномъ остервенѣніи.

— Самимъ же хуже будетъ.

— Ты у меня помалчивай! Слышишь,—помалчивай!

— Семенъ Семеновичъ!—начала мать.

— Разражу!—крикнулъ онъ ей.—Всѣхъ убью! какъ послѣднюю собаку его зашибу! какъ послѣднюю соббаку!

Я всталъ. Должно-быть, я былъ очень обезображенъ яростною злобой и страшенъ въ эту минуту, потому что мать сдѣлала движеніе встать между мною и мужемъ. Я отсторонилъ ее рукою.

— Послушай ты, негодяй!—заговорилъ я, задыхаясь.— Вѣдь я не даромъ восемнадцать лѣтъ на свѣтѣ прожилъ, силы-то у меня хватитъ съ тобой справиться.

Я подступилъ къ самому лицу Малевина, онъ попятился

отъ меня, а на его подломъ, пьяномъ лицѣ изобразилось чувство трусости; это придало мнѣ силы, какъ придаетъ силы и смѣлости звѣрю трусость человѣка.

— Пей, сколько хочешь,—продолжалъ я:—только не смѣй мѣшать мнѣ: я сумѣю справиться съ тобой! Не ты меня убьешь, а я тебя раздавлю, гадину, какъ гнилую щепку! Ты, видно, не на бойкихъ нападалъ! Мать молчала, такъ ты ее и билъ. Дуракъ баронъ не посовѣтовалъ ей развестись съ тобою, такъ ты и думаешь, что я не успѣю заставить ее бросить тебя. Вѣдь тогда ты подъ первымъ заборомъ околѣешь. Слышишь ли ты?—дернулъ я его за воротъ и потрясъ, чтобъ попробовать и показать свою силу.

У него вдругъ подогнулись колѣни, и онъ сталъ такимъ жидкимъ и маленькимъ, что я съ отвращеніемъ выпустилъ изъ рукъ его халатъ.

Онъ попятился къ двери, не обращаясь ко мнѣ спиной. Я былъ выше, моложе и здоровѣе его, его силы были давно пропиты и размѣняны на водку въ кабакахъ. Не говоря ни слова, онъ потянулся за фуражкой и, взявъ воровски, молча, деньги, брошенныя мною на столъ, задомъ вышелъ изъ комнаты. Мать не смѣла дохнуть, не смѣла благодарить или усовѣщивать меня.

— Чего вы запрятались! — грубо сказалъ я дѣтямъ.— Не знаете, что учиться надо?

Они боязливо вышли изъ угла и сѣли за книги. Начался урокъ. Довольно долго я не могъ осилить своей расходившейся злобы. Во мнѣ не было и тѣни того граціознаго, сгѣющагося отъ перваго поцѣлуя юноши, какимъ я былъ за годъ тому назадъ.

— Валерьянъ, а Валерьянъ,—робко говорилъ мнѣ, пугающимся голосомъ, черезъ нѣсколько дней Малевинъ, осторожно дотрогиваясь до моего плеча.

— Что вамъ?—не поднимая глазъ отъ книги, спросилъ я.

— На водочку дай, въ горлѣ пересохло, голубчикъ... Я не того, немного... Только, знаешь, стакашикъ одинъ, какъ есть одинъ стакашикъ,—жмурилъ онъ, какъ котъ, свои глаза.

— Опять налижетесь!

— Ни, ни! И не думай! И... и... ни, ни!

Я съ отвращеніемъ далъ ему денегъ. Черезъ нѣсколько дней онъ снова просилъ меня о выдачѣ ему денегъ.

— Благодѣтель, бла-а-годѣтель!—пьянымъ языкомъ говорилъ онъ и тянулся поцѣловать меня. Я отшатнулся отъ его поцѣлуя.

— Ну, ручку дай, дай мнѣ ручку! — заговорилъ онъ. — Вѣдь я чу-у-вствую, чу-у-вствую!.. Ска-а-тина я!..

Онъ заплакалъ пьяными глазами и сталъ отирать ихъ замасленной полой дыряваго халата.

— Чортъ, чортъ!—кричалъ онъ вечеромъ. — У-у! вонъ, вонъ! гляди!—схватилъ онъ старшаго своего сынишку за руку.—Видишь? постой, постой, я поймаю, по-о-оймаю!—Онъ началъ красться къ стѣннымъ часамъ, скорчивши свою спину. Въ его глазахъ выражался ужасъ, голосъ былъ мраченъ и зловѣщъ. Сынишка трясся всѣмъ тѣломъ.

Я вышелъ изъ-за перегородки и хотѣлъ подойти къ нему; онъ вдругъ обернулся и бросился ко мнѣ.

— Поймалъ, поймалъ!—кричалъ онъ мнѣ и снова, съ выраженіемъ ужаса, взглянулъ на мою голову.—Теперь у тебя, у тебя на головѣ.

— Что такое?—съ раздраженіемъ спросилъ я.

— Чортъ, чортъ, чортъ!—кричалъ онъ.

— Чего вы дурите?—спросилъ я, не понимая, что у него началась бѣлая горячка.

— Подавай денегъ!—вдругъ бѣшено кинулся онъ ко мнѣ.

— У меня нѣтъ!—отвѣтилъ я.

— Подавай, подавай! Бѣги къ барону!

— Не пойду!

— Ступай, ступай, говорятъ тебѣ — ступай!—сжалъ онъ кулаки.

— Не пойду! И никогда не пойду больше, хоть бы ты съ голоду умеръ!—крикнулъ я.

— Что-о?—бросился онъ на меня и схватилъ меня за шиворотъ.

Я рванулся въ сторону, что-то треснуло на моемъ сюртукѣ. Малевинъ снова напалъ на меня, я охватилъ его руками, подставилъ ногу и смялъ его подъ себя. У моего рта была пѣна, лицо все было въ поту.

— Веревку дайте!—крикнулъ я дѣтямъ, упираясь колѣнкой въ Малевина.

Дѣти, испуганныя пригрезившимися отцу чертиками, теперь испугались еще болѣе. Мать бросилась уговаривать меня.

— Подите прочь! — обернулся я къ ней. — Что же вы стоите? говорятъ вамъ: веревку дайте!—кричалъ я дѣтямъ.

Они повиновались съ боязливыми лицами.

— Да ты что? ты что задумалъ?—барахтался подо мной Малевинъ.

— А вотъ ты увидишь, что я задумалъ!—съ бѣшенствомъ шепталъ я и, выхвативъ изъ рукъ дѣтей веревку, началъ вязать руки Малевину. Крупныя капли пота лились съ моего лица, грудь прерывисто дышала отъ волненія и усталости. Никогда еще у Малевина не было столько силы, сколько было теперь. Связавъ пьяное созданье, я положилъ его съ помощью призваннаго мною сосѣда на постель.

— Лови, лови!—бормоталъ онъ.—Вонъ, вонъ съ хвостикомъ! Васька, ло-о-ви!—онъ силился освободить связанныя руки, чтобы поймать мнимаго чорта, представлявшагося его пьяному воображенію.

Я сталъ одѣваться.

— Куда ты? — боязливо спросила мать.

— За докторомъ,—сухо отвѣтилъ я.

Черезъ часъ я возвратился домой изъ клиники съ докторомъ. Это былъ годовой докторъ барона. Я показалъ ему Малевина.

— У него горячка,—сказалъ докторъ.

— Могу ли я привезти его къ вамъ въ больницу? — спросилъ я.

— Да, тѣмъ болѣе, что у него не одна горячка, но полное разстройство организма. Онъ едва ли выздоровѣетъ,— сказалъ докторъ по-французски.

Мать не совсѣмъ еще забыла французскій языкъ, поняла слова доктора и задрожала.

— Неужели? — обрадовался я.

Докторъ посмотрѣлъ на меня съ удивленіемъ.

— Скажите, вы тутъ живете? Это ваши родные? — спросилъ онъ съ гримасой.

— Да, родные. Такъ что же?—нагло спросилъ я его, взбѣшенный его гримасой.

— Нѣтъ, я такъ.

— Вотъ вамъ за визитъ,—подалъ я ему деньги съ усмѣшкой.

— Но, можетъ-быть, ваши обстоятельства...—началъ онъ.

— До нихъ никому нѣтъ дѣла!—отвѣтилъ я.

Докторъ вѣжливо и холодно пожалъ мою руку и уѣхалъ. На другой день Малевинъ былъ свезенъ въ больницу.

Я возвращался изъ больницы въ какомъ-то отуманенномъ состояніи. Бодрыя лица студентовъ, попавшихся на Литейномъ мосту, нѣсколько весело мчавшихся артиллеристовъ, нѣсколько троечныхъ саней, бойко уносившихъ кутящую молодежь и роскошно одѣтыхъ камелій,—все это породило во мнѣ какую-то тупую, ноющую боль. День былъ яркій, на

солнечной сторонѣ таяло. У богатыхъ домовъ стояли на подъѣздахъ надменные швейцары и зубоскалили удалые лакеишки, смѣясь надъ клячами проѣзжающихъ ванекъ-извозчиковъ. Я шелъ и шелъ, ничего не думая, ничего не помня и глядя на все съ какою-то безпредметною злобой. Наконецъ, я куда-то дошелъ, предо мною былъ домъ, была дверь, — я вошелъ.

— Косушку,—сказалъ я.

— Что, папенькѣ лучше?—спросилъ знакомый мнѣ цѣловальникъ.

— Нѣтъ,—лаконически отвѣтилъ я и сѣлъ на грязную, залитую разными питіями лавку къ такому же грязному столу, на которомъ хранились круглые и квадратные слѣды стоявшихъ на немъ ежедневно сосудовъ.

Я медленно, шкаликъ за шкаликомъ, пилъ водку...

— Ишь ты, совсѣмъ захмелѣлъ!—слышалось мнѣ. Казалось, этотъ голосъ шелъ откуда-то издалека.

— По родителю, вѣрно, пойдетъ!—отозвался другой голосъ, такой же далекій, какъ и первый.

— Ты бы, молодецъ, домой пошелъ! — снова слышался мнѣ голосъ, и кто-то трогалъ за плечо.

— Оставь!—бормоталъ я.

— Чего оставить? Чай, ждутъ дома?—говорилъ мнѣ этотъ голосъ.

— Ни-и-чего! Спать хо-очу! — моталъ я лежавшей на столѣ головой.

Черезъ два или три часа я, шатаясь, шелъ домой. Въ нашей квартирѣ было уже темно. Невѣрною рукою отворилъ я дверь...

— Ну, что, голубчикъ? — вышла ко мнѣ поспѣшной походкой мать.

Я отстранилъ ее одною рукою и, держась другою за стѣну, прошелъ за перегородку.

— Пьянъ! — вырвался дикій крикъ ужаса изъ груди матери.

Я бросился на постель и зарыдалъ, зарыдалъ такъ, какъ, вѣроятно, не плакалъ никто изъ васъ, счастливые, праздные, мудрые люди!..

XIII.

Все послѣднее время мнѣ приходилось возиться съ Малевинымъ, охранять мать и братьевъ; я запустилъ ученье и рѣдко являлся въ школу; сверхъ того, я чувствовалъ во

всемъ своемъ существѣ такой упадокъ силъ, что боялся захворать. Первымъ дѣломъ по отправкѣ Малевина въ больницу, я поспѣшилъ извѣстить барона, чтобы онъ прислалъ денегъ для нашего переѣзда на другую квартиру. Онъ прислалъ. Я пошелъ искать квартиру и нашелъ очень удобную; черезъ день мы переселились. Мать ни слова не говорила о томъ, что я былъ пьянъ, она со страхомъ и боязнью глядѣла на мое измученное лицо. Изрѣдка посѣщала она мужа, онъ не поправлялся. Баронъ, между прочимъ, не видя меня, справлялся о моемъ ученьи въ школѣ и испугался, что я сталъ лѣниться, что я затянулся въ грязную жизнь и, можетъ-быть, дѣлаюсь негодяемъ. Онъ написалъ мнѣ довольно строгое письмо и выговаривалъ, что я не хожу въ школу, только въ концѣ письма сила любви взяла верхъ надъ мудростью старика, и въ этомъ концѣ слышались ласковыя рѣчи, но, къ сожалѣнію, я прочиталъ этотъ конецъ письма только черезъ мѣсяцъ, швырнувъ отъ себя посланіе при чтеніи начала.

«Благодарю васъ за наставленія,—писалъ я въ отвѣтъ:—и заботы обо мнѣ. Но въ послѣднее время я пережилъ столько горя, сколько не пережили вы во всю свою жизнь. Не знаете ли вы, кого я долженъ благодарить за это горе? Я не знаю, или, лучше сказать, боюсь знать это. Во всякомъ случаѣ, горе помогло мнѣ сдѣлаться опытнымъ, и, вѣрно, я знаю не хуже любого старика, что̀ мнѣ нужно дѣлать. Вы совѣтуете мнѣ посѣщать школу, но вы лучше спросили бы, осталось ли во всемъ моемъ существѣ хоть одно здоровое мѣсто, а мнѣ еще едва минуло восемнадцать лѣтъ... Во всякомъ случаѣ, я постараюсь всѣми силами пройти дома то, что̀ прошелъ бы въ школѣ, и выдержу экзаменъ, чтобы имѣть возможность кормить мать безъ благодѣяній чужихъ людей.»

Баронъ не выдержалъ тона этого письма и пріѣхалъ къ намъ. Я постарался избѣжать сцены его свиданія съ матерью и вошелъ въ комнату, когда меня позвали. Баронъ ахнулъ: передъ нимъ стоялъ высокій, худой, пасмурный юноша, не сохранившій ничего изъ того блеска, которымъ онъ сіялъ за годъ. Отецъ пожалъ мою руку и не сказалъ ни слова о письмѣ, послужившемъ поводомъ къ свиданію. Вечеръ прошелъ какъ-то неловко, и отецъ, и мать, повидимому, совѣстились меня... Я работалъ до-нельзя въ это время и успѣлъ выдержать экзаменъ въ школѣ, давшій право на поступленіе въ университетъ. Но зато послѣ

этихъ нечеловѣческихъ усилій мои силы совершенно ослабѣли. Однажды я лежалъ на диванѣ, вдругъ пріѣзжаетъ мать изъ больницы. Я взглянулъ на нее и понялъ, что что-то случилось особенное.

— Что?—спросилъ я.

— Умеръ,—прошептала она, не глядя на меня.

Я ни слова не сказалъ въ отвѣтъ. Она сѣла къ столу и начала плакать. Я зналъ, что она плачетъ не о мужѣ, я зналъ, что она оплакиваетъ всю свою убитую, истерзанную жизнь, и не мѣшалъ ей. Мнѣ было тяжело, я искалъ въ душѣ такихъ молитвъ, которыя могли бы облегчить наше горе, изгладить кровавые слѣды прошедшаго и благословить занимающуюся зарю будущаго... Въ душѣ не находилось ничего... Вечеромъ пріѣхалъ баронъ. Ему сказали новость. Онъ провелъ рукою по лбу и задумался. Вечернія сумерки обливали неяснымъ полусвѣтомъ картину нашего молчаливаго раздумья. Въ эту минуту каждый изъ присутствующихъ переживалъ всю свою прошлую жизнь и, можетъ-быть, краснѣлъ за себя...

— Какой страшный сонъ наша жизнь!—прошепталъ баронъ, какъ бы заканчивая свои размышленья о быломъ.

Мать промолчала и мелькомъ взглянула на меня.

— Да, да, — потеръ баронъ рукою свой лобъ, какъ бы понимая этотъ взглядъ. — Не сонъ... Сны проходятъ безслѣдно...

Молчаніе воцарилось снова.

— Намъ всѣмъ нуженъ отдыхъ теперь, — началъ онъ снова.—И первому тебѣ,—обратился онъ ко мнѣ.

Я лежалъ на диванѣ и молчалъ.

— Ты можешь располагать моими деньгами, онѣ принадлежатъ тебѣ по праву...

Я все-таки не находилъ словъ. Я даже не могъ благодарить его, потому что меня давила давно мысль: «изломаютъ, а потомъ облагодѣтельствуютъ!» Прежней моей нѣжности не было и слѣда, хотя мучительно-больно отзывалось во мнѣ сознаніе, что я не могу приласкать этихъ въ свою очередь несчастныхъ людей.

— Тебѣ не худо бы съѣздить за границу, — произнесъ баронъ.

Я оживился. Лучъ надежды мелькнулъ передо мною.

— Да, да,—живо заговорилъ я.—Разсѣяться, забыть все пережитое...

— Простить всѣхъ,—тихо, медленно и кротко окончилъ баронъ.

У меня навернулись на глазахъ слезы.

— Ты понимаешь, отецъ, что я не могу,—началъ я.

— Другъ мой, милый мой, я все теперь понимаю, я тебя ни въ чемъ не упрекаю, не смѣю упрекать. Что̀ бы ни случилось, чѣмъ бы ты ни вышелъ, какъ бы ни смотрѣлъ на насъ съ матерью,—я и она ни въ чемъ не упрекнемъ тебя.

Я наклонился къ братьямъ и поцѣловалъ ихъ... поцѣловать другихъ изъ присутствующихъ у меня не хватало духу въ эту минуту...

Долго бродилъ я по Европѣ, бродилъ одинъ, бродилъ вездѣ. Заглядывалъ я въ университеты. въ мастерскія художниковъ, наслаждался иногда полнѣйшимъ бездѣйствіемъ на берегахъ Средиземнаго моря, возобновлялъ утраченное здоровье, приводилъ въ нормальное состояніе свою потрясенную душу и съ каждымъ днемъ все болѣе и болѣе дорого̀ю становилась мнѣ родина, мучительная любовь пробудилась во мнѣ ко всѣмъ ея страдающимъ дѣтямъ, и ярче всѣхъ другихъ образовъ вырисовывался передо мною одинъ семейный кружокъ, посреди котораго худая, блѣдная женщина, хранящая слѣды страшныхъ, долгихъ мученій, но все еще прекрасная, учитъ двухъ маленькихъ дѣтей и, отрываясь на минуту отъ ихъ книги, протягиваетъ руку серьезному, важному, но рано постарѣвшему человѣку, пришедшему къ ней отдохнуть, провести вечеръ и потолковать о *немъ*, — о человѣкѣ, котораго никто въ семьѣ не называетъ по имени и, между тѣмъ, всѣ знаютъ, всѣ любятъ, мучительно любятъ...

— Удивляюсь я, какъ это васъ одного отпустили въ этотъ омутъ, — говорилъ мнѣ какъ-то одинъ важный старикъ, жившій въ германскомъ университетскомъ городѣ для наблюденія за своими сыновьями, изъ которыхъ одинъ потихоньку переписывался съ какою-то оставленною имъ въ Россіи дѣвушкою.

— Отчего же было и не отпустить?—усмѣхнулся я.

— Помилуйте, да вы просто закружиться можете...

— Однако, я занимаюсь же, а не кружусь?

— Ну, это исключеніе! Впрочемъ, ваши идеи... Не думаю, чтобы ваши родители порадовались тому направленію, которое приняла ваша мысль. Самонадѣянность, отрицаніе,

вольнодумство, — я увѣренъ, что вашъ отецъ раскается за свою опрометчивость. Въ наше время молодые люди вашихъ лѣтъ держались отцами вотъ какъ.

Старикъ, сжавъ кулакъ, показалъ, какъ держали въ его время молодыхъ людей... Все яснѣе и яснѣе послѣ подобныхъ рѣчей и встрѣчъ становилась для меня причина всѣхъ поступковъ моего отца, все честнѣе и честнѣе казался мнѣ этотъ любящій человѣкъ, все чаще и чаще чувствовалъ, что теперь я могу, не опуская, не поднимая черезъ мѣру головы, войти въ тотъ семейный кругъ, который грезился мнѣ такъ часто въ это время... Но я чего-то ждалъ...

«Баронесса умерла», писалъ мнѣ изъ Петербурга черезъ два года баронъ, и больше ни слова не было объ этомъ событіи, но письмо было нѣжно, горячо, какая-то робость проглядывала въ фразахъ: «Какъ идутъ твои дѣла? Что думаешь *теперь* дѣлать?»

«Завтра я выѣзжаю въ Петербургъ», было моимъ отвѣтомъ, и всю ночь мнѣ снилась далекая деревня барона, и онъ самъ являлся передо мною уже не вдовцомъ...

II.

Конецъ бирюковской дачи.

Верстахъ въ двухъ отъ города Лужи — (было бы приличнѣе назвать его, согласно съ его почвой, Болотомъ, но его, сообразуясь съ какими-то славными историческими преданіями, назвали Лужей) — на покрытой уродливыми пнями и поросшей корявымъ кустарникомъ и сорной травой, плоской равнинѣ чернѣло что-то безформенное, безобразное, какъ огромная куча развалившихся и гніющихъ досокъ и щепокъ.

Это была бирюковская дача...

Старые лужане говорили, что когда-то — когда старые Бирюковы были еще молоды, а молодыхъ еще не было и въ заводѣ, — она была очень красива, что будто бы около нея были и службы, и садъ, и роща. Старые люди всегда говорятъ, что въ ихъ время все было лучше. Теперь около бирюковской дачи ни садовъ, ни службъ, ни рощъ уже не было, и она безпомощно разваливалась. Разваливаться она начала очень давно и разваливалась изо-дня-въ-день, безъ перерывовъ, безъ передышки десятки лѣтъ. Краска съ нея облѣзла и облупилась, доски почернѣли, бревна начали гнить. Крыша мѣстами была разворочена и покрывалась желтыми лишаями, а изъ одной щели на ней выросла даже березка, жидкая и тощая, какъ и слѣдуетъ быть тому, что̀ выросло не на надлежащемъ мѣстѣ. Мезонинъ былъ уже лѣтъ пять какъ заколоченъ; посрединѣ его, однако, еще висѣли поломанныя перила уже несуществующаго балкона. До нихъ никто еще не добрался, чтобы сорвать ихъ на дрова, такъ какъ въ домѣ не имѣлось ни приставной лѣстницы, ни топора, и перила грозили ежедневно сва-

литься кому-нибудь на голову, если бы только кому-нибудь вздумалось прогуливаться около бирюковской дачи. Въ нижнемъ этажѣ дачи одна половина была необитаема, безъ стеколъ, безъ рамъ и ставенъ. Съ этой половины начали даже сдирать обшивку, чтобы топить этими гнилыми досками печи въ другой половинѣ дачи. Топлива требовалось много: печи плохо держали жаръ, дымили отъ старости. Впрочемъ, если бы онѣ и были лучше, то вѣтеръ, врывавшійся въ домъ со всѣхъ сторонъ съ поля, все-таки выдулъ бы все тепло. Дача была ничѣмъ не защищена отъ его надоѣдливыхъ и наглыхъ нападеній, всегда страшныхъ для всякихъ дыръ и лохмотьевъ. Онъ, глумясь надъ обнищаніемъ, шелестилъ въ комнатахъ обрывками разодранныхъ обоевъ, онъ завывалъ въ нечиненыхъ трубахъ, онъ свисталъ въ какія-то, незримыя для глаза, щели, раздражая и безъ того раздраженные нервы. Иногда онъ, какъ разгнѣвавшійся человѣкъ, хлопалъ дверями и заставлялъ присутствующихъ вздрагивать въ суевѣрномъ страхѣ отъ неожиданности. Особенно жутко становилось отъ него ненастной осенью по вечерамъ въ непроглядную тьму, когда къ его завываніямъ присоединялись еще звуки барабанившаго въ стекла дождя и ожидались посѣщенія волковъ, не понимавшихъ по своей глупости, что на бирюковской дачѣ нечѣмъ поживиться даже голодному волку. Точно стадо овецъ, застигнутыхъ бурею, невольно сбивались въ эту пору въ одну комнату всѣ обитатели бирюковской дачи: три бирюковскія барышни, Липочка, Симочка и Грушенька, ихъ слѣпая старуха-бабка, Олимпіада Кировна, ихъ кривая служанка изъ бывшихъ дворовыхъ, дѣвка Евгешка, и даже ихъ глухой дѣдъ, Денисъ Ивановичъ, хотя и не слышавшій по своей глухотѣ завываній непогоды, но дрожавшій заодно съ другими. Отсутствовали обыкновенно только два члена бирюковской семьи: отецъ барышень, Петръ Денисовичъ, до поту лица хлопотавшій въ городѣ по дѣлу обиванія чужихъ пороговъ, и младшій братъ барышень, Володя, оканчивавшій курсъ въ военномъ училищѣ. Всѣ кутались и жались отъ холода, ютясь обыкновенно въ одной, полуосвѣщенной маленькою лампою, комнатѣ, гдѣ еще сохранилось достаточное для всей семьи количество стульевъ и креселъ. Собралось все это бирюковское общество въ обычномъ своемъ составѣ въ этой маленькой комнатѣ и въ день ожиданія пріѣзда вышедшаго, наконецъ, въ офицеры молодого Бирюкова, извѣстнаго семьѣ только по его нѣжнымъ и проникнутымъ

незримыми слезами письмамъ. На дворѣ было уже совсѣмъ темно. Погода стояла ненастная, вѣтеръ вылъ страшный, а когда онъ стихалъ на минуту—въ окна начиналъ барабанить дождь. Было и холодно, и жутко.

Двѣ старшія бирюковскія барышни, сохранившая еще слѣды рѣзвости Липочка и уже окончательно пропитавшаяся желчью Симочка, изжелта-блѣдныя, какъ восковыя куклы изъ ярмарочныхъ музеевъ, въ рваныхъ вязаныхъ полуперчаткахъ на жилистыхъ и костлявыхъ рукахъ, раскладывали почернѣвшія и распухнувшія отъ старости карты съ обтрепавшимися на долгой службѣ углами и цѣпкими заусенцами по краямъ, и гадали о своей «судьбѣ», питая въ теченіе пятнадцати лѣтъ сладкую надежду «пристроиться», то-есть выйти замужъ. Дѣдъ въ старомъ неряшливомъ халатѣ, съежившійся, сморщившійся, оплѣшивѣвшій и трясущійся всѣми членами не то отъ холода, не то отъ старости, не то по долголѣтней привычкѣ трястись отъ страха заодно съ другими, сосредоточенно курилъ какую-то самодѣльную, прозванную имъ «самкроше», смѣсь изъ сухихъ неизвѣстнаго происхожденія листьевъ, изъ какихъ-то мелко искрошенныхъ загадочныхъ корешковъ и изъ табаку-махорки, ускоренно моргая воспаленными вѣками безъ рѣсницъ и раздувая ноздри красно-синяго носа, похожаго на луковицу. Кривая дѣвка Евгешка, высохшая отъ старости и голода, какъ скелетъ, съ клочьями сѣровато-бурыхъ волосъ на головѣ, съ единственнымъ широко вытаращеннымъ круглымъ глазомъ, ради котораго она держала голову постоянно повернутою профилемъ къ правому плечу, сидя и ходя носомъ въ бокъ, ожесточенно штопала или чинила какое-то, состоявшее изъ сплошныхъ дыръ и заплатъ тряпье, беззвучно шевеля губами и очевидно проклиная въ душѣ все и всѣхъ. Высокая и величественная по фигурѣ бабка—belle femme, какъ она называла себя,—съ густыми и серебристыми кудрями на головѣ, съ признаками небольшихъ, еще черныхъ усиковъ надъ верхней губой, граціозно закутавшись въ рваную, отороченную облѣзлымъ горностаемъ шубку, полулежала въ единственномъ мягкомъ креслѣ, устремивъ неподвижно въ пространство ничего не видящіе глаза. Въ одномъ изъ угловъ комнаты жалась еще какая-то человѣческая фигура, но ея присутствіе только чувствовалось, такъ какъ ее уже совсѣмъ нельзя было разсмотрѣть въ темнотѣ едва освѣщенной посрединѣ комнаты.

— А-ахъ! — протяжно зѣвнула слѣпая бабка, нарушая

тишину. — Вотъ-то тоска. Хоть бы на минуту пересталъ выть этотъ проклятый вѣтеръ, а то цѣлый день, цѣлый день воетъ. Который часъ-то?

— Семь!—послышался чей-то отвѣтъ.

— Семь! семь! еще до ночи-то какъ далеко... А-ахъ, тоска, тоска!—зѣвая, проговорила старуха.

Наступило опять молчаніе. Вой вѣтра, не смолкая ни на минуту, раздражалъ нервы своимъ однообразіемъ.

— Два короля на сердцѣ! — восторженнымъ тономъ совершенно неожиданно произнесла Липочка.—Это непремѣнно братецъ пріѣдетъ къ намъ съ какимъ-нибудь товарищемъ, тоже вышедшимъ въ офицеры...

— Ужъ не думаешь ли ты, что братецъ тебѣ жениха изъ столицы привезетъ?—ехидно перебила ее Симочка.

— А тебѣ завидно, что у тебя только смерть въ пасьянсахъ выходитъ, — упрекнула Липочка. — Ты всѣмъ, всѣмъ завидуешь! Ты жить не можешь безъ зависти!

— А вотъ и ошиблась, совсѣмъ даже напротивъ, никакой смерти у меня не выходило, — задорно объявила Симочка.—У меня сегодня три раза марьяжъ вышелъ...

— Въ мое время въ ваши годы барышни давно уже замужемъ бывали,—небрежнымъ и холоднымъ тономъ вмѣшалась въ разговоръ слѣпая бабка. — Въ дѣвкахъ-то въ дворянскихъ семьяхъ никто не засиживался въ старые годы даже въ самыхъ глухихъ деревняхъ. Хоть захудалый какой-нибудь женишокъ изъ помѣщиковъ, а все найдется. У меня вотъ на пятнадцатомъ году шесть жениховъ было, когда я замужъ пошла.

— Ну, и ваше счастье!—разомъ отвѣтили Липочка и Симочка.—Расхвастались тоже!..

— Правда, я была первой красавицей въ Москвѣ,—тѣмъ же тономъ продолжала бабка.

— Слышите, слышите! бабушка была красавицей!—воскликнула насмѣшливо Липочка и развеселилась.—Она-то, съ усами-то!

— Дѣдушка! дѣдушка!—воскликнула Симочка.

— А?.. Что?..—откликнулся старикъ.

— Нашла съ кѣмъ говорить!—презрительно замѣтила Липочка.—Со стѣной!

— Правда, что бабушка была красавицей, дѣдушка?—продолжала кричать Симочка.

— А?.. Что?..—опять переспросилъ старикъ.

— Была ли бабушка красавицей? спрашиваю я,—надъ

самымъ ухомъ старика оглушительно выкрикнула Симочка.

— О, Господи! — вздохнула вздрогнувшая отъ крика Евгешка.

— Была, была!.. Охо-хо-хо!.. Была!—отозвался со вздохами старикъ и усиленно засосалъ трубку.

— Ха-ха-ха! Ужъ и вы не были ли красавцемъ, дѣдушка?—залилась звонкимъ и злымъ смѣхомъ Симочка.

— Я? Нѣтъ, гдѣ же всѣмъ быть красавцами!—прошамкалъ дѣдъ.—Я красавцемъ не былъ! Гдѣ же мнѣ!

— Замухрышка!—шипящимъ тономъ проговорила бабка.

— Слышите, слышите! Бабушка называетъ дѣдушку замухрышкой!—опять развеселилась Липочка.

— Дѣдушка, правду говоритъ бабушка, что вы были замухрышкой?—обратилась къ дѣду Симочка.

— А?.. Что?..—не дослышалъ дѣдъ.

— Говорить съ вами нельзя! Бабушка говоритъ, что вы были замухрышкой,—крикливо пояснила Симочка.

— Замухрышкой?.. Да, да, звали такъ!.. Охо-хо-хо!.. Звали!—согласился дѣдъ.—Всего бывало!.. Охо-хо-хо!

— Вы, вѣрно, боялись бабушку? Боялись? А?—допрашивала настойчиво Симочка.

Дѣдъ началъ сильнѣе дрожать и тайкомъ замахалъ рукою Симочкѣ, чтобъ она замолчала.

— Ну, да, боялся, боялся!—воскликнула раздражительно бабка.—И ты боялась бы, если бы я слѣпа не была!

— Слышите! слышите! Какая бабушка у насъ воеводша! Ха-ха-ха!—засмѣялась злымъ смѣхомъ Симочка.

— Я тебѣ косу-то, какъ послѣдней дворовой дѣвкѣ, обрѣзала бы!—угрожающе проговорила бабка. — По самую кожу выстригла бы!

— О, Господи!—вздохнула Евгешка, вспомнивъ старину.

— Слышите, слышите, что̀ говоритъ бабушка! — опять воскликнула Симочка. — Руки у васъ, бабушка, коротки стали! Не достать вамъ, бабушка, до моей косы!

— Негодяйка!—прошипѣла бабка.

— Ай-ай-ай! какъ мнѣ страшно!—воскликнула съ ироніей Симочка.—Ай-ай-ай! Я боюсь!

— Въ дѣвкахъ сидишь, оттого и зла!—проговорила ехиднымъ тономъ бабка.—Да ужъ какъ ни злись, а такъ старой дѣвкой и останешься. До гробовой доски останешься! Поди, пожелтѣла вся, какъ лимонъ, отъ злости, высохла, какъ треска!

— Что вы лаетесь?—обиженно воскликнула Симочка.

— Да, да, бѣсись, бѣсись! Я вотъ пятнадцати лѣтъ пятерымъ женихамъ отказала, а за шестого вышла, а ты чуть не до тридцати лѣтъ въ дѣвкахъ засидѣлась. Сколько мѣсяцевъ до тридцати-то лѣтъ осталось? Считала, чай?

— Съ вами не говорить, а лаяться надо!—произнесла дрожащимъ голосомъ Симочка?

— Нѣтъ, ты мнѣ скажи, считала ли ты, сколько мѣсяцевъ до тридцати-то лѣтъ осталось?—донимала ее бабка.

— Отвяжитесь ли вы отъ меня?—совсѣмъ слезливо сказала Симочка.

— Не любишь о годахъ-то говорить?—съ грубой насмѣшкой сказала старуха, смѣясь дребезжащимъ смѣхомъ.—Да ужъ говори, не говори, а въ дѣвкахъ до гробовой доски останешься! Такъ и заруби себѣ на память! Въ ногахъ валяться станешь, чтобы послѣдній мужиченка замужъ взялъ—не возьметъ кошку драную!

— Вы только обижать людей и умѣете!—захныкала Симочка.—Я не Грушка, чтобы мужикамъ на шею вѣшаться...

— Хнычь, хнычь, ничего не прибудетъ!—дразнила бабка.

— Вѣдьма старая! колдунья усатая!—сквозь слезы огрызалась Симочка.

— Ага, вѣрно за живое задѣло!—поддразнивала бабка.—Другихъ вышучиваешь, а сама не любишь, какъ тебя за живое задѣнутъ!.. Драть тебя надо за ехидство, какъ крѣпостныхъ дирали...

— О, Господи!—тяжело вздохнула Евгешка.

Кто-то закопошился въ темномъ углу, поднялся съ мѣста и торопливо вышелъ вонъ изъ комнаты.

— Что, ушла, небось! Не вытерпѣла!—ѣдко засмѣялась бабка.

— И вовсе не я ушла!—откликнулась Симочка.—Ошиблись въ расчетѣ! Это Грунька фыркаетъ! Сидитъ, какъ пень, а чуть что и вскочитъ. Какъ же: люди разговоромъ на нее никакъ не потрафятъ! Ну, вотъ теперь и пусть впотьмахъ-то посидитъ! Во всемъ домѣ хоть глазъ выколи. Свѣчей-то и въ заводѣ нѣтъ, а керосинъ-то послѣдній въ лампу вылили!

Разговоръ оборвался. Вѣтеръ теперь усилился и не только вылъ, а, казалось, старался сорвать кровлю и разнести весь домъ. Гдѣ-то хлопнули двери.

— Что это? Неужели вѣтеръ?—спросила тревожно Липочка.

— Ужъ не думаешь ли, что грабители?—спросила насмѣшливо Симочка.—Красть-то что? Грунька, вѣрно, ушла, на деревню побѣжала...

Опять воцарилось молчаніе. Кто-то медленно и сладко зѣвнулъ.

— Что отецъ-то не говорилъ, когда изъ города вернется? когда дѣла-то кончитъ?—спросила отрывисто бабка.

— Дѣла! дѣла!—воскликнула презрительно Симочка, не отвѣчая на вопросъ.—У людей пороги обиваетъ, ищетъ, гдѣ бы грошъ занять—вотъ его дѣла! Работать не умѣетъ, а все срыву добыть хочетъ. Только дураковъ-то нынче мало, чтобы зря деньги въ долгъ безъ отдачи давать.

— А ради кого онъ перехватываетъ, какъ не ради васъ?—заговорила бабка.—Вы на шеѣ у него сидите, дармоѣдки! До старости дожили, ничего дѣлать не умѣете!

— Ну, ужъ извините! Если ужъ кто-нибудь у него на шеѣ сидитъ, такъ это вовсе не мы, а вы съ дѣдушкой,—возразила язвительно Симочка.—Отецъ незамужнихъ дочерей завсегда обязанъ кормить, а вы вотъ сто лѣтъ у него на шеѣ сидите. Пора бы и стыдъ знать.

— Негодяйка!—гнѣвно прошипѣла бабка.—Да кто насъ-то самихъ въ раззоръ разорилъ, если не твой же старшій братецъ, которому отецъ волю далъ? У насъ домъ чаша полная былъ. У насъ дворни одной меньше двадцати человѣкъ никогда не бывало въ домѣ. А теперь что? Евгешка кривая одна живетъ и то потому, что ей идти некуда съ однимъ-то глазомъ.

— О, Господи!—вздохнула Евгешка не то о своемъ выбитомъ въ былые годы глазѣ, не то о томъ, что ей теперь идти некуда.

— Что вы намъ братомъ-то глаза колете?—огрызнулась Симочка.—Покойный братъ объѣдки доѣлъ, и самъ отецъ немногимъ послѣ васъ попользовался. Съѣли все вы сами: заложили, перезаложили, продали и перепродали все; отдали отцу имѣніе, когда уже тамъ ничѣмъ-ничего не было, кромѣ этой проклятой дачи.

— Проклятой! проклятой!—передразнила бабка.—На эту дачу-то любоваться люди изъ города ѣздили, когда я ее построила...

— Полюбовались бы на нее теперь! Ха-ха-ха!—громко засмѣялась Симочка.—Жаль, что глазъ нѣтъ у васъ-то. Ободрана она вся. Ставни да рамы обдираемъ, чтобы ее же топить. Скоро все сожжемъ въ послѣдней печкѣ, у ко-

торой на улицѣ грѣться зимой станемъ. Вотъ какова она, ваша дача-то!.. Любоваться ѣздили!

— Такъ кто же довелъ ее до этого?—спросила бабка.— У насъ все было, и лѣсъ, и слуги...

— Симочка, Симочка, взгляни, дѣдушка носомъ рыбу на столѣ удитъ!—съ рѣзвымъ смѣхомъ перебила разговоръ Липочка.—Ха-ха-ха!

— Дѣдушка, дѣдушка!—окликнула старика Симочка.

— А?.. Что?..—очнулся испуганно старикъ и заморгалъ воспаленными вѣками.

— Вы носъ объ столъ расквасите!—пояснила внучка.— Онъ у васъ и такъ красный, какъ нарывъ назрѣлъ. Лопнетъ еще!

— Я старенькій, дѣточка, я слабенькій,—жалобно пояснилъ старикъ, протирая глаза.

— Замухрышка! — презрительно проговорила бабка.— Только и умѣешь, что притворяться! Подличаешь передъ каждымъ. Воду бы на тебѣ возить.

— Бабушка васъ замухрышкой назвала, дѣдушка!—пояснила Липочка.

— А? Что? Замухрышкой?.. да, да, звала такъ, звала!— согласился старикъ.—Охо-хо-хо!.. всего бывало!

На минуту всѣ замолчали. Гдѣ-то раздалось шипѣнье, потомъ что-то хлопнуло, и послышалось хриплое кукованье. Оно повторилось восемь разъ, опять что-то зашипѣло и что-то хлопнуло.

— Проклятые, вѣчно напугаютъ,—проворчала бабка.— Хоть бы дверцы сорвать, не хлопали бы... И какъ время-то ползетъ. Всего восемь прокуковали... А-ахъ!

Опять наступило молчаніе подъ вой вѣтра.

— Евгешка, а что у насъ отъ обѣда осталось?—спросила Симочка.

— О, Господи, чего тутъ останется?—проворчала Евгешка.

— Не можетъ быть, чтобъ ничего не осталось,—запротестовала Симочка.

— Значитъ можетъ, если ничего нѣтъ! — огрызнулась Евгешка.

— Да я же тоже ѣсть хочу,—пояснила Симочка.

— И я тоже,—подтвердила Липочка.

— Пойдемъ, поищемъ чего-нибудь! — предложила Симочка.

— Евгешка, ступай съ ними!—приказала бабка:—а то

однѣ онѣ все стащутъ. Всѣ жрутъ потихоньку. Ступай за ними! Меня и такъ голодомъ морятъ.

— Слава Богу, жирнѣе насъ всѣхъ, не помрете съ голоду,—огрызнулась Симочка.

Обѣ барышни и Евгешка, захвативъ лампу, торопливо исчезли изъ комнаты.

— Что случилось?—тревожно воскликнулъ дѣдъ.—Горитъ что?.. Охо-хо-хо!.. Я старенькій, ничего не слышу!

— Ѣду пошли искать! Ѣсть захотѣли! Глухая тетеря, слышишь?—крикнула бабка.

— Слышу, слышу!.. Ѣду искать! Ѣсть хотятъ!.. Такъ, такъ!—проговорилъ дѣдъ.

Онъ опасливо оглядѣлся въ потемкахъ, отложилъ трубочку, пошарилъ осторожно къ прорѣхѣ засаленнаго халата, вытащилъ ломоть хлѣба, украденный имъ за обѣдомъ, и сталъ торопливо по кусочкамъ засовывать его въ ротъ, стараясь глотать ихъ, почти не пережевывая.

— Ты что̀ это тамъ зачавкалъ?—крикнула бабка.—Говори сейчасъ.

— Я... я... Ничего... Я старичокъ старенькій... Такъ жую... Пустымъ ртомъ жую...—оправдывался старикъ, давясь кусками хлѣба.

— Врешь, врешь!—закричала бабка.—Всегда былъ подлымъ трусомъ и воромъ. Щеки подставлялъ подъ мои туфли, а дѣвокъ тайкомъ соблазнялъ въ дѣвичьей. Трусъ и воръ! Трусъ и воръ!

— Охо-хо-хо! Старичка слабенькаго всякій обидитъ!—жалобно завздыхалъ дѣдъ и лукаво подмигнулъ глазомъ, радуясь, что теперь она, слѣпая, не найдетъ его щекъ.

Водворилась тишина. Въ темной комнатѣ было слышно только, какъ тоскливо воетъ вѣтеръ въ трубѣ, какъ неистово сталъ барабанить дождь въ стекла.

— Господи, что̀ за время! Господи, что̀ за время!—жаловалась съ тяжкимъ вздохомъ старуха, тоскливо мечась головой на креслѣ и сжимая въ отчаяніи кулаки.

— Ничего нѣтъ, какъ есть ничего!—раздалось безнадежное восклицаніе Липочки, и комната опять озарилась свѣтомъ лампы.

— Да, ничего! А я голову готова прозакладывать, что у подлой Евгешки что-нибудь припрятано!—горячо произнесла Симочка.

— О, Господи!.. Припрячешь тутъ!—проворчала хмуро Евгешка, опасаясь за обыскъ своей постели.

— Полюбуется братецъ на нашу жизнь!—ехидно замѣтила Симочка.—Ни куска хлѣба, ни свѣчей, ни масла...

— Отецъ, можетъ-быть, раздобудетъ что-нибудь. Прошеніе какому-нибудь сиволапому болвану тамъ составитъ!—сообразила Липочка.

— Нынче и сиволапые поумнѣли, къ заправскимъ адвокатамъ идутъ,—сказала Симочка.—А если добудетъ что, такъ грошъ. Нѣтъ, ужъ пусть лучше братецъ всю прелесть нашей жизни увидитъ. Пусть у него душа перевернется! Грушку тоже поглядитъ, какъ она за корявымъ мужичонкомъ бѣгаетъ, какъ она простой старой бабѣ, какъ матери, угождаетъ. Поди, и теперь тамъ. Ни на ночь, ни на дождь не посмотрѣла, къ полюбовнику своему сбѣжала. Братецъ—офицеръ, братецъ ей покажетъ, что̀ значитъ ронять свое благородство.

— Да, да, подождите, этотъ еще послѣднія юбчонки съ васъ сдеретъ,—злобно проговорила бабка.—Старшій обобралъ, что могъ; младшій послѣднее обдеретъ.

— Что̀ это вы въ самомъ дѣлѣ на нашихъ братьевъ взъѣлись!—огрызнулась Симочка.—Если покойный братецъ Костя и кутилъ, такъ это съ горя: видѣлъ, въ какомъ положеніи вы родовое имѣніе оставили, до чего довели нашу фамилію... Росъ, когда вы швыряли деньги направо и налѣво, а когда въ настоящіе годы вошелъ—вы всѣхъ насъ по-міру пустили... даже образованія намъ не дали... будь у насъ образованіе—мы, можетъ-быть, въ гувернантки поступили бы, да свою судьбу нашли бы... Съ васъ все пошло... съ васъ!..

— Слушай, слушай, кто-то ѣдетъ?—перебила ее Липочка, дернувъ за рукавъ.

— Это вѣтеръ,—нетерпѣливо воскликнула Симочка.

— И неправда, неправда! Это ѣдетъ кто-то!—заспорила Липочка.

— А у насъ и свѣчи нѣтъ, чтобы встрѣтить,—сообразила Симочка.—Евгешка, Евгешка, шарь повсюду, а чтобы свѣча была! Хоть огарокъ!

— Хоть зарѣжьте, нѣтъ!—отозвалась Евгешка. — Вотъ чтобы провалиться на этомъ мѣстѣ; вотъ лопни...

— Ищи, ищи, воровка! Припрятала гдѣ-нибудь!..

— Это братецъ, братецъ! Слышите, подъѣзжаютъ къ дому!..

— Да, такъ и есть: остановились!

— Что если братецъ и въ самомъ дѣлѣ не одинъ, а съ кѣмъ-нибудь изъ товарищей!

Барышни и Евгешка, захвативъ лампу, побѣжали въ прихожую, забывъ впопыхахъ даже захлопнуть за собою двери.

— Охо-хо-хо! Что тамъ опять? Горимъ, что ли?—забормоталъ дѣдъ.

— Дуетъ, дуетъ! Вѣрно, дверь не заперли!—заворчала бабка.—Ей ты, старый сычъ, чего не закроешь двери?

— А?.. Что?—спросилъ дѣдъ.

— Двери закрой! Дуетъ!—приказала старуха.

— Не найти мнѣ дверей, лампу унесли, въ комнатѣ темно!—пояснилъ дѣдъ.

— Такъ что же мнѣ помирать отъ простуды, что ли, изъ-за того, что тебѣ темно?—раздражилась старуха.—Чувствуешь, откуда дуетъ, ну и иди туда запирать дверь!

— Убѣжали-то всѣ съ чего?—допрашивалъ дѣдъ.

— Брата встрѣчать побѣжали,—пояснила жена.—Радуются, что еще одинъ разоритель явился. Первый, вѣрно, еще не все промоталъ.

— Охо-хо-хо! — завздыхалъ дѣдъ. — Все, все, нечего больше мотать! Нечего! Все промотано!

— Да затворишь ли ты дверь, старая рохля?—прикрикнула старуха.

— Сейчасъ вотъ иду, сейчасъ вотъ иду!—неторопливо отозвался старикъ и погрозилъ кулакомъ по направленію къ женѣ.

Ему, какъ ребенку, доставляла неизъяснимое удовольствіе возможность грозить ей кулаками, показывать ей языкъ, отплачивая за прошлое. Въ другой комнатѣ раздавались поцѣлуи и звенѣли голоса.

— Братецъ, братецъ, извините, у насъ даже свѣчей нѣтъ!—говорили сестры.

— Полноте, полноте, что-жъ дѣлать, если нѣтъ!—ласково успокоивалъ мужской голосъ, еще не окрѣпнувшій, жиденькій и похожій на пискливый бабій голосъ.

— Неправда, все, все есть! Я все закупилъ, что̀ было приказано!—заявилъ веселый и шумный мужской басъ.—Удача мнѣ сегодня! Дѣло чудесное удалось обтяпать. Дачу дуракамъ-мужикамъ запродалъ. Развалилось все, груды мусора, земля дрянь, а удалось обойти болвановъ. Давно они сватались. Теперь конецъ,—и задатокъ успѣлъ сцапать. Завтра придутъ окончательно порѣшить дѣло.

— О, Господи! вотъ-то бѣда!—раздался вздохъ Евгешки.

Въ комнату, гдѣ сидѣли дѣдъ и бабка, ввалились всѣ

остальные члены семьи: бѣлобрысенькій и худенькій офицерикъ съ веснушатымъ лицомъ и золотушными глазками, окруженными синевой, высокій и плотный мужчина съ всклоченными сѣдыми волосами, Липочка, Симочка и Евгешка. Раздались привѣтствія всѣхъ господъ Бирюковыхъ. Барышни съ помощью Евгешки, притащившей чемоданчикъ, сумку и револьверъ молодого барчука, съ лихорадочной поспѣшностью голодныхъ развязывали двѣ привезенныя отцомъ корзинки съ провизіей. Въ корзинкахъ были свѣчи, и булки, и закуски, и бутылки съ виномъ.

— Ну, надѣюсь, ничего не забылъ?—весело заговорилъ по-французски отецъ, обращаясь къ дочерямъ.

Онъ всегда говорилъ по-французски, когда былъ доволенъ дѣлами и могъ держать себя развязно, и всегда въ это время отъ него припахивало виномъ.

— Вонъ, вонъ cher papa ужъ и руки потираетъ отъ удовольствія!—проговорилъ онъ, указывая глазами на Дениса Ивановича, и, фамильярно потрепавъ старика по плечу, спросилъ:—Кутнемъ? А? Старину вспомнимъ!

Старикъ только захихикалъ тихонько, скорчивъ глупую гримасу конфузящагося смиренника съ стыдливо опущенными глазами, и указалъ, качая укоризненно головой, на свою слѣпую жену. Сынъ, подмигивая, лукаво погрозилъ ему пальцемъ.

— Ты, вѣрно, маленькій и тщедушный, какъ дѣдъ,—презрительно говорила между тѣмъ бабка, вслушиваясь въ голосъ внука.—Голосъ жидкій.

— У меня грудь узенькая, бабушка,—извиняющимся тономъ пояснилъ внукъ.—Хворалъ я сильно въ корпусѣ. Маршировка, ружейные пріемы, строевыя ученья, не по мнѣ все это. У меня высшіе взгляды и цѣли...

— Хворалъ теперь, что-жъ послѣ-то будетъ, подъ старость-то?—произнесла бабка, не слушая его.

— Мнѣ до старости не дожить, бабушка,—элегичнымъ тономъ пояснилъ внукъ.—Я недолговѣчный... Я это знаю впередъ и не печалюсь объ этомъ... «Блаженъ, кто жизнь окончилъ рано, кто душу чистою унесъ туда, въ заоблачныя страны, изъ міра вѣчныхъ мукъ и слезъ»...

— Это ты что же, съ билетиковъ на леденцахъ вычиталъ?—презрительно спросила бабка.

— Это стихи моего собственнаго сочиненія, бабушка,—не безъ гордости пояснилъ внукъ.—Я съ десяти лѣтъ сочинять началъ стихи.

— Изъ-за нихъ, вѣрно, и заставляли тебя сидѣть по два года въ одномъ и томъ же классѣ за тупость и лѣнь,— насмѣшливо проговорила старуха.

— Я хворалъ подолгу,—напомнилъ жалобно внукъ.

— Въ мое время такихъ кисляевъ не было,—рѣзко сказала бабка.

— Въ бабушкино время все одни борзятники, да разбойники жили,—ядовито вставила Симочка и безцеремонно прибавила:—вы, братецъ, на нее не обижайтесь; она всегда у насъ все такое обидное говоритъ людямъ. Мы, братецъ, иногда глазъ изъ-за нея не осушаемъ.

— Ахъ, братецъ, если бы вы всю нашу жизнь знали, вы бы поняли, что тутъ человѣкъ руки самъ на себя наложить даже можетъ,—съ чувствомъ заявила Липочка.—На этотъ сюжетъ не то что стихи, а цѣлый романъ написать можно...

— Господа, господа, соловья баснями не кормятъ,— воскликнулъ весело хозяинъ дома, не обращая вниманія ни на чьи слова.—Теперь самоварчикъ бы скорѣе, да закусить поплотнѣе—отличное дѣло!

— Евгешка, Евгешка,—заволновались барышни, крича въ двери кухни:—ужъ не завалилась ли ты тамъ дрыхнуть въ кухнѣ, чего добраго!

— Чего дрыхнуть?—отозвался грубый голосъ Евгешки изъ кухни.—Самоваръ раздуваю, чтобъ ему провалиться, окаянному...

— Ну, я васъ ждать не стану, проводите меня въ спальню, да принесите туда потомъ чаю и закусить,—сказала, потягиваясь и зѣвая, бабка.

Внукъ бросился помочь ей встать и взялъ ее за руку. Она неожиданно съ брезгливостью выдернула изъ его рукъ свою руку и спросила:

— Съ чего руки мокрыя?

— Потѣютъ онѣ у меня, бабушка,—отвѣтилъ онъ застѣнчиво.

— Такъ вытирай ихъ, прежде чѣмъ людямъ совать. Невѣжа! Кто васъ держать себя въ обществѣ училъ?.. Тьфу! точно лягушку подержала въ рукахъ—холодную, да мокрую!.. Всю ночь тошнить будетъ! Ну, что же, ведите меня спать!—прикрикнула она на присутствующихъ.

Липочка и Симочка повели ее подъ руки въ ея спальню.

— Брюзжитъ, брюзжитъ, mon cher!—заговорилъ оживленно Петръ Денисовичъ, указывая сыну глазами на удалявшуюся старуху-мать.—Что дѣлать! что дѣлать! Привыкла повелѣвать.

Красоты была неописанной! У ногъ цѣлые эскадроны офицеровъ были. Дворни цѣлыя сотни насчитывались. Милліонами ворочала. Стоило пальцемъ двинуть—и все къ ея услугамъ, всѣ ницъ передъ нею. И умѣла же командовать! Правда, papa, maman умѣла командовать? Да? Нагоняла, небось, страху! Ну, да и papa маху не давалъ по части дѣвичьихъ. Тоже лихимъ кавалеристомъ въ свое время былъ, покатался на своемъ вѣку, какъ сыръ въ маслѣ. Эти самыя крутыя горки и укатали. Теперь вотъ и съежился, и въ землю расти сталъ, а то молодцомъ былъ. Я еще помню. Сто верстъ на лошади, бывало, проскачетъ. Подковы гнулъ. Прежде народъ былъ кряжистый, не нынѣшній!.. Правда, papa, вы вѣдь молодцомъ были?

Петръ Денисовичъ говорилъ, сильно жестикулируя, и въ то же время между разговоромъ раскупоривалъ бутылки и приготовлялъ закуску, пробуя кстати и вино, и ѣду. Вернувшіяся отъ бабушки Липочка и Симочка стали помогать ему и захлопотали около принесеннаго изъ кухни самовара.

— Что это воетъ, сестрицы? — спросилъ молоденькій офицеръ.

— Это вѣтеръ, братецъ. Это у насъ постоянно, — отвѣтили сестры.

— Какъ это непріятно. Это на нервы должно дѣйствовать,—тоскливо проговорилъ онъ, вздрагивая.

— Гдѣ же тутъ, чортъ возьми, колбаски? — воскликнулъ Петръ Денисовичъ, щелкая пальцами. — Этакія маленькія три колбаски съ чесночкомъ? Нарочно приказалъ положить, чтобъ послѣ водочки закусонъ сдѣлать. Не положилъ, вѣрно, каналья Авдулинъ. Вотъ народъ-то. Чуть не доглядишь,— или тухлятины подложитъ, или вовсе не положитъ купленнаго, да еще два раза за одно и то же въ счетъ поставитъ. Я, на мѣстѣ правительства, всѣхъ купцовъ дралъ бы на Конной площади...

— Евгешка не скрала ли? Помогала разбирать корзинку и скрала!—сообразила Симочка и понеслась въ кухню.

Тотчасъ же оттуда послышался оживленный діалогъ: «Дыхни, дыхни!»—«Чего мнѣ дыхать?»—«Это ты колбаски съ чеснокомъ слопала?»—«Вотъ чтобы мнѣ на мѣстѣ провалиться, лопни...»—«Врешь, врешь, ты всегда все скрадешь, одноглазая разбойница, а ночью и чавкаешь...» Однако, заслышавъ звонъ ножей и вилокъ въ комнатѣ, неразыскавшая колбасъ Симочка опрометью вернулась къ столу съ ѣдой,

ужасаясь при мысли, что безъ нея растащатъ и съѣдятъ всю закуску.

— Да, mon cher, все было и всего не стало,—ораторствовалъ Петръ Денисовичъ, пропуская въ ротъ шестую или седьмую рюмку водки.—Теперь изъ-за трехъ пропавшихъ колбасъ готовы горло перервать ближнимъ. Что дѣлать! Что дѣлать! Борьба за существованіе, какъ говоритъ нашъ великій Дарвинъ. Непреложный законъ природы! Ты съѣшь—мнѣ не достанется; значитъ, я и долженъ тебѣ перервать горло, чтобы не ты съѣлъ, а я... Такъ, папахенъ?

Денисъ Ивановичъ молчалъ. Онъ уже опустился, какъ мѣшокъ, и казался теперь какимъ-то ворохомъ стараго и заношеннаго тряпья, изъ котораго выставлялась только безпомощно трясущаяся облѣзлая голова съ глупо-блаженной улыбкой на лицѣ и съ рдѣющимъ, какъ раскаленный уголь, красно-синимъ носомъ-луковицей. Онъ былъ уже совершенно пьянъ.

— Евгешка, Евгешка,—крикнула Симочка:—отнеси вотъ бабушкѣ чашку чаю да булки. Да не сожри дорогой, воровка!

— О, Господи, украдешь тутъ!—вздохнула Евгешка.

— А колбаски кто скралъ? Кто? Я еще накрою тебя!—угрожала Симочка.—Ночь не просплю, а накрою!

— Да, mon cher,—продолжалъ ораторствовать Петръ Денисовичъ, обращаясь опять къ сыну:—голодъ—вотъ главнѣйшій двигатель всего въ мірѣ: геніальныхъ изобрѣтеній, кровавыхъ преступленій, величайшихъ подвиговъ, гнуснѣйшихъ предательствъ, однимъ словомъ, цивилизаціи! Кто не испыталъ голода, тотъ не знаетъ, на что можетъ побудить голодъ!

Онъ осушилъ еще одну рюмку водки.

— Когда я былъ въ Севастополѣ во время русско-турецкой войны,—заговорилъ онъ съ особеннымъ одушевленіемъ.

— А развѣ вы были въ Севастополѣ?—немного изумленно перебилъ его вопросомъ сынъ.

— Гдѣ же я не былъ. И въ Севастополѣ, и въ Парижѣ!—небрежно воскликнулъ Петръ Денисовичъ.—Такъ вотъ, когда я былъ въ Севастополѣ, у насъ въ концѣ-концовъ истощились всѣ жизненные припасы, ни мяса, ни хлѣба, ни сухарей, люди грызли подошвы отъ своихъ собственныхъ сапогъ, ловили крысъ живьемъ, пожирали всякую падаль. Нѣсколько дней у меня не было во рту ни маковой росинки. Я изнемогалъ, я готовъ былъ сдѣлаться людоѣдомъ. Вдругъ, во время самаго кровопролитнаго боя, я вижу, лежитъ на землѣ раненый на смерть солдатикъ и въ окровавленной рукѣ алчно

сжимаетъ ломоть черстваго хлѣба. Я, какъ безумный, бросился къ нему, схватился за хлѣбъ, началась борьба между мною и умирающимъ, я припалъ къ нему на землю, готовый задушить его... и... и...

Петръ Денисовичъ громко икнулъ и пошатнулся.

— И... задушилъ!..—кончилъ онъ едва слышнымъ голосомъ, опускаясь безпомощно на кресло.

— Папа всегда такъ,—равнодушно пояснила Липочка.— Какъ выпьетъ, такъ и начнетъ о своихъ подвигахъ на войнѣ, или о своихъ безкорыстіи и честности говорить. Это ему всегда въ пьяномъ видѣ все такое представляется, чего не было.

— Да, но отецъ вѣдь былъ же военнымъ?—полувопросительно замѣтилъ братъ.

— Да, безъ году недѣлю, — насмѣшливо отвѣтила Симочка.—Только тогда и войны-то никакой не было, и удалили его со службы за то, что проигралъ какія-то солдатскія деньги. Бахвалиться-то только въ пьяномъ видѣ любитъ: я и то, я и се, и Парижъ онъ бралъ, когда и на свѣтѣ-то его не было, и милліоны-то у него были, когда кромѣ долговъ ничего въ сущности и не получилъ онъ отъ дѣдушки и бабушки.

— Такъ вотъ онъ какой!—задумчиво со вздохомъ проговорилъ молоденькій офицерикъ, меланхолическими глазами глядя на заснувшаго въ креслѣ отца, свѣсившаго на грудь лохматую сѣдую голову.

— Изъ-за него и братецъ Костя погибъ,—начала сплетничать на отца Симочка.—Наговорилъ ему съ дѣтства отецъ, что онъ и важный баринъ, и милліонеръ, что Костя съ лучшимъ обществомъ долженъ знаться и отъ богачей не отставать. Костя былъ красивый, горячій, щедрый, гордый, ну и началъ онъ жить не по средствамъ, бросать деньги, кутить, запутался совсѣмъ, а потомъ, какъ все выяснилось, какъ оказалось, что платить за него долговъ не изъ чего, что онъ подлецомъ долженъ передъ людьми оказаться, со стыда да съ горя запилъ,—запилъ, какъ послѣдній пьяница. Такъ мертваго и нашли его на дорогѣ зимою чуть не нагишомъ. Замерзъ въ пьяномъ видѣ. А ему всего двадцать два года было.

— Да и слава Богу, что умеръ, хоть не видалъ того, чего мы насмотрѣлись,—сказала слезливо Липочка.—Какъ мы еще живы, братецъ: и холодъ, и голодъ, а все живемъ; вотъ уже болѣе десяти лѣтъ, какъ мы въ этой развалинѣ

живемъ. Какъ только васъ, братецъ, въ малолѣтній корпусъ отправили, такъ мы и перебрались сюда. И чего-чего мы не натерпѣлись здѣсь, и обидъ, и страху. Сперва садъ вырубили, потомъ всякія пристройки снесли, затѣмъ доски стали обрывать съ дому, чтобы хотя обогрѣваться зимой. Одежонка да бѣльишко, что было, все пообносилось, расползлось, скоро послѣднія лохмотья въ корытѣ останутся. А ужъ на какія деньги мы питались—одинъ только Богъ знаетъ. Отецъ въ Лужѣ пробовалъ дѣлами заниматься, работать ничего не умѣетъ, служить не привыкъ, такъ ходатаемъ въ судахъ сдѣлался и всѣхъ какъ есть, кто имѣлъ съ нимъ дѣла, надулъ, такъ что отъ него, какъ отъ огня, стали бѣгать. Извѣстно, онъ и законовъ не знаетъ, и въ срокъ не привыкъ что-нибудь дѣлать. Такъ всѣ дѣла и проигрывалъ. И ужъ какъ пить-то научился во время самаго этого ходатайства по дѣламъ,—такъ это страсть. Еще хорошо, что хоть во хмелю не буйствуетъ, а только бахвалится тѣмъ, какой онъ храбрый да честный. Послушать его, такъ всѣ люди либо трусы, либо подлецы, и всѣхъ въ каторгу упечь слѣдуетъ. Мы такъ его и прозвали Судьей-Соломономъ...

— Ахъ, вы бѣдныя, бѣдныя! сколько вы горя пережили!—съ чувствомъ проговорилъ братъ.—Не думалъ я здѣсь все такое встрѣтить... Точно обухомъ по головѣ пришибло... високъ вотъ заболѣлъ... у меня вѣдь мигрени... съ малолѣтства страдаю... И сами вы похудѣли... поблѣднѣли...

— Похудѣешь тутъ, братецъ! — воскликнули сестры.—Какъ мы еще живы. И наги, и босы, и ѣдимъ впроголодь... Слава Богу, вотъ теперь хоть вы въ офицеры вышли... На васъ вся надежда...

— А гдѣ же сестра Груня?—спросилъ братъ.

— И не говорите, и не говорите, братецъ!—воскликнули обѣ сестры разомъ.

— Это васъ, братецъ, совсѣмъ убьетъ, какъ благороднаго человѣка,—прибавила элегически Липочка.

— Я надѣюсь, что братецъ сумѣетъ по-своему дать Грунькѣ острастку, братецъ — офицеръ и ничего такого не долженъ терпѣть,—увѣренно произнесла Симочка.

— Я не могу въ толкъ взять, что̀ вы хотите сказать, сестрицы,—замѣтилъ въ смущеніи братъ.

— Грушка ведетъ себя совсѣмъ неподобающимъ для благородной дѣвицы образомъ, мундиръ вашъ будетъ марать,—разомъ заговорили сестры и стали, сплетничая, перебивать

одна другую.—Тутъ у насъ въ верстѣ за нашей дачей деревушка есть «Рогачи». Вы, конечно, не помните, ребенкомъ уѣхали... Мужичонка одинъ Ермолай въ «Рогачахъ» живетъ со старушонкой-матерью. Такъ, совсѣмъ простая старая баба въ сарафанѣ... Грунька познакомилась съ этими мужланами, бѣгаетъ помогать этой самой старушонкѣ, Ермолаевой матери, въ работѣ, съ Ермолаемъ зубы скалитъ... Сперва и брать-то ее не хотѣли, сама навязалась силой въ помощницы, а теперь совсѣмъ простой дѣвкой сама стала... Евгешка разъ застала, какъ Грунька плакала на задворкахъ у Ермолаевой избы, а Ермолай ее по головѣ гладилъ... Если бы мы не дѣвушки были, мы бы, братецъ, могли и болѣе поразсказать, но намъ, конечно, и думать объ этомъ позорѣ неприлично... Это намъ Евгешка подлая все передаетъ, а мы, конечно, сами въ такую грязь не можемъ мѣшаться... Только мы отъ Груньки такія дерзости, такія грубости выносимъ, что это слезъ достойно... Никого она въ грошъ не ставитъ... Вы, братецъ, поговорите съ ней, поразспросите ее сами утромъ, когда она придетъ... Она ужъ, вѣрно, до утра и не придетъ...

— Да, да, что-жъ, я, пожалуй, поговорю потомъ,—со вздохомъ сказалъ братъ.—Это точно странно... очень странно... А теперь спать пора... мигрень у меня... отецъ и дѣдъ вонъ давно храпятъ...

— Да, вы, я думаю, устали, братецъ!—сказала Липочка.—Евгешка, Евгешка, проводи барина въ его комнату. Жаль только, что и спать-то на нашей проклятой дачѣ неудобно вамъ будетъ...

Братъ простился съ сестрами и, захвативъ чемоданчикъ, сумку и револьверъ, понуро пошелъ вслѣдъ за Евгешкой, несшей свѣчу.

— О, Господи! Что говорятъ: проклятая дача! — простонала Евгешка.—А продадутъ ее—куда головы приклонить? Да, куда?

— Въ самомъ дѣлѣ, куда же дѣнутся всѣ—сестры, дѣдушка, бабушка?—растерянно задалъ вопросъ молодой офицеръ, недоумѣло моргая вѣками безъ рѣсницъ.

— Да, то-то я и говорю: куда дѣнутся? Рой могилу и ложись,—безнадежно отвѣтила Евгешка.—Притулить головы некуда. Завтра вотъ продадутъ и шабашъ! Петлю на шею и въ воду. Гдѣ вамъ всѣхъ ихъ содержать.

Они проходили по сѣнямъ, и вѣтеръ, внезапно ворвавшійся въ нихъ, чуть не задулъ свѣчи. Кто-то шмыгнулъ

и остановился, словно замеръ, у стѣны. Офицеръ испуганно вскрикнулъ отъ неожиданности.

— Чего вы, батюшка, испужались? Это сестрица Аграфена Петровна съ деревни вернулась!—пояснила Евгешка.

— А! это вы, сестрица,—проговорилъ офицеръ, съ трудомъ переводя духъ послѣ испуга и останавливаясь взглянуть на сестру.

У стѣны, прислонившись къ ней, стояла коренастая дѣвушка лѣтъ двадцати-двухъ, съ опущенной на грудь головою, съ загорѣлымъ лицомъ и темными глазами, смотрѣвшими исподлобья.

— Я, братецъ!—отвѣтила она, немного дичась его, и нерѣшительно, неловко, не сгибая пальцевъ, сунула ему руку, грубую, въ мозоляхъ.

— У кого же вы это въ деревнѣ были, сестрица?—полюбопытствовалъ братъ, всматриваясь въ нее и удивляясь, какъ она похожа на мужичку.—Знакомые тамъ у васъ?

— Мой женихъ тамъ со своею матерью живетъ,—отвѣтила она и вдругъ бойко подняла голову.

Въ глазахъ засвѣтился огонекъ не то вызова, не то веселаго смѣха.

— Женихъ, сестрица? Кто такой?—полюбопытствовалъ братъ.

— Ермолай Корягинъ. Крестьянинъ Ермолай Корягинъ,—отчетливо отвѣтила она, пытливо смотря на золотушное лицо, на подслѣповатые глаза брата.

— Хорошая партія, сестрица!—проговорилъ онъ.

Онъ хотѣлъ такъ «поговорить» съ ней, какъ посовѣтовали ему сестры, и не могъ сказать ничего, кромѣ этой фразы.

— Да, слава Богу, нашлись добрые люди, не побрезговали,—особенно выразительно отвѣтила она и прибавила:—Завтра вотъ, говорили сегодня въ Рогачахъ, нашу дачу купятъ рогачовцы,—у меня хоть будетъ, гдѣ приклонить голову... Работать за эти два года привыкла, такъ знаю, что не погонятъ теперь, какъ дармоѣдку...

Въ ея глазахъ опять блеснулъ недобрый огонекъ.

— Да-а! вотъ вы какъ разсуждаете!—вяло проговорилъ братъ.

— А вы какъ думаете,—рѣзко и вызывающе сказала она.—Гранпасьянцы надо раскладывать, какъ сестрицы раскладываютъ? Жаловаться на холодъ да голодъ и ждать у моря погоды надо, какъ онѣ? Нѣтъ, довольно; насмотрѣ-

лась я на все это, насмотрѣлась; вотъ по сихъ поръ довольно съ меня!

Она провела, какъ ножомъ, рукой по горлу.

— Теперь вы полюбуйтесь на нихъ, поживите съ ними; пріютите всю орду у себя. Васъ вѣдь только и ждали. Кто-нибудь да долженъ ихъ кормить, если сами не умѣютъ. Я только на шеѣ ни у кого висѣть не буду, да ужъ никого и къ себѣ на спину не взвалю. А вы вотъ покормите ихъ, послушайте ихъ, какъ онѣ на судьбу будутъ роптать, какъ меня ругать станутъ. Я плевать на нихъ и на ихъ брань хотѣла. Вы такъ это и зарубите себѣ на память. Я жить хочу и буду жить, а на нихъ мнѣ плевать, что̀ бы онѣ ни говорили про меня. Вотъ что!

Она угловато отдѣлилась отъ стѣны и, хлопнувъ дверью, скрылась изъ сѣней.

— О, Господи!—вздохнула Евгешка.—То слезьми прежде, какъ рѣка, разливалась, то напустила теперь на себя отчаянность, хоть сейчасъ на большую дорогу разбойничать идти. Зубъ на зубъ ругаться готова. Вотъ такъ барышня!

Они вошли въ большую пустую залу со скрипучимъ поломъ и запахомъ сырости и гнили.

— Мебель-то отсюда пожгли прошлой зимой... Диванчикъ вотъ только остался тутъ... Старенькій онъ, а все же ничего, не обвалится, Богъ дастъ... Вы легонькій,—пояснила Евгешка, когда молодой баринъ опустился на заскрипѣвшій подъ нимъ диванъ.

— Да, да, я не тяжелъ,—согласился со вздохомъ офицеръ и сталъ съ усиліемъ стягивать съ ноги длинный сапогъ.

— Я диванчикъ-то къ окну поближе придвинула, чтобъ свѣчку было гдѣ поставить. Столика-то нѣтъ. Порубили всѣ на дрова,—объясняла Евгешка.

— Да, да... Фу ты, Боже мой, какъ усталъ съ этими сапогами биться,—проговорилъ молодой Бирюковъ.

Онъ запыхался отъ усилія, покраснѣлъ и немного смущенно обратился къ Евгешкѣ:

— Помогите мнѣ снять сапоги... Возня съ ними всегда... Самъ безъ денщика никогда не сниму... Тѣсны они очень и длинны...

Евгешка взялась за лѣвый сапогъ юноши, уперлась въ его правую ногу костлявою ногою, обутою на голое тѣло въ рваный опорокъ, и началось усердное сниманіе неудобной обуви съ пыхтѣвшаго отъ усталости барчука. Когда оба сапога были сняты, и Евгешка удалилась, юноша раздѣлся

и, прерывисто дыша, легъ на спину на диванъ, который началъ скрипѣть при каждомъ его движеніи, при каждомъ его тяжеломъ вздохѣ, словно жалуясь, что ему на старости лѣтъ приходится держать на себѣ непосильную ношу. Задувъ стоявшую на подоконникѣ свѣчу, молодой Бирюковъ очутился въ полномъ мракѣ. Въ залѣ было холодно и сыро и пахло плѣсенью. «Точно въ могилѣ», мелькнуло въ головѣ юноши, и ему стало жутко. Гдѣ-то въ сосѣдней комнатѣ скрипнули половицы. Послышалось, что въ одномъ изъ угловъ кто-то скребется. Вотъ забѣгали подъ поломъ крысы. Въ форточкѣ засвистѣла и зашелестила отставшая бумажная оклейка, уцѣлѣвшая еще съ прошлогодней зимы. Эти посвистыванія и шелестъ раздражали нервы. Этакая тоска! Зажечь развѣ свѣчу? Бирюковъ хотѣлъ встать и поискать спичекъ. Гдѣ же найти ихъ! У него ихъ нѣтъ, онъ не куритъ. Докторъ запретилъ ему курить. И стòитъ ли зябнуть, отыскивая спички? Еще простуду схватишь. Ахъ, простуда, простуда! Знаетъ онъ, чтò она значитъ. Въ лагерѣ онъ ее схватилъ впервые: началось гриппомъ—кончилось воспаленіемъ легкихъ. У него легкія и безъ тòго слабыя. По наслѣдству ему узкая грудь досталась. Мать въ чахоткѣ умерла. Бабушка ее поѣдомъ ѣла. Этакая хоть кого можетъ заѣсть. Сказала: «мокрыя руки!» Развѣ человѣкъ виноватъ, что у него мокрыя руки? Да, такая можетъ заѣсть хоть кого, не мудрено, что она и его мать заѣла! И онъ въ чахоткѣ умретъ. Что-жъ, пускай! Стòитъ ли и жить тщедушному, худосочному, золотушному, больному? Вотъ если бы сотни тысячъ ему имѣть, тогда было бы другое дѣло. Поѣхалъ бы онъ на Мадеру, на Принцевы острова, въ Каиръ. Тоже, говорятъ, хорошо на Лаго Маджіоре, на Баромейскихъ островахъ. Впрочемъ, съ деньгами вездѣ хорошо. Вотъ и эту дачу съ деньгами можно бы такъ отдѣлать, что и не узнать бы ее, а ужъ на что рухлядь!.. Да, рухлядь, а чтò же будетъ, когда и этой рухляди его семья лишится? Куда всѣ пойдутъ? И какъ они довели до такого положенія и себя, и свою собственность? Отецъ говоритъ: «милліоны у нихъ были». Положимъ, онъ много привираетъ, выпилъ онъ сегодня, потому и лгалъ про Севастополь, про дѣла, про бабку и про все такое. Никакихъ милліоновъ никогда не было, а все же были и деньги, и земля. Все промоталось, все прахомъ пошло. И кто началъ мотать, откуда пошло разоренье? Бабка жуировала, дѣдъ маху не давалъ, отецъ бездѣльничалъ, братъ щикарилъ. А теперь что? Продадутъ

вотъ эту дачу — и конецъ, послѣдняго не станетъ, по-міру придется идти. Только сестра Груша и не пойдетъ по-міру. Ну, да что же за радость и ея судьба? Изъ благородной мужичкой сдѣлаться! Безстыжей она стала, вотъ и все ея счастье! Онъ тоже по-міру не пойдетъ... Да, а что какъ сестры, отецъ, дѣдъ и бабка навяжутся ему на шею? Тогда что онъ запоетъ? Сестры говорятъ: «на васъ, братецъ, вся надежда». Грушѣ они не навяжутся, она отгрызется, а онъ—развѣ онъ вынесетъ, если они плакать будутъ, если они приставать къ нему будутъ?.. Его замучитъ одно сознаніе, что они, его родные, голодаютъ, гибнутъ безъ крова, ходятъ по-міру... Наконецъ у него мундиръ: мундиръ его они будутъ марать, нищенствуя... Честь мундира надо оберегать! Всю жизнь теперь его будетъ преслѣдовать, какъ кошмаръ, образъ этихъ гибнущихъ, безпомощныхъ людей... всю жизнь!.. А долга ли будетъ эта жизнь-то, съ разрушающимися легкими, съ исходящею кровью и вдавливающеюся грудью? И чего желать: того ли, чтобъ она была долга, того ли, чтобъ она пресѣклась скорѣе? Пресѣчь, впрочемъ, ее легко всегда, когда захочешь... Взялъ вотъ револьверъ и конецъ... Вотъ тутъ онъ рядомъ со свѣчой на подоконникѣ лежитъ...

Онъ началъ дремать...

Его разбудили довольно громкіе мужицкіе голоса. Сразу онъ не понялъ, гдѣ онъ и гдѣ это говорятъ. Потомъ въ полуснѣ понемногу сообразилъ: «вѣрно подъ окномъ говорятъ». Въ это окно уже проникалъ сѣроватый свѣтъ ненастнаго осенняго утра. «Безрадостный разсвѣтъ безрадостнаго дня на родинѣ меня привѣтствуетъ уныло и тамъ, гдѣ колыбель качалася моя, зіяетъ сумрачно разрытая могила», пронеслось въ его головѣ. «Что это? вспомнилось чье-нибудь чужое или свое созрѣваетъ что-то? Не разобрать. Въ головѣ точно свинецъ. А-ахъ, поспать еще». Владиміръ Петровичъ чувствовалъ себя словно разбитымъ—у него ныла спина, ломило грудь. Онъ еще разъ уныло посмотрѣлъ на безрадостный и тусклый разсвѣтъ и снова устало закрылъ глаза. Подъ окномъ продолжали громко говорить:

— Спятъ еще!.. Извѣстно, господа, чего имъ съ пѣтухами вставать... Говорилъ: «приходите поранче», а вотъ спятъ...—говорилъ одинъ голосъ.

— На сломъ какъ есть все пойдетъ... земля-то только способная, отъ насъ рукой подать, — замѣтилъ другой голосъ.

— А старики говорятъ, прежде важнѣющая постройка была,—промолвилъ третій голосъ.

— Стариковъ-то послушать, такъ прежде все хорошо было, берега кисельные, рѣки медовыя. Мы только что-то этого не видывали,—послышалось замѣчаніе.

— Было, вѣрно, да все вышло...—пошутилъ кто-то.— Смотри, смотри, бревна и тѣ пальцемъ ткни—разсыплются.

— Ш-шъ! Спитъ кто-то... въ комнатѣ-то, туто-тка у окна... Ишь, военный, должно-быть, погоны золотые... изъ себя точно мальчонка, мозглявый, безъ усовъ, безъ бороды...

При этихъ словахъ чье-то бородатое лицо заглянуло въ окно комнаты.

— Брысь ты, вотъ пужнетъ онъ тебя, такъ отъ окна-то отскочишь,—припугнулъ кто-то любопытнаго.

— Чего отскочишь?—огрызнулся любопытный мужикъ.— Домъ-отъ-то теперь почитай, что нашъ, задатокъ Петра Денисовичъ получилъ, значитъ и шабашъ. Сегодня покончимъ и ломать начнемъ.

— Куда же сами переберутся?—спросилъ кто-то.

— Ихъ дѣло, чего намъ,—послышался отвѣтъ.

«Да, куда же переберутся?—мелькнуло въ головѣ Владиміра Петровича.—Какъ совершится эта окончательная продажа дома, это переселеніе семьи? Страшно и подумать. А что̀ будетъ послѣ, послѣ? Голодъ, нищета? На меня навалятся... «На васъ, братецъ, вся надежда»... «Полюбуйтесь теперь на нихъ»,—сказала Груша... Нѣтъ, нѣтъ, лучше ужъ не видать ничего. Умереть—уснуть»...

— Ай, что это, братцы! слыхали?—раздалось пугливымъ шопотомъ восклицаніе передъ домомъ.

— Смотри, смотри, это офицеръ-то... Фью, прямо въ високъ!—раздался другой голосъ.

— Вотъ такъ штука!.. Пойдемъ, братцы, скорѣе, можетъ, живъ еще сердечный! Петра Денисыча оповѣстить надо, спитъ, вѣрно, еще! Вчера хвативши немного былъ въ Лужѣ-то на рукобитьи...

И вся толпа мужиковъ двинулась въ сѣни бирюковской дачи. Тамъ всѣ еще спали крѣпкимъ утреннимъ сномъ. Крѣпче же всѣхъ спалъ на своемъ скрипучемъ диванѣ Владиміръ Петровичъ съ простреленнымъ навылетъ вискомъ.

III.

Исторія дурака.

Онъ былъ дуракъ. Это еще не бѣда, потому что дуракамъ—счастье. Скверно то, что онъ не принадлежалъ къ числу смиренно сознающихся въ своей глупости дураковъ, а надменно воображалъ, что онъ умный. Такіе дураки не могутъ разсчитывать на счастье. Онъ и не былъ счастливъ, по крайней мѣрѣ, ему никто и никогда не завидовалъ.

Его родители начали замѣчать, что онъ глупъ, когда ему минуло семь лѣтъ. Въ это время онъ бросился однажды въ прудъ спасать брошеннаго туда кѣмъ-то щенка. Онъ едва не утонулъ самъ, перепачкалъ и перемочилъ свое новенькое платье, и послѣ долгихъ усилій съ торжествующимъ видомъ, съ щенкомъ въ рукахъ, явился домой.

— Дурракъ!—съ презрѣніемъ пробормоталъ его отецъ, выслушавъ его разсказъ о спасеніи щенка.

Его заперли на цѣлый день одного въ дѣтскую, оставили безъ обѣда, но онъ былъ настолько глупъ, что даже не раскаялся въ своемъ поступкѣ, и, когда его выпустили изъ заключенія, прежде всего спросилъ:

— Кормили ли собачку?

На будущность такого ребенка нельзя было возлагать надеждъ.

Второй поступокъ, показавшій еще яснѣе его глупость, былъ совершенъ имъ на девятомъ году жизни: онъ увидалъ, что пять мальчишекъ напали на маленькую дѣвочку и стали ее бить, отнимая у нея лакомства. Онъ вступился за дѣвочку и, засучивъ рукава, принялся за рукопашную расправу съ ея врагами. Воспользовавшись удобной минутой, дѣвочка спаслась бѣгствомъ, а ему подбили глазъ, встре-

пали волосы и разорвали воротъ у рубашки. По своей глупости онъ, вѣроятно, не предвидѣлъ такого исхода, взявъ на себя роль заступника дѣвочки передъ врагами, болѣе сильными, чѣмъ онъ. Умный человѣкъ разсчиталъ бы, насколько силенъ противникъ, и прошелъ бы мимо.

Когда онъ пришелъ домой, его отецъ только всплеснулъ руками и замѣтилъ женѣ:

— Взгляните вы на этого дурака, въ какомъ онъ видѣ!

Мать дурака чуть не упала въ обморокъ.

— Ничего, я ее-таки отстоялъ! Они тоже будутъ меня помнить!—говорилъ въ волненіи дуракъ, разсказывая свой геройскій подвигъ.

— Боже мой, что̀ изъ этого болвана выйдетъ! — приходилъ въ отчаянье отецъ.

— Это какой-то Донъ-Кишотъ! — воскликнула болѣзненная мать.

Но хуже всего было то, что этотъ дуракъ чуть не поссорилъ своихъ отца и мать съ однимъ изъ лучшихъ ихъ друзей. Этотъ другъ, не мало содѣйствовавшій имъ по залогу ихъ имѣній, имѣлъ маленькую слабость: онъ являлся слишкомъ часто̀ въ гости и иногда не во̀-время. Это не могло не раздражать иногда хозяевъ, хотя они и продолжали видѣть въ немъ своего лучшаго друга, и потому нерѣдко при его визитахъ замѣчали:

— Ахъ, опять притащился! Вѣчно придетъ не во̀-время! И вѣдь видитъ, что его не принимаютъ, а все-таки лѣзетъ! Понять не можетъ, что онъ только мѣшаетъ!

Дуракъ ежедневно слышалъ эти фразы отъ отца и матери и въ одинъ прекрасный день, когда лакей вѣжливо сказалъ другу дома, что «господа-съ уѣхали», дуракъ взглянулъ прямо въ лицо гостю и отчетливо проговорилъ:

— Папа удивляется, зачѣмъ вы лѣзете къ намъ, когда васъ не принимаютъ. Ужъ если всегда говорятъ, что нѣтъ дома, такъ и перестали бы ходить!

Но этого мало.

Возвратившись въ комнату, дуракъ на вопросъ отца: «уѣхалъ ли гость?» торжественнымъ тономъ заявилъ:

— Онъ ужъ теперь не полѣзетъ надоѣдать! Я ему сказалъ, что стыдно ѣздить туда, гдѣ не принимаютъ!

Отецъ вскочилъ, какъ ужаленный, и схватилъ сына за плечо.

— Ты... ты это сказалъ ему... въ глаза?—крикнулъ онъ, тряся мальчика.

— Да, ужъ теперь не пріѣдетъ!—отвѣтилъ дуракъ, по-

видимому, изумившись, что отецъ такъ больно трясетъ его за плечо.

— Боже, это весь уѣздъ, вся губернія узнаетъ!—воскликнула мать, хватаясь за голову.

Дуракъ не понималъ ни своей вины, ни положенія своихъ родителей. А имъ нужно было въ скоромъ времени перезаложить черезъ своего друга еще одно имѣніе.

— Уберите его, уберите съ глазъ моихъ долой, не то я не знаю, что̀ я съ нимъ сдѣлаю!—кричалъ отецъ, отбрасывая отъ себя дурака.

Дѣйствительно, его нужно было убрать съ глазъ долой, чтобы онъ не надрывалъ сердца родителей. Его отправили куда-то далеко-далеко въ училище на полный пансіонъ.

Съ перваго раза онъ произвелъ на всѣхъ—на гувернеровъ, на учителей и на товарищей—отличное впечатлѣніе. Выросшій въ деревнѣ, жившій больше въ лѣсу, чѣмъ въ комнатѣ, недоступный по своей глупости угрызеніямъ совѣсти за свои поступки, онъ смотрѣлъ бодрымъ, румянымъ, сильнымъ и здоровымъ мальчуганомъ. Съ перваго раза всѣ нашли даже, что у него живые и бойкіе синіе глаза, что у него откровенное и доброе выраженіе лица, что онъ не глупо и точно отвѣчаетъ на вопросы, но, къ сожалѣнію, разочарованіе настало скоро.

Какъ всѣ тупоумные дураки, онъ началъ досаждать своимъ гувернерамъ и учителямъ своими «это отчего?» «почему это такъ, а не этакъ?» «что это такое?» «какъ это дѣлается?» Недостатокъ ума и сообразительности сказался тотчасъ же.

Русскій учитель диктовалъ классу стихотвореніе:

«Птичка Божія не знаетъ
Ни заботы, ни труда,
Хлопотливо не свиваетъ
Долговѣчнаго гнѣзда.»

— Это онъ вретъ,—вдругъ выпалилъ дуракъ.—У насъ въ деревнѣ птицы всегда вили гнѣзда, такъ, бывало, хлопочутъ, хлопочутъ, даже драку поднимутъ...

— Извольте молчать, когда вамъ диктуютъ! — крикнулъ учитель.—Туда же свои дурацкія замѣчанія дѣлаетъ!

Другой разъ вышла еще глупѣе исторія. Въ классѣ читали стихи, вдругъ дуракъ обращается къ учителю и спрашиваетъ:

— Петръ Ивановичъ, что̀ значитъ: «бразды пушистыя вздымая?»

— Если вы ничего не понимаете, такъ хоть умѣйте языкъ держать за зубами,—отвѣтилъ учитель.

У законоучителя дуракъ спрашиваетъ:

— А какъ чудеса дѣлаются? А какое яблоко дала Ева Адаму? А можно ли теперь яблоки ѣсть? А какъ змѣя ходила, прежде чѣмъ ей на брюхѣ ползать велѣно? А отчего мы не по-русски молитвы читаемъ? А отчего священники не стригутъ волосъ?

— Дуракъ, потому и глупые вопросы предлагаешь! А ты учись, да не спрашивай! А то дуракъ, такъ дуракъ и есть,— отвѣчалъ законоучитель, видя не только глупость, но и назойливость ученика, мѣшавшаго правильному теченію преподаванія.

Впрочемъ, яснѣе всего высказалась его глупость во время урока ариѳметики: классъ рѣшалъ устно задачи. Учитель прочелъ слѣдующую задачу:

— Пятерымъ мальчикамъ дали по четыре яблока; одинъ изъ нихъ отнялъ у одного всѣ яблоки, у другого три, у третьяго два и у четвертаго одно; сколько стало у него яблоковъ?

— А они и не поколотили его за это?—вдругъ спросилъ дуракъ.

Классъ разразился смѣхомъ, но учитель вышелъ изъ себя за это полное невниманіе ученика къ предмету занятій. Учитель только послѣ убѣдился, что подобныя выходки мальчугана происходили не отъ невниманія, а просто отъ крайней его глупости.

Правда, ученики долго оставались въ дружескихъ отношеніяхъ съ дуракомъ, но это именно и происходило оттого, что они вполнѣ поняли его глупость и потѣшались надъ нимъ.

Какъ-то изъ дому прислали ему гостинцевъ и денегъ; одинъ мальчуганъ, всѣми загнанный, всегда смиренный, всегда робкій, всегда заискивающій, началъ ему говорить:

— Вотъ ты счастливецъ, тебѣ все присылаютъ! Нѣтъ, мнѣ не пришлютъ: я сирота, и здѣсь-то изъ милости держатъ.

— Такъ ты и бери у меня, что̀ тебѣ надо! — отвѣтилъ дуракъ.

Тотъ все и взялъ, и вечеромъ смѣялся, угощая своихъ товарищей, надъ тѣмъ, какъ онъ «Лазаря спѣлъ», и какъ дуракъ развѣсилъ уши. Но дуракъ, видя, какъ весело

смѣется бѣдный сирота въ кругу своихъ пріятелей, былъ совершенно доволенъ.

«Вонъ какой пиръ устроилъ, — разсуждалъ онъ: — а съѣлъ бы я одинъ все—и веселья не было бы».

Другіе товарищи обращались всегда къ нему, когда имъ была нужна защита, такъ какъ онъ былъ силенъ, и обыкновенно синяки, долженствовавшіе украшать ихъ, являлись на немъ за его геройство, но чаще всего его избирали депутатомъ, когда весь классъ отказывался отвѣчать трудный урокъ, когда въ щахъ появлялись тараканы, и нужно было поднять бунтъ противъ эконома, когда, наконецъ, нужно было пожаловаться директору на несправедливо поставленные какимъ-нибудь учителемъ баллы. Дуракъ брался смѣло и горячо за всѣ подобныя дѣла, отсиживалъ въ карцерѣ, выдерживалъ порки—и не раскаивался, а даже гордился по своей глупости своимъ заступничествомъ за товарищество.

— Если бы въ васъ была хоть капелька здраваго смысла, то вы бы поняли, куда ведетъ васъ ваше поведеніе,—говорилъ однажды директоръ стоявшему передъ нимъ дураку, уже насчитывавшему семнадцать лѣтъ жизни. — Васъ въ концѣ концовъ могутъ исключить изъ училища!

— Я, кажется, никогда не сдѣлалъ никакой подлости,— отвѣтилъ дуракъ.

— Съ вами говорить нельзя, потому что вы не понимаете, что̀ вамъ говорятъ! Вы не подлости дѣлаете, но вы ведете себя возмутительно глупо, пошло, героя какого-то разыгрываете, впутываетесь не въ свои дѣла.

— Я стою за товарищество,—отвѣтилъ дуракъ.

— Здѣсь нѣтъ-съ товарищества, здѣсь есть ученики и начальство, и первые должны исполнять требованія второго! Вотъ и все! Помните это, да кстати помните и то, что вы вылетите отсюда за первую новую продѣлку.

И вѣдь вылетѣлъ—не внялъ умнымъ совѣтамъ и вылетѣлъ. И еще за что же?

Какъ-то вечеромъ въ воскресный день онъ гулялъ по городскому бульвару и вдругъ услышалъ слабые женскіе крики:

— Ахъ, оставьте меня! Ахъ, что же вы ко мнѣ пристаете! Какъ вамъ не стыдно? Я совсѣмъ не такая, и даже напротивъ!—пищалъ женскій голосъ.

Этого было довольно, чтобы дуракъ бросился на помощь: впотьмахъ онъ увидалъ мужчину, старающагося обнять защищавшуюся отъ него дѣвушку. Дуракъ налетѣлъ на муж-

чину, не поглядѣлъ даже, съ кѣмъ онъ имѣетъ дѣло, толкнулъ его кулакомъ въ грудь и сшибъ съ ногъ. Но противникъ успѣлъ вцѣпиться въ него, и произошла свалка, привлекшая вниманіе прохожихъ. Когда борцовъ розняли,— они увидали, что они знакомые: избитый ловеласъ былъ гувернеръ дурака. Этотъ скандалъ дорого обошелся обоимъ: гувернеръ потерялъ мѣсто, а дуракъ получилъ отпускную изъ учебнаго заведенія и могъ теперь возвратиться на отдыхъ въ домъ своего отца. Такимъ образомъ, онъ сдѣлалъ несчастнымъ своего гувернера, повредилъ себѣ и помѣшалъ дѣвушкѣ завести интрижку.

— Дуракъ этакій, — говорила она. — Оскандалилъ меня попусту, а ужъ тотъ совсѣмъ готовъ былъ за мною идти...

Дуракъ лишилъ ее вечерняго заработка, потому что она только тѣмъ и жила, что̀ перепадало ей отъ заигрывающихъ съ дѣвушками господъ.

Къ счастію отца и матери дурака, они были избавлены судьбою отъ новаго горя: они уже лежали въ могилѣ, когда выгнали изъ училища ихъ сына, и блудный сынъ засталъ въ своемъ деревенскомъ домѣ только своего старшаго брата съ семьею и своихъ старшихъ сестеръ-дѣвицъ. Онъ поселился здѣсь, такъ какъ въ имѣніи была и его доля. Его обманчивая наружность заставила семью ошибиться на его счетъ, и родные приняли его радушно, видя въ немъ откровеннаго, простого и веселаго, добраго малаго. Сестры даже сразу сдѣлали его повѣреннымъ своихъ тайнъ, а молоденькая жена его брата какъ-то особенно нѣжно пожала его руку. Братъ оказался менѣе нѣжнымъ, но и онъ сказалъ ему довольно привѣтливо:

— Ну, вотъ вмѣстѣ хозяйничать будемъ! Все же поможешь, а то одному трудно...

Но разочарованіе настало быстро.

— Вы чѣмъ же здѣсь занимаетесь?—спрашивалъ пріѣзжій у сестеръ.

— Ахъ, скука такая, никто почти не ѣздитъ къ намъ, самихъ никуда не вывозятъ, братъ все съ мужиками возится,—тараторили сестры.

— Да дѣлаете-то вы что?—спрашивалъ пріѣзжій.

— Что-жъ намъ дѣлать? Отъ скуки музыкой вотъ занимаемся, вышиваемъ, читаемъ...

— Немного же у васъ дѣла.

— Что-жъ, намъ полы, что ли, мыть?—обидѣлись сестры.

— Да мало ли дѣла есть; нашли бы, если бы захотѣли...

Учились бы чему-нибудь, ребятишекъ учили бы, подготовились бы къ какой-нибудь дѣятельности, хоть бы бабничать научились...

— Ахъ, ты совсѣмъ мужикъ!.. Бабничать! Вотъ-то выраженія у тебя! Бабничать!..

Вечеромъ барышни играли на фортепьяно.

— Да вы и играть-то не умѣете, — замѣтилъ братъ. — Допотопные романсы какіе-то бренчите...

Барышни надулись.

— Я вѣдь вамъ говорила, что вы небрежно относитесь къ музыкѣ,—замѣтила жена ихъ старшаго брата.—Музыка требуетъ серьезнаго отношенія, ей нужно отдаться душою или лучше вовсе не играть...

— Да, это правда,—замѣтилъ пріѣзжій.—Такъ-то играть только время терять: ни себѣ, ни людямъ удовольствія нѣтъ.

— Это ты потому такъ говоришь, что сама не умѣешь играть,—накинулись барышни на жену брата.

— Да, не умѣю и не стану бренчать, какъ вы, не чувствуя въ себѣ призванія къ музыкѣ,—отвѣтила она.

— И потому и завидуешь другимъ, кто играетъ,—горячились дѣвушки.

— Только не вамъ. Я завидую тѣмъ, у кого есть способности, потому что человѣку позволительно сожалѣть о томъ, что у него нѣтъ тѣхъ или другихъ способностей. Хуже, когда человѣкъ вполнѣ доволенъ собою и не видитъ, чего ему недостаетъ...

Хозяйка встала и предложила брату своего мужа прогуляться по саду.

Они пошли.

— Ахъ, ты не можешь себѣ представить, какъ мнѣ тяжело здѣсь жить,—говорила она ему, взявъ его подъ руку.— Ты видишь, какъ пусты и какъ капризны твои сестры; твой братъ вѣчно возится и ссорится съ мужиками, стараясь утянуть лишній грошъ; мнѣ не съ кѣмъ поговорить, не съ кѣмъ посовѣтоваться... Я такъ рада твоему пріѣзду: ты свѣжій, живой человѣкъ... Я надѣюсь, что ты будешь моимъ другомъ...

— Я всегда готовъ тебѣ помочь, какъ сумѣю, — отвѣтилъ дуракъ, гордясь уже въ душѣ, что его избираютъ другомъ и совѣтникомъ.

Жена его брата крѣпко пожала ему руку. Они дошли до берега рѣки и присѣли на скамью.

— Это мое любимое мѣсто,—сказала она.—Сюда я часто

ухожу отъ домашнихъ сценъ и дрязгъ, и при видѣ этой широкой дали, при видѣ этой рѣки, уносящей куда-то свои волны, мнѣ хочется бѣжать и бѣжать отсюда, отъ этой узкой животной жизни, отъ этихъ эгоистическихъ расчетовъ и окунуться съ головой въ водоворотъ полезной общественной дѣятельности...

— За какую же дѣятельность хочешь ты взяться?—спросилъ серьезно дуракъ.

— Развѣ я знаю!—воскликнула она. — Мнѣ еще нужны указанія, совѣты, подготовка... Ты, милый мой, подумаешь когда-нибудь со мною объ этомъ? Да? поговоримъ, поищемъ вмѣстѣ, авось до чего-нибудь и додумаемся! Я въ тебя вѣрю. Ты выглядишь такимъ энергичнымъ, сильнымъ...

Она припала къ его плечу.

— Мнѣ такъ хорошо съ тобою,—прошептала она.—Зачѣмъ я не знала тебя прежде, я никогда не вышла бы замужъ за твоего брата.

— Ты его не любишь?—спросилъ дуракъ.

— Нѣтъ... теперь не люблю...

— А прежде?

— Прежде я была дѣвочкой, меня обманула его наружность... Но теперь, когда я увидала тебя, я перестала его любить...

Она обняла дурака.

— Полно, — тихо проговорилъ онъ, слабо отстраняя ее.—Поговоримъ серьезно о твоихъ планахъ.

— Нѣтъ, нѣтъ, я не хочу теперь ни о чемъ говорить, я хочу любоваться тобою,—горячо воскликнула она.

— Ну, если мы амурами будемъ заниматься, такъ пользы изъ этого выйдетъ мало, и твоя жизнь сдѣлается отъ этого еще хуже.

— Что̀ мнѣ за дѣло, если я полюбила тебя!

— Ты вспомни, что я съ братомъ въ хорошихъ отношеніяхъ и обманывать его не желаю, да и серьезнаго изъ нашей любви не можетъ ничего выйти, потому что я передъ тобою еще совсѣмъ мальчишка...

— Что-жъ, ты меня старухой, что ли, считаешь? — нѣсколько раздражительно замѣтила жена его брата.

— Нисколько... Но все же мы не пара, и было бы подло съ моей стороны, если бы я сталъ увѣрять тебя, что я могу серьезно любить тебя; играть же въ любовь съ замужней женщиной и притомъ съ женой брата—это ужъ чортъ знаетъ что такое...

Она надулась.

— Ну, такъ что же ты придумала насчетъ своего будущаго?—спросилъ дуракъ.

— Ахъ, отстань, пожалуйста!—сердито проговорила молодая женщина.—Очень тебя интересуетъ мое будущее!

— Отчего же нѣтъ? Ты сама же сказала, что ты видишь во мнѣ теплыя отношенія къ людямъ...

— Да, только не ко мнѣ!.. Сперва разнѣжничался, влѣзъ въ душу, вскружилъ мнѣ голову, а потомъ, когда я увлеклась,—прочелъ мнѣ грубую нотацію... Рудинъ!..

Въ ея голосѣ слышались слезы.

— Я увлекалъ тебя?—воскликнулъ ничего не понимавшій дуракъ.

— Да, да... Развѣ я не видѣла, какіе взгляды ты на меня бросалъ, какъ крѣпко ты пожималъ мнѣ руку, какъ становился на мою сторону въ спорахъ съ сестрами. Я живу въ деревнѣ, меня обмануть легко... Я, конечно, ничего не скажу своему мужу, но ты оскорбилъ меня, ты сдѣлалъ меня несчастною...

Она уже рыдала.

Дуракъ только пожалъ плечами, не попросилъ извиненія, не поцѣловалъ ея руки, не расцѣловалъ ея заплаканныхъ глазъ.

— Я вижу, что ты совсѣмъ съ ума сошла,—грубо проговорилъ онъ и, поднявшись съ мѣста, ушелъ.

Черезъ минуту она подняла голову, осмотрѣлась и, увидавъ, что ея спутника уже нѣтъ, воскликнула съ полнымъ презрѣніемъ:

— Господи, вотъ-то дуракъ!

Съ этого времени все женское населеніе дома вооружилось противъ дурака и стало относиться къ нему съ полнѣйшимъ презрѣніемъ и ядовитою ироніею. Когда онъ входилъ въ комнату, молодыя женщины начинали хихикать. Но дуракъ не обращалъ никакого вниманія на выходки женщинъ и смотрѣлъ на нихъ, какъ на надоѣдливыхъ мухъ. Впрочемъ, бо́льшую часть дня онъ проводилъ внѣ дома: онъ или читалъ книги, лежа гдѣ-нибудь въ лѣсу, или занимался съ мужиками разными толками, находя, должно-быть, болѣе подходящимъ для себя общество неотесанныхъ лапотниковъ, чѣмъ общество образованныхъ людей. Онъ даже учился у мужиковъ разнымъ занятіямъ, пробовалъ подковывать лошадей, принимался косить, помогалъ въ починкѣ изломаннаго моста.

— Гдѣ ты по цѣлымъ днямъ пропадаешь?—сердился на него братъ.—Не худо бы мнѣ по хозяйству помочь, да поучиться, какъ надо хозяйничать.

— Ну, братъ, у тебя многому не научишься,—отвѣтилъ дуракъ.—Такъ-то хозяйничать, какъ ты, и Держиморда сумѣлъ бы.

— Какой Держиморда?—спросилъ братъ.

— А тотъ, что скулы мужикамъ сворачивалъ,—отвѣтилъ дуракъ, вѣроятно убѣжденный, что онъ сказалъ остроумную фразу.

Братъ очень разсердился.

— Такъ я Держиморда! Такъ я только скулы умѣю сворачивать!—кричалъ онъ.—Ну, такъ знай же, что я не намѣренъ ихъ сворачивать для такого дармоѣда, какъ ты. Отдѣляйся отъ меня и хозяйничай самъ, какъ знаешь! Отецъ раздѣлилъ насъ еще при жизни, онъ оставилъ тебѣ «Березовку»—и я, какъ ты знаешь, занимался въ ней хозяйствомъ только для твоей же пользы. Проси себѣ другого попечителя и убирайся изъ моего дома.

Дуракъ очень обрадовался. Теперь онъ могъ дурить, сколько его душѣ угодно. Попечителю, взятому съ вѣтра, что̀ за дѣло до его глупостей! Рѣшился дуракъ хозяйствомъ не заниматься, а сдать землю въ аренду мужикамъ на то время, покуда онъ будетъ учиться. Ну и, конечно, продешевилъ по глупости: гдѣ бы можно взять тысячи, а онъ взялъ только какихъ-нибудь пятьсотъ рублей съ мужиковъ. Умные люди не могли не замѣтить ему, что онъ отдаетъ землю слишкомъ дешево, а онъ только одно и отвѣчаетъ:

— Съ меня довольно!

Послѣ ужъ сосѣди замѣчали его старшему брату, показывая на голову:

— Вашъ братъ, кажется, немного того!

— Да просто дуракъ, совсѣмъ дуракъ!—отвѣчалъ братъ, пожимая плечами.

А дуракъ и не тужитъ, очень доволенъ своею сдѣлкой и не замѣчаетъ, что его мужики надули.

Поѣхалъ онъ въ столицу приготовляться къ экзамену, и узналъ братъ, что дуракъ не въ университетъ, не въ академію поступилъ, а въ технологи пошелъ—лучшаго ничего выбрать не могъ, точно кузнецомъ думалъ сдѣлаться.

Долго о немъ не было ни слуху, ни духу, какъ вдругъ узнаетъ братъ, что дуракъ въ свою «Березовку» пріѣхалъ и хочетъ продавать ее. Поспѣшилъ братъ къ нему, не желая,

чтобы «Березовка» попала въ чужія руки. Пріѣзжаетъ — дурака и узнать нельзя: возмужалъ, загорѣлъ, бородой обросъ—мужикъ-мужикомъ смотритъ.

— Я слышалъ, что ты «Березовку» продавать хочешь,— сказалъ братъ.

— Да, продаю,—отвѣтилъ дуракъ.

— Какъ же ты мнѣ не написалъ объ этомъ, я бы охотно купилъ ее.

— Да у меня ужъ есть покупатели.

— Кто это?

— Мои арендаторы берутъ.

— Опять надуютъ тебя, грошъ дадутъ.

— Дадутъ, сколько мнѣ нужно...

— Да развѣ можно продавать имѣнія за столько, сколько нужно? Нужно брать столько, сколько они стоятъ.

— Ну, а я возьму столько, сколько мнѣ нужно,—отвѣтилъ дуракъ.

— Что-жъ ты дурака передъ ними хочешь разыграть или облагодѣтельствовать ихъ желаешь?—засмѣялся съ досадой братъ.

— А ужъ это мое дѣло, ради чего я такъ поступаю,— отвѣтилъ спокойно дуракъ, котораго по обыкновенію ничто не пронимало.

Толковалъ-толковалъ съ нимъ братъ и плюнулъ.

— Ты не просто дуракъ, а идіотъ, въ сумасшедшій бы домъ тебя надо упрятать или подъ опеку бы отдать,—сказалъ онъ.

— Что-жъ, попробуй, — усмѣхнулся дуракъ, словно поддразнивая брата.

Братъ уѣхалъ.

Продалъ дуракъ за-ничто свое имѣніе мужикамъ и поѣхалъ служить на какой-то заводъ, тогда какъ могъ бы жить себѣ бариномъ безъ всякой работы и заботы. Да, наконецъ, если ужъ очень хотѣлось благодѣтеля разыгрывать,—ну, далъ бы приданое сестрамъ, племянниковъ своихъ, дѣтей брата, наградилъ бы, а то такъ совсѣмъ чужимъ за-ничто отдалъ землю, а тѣ ему, можетъ-быть, и спасибо-то не сказали, хотя они и по сю пору самыми богатыми мужиками въ губерніи послѣ его подарка слывутъ. Впрочемъ, ему ужъ, видно, такъ на роду было написано дѣлать весь вѣкъ глупости и умереть отъ глупости.

Дѣло въ томъ, что около завода, гдѣ онъ служилъ, не было школы. Конечно, дуракъ сейчасъ явился на помощь.

Деньги-то, полученныя за имѣнія, были еще въ карманѣ, ну, значитъ, и надо было ихъ куда-нибудь бросить: сейчасъ онъ началъ хлопотать объ устройствѣ школы около завода. Пошла у него работа, выстроилась школа, открыли ее, начались въ ней занятія—дуракъ въ восторгѣ: онъ, молъ, народному образованію споспѣшествуетъ, а того не понимаетъ, что у него ради этого споспѣшествованія на черный день гроша не осталось, и придется теперь ему весь свой вѣкъ жить трудомъ, какъ какому-нибудь простому мужику. Мало того: сталъ онъ возиться съ этой школой, на которую всѣ свои послѣднія деньжонки ухлопалъ, какъ съ сырымъ яйцомъ, точно тамъ его родныя дѣти воспитывались, и особенно привязался онъ къ одному мальчугану. Ничего въ этомъ мальчуганѣ и особеннаго не было, такъ себѣ чумазый мужицкій мальчишка, только одинъ дуракъ и могъ провидѣть въ немъ какія-то особенныя способности да таланты.

— Это нашъ будущій техникъ,—говорилъ онъ про мальчишку, видя, что тотъ разныя машины строитъ.

Этотъ техникъ и стоилъ ему жизни.

Захворалъ однажды техникъ, а въ это время и случись въ деревнѣ, въ которой заводъ находился, пожаръ. Всѣ бросились тушить огонь, и дуракъ въ томъ числѣ. Прибѣжалъ онъ на пожаръ, видитъ, что горитъ изба, гдѣ жилъ его любимецъ.

— Гдѣ Ваня?—крикнулъ онъ.

— Ай, батюшки, въ избѣ остался!—завыла какая-то баба.

Дуракъ стремглавъ бросился къ горящей избѣ.

— Стойте, стойте!—кричали ему.—Теперь ужъ не спасти! Онъ уже задохся, вѣрно!

Но дуракъ ничего не слушалъ. Приказалъ онъ себя облить водою, смочилъ въ какомъ-то ведрѣ свой плэдъ и бросился въ огонь. Всѣ такъ и замерли,—ждутъ, что-то будетъ. Прошло какихъ-нибудь двѣ-три минуты, какъ онъ снова показался среди огня, держа въ рукахъ что-то закутанное въ плэдъ.

— Берите ребенка!—крикнулъ онъ и самъ свалился на землю.

Сбѣжался къ нему народъ, развернули плэдъ, глядятъ: техникъ ничего—живъ; стали тогда помогать самому дураку, а онъ лежитъ безъ чувствъ и кровь изъ головы льетъ, зашибло его въ избѣ какой-то головней, должно-быть, и какъ только хватило у него силы выбѣжать изъ избы — никто и понять не могъ.

Такъ черезъ два дня онъ и умеръ.

Хоронили его, конечно, съ почетомъ, потому что все-таки человѣческую душу спасъ. Но вѣдь мальчишку-то онъ спасъ, а себя-то убилъ, да и не могъ не убить, потому что всѣ и тому-то дивились, что онъ не погибъ въ избѣ и съ мальчикомъ. Конечно, каждый добрый человѣкъ радъ спасти ближняго, но только дуракъ способенъ идти на спасеніе ближняго тогда, когда и надежды почти нѣтъ спасти, когда только себя можно погубить этимъ самымъ желаніемъ-то спасти другого. Впрочемъ, надо сознаться, никто не называлъ его дуракомъ за этотъ послѣдній его поступокъ, такъ какъ кто же рѣшится бранить покойника, сдѣлавшаго хотя и глупый, но все же подвигъ. Только одна какая-то баба, родственница спасеннаго техника, плача надъ покойникомъ, сказала о немъ мѣткое слово:

— Умеръ ты нашъ, блаженненькій, умеръ!—причитала она, цѣлуя покойника.

— Да, вѣдь онъ и точно былъ у насъ немного того... блаженный,—сказалъ директоръ завода, возвращаясь съ похоронъ дурака.

Оглавленіе

III ТОМА.

СТР.

Жизнь Шупова, его родныхъ и знакомыхъ.
Автобіографія въ двухъ частяхъ.

Часть первая.

I. Семейныя преданія и смутныя воспоминанія дѣтства . 5
II. Я знакомлюсь съ нашей прислугой и знакомлю съ ней читателя 18
III. Въ деревнѣ лѣтомъ рай, если люди похожи на ангеловъ. 31
IV. Чиновникъ Люлюшинъ, его жена и дѣти 43
V. Продолженіе предыдущей главы 58
VI. Продолженіе предыдущей главы 68
VII. Въ ней читатель познакомится съ моей тетушкой. . . 82
VIII. Читатель услышитъ про бунтующаго гимназиста . . . 93
IX. Полная совершенно неожиданныхъ событій 103
X. Странности новыхъ знакомыхъ и жизнь въ родительскомъ домѣ 111
XI. Сестра начинаетъ жить самостоятельно. 122
XII. Развязка, которою никакъ не можетъ кончиться романъ. 132
XIII. Заключеніе первой части. 139

Часть вторая.

I. Я не выдерживаю экзамена. 146
II. О томъ, какъ легко втянуться въ новую жизнь 151
III. Воспоминанія сквозь сонъ 160
IV. Товарищескіе кружки и Хохряковъ 171
V. Продолженіе предыдущей 181
VI. Я напиваюсь пьянымъ. 192
VII. Я встрѣчаюсь съ обществомъ и дѣйствительною жизнью. 198
VIII. Шуповы не изъ Шуповки. 209
IX. Расплата за прошлое 217
X. Передъ лицомъ родныхъ. 226
XI. «Съ новымъ годомъ—съ новымъ счастьемъ»! 234
XII. Въ квартирѣ Люлюшиныхъ 239
XIII. Продолженіе предыдущей. 249
XIV. Совершеннолѣтіе. 260
XV. Затишье. 267
XVI. Гроза 273
XVII. Заключеніе. 283

Надъ обрывомъ. Романъ 293

Разсказы:

I. Съ квартиры на квартиру. 489
II. Конецъ бирюковской дачи 544
III. Исторія дурака 567

BINDING SECT. NOV 17 1969

PG
3470
S486
1904
t.3

Sheller, Aleksandr Konstantinovich
Polnoe sobranie sochineniĭ

PLEASE DO NOT REMOVE
CARDS OR SLIPS FROM THIS POCKET

UNIVERSITY OF TORONTO LIBRARY